

ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ БУДХАУЗ

Annotation

В этой книге — новые идиллии П.Г. Вудхауза, а следовательно — новые персонажи.

- [Пэлем Грэнвил Вудхауз](#)
 - [Джентльмен без определенных занятий](#)
 -
 - [Глава I ДЖИММИ ЗАКЛЮЧАЕТ ПАРИ](#)
 - [Глава II ПИРАМ И ТИСБА](#)
 - [Глава III МИСТЕР МАКИКЕРН](#)
 - [Глава IV МОЛЛИ](#)
 - [Глава V ТАТЬ В НОЩИ](#)
 - [Глава VI НАГЛЯДНЫЙ УРОК](#)
 - [Глава VII ЗНАКОМСТВО](#)
 - [Глава VIII В ЗАМКЕ ДРИВЕР](#)
 - [Глава IX ДРУЗЬЯ НОВЫЕ И СТАРЫЕ](#)
 - [Глава X ДЖИММИ ПОДБИРАЕТ НА УЛИЦЕ ХРОМУЮ СОБАЧКУ](#)
 - [Глава XI ПОВОРОТ](#)
 - [Глава XII ЛИХА БЕДА НАЧАЛО](#)
 - [Глава XIII С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ШТЫРЯ](#)
 - [Глава XIV ШАХ И ОТВЕТНЫЙ ХОД](#)
 - [Глава XV МИСТЕР МАКИКЕРН НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ](#)
 - [Глава XVI СВАТОВСТВО СЛАДИЛОСЬ](#)
 - [Глава XVII ДЖИММИ КОЕ-ЧТО ВСПОМНИЛ](#)
 - [Глава XVIII МЕТОД ЛОХИНВАРА](#)
 - [Глава XIX НА ОЗЕРЕ](#)
 - [Глава XX УРОК ИГРЫ В ПИКЕТ](#)
 - [Глава XXI ГНУСНЫЕ ДАРЫ](#)
 - [Глава XXII КОЛЛЕГИ ПО РЕМЕСЛУ РАСХОДЯТСЯ ВО МНЕНИЯХ](#)
 - [Глава XXIII СЕМЕЙНЫЕ НЕУРЯДИЦЫ](#)
 - [Глава XXIV ОХОТНИК ЗА СОКРОВИЩАМИ](#)
 - [Глава XXV ОБЪЯСНЕНИЯ](#)
 - [Глава XXVI БЕСПОКОЙНЫЕ ВРЕМЕНА ДЛЯ СЭРА](#)

ТОМАСА

- Глава XXVII ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ
- Глава XXVIII У СПЕННИ НАСТУПАЕТ МИГ ПРОСВЕТЛЕНИЯ
- Глава XXIX ПОСЛЕДНИЙ РАУНД
- Глава XXX ЗАКЛЮЧЕНИЕ

○ За семьдесят

-
- I
- II
- III
- IV
- V
- VI
- VII
- VIII
- IX
- X
- XI
- XII
- XIII
- XIV
- XV
- XVI
- XVII
- XVIII
- XIX
- XX

○ Вильгельм Телль на новый лад

-
-
- ГЛАВА I
- ГЛАВА II
- ГЛАВА III
- ГЛАВА IV
- ГЛАВА V
- ГЛАВА VI
- ГЛАВА VII
- ГЛАВА VIII

- [ГЛАВА IX](#)
- [ГЛАВА X](#)
- [ГЛАВА XI](#)
- [ГЛАВА XII](#)
- [ГЛАВА XIII](#)
- [ГЛАВА XIV](#)
- [ГЛАВА XV](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [Рассказы](#)
 -
 - [ОПЕРЕЖАЯ ГРАФИК](#)
 - [СМЕШАННАЯ ТРОЙКА](#)
 - [РАЗЛУЧЕННЫЕ СЕРДЦА](#)
 - [ДЛИННАЯ ЛУНКА](#)
 - [АХИЛЛЕСОВА ПЯТА](#)
 - [МУЖСКОЙ ХАРАКТЕР](#)
 - [КАК НАЧИНАЛСЯ ГОУФ](#)
 - [ЧЕСТЕР СРЫВАЕТ МАСКУ](#)
- [Примечания](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)

- [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
-

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 17. Джимми Питт и другие

Джентльмен без определенных занятий

Перевод с английского М. Лахути

Глава I ДЖИММИ ЗАКЛЮЧАЕТ ПАРИ

Главная курительная комната клуба «Ваганты» уже полчаса как начала наполняться народом и сейчас была почти полна. «Ваганты» — может, и не самый роскошный, но во многих отношениях самый приятный клуб в Нью-Йорке. Его девиз — комфорт без помпезности, и после одиннадцати вечера его занимают главным образом люди сцены. Все здесь молоды, гладко выбриты и увлечены беседой, а беседуют они на чисто профессиональные темы.

В тот июльский вечер все собравшиеся пришли сюда из театра. Большинство их составляли актеры, но было и несколько театралов, только что с премьеры последней новинки, из серии «переплюнуть Раффлза».^[1] В том сезоне в большой моде были пьесы, чьи герои восхищают публику, пока находятся по ту сторону рамп, но становятся куда менее симпатичными, если встретишься с ними в реальной жизни. Вот и сегодня на премьере Артур Мифлин, в жизни — образцовый молодой человек, заслужил бурные аплодисменты, совершив ряд действий, за которые, будь они проделаны за пределами театра, его бы немедленно исключили как из клуба «Ваганты», так и из любого другого клуба. Одетый в безупречный вечерний костюм, он с приятной улыбкой на лице взломал сейф, украл ценные бумаги и драгоценности на крупную сумму и вслед за тем, нимало не смущаясь, удрал через окошко. В течение четырех актов он водил за нос полицейского сыщика и остановил целую толпу преследователей, угрожая им револьвером. Публика все это целиком и полностью поддерживала.

— Да, это настоящий успех, — заметил кто-то в клубах дыма.

— Эти пьески в духе «Раффлза» всегда имеют успех, — проворчал Уиллетт, игравший грубоватых папаш в музыкальной комедии. — Несколько лет назад никто бы не решился вывести на подмостки героя-жулика. А теперь, похоже, публика ничего другого и не желает. Хотя они сами не знают, что им надо, — закончил он уныло.

Возможно, Уиллетт был не совсем объективен — пьеса «Красотка из Булони», в которой он исполнял роль Сайруса К. Хиггса, чикагского миллионера, помаленьку сходила со сцены на скудной диете газетных рецензий.

— Я на премьере видел Джимми Питта, — сказал Рейке. Все живо заинтересовались.

— Джимми Питт? Когда он вернулся? Я думал, он в Италии.

— Должно быть, приехал на «Лузитании». Она вошла в порт сегодня утром.

— Джимми Питт? — переспросил Саттон из театра «Мажестик». — Надолго он уезжал? В прошлый раз я видел его на премьере «Аутсайдера». Это было месяца два назад.

— По-моему, он путешествовал по Европе, — ответил Рейке. — Бывает же везение! Я бы тоже не прочь.

Саттон стряхнул пепел с сигары.

— Завидую я Джимми, — сказал он. — Ни с кем другим не хотел бы поменяться местами, а с ним хотел бы. Человеку просто не положено иметь столько денег, разве только профессиональному олигарху. При этом здоров, как бык. В жизни ничем не болел страшнее кори. Ни единого родственника. Да еще и не женат.

Саттон, трижды женатый, произнес последние слова с особым чувством.

— Хороший он малый, Джимми, — высказался Рейке.

— Да, — сказал Артур Мифлин. — Да, Джимми хороший малый. Я его сто лет знаю. Вместе учились в колледже. Интеллектом он не блещет — не то, что я. Но малый душевный. Во-первых, он столько народу в свое время вытаскивал из глубокой финансовой ямы — больше, чем половина населения Нью-Йорка.

— Ну и что? — буркнул Уиллетт, которого вогнали в меланхолию невзгоды булонской красоты. — Легко играть в благотворительность, когда сам без пяти минут миллионер.

— Да, — с жаром возразил Мифлин, — но не очень-то легко, если сам вкалываешь в газете за тридцать долларов в неделю. Когда Джимми был репортером в отделе новостей, целая толпа кормилась за его счет. Причем постоянно, заметь, — не то, чтобы одолжить при случае доллар-другой. Спали на его диване, а утром садились к столу завтракать. Я просто из себя выходил. Все спрашивал, как он это терпит. А он говорит — им больше некуда идти. Он, мол, в состоянии их поддержать — и правда, как-то ухитрялся, хоть я до сих пор не понимаю, как он изворачивался на тридцать долларов в неделю.

— Ну, если уж он такой лопух, значит, и поделом ему... — начал Уиллетт.

— Эй, прекрати! — одернул его Рейке. — Нечего наезжать на Джимми.

— А все-таки, — сказал Саттон, — я рад, что он получил наследство. Невозможно держать открытый дом на тридцатку в неделю. Кстати, Артур,

кто ему денежки-то оставил? Я слышал, дядя?

— Нет, не дядя, — сказал Мифлин. — Это, можно сказать, романтическая история. Один тип много лет назад был влюблен в матушку Джимми. Потом он уехал на Запад, нажил кучу денег и все завещал миссис Питт или ее детям. Когда это случилось, она уже несколько лет как умерла. Джимми, конечно, об этом обо всем ни сном ни духом, и вдруг приходит письмо от поверенного с приглашением зайти в контору. Он туда, сюда, а там — хоп! Примерно пятьсот тысяч долларов только и ждут, чтобы он их потратил.

К этому времени Джимми Питт окончательно вытеснил «Любовь медвежатника» из общей беседы. Все присутствующие были знакомы с Джимми, большинство — еще по газетным дням, и хотя каждый скорее бы умер, чем признался в этом, но все они были ему благодарны за то, что он относится к ним сейчас, когда в его распоряжении полмиллиона долларов, точно так же, как было при тридцати в неделю. Разумеется, богатое наследство не делает молодого человека прекрасней и благородней, но не все молодые люди это понимают.

— Странная у него была жизнь, — сказал Мифлин. — Чего он только не перепробовал. Знаете, он ведь выступал на сцене до того, как занялся газетным делом. Только в бродячих труппах, если не ошибаюсь. Потом ему надоело, он и бросил. Вот в этом вечная его беда. Не может остановиться на чем-нибудь одном. Учился в Йейле на юриста — недоучился. Когда ушел из театра, объехал все Соединенные Штаты, без гроша в кармане, брался за любую работу, какая подвернется. Пару дней проработал официантом, потом его выгнали за то, что бил тарелки. После этого устроился в лавку ювелира. Он, по-моему, большой знаток по части драгоценностей. Как-то раз заработал сотню долларов, продержавшись три раунда против Малыша Брэди. Малыш тогда проводил турне по всем Штатам после того, как отобрал титул чемпиона у Джимми Гарвина. Объявил награду в сто долларов тому, кто схватится с ним и протянет три раунда. Джимми это сделал не глядя. Он был лучшим среди любителей в своем весе — по крайней мере, я никого лучше не видел. Малыш уговаривал его всерьез заняться боксом, но Джимми в те времена просто не мог подолгу заниматься чем-то одним. Душа у него цыганская. Только в дороге он бывал по-настоящему счастлив, и теперь, видать, такой же, хоть и получил наследство.

— Ну, теперь-то он может себе позволить разъезжать по свету, — завел свое Рейке. — Мне бы такие денежки...

— А слышали, как Джимми... — начал было Мифлин, но тут Одиссея

Джимми Питта была прервана.

Открылась дверь, и вошел Улисс собственной персоной.

Джимми Питт был молодой человек среднего роста, но казался ниже из-за невероятной ширины и объема грудной клетки. Квадратный, чуть выступающий подбородок в сочетании со свойственной атлетам лихостью осанки и пронзительными карими глазами, словно у буilterьера, придавали ему агрессивный вид, но впечатление это было в высшей степени обманчивым. По характеру Джимми вовсе не был агрессивен. Не только глаза были у него как у буilterьера, но и такое же добродушие. А при случае могло проявиться и свойственное этой породе непреклонное упорство в достижении цели.

Его появление было встречено дружными приветственными криками.

— Хелло, Джимми!

— Давно вернулся?

— Давай к нам, садись. Тут места много.

— «Где он бродит, мой друг, нынче ночью»?

— Официант! Джимми, что будешь пить? Джимми рухнул в кресло и широко зевнул.

— Ну что, — спросил он, — как дела? Хелло, Рейке! Смотрел сегодня «Любовь медвежатника». Мне показалось, что я тебя там видел. Хелло, Артур! Поздравляю. Прекрасно подал текст.

— Спасибо, — сказал Мифлин. — А мы как раз говорили о тебе, Джимми. Ты, должно быть, приехал на «Лузитании»?

— На этот раз она не побила рекордов, — сказал Саттон. В глазах Джимми появилось нечто похожее на задумчивость.

— По мне, она пришла в порт слишком быстро, — сказал он. — Не понимаю, какой смысл нестись с такой скоростью, — продолжил он торопливо. — Так приятно, когда есть возможность насладиться морским воздухом.

— Знаем мы этот морской воздух, — пробормотал Мифлин.

Джимми быстро обернулся к нему:

— Что ты там лепечешь, Артур?

— Я ничего не говорил, — вкрадчиво ответил Мифлин.

— Что скажешь о сегодняшнем спектакле, Джимми? — поинтересовался Рейке.

— Мне понравилось. Артур был хорош. Вот только одного я понять не могу — откуда такое преклонение перед медвежатниками. По некоторым современным пьесам получается, что всякий преуспевающий грабитель становится национальным героем. Глядишь, скоро у нас Артур будет

играть Чарлза Пейса^[2] под радостные аплодисменты публики.

— Это естественное преклонение тупоумия перед изоощренным интеллектом, — объяснил Мифлин. — Чтобы стать хорошим медвежатником, нужны мозги. У кого в голове не бурлит серое вещество, вот как у меня, например, тому нечего и надеяться...

Джимми откинулся на спинку кресла и проговорил спокойно, но веско:

— Любой человек со средним уровнем интеллекта может совершить ограбление.

Мифлин вскочил и начал жестикулировать, не в силах снести такого богохульства.

— Дружище, что за безумные...

— Даже я бы мог, — сказал Джимми, раскуривая сигару.

Ему ответил дружный хохот и общее одобрение. В последние несколько недель, пока шли репетиции пьесы «Любовь медвежатника», Артур Мифлин донимал завсегдатаев клуба «Ваганты» бесконечными разглагольствованиями о высоком искусстве кражи со взломом. Ему впервые досталась такая большая роль, и он проникся ею до глубины души. Он перечитал массу литературы о грабителях. Он разговаривал с сотрудниками агентства Пинкертоне. Он каждый вечер делился с собратьями по клубу своими воззрениями по сему поводу, расписывая, какая это сложная и тонкая работа — вскрыть сейф, пока слушатели в конце концов не взбунтовались. Естественно, «Ваганты» пришли в восторг, когда Джимми по собственной инициативе и явно без всякой подначки с их стороны в первые же пять минут разговора наступил великому знатоку воровской жизни на любимую мозоль.

— Ты-то! — воскликнул Мифлин с презрением.

— Я-то!

— Ты! Да ты даже вареное яйцо вскрыть не в состоянии, разве только если это яйцо-пашот, которое варится без скорлупы!

— На что спорим? — спросил Джимми.

«Ваганты» встрепенулись и насторожили уши. Волшебное слово «пари» в этой комнате неизменно производило электризирующее действие. Все выжидательно воззрились на Артура Мифлина.

— Ложись спать, Джимми, — сказал воплоитель образа медвежатника. — Я тебя провожу, подоткну одеяло на ночь. Утречком хорошую чашку крепкого чая, и все как рукой снимет.

Общество откликнулось негодующим воплем. Гневные голоса обвиняли Артура Мифлина в слабодушии. Ободряющие голоса убеждали

его не праздновать труса.

— Видал? Они над тобой насмеются. И за дело, — сказал Джимми. — Будь мужчиной, Артур! На что спорим?

Мистер Мифлин взглянул на него с жалостью.

— Ты сам не знаешь, на что замахнулся, Джимми. Ты на полвека отстал от жизни. Ты воображаешь, будто грабителю для работы требуется только маска, небритый подбородок и потайной фонарь. А я тебе говорю, что ему необходимо чрезвычайно специализированное образование. Я-то знаю, я общался с настоящими сыщиками. Возьмем, например, тебя, жалкий червь. Обладаешь ли ты глубокими познаниями в химии, физике, токсикологии?..^[3]

— Само собой.

— ...электричестве и микроскопии?

— Ты раскрыл все мои секреты.

— Умеешь ли ты пользоваться автогеном, работающим на кислородно-ацетиленовой смеси?

— Я без него не выхожу из дому.

— Что тебе известно о применении анестезирующих средств?

— Практически все. Это, можно сказать, мое любимое хобби.

— Можешь изготовить «супчик»?^[4]

— Супчик?

— Супчик, — решительно подтвердил мистер Мифлин. Джимми поднял брови.

— Разве архитектор сам формует кирпичи? Грубую предварительную работу я предоставляю своим ассистентам. Они готовят для меня супчик.

— Джимми тебе не какой-нибудь мазурик, — сказал Саттон. — Он ведущий специалист в своей области. Так вот откуда у него денежки! Я никогда не верил в эти байки о наследстве.

— Джимми, — произнес Мифлин, — не способен вскрыть даже детскую копилку! Даже банку сардинок вскрыть не сумеет!

Джимми пожал плечами.

— На что спорим? — повторил он. — Ну же, Артур, ты получаешь вполне неплохое жалованье. На что спорим?

— Пусть будет обед для всех присутствующих, — предложил Рейке, человек весьма хитроумный и всегда старавшийся обернуть к своей личной пользе любые происшествия, с какими сталкивался на жизненном пути.

Идею приняли с одобрением.

— Очень хорошо, — сказал Мифлин. — Сколько нас здесь? Раз, два,

три, четыре... Проигравший оплачивает обед на двенадцать персон.

— Хороший обед, — вполголоса подсказал Рейке.

— Хороший обед, — согласился Джимми. — Отлично! Сколько ты мне даешь времени, Артур?

— Сколько тебе нужно?

— Предельный срок необходим, — сказал Рейке. — По-моему, такая резвая лошадка, как наш Джимми, справится с этим в два счета. Хоть бы прямо сегодня ночью. А что? Отличная погожая ночь. Если Джимми не сумеет совершить взлом сегодня — ну, значит, не судьба. Годится, Джимми?

— Великолепно!

Тут вмешался Уиллетт. Он весь вечер методично пытался утопить свои горести, и это уже становилось заметно по его выговору.

— Слушайте, — поинтересовался он, — а как Дж... жимми докажет, что он это сделал?

Мифлин сказал:

— Я лично поверю ему на слово.

— Н... нич... чего себе! А ч... что ему м... мешает просто взять и сказать, что с... сделал, когда на сам... мом деле, м... может, и не сделал?

«Вагантам» сделалось неловко. Впрочем, решение оставалось за Джимми.

— Вы-то свой обед в любом случае получите, — сказал Джимми. — Какая вам разница, кто угощает?

Но Уиллетт упрямо, хотя и несколько невнятно, настаивал на своем:

— Не в том д... дело. Дело в принципе. Я гврю, надо, чтоб все по-честному. Вот гврю, и все тут.

— И это, безусловно, большое достижение, — сердечно откликнулся Джимми. — А «на дворе трава» осилите?

— Я это к тому гврю, что... Фокусник он, ваш Джимми! А я гврю... что ему ммешает взять и екзать, что сделал, когда на еммом деле не сделал?

— Не переживайте, — успокоил его Джимми. — Я спрячу под ковром латунную трубку со звездно-полосатым флагом.

Уиллетт махнул рукой.

— Этво дстатчно, — произнес он с достоинством. — Нсло-ва блше.

— О, придумал даже еще лучше, — сказал Джимми. — Я начерчу большую букву «Д» на внутренней стороне входной двери. Тогда любой желающий сможет на следующий день прийти и проверить. Ладно, я пошел домой. Рад, что мы обо всем договорились. Кому со мной по пути?

— Мне, — сказал Артур. — Пройдемся немного. В ясные ночи мне не сидится на месте. Становлюсь нервным, как кошка. Если не вымотаю себя физически, сегодня совсем не засну.

— Если ты думаешь, что я собираюсь помогать тебе довести себя до полного изнеможения, мой мальчик, ты сильно ошибаешься. Я намерен не торопясь дойти до своей квартиры и завалиться спать.

— И то дело, — сказал Мифлин. — Пошли.

— Ты с ним особо не зевай, Артур, — напутствовал его Саттон. — А то как даст по затылку мешочком с песком, да часики-то и свистнет. Это же переодетый Арсен Люпен. Уж ты мне поверь!

Глава II ПИРАМ И ТИСБА

Выйдя на улицу, приятели свернули в сторону центра. Они шли молча. Мифлин мысленно перебирал запомнившиеся подробности сегодняшнего спектакля: вначале волнение, затем подъем, когда почувствовал, что сумел завладеть вниманием зрительного зала, затем растущая уверенность, что его игра хороша. Тем временем Джимми погрузился в какие-то свои мысли. Они прошли уже приличное расстояние, когда Мифлин наконец заговорил:

— Кто она, Джимми?

Джимми, вздрогнув, очнулся от раздумий.

— Что такое?

— Кто она?

— Не понимаю, о чем ты.

— Все ты понимаешь! Кто она?

— Не знаю, — просто ответил Джимми.

— Не знаешь?! Ну, хоть зовут-то ее как?

— Не знаю.

— Разве на «Лузитании» не публикуют список пассажиров?

— Публикуют.

— И ты за пять дней не смог выяснить имя?

— Не смог.

— И этот человек воображает, будто он сумеет ограбить дом! — воскликнул Мифлин в отчаянии.

Они подошли к зданию, где во втором этаже располагалась квартира Джимми.

— Зайдешь? — спросил Джимми.

— Вообще говоря, я думал прогуляться до Парка. Говорю тебе, я места себе не нахожу.

— Зайдем, выкуришь сигару. Если так уж настроился одолеть сегодня марафонскую дистанцию, у тебя еще вся ночь впереди. Мы с тобой месяца два не виделись. Расскажи мне новости.

— Да нет никаких новостей. В Нью-Йорке никогда ничего не происходит. В газетах пишут о разных событиях, но это все неправда. Ладно уж, зайду. Сдается мне, из нас двоих как раз ты — человек с новостями.

Джимми начал возиться с ключом.

— Потрясающий взломщик, нечего сказать, — пренебрежительно заметил Мифлин. — Что же ты непустишь в ход автоген? Ты хоть понимаешь, мой мальчик, что обязался на следующей неделе накормить роскошным обедом двенадцать голодных мужчин? В холодном свете утра, когда рассудок вновь утвердится на троне, эта истина дойдет до твоего сознания.

— Ничего я не обязался, — возразил Джимми, отпирая дверь.

— Только не говори, что ты всерьез нацелился попробовать.

— А на что еще, по-твоему, я нацелился?

— Да нет, это же невозможное дело! Тебя наверняка поймут. И что тогда ты будешь делать? Уверять, что это была просто милая шутка? А если тебя изрешетят пулями? Ты будешь выглядеть круглым дураком, взывая к чувству юмора разгневанного домовладельца, который тем временем напигует тебя свинцом из своего «кольта»!

— Что поделаешь, профессиональный риск. Тебе ли этого не знать, Артур. Вспомни, что ты пережил сегодня вечером.

Артур Мифлин с тревогой смотрел на своего друга. Он знал, до какой степени безрассудства способен дойти Джимми, если твердо решит чего-нибудь добиться. Оказавшись в ситуации «проверки на прочность», Джимми терял всякий разум и переставал воспринимать логические доводы. К тому же слова Уиллетта задели его за живое. Не тот человек был Джимми, чтобы спокойно снести обвинение в фокусничестве, и неважно, было оно произнесено в трезвом или пьяном виде.

Между тем Джимми извлек на свет виски и сигары, а сам откинулся на спинку дивана и принялся выдувать дымовые колечки, пуская их в потолок.

— Ну? — спросил наконец Артур Мифлин.

— Что — ну?

— Я просто хотел спросить: это молчание надолго или ты все-таки начнешь развлекать, развивать и просвещать своего гостя? Что-то с тобой случилось, Джимми. Помнится, ты был такой лихой, жизнерадостный малый, неистощимый на шутки и веселые розыгрыши. И где они теперь, твои подначки, твои резвые прыжки и ужимки, где эти песенки, эти вспышки остроумия, которые все сидящие за столом встречали единодушными взрывами смеха, если ты платил за угощение? Сейчас ты больше всего похож на глухонемого, решившего отметить День Независимости при помощи бесшумного пороха. Очнись, Джимми, не то я уйду. Мы же с тобой практически выросли вместе! Расскажи мне про эту девушку — ту, которую ты полюбил и по дурости своей ухитрился

потерять.

Джимми тяжело вздохнул.

— Прекрасно, — безмятежно отозвался Мифлин. — Вздыхай, если хочешь. Все лучше, чем ничего.

Джимми сел прямо.

— Да, сотню раз, — изрек Мифлин.

— Это ты о чем?

— Ты собирался спросить, любил ли я когда-нибудь, верно?

— Не собирался, потому что и так знаю: не любил. У тебя нет души.

Ты просто не знаешь, что такое любовь.

— Как тебе будет угодно, — покладисто согласился Мифлин.

Джимми снова откинулся на спинку дивана.

— Я тоже не знаю, — сказал он. — В том-то и беда. Мифлин посмотрел на него с интересом.

— Я тебя понимаю, — сказал он. — Вначале возникает как бы предчувствие, когда сердце трепещет в груди, словно птенчик, впервые пытающийся защебетать, когда...

— Да ну тебя!

— ...когда ты робко спрашиваешь себя: «Неужели? Возможно ли это?» — и застенчиво отвечаешь: «Нет. Да. Кажется, так и есть!» Я переживал все это сотню раз. Общеизвестные начальные симптомы. Если немедленно не принять соответствующие меры, болезнь может принять острую форму. В таких вопросах полагайся на дядюшку Артура. Он знает.

— Ты мне противен, — отвечал Джимми.

— Склоняю к тебе свой слух, — снисходительно сказал ему Мифлин. — Расскажи мне все.

— Да нечего рассказывать.

— Не лги мне, Джеймс.

— Ну, практически нечего.

— Уже лучше.

— Дело было так.

— Хорошо.

Джимми поерзал, устраиваясь поудобнее, и отхлебнул виски.

— Я увидел ее только на второй день путешествия.

— Знаю я этот второй день путешествия! И?

— Мы, собственно, даже и не познакомились.

— Просто случайно столкнулись, да-а?

— Тут, понимаешь, какое дело. Я, как дурак, взял билет второго класса.

— Что? Наш юный Рокфербильт Астергульд, мальчонка-миллионер, путешествует вторым классом?! С чего бы это?

— Просто подумал, что так будет веселее. Во втором классе более непринужденная обстановка, гораздо быстрее сходишься с людьми. В девяти случаях из десяти ехать вторым классом намного лучше.

— А это как раз оказался десятый случай?

— Она ехала первым классом, — объяснил Джимми. Мифлин схватился за голову.

— Постой! — воскликнул он. — Это мне что-то напоминает... Что-то у Шекспира... Ромео и Джульетта? Нет. А, понял: Пирам и Тисба!

— Не вижу ничего общего.

— А ты перечитай «Сон в летнюю ночь». «Пирам и Тисба, — сказано там, — разговаривали через щель в стене», — процитировал Мифлин.

— А мы — нет.

— Не надо цепляться к словам. Вы разговаривали через поручень.

— Да нет.

— Ты что, хочешь сказать, вы с ней вообще не разговаривали?

— Ни единого слова не сказали. Мифлин печально покачал головой.

— Бездарный случай, — сказал он. — Я-то думал, ты человек действия. Что же ты делал?

Джимми тихонько вздохнул.

— Я обычно стоял и курил у загородки напротив парикмахерской, а она прогуливалась по палубе.

— И ты на нее таращился?

— Я время от времени поглядывал в ее сторону, — ответил Джимми с достоинством.

— Оставь эти увертки! Ты на нее таращился. Ты вел себя как самый обыкновенный уличный приставала, и ты сам это знаешь. Джеймс, я не ханжа, но должен сказать, твое поведение представляется мне разнузданным. Она прогуливалась в одиночестве?

— Как правило.

— Итак, ты любишь ее, да? Ты вошел на корабль счастливым, свободным и беспечным, а сошел с него угрюмым меланхоликом. Отныне в целом мире для тебя существует только одна женщина, и именно она потеряна для тебя навеки.

Мифлин глухо и мрачно простонал, после чего подбодрил себя глотком виски. Джимми беспокойно пошевелился на диване.

— Веришь ли ты в любовь с первого взгляда? — задал он идиотский вопрос.

Он был в том настроении, когда мужчина произносит слова, при одном воспоминании о которых впоследствии его бросает в жар бессонными ночами.

— Не понимаю, при чем тут первый взгляд, — заметил Мифлин. — По твоим же собственным словам, ты стоял и глазел на эту девушку в течение пяти дней без перерыва. За это время можно до того досмотреться, что в кого угодно влюбишься.

— Не могу себя представить ведущим оседлый образ жизни, — задумчиво проговорил Джимми. — Наверное, нельзя сказать, что ты настоящему влюбился, пока тебя не потянет к оседлому образу жизни.

— Примерно то же самое я и говорил в клубе буквально за минуту до твоего прихода и, между прочим, выразился довольно изящно. Я сказал, что у тебя цыганская душа.

— Черт возьми, ты абсолютно прав!

— Я всегда прав.

— Должно быть, это все от безделья. Когда я работал в отделе новостей, со мной такие штуки не случались.

— Ты не так уж долго проработал в «Новостях», не успел соскучиться.

— А сейчас у меня такое чувство, словно мне нельзя оставаться на одном месте больше недели. Вероятно, это деньги на меня так действуют.

— В Нью-Йорке, — сказал Мифлин, — полным-полно добросердечных граждан, которые охотно избавят тебя от такой обузы. Итак, Джеймс, теперь я тебя оставляю. Меня уже клонит ко сну. Кстати, надо думать, после прибытия ты потерял ту девушку из виду?

— Да.

— Что ж, в Соединенных Штатах не так уж много девушек — всего-то навсего двадцать миллионов. Или сорок? В общем, сущие пустяки. Только и надо немножко поискать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Мистер Мифлин с грохотом сбежал вниз по лестнице. Через минуту Джимми услышал, как его имя громко выкликают на улице, и подошел к окну. Мифлин стоял на тротуаре, задрал голову.

— Джимми!

— Что еще?

— Забыл спросить. Она была блондинка?

— Что?

— Она была блондинка? — заорал Мифлин.

— Нет, — рявкнул Джимми.

— А, темненькая? — проревел Мифлин, оскверняя безмолвие ночи.

— Да, — ответил Джимми и захлопнул окно.

— Джимми!

Рама окна снова приподнялась.

— Ну?

— По мне, блондинки лучше!

— Иди спать!

— Ладно. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи.

Голова Джимми исчезла из окошка. Он уселся в кресло, которое раньше занимал Мифлин. Тут же вскочил и выключил свет. Сидеть и думать приятнее в темноте. Мысли его разбегались по разным направлениям, но неизменно возвращались к девушке с «Лузитании». Конечно, это нелепость. Неудивительно, что Артур Мифлин воспринял все как шутку. Славный старина Артур! Хорошо, что он сегодня имел успех! Но шутка ли это на самом деле? Кто там говорил, что острота, как острие иголки, не видна, когда направлена прямо на тебя самого? Расскажи ему кто-нибудь другой такую бестолковую историю, Джимми первый посмеялся бы. А вот когда сам оказываешься в центре романтической истории, пусть даже самой что ни на есть бестолковой, начинаешь все видеть под совершенно другим углом. Конечно, если говорить напрямик, это полнейшая ерунда. Джимми и сам это понимал. И все же в глубине души что-то подсказывало, что не совсем ерунда. И все же... Не приходит любовь вот так, в одно мгновение. Все равно как не может внезапно появиться на ровном месте дом, или пароход, или автомобиль, или стол, или... Джимми вздрогнул и выпрямился. Он чуть было не заснул, сидя на диване.

Подумал о кровати, но до нее было слишком далеко — черт знает как далеко. Тащиться через несколько акров ковра, а потом еще карабкаться по адовой лестнице. Да еще и раздеваться! Такое занудство — раздеваться. А красивое платье было на той девушке на четвертый день пути. Сшито на заказ. Джимми нравились платья, сшитые на заказ. Ему нравились все ее платья. Она вся ему нравилась. А он ей понравился? Трудно угадать, если у него ни разу не было возможности поговорить с ней! Она темненькая. Артуру больше нравятся блондинки. Дурень он, Артур! Хорошо, что он имел успех. Теперь он может жениться, если захочет. Если бы только не это вечное беспокойство, не это ощущение, что ему нельзя нигде задерживаться дольше чем на один день! Но пойдет ли она за него? Трудно сказать, они ведь ни разу так и не...

На этом Джимми уснул.

Глава III МИСТЕР МАКИКЕРН

Примерно в то самое время, когда раздумья Джимми плавно перешли в мир сновидений, некий мистер Джон МакИккерн, начальник полицейского округа, сидел и читал в гостиной своего дома на окраине города Нью-Йорка. Это был человек крупных масштабов. Все у него было крупное: руки, ноги, плечи, грудная клетка и особенно нижняя челюсть, которая даже в минуты покоя агрессивно выпирала вперед, а при малейшем волнении выпячивалась, будто таран у боевого корабля. В те дни, когда МакИккерн еще работал постовым, а дежурил он главным образом в бедных районах Ист-Сайда, эта челюсть славилась от Парк-роу до Четырнадцатой улицы. Молодые люди из трущобных кварталов мгновенно отвлекались от самой захватывающей драки, как только нижняя челюсть мистера МакИккерна появлялась вдали в сопровождении его же массивного туловища. Мистер МакИккерн не знал, что такое страх, и проносился сквозь бушующую толпу подобно восточному ветру.

Но была и другая сторона в характере этого человека. Строго говоря, была она так велика, что прочие его качества — и грозный боевой дух, и рвение в поддержании правопорядка, — можно сказать, служили ей лишь дополнением. Ибо амбиции МакИккерна по своим размерам могли сравниться с его кулаком, а по агрессивности — с его нижней челюстью. Он вступил в ряды полиции, имея в виду одну-единственную цель — разбогатеть, и добивался этой цели с бодрой целеустремленностью, такой же всепоглощающей, как и его могучая резиновая дубинка. Иные полицейские — взяточники от рождения, другие взяточниками становятся, третьим взятки навязывают чуть ли не силой. Мистер МакИккерн начал с первого, постепенно дорос до второго и вот уже несколько лет принадлежал к узкому, но процветающему третьему классу — классу тех, кто не выходит на ловлю взяток, а сидит себе в комфорте и позволяет приносить взятки себе на дом.

В своем стремлении к богатству мистер МакИккерн не допускал ненужной торопливости. Ему не нужны были пустячные суммы, какие по плечу любому нью-йоркскому полисмену. Цель его была значительно выше, и ради этого можно было подождать. Он знал, что скромное начало — это досадная, но неизбежная прелюдия всякого крупного состояния. Вероятно, капитан Кидд тоже начинал с малого. А уж мистер Рокфеллер — наверняка. МакИккерн был готов смиренно идти по стопам своих учителей.

У постового полицейского — невеликие возможности по части первичного накопления. Мистер МакИкern в этих сложных условиях сделал все, что мог. Он не ждал, что доллары сразу повалят к нему батальонами, довольствовался одиночными лазутчиками. Пока не настало время ловить на удочку кита, не станешь брезговать и кильками.

Настойчивостью и упорством можно добиться многого, пускай и в малом масштабе. В те ранние времена наблюдательный взгляд мистера МакИкерна не пропускал ни уличных разносчиков, мешающих автомобильному движению, ни мелких торговцев, занимающихся тем же самым на тротуарах, ни владельцев ресторанчиков, по странному капризу не желавших закрывать свои заведения в час ночи. Исследования этих явлений природы приносили свои плоды. За сравнительно недолгий промежуток времени мистер МакИкern сколотил три тысячи долларов — цену повышения в чин сержанта полиции. Очень не хотелось отдавать три тысячи за сержантские нашивки, но для успешного капиталовложения порой необходимы дополнительные затраты. Мистер МакИкern «выложил денежки» и поднялся еще на одну ступень социальной лестницы.

Чин сержанта открыл перед ним новые горизонты. Способному человеку здесь было где развернуться. Мир словно вдруг наполнился филантропами, только и мечтавшими «сунуть ему на лапу» или оказать иные мелкие услуги. Мистер МакИкern не ломался. Он позволял сунуть на лапу. Принимал он и прочие мелкие услуги. Вскоре он обнаружил в своем распоряжении пятнадцать тысяч долларов, из которых можно было оплатить любые мелкие причуды своего воображения. Любопытно также, что именно такая сумма требовалась, чтобы сделаться начальником округа.

Он стал начальником округа. И вот тогда-то мистер МакИкern открыл, что Эльдorado — не просто поэтическая выдумка, и что Земля Тома Тиддлера, ^[5] где можно прямо у себя под ногами подбирать золото и серебро, имеет вполне конкретное географическое местоположение, точно так же, как Бруклин или Бронкс. Наконец-то после долгих лет терпеливого ожидания он стоял, словно Моисей, на вершине горы, а перед ним расстилалась земля обетованная. Он пришел туда, где водятся Большие Деньги.

В настоящую минуту начальник округа просматривал записную книжечку, в которую записывал свои многочисленные и разнообразные капиталовложения. С первого взгляда было очевидно, что содержанием записей начальник премного доволен. Об этом говорила улыбка на его лице и благодушное состояние нижней челюсти. В книжечке упоминались такие предметы, как недвижимость, железнодорожные акции и десятки

других источников дохода. Мистер МакИкern был богатым человеком.

Соседи не подозревали о его богатстве. Он поддерживал с ними прохладные отношения, никого не приглашал к себе домой и сам ни к кому не ходил в гости. Мистер МакИкern вел большую игру. Другие выдающиеся флибустьеры от полиции бывали довольны тем, чтобы считаться богатыми среди людей среднего достатка. Но мистер МакИкern отличался наполеоновскими устремлениями. Он жаждал проникнуть в общество — и притом устремил свои взоры на общество английское. Кто-то когда-то установил интересный факт, навеки запечатлевшийся в полицейском мозгу, а именно — что Англию от Соединенных Штатов отделяют три тысячи миль глубокой воды. В Соединенных Штатах он будет всего лишь отставным начальником полицейского округа; в Англии — американским джентльменом с независимыми средствами и красавицей-дочерью.

Вот он, главный стимул всей жизни мистера МакИкерна: его дочь Молли. Безусловно, будь МакИкern холостяком, его все равно не устроил бы удел скромного, но гордого полицейского, не берущего взяток; с другой стороны, если бы не Молли, собирая свою нечестивую дань, МакИкern не чувствовал бы себя человеком, ведущим своего рода священную войну. С тех пор, как у него, в то время еще всего-навсего сержанта, умерла жена, оставив ему годовалую малышку, все честолюбивые планы мистера МакИкерна неизменно были связаны с Молли.

Все его мысли были о будущем. Нью-йоркская жизнь служила лишь подготовкой грядущего великолепия. Ни одного доллара МакИкern не потратил зря. С тех пор, как Молли закончила школу, они жили вдвоем, тихо и непритязательно, в маленьком домике, который Молли обставила очень уютно и с большим вкусом. Соседи, зная его профессию и видя, как скромно он живет, говорили друг другу: вот в кои-то веки полицейский с чистыми руками. Они ничего не знали о том ручейке, что струился на его банковский счет неделя за неделей и год за годом, время от времени разветвляясь и охватывая все новые прибыльные каналы. Пока не пришло время для великой перемены, экономия была его девизом. Домашние расходы строго укладывались в рамки официального жалованья начальника округа. Все, что сверх, отправлялось на пополнение капитала.

Мистер МакИкern с удовлетворенным вздохом закрыл свою книжечку и закурил очередную сигару. Сигары были единственной роскошью, которую он себе позволял. Он не пил, питался очень просто и невероятно долго ухитрялся носить один и тот же костюм, но никакая экономия не могла заставить его отказаться от курения.

Он сидел и думал. Было уже очень поздно, но спать ложиться не хотелось. В его делах наступил перелом. Уже несколько дней Уолл-стрит лихорадило, как это бывает время от времени. В воздухе носились противоречивые слухи, и в конце концов из этой сумятицы, подобно ракете, взвилась вверх цена неких акций, в которые была вложена основная часть средств мистера МакИкерна. Нынче утром он распродал все свои акции, и при взгляде на результат у него закружилась голова. Единственной четкой мыслью было: время наконец-то пришло. Теперь он мог в любой момент совершить великую перемену.

Он потихоньку ликовал, выпуская клубы дыма, и в этот момент отворилась дверь. В комнату гуськом вошли бультерьер, бульдог и позади всех — девушка в домашнем халатике и красных тапочках.

Глава IV МОЛЛИ

— Э, Молли, — удивился полицейский, — что это ты бродишь? Я думал, ты давно заснула.

Он обхватил ее огромной ручищей и усадил к себе на колени. Сидя так, она казалась меньше, чем была, на фоне его огромной туши. С распущенными волосами, болтая красными тапочками чуть ли не в полуметре от пола, она выглядела маленьким ребенком. МакИкern смотрел на нее и не мог поверить, что прошло уже девятнадцать лет с тех пор, как доктор укоризненно приподнял брови, услышав отрывистое бурчание полицейского в ответ на известие о том, что родилась девочка.

— Ты знаешь, который час? — спросил мистер МакИкern. — Два часа ночи.

— Зачем же ты так поздно куришь? — строго сказала Молли. — Сколько сигар ты выкуриваешь за день? Вот женишься, а жена не позволит тебе курить, что тогда?

— Нельзя запрещать мужу курить, лапушка. Это мой тебе совет, когда будешь выходить замуж.

— Я никогда не выйду замуж. Буду всю жизнь сидеть дома и штопать тебе носки.

— Хорошо бы, — отозвался он, крепче прижимая ее к себе. — Но когда-нибудь ты выйдешь замуж за принца. А сейчас беги спать. Поздно уже...

— Ничего не выходит, папочка, никак не могу уснуть. Несколько часов пыталась. Насчитала столько овец, что хоть плачь. Это все Растус виноват. Он так храпит!

Мистер МакИкern сурово посмотрел на бульдога.

— Зачем ты держишь этих зверюг у себя в комнате?

— Да чтобы дюдюка ко мне не забралась, конечно! Разве ты не боишься дюдюку? Ну да, ты такой большой, тебе не страшно. Ты ее разом поколотишь. А они совсем не зверюги — правда, миленькие мои? Вы у меня ангелы, чуть не лопнули от радости, когда ваша тетушка вернулась из Англии, да? Папочка, они скучали тут без меня? Они чахли от тоски?

— Исхудали, как скелеты. Все мы.

— И ты?

— Ну да, можно сказать, и я.

— Тогда зачем ты меня отправил в эту Англию?

— Хотел, чтобы ты посмотрела, как и что. Тебе там понравилось?

— Мне было ужасно грустно без тебя.

— Но сама-то страна тебе понравилась?

— С ума сойти, как понравилась!

МакИкern вздохнул с облегчением. Единственное препятствие, которое могло возникнуть на пути к великой перемене, не возникло.

— А хотелось бы тебе еще раз поехать в Англию, Молли?

— В Англию? Когда я только что вернулась домой!

— А если бы я тоже с тобой поехал?

Молли вывернула шею, чтобы лучше видеть лицо отца.

— В чем дело, папа? Ты о чем-то пытаешься мне сказать, а мне очень хочется узнать, о чем! Говори скорее, не то я велю Растусу, чтобы он тебя укусил!

— Да говорить-то долго не о чем, золотко. Пока тебя не было, у меня тут окупилась кое-какие капиталовложения, вот я и надумал уйти в отставку, отвезти тебя в Англию и найти тебе в женихи какого-нибудь принца — если, конечно, тебе это по душе.

— Папа! Это просто удивительно замечательно!

— В Англии, Молли, мы начнем с чистого листа. Я буду просто Джон МакИкern из Америки, а если кому-то захочется выяснить подробности, так я — человек, который нажил деньги, играя на бирже — и это, между прочим, правда, — ну, и приехал в Англию, чтобы их тратить.

Молли сжала его локоть. В глазах у нее блеснули слезы.

— Папа, милый, — прошептала она. — Я знаю, ты все это делал ради меня. Ты трудился ради меня с тех пор, как я родилась на свет, ограничивал себя во всем, копил деньги, чтобы я потом могла весело проводить время.

— Нет, что ты!

— Это правда. — Она обернулась к нему, улыбаясь дрожащими губами. — Ты, по-моему, уже много лет не ел досыта. От тебя же кости да кожа остались! Ну, ничего. Завтра поведу тебя в ресторан и на собственные деньги закажу тебе самый роскошный обед, какого у тебя в жизни не было! Мы пойдем к Шерри, ты начнешь с первой строчки меню и будешь есть все подряд, пока не наешься как следует!

— Это возместит мне все страдания! А теперь, не кажется ли тебе, что пора баюшки? Не то испортишь этот чудный цвет лица, который у тебя появился от морского воздуха.

— Сейчас, еще чуточку погоди. Я тебя сто лет не видела! — Она указала на буфетьера. — Вот, гляди, как Томми стоит и смотрит во все

глаза. Не может поверить, что я действительно вернулась. Папа, там, на «Лузитании», был один человек, у него глаза точь-в-точь, как у Томми, такие карие, блестящие... Он все стоял и смотрел на меня, совсем как Томми сейчас.

— Был бы я при этом, — гневно произнес отец, — я бы ему башку снес!

— Нет, не снес бы, потому что я уверена, это очень милый молодой человек. У него подбородок почти как у тебя, папочка. И потом, ты не смог бы до него добраться, он ехал вторым классом.

— Вторым классом? Так вы с ним не разговаривали?

— Не было возможности. Не станет же он кричать через загородку! Просто, когда я выходила погулять на палубу, он каждый раз там стоял.

— И пялился на тебя!

— Может быть, он не специально меня разглядывал. Скорее всего, просто смотрел, как корабль плывет, и думал о какой-нибудь девушке в Нью-Йорке. Вряд ли тут можно выискать любовную историю, папочка.

— И не надо, золотко. Принцы не путешествуют вторым классом.

— А может, он переодетый принц?

— Скорее комми, — буркнул мистер МакИккерн.

— Коммивояжеры тоже часто бывают очень симпатичные, разве нет?

— Принцы симпатичнее.

— Прекрасно! Лягу спать и постараюсь увидеть во сне самого-самого симпатичного. Идем, собачки! Хватит кусать мой тапок, Томми. Ну почему ты не можешь вести себя примерно, вот как Растус? А зато ты не храпишь, да? Ты скоро ляжешь, папа? Похоже, пока меня не было, ты тут засиживался допоздна и предавался разным порокам. Наверняка слишком много курил. Как закончишь эту сигару, о следующей до завтра даже не думай! Обещаешь?

— Ну, хоть одну...

— Ни одной! Я не допущу, чтобы с моим папочкой случилось то, о чем пишут в журналах. Ты же не хочешь, чтобы у тебя появились внезапные острые боли?

— Нет, моя хорошая.

— И чтобы тебе пришлось принимать какое-нибудь жутко невкусное лекарство?

— Нет.

— Тогда обещай!

— Хорошо, мое золотко. Обещаю.

Когда дверь за нею закрылась, полицейский начальник отбросил

окурок и на несколько минут глубоко задумался. Затем вынул из ящичка следующую сигару, раскурил ее и снова погрузился в изучение записной книжечки. Было уже больше трех часов ночи, когда он поднялся к себе в спальню.

Глава V ТАТЬ В НОЩИ

Джимми не мог сказать, давно ли по комнате мечется пятнышко света, словно сильно увеличенный светлячок. Огонечек каким-то образом замешался в одно из его бессвязных сновидений, и на мгновение, еще не совсем проснувшись, он вообразил, будто все еще видит сон. Затем туман в мозгу рассеялся, и Джимми понял, что светлое пятно, медленно движущееся вдоль книжной полки, — самое что ни на есть настоящее.

Очевидно, человек, державший фонарик, пробыл здесь недолго, иначе он успел бы заметить кресло и того, кто в кресле этом сидел. По-видимому, неизвестный совершал методичный обход комнаты. Джимми бесшумно выпрямился в кресле и покрепче ухватился за подлокотники, приготовившись к прыжку. Тем временем луч света переместился с книжных полок на стол. Еще около фута влево, и он упадет на Джимми.

По направлению луча Джимми видел, что грабитель приближается к его стороне стола. Хотя Джимми прожил в этой комнате меньше двух месяцев, ее география отчетливо отпечаталась в мозгу молодого человека. Он знал с точностью до фута, где находится его ночной гость, а потому, когда стремительно вскочив, он рыбкой нырнул в темноту, это не был бросок наугад. Он имел вполне осознанную цель и при этом не был стеснен в своих действиях опасениями по поводу того, свободен ли от мебели путь к коленкам взломщика.

Плечо Джимми стукнулось о чью-то ногу. Руки моментально вцепились в нее и рванули. Послышался огорченный вопль, затем грохот. Фонарик пролетел через всю комнату и разбился о ребро батареи парового отопления. Владелец фонарика повалился на Джимми.

Джимми, в первый момент находившийся внизу, быстро оказался сверху, извернувшись всем телом. На его стороне было явное преимущество. Грабитель был мелкий, да еще и растерялся от неожиданности. Если при нормальных условиях он и был бы способен оказать какое-никакое сопротивление, то падение вышибло из него последние остатки боевого духа. Он лежал смирно и даже не пытался бороться.

Джимми приподнялся, дюйм за дюймом подтащил своего пленника к двери и, пошарив по стене рукой, нащупал кнопку выключателя.

Комнату залил яркий желтый свет, открыв на обозрение коренастого коротышку юных лет, явно трущобного происхождения. Первое, что

бросалось в глаза, — копна ярко-рыжих волос. Поэт назвал бы этот цвет тициановским. Друзья и знакомые владельца шевелюры, скорее всего, называли его «морковным». Из-под буйно-пламенных кудрей на Джимми смотрело не такое уж отталкивающее лицо. Безусловно, оно не было красивым, но в нем присутствовал намек на скрытые зачатки веселого и добродушного характера. Нос, по-видимому, был сломан на каком-то этапе жизненного пути, и одно ухо сильно напоминало кочан цветной капусты, но ведь мелкие неприятности в этом роде могут случиться со всяким молодым джентльменом горячего нрава. При выборе одежды незнакомец, очевидно, руководствовался скорее личным вкусом, нежели тиранией моды. Черный пиджак с заметной рыжиной и серые брюки были украшены пятнами разнообразных оттенков. Под пиджаком — выцветший красный с белым свитер. На полу возле стола лежала мягкая фетровая шляпа.

Скроен пиджак был скверно, а выпирающий карман еще больше портил силуэт. Сразу поставив верный диагноз этой выпуклости, Джимми сунул руку в карман своего гостя и вытащил обшарпанный револьвер.

— Ну? — спросил Джимми, поднимаясь на ноги.

Как и большинство людей, он часто задумывался о том, как бы он повел себя, столкнувшись с грабителем, и всякий раз приходил к заключению, что самым сильным его чувством при этом было бы любопытство. Отобрав у посетителя револьвер, он теперь горел желанием вовлечь незнакомца в разговор. Жизнь взломщика — это было нечто, целиком и полностью выходящее за рамки повседневного опыта Джимми. Очень интересно познакомиться с мировоззрением грабителя. Заодно и поднабраться полезных сведений, весело подумал Джимми, вспомнив о своем пари.

Человек, лежавший на полу, сел и уныло потер затылок.

— Хы, — пробормотал он. — Я ж подумал, на меня дом рухнул.

— Нет, это был всего лишь я, — объяснил Джимми. — Прошу прощения, если ушиб. Вообще-то для таких упражнений лучше подстилать коврик.

Рука незнакомца вороватым движением двинулась к карману. Тут взгляд его упал на револьвер, который Джимми положил на стол. Внезапным хищным движением грабитель схватил свое оружие.

— Слышь ты, начальник! — процедил он сквозь зубы. Джимми протянул руку: на ладони лежали шесть патронов.

— Зачем так волноваться? — спросил он. — Присядьте, поговорим о жизни.

— Эх, попал я, значит, — огорчился незнакомец.

— Долой меланхолию! — подбодрил его Джимми. — Я не собираюсь вызывать полицию. Можете спокойно уйти в любую минуту.

Незнакомец выпучил глаза.

— Я серьезно, — сказал Джимми. — А что? Я на вас не в обиде. Но если вы не очень заняты, я буду рад сперва немного поболтать.

Широкая улыбка расплылась по лицу грабителя. Когда он улыбался, то становился на удивление обаятельным.

— Хы! Ежели легавых звать не собираетесь, так я готов трепаться, пока куры не закукарекают.

— Только вот от разговоров пересыхает в горле, — заметил Джимми. — Вы, случаем, не трезвенник?

— Я-то? Да ты чё? Давай, наливай, начальник!

— Тогда вот в этом графине вы найдете вполне приличное виски. Угощайтесь. Думаю, вам понравится.

Мелодичное бульканье и вслед за тем довольный вздох доказали правильность его предположения.

— Сигару? — спросил Джимми.

— Это можно.

— Возьмите сразу несколько.

— Я их живьем глотаю, — радостно сообщил мародер, сгребая в горсть добычу.

Джимми закинул ногу на ногу.

— Кстати, — сказал он, — пускай между нами не останется никаких тайн. Как ваше имя? Меня зовут Питт. Джеймс Уиллоуби Питт.

— Маллинз мое фамилие, начальник. Штырем кличут.

— Стало быть, так вы и добываете себе пропитание?

— Бывает и хуже.

— Как вы сюда проникли? Штырь Маллинз ухмыльнулся:

— Хы! Окошко-то открыто!

— А если бы окно было закрыто?

— Так я б его взломал.

Джимми пристально посмотрел на парня.

— А умеете вы работать с автогенем? — спросил он сурово. Штырь уже собирался отхлебнуть виски, но тут он опустил стакан и ошеломленно разинул рот.

— Чего?

— Автоген, работающий на кислородно-ацетиленовой смеси.

— Чтоб я пропал, — растерянно пробормотал Штырь. — Такого не знаем.

Джимми посмотрел на него еще строже.

— Можете изготовить «супчик»?

— Супчик, начальник?

— Он не знает, что такое супчик! — воскликнул Джимми возмущенно. — Боюсь, мой милый, вы ошиблись в выборе профессии. Взломщик из вас никудышный. Вы даже азов не знаете.

Штырь с тревогой смотрел на Джимми поверх стакана. До сих пор рыжий домущник был вполне доволен собственными методами работы, но неожиданная критика подорвала его уверенность. Ему приходилось слышать рассказы о мастерах своего дела, управлявшихся с жутко сложными техническими приспособлениями вроде тех, которые упоминал Джимми, — о взломщиках, чье короткое знакомство с чудесами науки доходило чуть ли не до фамильярности, кому новейшие изобретения были так же близки и понятны, как самому Штырю — родная фомка. Неужели перед ним один из этих избранных? Хозяин дома предстал перед Штырем в совершенно новом свете.

— Штырь, — сказал Джимми.

— Ась?

— Обладаете ли вы глубокими познаниями в области химии, физики...

— Да ну вас, начальник! Скажете тоже!

— ...токсикологии...

— Чтоб меня!

— ...электричестве и микроскопии?

— ...девять, десять. Готово дело. Нокаут. Джимми печально покачал головой.

— Бросайте-ка вы грабежи. Это не ваше призвание. Штырь сконфуженно крутил в руках стакан.

— Вот я, например, — небрежно обронил Джимми, — собираюсь нынче ночью ограбить один дом.

— Хы! — Подозрения Штыря окончательно подтвердились. — Я ж так и подумал, что вы в игре, начальник! Вы ж это все до тонкости знаете. Я сразу заметил.

— Интересно было бы послушать, — сказал Джимми лукаво, словно разговаривая с умненьким ребенком, — как бы вы взялись за ограбление небольшого особнячка на окраине города. Я, как правило, работаю с более крупными проектами, к тому же на той стороне Атлантики.

— На той стороне?

— Главным образом, в Лондоне, — сказал Джимми. — Отличный

город — Лондон, масса возможностей для квалифицированного мастера. Слыхали про ограбление Нового Азиатского банка на Ломбард-стрит?

— Не, начальник, — прошептал Штырь. — Ваша работа? Джимми рассмеялся.

— Полицейские тоже хотели бы это знать, — промолвил он сдержанно. — Возможно, вы ничего не слышали о пропаже бриллиантов у герцогини Хейвентской?

— Чегой-то?

— Расследование показало, — Джимми смахнул с рукава пылинку, — что грабитель воспользовался автогеном.

Штырь охнул от восторга, и больше ничто не нарушало тишину. Сквозь дым сигары было видно, как медленно расширились его глаза.

— Насчет того особняка, — сказал Джимми. — Меня интересуют все подробности нашей профессии, даже в самых скромных ее проявлениях. Ну вот, скажем, если бы вы задумали ограбить дом в пригороде, какое время ночи вы бы для этого выбрали?

— Ну, я так считаю, лучше всего или попозже, вот как сейчас, или во время ужина, когда все сидят за столом, — ответил Штырь почтительно.

Джимми покровительственно улыбнулся и кивнул.

— И как бы вы стали действовать?

— Ну, поболтался бы вокруг дома, поглядел, может, найдется открытое окошко, — робко предположил Штырь.

— А если не найдется?

— Заберусь на козырек над крылечком, да оттуда в спальню, — ответил Штырь, почти краснея. Примерно так чувствует себя юноша, читающий свои первые стихи известному критику. Что может подумать о его неуклюжих потугах этот мастер-медвежатник, этот изощренный повелитель автогена, тонкий знаток токсикологии, физики и микроскопии!

— Как же вы попадете в спальню? Штырь поник головою.

— Фомкой скovyрну задвижку, — прошептал он со стыдом.

— Фомкой скovyрнете задвижку?

— Я по-другому не умею! — жалобно взмолился Штырь. Эксперт погрузился в молчание. По-видимому, он размышлял. Штырь смиренно заглядывал ему в лицо.

— А вы бы как действовали, начальник? — несмело спросил он наконец.

— А?

— Как бы вы сами за это взялись?

— Право, не знаю, — снисходительно ответил мастер. — Возможно, в

данном случае и ваш способ мог бы сгодиться. Конечно, он примитивен, но с кое-какими поправками им вполне можно воспользоваться.

— Хы, начальник! Правда, что ли? — Ученик не поверил своим ушам.

— Можно-можно, — задумчиво хмуря брови, подтвердил мастер. — Очень даже можно им воспользоваться.

Штырь глубоко вздохнул, сам не свой от изумления и радости. Его метод удостоился одобрения великого человека!..

— Хы! — прошептал он. Точно так же он мог бы сказать: «Я и Наполеон».

Глава VI НАГЛЯДНЫЙ УРОК

Пускай холодный рассудок не одобряет пари, но есть все же нечто жизнерадостное и неотразимо привлекательное в том складе характера, который заставляет человека биться об заклад по всякому поводу, нечто от великолепной эпохи Регентства. В наши дни этот дух, похоже, утрачен в Англии. Когда мистер Асквит стал премьер-министром Великобритании, что-то не заметно было на Стрэнде согбленных фигур, катающих орехи по мостовой при помощи зубочистки. А когда он покинет эту должность, едва ли кто-нибудь из британцев будет ходить небритым до тех пор, пока партия либералов не вернется к власти. Ныне пристанищем пари стали Соединенные Штаты. Иногда человек бросается в спор, словно солдат на амбразуру, а заключив пари, считает его чуть ли не священным. Некоторые люди всю жизнь остаются мальчишками и безотказно реагируют на «подначку».

К этому типу людей принадлежал и Джимми Питт. По характеру он напоминал того персонажа комической оперы, который предложил даме руку и сердце, поскольку кто-то с ним поспорил, что он этого не сделает. С детства любой вызов, любая «подначка» действовали на Джимми, точно шпоры на скаковую лошадь. Когда он работал в газете, вся его жизнь, по сути, представляла собой длинную полосу препятствий. Такая уж это профессия. Статья ничего не стоит, если ее написание не связано с преодолением трудностей.

Когда газетный период в жизни Джимми закончился, все вокруг словно сделалось пресным. Джимми начал скучать. Это случалось с ним даже довольно часто. Он жаждал сильных ощущений, а их в жизни осталось так мало! Путь богатого человека абсолютно ровен и гладок и, судя по всему, ведет в никуда. Идее проникнуть со взломом в чей-нибудь дом он обрадовался, как ребенок, которого неожиданно угостили конфетой. Джимми подошел к делу с глубокой серьезностью, которая должна бы насмешить его самого, но почему-то вовсе не казалась ему комичной. Дело в том, что Джимми был из тех людей, что до краев переполнены жизненной энергией. Эта энергия обязательно должна на что-то расходоваться. Если бы Джимми вздумалось коллекционировать птичьи яйца, он и за это взялся бы с такой же сосредоточенной целеустремленностью.

Штырь сидел на самом краешке стула, ошарашенный, но счастливый.

Голова у него шла крутом от нечаянной похвалы. Джимми посмотрел на часы: почти три. Внезапно его осенило. Боги посылают ему свои дары, отчего бы не принять даяние?

— Штырь!

— Ась?

— Не хочешь ли пойти со мной на ограбление, прямо сейчас?

На лице рыжего парня изобразилось почтение, граничащее со священным трепетом.

— Хы, начальник!

— Хочешь?

— Ясное дело, начальник!

— Или, лучше сказать, — продолжил Джимми, — не хочешь ли совершить ограбление под моим руководством? Строго говоря, я приехал сюда в отпуск, но такой пустяк — это ведь не настоящая работа. Видишь ли, Штырь, — объяснил Джимми, — ты пришелся мне по сердцу. Жаль видеть, как ты растрачиваешь себя на грубую, топорную работу. Задатки у тебя хорошие, их только нужно немного отшлифовать. Я займусь твоим обучением. Не для всякого бы я это сделал, но просто обидно смотреть, как способный человек пропадает по чем зря. Я хочу увидеть тебя в деле. Поедем куда-нибудь на окраину, и вперед! Не волнуйся, работай спокойно, как будто меня вовсе нет рядом. Я не жду от тебя слишком многого. Не в один день Рим строился. Когда закончим, я разберу некоторые из твоих ошибок. Ну как, согласен?

— Хы, начальник! Шикарно! А я знаю такое местечко, просто персик! Легкотня, как нечего делать. Мне один приятель наводку дал. Это...

— Вот и отлично. Погоди-ка минуточку.

Джимми направился к телефону. До его отъезда из Нью-Йорка Артур Мифлин жил в отеле недалеко от Вашингтон-сквер. Скорее всего, он и сейчас там обретался. Джимми набрал номер. Ночной телефонист был его старинным знакомым.

— Алло, Диксон, — сказал Джимми в трубку. — Это вы? Это Питт... Питт! Да, вернулся. Как вы угадали? Да, очень хорошо съездил. Мистер Мифлин дома? Лег спать? Ничего страшного, соедините меня, ладно? Отлично.

Вскоре на другом конце провода раздался сонный, недовольный голос мистера Мифлина.

— В чем дело? Кой черт тут звонит?

— Мой дорогой Артур! Где ты только набрался подобных выражений! Во всяком случае, не от меня.

— Это ты, Джимми? Какого...

— Силы небесные, что же ты скандалишь? Ночь только начинается. Артур, насчет нашего маленького дельца — помнишь, по поводу взлома. Ты меня слушаешь? Не возражаешь, если я возьму с собой ассистента? Не хотелось бы нарушать условия нашего соглашения, но тут подвернулся один парнишка, очень хочет пойти со мной, поучиться кое-каким приемам. Он тоже профессионал. Разумеется, не такого класса, как мы с тобой, но вполне неплохой работяга. Он... Артур! Артур! Какие грубые слова! Как я понял, у тебя нет возражений? Очень хорошо. Только не говори потом, будто я смухлевал. Спокойной ночи!

Джимми повесил трубку и повернулся к Штырю.

— Готов?

— А обувку на резиновом ходу одевать не будете, начальник?

Джимми раздумчиво сдвинул брови, как бы находя долю здравого смысла в предложении новичка. Он сходил в спальню и вернулся, обутый в легкие лакированные ботинки.

Штырь нерешительно кашлянул.

— А пушка вам не понадобится? — отважился он поинтересоваться.

Джимми отрывисто рассмеялся:

— Для меня в работе мозги важнее пушки. Идем!

Невдалеке от дома им попало такси, как это всегда бывает в Нью-Йорке. Джимми усадил Штыря на заднее сиденье, и машина тронулась. Для Джимми Нью-Йорк заканчивался в районе Семьдесят Второй улицы. Дальше начинался Средний Запад — настоящее раздолье для опытного медвежатника. Пригород представлялся ему отдаленной унылой местностью, дурно или вообще никак не освещенной, где изредка попадаются полусонные полицейские.

От такой роскоши, как поездка в такси, Штырь на несколько миль лишился дара речи. Оказавшись, по своим приблизительным расчетам, в достаточно удаленной части Америки, Джимми расплатился с водителем. Тот принял деньги с великолепной надменностью, свойственной всем таксистам на свете. У человека менее возвышенного могло пробудиться любопытство при виде двух пассажиров, настолько не совместимых между собой, но таксист закурил сигарету и поехал восвояси, не проявив к ним ровно никакого интереса. Можно подумать, ему каждый день приходилось возить джентльменов, одетых как для светского раута, в компании лохматых молодых людей в свитерах безумной расцветки, и все это в три часа утра.

— А теперь, — сказал Джимми, — мы пройдемся и осмотримся по

сторонам. Выбор места за тобой, Штырь. Кажется, ты говорил, что знаешь подходящий дом? Это где-нибудь поблизости?

Штырь взглянул на номер улицы.

— Пройтись-таки придется, начальник. Зря вы отослали такси.

— А ты хотел подъехать прямо к двери? Очнись, мой милый!

Они двинулись на восток, удаляясь от Бродвея. Джимми слегка удивило, что эта вечная улица тянется так далеко. Раньше ему просто в голову не приходило поинтересоваться, что происходит с Бродвеем после Таймс-сквер.

Вдали от центра было потемнее, но все-таки слишком светло, по мнению Джимми. Впрочем, эти вопросы он оставил целиком на усмотрение своего спутника. Вероятно, у Штыря имеются свои методы наблюдения незаметности передвижений.

Штырь тем временем брел себе, и брел, и в конце концов остановился возле не такого уж маленького домика.

— Во, здесь! — объявил он. — Это мне один друган подсказал. Я и не знал, что он мне друг, а он взял да и навел меня на эту халабуду. Я думал, он зуб на меня припас еще с той недели. Мы тогда с ним поцапались, не помню уже, об чем. Я думал, он мне теперь устроит, а тут мы с ним случайно встретились, и он мне дал наводку на это местечко.

— Адово пламя, — пробормотал Джимми, — какое великодушие!

Одинокая капля дождя упала ему на макушку. В следующее мгновение дождь хлынул потоком.

— Вопрос решился сам собой, — сказал Джимми. — Теперь нам придется вломиться в дом хотя бы для того, чтобы спрятаться от дождя. Задело, дружок!

Очень кстати подвернулось окошко, расположенное совсем невысоко над землей. Штырь вытащил из кармана маленькую бутылочку.

— Что это? — осведомился Джимми.

— Патока, начальник, — почтительно ответил Штырь.

Он вылил содержимое пузырька на листок бумаги и крепко прижал бумагу к оконному стеклу. Затем извлек какой-то короткий стальной инструмент и резко стукнул по бумаге. Стекло треснуло почти неслышно. Бумага отделилась от окна, оставив неровное отверстие. Штырь просунул туда руку, открыл задвижку и тихонько поднял раму.

— Элементарно, — прокомментировал Джимми. — Элементарно, но вполне действенно.

Оставалось еще справиться со ставнями. На это ушло чуть больше времени, но в конце концов Штырь одолел их методами убеждения.

— Основы ты усвоил неплохо, — похвалил ученика Джимми. — А это, в конце концов, уже полдела. Каждому новичку я даю один и тот же совет: «Не спеши сразу бегать, сперва научись ходить». Для начала нужно освоить азы нашего искусства. Еще немного подучиться, и ты достигнешь приличного уровня. Ну что ж, полезай!

Штырь осторожно перевалился через подоконник. Джимми влез следом за ним, зажег спичку и отыскал выключатель. Они находились в гостиной, обставленной на удивление со вкусом. Джимми ожидал увидеть обычное уродство, но в этом доме все было подобрано великолепно, от обоев до самых мелких безделушек.

Тем не менее дело есть дело. Некогда стоять и любоваться на художественное оформление жилых помещений. Нужно еще вырезать на двери заглавную букву Д. Незачем тянуть, лучше уж покончить с этим побыстрее.

Джимми шагнул к двери, и тут где-то в глубине дома залаяла собака. К ней присоединилась другая. Соло превратилось в дуэт. От шума закладывало уши.

— Хы! — воскликнул Штырь.

Пожалуй, это замечание полностью отражало сложившуюся ситуацию.

Байрон говорит: «Отраден честный лай большого пса».^[6] С точки зрения Джимми и Штыря, честный лай двух больших псов — это было немного чересчур. Штырь выразил свое отношение к происходящему, рванувшись к открытому окну. К сожалению, безупречно выполнить маневр не удалось. Как оказалось, пол комнаты был покрыт не ковром, а маленькими ковриками, разбросанными в художественном беспорядке, под ковриками же он был натерт до блеска. Штырь ступил на один из таких островков, и это его сгубило. Никакие мускулы не спасут человека в подобной ситуации. Коврик поехал. Ноги Штыря взлетели в воздух. Мимолетным метеором мелькнула рыжая голова, и в следующий миг Штырь приземлился на спину с грохотом, от которого сотрясся дом. Даже в эту критическую минуту в сознании Джимми успела промелькнуть мысль: сегодня у Штыря определенно неудачный день.

Между тем старания собачьего хора на втором этаже напоминали уже дуэт «A che la morte» из оперы «Трубадур». Особенно красиво вел свою партию пес-баритон.

Штырь со стоном сел. Природа одарила его черепом, состоящим из сплошной кости безо всяких примесей, и тем не менее падение слегка оглушило его. Глаза Штыря, совсем как у шекспировского поэта, «в

чудном сне взирали с небес на землю, на небо с земли». Он осторожно запустил руку в свои пунцовые вихры.

На лестнице раздались тяжелые шаги. Песье сопрано вдалеке добралось до «ля» верхней октавы и держало ноту, в то время как второй артист выводил рулады в нижнем регистре.

— Вставай! — зашипел Джимми. — Кто-то идет! Вставай, идиот, не можешь, что ли?

Характерно, что Джимми ни на минуту не пришло в голову бросить упавшего и удрать в одиночку. Штырь был для него сейчас собратом по оружию. Оставить его в беде было так же немыслимо, как капитану — покинуть тонущее судно.

И потому, видя, что Штырь, несмотря на все уговоры, продолжает сидеть на полу, потирая себе голову и время от времени меланхолично восклицая: «Хы!» — Джимми покорился злой судьбе и остался стоять, как стоял, в ожидании, когда откроется дверь.

Дверь тут же и открылась, да с такой силой, как будто ее распахнул ураган.

Глава VII ЗНАКОМСТВО

Ураган, ворвавшийся в комнату, как правило, резко меняет положение вещей. Данный ураган передвинул скамеечку для ног, креслице, коврик и Штыря. Креслице, отброшенное массивным башмаком, ударилось о стену. Скамеечка для ног откатилась куда-то в сторону. Коврик смялся и заскользил по полу. Штырь с воплем вскочил на ноги, поскользнулся опять, упал и в конце концов достиг устойчивого компромисса, поднявшись на четвереньки, да так и остался в этой позе, моргая глазами.

Пока происходили все эти волнующие события, где-то наверху стукнула дверь, затем последовал быстрый топот и собачий вокал резко прибавил громкость. Дуэт приобрел уже поистине вагнеровское звучание.

В комнату рысью вбежал белый бультерьер, за ним, в качестве крайне нежелательного дополнения, трусил второй участник дуэта, массивный бульдог, удивительно похожий на крупного мужчину с крупной нижней челюстью, который и положил начало урагану.

Последовала, как сказали бы на театральном жаргоне, немая сцена. На заднем плане, придерживая рукою дверь, стоял человек с челюстью, на авансцене — Джимми, в центре — Штырь с бульдогом, едва не соприкасавшиеся носами, усталились друг на друга с обоюдной неприязнью. Слева бультерьер после короткой стычки с плетеным столиком замер в позе низкого старта, высунув язык и вращая глазами в ожидании дальнейших событий.

Домовладелец смотрел на Джимми. Джимми смотрел на домовладельца. Штырь с бульдогом смотрели друг на друга. Бультерьер оделял своим вниманием всех присутствующих поровну.

— Типичная сценка из жизни мирной американской семьи, — пробормотал Джимми.

Домовладелец свирепо сверкнул глазами.

— Руки вверх, уроды! — заревел он и выхватил гигантских размеров револьвер, настоящего мастодонта.

Двое грабителей удовлетворили его каприз.

— Позвольте, я объясню, — миролюбиво начал Джимми, на всякий случай поворачиваясь лицом к бультерьеру, который неторопливо двинулся в его сторону, весьма неубедительно делая вид, будто просто прогуливается.

— Замри, мерзавец!

Джимми замер. Бультерьер все с тем же рассеянным видом принялся исследовать его правую штанину.

Тем временем отношения между Штырем и бульдогом заметно осложнились. Первый из вышеупомянутых неожиданно взмахнул руками, и это плохо подействовало на нервы животного. Штыря, застывшего на четвереньках, бульдог еще мог худо-бедно стерпеть, но Штырь, изображающий семафор, пробудил в нем боевой дух. Бульдог угрюмо и задумчиво зарычал. В глазах его появилась целеустремленность.

Вероятно, именно это заставило Штыря бросить взгляд в сторону хозяина дома. До сих пор ему было недосуг оглядываться, но взгляд бульдога сделался ему настолько несимпатичен, что несчастный жалобно покосился на человека у двери.

— Хы! — возопил Штырь. — Так это ж начальник! Слышь, начальник, отозвали бы хоть собачку. Она мне сейчас башку откусит.

Домовладелец от удивления опустил револьвер.

— Так это ты, сатанинское отродье! — промолвил он. — То-то мне показалось, что я уже где-то видел твои пакостные рыжие патлы. Что тебе понадобилось в моем доме?

Штырь издал вопль, в котором красиво смешались возмущение и жалость к себе.

— Я этого шведа урою! — завывал он. — Я из него отбивную сделаю! Начальник, подставили меня. Я ж к нему со всей душой! Знакомый он мне, жирный швед, Оле Ларсен кликуха у него. Ну, поцапались мы с ним маленько на той неделе, я его приложил, а он, значит, и обиделся. Затаил, стало быть. А сам подходит ко мне, вроде как по-хорошему, говорит, у него на примете есть для меня работенка, не бей лежачего, только чтобы я с ним поделился пополам. Ну, я говорю, ладно, где это? А он мне номер этого вот дома. Говорит, там старушка живет, вдова, одинокая, у нее, мол, серебряных кружек и разного добра навалом, а сама как раз на юга уехала, в доме, значит, никого не будет. Хы! Я ж этому шведу навешаю! Ну, чисто подстава это, начальник. Он нарочно хотел меня с вами поссорить. Вот так вот все и было, начальник, верьте слову!

Крупный мужчина выслушал историю о данайцах, дары приносящих, не проронив ни звука, в отличие от бульдога, который все это время не переставал рычать.

Штырь тревожно поглядывал на зверя.

— Песика-то не отзовете, начальник? — намекнул он. Хозяин дома нагнулся, ухватил бульдога за ошейник и рывком оттащил назад.

— Точно такая же процедура была бы весьма полезна и этому

игривому, добродушному созданию, — одобрительно заметил Джимми. — Разве только он вегетарианец — в таком случае можете не беспокоиться.

Крупный мужчина сумрачно уставился на него.

— А ты кто такой? — резко спросил он.

— Мое имя... — начал Джимми.

— Слышь, начальник, — вмешался в разговор Штырь, — это же медвежатник-ас!

— Да ну? — сказал хозяин дома, прикрывая дверь.

— Медвежатник-ас из-за океана. Верно говорю. С Лондону. Хы, ну он и крут! Расскажите ему про банк, и про те брூльянты, что вы стырили у герцогини, и про этот, как его — автоген!

По мнению Джимми, Штырь повел себя несколько бестактно. Когда домовладелец с револьвером в руках застаёт вас у себя в гостиной в три часа ночи, не совсем разумно излишне выпячивать свои успехи на грабительском поприще. Хозяин дома о них и так догадается. В этот напряженный момент лучше постараться осветить неграбительскую сторону своей натуры. Можно, скажем, упомянуть о том, что в детстве вы регулярно посещали воскресную школу. Кстати процитируйте, что сказал приходской священник, вручая вам похвальный лист по богословию. Следует заронить в сознание домохозяина мысль о том, что если он отпустит вас, ограничившись предупреждением, ваши благие задатки возьмут верх и вы исправитесь, дабы избежать подобных сцен в будущем.

Вследствие этого Джимми был отчасти удивлен, обнаружив, что откровения Штыря не только не восстановили против него человека с револьвером, но, напротив, судя по всему, расположили в его пользу. Человек с револьвером смотрел теперь на Джимми скорее с интересом, нежели с осуждением.

— Ага, так ты мошенник из Лондона, вот оно что?

Джимми не колебался ни секунды. Если звание лондонского мошенника может служить пропуском в гостиные граждан в ночное время суток, а главное — пропуском на выход из оных без вреда для здоровья, то Джимми ни в коем случае не был намерен отказываться от предложенной роли. Он поклонился вместо ответа.

— Ну, так вот: теперь ты на этом берегу. Ты теперь в Нью-Йорке, усвой это раз и навсегда! Так что тебе придется пойти нам навстречу.

— Само собой, — воскликнул Штырь, радуясь, что обстановка разрядилась и можно перейти на милую сердцу деловую основу.

— Само собой, — любезно откликнулся Джимми. Он не совсем понял смысл слов домохозяина, однако дело явно шло на лад, так зачем же

нарушать гармонию?

— Тот вон тип, — почтительно объяснил Штырь, — он у нас главный полицейский начальник. Начальник округа, — уточнил Штырь.

Во мраке забрезжил свет. Джимми удивился, как это он раньше не сообразил. Проработав год в одной из нью-йоркских газет, он успел познакомиться с некоторыми особенностями здешней полицейской практики. Теперь-то он понял, отчего так переменилось обращение хозяина дома.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Джимми. — Надо бы нам с вами пообщаться как-нибудь на днях.

— Обязательно, — сказал полицейский со значением. Он был богат, богаче, чем когда-то мог надеяться, но он все еще пребывал на земле Тома Тиддлера и собирался воспользоваться этим на полную катушку.

— Я, конечно, не знаю, какие у вас тут, за океаном, методы, но все, что полагается, я всегда...

— Зайдете ко мне на службу. Штырь Маллинз покажет дорогу.

— Очень хорошо. Вы уж нам простите этот предварительный неофициальный визит. Мы, собственно, просто зашли переждать дождь, не что-нибудь такое...

— Да что вы говорите!

Джимми почувствовал, что обязан защитить свое достоинство. Этого требовала сложившаяся ситуация.

— Видите ли, — произнес он надменно, — как правило, я не трачу времени на подобную мелочевку.

— Он больше по банкам, — прошептал Штырь в экстазе. — Банковские сейфы прям живьем глотает. И брелюанты у герцогинь.

— Признаюсь, у меня слабость к бриллиантам и герцогиням, — сказал Джимми. — А теперь, поскольку уже довольно поздно, нам, быть может... Ты готов. Штырь? В таком случае, спокойной ночи. Приятно было познакомиться.

— Зайдете ко мне на службу.

— Постараюсь заглянуть. Вероятно, я буду очень мало работать в Нью-Йорке. Я приехал сюда отдохнуть.

— Мало, не мало, — холодно возразил полицейский, — если вообще собираетесь работать, зайдите ко мне на службу, не то пожалеете, да поздно будет.

— Конечно-конечно. Я, безусловно, хотел бы выполнить все, что полагается. Но едва ли я стану прерывать свой отпуск. Кстати, еще одна мелкая подробность. Вы не возражаете, если я вырежу на вашей входной

двери заглавную букву «Д»?

Полицейский вытаращил глаза.

— С внутренней стороны. Будет совсем незаметно. Просто маленькая причуда. Не возражаете?

— Да что вы мне тут... — начал полицейский.

— Вы меня неправильно поняли. Это просто такой способ расплатиться за обед. Я ни в коем случае не стал бы...

Полицейский ткнул пальцем в сторону окна.

— Вон отсюда, — рявкнул он. — Вы мне надоели, оба. И не забудьте явиться ко мне в кабинет!

Штырь, все еще глубоко не доверяя бульдогу Растусу, ухватился за это приглашение. Он выскочил в окно и скрылся в дружелюбной темноте еще прежде, чем полицейский начальник закончил фразу. Джимми медлил.

— Буду очень рад... — начал он и умолк.

В дверях стояла девушка, и девушку эту он узнал. Ее удивленный взгляд говорил о том, что и она его узнала.

В который раз с той минуты, как он вышел сегодня из своей квартиры в обществе Штыря, у Джимми появилось ощущение нереальности происходящего. Именно так все могло бы случиться во сне! Он заснул, думая об этой девушке, и вот она перед ним. Но один-единственный взгляд на человека с револьвером вернул Джимми на землю. Полицейский начальник ни в коем случае не был существом из мира грез.

Этот джентльмен стоял спиной к двери, и потому не заметил, что народу в комнате прибавилось. Молли тихонько повернула дверную ручку, а ее домашние тапочки ступали совсем бесшумно. Только увидев изумленное выражение на лице Джимми, начальник полиции обернулся к двери.

— Молли!

Девушка улыбнулась, хотя лицо у нее было белое. Ее успокоил вечерний костюм Джимми. Она не понимала, как он здесь оказался, но, по-видимому, все было в порядке. Она застала беседу, а не драку.

— Я слышала шум, ты пошел вниз, а я спустила собак, чтобы они тебе помогли, папа, — сказала Молли. — Потом немножко подождала и сама спустилась посмотреть, как ты тут.

Мистер МакИкern был озадачен. Приход Молли поставил его в трудное положение. Разоблачить гостя как грабителя было невозможно — он слишком много знал. Полицейский только одного боялся в жизни — как бы дочь не узнала, какого рода денежные операции связаны с его профессиональной деятельностью.

Вдруг его осенило.

— К нам вломился воришка, милая, — сказал он. — Этот джентльмен проходил мимо и увидел его.

— Совершенно отчетливо, — подтвердил Джимми. — Ну и мерзкий же тип!

— Но он выскочил в окошко и убежал, — закончил полицейский.

— Очень шустрый, — сказал Джимми. — Я даже думаю, может быть, это профессиональный акробат.

— Он тебя не ранил, папа?

— Нет-нет, милая.

— Вероятно, испугался меня, — заметил Джимми небрежным тоном.

Мистер МакИкern исподтишка нахмурился на него.

— Не будем вас задерживать, мистер...

— Питт, — сказал Джимми. — Моя фамилия Питт. — Он обратился к Молли: — Надеюсь, путешествие было приятным.

Полицейский выпучил глаза:

— Вы знакомы с моей дочерью?

— К сожалению, только издали. Мы оба были пассажирами на «Лузитании». Очень жаль, но я путешествовал вторым классом. Пару раз видел вашу дочь на палубе.

Молли улыбнулась:

— Я помню, я тоже вас видела... пару раз.

— Так вы... — взорвался полицейский. Запнулся и взглянул на Молли.

Девушка склонилась над Растусом и принялась почесывать ему за ухом.

— Позвольте, я провожу вас к выходу, мистер Питт, — отрывисто произнес полицейский.

Голос его прозвучал грубовато, но когда разговариваешь с человеком, которого с дорогой душой хотел бы выбросить в окошко, без грубоватости никак не обойтись.

— Мне, наверное, пора, — сказал Джимми.

— Спокойной ночи, мистер Питт, — сказала Молли.

— Надеюсь, мы еще встретимся, — сказал Джимми.

— Вам сюда, мистер Питт, — прорычал МакИкern, распахивая дверь.

— Не беспокойтесь, пожалуйста.

Джимми подошел к окну, перекинул ногу через подоконник и беззвучно спрыгнул на землю. Потом обернулся и снова сунул голову в окно.

— А неплохо получилось, — сказал он приветливо. — Пожалуй, можно было бы заняться этим профессионально. Спокойной ночи.

Глава VIII В ЗАМКЕ ДРИВЕР

В те времена, когда жители Уэльса еще не научились расходовать излишек энергии на игру в регби, у них было в обычае разнообразить унылую монотонность будней другим способом. Когда повседневная рутина начинала угнетать валлийца, он собирал нескольких приятелей и вместе с ними совершал набег через границу, в Англию, к большому неудобству ее граждан. И вот для борьбы с этой вредной привычкой был выстроен в графстве Шропшир замок под названием Дривер. Потребность в таком строении давным-давно назрела. На время беспорядков замок превращался в безопасное прибежище. Со всех сторон сюда стекались люди, а когда разбойники уходили, потихонечку снова выбирались на свет Божий. За всю историю замка сохранились сведения только об одном случае, когда некий разбойник попытался взять крепость штурмом, но потерпел сокрушительное поражение. Приняв на голову половник расплавленного свинца, прицельно выплеснутый неким Джоном Капелланом (видимо, из числа духовных лиц, увлекающихся спортом), незадачливый вояка в поджаренном состоянии удалился в свое логово в горах, и больше о нем никто никогда не слышал. Но, судя по всему, он оповестил своих друзей о печальном происшествии; во всяком случае, в дальнейшем разбойничьи шайки старательно обходили замок стороной, и любой крестьянин, успевший переступить его порог, оказывался «в домике», так что его уже нельзя было осалить.

Таков был замок Дривер в стародавние времена. Со временем валлийцы стали спокойнее, подрастеряли былую воинственность. Древние крепостные стены высились все так же грозно, но только они одни и напоминали о прошлом. Сам замок превратился в весьма комфортабельное загородное жилище, которым номинально владел Гильдебранд Спенсер Пуант де Бург Джон Хэннесайд Кумби-Кромби, двенадцатый граф Дривер (Спенни — для близких друзей и родственников), белобрысый молодой человек двадцати четырех лет. На самом же деле всем здесь управляли его дядя и тетя, сэр Томас и леди Джулия Блант.

Положение лорда Дривера было довольно щекотливое. Дриверов на протяжении всей истории рода никак нельзя было назвать бережливым семейством. Как только подворачивался случай потратить деньги каким-нибудь особенно безумным и бесполезным способом, очередной Дривер всякий раз хватался за такую возможность с азартом чистокровной борзой.

Мыльный Пузырь Южных Морей поглотил двести тысяч фунтов полновесных драйверских капиталов, а остаток семейного состояния растратил до последнего пенни джентльмен спортивного склада, носивший фамильный титул в эпоху Регентства, когда клубы «Ватъе» и «Кокосовая пальма»^[7] расцвели пышным цветом и целые состояния улетали, словно дым, в течение одного вечера. К тому времени, как Спенни стал графом Драйвером, богатство, хранившееся в семейных сундуках, составляло приблизительно один доллар и тридцать центов.

Тут в семейную историю Драйверов ворвался сэр Томас Блант. Сэр Томас был низенький, розовый, суматошный, упрямый человек с невероятными способностями к торговле и честолубием Александра Македонского. Пожалуй, это был один из самых ярких и цельных образчиков того класса миллионеров, что «пришел-в-Лондон-по-мосту-Ватерлоо-с-полукроной-в-кармане-а-теперь-посмотрите-ка-на-него».

Тщательно ограждая свой мозг от любых мыслей, не связанных с наживанием денег, он продвигался по жизненной лестнице с мрачным и жутким упорством, для которого не существовало преград. К пятидесяти одному году он стал председателем компании «Универмаги Бланта Лимитед», членом парламента (безмолвным, словно восковая фигура, зато исправно радующим свою партию щедрыми пожертвованиями), и был посвящен в рыцари. Все это было хорошо, но он метил еще выше, и вот, встретив тетушку Спенни, леди Джулию Кумби-Кромби в тот момент, когда Драйверы переживали период сильнейшего финансового упадка, сэр Томас осуществил крайне выгодную сделку, женившись на этой даме, что позволило ему сделаться, так сказать, председателем фирмы «Драйвер Лимитед». До тех пор, пока Спенни не уступит настойчивым требованиям председателя и не найдет себе богатую невесту, сэр Томас держал в своих руках семейный кошелек и распоряжался решительно всем в доме, за исключением кое-каких мелочей, находившихся в ведении его жены, — перед нею сэр Томас трепетал.

Однажды под вечер, чуть больше года спустя после событий, описанных в предыдущей главе, сэр Томас у себя в комнате смотрел в окно, откуда открывался очень красивый вид. Замок стоял на холме, нижняя часть которого между домом и озером была нарезана широкими террасами. Само озеро с островком в центре и небольшим лодочным сараем на острове были похожи на кусочек волшебной страны фей.

Но не только красоты пейзажа влекли сэра Томаса к окну. Он глядел в окошко главным образом ради того, чтобы не смотреть в глаза своей жены. В эту минуту ему чрезвычайно не хотелось в них смотреть. Заседание

семейного совета директоров происходило довольно-таки бурно, и леди Джулия, собственно и составлявшая весь совет в одном лице, совсем заклевала председателя. На повестке дня стоял вопрос об этикете, а в делах этикета сэр Томас чувствовал себя не слишком уверенно.

— Я тебе говорю, моя дорогая, — обратился он к оконному стеклу, — на душе у меня беспокойно.

— Чепуха! — отрезала леди Джулия. — Нелепость! Просто смешно!

Леди Джулия манерой вести беседу больше всего напоминала пулемет «Максим».

— Дорогая, а твои бриллианты?

— Мы и сами можем о них позаботиться.

— Зачем же беспокоиться? Вот если бы мы...

— Никакого тут нет беспокойства.

— На нашей свадьбе присутствовал детектив...

— Не будь ребенком, Томас. Детективы на свадьбе — обычное дело.

— Но...

— Ба!

— Я заплатил за это ожерелье двадцать тысяч фунтов стерлингов, — упрямо возразил сэр Томас.

Ему было проще оперировать финансовыми понятиями.

— Позволь спросить, уж не подозреваешь ли ты, что среди наших гостей могут оказаться уголовники? — осведомилась леди Джулия с ледяным презрением.

Сэр Томас выглянул в окошко. Даже самый суровый критик не нашел бы, к чему придраться в поведении обитателей дома, попавших в поле его зрения. Кто-то играл в теннис, еще кто-то — в гольф, остальные курили.

— Да нет, — признал сэр Томас.

— Еще бы! Нелепость, просто нелепость!

— А слуги? В последнее время мы наняли несколько новых слуг.

— С прекрасными рекомендациями.

Сэр Томас чуть было не намекнул, что рекомендации можно и подделать, но мужество ему изменило. Джулия иногда бывала так резка! Она даже не пыталась встать на его точку зрения. Сэр Томас имел склонность воспринимать замок как очередной филиал «Универмагов Бланта». Как владелец универмагов он поставил себе за правило подозревать всех, и такой подход приносил великолепные результаты. В универмагах Бланта нельзя было и шагу ступить, чтобы не наткнуться на чрезвычайно любезного детектива в штатском. Сэр Томас, хоть убей, не мог понять, почему тот же метод нельзя применить в замке Драйвер. Как

правило, гости, живущие в загородном поместье, не воруют имущество хозяина дома, но ведь и в магазине далеко не каждый покупатель тащит с полка товар. Тут дело в принципе, размышлял сэр Томас: будь готов на случай чего. Подозрительность сэра Томаса Бланта граничила с манией. Он вынужден был согласиться, что вероятность проявления воровских тенденций у кого-либо из гостей крайне мала, но вот слугам сэр Томас совершенно не доверял, кроме разве что Сондерса, дворецкого. Это же элементарная предосторожность — поместить в замке детектива из частного агентства на то время, пока здесь полно гостей. Сэр Томас необдуманно обмолвился об этом жене, на что леди Джулия ответила едкой и весьма нелестной критикой.

— По-видимому, — саркастически заметила леди Джулия, — ты станешь утверждать, будто этот человек, которого привезет с собой Спенни, тоже какой-нибудь преступник?

— А? Спенни хочет привезти с собой приятеля?

В голосе сэра Томаса не было слышно большого энтузиазма. Племянник не пользовался особым уважением дядюшки. Спенни смотрел на сэра Томаса со смутным опасением, как на человека, способного чересчур сурово отнестись к его маленьким недостаткам. Сэр Томас, со своей стороны, смотрел на Спенни как на юнца, за которым нужен глаз да глаз, не то он обязательно влипнет в какую-нибудь дрянную историю.

— Я только что получила от него телеграмму, — объяснила леди Джулия.

— Кто этот его друг?

— Он не написал. Просто сказал, что познакомился с этим человеком в Лондоне.

— Хм-м!

— И что означает это «Хм-м»? — строго спросила леди Джулия.

— В Лондоне можно познакомиться с довольно странными типами, — рассудительно отвечал сэр Томас.

— Чепуха!

— Как скажешь, дорогая. Леди Джулия встала.

— Что касается твоей идеи насчет детектива, это, конечно, полная нелепость.

— Безусловно, моя дорогая.

— Даже и не думай об этом!

— Как скажешь, дорогая.

Леди Джулия вышла из комнаты.

То, что за этим последовало, быть может, до некоторой степени

объясняет секрет блестящих жизненных достижений сэра Томаса Бланта. Во всяком случае, здесь мы видим свидетельство целеустремленности, что является одной из важнейших составляющих успеха.

Не успела закрыться дверь за леди Джулией, как сэр Томас подошел к письменному столу, взял перо и бумагу и написал следующее письмо:

«Управляющему,
Детективное агентство Врагга,
Холборн Барз, Лондон, почтовый округ Восток-Центр.
Сэр,

в связи с моим предыдущим письмом от 28-го сего месяца буду рад, если вы немедленно пришлете ко мне одного из ваших лучших сотрудников. Организую, чтобы его встретили. Будьте добры предупредить его, чтобы он явился в замок Драйвер под видом желающего поступить на место моего личного слуги. Я поговорю с ним сразу же по прибытии, приму на работу и дам дальнейшие указания.

Искренне ваш,
Т. Блант.

P.S. Жду его завтра вечером. Подходящий поезд отходит в 2:15 от Пэддингтонского вокзала».

Сэр Томас перечитал письмо, добавил в одном месте запятую, вложил листок в конверт и раскурил сигару с видом человека, который может отступить, но не покорится никогда.

Глава IX ДРУЗЬЯ НОВЫЕ И СТАРЫЕ

Вечером того дня, когда сэр Томас Блант составил и отослал свое письмо в Детективное агентство Врагга, Джимми Питт зашел поужинать в ресторан гостиницы «Савой».

Если у вас есть деньги и соответствующая одежда, и вы не возражаете против того, чтобы вас выпихнули на улицу как раз, когда вы только-только начали по-настоящему веселиться, то немного найдется для вас занятий приятнее, чем ужин в гостинице «Савой» в Лондоне. Но Джимми, разглядывая толпу сквозь дымок своей сигареты, чувствовал, что этот мир, несмотря на блеск и суету, уныл и неинтересен, и что сам он в этом мире одинок.

С того развеселого вечера в доме полицейского начальника МакИкерна прошло немногим больше года. За это время Джимми объехал много новых мест. Им снова овладело беспокойное стремление к путешествиям. Кто-то при нем упомянул о Марокко, и две недели спустя Джимми уже был в городе под названием Фес.

Он больше не виделся ни с кем из главных действующих лиц ночной драмы. Тогда он возвратился домой, ступая по облакам, ликуя и поражаясь удивительному случаю, который позволил ему снова встретить девушку с «Лузитании» и даже говорить с ней, и внезапно сообразил, что снова потерял ее. Мало того, что он по-прежнему не знал ее адреса, он еще и понятия не имел, как ее зовут! Штырь все время называл полицейского «начальник», и больше никак. Кроме должности, Джимми не узнал об этом человеке ровным счетом ничего. Штырь скрылся и унес с собою ключ к разгадке тайны. Все новые знакомые той ночи исчезли из его жизни, развеялись, словно сон наяву. Что касается человека с револьвером, о нем Джимми ничуть не жалел. Он успел пообщаться с этим массивным персонажем около четверти часа, и этого с него вполне хватило. Неплохо было бы снова встретиться со Штырем, но Джимми переносил разлуку стоически. Оставалась девушка с парохода, и вот она-то так и стояла у него перед глазами все триста восемьдесят четыре дня, прошедшие со времени их последней встречи.

Из-за нее Нью-Йорк стал казаться перенаселенным городом. Джимми несколько недель нес вахту на всех улицах, где можно было надеяться ее встретить, в Парке и на Риверсайд-драйв. Ходил по театрам и ресторанам — все было безуспешно. Несколько раз он забредал в трущобный район

Бауэри — не случится ли встретиться со Штырем? Рыжие головы попадались в изобилии, но ни разу не увидел он юношу, которого наставлял в искусстве кражи со взломом. Под конец общество «Вагантов» утомило его, и он снова пустился странствовать по свету. Завсегдатаи клуба сильно тосковали о нем, особенно та немалая их часть, кому вечно требовалось перехватить до субботы. Многие годы Джимми служил для этих бедолаг своеобразным банком, откуда они в любой момент могли снять необходимые средства. Им было очень обидно, что одна из редки:, натур, у которых в любое время суток можно стрельнуть пару долларов, пропадает без всякой пользы где-нибудь в Испании или в Марокко — особенно в Марокко, где, по рассказам, встречаются разбойники с прямо-таки нью-йоркской хваткой.

Они долго отговаривали Джимми от поездки. Они поминали Райсули и Кайда Мак-Лина.^[8] Но Джимми было не остановить. Неотвязный овод тревожил его, не давая усидеть на одном месте.

Целый год он переезжал из одной страны в другую, каждый день заново убеждаясь в том, как верно говорил Гораций о путешествующих, что чувства не меняются с климатом, — и в конце концов, как всякий странник, оказался на вокзале Чаринг-Кросс.

Тут он попробовал взбунтоваться. Это вечное бегство бессмысленно, сказал он сам себе. Нужно остановиться и победить лихорадку, сжигающую его изнутри.

Две недели он вел эту внутреннюю борьбу и уже начинал подумывать об отступлении. Один тип за ланчем что-то говорил о Японии...

Наблюдая за посетителями ресторана, Джимми обратил внимание на столик неподалеку, за которым сидели трое: довольно хорошенькая девушка, величественная дама средних лет — по-видимому, ее мать, и худосочный молодой человек со светлыми волосами, немногим старше двадцати. Джимми заметил эту компанию из-за практически неумолчной болтовни молодого человека, то и дело прерывавшейся своеобразным пронзительным кудахчущим смешком. Когда и болтовня, и смех внезапно смолкли, Джимми невольно снова посмотрел в ту сторону.

Молодой человек сидел лицом к Джимми, и тот сразу заметил, что с юношей не все ладно. Он был бледен. Он что-то бессвязно бормотал. На лбу у него выступил пот.

Джимми поймал его взгляд. Выражение незнакомца было загнанное.

Учитывая время и место действия, причиной тут могло быть только одно из двух. Либо светловолосый молодой человек увидел привидение, либо он неожиданно понял, что у него не хватит денег расплатиться по

счету.

Сердце Джимми дрогнуло при виде таких страданий. Он вынул из бумажника визитную карточку, нацарапал: «Не могу ли я чем-нибудь помочь?» — и передал официанту с просьбой отнести ее молодому человеку, пребывавшему на грани обморока.

В один миг белобрысый юноша подскочил к столику Джимми и лихорадочно зашептал:

— Послушайте, старина, это ужасно здорово с вашей стороны! Жутко неудобно получилось. Вышел из дома, а денег не захватил. Мне так неприятно... Вы со мной даже не знакомы.

— Не сыпьте соль на раны, — попросил Джимми. — Это не моя вина, а моя беда.

Он положил на стол пятифунтовую банкноту и потащил из бумажника другую со словами:

— Скажите, когда остановиться.

— Слушайте, спасибо вам огромное, — сказал молодой человек. — Я уже не знал, что и делать. — Он схватил со стола банкноту. — Завтра же верну. Вот моя карточка. А ваш адрес есть на карточке? Куда я ее... Фу, черт, она у меня в руке! — Снова включился кудахчущий смех, посвежевший и окрепший после краткого отдыха. — «Савой Мэншнз», правильно? Зайду завтра. Еще раз огромное спасибо, старина. Просто не знаю, что бы я без вас делал.

— Всегда рад помочь, — скромно отозвался Джимми.

Молодой человек порхнул к своему столику, унося добычу. Джимми посмотрел на оставшуюся у него карточку. На ней было написано «Лорд Драйвер», и в уголке название известного клуба. Имя Драйвер было Джимми знакомо. Все знали замок Драйвер — отчасти потому, что это был один из старейших домов в Англии, но прежде всего потому, что уже много веков рекламой ему служили рассказы о жутчайшем привидении. Все слышали о тайне Драйверов, которую знают только граф и семейный адвокат и о которой рассказывают очередному наследнику в полночь, когда ему исполняется двадцать один год. Джимми встречалась эта история в газетах по всей территории Соединенных Штатов, от Нью-Йорка до какого-нибудь Мизервилля, штат Айова. Он с новым интересом посмотрел на белобрысого молодого человека, вместившего в себя ужасную тайну. Ходили слухи, будто бы наследник, услышав ее, никогда уже больше не улыбался, но на нынешнего лорда Драйвера она, как видно, не слишком сильно повлияла. Его кудахчущий смех практически заглушал оркестр. Скорее всего, подумал Джимми, когда семейный адвокат закончил свой

рассказ, белобрысый молодой человек прокомментировал его речь следующим образом: «Нет, правда, что ли? Послушайте, вот ведь черт побери, какие дела!».

Джимми уплатил за ужин и собрался уходить.

Была прекрасная летняя ночь — слишком прекрасная, чтобы сразу лечь спать. Джимми вышел на набережную и остановился, опираясь на парапет, разглядывая неясную таинственную массу зданий на том берегу, на стороне графства Саррей.

Должно быть, он простоял так довольно долго, витая мыслями где-то вдали, как вдруг прямо у него за плечом раздался голос:

— Послушайте, прошу прощения, не найдется ли у вас... Хелло! — Это был его белобрысое лордство граф Драйвер. — Послушайте, вот ведь черт побери, мы с вами постоянно встречаемся!

Бродяга, спавший поблизости на скамейке, тревожно вздрогнул во сне от его кудахчущего смеха.

— Любовались на реку? — поинтересовался лорд Драйвер. — Я тоже. Часто так делаю. Вы согласны, от этого вроде как бы становится как-то так... Ну, сами понимаете. В таком, ну знаете, духе... Даже не знаю, как это выразить.

— Сиропообразном? — подсказал Джимми.

— Я хотел сказать — поэтическом. Допустим, есть одна девушка...

Он умолк и стал смотреть вниз, на воду. Джимми такая задумчивость была близка и понятна — в его жизни тоже была одна девушка.

— Я их усадил в такси, — продолжил лорд Драйвер, — и пошел сюда покурить, только спичек у меня не оказалось. У вас, случайно...?

Джимми протянул ему коробок. Лорд Драйвер закурил сигару и снова устремил взор на реку.

— Потрясный вид, — изрек он. Джимми кивнул.

— Забавное дело, — сказал лорд Драйвер. — Днем вода мутная и мерзкая. Прямо-таки угнетающее зрелище. А вот ночью... — Он помолчал и, минутой спустя, заговорил снова: — Послушайте, вы видели девушку, с которой я был в «Савое»?

— Да, — сказал Джимми.

— Потрясная девушка, — истово сказал лорд Драйвер.

На набережной Темзы в предрассветный час не бывает посторонних. Любой человек, с кем вы заговорите — ваш друг, и если он готов слушать (а по здешнему этикету слушать он обязан), можете без стеснения излить ему душу. Именно этого от вас и ждут!

— Я жутко ее люблю, — сказал его лордство.

— С виду она очаровательная девушка, — сказал Джимми.

Помолчали, внимательно рассматривая реку. Где-то в ночи послышался плеск весел — полицейский катер совершал патрулирование.

— А она вызывает у вас желание поехать в Японию? — спросил неожиданно Джимми.

— А? — дернулся его лордство. — В Японию? Джимми внезапно перешел с позиции сочувственного слушателя на позицию доверительного рассказчика.

— Год назад я встретил девушку... всего-то один раз мы и встретились по-настоящему, а потом... Ну ладно! Словом, все это так на меня подействовало, я просто не мог нигде оставаться дольше месяца. Поехал в Марокко — без толку. Поехал в Испанию — тоже не легче. Вот на днях один малый говорил, Япония тоже довольно интересная страна. Я и думаю, не съездить ли?

Лорд Драйвер посмотрел на бывшего путешественника с интересом.

— Мне этого не понять, — сказал он озадаченно. — Чего ради мотаться по всему свету? В чем проблема? Почему вам не остаться рядом с этой девушкой?

— Да я не знаю, где она.

— Не знаете?

— Она исчезла.

— Где вы ее видели в последний раз? — спросил лорд Драйвер, как будто Молли была перочинным ножиком, который потерялся.

— В Нью-Йорке.

— А что значит — исчезла? Вы что, не знаете ее адрес?

— Я даже имени ее не знаю.

— Ну знаете, черт побери, что за дела! Вы с ней хоть разговаривали?

— Только один раз. Все это довольно сложно. В общем, она пропала.

— Ничего себе история, — сказал лорд Драйвер, и Джимми с ним от души согласился.

— Похоже, — сказал его лордство, — мы с вами в одной лодке.

— А у вас в чем проблема? Лорд Драйвер замялся:

— Да вот, просто я хочу жениться на одной девушке, а дядюшка мой желает, чтобы я женился на другой.

— И вы боитесь задеть дядюшкины чувства?

— Не то, чтобы чувства, а просто... а, ну его, слишком долго рассказывать. Я, пожалуй, пойду. У нашей семьи дом на Итон-сквер.

— Вы поедете или пешком? Если пешком, я могу пройти с вами часть пути.

— Отлично. Ну что, пошли?

Они свернули на Стрэнд и через Трафальгарскую площадь вышли на Пиккадилли. Пиккадилли в предрассветный час приносит в душу мир и покой. Какие-то люди поливали мостовую водой из длинного шланга. Плеск воды, льющейся на пересохшие деревьяшки, ласкал слух.

У самого входа в Гайд-парк, справа от дороги, стоит небольшая закусовая для таксистов. От волнения и разговоров у лорда Драйвера разыгралась жажда. Он предложил завершить эту ночь удовольствий чашечкой кофе.

— Я часто сюда захожу, когда я в городе, — сказал лорд Драйвер. — Таксисты не возражают. Нормальные ребята.

Когда они открыли дверь, оказалось, что забегаловка почти полна. Внутри было жарко. Таксисты при выполнении своих профессиональных обязанностей успевают так надышаться свежим воздухом, что в частной жизни предпочитают обходиться без него. Атмосфера забегаловки была насыщена разнообразными и противоречивыми запахами. В данный момент на первый план вышел жареный лук, хотя плиточный табак, будучи достойным соперником, не собирался отказываться от борьбы. Тонкое и вдумчивое обоняние могло бы также констатировать присутствие бифштексов и кофе.

В забегаловке происходил спор.

— Тебе, небось, не шибко охота попасть в Россию, — произнес чей-то голос.

— Нет, я хучь щас в Руссю! — возразил таксист, похожий на сморщенную мумию, терпеливо дую на блюдечко с кофе.

— С чего это тебе в Россию захотелось? — осведомился его собеседник, заставляя вспомнить диалоги между массой Боунсом и массой Джонсингом.^[9]

— А с того, шо там щас ходют по колено в кровищце! — ответствовала мумия.

— В чем, в чем?

— В кровищце! В кровищце, шоб я пропал! Вот потому-то я хучь щас в Руссю.

— Веселый парнишка, — рассудил лорд Драйвер. — Послушайте, можно нам по чашечке кофе?

— Может, ну ее, эту Японию, поехать лучше в Россию? — задумчиво проговорил Джимми.

Им подали смертоносный напиток. Общий разговор продолжался своим чередом. Знатоки один за другим высказывали свои взгляды на

внутренние дела России. Джимми получил бы от всего этого громадное удовольствие, не будь он таким сонным. Его спина уютно прислонилась к стене. Жара, стоявшая в закуской, понемногу одурманила мозг. Голоса спорящих становились все слабее.

Он уже было задремал, как вдруг новый голос прорезался сквозь гул общей беседы и разбудил Джимми. Этот голос был ему знаком, равно как и своеобразный выговор.

— Прошу прощения, жентльмены!

Джимми поднял голову, стряхивая дремотный дурман. В дверях стоял оборванный молодой человек с огненно-рыжей шевелюрой и смотрел на посетителей закуской с полуиронической, полу-вызывающей ухмылкой.

Джимми узнал этого человека. Это был Штырь Маллинз.

— Прошу прощения, — сказал Штырь Маллинз. — Не найдется ли на этом конкурсе красоты добрая душа, что угостит стаканчиком бедного сиротку? Жажда, понимаете ли, замучила. Только соблюдайте, пожалста, очередь, жентльмены.

— Закрой дверь, поганец, — неприветливо проговорила мумия таксиста.

— И давай, вали отсюда, — прибавил политический противник мумии. — Нам здесь такие типчики ни к чему.

— Ага, значит, вы все ж-таки не мои давно потерянные братики, — расстроился новичок. — Вот ведь я же так и подумал, не то с лица были бы покрасивше. Спокойной ночи, жентльмены.

— Сказано тебе, закрой дверь! — рявкнула мумия с возрастающей суровостью.

Штырь нехотя шагнул за порог, и в этот момент Джимми встал и окликнул его:

— Одну минуточку!

Джимми еще ни разу в жизни не бросил друга в беде. То есть, строго говоря, Штырь, вероятно, не был ему другом, но даже просто знакомый всегда мог рассчитывать на Джимми в трудную минуту. А Штырь сейчас явно переживал именно такую минуту.

На лице трущобного юноши промелькнуло изумление и тут же сменилось деревянной неподвижностью. Он принял предложенный софлер, пробормотал невнятные слова благодарности и, шаркая ногами, вышел на улицу.

— Зачем вы дали ему деньги? — удивился лорд Драйвер. — Он их пропьет, только и всего.

— А, он мне напомнил одного знакомого.

— Знакомого? Из цирка Барнума, должно быть, — сказал его лордство. — Ну что, пошли?

Глава X ДЖИММИ ПОДБИРАЕТ НА УЛИЦЕ ХРОМУЮ СОБАЧКУ

Когда Джимми остановился на пороге своего дома, от ночных теней отделилась черная фигура и, волоча ноги, приблизилась к нему.

— Это ты, Штырь? — спросил Джимми.

— Точно, начальник.

— Заходи.

Джимми провел его в дом, включил электричество и затворил дверь. Штырь стоял, моргая на ярком свете, вертел в руках помятую шляпу. Его рыжие волосы полыхали огнем.

Джимми незаметно рассмотрел его и пришел к выводу, что финансы у Маллинза на нуле. Костюм Штыря в некоторых довольно важных подробностях отличался от общепринятого одеяния светского человека. Да, трущобного юношу никак нельзя было назвать истинным денди. Шляпа у него была из мягкого черного фетра, по моде нью-йоркского Ист-Сайда. Выглядела она неважно, словно после бурно проведенной ночи. Черный фрак, лопнувший на локтях, весь в пятнах грязи, был застегнут на все пуговицы — видимо, с целью скрыть отсутствие сорочки, что, впрочем, удалось не вполне. Картину довершали серые фланелевые брюки и ботинки, из которых кокетливо выглядывали большие пальцы ног.

Штырь, кажется, и сам сознавал, что некоторые детали его туалета не порадовали бы издателя журнала, посвященного мужской моде.

— Извините за эту одежонку, — попросил он. — Мой лакей куда-то задевал чемодан с выходным костюмом. Пришлось взять что попроще.

— О чем разговор, Штырь, — сказал Джимми. — Ты прямо первый красавец. Пить будешь?

При виде графинчика глаза Штыря загорелись. Он опустил в кресло.

— Сигару, Штырь?

— А то! Псибо, начальник.

Джимми раскурил трубку. Штырь поначалу изящно прихлебывал виски маленькими глоточками, но затем отбросил смущение и единым духом прикончил стакан.

— Еще один? — предложил Джимми.

Широкая улыбка Штыря говорила о том, что эта идея ему по нраву.

Джимми сидел и молча курил. Он думал. Он чувствовал себя сыщиком, напавшим на след. Наконец-то он сможет узнать, как зовут

девушку с «Лузитании»! Безусловно, это ему не слишком поможет, но все-таки. Может быть, Штырь даже помнит адрес того дома, куда они в тот раз вломились.

Штырь смотрел на Джимми поверх стакана в безмолвном восхищении. Квартира, которую Джимми снял на год в надежде, что постоянное жилище поможет ему удержаться на одном месте, была обставлена недурно, даже, можно сказать, роскошно. В глазах Штыря каждое кресло, каждый столик были овеяны романтикой — ведь все это приобретено на доходы от ограбления Нового Азиатского банка или от бриллиантов герцогини Хейвентской. Он онемел от преклонения перед человеком, способным извлекать такую громадную выгоду из профессии взломщика. Самому Штырю эта профессия позволяла заработать разве что на хлеб с маслом, да изредка — поездку в парк аттракционов на Конни-Айленде. Поймав его взгляд, Джимми заговорил:

— Такие вот дела, Штырь. Любопытно, как это мы встретились!

— Чума, — согласился Штырь.

— Не представляю тебя за три тысячи миль от Нью-Йорка. Отсюда ведь даже не знаешь наверняка, что машины все так же бегают взад-вперед по Бродвею.

В глазах Штыря появилась грусть.

— Я уж три месяца здесь. Думаю себе, пора навестить добрый старый Лондон. В Нью-Йорке больно стало неуютно. Полицейские совсем жить не давали. Ну, не нравился я им, и все тут. Я и свалил.

— Не повезло, — посочувствовал Джимми.

— Жуткое дело, — подтвердил Штырь.

— Послушай, Штырь, — начал Джимми. — Знаешь, я ведь тебя искал перед тем, как уехать из Нью-Йорка.

— Хы! Жалко, что не нашли! Вам помощь требовалась в работе, да, начальник? Банк или... бральянты?

— Да нет, не о том речь. Помнишь, как мы тогда вломились в такой домик на окраине. Где жил начальник полиции?

— А то!

— Как его звали?

— Кого, полицейского-то? МакИккерн его звали, начальник.

— Мак как? Можно по буквам?

— Без понятия, начальник, — бесхитростно ответил Штырь.

— Скажи еще раз. Сделай глубокий вдох, произноси внятно и раздельно. Как звонкий колокольчик. Ну?

— МакИккерн!

— Так. А где был этот дом, ты помнишь? Штырь наморщил лоб.

— Забыл, — признался он наконец. — Где-то такое на какой-то улице, вроде как в пригороде.

— Очень содержательно, — прокомментировал Джимми. — Попробуй еще разок.

— Я обязательно вспомню, начальник! Только не сразу.

— Значит, мне придется держать тебя при себе, пока это не случится. В настоящий момент ты для меня самый бесценный человек на свете. Где ты живешь?

— Я-то? В парке. Ага, там и живу. Шикарная одноэтажная скамеечка с видом на юг.

— Ну, если ты готов с нею расстаться, тебе больше не придется ночевать в парке. Можешь раскинуть свой шатер под моим кровом.

— Здесь? Правда, что ли, начальник?

— Если только мы не надумаем куда-нибудь переехать.

— Я — «за»! — объявил Штырь, вальяжно раскинувшись в кресле.

— Нужно тебе приодеться, — сказал Джимми. — Завтра ходим в магазин. С такой фигурой можно одеться во все готовое. К счастью, ты не очень высокий.

— По мне, так это несчастье, начальник. Был бы я малость повыше, смог бы поступить в полицейские, сейчас уже кирпичный дом имел бы на Пятой Авеню. У нас на Манхэттене полицейские лопатой деньги гребут.

— Кому и знать, как не тебе! — воскликнул Джимми. — Расскажи мне еще, Штырь. Должно быть, в нью-йоркской полиции многие наживаются на взятках?

— А то. Посмотрите хоть на старика МакИкерна.

— Хотел бы я на него посмотреть. Расскажи мне о нем, Штырь. Кажется, ты хорошо его знаешь?

— Я-то? А то. Он у них хуже всех. Жадный такой, только давай ему. Слышите, а дочку его вы видели?

— Что такое? — резко спросил Джимми.

— Я один раз видал. — Штырь впал в лирическое настроение. — Хы! Вот это пташка — прямо персик! Да я бы ради нее все бросил! Молли ее кликуха. Она...

Джимми свирепо сверлил его взглядом.

— А ну, прекрати! — крикнул он.

— Что такое, начальник? — удивился Штырь.

— Прекрати! — повторил Джимми с яростью.

— Как скажете, — покорился Штырь в недоумении, смутно понимая,

что его слова чем-то были неприятны великому человеку.

Джимми злобно грыз черенок своей трубки. Штырь, переполненный благими намерениями, сидел на краешке кресла, скорбно попыхивал сигарой и гадал, чем это он провинился.

— Начальник? — позвал Штырь.

— Что?

— Начальник, а вы чего тут делаете? Возьмите меня в игру, а? Вы все по той же части? Банки там, брульянты герцогиньские? Вы ж меня возьмете в дело, правда?

Джимми расхохотался.

— Я и забыл, что ничего не успел рассказать о себе, Штырь. Я ушел на покой.

Ужасная правда не сразу проникла в сознание несчастного.

— Слышь, начальник, это вы чего? В завязке, что ли?

— Вот именно. То самое слово.

— И брульянтов больше не тырите?

— Ни в коем случае.

— И с этим больше не работаете, как его... с автогеном?

— Я продал свой автоген, работающий на кислородно-ацетиленовой смеси, раздарил знакомым усыпляющие вещества и теперь собираюсь начать с чистого листа, вести жизнь почтенного респектабельного гражданина.

Штырь тихо охнул. Его мир рассыпался в прах. Та нью-йоркская прогулка с Джимми, медвежатником высочайшего класса, была лучшим, великолепнейшим воспоминанием в его жизни, и теперь, когда они снова встретились в Лондоне, Штырь мечтал о долгом и плодотворном сотрудничестве в области уголовно-наказуемой деятельности. Сам он вполне готов был ограничиться скромной ролью подручного. Довольно и того, что он будет работать с таким мастером! Он смотрел на несметные богатства города Лондона и повторял вслед за фельдмаршалом Блюхером: «Вот этот бы город пограбить!». ^[10]

И тут его кумир единым словом разрушил прекрасное видение!

— Выпей еще, Штырь, — сочувственно предложил бывший медвежатник. — Я вижу, это тебя потрясло.

— А я-то думал, начальник...

— Знаю-знаю. Такова трагедия нашей жизни. Мне очень жаль, но тут ничего не поделаешь. Денег у меня теперь куча, так зачем продолжать старое?

Штырь с вытянутым лицом сидел и молчал. Джимми хлопнул его

по плечу.

— Не грусти! Откуда ты знаешь, может быть, жить честно тоже очень даже весело? Многие всю жизнь так живут, и ничего, еще и удовольствие получают! Ты бы тоже попробовал, Штырь.

— Я, начальник? Чего это, мне чтобы тоже честно?

— А то! Ты для меня единственное связующее звено... Мне совсем не хочется, чтобы ты вспомнил тот адрес на вторую неделю десятилетнего срока в Дартмурской тюрьме. Штырь, сынок, я уж тебя не выпущу из виду. Буду следить за тобой, точно рысь. Мы вместе посмотрим мир. Возьми себя в руки, Штырь! Гляди веселей! Ну, улыбнись!

Штырь немного подумал и в самом деле улыбнулся, хотя и чуточку бледно.

— Вот это дело, — сказал Джимми. — Мы с тобою, Штырь, рука об руку вступим в светское общество. Ты будешь иметь потрясающий успех. Помни одно: выглядеть бодрым и жизнерадостным, причесывать волосы щеткой и не прикасаться к ложкам. Дело в том, что в высших кругах принято пересчитывать ложки после того, как уйдет последний гость.

— А то, — отозвался Штырь с полным пониманием разумности такой меры.

— А теперь, — сказал Джимми, — пора баиньки. Потерпишь одну ночь на диване? Истинно великодушный человек уступил бы тебе свою постель, но я не такой. Завтра добуду для тебя кровать.

— Мне-то? — воскликнул Штырь. — Хы! Да я целую неделю ночевал в парке. Мне и диван сойдет, начальник.

Глава XI ПОВОРОТ

На следующий день Джимми с утра пораньше отправил Штыря к портному, дав указание по дороге постричься, а сам сел за завтрак, совмещенный с ланчем, и тут к нему пришел лорд Драйвер.

— Так и думал, что застаю вас дома, — заметил его лордство. — Ну что, как дела? Завтракаете? Черт побери, а мне кусок в горло не лезет.

Внешний вид лорда подтверждал его слова. Потомок сотни поколений графов был бледен, и взгляд у него был рыбий.

— У меня сейчас гостит один парень... мы с ним сегодня едем в Драйвер... познакомились в клубе... Харгейт его зовут — может, знакомы? Нет? Так вот, когда я вчера вернулся домой, он еще не спал, и мы сразились в бильярд... он паршиво играет, просто что-то страшное; я ему дал форы двадцать очков... до пяти утра играли. Чувствую себя кошмарно. До вечера бы не вставал, но нужно успеть к поезду в два пятнадцать. Единственный приличный поезд до Драйвера.

Лорд рухнул в кресло.

— Жаль, что вы не в настроении питаться, — сказал Джимми, потянувшись за джемом. — Я-то, как правило, являюсь к столу в первых рядах, как только прозвучит гонг. В свое время мне приходилось завтракать стаканом воды и пакетиком птичьего корма. Это отучает привередничать. Видели утреннюю газету?

— Благодарю.

Джимми закончил завтракать и раскурил трубку. Лорд Драйвер отложил газету.

— Послушайте, — заговорил он, — я вот из-за чего пришел. Какие у вас нынче планы?

Джимми, сказать по правде, вообразил было, что его друг зашел вернуть одолженные накануне пять фунтов, но его лордство ни словечком не намекнул на подобные материи. Позже Джимми узнал, что такие провалы в памяти, когда дело касалось финансовых обязательств, были основополагающей чертой характера лорда Драйвера.

— Вы хотите сказать — планы на сегодня? — спросил Джимми.

— Ну, вообще на ближайшее будущее. Я вот о чем — может, отложите пока ту поездку в Японию, поедem лучше со мной в Драйвер?

Джимми задумался. Япония, Драйвер — какая, в конце концов, разница? Интересно будет повидать замок, о котором ему столько

приходилось читать.

— С удовольствием, — сказал он. — А вы уверены, что это будет удобно? Вы, должно быть, не рассчитывали на лишнего гостя?

— Да что вы! Чем больше народу, тем веселее. Успеете к поезду в два пятнадцать? Нужно было мне, конечно, предупредить вас заранее.

— Ничего страшного. Я могу собраться за десять минут. Большое вам спасибо.

— Отлично! Поохотимся, и всякая такая штука. Да, и кстати вы умеете держаться на сцене? Я к тому, что у нас там затеяли что-то вроде любительского спектакля. Один человек по имени Чартерис непременно хотел устроить спектакль — он постоянно этим занимается. По-моему, полная бредятина, но его не остановишь. Вы что-нибудь такое умеете?

— Можете мне поручить любую роль, хоть императора Марокко, хоть Шум За Сценой. Я одно время работал в театре. Особенно мне удастся передвигать декорации.

— Молодчина! Ну, пока. Не забудьте, два пятнадцать с Пэддингтонского вокзала. Там и встретимся. А сейчас мне надо еще повидаться с одним деятелем.

— Буду ждать вас на вокзале.

Вдруг в голове у Джимми мелькнуло: Штырь! Чуть было не забыл! Ни в коем случае нельзя упускать из виду это дитя трущоб — единственное, что связывает его с домиком в окрестностях Сто Пятидесятой улицы. У себя в квартире трущобного мальчика тоже не оставишь. Перед мысленным взором Джимми мгновенно возникла картинка: Штырь, оставшись один в Лондоне, разворачивает бурную профессиональную деятельность на территории «Савой Мэншнз». Нет, Штыря необходимо пересадить на сельскую почву. Правда, Джимми сложно было представить Штыря в деревне. Как он будет скучать, бедолага! Но другого выхода нет.

Лорд Драйвер упростил ему задачу.

— Кстати, Питт, у вас, конечно, имеется лакей или что-то в этом роде? Такой жуткий тип, который вечно забывает упаковать ваши воротнички? Его тоже берите с собой, естественно.

— Спасибо, — сказал Джимми. — Возьму.

Вопрос был улажен, и тут открылась дверь. На пороге возник предмет их беседы. С широкой горделиво-застенчивой улыбкой, держась необыкновенно скованно в одном из ярчайших твидовых костюмов, какие только можно увидеть за пределами театральных подмостков, Штырь постоял минутку, позволяя зрителям насладиться великолепием своего

облика, затем шагнул в комнату.

— Ну как вам, начальник? — осведомился он радостно. Лорд Драйвер в изумлении взирал на это многоцветное создание.

— Я практически ослеп, Штырь, — ответил Джимми. — Зачем ты это приобрел? У нас электрическое освещение имеется.

Штырь был переполнен новостями.

— Слышь, начальник, эта лавочка одежная — прямо чудо какое-то! Старикан-то сперва на меня посмотрел косо. «Что такое? — говорит. — А ну, выметайся!» А я сразу ему под нос пети-мети, что вы мне утром дали: организуйте мне, мол, пижонский костюмчик. Хы, он давай костюмы на прилавок метать, аж до самого горизонта! Я прямо вспотел, на него глядячи. «Выбирайте, — говорит. — Вы платите денежки, остальное — наша забота!». Ну, я и ткнул: этот, мол. Выложил денежки, и вот он я, начальник!

— Я заметил, Штырь, — сказал Джимми. — Тебя и в темноте будет видно.

— А чего, вам не нравится, начальник? — встревожился Штырь.

— Потрясающе, — сказал Джимми. — Рядом с тобой царь Соломон во всей своей славе будет похож на циркового велосипедиста.

— Ну, точно, — поддержал Штырь. — Прямо чума.

И явно не замечая лорда Драйвера, все это время безмолвно его созерцавшего, дитя трущоб исполнило нечто вроде шаманской пляски, притопывая ногами по ковру.

Этого перегруженный мозг его лордства уже не вынес.

— До свидания, Питт, — сказал он. — Я пойду. Нужно еще повидаться с одним деятелем.

Джимми проводил его до двери.

Выйдя за порог, лорд Драйвер приложил ладонь ко лбу.

— Послушайте, Питт, — сказал он.

— Да?

— Это еще что за черт?

— Кто? Штырь? А, это мой слуга.

— Слуга! Он всегда такой? Я хочу сказать, похож на какого-нибудь кошмарного комика из мюзик-холла. Еще и танцует! Слушайте, а на каком это языке он говорит? Я хорошо если одно слово из десяти понимал.

— А, это американский язык, бауэрийский диалект.

— Ну ладно, лишь бы сами-то вы его понимали. Мне не по зубам. Черт возьми! — хмыкнул он вдруг. — Дорого бы я дал, чтобы посмотреть, как он будет общаться со старым Сондерсом, нашим дворецким! У

Сондерса манеры, как у герцога.

— Штырь его перевоспитает, — заверил Джимми.

— Как вы его зовете?

— Штырь.

— Ну и имечко!

— А что такое? Уменьшительное от Алджернон.

— Как-то он с вами больно фамильярно?

— Независимый дух. У нас в Америке все такие.

— Ладно, пока.

— До встречи!

На нижней ступеньке лорд Драйвер остановился.

— Послушайте, я вспомнил!

— Поздравляю. А что именно вы вспомнили?

— Да я же все время чувствовал, что где-то уже видел эту физиономию, только не мог вспомнить, где. А теперь вспомнил. Это тот деятель, что заглядывал вчера в закусочную. Вы еще ему дали соверен.

Лицо Штыря краскою не блистало, но было из числа запоминающихся.

— Совершенно верно, — сказал Джимми. — Я все ждал, узнаете вы его или нет. Дело в том, что этот человек одно время служил у меня в Нью-Йорке, и вдруг я наткнулся на него здесь, он явно нуждался в помощи, вот я снова его и нанял. Мне как раз нужен был человек приглядывать за хозяйством, Штырь для этого годится не хуже кого-нибудь другого.

— Понятно. Ловко я его опознал, а? Ладно, мне пора бежать. Всего хорошего! Два пятнадцать с Пэддингтонского вокзала. Там и встретимся. Если придете раньше меня, возьмите билет до Драйвера.

— Отлично. До встречи!

Джимми вернулся в гостиную. Штырь, любовавшийся своим отражением в зеркале, обернулся с всегдашней широкой улыбкой.

— Слышь, начальник, это что за фраер? Не он с вами был вчера в тошниловке?

— Он самый. Мы с ним завтра едем в деревню, Штырь, так что будь готов.

— Полный вперед, начальник! Эй, это вы о чем?

— Он пригласил нас погостить в свое загородное поместье, и мы приняли приглашение.

— Чего? Мы оба?

— Да. Я сказал ему, что ты — мой личный слуга. Надеюсь, ты не в обиде?

— Не-а. Чего тут обижаться-то?

— Вот и хорошо. Что ж, пора укладывать вещи. Нужно быть на вокзале в два.

— А то.

— И еще, Штырь!

— Да, начальник?

— У тебя есть какая-нибудь другая одежда, кроме того, что сейчас на тебе?

— Не-а. Зачем мне два пижонских костюма?

— Одобряю твой суровый аскетизм, — промолвил Джимми, — но дело в том, что это у тебя городской костюм. Прекрасно смотрится в парке или на журфиксе у маркизы, но подходит исключительно для столичной жизни. В деревню нужно что-нибудь попроще, темненькое. Пойдем, я помогу тебе подобрать то, что требуется.

— А этот что, в деревне никак?

— Ни в коем случае, Штырь. Он вызовет брожение в умах поселян. В Англии таким вещам придают огромное значение.

— Делать им нечего, — с крайним недовольством пробормотал озадаченный последователь Красавца Браммелла.^[11]

— И еще одно, Штырь. Ты меня извини, но когда мы будем в замке Драйвер, тебе часто придется находиться в непосредственной близости от столового серебра и других подобных изделий. Могу я тебя попросить на время отрешиться от своих профессиональных инстинктов? Мы с тобой уже говорили на эту тему, но здесь вполне конкретный случай.

— Что, совсем нельзя поработать? — ужаснулся Штырь.

— Ни-ни, вплоть до ложечки для соли, — твердо ответил Джимми. — А сейчас кликни такси, поедem искать тебе дополнительную одежду.

Когда Джимми прибыл на вокзал в сопровождении Штыря, который выглядел ну почти совсем респектабельно в новом костюме из синей саржи (готовое изделие из секции «Для мужчин, маленькие размеры»), до отхода поезда оставалось еще четверть часа. Десять минут спустя появился лорд Драйвер, а с ним некий джентльмен, приблизительно одних лет с Джимми, высокий, худощавый, с холодными глазами и тонкими, плотно сжатыми губами. Костюм сидел на нем так ловко, как это бывает у одного мужчины из тысячи. Собственно, костюм — лучшее, что в нем было. В целом облик этого человека наводил на мысль, что пищеварение у него скверное, а мысли — еще того хуже. В разговоре он практически не участвовал.

Это был Харгейт, приятель лорда Драйвера. Лорд Драйвер представил их с Джимми друг другу, но пожимая руку новому знакомому, Джимми не

мог избавиться от чувства, что где-то уже его видел. Но где и при каких обстоятельствах, он вспомнить не мог. Харгейт, по-видимому, его не узнал, так что Джимми не стал ничего говорить об этом. Когда много странствуешь по свету, часто так бывает — встречаешь человека, его лицо кажется тебе знакомым, но без всякого контекста. Возможно, он просто столкнулся когда-то с приятелем лорда Дривера на улице. Но у Джимми было стойкое ощущение, что Харгейт участвовал в каком-то происшествии, которое в то время казалось довольно важным. А что за происшествие — неведомо. Джимми мысленно махнул рукой. Наверняка воспоминание не стоит таких усилий.

Продуманная раздача чаевых обеспечила троим путешественникам отдельное купе. Харкейт внимательно изучил вечернюю газету, после чего крепко заснул в уголке. Джимми и лорд Дривер, сидя друг напротив друга, рассеянно переговаривались.

Через некоторое время лорд Дривер завел речь о вещах довольно личного порядка. Джимми был из тех людей, с кем легко начинаешь откровенничать. Его лордство пустился в излияния по поводу некоторых фактов из жизни своей семьи.

— Вы не знакомы с моим дядей Томасом? — спросил он. — Знаете «Универмаги Бланта»? Так вот, Блант — это он и есть. Сейчас фирма стала акционерной компанией, но во главе все равно он. Женился на моей тетушке. Вы с ним познакомитесь в замке.

Джимми сказал, что будет очень рад.

— Спорим, что не будете, — откровенно возразил последний представитель рода Дриверов. — Жуткий тип, кошмар, да и только. Вечно квохчет, как курица. Просто спасу от него нет, я вас уверяю. Слушайте, мы же с вами друзья, зачем нам какие-то секреты? Он задумал женить меня на богатой.

— Что ж, звучит не так ужасно. Бывают хобби и похуже. А девушка какая-то определенная?

— Каждый раз разные. То к одной меня толкает, то к другой. Понимаете, девушки-то сами по себе неплохие... в большинстве, но я хочу жениться не на них, на совсем другой девушке. Вы ее видели, она была со мной тогда в «Савое».

— Что же вы не скажете об этом дяде?

— Он будет биться в истерике. У нее за душой ни гроша, и у меня тоже, только то, что он мне выдает. Конечно, это строго между нами.

— Конечно.

— Я знаю, все считают, что к титулу автоматически прилагаются и

деньги, но это не так. Ни единого пенни. Когда тетя Джулия выходила замуж за дядю Томаса, вся наша страхолюдина была заложена и перезаложена. Вот, видите, какие дела.

— А вы никогда не думали о том, чтобы найти работу? — спросил Джимми.

— Работу? — задумался лорд Драйвер. — Знаете, я бы не прочь работать, только чтоб мне провалиться, если я знаю, чем я мог бы заняться. Я ничего не умею. В наши дни везде требуется жутко специальное образование и так далее. Знаете что, я бы не прочь поступить на дипломатическую службу. Как-нибудь соберусь с духом и попрошу у дядюшки денег, сколько там нужно для начала. Мне кажется, я бы справился. Знаете, я вообще-то иногда довольно шустро соображаю, мне это многие говорили.

Он скромно кашлянул и продолжил:

— Тут ведь не только дядя Томас. Тетя Джулия тоже. Она почти такая же кошмарная. Помню, когда я был маленьким, она постоянно на меня цыкала. И до сих пор продолжает. Вот подождите, пока с ней познакомитесь. Она, знаете, такая женщина, что при ней всегда себя чувствуешь, как будто у тебя руки цвета помидора и размером с бараний окорок — понимаете, о чем я? А разговаривает, как будто кусается. Жуткое дело!

Облегчив душу, лорд Драйвер зевнул, откинулся на спинку сиденья и вскоре задремал.

Приблизительно через час поезд, относившийся к поездке несколько несерьезно, то и дело застревавший на каких-то мелких, никому не нужных станциях и вообще бессовестно ленившийся, остановился у очередной крохотной станции. Доска с надписью большими буквами: «Драйвер» показывала, что они прибыли к месту своего назначения.

Начальник станции сообщил лорду Драйверу, что ее светлость приехала встретить поезд в автомобиле и сейчас ждет у выхода.

У лорда Драйвера отвисла челюсть.

— О, Боже! — воскликнул он. — Должно быть, приехала забрать вечернюю почту. Значит, она взяла маленький автомобиль, в нем на нас троих не хватит места. Я забыл сообщить, что вы тоже приедете, Питт. Отправил телеграмму только насчет Харгейта. Черт побери, придется мне идти пешком.

Его опасения оправдались. У выхода из станции стоял маленький автомобиль, явно рассчитанный не больше чем на четырех человек.

Лорд Драйвер представил Харгейта и Джимми величественной, точно

памятник, леди на заднем сиденье. Затем наступила неловкая пауза.

Тут подоспел Штырь, дружелюбно посмеиваясь, с журналом в руке.

— Хы! — сказал Штырь. — Слышь, начальник, тот тип, что настрочил эту статейку, видать, совсем деревня. Слышь, там у него один фраер нацелился стырить брульянты, а они у героини в ящике заперты. Так что, вы думаете, делает этот недоумок? — Штырь коротко и презрительно хохотнул. — Ни больше ни меньше...

— Этот джентльмен — твой друг, Спенни? — вежливо поинтересовалась леди Джулия, холодно рассматривая рыжие лохмы говорившего.

— Это... — Спенни умоляюще оглянулся на Джимми.

— Это мой слуга, — сказал Джимми. — Штырь, — прибавил он, понизив голос, — немедленно кыш. Линяй отсюда.

— А то, — сконфузился Штырь. — Это точно. Не по чину мне лезть в разговор. Извиняюсь, начальник. Извиняйте, господа. Извиняйте, леди. Я пешечком, по травке.

— Там виднеется что-то вроде тележки, — сказал лорд Драйвер, показывая рукой.

— А то, — обрадовался Штырь и порысил в указанную сторону.

— Запрыгивайте, Питт, — пригласил лорд Драйвер. — Я пойду пешком.

— Нет, лучше я, — сказал Джимми. — С удовольствием пройдуся. Приятно будет размяться. Куда идти?

— Вот спасибо, дружище! — сказал лорд Драйвер. — Вы точно не против? Я терпеть не могу ходить пешком. Ладненько! Ид4.ге все время прямо.

Его лордство устроился на заднем сиденье рядом с тетушкой. Джимми увидел напоследок, как между ними завязался серьезный разговор. Спенни, судя по всему, не получал от беседы большого удовольствия. Трудно блистать в общении, когда знаешь, что собеседница твердо убеждена в твоём слабоумии. После долгого разговора с леди Джулией у лорда Драйвера всегда появлялось ощущение, как будто его скрутили в жгут и завязали узлом.

Джимми смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду, а потом не спеша двинулся в путь. День и вправду был идеален для загородной прогулки. Солнышко раздумывало, считать ли, что сейчас еще день или уже вечер. В конце концов решило, что вечер, и умерило сияние своих лучей. После Лондона на сельской дороге было замечательно свежо и прохладно. Джимми невольно впал в благодушное настроение. Ему начало

казаться, что единственное стоящее занятие на свете — поселиться где-нибудь в маленьком домике с огородиком и коровкой и вести пасторальную жизнь.

Дорога поражала почти полным отсутствием какого бы то ни было транспорта. Один раз Джимми попалась навстречу телега, другой — стадо овец в сопровождении приветливой собаки. Изредка из кустов выскакивал кролик, замирал, прислушиваясь, и нырял в живую изгородь на противоположной стороне дороги, мелькнув задними лапками и белым пятнышком хвоста. Но если не считать кроликов, Джимми был совершенно один в целом мире.

Мало-помалу в нем зародилось убеждение, что он заблудился.

Когда идешь пешком, трудно оценить расстояние, но Джимми был уверен, что прошел не меньше пяти миль. Должно быть, попал не на ту дорогу. Во всяком случае, он шел прямо. Прямее просто некуда. С другой стороны, возможно, граф Драйвер забыл упомянуть какой-нибудь важный поворот — нечто в таком духе вполне случилось бы с дешевого суррогата, заменявшего его лордству мозги. Джимми присел на обочину.

Сидя на обочине, он услышал за поворотом стук копыт. Джимми поднялся. Наконец-то будет, у кого спросить дорогу.

Стук копыт приближался. Из-за поворота показалась лошадь, и Джимми с удивлением увидел, что она без всадника.

— Эй! — сказал Джимми. — Несчастный случай? Черт возьми, дамское седло!

Интереснее всего было то, что лошадь совсем не казалась норовистой. Она трусила легкой рысцой, как будто просто вышла сделать небольшой моцион по собственному почину.

Джимми поймал лошадь за узду и повел в обратную сторону, туда, откуда она появилась. Обойдя поворот, он увидел, что навстречу ему бежит девушка в костюме для верховой езды. При виде Джимми девушка перешла на шаг.

— Большое вам спасибо! — сказала она, приняв из его рук поводья. — Денди, ах ты вредное животное! Я сошла на землю поднять хлыст, а он убежал.

Джимми взглянул в ее покрасневшее, улыбающееся лицо и застыл, вытаращив глаза. Это была Молли МакИккерн.

Глава XII ЛИХА БЕДА НАЧАЛО

По характеру Джимми всегда отличался хладнокровием, но тут у него отнялся язык. Эта девушка так долго занимала его мысли, в глубине души ему уже начало казаться, что они давно и близко знают друг друга, и вдруг она явилась перед ним наяву, а не в мечтах, и Джимми, потрясенный, осознал, что на самом деле они практически не знакомы. Наверное, нечто похожее чувствуешь, когда у твоего старого друга случится амнезия. Как-то противоестественно начинать с нуля после всего, что вы пережили вместе.

Джимми охватила необъяснимая скованность.

— О, как поживаете, мистер Питт? — сказала Молли, протягивая руку.

Джимми чуть-чуть полегчало. Она вспомнила его имя, это уже кое-что.

— Как будто встречаешь человека, которого видела во сне! — сказала Молли. — Я иногда сомневалась, были ли вы на самом деле. Начинало казаться, что вся та ночь мне приснилась.

К Джимми вернулся дар речи.

— Вы совсем не изменились, — сказал он. — Ни капельки. Она засмеялась:

— Не так уж много времени прошло, правда?

Тупая боль кольнула Джимми в сердце. Для него прошли годы. А для нее он ничего не значит — всего-навсего случайный знакомый, один из сотни. А чего еще ты ожидал? — спросил он сам себя. Эта мысль принесла утешение. Мучительное чувство потери ушло. Он понял, что воспринимал происходящее в неверной перспективе. Он ничего не потерял — наоборот, заметно продвинулся! Он снова встретил ее, и она его помнит. Чего еще можно требовать?

— У меня в этот промежуток вместились много всякого разного, — объяснил он. — Я, знаете ли, путешествовал.

— Вы живете в Шропшире? — спросила Молли.

— Нет, я здесь в гостях. По крайней мере, ехал в гости, но заблудился, уж и не знаю, доберусь ли туда когда-нибудь. Мне сказали идти все время прямо. Я шел все время прямо и вот, затерялся в снегах. Вы, случайно, не знаете, где здесь обретается замок Драйвер?

Молли рассмеялась:

— Да я сама живу в гостях в замке Драйвер!

— Что?!

— Видите, какой вы везучий, мистер Питт! Первый встречный оказался квалифицированным проводником.

— Вы правы, — медленно проговорил Джимми. — Я везучий.

— Вы приехали с лордом Драйвером? Он промелькнул на машине, когда я только выехала кататься. С ним был еще какой-то человек и леди Джулия Блант. Неужели он заставил вас идти пешком?

— Я сам предложил. Мы все не помещались в машину. Как я понял, он забыл предупредить, что привезет меня.

— Да еще и дорогу неправильно сказал! По-моему, он очень рассеянный.

— Не без этого.

— А вы давно знакомы с лордом Драйвером?

— Мы познакомились нынче ночью, в четверть первого.

— Этой ночью!

— Случайно встретились в «Савое», а потом еще раз, на набережной. Мы смотрели на реку, рассказывали друг другу горестную историю своей жизни, а утром он зашел ко мне и пригласил погостить.

Молли откровенно веселилась.

— Вы, должно быть, очень любите разнообразие! Наверное, постоянно куда-нибудь уезжаете?

— Да, — сказал Джимми. — Не могу усидеть на одном месте. Жажда странствий, как у того персонажа из книги Киплинга.^[12]

— Ну, он был влюблен.

— Да, — сказал Джимми. — Был. Такая прилипчивая болезнь, знаете ли.

Молли метнула на него быстрый взгляд. Джимми внезапно сделался интересен. Она была в том возрасте, когда живут мечтами и догадками. Из обыкновенного молодого человека, разве что чуть более развязного, чем большинство знакомых ей молодых людей, он мгновенно превратился в нечто, заслуживающее пристального внимания. Интересно, какая она — та девушка, которую он любит? Рассматривая его в свете нового открытия, Молли нашла его привлекательным. Что-то необъяснимо расположило ее к нему. Впервые она заметила за его светскими манерами скрытую силу. Его непринужденность была непринужденностью человека, который пережил немало испытаний и нашел себя.

В глубине души у нее шевельнулось и еще какое-то чувство, которое она не могла проанализировать — чувство, немного похожее на боль. Оно

смутно напоминало мучительное ощущение одиночества, какое Молли испытывала в детстве, в тех редких случаях, когда отец ее был очень занят и своим обращением давал понять, что ему сейчас не до нее. Нынешнее чувство было лишь бледным отражением тех страданий, и все же сходство было несомненное. Довольно грустное ощущение заброшенности, почти обида.

Миг — и его нет. Но оно было. Оно прошло по ее сердцу, как тень от облака проходит по лугу солнечным летним днем.

С полминуты Молли не говорила ни слова. Джимми не нарушал молчания. Он только смотрел на нее с мольбою в глазах. Ну почему она не понимает? Она должна понять!

Но глаза, смотревшие на него, были глазами ребенка.

Они все стояли и смотрели друг на друга. Лошадь, пощипывавшая коротенькую травку у обочины, подняла голову и нетерпеливо заржала. Это вышло у нее настолько по-человечески, что Джимми и девушка разом расхохотались. Предельный материализм лошадиной реплики разрушил чары. Это было шумное требование еды.

— Бедненький Денди! — воскликнула Молли. — Он знает, что дом близко и что пора обедать.

— Так мы недалеко от замка?

— По дороге далеко, но можно пройти напрямик через поля. Правда, они просто прелесть, эти английские поля и живые изгороди? Я их обожаю! Конечно, я и Америку тоже любила, но...

— Давно вы уехали из Нью-Йорка? — спросил Джимми.

— Мы приехали сюда примерно через месяц после того, как вы были у нас дома.

— Значит, вы совсем немного пробыли там?

— Папа заработал много денег на Уолл-стрит. Должно быть, как раз в то время, пока я плыла на «Лузитании». Ему хотелось уехать из Нью-Йорка, и мы не стали ждать. Всю зиму были в Лондоне, потом поехали в Париж. Там мы встретили сэра Томаса Бланта и леди Джулию. Вы с ними знакомы? Это дядя и тетя лорда Дривера..

— Успел познакомиться только с леди Джулией.

— Она вам понравилась? Джимми замялся.

— Видите ли...

— Я вас понимаю! Она здесь хозяйка, но вы же пока не поселились в ее доме. Так что сейчас еще есть время сказать, что вы о ней на самом деле думаете. Потом уж будете делать вид, будто она совершенство.

— Ну-у...

— Я ее терпеть не могу, — решительно объявила Молли. — По-моему, она злая и противная.

— Сказать по правде, мне она тоже не показалась женским вариантом братьев Чирибл. Лорд Драйвер представил ей меня на станции. Она перенесла это мужественно, хотя и не без труда.

— Ужасно противная, — повторила Молли. — И он тоже — я имею в виду сэра Томаса. Знаете, бывают такие — суетливый, напористый человечиска. Они вдвоем совсем заклевали бедного лорда Драйвера, я просто удивляюсь, как это он не взбунтуется. Обращаются с ним как со школьником. Видеть этого не могу! А он такой славный, добродушный. Мне так его жаль!

На Джимми эта тирада произвела сложное впечатление. Очень мило, что Молли так сочувствует угнетенным, но только ли сочувствует? Как зазвенел ее голос, как вспыхнули щеки — восприимчивая натура Джимми усмотрела в этом явные признаки более личного интереса к затюканному аристократу. Рассудок говорил, что глупо ревновать к лорду Драйверу. Он, безусловно, хороший малый, но его невозможно принимать всерьез. И в то же время в глубине души Джимми проснулась нерассуждающая, первобытная ненависть ко всем знакомым Молли мужского пола. Нет, не то чтобы он ненавидел лорда Драйвера; наоборот, лорд ему нравился. Но едва ли такое отношение сможет сохраниться долго, если Молли будет и дальше так пылко предаваться сочувствию.

Впрочем, дружеская симпатия Джимми к отсутствующему лорду не подверглась слишком суровому испытанию. Следующие слова Молли относились к сэру Томасу.

— Хуже всего, — сказала она, — что сэр Томас так подружился с папой. В Париже они просто не расставались. Папа оказал ему большую услугу.

— Как так?

— Это случилось вскоре после того, как мы туда приехали. В комнату леди Джулии залез грабитель, и как раз никого не было дома, кроме папы. Папа увидел, что он заходит в комнату, заподозрил неладное и пошел за ним. Этот человек хотел украсть драгоценности леди Джулии. Он уже открыл дорожную шкатулку, где они хранились, и взял в руки бриллиантовое ожерелье, но тут папа его застиг. Ожерелье такое роскошное, ничего красивее я в жизни не видела! Сэр Томас говорил папе, что отдал за него сто тысяч долларов.

— Но ведь в отеле должен быть сейф для хранения ценных вещей? — сказал Джимми.

— Конечно, у них был сейф, но вы не знаете сэра Томаса. Он не доверяет гостиничным сейфам. Знаете таких людей — они всегда все желают делать по-своему, воображают, будто никто другой не сумеет лучше. Ему изготовили на заказ такую специальную шкатулку, и он только там хранит свои бриллианты. Естественно, грабитель открыл ее в один миг. Ловкий грабитель без труда справится с такой штукой.

— И что было дальше?

— А, вор увидел папу, бросил ожерелье и выскочил в коридор. Папа погнался за ним, но, конечно, не поймал. Тогда он вернулся, стал кричать и звонить во все звонки, поднял тревогу, но вора так и не нашли. Главное, что бриллианты остались целы. Непременно посмотрите на них сегодня за обедом. Это настоящее чудо! Вы хоть немножко разбираетесь в драгоценных камнях?

— Немного разбираюсь, — ответил Джимми. — Вообще-то один знакомый ювелир мне как-то сказал, что у меня талант в этой области. А сэр Томас, конечно, был безмерно благодарен вашему отцу?

— Просто на шею ему кинулся! Не знал, что и сделать для него. Понимаете, если бы бриллианты украли, леди Джулия наверняка заставила бы сэра Томаса купить ей еще одно такое ожерелье. Он ее до смерти боится, я уверена. Старается не показывать вида, но на самом деле боится. И мало того, что ему пришлось бы снова выложить сто тысяч долларов, так она бы еще и поминала это ему до конца жизни. Пропала бы его репутация человека, который никогда не ошибается и все всегда знает лучше всех.

— Но ведь вор добрался до драгоценностей, и спасла их чистая случайность — разве это не погубило репутацию сэра Томаса в глазах леди Джулии?

Молли весело засмеялась:

— Так она же ничего не узнала! Сэр Томас вернулся в отель на час раньше нее. Ух, как они суетились, чтобы успеть за этот час замести все следы! Сэр Томас вызвал управляющего, обратился к нему с целой речью, заставил поклясться, что тот сохранит тайну. Бедный управляющий был только рад пообещать, это ведь и для отеля дурная слава. Потом управляющий сделал внушение слугам, а они потом делали внушение друг другу, и все говорили одновременно. И мы с папой тоже дали слово, что никому не скажем. Так что леди Джулия до сих пор ничего об этом не знает. Наверное, никогда и не узнает. Хотя я, мне кажется, не удержусь и расскажу обо всем лорду Дриверу. Представьте себе, как он тогда сможет их прижать! Не будут больше его тиранить!

— По-моему, не стоит, — сказал Джимми, стараясь, чтобы в голосе

его не прозвучал ледяной холод.

Такая забота о лорде Дривере, безусловно, очаровательна и достойна всяческого восхищения, но она начинает немного раздражать.

Молли быстро взглянула на него:

— Неужели вы подумали, что я серьезно?

— Нет-нет, — поспешно ответил Джимми. — Конечно, нет.

— Еще бы! — возмущенно воскликнула Молли. — Я же дала слово, что не расскажу об этом ни единой живой душе!

Джимми хмыкнул.

— Ничего-ничего, — сказал он в ответ на ее вопросительный взгляд.

— Над чем вы смеялись?

— Ну, — смутился Джимми, — так, ничего... Просто, вы ведь только что рассказали об этом одной живой душе, правильно?

Молли порозовела. Потом улыбнулась.

— Сама не знаю, как это вышло, — объявила она. — Как-то само собой выскочило. Наверное, дело в том, что я знаю — вам можно доверять.

Джимми вспыхнул от удовольствия. Он остановился было, обернувшись к ней, но она продолжала идти вперед.

— Можно, — сказал Джимми, — но откуда вы это знаете?

Молли удивилась.

— Ну, как же... — Она запнулась, потом продолжала торопливо и чуточку смущенно. — Вот глупость какая! Знаю, и все. Вы разве не умеете разбирать по лицам? Я умею. Смотрите, — она показала рукой. — Вон, уже видно замок. Как он вам нравится?

Местность впереди резко пошла под уклон. В нескольких сотнях ярдов от них в обрамлении лесов высилась серая каменная громада, которая так отравляла жизнь валлийским спортсменам в сезон охоты. Замок и сейчас еще хранил слегка вызывающий вид. Заходящее солнце позолотило поверхность озера. Вокруг замка не было видно ни души — словно заколдованное сонное царство.

— Ну как? — снова спросила Молли.

— Потрясающе!

— Правда? Я так рада, что вам тоже нравится. Когда я на него смотрю, у меня всегда такое чувство, как будто я сама все это придумала. Очень обидно, когда люди этого не ценят.

Они двинулись вниз по склону.

— Кстати, — сказал Джимми, — вы собираетесь участвовать в знаменитом любительском спектакле?

— Да. А вы тот самый новый участник, о ком было столько

разговоров? Лорд Драйвер за тем и поехал в Лондон — найти недостающего актера. Человек, который должен был играть одну из ролей, уехал в Лондон, его вызвали по делу.

— Бедняга! — сказал Джимми. В эту минуту ему казалось, что во всем мире есть только одно место, где человек может быть хоть сколько-нибудь счастлив. — А что за роль? Лорд Драйвер говорил, что им не хватает актеров. Что я должен буду делать?

— Если вы будете играть лорда Герберта — как раз на него не хватало актера, — то вам придется главным образом разговаривать со мной.

Джимми решил, что роли в спектакле подобраны великолепно.

В тот момент, когда они входили в холл, прозвучал гонг — сигнал переодеваться к обеду. Из двери слева вышли двое мужчин, рослый и коротышка, погруженные в дружескую беседу. Спина рослого показалась Джимми знакомой.

— О, папа! — воскликнула Молли, и Джимми понял, где он видел эту спину раньше.

Двое мужчин остановились.

— Познакомьтесь, сэр Томас, — сказала Молли. — Это Джимми Питт.

Коротышка бросил на Джимми быстрый взгляд — возможно, с целью выявить наиболее бросающиеся в глаза криминальные наклонности, но, видимо, не обнаружив таковых, стал очень приветлив.

— Рад, чрезвычайно рад с вами познакомиться, мистер Питт, — сказал он. — Мы вас уже давно поджидаем.

Джимми объяснил, что заблудился.

— Конечно-конечно. Возмутительно, что вам пришлось идти пешком, просто возмутительно. Большая небрежность со стороны моего племянника, не предупредить нас о вашем приезде. Моя жена так ему и сказала еще в машине.

— Могу себе представить, — пробормотал Джимми про себя. Вслух он сказал, желая поддержать друга в беде: — Пустяки, мне и самому хотелось пройтись. Я ни разу не был за городом с тех пор, как приехал в Англию. — Он повернулся к рослому мужчине и протянул руку. — Вы меня, должно быть, не помните, мистер МакИккерн? Мы встречались в Нью-Йорке.

Молли сказала:

— Папа, помнишь, как мистер Питт тогда ночью прогнал нашего взломщика?

Мистер МакИккерн на мгновение онемел. На родной асфальтовой почве мало что может вывести из равновесия нью-йоркского полицейского.

В тех милых сердцу краях вершиной деликатного обращения является хороший хук слева, а ловкий удар дубинкой представляет собой образец меткого ответа. Поэтому ни одному полицейскому на Манхэттене не приходится лазить за словом в карман. В иной обстановке мистер МакИкern совершенно точно знал бы, как окоротить молодого человека, которого он с полным основанием считал матерым преступником. Но здесь были в ходу совсем другие методы. Среди азов этикета, которые он усвоил, вступив в более миролюбивую полосу своей жизни, главным было правило: «Ни в коем случае не устраивать сцен». Насколько он понял, сцен в изысканном обществе боятся как огня. Значит, придется обуздать свою натуру. Крепкий удар заменят медовые речи. Прохладное: «Да что вы говорите!» — вот самый энергичный отпор, допустимый в лучших кругах. МакИкern осилил этот урок не без труда, но все же учение пошло ему на пользу. Он пожал руку Джимми и угрюмо подтвердил, что помнит их предыдущую встречу.

— Подумать только! Что вы говорите! — любезно прочирикал сэр Томас. — Так вы здесь среди старых друзей, мистер Питт!

— Старых друзей, — эхом отозвался Джимми, стараясь не смотреть в глаза отставному полицейскому, который в этот момент усиленно сверлил его взглядом.

— Прекрасно-прекрасно! Позвольте, я покажу вам вашу комнату. Она как раз напротив моей. Сюда, прошу вас.

В дни своей юности сэр Томас служил в универмаге администратором не последнего разбора. Легкий оттенок профессионализма до сих пор сквозил в его уверенных движениях. Ни в одной другой школе невозможно научиться той сдержанной учтивости, с какой он шествовал по лестнице впереди Джимми.

На первой же площадке они расстались с мистером МакИкernом, но Джимми долго еще чувствовал спиной его взгляд. Взгляд у полицейского был из тех, что способны заворачивать за угол, подниматься по лестнице и проникать сквозь стены.

Глава XIII С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ШТЫРЯ

И все же, переодеваясь к обеду, Джимми пребывал в восторженном состоянии. Он словно очнулся от оцепенения. Жизнь, еще вчера такая серая, тоскливая, сегодня была полна красочных оттенков и разнообразных возможностей. Люди, по необходимости или по собственному капризу много странствовавшие по свету, как правило, становятся в какой-то мере фаталистами. Джимми был оптимистическим фаталистом. Он всегда представлял себе Судьбу не как слепую раздатчицу случайных даров, то благих, то скверных, — скорее как некое доброжелательное существо, явно благоволившее к нему, Джимми. Подобно Наполеону, он верил в свою звезду. Случались в его жизни трудные периоды (особенно в то время, когда, как он рассказывал лорду Драйверу, ему приходилось питаться кормом для канареек), но удача каждый раз вывозила. Было бы просто невероятно подлой шуткой со стороны Судьбы после всего этого отвернуться от Джимми именно в ту минуту, когда перед ним возникло самое главное. Конечно, его представления о том, что есть в жизни самое главное, с годами менялись. Каждая новая вершина горной гряды под названием Упоительные Моменты ошибочно принималась им за самую высокую, но сейчас Джимми инстинктивно чувствовал: это — настоящее. К добру или к худу, Молли прочно вошла в его жизнь. В бурные годы, когда ему было двадцать с небольшим, он точно так же думал о разных других девушках, которых и вспоминал-то теперь с трудом, словно персонажей давно забытой пьесы. В каждом из предыдущих случаев выздоровление проходило для него быстро, хотя и болезненно. Сила воли и активный образ жизни помогали ему выздороветь, стоило только взять себя в руки и решительно выбросить из головы очередную девицу. Неделью-другую в сердце ощущалась мучительная пустота, и вот оно уже снова в порядке, подметено и прибрано к приезду следующих постояльцев.

Но с Молли все было по-другому. Джимми был не в том возрасте, когда влюбляются мгновенно и безоглядно. Он стал осторожен, как домовладелец, которого много раз обжуливали жильцы. Он сомневался, найдет ли в себе силы подняться, если случится катастрофа. В таких делах сила воли, как самый обыкновенный вышибала, с годами теряет свои профессиональные качества. Вот уже несколько лет Джимми не покидало ощущение, что следующего посетителя выгнать будет нелегко, а потому он невольно занял отчасти оборонительную позицию по отношению к

противоположному полу. Молли разрушила его оборону, и Джимми убедился, что правильно оценил пределы своих возможностей. Методы, прекрасно действовавшие в прошлом, теперь были бессильны. На этот раз не теплилась в глубине души успокаивающая мысль, что есть на свете и другие девушки. Джимми даже не пытался обманывать себя. Он знал, что уже вышел из того возраста, когда мужчина способен влюбляться в самых разных девушек.

Нет, что бы ни было, это конец. Второй попытки не будет. Как бы все ни обернулось, он принадлежит ей.

В течение дня самый эффективный период работы мозга у мужчины — те краткие минуты, когда он намыливает себе физиономию, готовясь к бритью. Орудую кисточкой, Джимми мысленно оценивал сложившуюся ситуацию. Пожалуй, в своих оценках он был излишне оптимистичен. Для него было вполне естественно рассматривать удачу как своего рода особый поезд, который доставит его прямой дорогой в рай. Ведь до сих пор судьба была к нему исключительно благосклонна! Совершив ряд чудес на самом высоком уровне мастерства, судьба привела Джимми и Молли гостить в одно и то же поместье. Как указал в следующую же секунду холодный рассудок, это было только начало, но Джимми, задумчиво бреясь перед зеркалом, вообразил, будто это конец. Только уже закончив бриться и завязывая галстук, он начал замечать препятствия на своем пути, и притом довольно-таки существенные препятствия.

Во-первых, Молли его не любит. И нужно признать, у нее нет ровно никаких причин полюбить его в будущем. Влюбленный мужчина, как правило, не обольщается по поводу собственной привлекательности. К тому же ее отец считает Джимми закоренелым грабителем.

— А в остальном все просто прекрасно, — произнес Джимми, хмуро глядя на свое отражение, и печально пригладил волосы.

В дверь осторожно постучали.

— Хелло? — откликнулся Джимми. — Да?

Дверь медленно приоткрылась, из-за нее показалась широкая улыбка, увенчанная копной рыжих волос.

— Хелло, Штырь. Входи. Что случилось? Оставшаяся часть мистера Маллинза вступила в комнату.

— Хы, начальник! А я думаю — ваша это комната или не ваша? Слышь, как думаете, на кого я сейчас налетел там, внизу, в коридоре? На старика МакИкерна, который полицейский! Верьте слову!

— Да ну?

— А то! Слышь, начальник, чего он делает-то в здешней малине? Я

чуть с копыт не слетел, как его увидел. Верьте слову. До сих пор еще не очухался.

— Он тебя узнал?

— Еще как! Зенки выпучил, вроде как актер на тиянтере, когда коварные враги его прикончить норовят, и так это злобно на меня посмотрел!

— И?

— Я стою и не знаю, что со мной — то ли я опять на Третьей Авеню, или, может, стою на голове, или что вообще творится. Потом слинял потихоньку оттуда и сразу к вам. Слышь, начальник, к чему все это? Чего старик МакИкern выпендривается в Англии?

— Все в порядке, Штырь. Не нужно так волноваться. Я все объясню. Он ушел на покой — точно так же, как и я. Он здесь один из знатных гостей.

— Иди ты, начальник! Это еще чего?

— Он ушел в отставку из рядов защитников правопорядка вскоре после нашей веселой встречи, когда ты резвился с бульдогом. Приехал сюда, проник в высшее общество. И вот мы снова собрались под одной крышей — очаровательное семейное сборище, можно сказать.

Штырь выразил свое изумление, разинув рот.

— Это, значит... — заикаясь, выговорил он.

— Да?

— Это, значит, что же теперь будет?

— Право, не знаю. Вероятно, мы скоро это выясним. Впрочем, волноваться не следует. Следующий ход за ним. Если он захочет высказать свои комментарии, вряд ли он станет стесняться. Скорее всего, просто возьмет и выскажется.

— А то! Как пожелает, так и сделает, — согласился Штырь.

— Я, например, вполне спокоен. Что касается лично меня, я с приятностью провожу здесь время. А как твои дела на нижнем этаже?

— Чума, начальник! Нет, правда, рехнуться можно. Там такой старый ффраер, дворецкий, Сондерс его фамилие — ну такие длинные слова выдает, я прямо заслушался. Меня там мистером Маллинзом кличут, — объявил Штырь с гордостью.

— Вот и хорошо. Я рад, что у тебя все нормально. Не вижу причин, почему бы нам не жить здесь в свое удовольствие. Вряд ли мистер МакИкern станет добиваться, чтобы нас отсюда выгнали, после того как я скажу ему пару слов — так, всего лишь кое-какие лирические воспоминания, но они могут его заинтересовать. Я испытываю

глубочайшую симпатию к мистеру МакИкерну, — хотелось бы, чтобы она была взаимной, — но что бы он ни говорил, я отсюда не сдвинусь.

— Да ни за что, — поддержал его Штырь. — Слышь, начальник, у него, верно, капусты хоть залейся, если смог сюда втереться. Я-то знаю, откуда у него пети-мети. Точно говорю. Я ж и сам из нашего старенького Нью-Йорка.

— Тише, Штырь, это злостные сплетни!

— А то! — Штырь упорно продолжал развивать излюбленную тему: — Я-то знаю, и вы, начальник, знаете. Хы! Вот бы и мне поступить в полицию! Росту мне не хватило. Там ребята зашибают деньгу как надо. Нет, вы посмотрите на старикана МакИкерна! Денег у него столько, что хоть солить, а разве он их заработал? Пальцем не пошевелил с начала и до конца! А теперь посмотрите на меня, начальник.

— Я смотрю, Штырь, я смотрю.

— Нет, вы посмотрите на меня! Целый год вкалываешь, как проклятый...

— По тюрьмам сидишь, — подсказал Джимми.

— А то! Гоняются за тобой по всему городу. И что в итоге? После всех трудов ни шиша в кармане. Слышь, начальник, от такой жизни до того дойдешь...

— Что станешь честным человеком, — сказал Джимми. — Подумай об этом, Штырь. Исправься. Самому легче станет.

Штырь посмотрел на него с сомнением. Несколько минут он молчал, потом, видимо, следуя каким-то своим мыслям, сказал:

— Хороший здесь дом, начальник. Богатый.

— Бывают и хуже.

— Слышь, начальник, а может, мы...?

— Штырь! — строго одернул его Джимми.

— Нет, ну может правда? — уперся Штырь. — Не каждый день подворачивается такая малина. Тут же прямо делать нечего, только бери. Добро на каждом шагу без дела валяется, начальник!

— Охотно верю.

— Так ведь зазря же пропадает!

— Штырь, — сказал Джимми. — Я тебя предупреждал. Я тебе говорил: держи себя в руках. Не давай воли своим профессиональным инстинктам. Борись! Будь мужчиной! Попробуй как-нибудь отвлечься. Коллекционируй бабочек.

Штырь угрюмо шаркнул ногой.

— Помните брульянты, что вы потырили у герцогини? — спросил он

мечтательно.

— Милая герцогиня! — пробормотал Джимми. — Ах, Боже мой!

— А тот банк, что вы очистили?

— Счастливые были деньки, Штырь.

— Хы! — откликнулось дитя трущоб. Помолчали.

— Деньки были нехилые, — вздохнул Штырь. Джимми поправил галстук, глядя в зеркало.

— Тут дамочка одна есть, — продолжил Штырь, обращаясь к комоду, — у ней бусы из брульянтов, аж на сто тыщ долларов потянули. Верьте слову, начальник. Сто тыщ долларов. Мне Сондерс наболтал — ну, фраер тот, у которого длинные слова так и лезут. Я ему: «Хы!», — а он: «Верно тебе говорю». Сто тыщ долларов!

— Да, я тоже слышал, — сказал Джимми.

— Так я схожу, пошукаю, где у ней заначка, а, начальник?

— Штырь, — сказал Джимми, — даже не спрашивай меня больше. Все это категорически противоречит нашему с тобой уговору насчет ложек. Мне больно тебя слышать. Немедленно прекрати!

— Извиняюсь, начальник. Но брульянты-то прямо чудо! Сто тысяч долларов, это вам не жук начихал! Это сколько по-здешнему будет?

— Двадцать тысяч фунтов.

— Хы!.. Вам одеться подсобить, начальник?

— Нет, спасибо, Штырь, я уже закончил. Можешь вот пройтись щеточкой по пиджаку. Нет, не этой. Эта для волос. Попробуй вон ту, большую, черную.

— Костюмчик у вас — шик-блеск! — заметил Штырь, на мгновение прервав свои труды.

— Рад, что тебе нравится, Штырь. П о-моему тоже, довольно стильно.

— Прямо чума. Извините, конечно. А во сколько он вам обошелся, начальник?

— Кажется, что-то около семи гиней. Если хочешь, могу посмотреть счет.

— Гинея, это чего? Больше фунта?

— На шиллинг больше. Что это ты ударился в высшую математику?

Штырь снова принялся чистить.

— Сколько шикарных костюмчиков можно было бы купить, — обронил он задумчиво, — ежели прихватить те брульянты! — Вдруг он оживился и взмахнул платяной щеткой. — Эх, начальник! Да что ж это на вас нашло? Ведь душа болит! Ну, давайте, начальник! Хоть скажите, в чем дело-то? С чего это вы вдруг вышли из игры? Эх, начальник!

Неизвестно, что ответил бы Джимми на этот страстный призыв. Ему помешал внезапный стук в дверь. Почти в ту же секунду повернулась дверная ручка.

— Хы! — воскликнул Штырь. — Полиция! Джимми приветливо улыбнулся.

— Входите, мистер МакИкern, — сказал он. — Входите! Влюбленные встречаются вновь. Вы, кажется, знакомы с мистером Маллинзом? Закройте дверь, будьте так любезны. Присаживайтесь, и — «пришла пора подумать о делах».

Глава XIV ШАХ И ОТВЕТНЫЙ ХОД

Мистер МакИкern стоял в дверях, тяжело дыша. Из-за долгого общения с преступным миром у отставного полицейского развилась подозрительность ко всем окружающим вообще, а в данную минуту мозг его пылал. И более доверчивого человека можно было бы извинить, если бы у него возникли сомнения по поводу намерений Джимми и Штыря. Узнав, что лорд Драйвер привез домой случайного знакомого из Лондона, МакИкern сразу заподозрил возможные скрытые мотивы со стороны незнакомца. По его мнению, лорд Драйвер был как раз такого рода молодой джентльмен, в какого профессиональный мошенник должен бы вцепиться с криками радости. МакИкern был глубоко убежден — с тех самых пор, как мошенничество оформилось в самостоятельную профессию, свет не видал еще человека, которого было бы так легко облапошить, как лорда Драйвера. Когда же бывший полицейский узнал, что загадочный незнакомец — это Джимми Питт, подозрения его усилились тысячекратно.

А уж после того, как направляясь в свою комнату, чтобы переодеться к обеду, он столкнулся в коридоре со Штырем Маллинзом, умонастроение мистера МакИкернa можно уподобить состоянию человека, с глаз которого внезапно сорвали повязку, и он увидел, что стоит на самом краю зияющей пропасти. Джимми и Штырь вдвоем пытались ограбить его дом в Нью-Йорке. И вот они снова вдвоем в замке Драйвер. Говоря напрямик, это обстоятельство показалось МакИкernу зловещим. Один джентльмен как-то заметил, что чует, где собака зарыта, и видит ее как наяву. Констебль МакИкern учуял целую роту зарытых собак, и в глазах у него буквально зарбило от этих милых животных.

Первым его побуждением было немедленно броситься в комнату Джимми — но он основательно усвоил уроки Высшего общества. К обеду опаздывать нельзя, пусть хоть небо обрушится на землю. Поэтому он сперва отправился переодеваться, и непокорный галстук окончательно привел его в бешенство.

Джимми хладнокровно смотрел на него, удобно усевшись в кресле. Штырь, напротив, заметно смутился. Он поджал сперва одну ногу, затем другую, словно проверял, какая из них устойчивей, чтобы обдумать это на досуге и тогда уж сделать окончательные выводы.

— Мерзавцы! — прорычал МакИкern.

Штырь, стоявший в этот момент на правой ноге и совсем уж было

отдавший ей предпочтение, быстро переступил на левую ногу и слабо улыбнулся.

— Слышь, начальник, я вам больше не нужен? — спросил он шепотом.

— Нет, Штырь, ты можешь идти.

— Стой, где стоишь, рыжий черт! — резко скомандовал МакИкерн.

— Иди себе, Штырь, — сказал Джимми. Трущобный юноша с опаской покосился на могучую фигуру отставного полицейского, загородившую доступ к двери.

— Будьте так добры пропустить моего слугу, — сдержанно произнес Джимми.

— Стоять... — начал МакИкерн.

Джимми поднялся, обошел вокруг полицейского и распахнул дверь. Штырь пулей вылетел наружу. Он не был трусом, но не любил попадать в неловкое положение и к тому же считал, что Джимми справится с ситуацией без посторонней помощи. Он, Штырь, был бы тут только лишней помехой.

— А теперь можно спокойно поговорить, — сказал Джимми, снова расположившись в кресле.

Глубоко посаженные глазки МакИкерна сверкнули, лоб у него покраснел, но полицейский справился со своими чувствами.

— А теперь... — начал он и остановился.

— Да? — сказал Джимми.

— Что вы здесь делаете?

— В данный момент — ничего.

— Вы знаете, о чем я. Как вы оба здесь оказались, и вы, и этот рыжий черт, Штырь Маллинз? — Он дернул головой в сторону двери.

— Я здесь, потому что меня весьма любезно пригласил лорд Драйвер.

— Я вас знаю!

— В самом деле, вам выпало такое счастье. Если учесть, что мы встречались всего лишь однажды, очень приятно, что вы меня помните.

— Что за игру вы затеяли? Что собираетесь делать?

— Делать? Ну, я буду прогуливаться в саду, знаете ли, возможно, немного поохочусь, буду смотреть на лошадей, думать о жизни, кормить кур... Вероятно, здесь где-нибудь имеются куры? Может быть, разок-другой прокачусь на лодке по озеру. Ничего больше. Ах да! Кажется, меня хотели еще задействовать в каком-то любительском спектакле.

— Обойдетесь без спектакля. Завтра вы отсюда уедете.

— Завтра? Но ведь я только что приехал, радость вы моя.

— Плевал я на это. Завтра же чтоб духу вашего здесь не было. Лучше бы сегодня, да уж ладно, даю вам время до завтра.

— Поздравляю, — сказал Джимми. — Один из старейших домов в Англии!

— Это вы о чем?

— Из ваших слов я понял, что вы купили замок Драйвер. Разве нет? Если он все еще принадлежит лорду Драйверу, не кажется ли вам, что необходимо посоветоваться с ним, прежде чем вносить поправки в список его гостей?

МакИкern пристально посмотрел на Джимми и произнес тоном ниже:

— Ах, вот как вы заговорили?

— Не понимаю, что вы имеете в виду. А вы сами как бы заговорили, если бы почти незнакомый человек приказал вам покинуть дом, который ему не принадлежит?

МакИкern грозно выпятил массивную нижнюю челюсть. Этот жест, бывало, утихомиривал самых буйных обитателей Ист-Сайда.

— Видал я таких, — процедил он. — Меня на понт не поймает. Не будет тебе времени до завтра. Сейчас же выметайся.

— Зачем до завтра ждать, моя царица, владеешь сердцем ты моим сего-одня, — одобрительно пропел Джимми.

— Я разоблачу тебя при всех. Я все расскажу! Джимми покачал головой.

— Сколько мелодрамы, — вздохнул он. — Пусть небо рассудит нас с этим человеком! И так далее. Я бы на вашем месте воздержался. О чем, собственно, вы намерены рассказать?

— Будешь отрицать, что был ворюгой в Нью-Йорке?

— Буду отрицать. Не было ничего подобного.

— Что-о?

— Выслушайте меня, я все объясню...

— Объяснишь! — Бывший полицейский снова повысил голос: — Ты еще мне будешь объяснять, мерзавец, когда я поймал тебя в своей собственной гостиной в три часа ночи... ах ты...

Улыбка сошла с лица Джимми.

— Полминуточки, — произнес он.

Возможно, разумнее всего было бы подождать, пока буря истощит свою ярость, а затем спокойно рассказать про Артура Мифлина и достопамятное пари, закончившееся единственным его экспериментом по части грабежа со взломом, — но Джимми в этом сильно сомневался. Дело зашло уже слишком далеко для разумных объяснений, не говоря уже о том,

что Джимми и сам начал сердиться. Наверняка МакИкern ему не поверит, и что случится тогда, представить было трудно. Скорее всего, неприятная сцена. В худшем случае — мелодраматическое разоблачение в присутствии других гостей, в лучшем — только в присутствии сэра Томаса. Дальше в перспективе наблюдался сплошной хаос. История Джимми была и в самом деле довольно неправдоподобной, разве что ее подтвердили бы очевидцы — но очевидцы находились за три тысячи миль от замка Драйвер. Хуже того, в гостиной у полицейского Джимми был не один. Человек, забравшийся в чужой дом на пари, обычно не берет с собой на дело профессионального взломщика, отлично известного полиции.

Нет, с разумными объяснениями придется обождать. Пользы от них сейчас никакой, а в результате, чего доброго, окажешься на всю ночь в ближайшем полицейском участке, не то и на несколько ночей. И даже если этого удастся избежать, во всяком случае, он вынужден будет покинуть замок — расстаться с Молли!

Джимми вскочил. Его осенило.

— Минуточку, — сказал он. МакИкern остановился.

— Ну?

— Вы намерены рассказать им это? — спросил Джимми.

— Намерен!

Джимми подступил к нему вплотную:

— А намерены ли вы рассказать заодно и о том, почему вы не арестовали меня тогда?

МакИкern вытаращил глаза. Джимми стоял перед ним, свирепо уставившись полицейскому в лицо. Трудно сказать, кто из них двоих был более разъярен. Полицейский побагровел, на лбу у него вздулись вены. Джимми, что называется, дошел до белого каления. Он был очень бледен и чуть заметно дрожал, словно натянутая струна. В таком настроении Джимми однажды разогнал полный бар забулдыг в Лос-Анджелесе при помощи ножки стула за две минуты с четвертью по часам.

— Намерены? — повторил он с нажимом. — Намерены? Рука МакИкерна медленно, словно нехотя, приподнялась,

задела кончиками пальцев плечо Джимми. У Джимми дернулся угол рта.

— Ага, — тихо сказал он, — давайте! Попробуйте только, увидите, что будет. Черт подери, только троньте меня, я вас по стенке размажу. Думаете, меня можно запугать? Думаете, если вы такой громила, так я уже и струсил?

Рука МакИкерна упала. Он инстинктивно почувствовал, что впервые в

жизни встретил достойного противника, и даже более того. Полицейский попятился.

Джимми отвернулся, сунув руки в карманы. Не торопясь подошел к камину, прислонился спиной.

— Вы так и не ответили на мой вопрос. Или, может, вам нечего ответить?

МакИкern быстро задышал и вытер вспотевший лоб.

— Если угодно, идемте сейчас в гостиную, — предложил Джимми. — Вы расскажете свою историю, я — свою. Любопытно, какая их больше заинтересует. Черт бы вас взял, — снова взорвался он, — что это, вообще, значит? Вы врываетесь ко мне в комнату, хамите и разводите пышные речи о разоблачении жуликов. Сами-то вы кто, скажите на милость? Вы хоть понимаете, что вы такое? Да бедолага Штырь — ангел по сравнению с вами! Он, по крайней мере, рискует. Он не облечен доверием по своей должности. А вы...

Джимми умолк.

— Вам не кажется, что пора убираться отсюда? — спросил он отрывисто.

МакИкern, не говоря ни слова, повернулся и вышел.

Джимми рухнул в кресло, с трудом переводя дух. Вынул портсигар, но не успел зажечь спичку, как вдали раздался удар гонга.

Джимми встал и рассмеялся немного нервно. Он чувствовал, что весь обмяк.

— Боюсь, — проговорил он, — разговор с будущим папочкой прошел не самым лучшим образом.

Идеи посещали МакИкерна не часто. В жизни он полагался больше на мускулы, нежели на интеллект. Но в тот вечер за обедом к нему пришла идея. После беседы с Джимми он остался в бешенстве, но и в полной беспомощности. МакИкern понимал, что руки у него связаны. Лобовая атака не сулила успеха. Выгнать Джимми из замка оказалось невозможным. Оставалось наблюдать. Полицейский никогда и ни в чем не был так уверен, как в том, что Джимми исхитрился напроситься в гости с преступной целью. Мотив вскоре стал очевиден — леди Джулия явилась к обеду в знаменитых бриллиантах. Ожерелье блистало всемирной известностью. Надо полагать, не было вора во всей Англии и на континенте, который не подумывал бы о нем в качестве возможной добычи. Однажды ожерелье уже пытались украсть. Это крупный куш и как раз вполне способен привлечь матерого преступника, каким МакИкern

считал Джимми.

Джимми с дальнего конца стола смотрел, как сверкают бриллианты на шее своей владелицы. Они были даже чересчур роскошны — в конце концов, это был не званый вечер, а просто неформальный обед. Бриллианты были не просто нанизаны на шнурок — это было кольцо, поражающее какой-то даже восточной, варварской пышностью. За такую добычу грабитель рискнул бы многим.

Когда подали рыбу, разговор стал общим, но несколько не рассеял впечатления, вызванного видом драгоценностей. Темой его были кражи со взломом.

Первым об этом заговорил лорд Драйвер.

— О, послушайте! — сказал он. — Я и забыл рассказать, тетя Джулия, номер шестой вчера ограбили.

В доме номер шесть по Итон-сквер располагалась лондонская резиденция семьи.

— Ограбили! — воскликнул сэр Томас.

— Точнее сказать, в него забрался грабитель, — поправился его лордство, радуясь, что завоевал общее внимание. Даже леди Джулия замолчала и прислушалась. — Парень залез в окно чуланчика при кухне, что-то около часа ночи.

— И что вы предприняли? — осведомился сэр Томас.

— Ну, я... э-э... вообще-то меня в тот момент не было дома, — сказал лорд Драйвер и торопливо продолжил: — Но что-то напутало грабителя, он удрал, так ничего и не успел похитить.

Наступившей паузой воспользовался молодой человек — как позднее узнал Джимми, это и был Чартерис, любитель театрального искусства.

— Кража со взломом, — изрек он, откинувшись на спинку стула, — это хобби для людей азартных и повседневный труд для стяжателей.

Он вынул из жилетного кармашка коротенький карандаш и быстро что-то черкнул на манжете.

У каждого нашлось, что сказать на такую животрепещущую тему. Одна молодая леди высказала мнение, что было бы неприятно обнаружить грабителя у себя под кроватью. Еще кто-то однажды слышал про одного типа, у которого отец выстрелил в дворецкого, приняв его за взломщика, и при этом разбил ценный бюст Сократа. У лорда Драйвера в колледже был знакомый, чей брат сочинял тексты для песен мюзик-холла, и в одной из его песенок говорилось о том, что лучший друг взломщика — его родная мама.

— Жизнь, — провозгласил Чартерис, успевший за это время обдумать

следующую свою реплику, — это дом, в котором все мы грабители. Мы приходим незваными, хватаем все, что плохо лежит, и удираем.

Он записал на манжете: «Жизнь — дом — грабители», — и убрал карандашик в карман.

— Этот брат моего знакомого, ну, о ком я сейчас рассказывал, — сказал лорд Драйвер, — он говорит, что в английском языке есть только одна рифма на слово «ворюга», и это — «севрюга». Ну, если, конечно, не считать разные там «подруга» и «подпруга»...

— Я лично, — сказал Джимми, искоса глянув на МакИкерна, — скорее сочувствую взломщикам. В конце концов, они зарабатывают на жизнь тяжким трудом. Они трудятся, когда все остальные спят. Кроме того, взломщик — единственный образчик практикующего социалиста. Все говорят о перераспределении богатств; взломщик идет и осуществляет это на деле. Среди моих знакомых преступников самые приличные люди — это домушники.

— Я презираю взломщиков! — воскликнула леди Джулия так неожиданно, что красноречие Джимми оборвалось, как будто выключили водопроводный кран. — Если бы какой-нибудь взломщик явился за моими бриллиантами и я его застигла, а в руке у меня оказался пистолет, я бы его убила!

Джимми поймал взгляд МакИкерна и приветливо осклабился. Бывший полицейский уставился на него взглядом озадаченного, но крайне недоброжелательного василиска.

— Я принял все меры, чтобы у взломщиков не было возможности подобраться к твоим бриллиантам, моя дорогая, — не краснея, заявил сэр Томас. — По моему заказу изготовили специальный переносной сейф с особым ключом, — пояснил он, обращаясь ко всем присутствующим. — Очень хитроумное устройство. Взломать его попросту не в человеческих силах.

Джимми, у которого в памяти еще была свежа история, рассказанная Молли, не сдержал мимолетной усмешки. Мистер МакИкern, внимательно за ним наблюдавший, заметил эту усмешку. Для него она стала новым доказательством зловредности намерений Джимми и его уверенности в успехе. Чело полицейского омрачилось. От напряженных раздумий он сделался еще более молчалив, чем обычно. Он понимал всю сложность своего положения. Чтобы воспрепятствовать Джимми, необходимо следить за ним, а как ты будешь за ним следить?

Только когда принесли кофе, МакИкern нашел ответ на этот вопрос. Вместе с первой сигаретой пришла идея. В тот вечер у себя в комнате,

прежде чем улечься в постель, МакИкern написал письмо. Письмо было довольно необычное, но, как ни странно, почти слово в слово повторяло другое письмо — то, которое сэра Томас Блант написал не далее как утром того же дня.

Письмо было адресовано управляющему Частным Сыскным Агентством Додсона, Бишопсгейт-стрит, почтовый округ Восток-Центр, и говорилось в нем следующее:

«Сэр,

По получении сего будьте добры прислать сюда одного из самых способных своих сотрудников. Пусть он остановится в деревенской гостинице под видом американца, осматривающего английские достопримечательности и желающего посетить замок Драйвер. Я встречу с ним в деревне, узнаю в нем старого друга из Нью-Йорка и дам дальнейшие инструкции.

Искренне ваш,
Дж. МакИкern.

P.S. Прошу прислать действительно способного человека, а не какого-нибудь олуха».

Составление этого краткого, но богатого содержанием письма далось ему не без труда. МакИкern был не из числа борзописцев. Но в конце концов он остался доволен своим произведением. Была в письме такая суровая простота стиля, которая ему импонировала. МакИкern запечатал конверт и сунул к себе в карман. На душе у него заметно полегчало. Такая великая дружба возникла у него с сэром Томасом Блантом на почве парижского эпизода с драгоценностями, что можно было уверенно рассчитывать на успех задуманной операции. Благодарный аристократ ни в коем случае не допустит, чтобы старый нью-йоркский друг его избавителя томился в деревенской гостинице. Сыщика немедленно переселят в замок, где он сможет самым пристальным образом следить за развитием событий, а Джимми ничего не заподозрит. Присмотр, в котором так нуждается мистер Джеймс Питт, можно будет смело доверить специалисту.

Мистер МакИкern от всей души поздравил себя с замечательной выдумкой. Да уж, работы сыщику хватит: уследить сразу и за Джимми — на верхнем этаже среди гостей, и за Штырем — внизу, среди слуг.

Глава XV МИСТЕР МАКИКЕРН НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

В первые несколько дней жизнь в замке вызывала у Джимми смешанные чувства, по большей части не слишком приятные. Судьба-покровительница, похоже, взяла себе небольшой отпуск. Прежде всего, в любительском спектакле ему все-таки пришлось играть не лорда Герберта, который практически все сценическое время разговаривал с Молли. Узнав от лорда Дривера, что Джимми когда-то профессионально работал в театре, Чартерис мгновенно решил, что роль лорда Герберта не дает достаточно простора для актерских талантов нового участника.

— Зачем это вам, дружище? — воскликнул он. — Мелкая роль комического придурка. По пьесе он просто-напросто бессмысленный остолоп.

Джимми принялся уверять, что сумеет стать бессмысленным остолопом не хуже всякого другого, но Чартерис был непоколебим.

— Нет, — сказал он. — Вы должны сыграть капитана Брауна. Прекрасная роль. Самая большая роль в пьесе. Столько роскошных реплик! Поначалу на нее назначили Спенни, и все мы с ужасом ждали самого кошмарного провала в истории. Ну, а теперь у нас есть вы — значит, все в порядке. Спенни — идеальный лорд Герберт. Ему достаточно просто быть собой. Успех обеспечен, мальчик мой! Репетиция после ланча. Смотрите, не опаздывайте!

И Чартерис умчался обрабатывать остальных участников спектакля.

С этой минуты начались страдания Джимми. Чартерис был молодой человек, в чьей душе страсть к театру пустила прочные корни. Для него ровно ничего не значило, что солнце светит, что на озере чудесно, что Джимми готов был бы платить пять фунтов в минуту за то, чтобы проводить с Молли хотя бы полчаса в день. Чартерис знал одно — к концу недели в замке соберется вся окрестная знать и мелкопоместное дворянство, а в труппе практически никто даже не выучил своего текста! Силком навязав Джимми роль капитана Брауна, режиссер-любитель дал волю своему рвению. Он проводил репетиции с таким энтузиазмом, что иногда ему почти удавалось добиться от своих доморощенных актеров более-менее внятного исполнения. Он сам раскрашивал декорации и оставлял их сушиться, и кто-нибудь непременно садился на них. Он прибивал над дверями подковы на удачу, и эти подковы падали людям на

голову. Его ничто не смущало. Он трудился, не покладая рук.

— Мистер Чартерис, — с прохладцей заметила однажды леди Джулия после особенно энергичной репетиции, — совершенно неутомим. Он меня просто закружил!

Пожалуй, это был величайший триумф Чартериса — он сумел уговорить леди Джулию принять участие в постановке. Впрочем, прирожденному режиссеру любительских спектаклей любые чудеса по плечу, а Чартерис был одним из самых отчаянных режиссеров Англии. Рассказывали даже (поздним вечером в бильярдной), что он собирался ввести в пьесу комическую роль лакея специально для сэра Томаса, но из этого ничего не вышло — и не потому, что Чартерис был не способен при помощи гипноза вынудить хозяина замка взяться за эту роль, просто сэр Томас оказался напрочь лишен сценических талантов.

Усилиями не в меру ретивого режиссера Джимми пришлось работать в коллективе, и ощущение это ему совсем не понравилось. Сам он без труда справлялся с эпизодами, в которых его персонажу приходилось врать, но, к сожалению, у его партнеров с этим возникали большие трудности. После очередного «прогона текста» с участием взволнованных дилетантов обоего пола Джимми невольно приходило в голову, что с тем же успехом он мог бы поехать в Японию. В беспорядочной толпе репетирующих шансы хоть словом перемолвиться с Молли были исчезающе малы. Хуже того — ее это как будто нисколько не огорчало. Она была весела и, судя по всему, прекрасно себя чувствовала среди общей суматохи. Если даже как-нибудь случайно она встретит в толпе его горящий взгляд, уныло размышлял Джимми, то не придаст этому значения — в последнюю неделю у всех участников постановки глаза горели сумасшедшим огнем.

У Джимми начало складываться не лучшее мнение о любительских спектаклях вообще и о данном любительском спектакле в частности. На его взгляд, в преисподней, в отделении электронагревательных приборов следовало бы завести специальный мангал для поджаривания персонально того человека, который изобрел эту разновидность театральных игрищ, абсолютно не совместимую с истинным духом цивилизации. Каждый день, ближе к вечеру, он добросовестно проклинал Чартериса, не пропуская ни одного раза.

Еще одно его тревожило, — что никак не получается поговорить с Молли, — это, конечно, зло, но зло, так сказать, косвенное. Теперь же на смену ему пришло прямое зло. В разгар театральной лихорадки Джимми не мог не заметить, что Молли очень много времени проводит в обществе

лорда Дривера. И мало того — он вскоре убедился, что сэр Томас Блант и мистер МакИккертн соединенными усилиями всячески способствуют такому развитию событий.

Решающее тому доказательство Джимми получил однажды вечером, когда посредством сложных интриг и подспудных махинаций, рядом с которыми достижения Макиавелли и Эйхлю казались робкими попытками неумелых новичков, ему удалось отделить Молли от толпы и умыкнуть, якобы ради благородной цели — помочь ему покормить кур. Как он и предвидел, при замке имелись куры. Они обитали в шумном и пахучем мирке позади конюшен. Держа в руках чугунок с несъедобным на вид кормом и ведя за собою Молли, Джимми Питт минуты полторы ощущал себя победоносным генералом. Трудно поддерживать романтическую беседу, когда в руках у тебя куриный корм в неудобном чугунном котелке, но Джимми уже решил, что эта часть прогулки будет по возможности краткой. Птичкам нынче вечером придется наскоро перекусить. А потом перемещаемся в более подходящую обстановку розового сада! До обеденного гонга полным-полно времени. Может быть, они даже успеют покататься на лодке по озеру...

— Эгей! — раздался голос.

У них за спиной с собственнической улыбкой на лице стоял его лордство граф Дривер.

— Дядюшка сказал, что я найду вас здесь. Чего ради вы сюда отправились, Питт? Этим, что ли, их кормят, кур? Знаете что, чудные ребята, эти куры! Я бы такую гадость и в рот не взял, хоть озолоти меня! По-моему, это отраву.

Граф наткнулся на взгляд Джимми и примолк. Этот взгляд остановил бы горную лавину. Его лордство порозовел и смущенно завертел пальцами.

— Ах, смотрите! — воскликнула Молли. — Одну бедную курочку другие не подпускают! Ей ни крошки не досталось! Дайте мне ложку, мистер Питт. Иди сюда, цып-цып-цып! Глупенькая, я ведь тебя не обижу. Я принесла тебе покушать!

Молли подступала к одинокой курице, курица нервно пятилась от нее. Лорд Дривер наклонился к уху Джимми.

— Я дико извиняюсь, Питт, старина, — лихорадочно зашептал он. — Не хотел идти. А что делать? Он меня погнал. — Его лордство оглянулся через плечо и быстро добавил, видя, что Молли возвращается: — Старикан стоит сейчас у окошка в своей комнате, подсматривает за нами в бинокль!

Обратный путь к дому совершался в молчании. Со стороны Джимми это было задумчивое молчание. Он усиленно думал. Думал он и после.

Ему хватало пищи для размышлений. Джимми понимал, что лорд Драйвер — глина в руках своего дядюшки. Они познакомились недавно, но уже было ясно, что природа, создавая его лордство, позабыла вложить в него хребет. Что дядюшка скажет, то он и сделает. С точки зрения Джимми, дело было плохо. Он уже знал о дядюшкином намерении женить лорда Драйвера на богатой. А Молли — наследница своего отца. Неизвестно, сколько накопил мистер МакИккертн в процессе своего общения с преступным миром Нью-Йорка, но наверняка немало. Ситуация складывалась беспросветная.

Тут в душе Джимми родился протест. Не стоит отчаиваться раньше времени. Возможно, лорда Драйвера заставят сделать предложение, но кто сказал, что Молли его примет? Джимми ни на мгновение не мог допустить, что ее привлечет знатность Спенни. Не такая Молли девушка, чтобы выйти замуж ради титула. Джимми попытался беспристрастно оценить прочие достоинства лорда Драйвера. Он малый симпатичный и, видимо, вполне добродушный, насколько можно судить по такому недолгому знакомству. Этого отрицать не приходится. Но, с другой стороны, невозможно также отрицать, что его лордство, как сам он мог бы выразиться, ужаснейший осел. Он слабоволен. Никак не яркая личность. В целом, после этих раздумий Джимми повеселел. Никак он не мог себе представить, чтобы белобрысый пэр с успехом исполнил роль влюбленного рыцаря, как бы усердно сэр Томас ни подталкивал его в спину. Пускай толкает он умело, но никогда ему не сделать Ромео из Спенни Драйвера.

Окончательно к этому выводу Джимми пришел однажды вечером в бильярдной, глядя, как его соперник играет послеобеденную партию с молчаливым Харгейтом. Джимми остановился посмотреть, скорее просто потому, что ему хотелось изучить лорда поближе — сама по себе партия не представляла собой ничего выдающегося. Строго говоря, трудно было представить себе более бездарную партию в бильярд. Лорд Драйвер, давший своему противнику фору в двадцать очков, играл скверно, противник же явно был попросту новичком. И снова у Джимми появилось ощущение, что где-то он уже встречал Харгейта. Но, порывшись в памяти, он снова ничего не нашел. Да, в сущности, особенно и не задумывался об этом. Его гораздо больше занимало составление мысленного диагноза относительно лорда Драйвера, который к этому времени в результате серии карамблей худобно перевалил за сороковник и хоть на несколько очков да опередил своего противника.

Составив окончательное мнение по поводу его лордства и наскучив игрой, Джимми вскоре неторопливой походкой вышел из комнаты. За

дверью он остановился на минуту, не зная, чем бы теперь заняться. В курительной играли в бридж, но Джимми не находил в себе тяги к бриджу. Из гостиной доносились звуки музыки. Он повернул было в ту сторону и остановился снова. В конце концов он решил, что ему сейчас не хочется возвращаться в обществе. Хочется подумать. Выкурить сигару на террасе — вот что ему сейчас нужно.

Джимми поднялся к себе за сигарой. Окно в его комнате было открыто. Джимми выглянул, опираясь на подоконник. Почти полная луна ярко освещала двор. Джимми заметил какое-то движение в дальнем конце террасы, где была густая тень. Из тени медленно вышла девушка.

Со времен раннего детства Джимми не слетал по лестнице с такой скоростью. Рискованный поворот на первой площадке он преодолел в поистине самоубийственном темпе. Но судьба, как видно, пробудилась от спячки и вновь взялась за дело — Джимми не сломал себе шею. Несколько мгновений спустя он уже был на террасе, держа в руках накидку, которую успел прихватить в холле.

— Я подумал, что вам, должно быть, прохладно, — сказал он, запыхавшись.

— О, спасибо! — сказала Молли. — Какой вы заботливый! — Он набросил накидку ей на плечи. — Вы бежали?

— Просто довольно быстро спускался по лестнице.

— Что, испугались дюдюки? — засмеялась она. — Я вдруг вспомнила, как я ее боялась, когда была маленькая! Всегда бегом бежала по лестнице, когда нужно было подниматься к себе в спальню в темноте, если только не удавалось уговорить кого-нибудь, чтобы проводил меня туда и обратно и всю дорогу держал бы меня за руку.

С появлением Джимми она повеселела. Ее беспокоили кое-какие недавние события. Она вышла на террасу, чтобы побыть одной. Услышав шаги, Молли ужаснулась, думая, что сейчас явится какой-нибудь болтливый гость со своими никчемными разговорами. А с Джимми почему-то было легко. Он не нарушал спокойствия. Хотя они очень мало общались, что-то притягивало ее к нему — она и сама не могла бы сказать, что именно. Этому человеку она доверяла инстинктивно.

Они шли рядом и молчали. У Джимми в голове бушевали целые потоки слов, но он никак не мог ввести их в разумное русло. Он как будто вдруг утратил способность связно мыслить.

Молли ничего не говорила. Эта ночь была не для разговоров. Луна превратила террасу и сад в волшебную страну, окрашенную в черное и серебро. В такую ночь нужно было смотреть, слушать и думать.

Они медленно прошлись до одного конца террасы, потом до другого. Когда повернули, чтобы проделать все это во второй раз, раздумья Молли оформились в виде вопроса. Дважды она уже была готова задать его вслух, и каждый раз останавливалась. Это был невозможный вопрос. Она не имела никакого права спрашивать об этом, а он был не вправе отвечать.

Неожиданно у нее само собой вырвалось:

— Мистер Питт, что вы думаете о лорде Дривере? Джимми вздрогнул. Вопрос удивительно точно совпал с его собственными мыслями. Когда Молли заговорила, он как раз боролся с неудержимым желанием спросить ее о том же.

— Ах, я знаю, я не должна спрашивать, — воскликнула она. — Он ваш друг, и вы у него в гостях. Я понимаю! Но...

Она умолкла, не докончив фразу. Все мускулы у Джимми в спине напряглись и затрепетали. Но он не находил слов.

— Никому другому я бы не задала этот вопрос. Но вы — другое дело. Сама не знаю, что я этим хочу сказать. Мы с вами почти и незнакомы. Но...

Она снова запнулась, а он все еще не обрел дара речи.

— Мне так одиноко, — сказала она очень тихо, как будто про себя.

У Джимми в мозгу словно вдруг рухнула какая-то преграда. Мысли прояснились. Он шагнул вперед.

Огромная черная тень упала на белую траву. Джимми стремительно обернулся. Перед ним стоял МакИккерн.

— Я искал тебя, Молли, дорогая, — тяжело упали его слова. — Думал, ты уже легла.

Он обратился к Джимми в первый раз с их разговора в спальне:

— Вы нас извините, мистер Питт?

Джимми поклонился и быстрыми шагами направился к дому. У двери он остановился и оглянулся. Те двое так и стояли там, где он их оставил.

Глава XVI СВАТОВСТВО СЛАДИЛОСЬ

Молли и ее отец не пошевелились и не произнесли ни слова, пока Джимми пересекал короткую полоску дерна, заканчивавшуюся у каменных ступеней перед входом в дом. МакИкern молча и угрюмо смотрел на дочь. Его крупное тело на фоне темной массы замка казалось еще больше в неверном свете. Молли почудилось в нем что-то зловещее, угрожающее. Ей вдруг захотелось, чтобы Джимми вернулся. Стало страшно, непонятно почему. Словно какой-то инстинкт подсказывал ей, что в ее жизни наступает решающий момент, и Джимми ей необходим. Впервые ей было не по себе в обществе отца. Молли с детства привыкла видеть в нем защитника, но сейчас он пугал ее.

— Папа! — вскрикнула она.

— Что ты здесь делаешь?

Его голос прозвучал напряженно, сдавленно.

— Я вышла на террасу, потому что мне хотелось подумать, папа.

Она думала, что хорошо знает все его настроения, но таким она никогда его не видала. Это вызывало страх.

— А он зачем тут взялся?

— Мистер Питт? Он принес мне накидку.

— Что он тебе говорил?

Вопросы обрушивались на нее один за другим, словно удары, не давая передышки. В ней шевельнулось слабое чувство протеста. Что она такого сделала, за что на нее нападают?

— Ничего не говорил, — ответила она немного резко.

— Ничего? Что это значит? Что он тебе говорил, отвечай!

— Он ничего не говорил, — повторила Молли дрожащим голосом. — Ты думаешь, я говорю неправду, папа? За все это время он не произнес ни одного слова. Мы просто ходили по террасе. Я задумалась, и он, наверное, тоже. Во всяком случае, он ничего не говорил. П-почему ты мне не веришь?

Молли тихо заплакала. Отец никогда не разговаривал с нею так. Ей было очень больно.

МакИкern разом переменялся. Увидев Джимми и Молли вместе на террасе, он от потрясения потерял контроль над собой. У него бмпи все основания для подозрений. Кйк раз перед этим он разговаривал с сэром Томасом Блантом, и тот сообщил ему некую новость, которая его

встревожила. Вид Молли рядом с Джимми еще усилил впечатление от этой новости. Теперь МакИкern понял, что вел себя грубо. В один миг он оказался возле дочери, положил тяжелую руку ей на плечо, поглаживая и утешая, как бывало в детстве. Ее словам он поверил безоговорочно, и от облегчения стал очень нежным. Рыдания понемногу утихли. Молли прислонилась к его руке.

— Я так устала, папа, — прошептала она.

— Бедненькая моя. Пойдем, сядем.

В конце террасы стояла скамья. МакИкern подхватил Молли на руки, как будто она была ребенком, и понес ее туда. Молли тихонько вскрикнула.

— Я все-таки не настолько устала, что сама не смогу дойти до скамейки! — сказала она, нервно смеясь. — Какой ты сильный, папа! Если я буду плохо себя вести, ты мог бы меня отшлепать, чтобы слушалась, да?

— Конечно. И в угол поставить. Так что будьте осторожны, сударыня!

Он усадил ее на скамью. Молли дрожала, кутаясь в накидку.

— Замерзла, милая?

— Нет.

— Ты дрожишь.

— Это так, пустяки. Нет, не пустяки! — быстро проговорила она. — Не пустяки! Папа, обещай мне одну вещь.

— Конечно, а что такое?

— Никогда, никогда больше не сердись на меня так, хорошо? Я этого не выдержу. Правда, не выдержу. Я понимаю, это глупо, но мне было больно. Ты даже не представляешь, как больно.

— Ну что ты, хорошая моя...

— Ах, я знаю, это глупость. Но...

— Милая ты моя, да все ведь было совсем не так. Я сердился, но не на тебя.

— А на кого? На мистера Питта?

МакИкern почувствовал, что зашел слишком далеко. Он хотел временно позабыть о существовании Джимми. Он собирался говорить совсем о другом. Но отступить было поздно.

— Мне было неприятно видеть тебя здесь наедине с мистером Питтом, милая. Я испугался...

Он понял, что нужно идти дальше. Ситуация было более чем неловкая. Ему хотелось намекнуть, как нежелательно для нее сближение с Джимми, в то же время не допуская самой возможности такого сближения. Не обладая гибким умом, он оказался не в силах справиться с этой сложной задачей.

— Не нравится он мне, — отрезал МакИкern. — Он жулик.
Глаза Молли широко раскрылись. От лица отхлынула кровь.
— Жулик, папа?

МакИкern понял, что зашел уже очень и очень далеко и оказался на краю пропасти. Ему до смерти хотелось разоблачить Джимми, но руки у него были связаны. Если Молли задаст тот самый вопрос, который Джимми задал тогда в спальне... Роковой вопрос, вопрос без ответа! Цена была слишком велика.

Он заговорил осторожно, ощупью отыскивая дорогу:

— Я не могу тебе всего объяснить, моя дорогая. Ты не поймешь. Не забывай, милая, там, в Нью-Йорке, мне по долгу службы приходилось встречаться с разными сомнительными типами... с жуликами, Молли. Я с ними работал.

— Но, папа, тогда у нас дома ты ничего не знал про мистера Питта. Ему пришлось назвать тебе свое имя.

— Я не знал его... тогда, — медленно ответил отец. — Но... но... — Он помедлил и вдруг выпалил: — Я навел справки... и кое-что выяснил.

Он позволил себе глубокий тайный вздох облегчения. Теперь он ясно видел путь.

— Навел справки? — повторила Молли. — Почему?

— Что — почему?

— Почему ты начал подозревать его?

Минутой раньше такой вопрос смутил бы мистера МакИкерна, но теперь это ему было нипочем. Он ответил легко и непринужденно.

— Трудно сказать, моя дорогая. Когда постоянно сталкиваешься с жуликами, начинаешь их узнавать по лицу.

— По-твоему, у мистера Питта... такое лицо? — спросила Молли тоненьким голоском. Лицо у нее разом осунулось. Она побледнела еще сильнее.

МакИкern не мог угадать ее мыслей. Неоткуда было ему знать, как подействовали на нее его слова. Они в одно мгновение показали ей, что для нее значит Джимми, и словно яркая вспышка, озарили тайну, скрытую в ее душе. Теперь она поняла все. Это чувство товарищества, инстинктивное доверие, желание опереться на него — все это больше не представляло для нее загадки; то были знаки, которые она легко могла прочесть.

И этот человек — жулик!

МакИкern продолжал свою речь. Видя, что Молли верит ему, он воспрял духом.

— Вот именно, радость моя! Я таких встречал десятки. Они для меня

— что открытая книга. На Бродвее их полным-полно. Приличное платье и любезные манеры еще не означают, что это честный человек. Я в свое время навидался элегантных проходимцев! Это поначалу я думал, что жулье обязательно с низким лбом да распухшими ушами. Нет, вот за кем глаз да глаз нужен — как раз всякие красавчики с таким невинным видом, словно они только и умеют, что танцевать котильон. Сразу видно, что этот Питт из них. Имей в виду, я не гадаю — я знаю наверняка. Я все про него знаю! Он у меня под наблюдением. Молодчик ведет какую-то свою игру. Как он сюда попал? Познакомился с лордом Драйвером в лондонском ресторане. Да это же самый старый трюк на свете! Если бы меня случайно здесь не оказалось, он, небось, давно уже удрал бы с добычей. Он ведь приготовился. Видела тут рыжего ухмыляющегося урода? Говорит, его слуга. Слуга, как бы не так! Знаешь, кто это? Один из самых известных домушников у нас на родине. Во всем Нью-Йорке не найдется полицейского, который не знает, кто таков Штырь Маллинз. Этого одного было бы достаточно, даже если бы я ничего не знал про самого Питта. Чего ради честный человек станет держать при себе такого фрукта, как Штырь Маллинз, если только они не соучастники? Вот он каков, этот мистер Питт, моя дорогая. Потому я и расстроился немножко, когда увидел тебя с ним наедине. Постарайся поменьше с ним встречаться. Народу здесь много, не так уж трудно будет его избегать.

Молли сидела и смотрела в сад неподвижным взглядом. Поначалу каждое слово было для нее словно удар ножом. Несколько раз она готова была закричать, что не может больше этого слышать. Но постепенно на смену боли пришло глухое оцепенение. Молли безвольно слушала все, что говорил отец.

А МакИкern говорил и говорил. Он оставил тему Джимми, находясь в приятной уверенности, что даже если в сердце Молли, как он подозревал, теплилось зарождающееся чувство, теперь оно наверняка умерло. Бывший полицейский завел речь о повседневных мелочах — о Нью-Йорке, о приготовлениях к любительскому спектаклю. Молли отвечало серьезно и сдержанно. Она все еще была бледна, и чуточку более наблюдательный человек, чем мистер МакИкern, заметил бы в ней какую-то апатию. Больше ничто не говорило о том, что сердце ее родилось и было убито всего несколько минут назад. Женщины, как дикие индейцы, инстинктивно уползают умирать туда, где их никто не может увидеть; а Молли за эти несколько минут стала настоящей женщиной.

Вскоре в разговоре всплыло имя лорда Драйвера. Вслед за тем наступила минутная пауза, которой воспользовался МакИкern, только и

ждавший удобного случая. Чуть помявшись, поскольку наступал трудный момент, а он был не вполне уверен в себе, бывший полицейский ринулся на прорыв.

— Я сейчас разговаривал с сэром Томасом, радость моя. — Он попытался сказать это как бы невзначай, и в результате получилось так многозначительно, что Молли с удивлением взглянула на него. МакИкern смущенно кашлянул. Все-таки дипломатия — не самая сильная его сторона. А ну ее, будем говорить напрямик: — Он сказал, что ты сегодня вечером отказала лорду Драйверу.

— Да, отказала, — подтвердила Молли. — А сэр Томас откуда знает?

— Лорд Драйвер ему сказал. Молли подняла брови:

— Я не думала, что он станет рассказывать о таких вещах.

— Сэр Томас — его дядя.

— Ах да, конечно, — сухо сказала Молли. — Я забыла. Это, безусловно, все объясняет.

МакИкern посмотрел на нее с тревогой. Ему не очень понравились жесткие нотки в голосе дочери. Ни один доброжелатель не назвал бы его человеком с развитой интуицией, и теперь он, хоть убей, не мог понять, в чем дело. Для интригана он был, пожалуй, чересчур наивен. Он искренне считал, что Молли не подозревает, какими хитроумными маневрами был проложен путь к брачному предложению, которое лорд Драйвер, заикаясь, выдал из себя в розовом саду. Однако это не соответствовало действительности. Не родилась еще на свет женщина, которая была бы не способна разгадать мелкие хитрости двоих мужчин, по умственному развитию равных сэру Томасу Бланту и мистеру МакИкernу. Молли давно уже догадалась о благих замыслах этой достойной парочки, и это ее совершенно не радовало. Может быть, правду говорят, что женщина любит, когда ее добиваются; но она не любит, когда ее добиваются целой толпой.

Мистер МакИкern, прокашлявшись, заговорил снова:

— В таких делах не следует торопиться, радость моя.

— Я и не торопилась. Во всяком случае, бедняжка лорд Драйвер, по моему, не считал, что я поторопилась.

— Ты могла сделать человека счастливым... — напыщенно начал мистер МакИкern.

— Я и сделала, — промолвила Молли с горечью. — Видел бы ты, как он засиял! Сперва он не поверил такому счастью, но когда до него дошло, он чуть не бросился мне на шею. Из вежливости он очень старался делать вид, будто огорчен, но ничего у него вышло. Возвращаясь в дом, он всю

дорогу свистел — фальшиво, конечно, но зато как весело!

— Дорогая моя, что ты хочешь сказать?

Молли в этот вечер сделала открытие, что у ее отца бывают неожиданные настроения. Теперь пришла его очередь сделать подобное открытие относительно своей дочери.

— Я ничего не хочу сказать, папочка, — ответила она. — Я просто излагаю то, что произошло. Он пришел ко мне с таким видом, какой бывает у собаки, когда ее тащат купаться...

— Ну, конечно, радость моя, он волновался.

— Конечно. Он же не мог знать заранее, что я ему откажу. Молли быстро задышала. МакИккерн хотел что-то сказать, но она заговорила снова, глядя прямо перед собой. Лицо ее было совсем белым в лунном свете.

— Он повел меня в розовый сад. Это, наверное, сэр Томас придумал? Антураж, конечно, самый подходящий. Розы были прелестны. Вскоре я услышала, как он хватается ртом воздух, и мне стало так его жаль, я просто готова была тут же и отказать ему, чтобы зря не мучился, но ведь невозможно отказать человеку, пока он еще не сделал тебе предложение, правда? Поэтому я отвернулась и стала нюхать розу. Тогда он зажмурился — я-то не видела, я стояла к нему спиной, но совершенно точно знаю, что он зажмурился и отбарабанил свою речь.

— Молли!

Она истерически засмеялась.

— Так и было! Он заранее вызубрил свою речь и теперь отбарабанил ее. Когда он дошел до слов: «Ну вот, понимаете ли, я, то есть, в том смысле, что, значит, в общем, ну, тут такое дело...» — я обернулась и утешила его. Я сказала, что я его не люблю. Он сказал: «Ну да, само собой». Я сказала, что он оказал мне большую честь. Он сказал: «Что вы, что вы» — и с таким страхом на меня смотрел, бедняжка, будто все еще боялся того, что я могу сказать дальше. Но я его успокоила, он повеселел, и мы вернулись в дом, счастливые и беззаботные.

МакИккерн обнял ее за плечи. Молли вздрогнула, но не оттолкнула его руку. Он неуклюже-примирительно пробормотал:

— Радость моя, тебе просто померещилось. Конечно, он страдает. Да я сам недавно видел парнишку..

Тут МакИккерн примолк, вспомнив, что когда он в последний раз видел парнишку — а было это вскоре после обеда — парнишка с полнейшей безмятежностью жонглировал двумя бильярдными шарами и коробком спичек.

Молли перевела взгляд на отца.

— Папа...

— Да, моя дорогая?

— Почему ты так хочешь, чтобы я вышла замуж за лорда Дривера?

МакИкern мужественно выдержал удар.

— По-моему, это прекрасный молодой человек, — сказал он, пряча глаза.

— Он довольно славный, — тихо произнесла Молли. Мистер МакИкern из всех сил старался удержаться. Он не хотел говорить об этом вслух. Если бы можно было, он бы намекнул. Но намекать он не умел. Жизнь, прожитая в той среде, где самым тонким из намеков является тычок резиновой дубинкой в ребра, не позволяет овладеть искусством иносказания. Приходится говорить напрямик или молчать:

— Радость моя, он все-таки граф.

МакИкern заторопился прикрыть грубую наготу этой фразы благопристойным одеянием из слов.

— Молли, пойми, ты очень молода. Естественно, тебе не хочется смотреть на вещи с разумной точки зрения. Ты слишком многого ожидаешь от мужчины. Тебе хочется, чтобы этот парень был похож на героев твоих любимых романов. Когда ты малость подольше поживешь на свете, дорогая моя, ты поймешь, что все это ерунда. Замуж нужно выходить не за героя романа, а за человека, который будет тебе хорошим мужем.

Это замечание показалось самому МакИкernу таким содержательным и глубоким, что он повторил его дважды.

МакИкern говорил и говорил, а Молли сидела совершенно неподвижно, не сводя взгляда с кустов. Он предполагал, что она слушает, но в любом случае он не мог остановиться. Момент и без того неловкий, а в молчании станет совсем уж невыносимым.

— Вот посмотри, например, на лорда Дривера. У молодого человека титул — один из древнейших в Англии. Он может пойти куда угодно, вытворять, что ему вздумается, за фамилию ему все простят. Но он этого не делает. Закваска у него правильная. Он не носится по свету...

— Дядя мало дает ему карманных денег. — Смешок Молли резанул ее отца по нервам. — Наверное, в этом все и дело.

Наступила пауза. МакИкern сбился, и ему требовалось время, чтобы собраться с мыслями.

Молли обернулась к отцу. Жесткое выражение исчезло с ее лица. Она смотрела печально.

— Папочка, милый, выслушай меня. Мы с тобой всегда так хорошо понимали друг друга! — МакИкern ласково погладил ее по плечу. — Ты ведь все это говорил не всерьез? Ты знаешь, что я не люблю лорда Дривера. Ты знаешь, что он просто мальчишка. Разве ты не хочешь, чтобы я вышла замуж за настоящего мужчину? Мне очень нравится этот древний замок, но ты же не думаешь, что в таком вопросе это может иметь значение? Ты ведь это просто так сказал, про героя из романа? Я не такая дуручка, просто я хочу... Ох, я не знаю, какими словами это сказать, но разве ты сам не понимаешь?

Она смотрела на него с мольбой. Всего лишь одно его слово — может быть, даже и не слово, — и пропасть, что пролегла между ними, исчезнет, как не бывала.

МакИкern упустил свой шанс. Он успел подумать, и все его аргументы снова выстроились в боевом порядке. С несокрушимым добродушием он двинулся маршем по намеченной дороге. Он был добр, проникателен и практичен, и с каждым его словом пропасть разверзалась все шире.

— Не нужно торопиться, моя дорогая. В таких делах всегда нужно хорошенько подумать. Ты права, лорд Дривер пока что просто мальчишка, но он вырастет. Ты говоришь, что не любишь его. Чепуха! Он тебе нравится, со временем будет нравиться все больше и больше. А почему? Потому, что ты можешь сделать из него все, что захочешь. У тебя, радость моя, сильный характер. Если за ним будет присматривать такая девушка, как ты, он далеко пойдет. Задатки у него хорошие, нужно только их выявить. Нет, ты подумай, Молли — графиня Дриверская! Во всей Англии, наверное, не найти титула лучше. А я-то как был бы счастлив, милая ты моя! Все эти годы я жил одной надеждой — увидеть, как ты займешь то положение в обществе, которого ты достойна. И тут — такая возможность! Молли, милая, не выбрасывай зря подарок судьбы!

Молли, закрыв глаза, откинулась на спинку скамьи. На нее нахлынула невероятная усталость. Она слушала отца как будто в тяжелом забытье. Ей не справиться. Их слишком много, они слишком сильны. Да и какая разница? Зачем бороться, почему не покончить со всем этим, ведь тогда ее оставят в покое. Больше ей ничего не нужно, только покой. Какая разница?

— Хорошо, папа, — сказала она безжизненно. МакИкern запнулся на полуслове.

— Так ты пойдешь за лорда? — воскликнул он. — Ты согласна?

— Хорошо, папа.

Он нагнулся и поцеловал ее.

— Девочка ты моя родная, — сказал МакИкern. Молли поднялась со скамьи.

— Я немного устала, папа. Я, пожалуй, пойду лягу.

Две минуты спустя мистер МакИкern был в кабинете сэра Томаса Бланта. Пять минут спустя сэр Томас надавил на кнопку звонка.

Явился Сондерс.

— Скажите его лордству, — приказал сэр Томас, — что я прошу его уделить мне минутку времени. По-моему, он в бильярдной.

Глава XVII ДЖИММИ КОЕ-ЧТО ВСПОМНИЛ

Когда Джимми вернулся в бильярдную, партия между Харгейтом и лордом Драйвером все еще продолжалась. На доске был выписан счет: семьдесят — шестьдесят девять.

— Хорошая игра, — сказал Джимми. — Чья очередь?

— Моя, — сказал его лордство и тут же смазал совсем несложный карамболь. Лорд Драйвер был почему-то очень весел. — Харгейт просто на ходу подметки режет. Только что у меня было преимущество в одиннадцать очков, а тут он р-раз — и отыграл двенадцать за один ход.

Лорд Драйвер был игроком того класса, где выиграть более десяти очков за один ход считается знаменательным событием, достойным всяческого почтения.

— Повезло, — буркнул молчаливый Харгейт.

Дня него это была длинная речь. С самой первой их встречи на Пэддингтонском вокзале Джимми не приходилось слышать, чтобы он произнес слово, состоящее больше чем из двух слогов.

— Ничего подобного, старичок! — великодушно возразил лорд Драйвер. — Вы грызете удила, прямо как резвая двухлетка! Скоро я уже не смогу давать вам фору в двадцать очков из ста.

Он подошел к столику у стены и смешал себе порцию виски с содовой, напевая обрывки какой-то опереточной песенки. Не могло быть и тени сомнения, что в эту минуту жизнь для него прекрасна. Последние несколько дней, и особенно сегодня после полудня, лорд явно маялся. В половине шестого Джимми видел, как он слоняется по террасе, и подумал, что бедняга выглядит точь-в-точь как плакальщик на похоронах, а теперь, всего несколько часов спустя, он сияет, всему на свете радуется и чирикает, словно птичка.

Игра продолжалась ни шатко ни валко. Джимми уселся и стал смотреть. Счет рос медленно. Лорд Драйвер играл плохо, Харгейт — еще хуже. Когда счет перевалил за восемьдесят, его лордству наконец-то начало везти. После серии удачных ударов его счет достиг девяноста пяти очков. У Харгейта благодаря ряду промахов соперника было к этому времени девяносто шесть.

— У меня сейчас инфаркт будет, — сказал Джимми, азартно подавшись вперед.

Шары расположились идеально. Даже Харгейт в такой позиции не мог

не пробить карамболь. Он и пробил.

Даже при самой паршивой игре острый финал захватывает. Джимми еще сильнее подался вперед в ожидании следующего удара. Похоже было, что Харгейту пока еще рано праздновать победу. Хороший игрок, пожалуй, мог бы провести карамболь в той позиции, как легли на этот раз шары, но не Харгейт. Шары расположились почти на одной линии, причем белый был в центре.

Харгейт чуть слышно выругался, но делать было нечего. Он, не глядя, ударил по белому шару. Белый шар подкатился к красному, замер на мгновение и отлетел назад, попав ровнехонько по битку. Игра была окончена.

— Ох ты, черт! Вот это удар! — вскричал молчаливый Харгейт, на радостях сделавшись прямо-таки разговорчивым.

Тихая улыбка изобразилась на лице Джимми. Он вспомнил то, что так мучительно вспоминал всю неделю.

В эту минуту открылась дверь, и на пороге возник Сондерс со словами:

— Сэр Томас желал бы побеседовать с вашим лордством в библиотеке.

— А? Что ему надо?

— Сэр Томас не поделился со мной своими планами, ваше лордство.

— А? Что? Ну да. Что делать, до встречи, ребята.

Он прислонил кий к столу и надел пиджак. Джимми вышел вслед за лордом и притворил за собой дверь.

— Одну секундочку, Драйвер.

— А? Привет! В чем дело?

— Игра была на деньги? — спросил Джимми.

— Э, да, черт возьми, действительно, на деньги. По пятерке. М-м, кстати, старина, у меня, видите ли, как раз сейчас временно такое дело... У вас, случаем, не найдется под рукой пятерки? Дело в том...

— Ну конечно, дружище, о чем речь. Прямо сейчас с ним и рассчитаюсь, да?

— Спасибо громадное, вы меня жутко выручите. Завтра же отдам.

— Спешить некуда, — сказал Джимми. — У меня в закромах еще имеются запасы.

Он вернулся в бильярдную. Харгейт отрабатывал карамболи. Когда Джимми открыл дверь, он как раз готовился пробить.

— Сыграем? — предложил Харгейт.

— Спасибо, что-то не хочется, — вежливо ответил Джимми.

Харгейт ударил по шару и промазал. Джимми улыбнулся.

— На этот раз не так удачно получилось, — заметил он.

— Да.

— А в тот раз вы отлично пробили.

— Повезло.

— Не знаю, не знаю. Джимми закурил сигарету.

— Вам случалось бывать в Нью-Йорке? — спросил он.

— Случалось.

— А бывали вы в клубе «Ваганты»?

Харгейт отвернулся, но Джимми успел увидеть выражение его лица и был им вполне удовлетворен.

— Не знаю такого клуба, — сказал Харгейт.

— Отличное местечко, — сказал Джимми. — Там собираются в основном актеры, писатели, ну, и так далее. Одна беда — они иногда приводят с собой довольно сомнительных друзей.

Харгейт промолчал с безразличным видом.

— Да, — продолжал Джимми. — Например, один мой приятель, Мифлин его зовут, в прошлом году привел с собой знакомого, записал его гостем клуба на две недели, и этот его знакомый порастряс наших ребят на бильярде уж не знаю на какие суммы. Старый трюк, понимаете ли. Водит-водит партнера, а под самый конец — хоп! Внезапный рывок. Конечно, раз-другой это может быть и случайность, но если человеку, который прикидывается новичком косоруким, под конец партии обязательно удастся блестящий удар... Харгейт обернулся.

— Того деятеля вышибли из клуба, — сказал Джимми.

— Слушайте!

— Да?

— Это вы к чему?

— Скудная история, я вам надоел, — извинился Джимми. — Между прочим, Драйвер просил меня рассчитаться с вами за эту партию, на случай, если его задержат. Вот, прошу.

Он протянул пустую ладонь.

— Получили?

— Что вы собираетесь делать? — спросил Харгейт.

— Что я собираюсь делать? — повторил Джимми.

— Вы знаете, о чем я. Если будете держать язык за зубами, поделим доход пополам. Хватит вам этого?

Джимми возликовал. Он знал, что по правилам на такое предложение следовало подняться с кресла, сурово закаменев лицом, и немедленно

отмстить за оскорбление, но в подобных случаях он часто пренебрегал условностями. Столкнувшись с человеком, чей личный поведенческий кодекс не совпадает с общепринятым, Джимми прежде всего испытывал желание поговорить с ним, понять его точку зрения. К Харгейту он вовсе не чувствовал враждебности, точно так же как не чувствовал ее по отношению к Штырю при первом их знакомстве.

— А много можно заработать такими фокусами? — спросил он с интересом.

Харгейт заметно приободрился. Вот это деловой разговор!

— Кучу денег, — горячо воскликнул он. — Уйму просто. Я вам говорю, даже если поделить пополам...

— А не рискованно?

— Да нисколько! Изредка бывают неприятные случайности...

— Вроде меня, например? Харгейт усмехнулся.

— Тяжелая ведь работа, — сказал Джимми. — Приходится все время себя сдерживать.

Харгейт вздохнул.

— Это хуже всего, — подтвердил он. — Неприятно изображать неумеху, когда какой-нибудь молодой дурак снисходительно похлопывает тебя по плечу и воображает, что чему-то может научить. Я несколько раз чуть не сорвался, так и тянуло показать им, как по-настоящему играют в бильярд.

— У каждой интеллектуальной профессии есть свои недостатки, — сказал Джимми.

— Ну, в этой профессии они, по крайней мере, хорошо оплачиваются, — откликнулся Харгейт. — Так что, договорились? Войдете со мной в долю...

Джимми покачал головой:

— Пожалуй, нет. Вы очень добры, но коммерческие операции — это не по моей части. Боюсь, на меня вам лучше не рассчитывать.

— Что! Неужели вы всем расскажете...

— Нет, — сказал Джимми. — Не расскажу. Я не комитет по охране нравственности. Никому не скажу ни слова.

— О, ну тогда... — начал обрадованный Харгейт.

— Разумеется, — продолжил Джимми, — если вы не станете больше играть в бильярд, пока находитесь в этом доме.

Харгейт вытаращил глаза.

— Но, черт подери, зачем же я тогда... Нет, послушайте! А если мне кто-нибудь предложит сыграть?

— Сошлитесь на свое запястье.

— Мое запястье?

— Да. Вы его вывихнете завтра после завтрака. Очень неудачно. Просто не знаю, как это вас угораздило. Вывих не очень тяжелый, но никак не позволяет вам играть в бильярд.

Харгейт задумался.

— Все понятно? — спросил Джимми.

— А, ладно, — буркнул Харгейт. И тут же взорвался: — Ну, если только у меня будет возможность поквитаться...

— Не будет, — сказал Джимми. — Не обольщайтесь. Поквитаться! Вы меня плохо знаете. В моей броне нет ни единой щелки. Я рыцарь без страха и упрека, в современном варианте. Теннисон писал с меня своего Галахада. Моя жизнь настолько беспорочна, что самому противно. Но чу! Мы не одни. Во всяком случае, будем через минуту. Кто-то идет по коридору. Так вы меня поняли? Пароль — вывих запястья.

Ручка двери повернулась. Это лорд Драйвер возвратился после разговора с дядюшкой.

— Хелло, Драйвер! — сказал Джимми. — Мы тут без вас скучали. Харгейт пытался меня развлечь акробатическими трюками. Все-таки вы слишком неосторожны, Харгейт. Попомните мое слово, так и запястье вывихнуть недолго. Вы vx, пожалуйста, поберегите себя. Что, уже уходите? Спокойной ночи! Приятный малый Харгейт, — прибавил Джимми, когда шаги в коридоре затихли. — Эй, дружище, что это с вами такое? У вас подавленный вид. Лорд Драйвер бросился на оттоманку и глухо застонал.

— Черт! Черт!! Черт!!! — высказался он.

Его остекленелый взор встретился с взглядом Джимми и тут же вновь бесцельно устремился в пространство.

— Да что случилось? — удивился Джимми. — Вы ушли, распевая, словно канарейка, а возвращаетесь, стеная, как заблудшая душа. В чем дело?

— Дайте мне бренди с содовой, Питт, будьте другом. Вот спасибо. Я в жуткой дыре.

— Почему? Что такое?

— Я обручен! — простонал его лордство.

— Обручен! Объясните толком. В чем проблема? Или вы не хотели обручаться? Кто ваша...

Он вдруг умолк. Страшное подозрение закралось к нему в душу.

— Кто она? — закричал Джимми.

Он схватил измученного пэра за плечо и безжалостно потряс. К несчастью, он выбрал именно тот момент, когда пэр пытался успокоить свои истерзанные нервы хорошим глотком бренди с содовой. В течение двух минут казалось вполне вероятным, что помолвка расстроится в связи с преждевременной кончиной последнего представителя рода Драйверов. Впрочем, когда долгий и мучительный приступ кашля закончился, его лордство был все еще жив и быстро шел на поправку.

Он с упреком смотрел на Джимми, но Джимми был не в настроении извиняться.

— Кто она? — повторял он нетерпеливо. — Как ее имя?

— Так ведь и убить можно, — проворчал выздоравливающий.

— Кто она?

— Что? А, мисс МакИккерн.

Джимми знал, что он ответит именно так, но потрясение не стало от этого менее сильным.

— Мисс МакИккерн? — повторил он, словно эхо. Лорд Драйвер скорбно кивнул.

— Вы с нею помолвлены? Еще один скорбный кивок.

— Не верю, — сказал Джимми.

— Я бы тоже хотел не верить, — печально откликнулся его лордство, не замечая, что его реплика несколько грубовата. — Но, к сожалению, это правда.

Впервые с той минуты, как прозвучало заветное имя, Джимми обратил внимание на причудливое поведение своего счастливого соперника.

— Вы что-то не слишком радуетесь, — промолвил он.

— Радуюсь! Я бы на эту лошадь пятерки не поставил! Прямо скажем, я не готов прыгать от счастья.

— Тогда какого черта? В чем смысл? Что вообще происходит? Если вам не хочется жениться на мисс МакИккерн, зачем было делать ей предложение?

Лорд Драйвер закрыл глаза.

— Друг вы мой дорогой! Это все дядя!

— Дядя?

— Я же вам рассказывал — помните, что он хочет меня женить? Да помните, мы с вами об этом говорили.

Джимми долго молча смотрел на него.

— Вы хотите сказать... — медленно проговорил он наконец. И умолк. Было бы кощунством произнести это вслух.

— Что, старина? Джимми прочистил горло.

— Вы хотите сказать, что решили жениться на мисс МакИккерн только потому, что у нее есть деньги?

Он и раньше слышал, что британские аристократы иногда вступают в брак именно по этой причине, но впервые такая мысль наполнила его ужасом. При определенных условиях мы становимся восприимчивее.

— Да я тут ни при чем, старик, — промямлил его лордство, — это все дядюшка.

— Дядюшка! Господи ты Боже мой! — Джимми в отчаянии стиснул кулаки. — Ты что же, позволяешь дядюшке командовать тобой в таком деле? Неужели ты такой... такой... студнеобразный... ползучий бесхребетник...

— Послушай, старик! — обиделся его лордство.

— Я бы тебя назвал вонючим трусливым скунсом, но это была бы грубая лесть. Не в моем характере нагло льстить человеку прямо в лицо.

Лорд Драйвер, оскорбленный в лучших чувствах, приподнялся с оттоманки.

— Не вставай, — предупредил его Джимми. — Я за себя не ручаюсь!

Его лордство поспешно сел на место. Ему стало не по себе. Он никогда еще не видел Джимми в таком настроении. Сперва он был этим просто огорчен и разочарован, поскольку ожидал сочувствия. Но теперь дело приняло более серьезный оборот. Джимми расхаживал по комнате, как молодой и разъяренный тигр. Правда, в настоящую минуту их разделял бильярдный стол, но его лордство предпочел бы хорошую, прочную решетку. Он приютился в уголке оттоманки так же истово, как моллюск присасывается к скале. Разумеется, со стороны Джимми было бы верхом дурного тона наброситься с кулаками на человека, у которого он в гостях, но можно ли рассчитывать, что Джимми сейчас способен вспомнить о правилах этикета?

— Не представляю, какого дьявола она согласилась, — пробормотал Джимми словно про себя, внезапно остановившись и злобно глядя на графа через стол.

Лорд Драйвер перевел дух. Сказано было, может, и невежливо, но это, по крайней мере, не грозило физическим насилием.

— Сам не пойму, старичок, — сказал он. — Странно все это, строго между нами. Еще сегодня...

— Что — еще сегодня?

— Она мне наотрез отказала.

— Ты сегодня уже делал ей предложение?

— Ну да, и в тот раз все прошло отлично. Она так мило мне отказала.

Даже слышать не хотела об этом. Чуть было не засмеялась мне в физиономию. А вечером... — От мысли о собственной горькой доле голос его повысился до писка, — дядюшка вдруг вызывает меня к себе и говорит, что она передумала, ждет меня в утренней комнате. Иду туда, и она мне в двух словах объявляет, что все как следует обдумала и вся эта пакость снова на ходу! По-моему, это называется свинством. Я просто не знал, что делать, в смысле — надо ее поцеловать или нет...

Джимми яростно фыркнул.

— А? — растерянно переспросил его лордство.

— Продолжай, — процедил Джимми сквозь зубы.

— Понимаешь, я стоял перед ней, как дурак. В итоге просто сказал: «Ну, значит, такие дела» — или что-то в этом духе. Черт возьми, сам не знаю, что я такое ляпнул, и давай Бог ноги! Странно все это, очень странно. Я ведь ей на самом деле не нужен, это же видно. Ей до меня и дела нет. Знаешь, что я думаю, старик, — сказал он торжественно, — ее, скорее всего, тоже заставили. Должно быть, дядюшка с ней поговорил.

Джимми коротко рассмеялся.

— Дорогой мой, ты, как видно, считаешь, что твоему дядюшке никто не в силах противиться. А по-моему, он только на тебя так действует.

— Ну, не знаю, мне кажется, дело в этом. А ты что скажешь?

— Что тут говорить? Нечего, да и незачем.

Джимми плеснул в стакан виски и добавил самую чуточку содовой.

— Лихо ты это дело принимаешь, — заметил его лордство с легкой завистью.

— По особым случаям, — ответил Джимми и одним глотком осушил стакан.

Глава XVIII МЕТОД ЛОХИНВАРА

Вечером Джимми сидел у себя в спальне и курил последнюю сигарету' на сон грядущий, и тут в комнату вошел Штырь Маллинз. Джимми размышлял. Он был из тех людей, чьи способности лучше всего проявляются в критические моменты. Перед лицом неминуемой катастрофы он мобилизовал все ресурсы и ум его заработал с особой остротой. Новость, которую он узнал сегодня вечером, не изменила его намерений, но он понимал, что необходимо пересмотреть свои методы. Теперь нужно было все поставить на один-единственный бросок игральной кости. Образцом ему должен был стать не Ромео, а, скорее, юный Лохинвар. Джимми отказывался признать себя неспособным добиться чего угодно, если оно ему настолько необходимо, как Молли. Он также отказывался поверить, будто Молли в самом деле испытывает какие бы то ни было чувства к лорду Дриверу. Джимми подозревал, что тут не обошлось без козней МакИкерн, хотя эти подозрения нисколько не проясняли загадку. Молли — девушка с характером, не то, что его лордство, она не станет покорно слушаться старших в деле такого рода. Вся эта история поставила Джимми в тупик.

— Да, Штырь? — спросил он.

Джимми был недоволен тем, что его отвлекают. Он был занят своими мыслями и хотел, чтобы к нему никто не лез. Штырь, судя по всему, был чем-то взволнован.

— Слышь, начальник! Ни за что не угадаете! Знаете того типа, что явился сюда сегодня, — которого старикан МакИкерн приволок с собой из деревни?

— Гейлер? — сказал Джимми. — А что с ним такое?

В тот день в замке прибавилось гостей. Мистер МакИкерн пошел прогуляться в деревню и встретил старого знакомого по Нью-Йорку. Тот, осматривая достопримечательности Англии, добрался до Дривера и жаждал посетить исторический замок. Мистер МакИкерн привел его с собой, представил сэру Томасу, и теперь мистер Сэмюэль Гейлер занимал комнату на том же этаже, что и Джимми. Вечером он присутствовал за обедом — низенький человек с деревянным лицом, участвовавший в разговоре не больше, чем Харгейт. Джимми на него и внимания-то не обратил.

— Так что с ним такое?

— Он шпик, начальник.

— Кто?

— Шпик.

— Сыщик?

— Ну. Переодетый легавый.

— С чего ты взял?

— Взял! Да я их по глазам вижу, и по ногам тоже отличаю, и по всей повадке. Я вам легавого из тысячи сразу покажу. Шпик он, точно. Верное слово. Я видел, начальник, он на вас нацелился.

— На меня? Это еще почему? Ах да, конечно. Понимаю. Наш друг МакИкern нанял его следить за нами.

— Точно, начальник.

— Конечно, ты мог и ошибиться.

— Ни-ни, начальник. Слышь-ка, он тут не один такой.

— Что, есть и другие сыщики? Такими темпами здесь, пожалуй, скоро будет аншлаг. А кто еще?

— Мордоворот внизу, в комнате для слуг. Я спервоначалу еще сомневался, а сейчас-то уже точно его раскусил. Легавый он, верьте слову. Личный холуй сэр-Таммаса — ну, этот второй мордоворот. Только никакой он не холуй. Приставлен смотреть, чтобы брульянты кто-нибудь не стырил. Слышь, начальник, что скажете, как вам брульянты?

— В жизни не видел такой красоты.

— Ага, это точно. Сто тыщ долларей потянули. Чума, верьте слову! Слышь-ка, а может, все-таки...

— Штырь! Я тебе удивляюсь. Да ты просто настоящий Мефистофель, Штырь! Если бы не моя железная воля, кто знает, на что ты мог бы меня толкнуть? Право, тебе следует осторожнее выбирать темы для беседы. Ты можешь дурно повлиять на такого, как я.

Штырь уныло переступил с ноги на ногу.

— Ну, начальни-ик! Джимми покачал головой:

— Это невозможно, друг мой.

— Да возможно же! — возразил Штырь. — Легкотня, как нечего делать. Я уже и в комнату эту сходил, шкатулку видел, где брульянты хранятся. Делов-то! Нам эти побрякушки взять, что пробку из бутылки вынуть. Не, слышите, в этом доме вообще вещи прямо без присмотра валяются, только бери. Точно говорю, начальник. Во, гляньте, что я сегодня надыбал, а ведь вовсе даже и не старался. Они лежали, я и прибрал.

Он сунул руку в карман, а когда снова вынул ее и разжал пальцы, на

ладони сверкнули драгоценные камни.

— Какого... — ахнул Джимми.

Штырь смотрел на свое сокровище любовно-собственническим взглядом.

— Да где ты их взял? — спросил Джимми.

— Там, в комнате одной. Ну, это какой-то из дам барахлишко. Делов-то, начальник. Как рядом никого не было, я и зашел, а они лежали на столике. Ни в жизнь такой легкотни мне не попадалось.

— Штырь!

— Ага, начальник?

— Ты помнишь, из какой комнаты их взял?

— Ясное дело. Которая самая первая на...

— В таком случае, послушай меня внимательно, шустрый мальчик. Завтра с утра, когда все пойдут завтракать, поднимись в эту комнату и положи камни на место, точно так, как ты их нашел. Все до одного, понятно? у Штыря отвисла челюсть.

— Взад положить, начальник?! — заикаясь, еле выговорил он.

— До последнего камушка.

— Начальник! — взмолился Штырь.

— Помни — все до единого. Точно так, как они лежали раньше. Ясно?

— Слушаюсь, начальник.

Голос Штыря был полон такой тоски, что разжалобил бы и каменное сердце. Дух Штыря объяла глубокая печаль. Солнечный свет померк для него.

Свет солнца померк и для многих других обитателей замка. Причиной тому была главным образом тень надвигающегося спектакля.

По количеству причиняемых неудобств мало что на свете может сравниться с завершающими репетициями любительского спектакля в загородном поместье. Атмосфера с каждым днем накаляется, настроение у всех беспокойное и подавленное. Режиссером-постановщиком, особенно если он же еще и автор пьесы, овладевает своего рода перемежающееся безумие. Он дергает себя за усы, если таковые у него имеются, если же нет — за волосы. Он что-то бормочет себе под нос. Время от времени у него вырываются пронзительные и отчаянные крики. Куда подевалась ласкающая душу учтивость, отличавшая его на ранних репетициях! Он уже не говорит с чарующей улыбкой: «Великолепно, старина, просто великолепно! Лучше некуда! Только давайте-ка пройдем эту сцену еще разок, если вы не возражаете». Нет, теперь он закатывает глаза и рявкает: «Еще раз, будьте любезны. Это никуда не годится! Если и дальше так

пойдет, можно с тем же успехом совсем отменить спектакль. Что такое? Нет, не будет нормально в день премьеры! Так что повторяем еще раз, и соберитесь все, в конце концов!» Актеры с недовольным видом начинают сцену сызнаова, а впоследствии при встрече разговаривают с режиссером холодно и натянуто.

Подготовка к спектаклю в замке Драйвер как раз достигла этой стадии. Всем уже до смерти надоела пьеса, и любой без всякого сожаления отказался бы от своей роли, если бы не мысль о жестоком разочаровании, которое (предположительно) постигнет окрестную знать и мелкопоместное дворянство, если спектакль не состоится. Участники, с таким пылом сражавшиеся за самую лучшую, самую длинную роль, жалели теперь, что не согласились на «первого лакея» или «поселянина Джайлза»).

— Больше никогда в жизни не возьмусь ставить любительские спектакли! — чуть не плача, уверял Чартерис Джимми Питта. — Все плохо. Многие до сих пор еще не выучили как следует роли.

— Все будет нормально...

— Ох, только не говорите, что все будет нормально в день премьеры!

— Я и не собирался, — сказал Джимми. — Я хотел сказать, что все будет нормально после премьеры. Зрители быстро забудут, как все было отвратительно.

— Умеее вы утешить, нечего сказать, — проворчал Чартерис.

— Что толку беспокоиться? — сказал Джимми. — Если будете так себя изводить, раньше времени попадете в Вестминстерское аббатство. У вас начнется воспаление мозга.

Сам Джимми был одним из немногих, кто сохранил относительную бодрость духа. Он от души веселился, глядя на хитроумные маневры мистера Сэмюэля Гейлера из Нью-Йорка. Человек с рысьими глазами, получив от мистера МакИкерна задание вести слежку за Джимми, взялся за дело настолько основательно, что и младенец заподозрил бы неладное. Если Джимми после обеда отправлялся в бильярдную, мистер Гейлер был тут как тут, в полной готовности составить ему компанию. Если Джимми поднимался в неурочное время к себе в комнату за носовым платком или портсигаром, в коридоре ему непременно встречался мистер Гейлер. Сотрудники Частного сыскного агентства Додсона всегда добросовестно отрабатывали свой гонорар.

Иногда после таких встреч Джимми попадался на пути личный слуга сэра Томаса Бланта — второй из тех двоих, в ком опытный глаз Штыря разглядел отличительные признаки переодетого сыщика. Как правило, в такие минуты он находился где-нибудь рядышком, за углом, и при

столкновении извинялся с чрезвычайной учтивостью. Джимми решил, что, должно быть, подозрение пало на него из-за Штыря. Штырь резко отличался от остальных слуг и наверняка сразу бросился в глаза детективу, приставленному приглядывать за ними. Сам же Джимми как работодатель Штыря удостоился слежки в качестве возможного сообщника.

Джимми очень смешило, что оба эти гиганта мысли так надрываются ради него.

Сам он все эти дни внимательно наблюдал за Молли. О помолвке пока еще не было объявлено официально. Может быть, новость приберегали к дню спектакля, когда в замке должно было собраться чуть ли не все графство. Момент самый подходящий. Джимми попробовал расспросить об этом лорда Дривера, и тот угрюмо пробурчал, что, скорее всего, так и есть.

— После представления намечается что-то вроде бала, — сказал он, — надо полагать, тогда все и произойдет. А потом уже не вывернешься. Раззвонят на целое графство, тут уж дядюшка постарается. Залезет на стол и прокричит про это дело во все горло, с него станется. Утром напечатают в «Морнинг Пост», и Кэти прочтет! Господи, всего два дня осталось!

Из этих слов Джимми сделал вывод, что Кэти — та самая девушка из «Савоя», о которой его лордство не сообщил никаких подробностей, кроме того, что она «потрясная» и без гроша за душой.

Всего два дня! Исход дела висит на волоске, как в битве при Ватерлоо. Джимми еще острее, чем прежде, сознавал, как много Молли значит для него. Минутами ему начинало казаться, что и она тоже это понимает. После того вечера на террасе что-то изменилось в их отношениях. Он как будто стал ей ближе. Что-то их связало. Прежде Молли держала себя с ним совершенно непринужденно, весело и открыто. Теперь в ее манере появилась непонятная сдержанность, словно что-то ее стесняло. Между ними возникла преграда, но то была уже не прежняя преграда. Джимми больше не был для нее одним из толпы.

Беда в том, что действовать приходилось наперегонки со временем. Первый день проскользнул впустую, за ним второй, и вот уже счет идет на часы. Настал последний день.

Даже мистер Сэмюэль Гейлер из Частного сыскного агентства Додсона не мог бы вести слежку так бдительно и неотступно, как Джимми в эти решающие часы. Во второй половине дня репетиций не было, участники труппы в состоянии нервного коллапса разной степени тяжести, как неприкаянные, бродили вокруг замка. То один, то другой привязывался к Молли с разговорами, а Джимми смотрел на них издали и проклинал их

занудство.

Наконец она, бесцельно прохаживаясь, отделилась от всех. Джимми выскочил из засады и последовал за ней.

Она шла к озеру. Весь день стояла ужасная, давящая жара. В воздухе пахло грозой. Озеро маняще поблескивало между деревьями.

Когда он подошел, Молли стояла у самой воды, спиной к нему. Она покачивала ногой плоскодонку, причаленную у берега. Когда Джимми заговорил, она вздрогнула — травянистая почва приглушила его шаги.

— Не хотите ли прокатиться по озеру? — предложил он. Молли не сразу ответила. Она заметно смутилась.

— Простите, — сказала она. — Я... я жду лорда Дривера.

Джимми видел, что она нервничает. В воздухе чувствовалось напряжение. Она отвернулась, глядя вдаль, через озеро, щеки у нее покраснелись.

— Прокатимся? — спросил он снова.

— Простите, — повторила она.

Джимми оглянулся через плечо. С террасы спускалась долговязая фигура его лордства. Лорд Дривер приближался медлительной и несколько судорожной походкой. Совсем не так спешат на желанное свидание. Вот его заслонила группа лавровых деревьев на нижней террасе. Еще минута — и он покажется с другой стороны.

Мягко, но стремительно Джимми взял Молли двумя руками за талию, поднял в воздух и аккуратно усадил на подушки, уложенные на корме.

Затем и сам перепрыгнул в лодку, так что она закачалась, отцепил причальный конец, схватил весло и оттолкнулся от берега.

Глава XIX НА ОЗЕРЕ

В любви, как и в любой другой жизненной сфере, прежде всего нужно стараться быть последовательным. Трусливые колебания губительны. Следует выбрать для себя линию поведения, которая лучше всего подходит к вашему темпераменту, и твердо ее придерживаться. Если Лохинвар подхватил прекрасную деву и усадил перед собою на коня, значит, он и дальше должен действовать в том же духе. Не стоит впадать в заблуждение, полагая, будто, совершив такой подвиг, можно вернуться к прежней тактике робкого обожания. Первобытный человек, осуществлявший свои ухаживания при помощи дубины, не совершал такой ошибки и никогда не извинялся, если невеста принималась жаловаться на головную боль.

Джимми тоже не стал извиняться. Ему это просто не пришло в голову. Он чувствовал себя первобытным человеком. Сердце у него колотилось, в голове все смешалось, и только одна отчетливая мысль явилась ему в первые же секунды — давно нужно было это сделать! Так будет правильно. Схватить ее в охапку и унести, а дядюшки, отцы и набриолиненные аристократы пусть занимаются своими делами. Так будет правильно. Одни, вдвоем, в своем собственном маленьком озерном мире, где никто не помешает, никто не подслушает. Давно нужно было это сделать! Сколько драгоценного золотого времени он потратил, переминаясь с ноги на ногу в сторонке, пока разные никчемные типы донимали ее разговорами — и ведь наверняка совершенно неинтересными. Но в конце концов он поступил правильно. Теперь они одни. Она должна его выслушать. Ничего другого ей не остается. Кроме них, в этом новом мире нет ни души.

Он оглянулся через плечо на старый, покинутый мир. Последний из рода Дриверов вышел из-за лавров и теперь стоял у кромки воды, озадаченно глядя вслед уплывающей лодке.

— Между прочим, поэты иногда действительно умели сказать, — задумчиво промолвил Джимми, погружая весло в воду. — Например, тот тип, который написал: «Даль, вот что виду прелесть придает».^[13] Дривер тоже вполне неплох, если смотреть на него издалека, через широкую полосу воды.

Молли, задумчиво глядевшая в воду, не подняла глаз, чтобы насладиться живописным зрелищем.

— Зачем вы это сделали? — тихо спросила она.

Джимми поднял весло, пустив лодку в дрейф. В тишине журчание воды у носа лодки звучало очень ясно и звонко. Весь мир, казалось, уснул. Солнце сияло во всю мочь, вода в озере пылала под его лучами. Горячий влажный воздух был насыщен электричеством в преддверии грозы. Личико Молли казалось маленьким и спокойным в тени широкополой шляпы. Джимми, глядя на нее, чувствовал, что поступил верно.

— Зачем вы это сделали? — повторила она.

— Так нужно было.

— Отвезите меня обратно.

— Нет.

Он снова взялся за весло, расширив полосу воды между двумя мирами, и опять отложил весло.

— Сперва я должен вам кое-что сказать.

Она не ответила. Он еще раз оглянулся через плечо. Его лордства не было видно.

— Можно, я закурю?

Она кивнула. Он тщательно набил и раскурил трубку. Дымок от трубки неторопливо поплыл в неподвижном воздухе. Они долго молчали. Поблизости плеснула рыба и снова шлепнулась в воду, рассыпав дождь серебряных брызг. Молли вздрогнула от внезапного звука и полуобернулась.

— Рыбка, — по-детски сказала она. Джимми вытряхнул золу из трубки.

— Почему вы это сделали? — спросил он вдруг, эхом ее собственного вопроса.

Она медленно зачерпнула рукой воду и ничего не ответила.

— Вы знаете, о чем я говорю. Драйвер мне рассказал.

Она вскинула голову, на мгновение в ней словно пробудилось какое-то чувство, и тут же снова угасло раньше, чем она успела договорить.

— Какое у вас право... — Она смолкла и отвернулась опять.

— Никаких прав, — сказал Джимми. — Просто я прошу вас, скажите мне.

Она опустила голову. Джимми наклонился вперед, коснулся ее руки.

— Не надо, — сказал он. — Ради Бога, не делайте этого! Не надо!

— Я должна, — сказала она несчастным голосом.

— Нет, не должны. Это нехорошо.

— Должна. Разговорами тут не поможешь. Поздно.

— Нет, не поздно. Разорвите помолвку сегодня же.

Она покачала головой, по-прежнему машинально водя рукой по воде. Солнце затянула сероватая дымка, со стороны замка сгущавшаяся до тусклой черноты. Жара давила еще больше, гроза приближалась.

— Почему вы это сделали? — спросил он снова.

— Не будем говорить об этом. Пожалуйста...

На мгновение он увидел ее лицо. В глазах у нее стояли слезы. Увидев это, Джимми совсем потерял голову.

— Вы не выйдете за него! — закричал он. — Это же чудовищно! Я вам не позволю. Вы и сами все понимаете. Вы должны знать, что вы значите для меня. Неужели вы думаете, что я допущу...

В тишине глухо заворчал гром, словно задремавший великан что-то пробормотал во сне. Черная туча, нависшая над холмом, подползла ближе. Жара была удушающая. Посередине озера, в каких-нибудь пятидесяти ярдах от лодки, лежал островок, прохладный и таинственный в сгущающемся сумраке.

Джимми оборвал свою речь на полуслове и схватил весло.

С ближайшей стороны островка виднелся лодочный сарай — узкий ручеек, перекрытый дощатым навесом, где можно было уместить прогулочную лодку. Джимми завел туда каноэ в тот самый момент, когда обрушилась гроза, и развернул лодочку боком, чтобы можно было смотреть на дождь, хлеставший по озеру сплошными потоками.

Джимми снова заговорил, на этот раз чуть медленнее:

— По-моему, я полюбил вас сразу, как только увидел там, на пароходе. Потом я вас потерял. Потом каким-то чудом снова нашел и потерял опять. И снова нашел вас здесь, опять же чудом, но уж на этот раз я вас не потеряю. Вы думаете, я буду молча стоять и смотреть, как вас отнимает у меня этот... этот...

Он взял ее за руку.

— Молли, ведь вы не любите его! Если бы я думал, что любите, я не стал бы мешать вашему счастью. Я бы уехал. Но вы не любите! Не можете вы его любить! Он же ничтожество, Молли!

Он подался к ней, лодка сильно закачалась.

— Молли!

Она молчала, но впервые посмотрела ему прямо в глаза ясным и твердым взглядом. В ее взгляде Джимми прочел страх. Она боялась, боялась не его, чего-то другого, а чего именно — он не мог разобрать. Но в ее глазах сиял и свет. Свет этот затмевал страх, как солнце затмевает огонь, и Джимми притянул ее к себе и стал целовать, еще и еще, шепча какие-то невнятные слова.

Вдруг она рванулась прочь, дико отталкивая его. Лодка едва не черпнула бортом воду.

— Я не могу! — вскрикнула Молли, задыхаясь. — Не могу! Нельзя!

Он протянул руку, ухватился за поручень, идущий вдоль стены. Лодка перестал раскачиваться. Он обернулся. Молли, спрятав лицо, всхлипывала тихо и безнадежно, словно потерявшийся ребенок.

Он потянулся к ней, но не решился прикоснуться. Он был совершенно оглушен.

Дождь стучал по деревянной крыше. В щели между досками капало. Джимми снял пиджак, нежно набросил ей на плечи.

— Молли!

Она подняла к нему мокрые глаза.

— Молли, любимая, что случилось?

— Я не должна. Нельзя.

— Я не понимаю!

— Нельзя, Джимми.

Он осторожно двинулся вперед, придерживаясь за поручень. Оказался рядом с ней и обнял.

— В чем дело, милая? Скажи мне. Она припала к нему, не отвечая.

— Ты же не из-за него волнуешься? Не из-за Дривера? Тут не о чем волноваться. Все будет очень легко и просто. Если хочешь, я сам с ним поговорю. Он знает, что ты его не любишь. И потом, у него в Лондоне есть девушка...

— Нет-нет. Не в этом дело.

— А в чем? Любимая, что тебя тревожит?

— Джимми... — Она запнулась. Он ждал.

— Да?

— Джимми, мой отец... он не захочет... отец... отец... он...

— Не одобряет меня? Она горестно кивнула.

Огромное облегчение охватило Джимми. А он-то вообразил... Он и сам не знал, что он такое вообразил — какое-то громадное, непреодолимое препятствие, какую-нибудь всемирную катастрофу, которая навсегда оторвет их друг от друга. Он готов был расхохотаться от счастья. Так вот в чем дело, вот что за туча нависла над ними — мистер МакИкern его не одобряет! Ангел с огненным мечом, охраняющий вход в Эдем, обернулся полицейским с резиновой дубинкой.

— Придется ему ко мне привыкнуть, — легкомысленно заявил Джимми.

Молли безнадежно смотрела на него. Он не понимает, не может

понять. Как же сказать ему? Отцовские слова и сейчас еще звенели у нее в ушах. Он жулик. Он «ведет свою игру». За ним следят. А она любит, любит его! О, как же сказать ему, чтобы он понял?

Она теснее прижалась к нему, вся дрожа. Он снова стал серьезным.

— Милая, не расстраивайся так. Тут уж ничего не поделаешь. Он переменится. Когда мы с тобой поженимся...

— Нет-нет! Ах, как же ты не понимаешь? Я не могу, не могу!

Джимми побелел. Он с тревогой всмотрелся в ее лицо.

— Постой, любимая! Что это значит — ты не можешь? Неужели это настолько важно, чтобы... чтобы... — он искал слово, — тебе помешать?

— Настолько, — прошептала она.

Ледяная рука сжала его сердце. Мир рушился, разваливался на куски прямо у него на глазах.

— Но... но... ты же любишь меня, — медленно проговорил он, словно пытался найти ключ к загадке. — Я... не понимаю...

— Ты и не поймешь. Ты мужчина. Ты ничего не знаешь. Для мужчины все совсем по-другому! Он с детства знает, что рано или поздно должен будет уйти из дома. Для него это естественно.

— Милая, но ведь и ты не можешь всю жизнь прожить дома! Все равно, за кого ты выйдешь замуж...

— Это совсем другое дело. Папа никогда больше не захочет разговаривать со мной. Я никогда больше его не увижу. Он Уйдет из моей жизни, Джимми. Я не могу. Ни одна девушка не смогла бы вот так выбросить двадцать лет своей жизни, как будто их и не было. Я буду постоянно мучиться, сама изведусь и тебя сделаю несчастным. Каждый день сотня разных мелочей будет напоминать мне о нем, у меня не хватит сил бороться с этим. Ты не знаешь, какой он хороший, как он меня любит. Сколько я себя помню, мы с ним всегда были друзьями. Ты видел его только снаружи, со стороны, а я знаю, что на самом деле он совсем другой. Он всю жизнь думал только обо мне. Он рассказывал мне такое о себе, чего никто и не подозревает, и я знаю, что все эти годы он трудился только ради меня. Джимми, ты не сердись, что я все это говорю, нет?

— Продолжай, — сказал он, крепче прижимая ее к себе.

— Маму я не помню. Она умерла, когда я была совсем маленькая. Так что мы с ним всегда были вдвоем — пока не появился ты.

Воспоминания о тех далеких днях толпились перед ней, пока она говорила, заставляли ее голос дрожать — полузабытые милые пустяки, овеванные волшебным ароматом счастливого прошлого.

— Мы с ним всегда были заодно. Он доверял мне, а я доверяла ему.

Мы всегда поддерживали друг друга. Когда я болела, он сидел со мной всю ночь, и не одну — много ночей подряд. Однажды у меня была всего лишь маленькая лихорадка, но я вообразила, что ужасно больна, поздно вечером услышала, что он пришел, и позвала его, а он поднялся ко мне и сидел до утра, держал меня за руку. Только потом я случайно узнала, что в тот день шел дождь, он весь промок. Он мог умереть из-за меня. Мы с ним были верными партнерами, Джимми, милый. Я не могу огорчить его теперь, правда? Это было бы нечестно.

Джимми отвернулся, боясь, как бы лицо не выдало, что он чувствует. Он сходил с ума от иррациональной, нерассуждающей ревности. Он хотел, чтобы она принадлежала ему телом и душой, и каждое ее слово резало по живому. Еще мгновение назад он чувствовал, что она — его. Сейчас, в первую минуту потрясения, он казался сам себе чужаком, посторонним, без спросу ступившим на священную землю.

Она заметила его движение и инстинктивно угадала его мысли.

— Нет-нет! — закричала она. — Нет, Джимми, все совсем не так!

Их взгляды встретились, и у Джимми отлегло от сердца. Они сидели и молчали. Дождь, истратив основной запас своих сил, сыпался мягко и ровно. Среди серых туч над холмами проглянула бледная полоска голубого неба. Совсем оядом на острове запел дрозд.

— Что же нам делать? — спросила она наконец. — Что тут можно сделать?

— Нужно подождать, — сказал Джимми. — Все будет хорошо. Обязательно. Теперь нам ничто не может помешать.

Дождь перестал. Голубизна теснила серость и в конце концов совсем прогнала ее прочь. Солнце, низко висевшее на западе, снова ярко светило над озером. Воздух был чист и прохладен.

Джимми внезапно воспрял духом. Он разглядел ниспосланный ему знак. Такой и есть этот мир на самом деле — улыбающийся и приветливый, а не серый, как ему на минуту показалось. Он победил! Этого уже ничто не изменит. Остались какие-то мелочи. Как можно было хоть на минуту поддаться такой ерунде?

Джимми вывел лодку из укрытия на сверкающую воду и взялся за весло.

— Пора возвращаться, — сказал он. — Интересно, который час. Я бы хоть всю жизнь здесь провел, но, наверное, уже поздно. Молли!

— Да?

— Что бы ни было, ты разорвешь помолвку с Драйвером? Хочешь, я ему скажу?

— Нет, я сама. Я напишу ему записку, если не встречу его до обеда.

Взмахнув несколько раз веслом, Джимми вдруг снова заговорил:

— Бесполезно! Я просто не могу удержаться. Молли, ничего, если я немножко спою? Голос у меня — не приведи Господи, но очень уж я счастлив. Постараюсь перестать, как только смогу.

Он громко и немелодично запел.

Молли тревожно смотрела на него из-под своей тенистой шляпы. Солнце зашло за холмы, блики на воде погасли. В воздухе чувствовался холодок. Громада замка нависла над ними, темная и угрожающая в неясных сумерках.

Молли пробрала дрожь.

Глава XX УРОК ИГРЫ В ПИКЕТ

Тем временем лорд Драйвер, отойдя от воды, закурил сигарету и неспешным шагом двинулся на прогулку вокруг замка. Он был в обиде на весь мир. Изменнический побег Молли в лодке вместе с Джимми несколько его не огорчил; у графа были другие заботы. Трудно сохранять безоблачную ясность духа, когда безжалостный дядюшка только что силой принудил тебя отказаться от любимой девушки и обручиться с другой, которая тебе абсолютно безразлична. При таких условиях жизнь представляется в довольно мрачном свете. К тому же лорд Драйвер, хоть и не был склонен к самоанализу, невольно начал задумываться, не было ли его поведение самую чуточку недостаточно героическим. Он пришел к выводу, что, пожалуй, было. Конечно, начини он упираться, дядя Томас мог чертовски сильно осложнить ему жизнь. Вот в том-то вся и беда! Будь у него хотя бы, — ну, скажем, две тысячи в год собственного дохода — тогда еще можно было бы побороться. Но, черт побери все на свете, дядя Томас в случае чего может так урезать его содержание, что нельзя будет и носа высунуть из замка — сиди себе с каким-нибудь жалким фунтом стерлингов в кармане, да и того еще много!

Воображение лорда пасовало перед такой перспективой. Летом и осенью, когда можно охотиться, не так уж плохо пожить в родовом гнезде. Но круглый год! Лучше быть в столице с разбитым сердцем, чем с целым — в деревне в зимнее время.

— Ей-богу, — бормотал его лордство, — была бы у меня хоть пара... Да, черт побери все на свете, хоть бы пара тысяч в год! Я бы рискнул и попросил Кэти выйти за меня замуж, да, рискнул бы, черт меня раздери совсем!

Он продолжил прогулку, задумчиво попыхивая сигаретой. Чем больше он размышлял о своем положении, тем меньше оно ему нравилось. Во всей этой истории было одно только светлое пятно: с деньгами теперь станет малость полегче. Прежде вытянуть у дяди Томаса малую толику драгметаллов было все равно что вырвать коренной зуб у бульдога. Но уж теперь-то благодаря этой чертовой помолвке дядюшка, надо надеяться, слегка отпустит вожжи.

Его лордство как раз прикидывал, не удастся ли в минуту душевной разнеженности вытрясти дядю на приличную сумму, и тут на руку ему упала тяжелая теплая дождевая капля! В кустах зашлепало и зашелестело.

Небо закрыли свинцовые тучи.

Лорд огляделся — куда бы скрыться. Бесцельно прогуливаясь, он достиг розового сада. В дальнем конце его имелась беседка. Лорд поднял воротник и побежал.

Приблизившись, он услышал, что внутри кто-то насвистывает в ритме похоронного марша. Тут хлынул дождь. Запыхавшийся лорд нырнул в беседку и увидел, что за маленьким дощатым столиком сидит Харгейт, и лицо у него крайне озабоченное, а на столе разложены карты. Харгейту так и не пришлось вывихнуть себе запястье. Пока он просто отвечал отказом на все приглашения сыграть в бильярд.

— Хелло, Харгейт, — сказал его лордство. — Вот это ливень, черт возьми!

Харгейт поднял взгляд, молча кивнул и вновь занялся картами. Взял верхнюю из колоды в левую руку, посмотрел на нее задумчиво, как будто решая, в каком месте на столе она будет лучше смотреться с художественной точки зрения, и в конце концов положил рубашкой вниз. Затем взял другую карту со стола и положил ее поверх предыдущей. При этом он не переставал страдальчески насвистывать.

Его лордство взглянул на своего гостя с досадой.

— Захватывающая игра, — заметил он язвительно. — Что это? Пасьянс?

Харгейт снова кивнул. На этот раз он даже не поднял глаз.

— Ну что вы сидите здесь, надувшись, как лягушка? — раздраженно сказал ему лорд Драйвер. — Давайте поговорим о чем-нибудь.

Харгейт собрал карты и принялся рассеянно тасовать, по-прежнему насвистывая.

— Да перестаньте вы! — сказал его лордство. Харгейт кивнул и послушно положил колоду на стол.

— Послушайте, — сказал лорд Драйвер, — это же скука смертная. Давайте хоть сыграем. Во что угодно, лишь бы время провести. Проклятый дождь! Так мы здесь просидим До обеда. Вы когда-нибудь играли в пикет? Я вас за пять минут научу.

На лице Харгейта появилось благоговейное выражение, как у человека, который только что своими глазами созерцал чудо. Долгие годы он изощрялся во всех мыслимых дипломатических уловках, чтобы подвинуть того или другого молодого джентльмена на партию в пикет, и вдруг этот изумительный молодой джентльмен, истинное сокровище среди молодых джентльменов, сам предлагает обучить его этой игре! Счастье было слишком велико. Чем он заслужил такой подарок судьбы? Примерно

так мог бы чувствовать себя утомленный бесконечными погонями лев, если бы очередная антилопа, вместо того, чтобы, как обычно, устремиться к горизонту, обернулась и по доброй воле сунула голову ему в пасть.

— Я... не прочь поучиться, — сказал он.

Харгейт внимательно слушал, пока лорд Драйвер многословно объяснял ему основные правила игры в пикет. Время от времени он задавал какой-нибудь вопрос. По-видимому, он постепенно начинал усваивать общие принципы.

— Что значит «репик»? — спросил он, когда его лордство сделал паузу.

— А это вот что... — И его лордство продолжил свою лекцию.

— Ага, теперь я понял, — обрадовался неопит.

Игра началась. Лорд Драйвер, как и следовало ожидать, выиграл у своего ученика первые два кона. Затем выиграл Харгейт.

— Теперь я уже вполне разобрался, что тут к чему, — сказал он самодовольно. — Игра-то совсем простая. Может, сыграем на интерес?

— Что ж, — медленно проговорил лорд Драйвер, — если вам так хочется.

Он бы, конечно, такого не предложил, но, черт возьми, этот тип сам нарывается! Не его вина, если после одного-единственного выигрыша новичок возомнил, будто все понимает про игру в пикет. На самом-то деле пикет — такого рода игра, где выигрыш практически полностью зависит от умения игрока. Но... В конце концов, у Харгейта наверняка полно денег. Не обеднеет!

— Что ж, — повторил его лордство. — Сколько ставим?

— Что-нибудь скромненькое? Десять шиллингов на сотню?

Несомненно, тут его лордству следовало поправить новичка, объяснить, что десять шиллингов за сотню очков в пикете — далеко не скромная ставка. Он-то знал, что неопытный игрок за двадцать минут легко может проиграть и четыреста очков, а уж двести — обычное дело. Но он оставил все как есть.

— Очень хорошо, — сказал лорд Драйвер.

Двадцать минут спустя Харгейт огорченно смотрел на листок, где записывались очки.

— Я должен вам восемнадцать шиллингов, — сказал он. — Заплатить сейчас, или уж потом разočтемся сразу за все?

— Может быть, на этом остановимся? — предложил лорд Драйвер. — Дождь уже кончился.

— Нет, сыграем еще. Мне нечего делать до обеда, и вам, я думаю,

тоже.

Совесть его лордства слабо трепыхнулась напоследок.

— Знаете, Харгейт, вам правда лучше бы остановиться. В эту игру можно проиграться в пух.

— Мой дорогой Драйвер, — довольно холодно ответил Харгейт, — благодарю вас, но я сам могу позаботиться о себе. Разумеется, если вам не хочется рисковать, тогда, безусловно...

— О, ни в коем случае, — оскорбился его лордство. — Буду только рад. Но помните, я вас предупредил.

— Буду иметь это в виду. Кстати, пока мы не начали — может быть, поднимем ставки? Как насчет соверена за сотню?

Лорд Драйвер никак не мог себе позволить играть в пикет по соверену за сотню, да и вообще не мог позволить себе играть в пикет на деньги, но после обидного намека, брошенного его противником, самолюбие не позволяло признать этот унижительный факт. Лорд Драйвер кивнул.

Шестьдесят минут спустя Харгейт взглянул на часы:

— Пожалуй, пора переодеваться к обеду.

Его лордство в глубоком раздумье ничего на это не ответил.

— Позвольте-ка, вы должны мне двадцать фунтов, если не ошибаюсь? — продолжал Харгейт. — Надо же, как вам не повезло!

Они вышли в сад, полный роз.

— Как все благоухает после дождя, — разговорился Харгейт. — Дождик все освежил!

Его лордство, по-видимому, не слышал. Должно быть, углубился в какие-то свои мысли. Он был рассеян и задумчив.

— Еще успеем немного прогуляться, — заметил Харгейт, снова глядя на часы. — Я хотел поговорить с вами.

— А! — сказал лорд Драйвер.

Выражение лица лорда не расходилось с его чувствами. Он казался задумчивым и в самом деле пребывал в задумчивости. Чертовски неудачно получилось с этими двадцатью фунтами!

Харгейт исподтишка наблюдал за ним. Его образ жизни требовал большой осведомленности по поводу образа жизни других людей, а потому он знал, что лорд Драйвер неимущ и во всем зависит от дядюшки, обладающего чрезвычайно развитым хватательным рефлексом. На том и строил Харгейт свои расчеты.

— Что за человек этот Питт? — спросил он.

— Да так, мой приятель, — ответил его лордство. — А что?

— Я его не выношу.

— А по-моему, он неплохой, — сказал его лордство. — Собственно говоря, я точно знаю, что неплохой. — Это он вспомнил человеколюбивые поступки Джимми. — Почему он вам не нравится?

— Сам не знаю. Не нравится, и все тут.

— О? — равнодушно отозвался его лордство. Он был не в настроении выслушивать рассказы о чьих-то симпатиях и антипатиях.

— Слушайте-ка, Драйвер, — сказал Харгейт. — Сделайте мне одолжение. Уберите Питта из замка.

Лорд Драйвер в изумлении посмотрел на своего гостя.

— Э? — сказал он. Харгейт повторил.

— Я смотрю, вы тут наметили для меня целую программу, — сказал лорд Драйвер.

— Уберите его отсюда, — жарко повторил Харгейт. Он тяжело переживал запрет на бильярд, испытывая Танталовы муки. В замке полно молодых джентльменов именно такого рода, с какими он привык работать, любой может стать легкой добычей, а он из-за Джимми вынужден стоять на приколе, словно отслуживший свое линкор. Есть отчего прийти в бешенство! — Заставьте его уехать. Вы его сюда пригласили. Вряд ли он собирается остаться здесь навсегда, правда? Если вы уедете, ему тоже придется собирать вещички. Вот что поезжайте завтра в Лондон. Подберите какой-нибудь предлог, это дело нетрудное. Он волей-неволей должен будет уехать с вами. В Лондоне вы отвяжетесь от него и вернетесь сюда. Так и сделайте.

Нежно-розовый румянец медленно разлился по лицу лорда Драйвера. Он сделался похож на рассерженного кролика. В его организме был не такой уж большой запас гордости, но при мысли о той недостойной роли, что предлагал ему Харгейт, ее мелководные глубины взволновались до самого дна. Между тем Харгейт, продолжив свою речь, добавил последнюю каплю:

— Да, кстати о деньгах, которые вы проиграли мне в пикет, — сколько там было? Двадцать? Двадцать фунтов было, я не ошибся? Ну, так это все, считайте, аннулируется. С этим все будет в порядке.

— В порядке? — взорвался его лордство, порозовев до ушей, — в порядке, черт меня побери совсем? Я завтра же выплачу вам все до последнего забубённого пенни, и после этого вы сами можете выметаться, вы, а не Питт! Да за кого вы меня принимаете, хотел бы я знать?

— За болвана, если вы откажетесь от моего предложения.

— Знаете что, мне просто-таки хочется вас отколошматить!

— Не советую. Эта не та игра, где вы могли бы блеснуть. Лучше уж

ограничьтесь пикетом.

— Если вы считаете, что я не смогу вам отдать ваши тухлые деньги...

— Считаю. Но если вы сможете — так тем лучше. Деньги мне всегда пригодятся.

— Может, в чем-то я и болван...

— Это еще мягко сказано, сердечный мой.

— ...но я не подонок!

— Как вы разругались, Драйвер. Сердиться полезно для цвета лица.

— А если вы думаете, что можете меня подкупить, так это самая большая ошибка в вашей жизни!

— Нет, не самая, — возразил Харгейт. — Самая большая ошибка была тогда, когда я вообразил, что у вас еще теплятся какие-то проблески интеллекта. Но если вам охота изображать героя подростковой мелодрамы — ради Бога. Я лично полагаю, что игра не стоит свеч. Но коль скоро обостренное чувство чести принуждает вас заплатить двадцать фунтов, очень хорошо. Вы сказали — завтра? Меня это вполне устраивает. Так и договоримся.

Он ушел, а лорд Драйвер остался с тем приятным теплым чувством, которое испытывает слабый человек, раз в жизни проявив решительность. Он понимал, что теперь обязан держаться выбранной позиции. Деньги необходимо заплатить, и заплатить завтра же. В противном случае такой человек, как Харгейт, вполне способен устроить ему очень большие неприятности и не преминет это сделать. Долг чести! С этим не шутят.

Впрочем, лорд Драйвер был абсолютно спокоен. Он знал, что может достать деньги, когда только пожелает. Это показывает, что нет худа без добра, помыслил он философски. Главное несчастье — помолвка — так сказать, нейтрализует меньшее зло, ведь смешно даже предполагать, что сэр Томас, добившись вожделенной цели, поскупится на такую пустячную сумму, как двадцать фунтов стерлингов.

Лорд Драйвер направился к замку. Он ощущал в себе небывалые силы. Он показал Харгейту, из какого теста сделан! Он — Спенни Драйвер, человек из железа, с ним лучше не шутить. Право, если подумать, это огромная удача, что он обручен с Молли. Иначе даже думать не хочется, как бы он подступился к дяде с просьбой выдать ему двадцать фунтов на оплату карточного долга.

В холле он встретил Сондерса.

— Я как раз ищу ваше лордство, — сказал дворецкий.

— А? Ну, вот он я.

— Совершенно верно, ваше лордство. Мисс МакИккерн поручила мне

передать вам эту записку на случай, если сама она не успеет повидаться с вами лично до обеда, ваше лордство.

— Понял. Спасибо.

Он двинулся вверх по лестнице, на ходу разворачивая конверт. О чем еще эта девица ему пишет? Неужто ей вздумалось бомбардировать его любовными записочками и прочей подобной чепухой? Черт возьми, тяжельенько будет ей подыгрывать!

На площадке он остановился, чтобы прочесть письмо. После первой же строчки у него отвисла челюсть. Конверт спланировал на пол.

— Мамочки мои! — простонал лорд Драйвер, судорожно цепляясь за перила. — Вот теперь я влип!

Глава XXI ГНУСНЫЕ ДАРЫ

Без сомнения, на свете существуют люди, устроенные таким образом, что, встретив благосклонный ответ на свои ухаживания, они не испытывают особо сильных эмоций. Царь Соломон, возможно, принадлежал к этой категории, и даже Генрих Восьмой со временем, должно быть, несколько пресытился. Но для среднего человека это событие связано с сильными и сложными переживаниями. Преобладает, пожалуй, ощущение некой ошарашенности. К нему примешивается облегчение, какое испытывает генерал, доведя до победного конца сложную военную операцию, или участник самоубийственной вылазки на вражескую территорию, поняв, что опасность миновала, а он все еще жив. Вслед за тем приходит непривычное сознание собственной исключительности. Мы и раньше подозревали свое превосходство над средними людьми, и теперь эти догадки неожиданно подтвердились. Наша грудь вздымается от самодовольства, и в целом мире нам больше нечего желать.

У некоторых людей к этому счастливому сплаву добавляется примесь опасения. Бывает даже, что нервное напряжение обрученности пробуждает в душе слабый намек на сожаления. Слышали, как некий влюбленный пастушок со стенаниями жаловался другу примерно в третьей четверти срока своей помолвки: «Она заставляет меня все время что-нибудь покупать. Вот вчера — два новых галстука!». Он словно вопрошал сам себя, достанет ли человеческих сил выдержать такие зверства.

Но какие бы трагедии ни омрачали завершающий период помолвки, начало ее, во всяком случае, озарено сиянием.

Переодеваясь к обеду и разглядывая свое намыленное лицо в зеркале, Джимми восторженно дивился совершенству лучшего из всех возможных миров.

Его не посещали сомнения. Он не верил, что сложные отношения с МакИкерном могут всерьез помешать его планам на будущее. На данный момент он вообще отказывался принимать во внимание, что на свете живет отставной начальник полиции. В мире, где находится Молли, нет места другим людям. Они не вписываются в картину. Их попросту не существует.

Пока Джимми благодушествовал, размышляя о том, как прекрасна жизнь, в комнату бочком пробрался этот нераскаявшийся флибустьер,

Штырь Маллинз. Быть может, Джимми невольно читал на лицах окружающих отражение собственного лучезарного счастья — во всяком случае ему почудилось, что внешний облик и вся повадка Штыря выдают некое тайное ликование. Трущобный юноша прошаркал по ковру прямо-таки танцующим шагом. Лицо его сияло под огненно-рыжими кудрями.

— Ну-ну, — сказал Джимми. — И как же поживает нынче его светлость лорд Фиц-Маллинз? Штырь, ты был когда-нибудь шафером?

— А это чего, начальник?

— Шафер, на свадьбе. Который стоит рядом с женихом и держит его за шиворот, чтобы не сбежал. Вообще, за всем присматривает, всучает деньги священнику после церемонии, потом женится на главной подружке невесты и живет долго и счастливо.

Штырь помотал головой:

— Мне жениться ни к чему, начальник.

— Штырь-женоненавистник! Вот погоди, в один прекрасный день любовь проснется в твоём сердце, ты ещё стихи писать начнешь.

— Не на таковского напали, начальник, — возмутилось дитя трущоб. — Мне девчонки без надобности. Не дурачок какой-нибудь.

Это уже было оголтелое кощунство. Джимми отложил в сторону бритву, от греха подальше, и попытался просветить погрязшего в невежестве Штыря.

— Штырь, ты осел, — сказал Джимми. — Много ты понимаешь! Будь у тебя хоть какие-нибудь мозги, ты бы знал, что женитьба — единственное, ради чего стоит жить. Эти мне тупоголовые холостяки, смотреть на вас противно! Сам подумай, была бы у тебя жена — какая жизнь! Вот выходишь ты на дело морозной зимней ночью, а дома тебя ждет горячий супчик, и тапочки уже согреты. А потом она присядет к тебе на колени, и ты ей расскажешь, как поработал сегодня, как застрелил полицейского, и вы вместе станете перебирать добычу... Уютно-то как! А может, по всему дому бегают маленькие Штырьки? Представь, ты влезает в окно, а они прыгают от радости, кричат: «Папка легавого замочил!» — трогательными тоненькими голосками. Мой крестник, белокурый Джимми Маллинз, получает десять центов за то, что утром бросил камень в переодетого сыщика. Тихое семейное счастье... Поверь моему опыту, Штырь, ничего нет лучше семейной жизни.

— Была у меня одна девчонка... — мечтательно проговорил Штырь. — Только не сладилось у нас. Вышла замуж за легавого.

— Она недостойна тебя, Штырь, — посочувствовал Джимми. — Такие безнравственные вертихвостки не для тебя. Найди себе хорошую,

душевную девушку, которая будет считать твою профессию очень романтической и восхищаться ею. А пока дай мне побриться, не то я опоздаю к обеду. Сегодня, Штырь, нас ждут великие дела.

Штырь оживился:

— Само собой, начальник! Вот я ж как раз про это хотел...

— Знаешь, Штырь, если бы можно было всю голубую кровь, что соберется здесь сегодня, вылить в один большой чан, хватило бы, чтобы открыть красильню. Но лучше не пробовать, им это может не понравиться. Кстати, ты с тех пор больше не видел... Что это я, конечно, видел. Я хотел сказать, ты разговаривал хоть раз с тем слугой, который, как ты думаешь, на самом деле сыщик?

— Ну да, начальник, я ж как раз про это...

— Надеюсь, ради его же блага, что он более профессионален, чем мой старый приятель Гейлер. Этот тип действует мне на нервы, Штырь. Он ходит за мной по пятам, как собака. Небось, и сейчас прячется где-нибудь в коридоре. Ты его не видел?

— А то! Начальник, я ж...

Джимми серьезно и внимательно посмотрел на Штыря.

— Штырь, — сказал он, — у тебя что-то такое на душе. Ты о чем-то хочешь мне рассказать. О чем же? Говори!

Радостное волнение Штыря выплеснулось наружу потоком слов:

— Хы, начальник! Здесь нынче такое творилось, аж башка трещит! Верьте слову! Слышите, захожу я сегодня в гардеробную к сэру Томасу...

— Что?!

— Верьте слову. Вот перед самой грозой, как потемнело. Захожу я, значит...

— В гардеробную сэра Томаса! — перебил Джимми. — За каким...

Штырь слегка смутился. Улыбнулся широкой извиняющейся улыбкой и переступил с ноги на ногу.

— Я их загреб, начальник! — осклабился он.

— Загреб? Что загреб?

— Вот это.

Штырь сунул руку в карман и вытащил сверкающую гроздь — бриллиантовое ожерелье леди Джулии Блант.

Глава XXII КОЛЛЕГИ ПО РЕМЕСЛУ РАСХОДЯТСЯ ВО МНЕНИЯХ

— Сто тыщ долларов, — нежно прошептал Штырь, любуясь на драгоценные камни. — Я себе говорю — начальнику недосуг самому с ними возиться. Занят он очень, обхаживает разных важных шишек. Стало быть, надо мне за это дело взяться. А начальник-то как обрадуется, лишь бы только все было шито-крыто. Ну вот, пошел я, значит...

Дар речи вернулся к Джимми с такой силой, что его преданный ученик изумился. Весь ужас этой кошмарной ситуации подействовал на Джимми примерно так же, как прямой удар в область жилетки, но теперь, как мог бы выразиться Штырь, он малость отдышался. Пока он отводил душу, самодовольная ухмылка мало-помалу сползала с лица трущобного юноши. Даже в районе Бауэри, где у него было много весьма откровенных друзей, Штырю не приходилось выслушивать настолько язвительной оценки собственной ущербности, как в умственном, так и в нравственном отношении.

— Начальник! — запротестовал он.

— Это еще я изложил в общих чертах, — сказал Джимми, запыхавшись. — Я не в силах достойно охарактеризовать твои качества вот так, экспромтом — они слишком велики и необъятны.

— Начальник, да какая муха вас укусила? Вы что, не рады?

— Рад! — Джимми взмахнул руками. — Рад! Безумец! Да понимаешь ли ты, что ты наделал?

— Я их загреб, — повторил Штырь. Его интеллект с трудом воспринимал новые идеи. Ему все казалось, что Джимми упустил из виду главное.

— Когда на днях ты хотел взять те, другие камни, говорил я тебе — нельзя!

Штырь просветлел лицом. Как он и подозревал, начальник упустил из виду главное.

— Ага, начальник, говорили, а то как же! Но те же были мелкие камешки, дрянь одна. Ясное дело, зачем вам связываться с такой мелочевкой! А тут другое дело. Брульянты — прям конфетки. Сто тыщ долларов тянут.

— Штырь, — промолвил Джимми, мучительно заставляя себя сдерживаться.

— Ага?

— Послушай меня минутку.

— А то.

— Я знаю, вбить тебе что-нибудь в голову — практически безнадежная задача. Тут нужно специальное оборудование — сверло, отбойный молоток, взрывчатка и так далее. Но если по складам, может, что-нибудь и получится. Понимаешь ли ты, Штырь, красавец ты мой синеглазый, что в этом родовом гнезде чуть ли не через одного натыканы переодетые сыщики, и каждый, скорее всего, получил указания следить за тобою, словно ястреб? Или ты воображаешь, что твое незапятнанное прошлое послужит тебе защитой? Вероятно, ты думаешь, что все эти сыщики скажут про себя: «Ну-ка, кого же мы можем заподозрить? Уж конечно, не Штыря Маллинза, ему ведь и на ум не придет учинить такое! Нет, эта вещь никак не может быть у нашего миляги Штыря».

— Не, начальник, — радостно перебил его Штырь, — так и нету ее у меня! Ну точно, нету. Она же у вас, начальник!

Джимми посмотрел на Штыря с восхищением. В конце концов, если к нему привыкнуть, эта бредовая лихость мышления прямо-таки освежает и бодрит. Беда в том, что она абсолютно не пригодна для реальной повседневной жизни. В иной обстановке — скажем, на дружеской вечеринке в Блумингдейле, — трущобный недоросль вполне может быть душой компании. К примеру, приятные замечания вроде его последней реплики могут чудесно скрасить унылую монотонность психиатрической лечебницы.

— Дружочек, — сказал он с несокрушимой нежностью в голосе. — Послушай меня еще разок. Поразмысли! Раскинь мозгами! Неужели до твоего сознания так-таки не доходит, что в этом доме некоторые нехорошие люди усматривают между нами определенную связь? Не воображает ли, например, мистер МакИкern, будто мы с тобой работаем в паре, как два родные брата? По-твоему, мистер МакИкern не обронил словечко на эту тему, когда мило беседовал со своей дрессированной ищейкой, покуривая сигару? Думается мне, что обронил. И как ты, Штырь, намереваешься обмануть этого джентльмена-сыщика, который, позволь тебе напомнить, с самого своего появления в этом доме не отходит от меня дальше, чем на два ярда?

У Штыря вырвался неудержимый смешок.

— Ага, начальник, с этим-то все в порядочке.

— В порядке, говоришь? Ну-ну! С чего ты это взял?

— Слышь, начальник, легавый-то того... вышел из игры! —

Развеселившийся Штырь улыбался от уха до уха. — Вот смеху-то, начальник! Хы! Чисто цирк! Слушайте. Они взяли да заарестовали друг дружку.

Джимми хмуро подумал, что был не совсем прав. Даже и в Блумингдейле такие шуточки не встретят теплого приема. Одиночество — удел гения. Штырь обречен идти по жизни, так и не встретив родственную душу, способную понять и разделить его мыслительные процессы.

— Ну точно, — посмеивался Штырь. — То есть, совсем даже наоборот.

— Да-да, конечно, — успокаивающе произнес Джимми. — Я понимаю.

— Тут такое дело, начальник. Один сыщик заарестовал другого. Они сцепились, один думает, что брульянты стырил тот, а тот — что этот, а они ж не знают, что оба сыщики, ну один одолел другого и... — на глазах у Штыря заблестели слезы чистейшей радости, — и запер его в угольном погребе!

— Что это ты мне рассказываешь? Штырь безудержно захихикал.

— Слышь, начальник, какое дело-то. Хы! Помереть, не встать! Как гроза началась, все потемнело, я в гардеробной шарю — где шкатулка, только ее заприметил, а тут — хы! Слышу, в коридоре шаги, тихенькие такие, и прямо к двери. Во я попал! Думаю себе, это какой-нить из сыщиков про меня допер, сцапать хочет. Я шасть — и спрятался за занавеску. Там занавесочка такая есть, сбоку. За ней костюмы разные висят, всякие шикарные шмотки. Я туда и стою, жду, что будет. Думаю, он войдет, а я попробую выскочить, пока он меня не разглядел. Темно же. Дам ему в зубы, он отключится, я и удеру.

— Да? — сказал Джимми.

— Ну, типчик этот дверь открыл, я уже хотел к нему рвануть, и тут из комнаты, что напротив, выскакивает другой типчик, и того, первого — в захват! Не, ну скажите, никакого цирка не надо! Верьте слову, лучше, чем на Кони-Айленде!

— Продолжай. Что было дальше?

— Они давай один другого мутузить. Меня-то они не видят, и я их не вижу, только слышу, как они по комнате шарахаются да молотят друг друга почему зря. Ну, потом один другого свалил, тот отрубился, хоть до десяти считай, а потом слышу — щелкнуло. Ну, это я сразу понял, что такое было. Один фраер другому наручники нацепил.

— Назовем их «А» и «Б», — предложил Джимми.

— Потом слышу — этот, ну, первый мужик, свет зажег, потому что

темно же было, из-за грозы, и говорит: «Ага, попался! Я за тобой давно наблюдаю». Я голос-то узнал. Это был тот самый, который прикидывается, будто служит у сэра-Таммаса. А второй...

Джимми зашелся от хохота.

— Молчи, Штырь! Это выше сил человеческих! Неужели ты хочешь мне сказать, что наш высокоинтеллектуальный и трудолюбивый друг Гейлер, закованный в наручники, сидит сейчас в угольном погребе?

Штырь улыбался до ушей.

— А то! — сказал он.

— Это Божья кара! — объявил Джимми в восторге. — Господь его покарал. Человек не имеет права быть таким законченным ослом, как этот Гейлер. Это просто неприлично.

Временами преданный сотрудник МакИкерна вызывал у Джимми необъяснимую злобу. Гордость его была задета. Доходило до того, что Джимми жалел — почему он на самом деле не тот отчаянный разбойник, каким МакИкерна его считает. Никогда в своей жизни он не отказывался от вызова, а эта слежка была явным вызовом. За спиной неумелого шпиона Джимми всякий раз мерещилась самодовольная фигура МакИкерна. Будь в служащем агентства Додсона хоть какая-нибудь тонкость, Джимми смог бы его простить, но тонкости не было. В итоге многолетнего опыта у Штыря развилось своего рода шестое чувство в отношении представителей закона. Его не обманула бы и самая хитрая маскировка. Но Гейлера даже сам Джимми сумел бы разгадать.

— Продолжай, — сказал он Штырю. Штырь продолжил:

— Ну так вот, тот, другой фраер, который валяется на полу в наручниках...

— Словом, Гейлер, — вставил Джимми. — Неотразимый храбрец Гейлер!

— А то. Он, значит, сперва очень был занят, никак продышаться не мог. Пыхтел-пыхтел, а потом и говорит: «Ах ты, — говорит, — балда, ты чего творишь? Ну и наделал ты дел, нечего сказать». Ну, то есть, он это другими словами говорил, но по смыслу вроде того. «Я, — говорит, — сыщик. Сними с меня эти штуки!» Это он про наручники. Думаете, тот, другой фраер, который вроде слуги, шибко тут обрадовался? Не, ничего похожего. Ха-ха, говорит. В жизни, говорит, не слышал такой дури. «Расскажи это своей бабушке! Я тебя знаю. Втерся в дом под видом гостя, а на самом деле нацелился на брульянты». На такие жестокие слова другой фраер, Гейлер, прямо жуть как разгорячился. «Сыщик я! — орет. — И в доме я по особому приглашению мистера МакИкерна, американского

джентльмена». А тот ему опять пиллюлю. «Расскажи это королю голландскому! Тоже мне, сыщик. Наглости у тебя, — говорит, — на десятерых». Гейлер ему: «Отведите меня к мистеру МакИкерну. Он за меня...» Поручается, что ли?

— Поручится? — предположил Джимми. — Это значит — к сердцу прижмет и много хорошего скажет.

— Во-во, точно. Поручится. А я сперва не понял, к чему это он. «Поручится за меня», — говорит. Он-то думал, что выкрутился, а ничего подобного, потому что фраер в виде слуги ему говорит: «Еще чего! Стану я гоняться с тобой по всему дому, мистера МакИкерна искать. Посиди-ка ты в погребке пока, мил-сердешный друг, а там посмотрим, что ты запоешь, когда я доложусь сэр-Таммасу». «Лады! — говорит ему Гейлер. — Зовите сэр-Таммаса, я ему все объясню». А тот ему: «Ну нет! У сэр-Таммаса дел нынче много, обхаживать разных шишек, что приедут тиянтер смотреть. Не буду я его дергать да беспокоить, пока он не освободится. Так что давай, лезь в погреб!» Ну, они и ушли. А я — за дело, брульянты пригреб и бегом сюда. Джимми утер глаза.

— Слыхал ли ты, Штырь, что бывает на свете такая штука — высшее правосудие? — спросил он. — Вот это как раз оно самое и есть. Но в этот час веселья и общего умиления мы не должны забывать...

Штырь его перебил. Радуюсь успеху своего рассказа, он поспешил указать мораль всей истории:

— Вот видите, начальник, получилось-то все к лучшему. Как заметят они, что брульянты тю-тю, — подумают, что их Гейлер свистнул. А про нас не подумают.

Джимми серьезно посмотрел на оратора.

— Конечно, — сказал он. — Да ты мыслитель, Штырь! По твоим же собственным словам, Гейлер едва успел открыть дверь снаружи, когда слуга на него набросился. Естественно, все подумают, что он взял бриллианты. Особенно когда их при нем не найдут. Человек, который способен вскрыть запертый сейф через запертую дверь, уж наверное сумеет припрятать добычу, катаясь по полу в драке. То, что драгоценностей при нем не окажется, окончательно изобличит его. А уж когда выяснится, что он на самом деле сыщик, все окончательно поверят, что он и есть грабитель. Знаешь, Штырь, тебя бы надо поместить в какое-нибудь тихое лечебное заведение.

Трущобный юноша затуманился.

— Про это я не подумал, начальник, — признался он.

— Ну еще бы! Нельзя же думать обо всем сразу. А теперь, будь добр,

передай мне бриллианты, я их положу на место.

— Обратно положить, начальник?

— А что ты предлагаешь? Я бы тебя заставил это сделать, только, боюсь, для тебя это будет немного непривычно.

Штырь покорно отдал бриллианты. Начальник есть начальник. Он сказал — значит, так тому и быть. Но вид у Штыря был трагический и красноречиво говорил о загубленных надеждах.

Джимми взял ожерелье с легким замиранием сердца. Он был знатоком драгоценностей, и хорошие камни производили на него то же действие, что хорошая картина — на тонкого ценителя изящных искусств. Он пропустил ожерелье между пальцами, потом поднес к глазам и присмотрелся поближе.

Штырь наблюдал за ним с вновь проснувшейся робкой надеждой. Похоже, начальник колеблется. Может, взяв бриллианты в руки, он уже не найдет в себе сил с ними расстаться? Для Штыря бриллиантовое кольцо искусной работы представляло собой всего лишь эквивалент энного количества «долларей», но он знал, что некоторые люди, во всем остальном вполне нормальные, без ума от бриллиантов ради самих бриллиантов.

— Бусики-то — прямо конфетка, начальник, — пробормотал он, искушая.

— Н-да, в своем роде, — отозвался Джимми. — Пожалуй, мне не приходилось встречать такой тонкой работы. Сэр Томас будет очень рад получить их обратно.

— Так вы их все-таки положите обратно, начальник?

— Положу, — ответил Джимми. — Сделаю это перед началом спектакля. Самое удобное время. Одно хорошо — хоть ненадолго отдохнем от сыщиков.

Глава XXIII СЕМЕЙНЫЕ НЕУРЯДИЦЫ

Гильдебранд Спенсер Пуант де Бург Джон Хэннесайд Кумби-Кромби, двенадцатый граф Драйвер, чувствовал себя как жаба, попавшая под борону. Он еще раз перечитал записку, но лучше она от этого не стала. Молли коротко и ясно сообщала о том, что разрывает помолвку. Она «считает, что так будет лучше». Она «боится, что это не принесет им обоим счастья». И ведь права, тоскливо подумал его лордство. Точка в точку его собственное мнение. В другое время он бы ничего лучшего и не хотел. Но почему непременно нужно было выбрать именно ту минуту, когда он намеревался под флагом помолвки убедить дядюшку расстаться с двадцатью фунтами? Вот ведь что обидно! Ему как-то не приходило в голову, что Молли ничего не знает о его беде. Он смутно ощущал, что она должна была догадаться об этом инстинктивно. Как уже говорилось выше, природа наделила Гильдебранда Спенсера Пуант де Бурга дешевым заменителем разума. То, что у него сходило за мозг, точно так же относилось к подлинному серому веществу, как растворимый кофе, идентичный натуральному, — к настоящему мокко. А потому в минуты волнения и сильного умственного напряжения его мыслительные процессы, как и у Штыря, развивались по своим собственным, ни на что не похожим законам.

Он перечитал записку в третий раз, и на лбу у него выступили мелкие капельки пота. Это ужасно! На картине, что развернулась перед его мысленным взором, не отразилась радость Кэти, потрясистой девушки из «Савоя» без гроша в кармане, когда он предстанет перед ней свободным человеком. До этого было еще слишком далеко. Между ними, заполняя собою горизонт, воздвиглась устрашающая фигура сэра Томаса. Между прочим, удивляться тут нечему. Наверняка Персей при виде чудовища ненадолго позабыл про Андромеду, и средневековый рыцарь, бросаясь в состязание одиночников на турнире за улыбку прекрасной дамы, едва ли мог всецело предаться мыслям об этой улыбке, когда навстречу ему устремлялся закованный в листовое железо противник с копьем наперевес.

Вот так же и Спенни Драйвер — когда все закончится, ему будут сиять милые глаза, но покамест для него был значительно важнее свирепый блеск выпученных глаз дядюшки. Случись разрыв хоть чуточку позже, ну хотя бы на один день! Современные девушки слишком импульсивны, и это его сгубило. Как он теперь сможет расплатиться с Харгейтом? А

расплатиться нужно. Что-что, а это не подлежит сомнению. Иначе попросту невозможно. Лорд Драйвер был не из тех людей, кто теряет покой и сон из-за долгов. Еще в колледже он завоевал сердца всех окрестных торговцев масштабами своих долговых обязательств. Нет, сам долг его не беспокоил. Беспокоили последствия. Он интуитивно чувствовал, что Харгейт по природе мстителен. Он поставил Харгейта на место, и тот выставил счет в двадцать фунтов. Если не заплатить, могут случиться разные вещи. Они с Харгейтом — члены одного клуба, а член клуба, который проигрывает в карты другому члену клуба и потом не платит, не встречает одобрения у распорядителей.

Деньги необходимо достать. Это неизбежный вывод. Но как?

В финансовом отношении его лордство напоминал пришедшую в упадок страну со славным прошлым. Было время (первые два года в колледже), когда лорд Драйвер получал приличное содержание и купался в роскоши. В то золотое время сэр Томас Блант, что называется, только-только заступил в должность и сорил деньгами направо и налево, полагая, что коли уж прорвался в лучшие круги, то и вести себя следует соответственно. Целых два года после женитьбы на леди Джулии он придерживался этого прекрасного правила, давая в себе природное скупердяйство. Потраченные деньги засчитывались как капиталовложение. К концу второго года он уже прочно встал на ноги и начал изыскивать возможности сокращения расходов. Самой очевидной статьёй расхода, обреченной на усекновение, стало содержание его лордства. Повод долго искать не пришлось. Существует на свете игра под названием покер, и если человек садится в нее играть, не умея при этом контролировать выражение своего лица, то даже самого щедрого содержания надолго ему не хватит. Лицо его лордства за игрой в покер напоминало поверхность тихого пруда, на которой даже легкий ветерок вызывает заметную рябь. Когда на руках у него оказывались плохие карты, лицо его выражало горестное отчаяние, заранее обещая противникам выгодный блеф. Если же ему приходила хорошая карта, в глазах лорда Драйвера плескалась искренняя радость — весьма эффективный сигнал опасности для благодарных партнеров. Две недели увлечения покером закончились письмом дядюшке с немного печальной, но уверенной просьбой пополнить денежные фонды; и тут дядюшка возликовал и сказал: «Стоп». Выразив непримиримое осуждение такого порока, как азартные игры, сэр Томас изложил новые условия своих финансовых взаимоотношений с племянником, чрезвычайно тщательно продуманные, дабы морально нестойкий юноша ни в коем случае не мог больше поддаваться соблазнам покера. Денежное содержание отменялось

вообще, а вместо этого между родственниками было заключено соглашение. По этому соглашению его лордство мог получить деньги, когда только пожелает, но для этого требовалось денег попросить и указать, для какой цели они нужны. Если цель эта разумна, деньги будут выданы, если же она безрассудна — не будут. С точки зрения его лордства, у такой схемы был один серьезный недостаток: двое разных людей могут очень по-разному себе представлять, какая цель разумна, а какая безрассудна.

К примеру, двадцать фунтов по меркам сэра Томаса Блан-та — вполне разумная сумма на текущие расходы для человека, который помолвлен с Молли МакИкern, но совершенно безрассудная — для того, с кем эта барышня разорвала помолвку. Именно эти тончайшие оттенки смысла и делают английский язык таким сложным для изучения иностранцами.

Его лордство весь погрузился в размышления, и только когда над самым его плечом раздался голос дядюшки, заметил, что рядом с ним стоит сэр Томас.

— Ну что, Спенни, мой мальчик, — сказал обладатель рыцарского звания. — Пожалуй, пора переодеваться к обеду. А? Как?

Он был, по-видимому, в прекрасном настроении. При мысли о том, какое избранное общество ему предстоит принимать у себя сегодня вечером, сэр Томас преобразился, словно по взмаху волшебной палочки, исполнившись добродушия и благожелательности. Было прямо-таки слышно, как внутри у него плещется и булькает млеко человеческой доброты. Какая ирония судьбы! Сегодня вечером преданный племянник мог бы свободно черпать из его карманов — при других обстоятельствах. О женщина, женщина! Из-за тебя нам заказан путь в райские сады!

Его лордство что-то невнятно пробулькал в ответ, торопливо засовывая злосчастное письмо в карман. Он вскоре сообщит дядюшке роковое известие. В ближайшее время... не сейчас, чуть позже... словом, вскоре!

— Роль не забыл, мой мальчик? — продолжал сэр Томас. — Нехорошо получится, если ты забудешь слова и испортишь пьесу. Так не годится!

Взгляд его привлек конверт, который обронил Спенни. На мгновение добродушие и благожелательность отошли на задний план. Суетная душонка сэра Томаса не терпела ни малейшей неряшливости.

— Ай-яй-яй, — сказал он, наклонясь. — Что же это такое, разбрасывают бумажки по всему дому. Не люблю, когда мусорят.

Он говорил так, будто здесь играли в «зайца и гончих» и специально

разложили на лестнице бумажки, символизирующие след. В такие минуты сэр Томас иногда жалел о прежних временах. В универмагах Бланта каждый служащий, уличенный в том, что уронил бумажку, должен был заплатить штраф в полкроны согласно правилу номер шестьдесят семь,

— Я... — начал его лордство.

— Э, — сэр Томас выпрямился. — Адресовано вам.

— Я как раз собирался его подобрать. Там... э-э... была записка.

Сэр Томас внимательнее рассмотрел конверт. Добродушие и благожелательность воцарились вновь.

— Женский почерк, вот оно что, — закудахтал он и плутовато посмотрел на обмякшего лорда. — Понятно-понятно. Какая прелесть, просто очаровательно! Девушкам непременно нужна романтика! Вы, молодые люди, чай, целый день строчите друг другу любовные записочки. Прелестно, просто прелестно! Ну что ты так засмутился, мальчик мой! Мне это очень нравится. По-моему, это очаровательно.

Тут определенно требовалась ответная реплика. Конечно, его лордству следовало сказать:

— Дядюшка, я не способен на ложь. Не могу даже промолчать, когда одно мое слово выведет вас из заблуждения. Содержимое этой записки совсем не то, что вы подумали. Там говорилось...

Вместо этого он сказал:

— Дядюшка, не дадите мне двадцать фунтов?

Таковы были поразительные слова лорда Дривера. Они вырвались сами собой. Он никак не мог их остановить.

Сэр Томас слегка растерялся, но только лишь на мгновение. Он вздрогнул, как человек, который гладил кошку и вдруг она его цапнула, но не сильно.

— Двадцать фунтов, вот оно что? — сказал он раздумчиво.

И тут млеко человеческой доброты могучей волной смело минутное недовольство. Сегодня был вечер, когда достойный получает заслуженную награду.

— Ну конечно, мальчик мой, конечно. Дать их тебе прямо сейчас?

— Да, пожалуйста, — ответил его лордство с редким для него пылом.

— Ну что ж. Посмотрим, что можно будет сделать. Идем со мной.

Он повел лорда Дривера к себе в гардеробную. Комната была просторная, как и почти все комнаты в замке. Одну стену целиком закрывала занавесь, за которой чуть раньше нашел пристанище Штырь.

Сэр Томас подошел к туалетному столику, отпер ящичек.

— Двадцать, говоришь? Пять, десять, пятнадцать... держи, мой

мальчик.

Лорд Драйвер неразборчиво поблагодарил. Сэр Томас в ответ на эти утробные звуки дружески похлопал племянника по плечу.

— Люблю такие вот милые пустячки, — сказал он. Его лордство вздрогнул.

— Я не стал бы у вас просить, — начал он, — если бы не...

— Милые пустячки вроде той записки, — продолжал сэр Томас. — Тут видно горячее сердце. У этой девочки горячее сердечко, Спенни. Чудесная девушка! Тебе невероятно повезло, мальчик мой.

Его лордство про себя согласился с ним, похрустывая четырьмя банкнотами.

— Постой-ка, мне уже пора переодеваться. Боже мой, как поздно! Придется поспешить. Кстати, мальчик мой, я хочу воспользоваться случаем и сегодня вечером объявить о помолвке. Момент самый подходящий. Как только закончится спектакль, я думаю. Короткая речь, неформальный экспромт. Просто предложу всем пожелать вам счастья, и так далее. По-моему, удачная мысль. Мне нравится. Что-то такое старосветское, незатейливое. Да.

Он отвернулся к туалетному столику и поправил воротничок.

— Ну-ну, беги, мой мальчик! И смотри, не опаздывай. Его лордство удалился, пошатываясь.

Торопливо переодеваясь в вечерний костюм, лорд Драйвер непривычно много думал, но чаще всего приходила к нему одна мысль: как бы там ни было, с деньгами все в порядке. Двадцать фунтов он добыл. Когда дядюшка узнает правду, скандал будет колоссальный. Самое масштабное стихийное бедствие со времен землетрясения в Сан-Франциско. Но что с того? Он добыл деньги.

Лорд Драйвер сунул банкноты в жилетный кармашек. Он будет держать их при себе и расплатится с Харгейтом сразу после обеда.

Он вышел из комнаты. Добравшись до лестничной площадки, он краем глаза уловил мелькание женского платья. По коридору ему навстречу шла девушка. Он остановился, пропуская ее на лестницу. Она ступила на площадку, и он увидел, что это Молли.

Наступила неловкая пауза.

— Я, э-э... получил вашу записку, — промямлил его лордство.

Молли посмотрела на него и вдруг расхохоталась.

— Вы же ни капельки не страдаете, — сказала она. — Ну вот ни чуточки, правда?

— Видите ли...

— Не увиливайте! Правда или нет?

— Понимаете ли, дело в том, что я...

Их взгляды встретились. В следующий миг хохотали уже оба.

— Нет, знаете, вы послушайте, — сказал его лордство. — Я к тому, что дело совсем не в том... Одним словом, слушайте, нам с вами ничто ведь не мешает остаться отличными друзьями?

— Конечно, ничто не мешает!

— Нет, правда, послушайте! Это потрясно. Значит, по рукам?

Они пожали друг другу руки. В этой лирической позе и застал их сэра Томас Блант, рысцой спускаясь по лестнице.

— Ага! — воскликнул он лукаво. — Так-так-так! Не обращайтесь на меня внимания, прошу вас, не обращайтесь!

Молли смутилась и покраснела — отчасти потому, что не любила сэра Томаса, даже когда он разговаривал нормально, а уж когда он говорил с лукавинкой, она его просто не переносила, но главное, она была в растерянности. Она побаивалась предстоящей встречи с сэром Томасом. С ним и всегда-то неприятно встречаться, а теперь, когда она расстроила планы, дорогие его сердцу, это должно было быть еще гораздо неприятнее. Молли гадала, как он себя поведет. Будет холодным и надменным или гневным и пламенным? В минуты пессимизма она предчувствовала долгую и тягостную сцену. Но чтобы он повел себя так, как сейчас — это было практически чудо. Молли не могла этого понять.

Один взгляд на лорда Дривера объяснил ей все. Злосчастный аристократ имел вид робкого ребенка, собирающегося дернуть за веревочку очень большую хлопушку. Он явно приготовился к взрыву.

Молли стало его искренне жаль. Значит, он еще ничего не сказал дядюшке! Ну конечно, когда бы он успел? Должно быть, Сондерс отдал ему записку, когда он шел переодеваться к обеду.

Но не было смысла длить агонию. Рано или поздно все равно придется рассказать сэру Томасу. Молли была даже рада возможности сказать ему самой. Она объяснит, что так получилось только из-за нее.

— Боюсь, тут небольшая ошибка, — сказала она.

— Э? — сказал сэр Томас.

— Я все как следует обдумала и поняла, что мы не... словом, я разорвала помолвку.

Выпученные глаза сэра Томаса еще сильнее полезли на лоб. Здоровый румянец на его лице сгустился до багрового оттенка. Вдруг он издал смешок.

Молли смотрела на него в изумлении. Сэр Томас нынче вечером вел

себя что-то уж очень непредсказуемо.

— Понимаю, — просипел он. — Вы решили меня разыграть! Так вот о чем вы сговаривались, когда я спускался! Молчите, молчите! Если бы вы в самом деле разорвали помолвку, то сейчас не смеялись бы с ним вдвоем. Не обманете, моя дорогая! Я еще мог бы поверить, если бы не видел вас только что, но я видел!

— Нет-нет! — воскликнула Молли. — Вы ошибаетесь. Вы совершенно ошибаетесь! Когда вы нас увидели, мы как раз договорились остаться добрыми друзьями. Вот и все. Я разорвала помолвку еще раньше. Я...

Она заметила, что его лордство глухо захрипел, но не поняла, что это было предостережение. Она решила, что таким образом он подтверждает ее слова.

— Я сегодня написала лорду Драйверу, — продолжала она, — и объяснила, что ни в коем случае не могу...

Молли испуганно замолчала. При ее последних словах сэр Томас начал раздуваться, и теперь казалось, вот-вот лопнет. Лицо его посинело. Живому воображению Молли представилось, будто глаза у него медленно выдвигаются на стебельках, как у улитки. Из горла сэра Томаса рвались наружу какие-то странные звуки.

— Т-т-т-так... — заикался он.

Глотнул воздуха и попробовал еще раз.

— Так вот что... — выдавил он, — так вот что!.. Так вот что было в том письме, а?

Лорд Драйвер, слабо улыбаясь, кулем привалился к перилам.

— А? — завопил сэр Томас во все горло. Его лордство конвульсивно дернулся.

— Э-э, да, — сказал он. — Да-да! Это там и было, знаете ли!

Сэр Томас уставился на племянника с невыразимой злобой. Молли озадаченно переводила взгляд с одного на другого.

Последовала пауза. За это время сэр Томас, по-видимому, отчасти взял себя в руки. Его посетила мысль о том, что семейный скандал на лестнице едва ли допускается приличиями. Он шагнул вперед.

— Идем со мной, — приказал он с ужасающим немногословием.

Его лордство в полной бесхребетности побрел за дядюшкой. Молли смотрела им вслед, недоумевая пуще прежнего. За этим что-то кроется. Сам по себе разрыв помолвки не мог так разгневать сэра Томаса. Он человек несправедливый, но все-таки не настолько, чтобы не понять, что на лорде Драйвере нет вины. Тут что-то еще. Какая-то загадка.

В холле Сондерс в полной боевой готовности уже прилачился ударить в гонг.

— Рано еще! — рявкнул на него сэр Томас. — Подождите!

В этот вечер по случаю спектакля обед велено было подавать раньше обычного. Сондерсу было сделано внушение о необходимости соблюдения строжайшей пунктуальности. Ценой немалых неудобств он обеспечил строжайшую пунктуальность. И вот... Но что поделаешь, каждому из нас в этом мире приходится нести свой крест. Сондерс не стал роптать на судьбу и с достоинством поклонился.

Сэр Томас провел племянника к себе в кабинет.

— Закрой дверь, будь так добр, — произнес он. Его лордство был так добр.

Сэр Томас утвердился спиной к камину в освященной поколениями классической позе пожилого британца: ноги расставлены, руки сцеплены за спиной под фалдами сюртука. Взгляд его прошелся по лорду Драйверу подобно лучу прожектора.

— Что скажете, сэр? — спросил он.

Его лордство заметно привял под этим взглядом.

— Суть в том, дядюшка...

— Нечего мне рассказывать про суть! Я знаю, в чем суть. Я требую объяснений!

Он шире расставил ноги. Годы слетели с его плеч. Он снова был Томасом Блантом, простым владельцем сети универмагов, расправляющимся с нерадивым служащим.

— Ты знаешь, о чем я. Не о разрыве помолвки речь. Я желаю знать, на каком основании ты скрыл от меня содержание письма!

Его лордство отвечал, что как-то, знаете ли, не успел, просто к слову не пришлось. Он вроде и хотел сказать, но как-то, понимаете, — такие вот дела.

— К слову не пришлось? — взревел сэр Томас. — Да что ты говоришь! А зачем же тогда ты просил у меня денег?

— А, это... Я, э-э... они мне были нужны.

— Охотно верю! Для чего?

— Я... такое дело... я их задолжал.

— Ха! И как же это вышло, что ты их задолжал? Его лордство переступил с ноги на ногу.

— Ты играл! — загремел сэр Томас. — Я прав?

— Нет-нет, послушайте, ничего подобного. Это была не азартная игра, а коммерческая. Мы играли в пикет.

— Попрошу не играть словами! Ты проиграл деньги в карты, как я и предполагал, только и всего.

Он еще шире расставил ноги. Он еще огненнее зажег свой взгляд. С него вполне можно было рисовать иллюстрацию к книге «Путь пилигрима» — «Аполлион загораживает дорогу путникам».

— Итак, — проговорил он, — ты намеренно скрыл от меня содержание письма, чтобы обманным путем выманить у меня деньги? Молчать! — Его лордство что-то чуть слышно булькнуло. — Намеренно! Ты поступил как... как...

В любой жизненной сфере найдется сколько угодно наименований для разнообразных злодеев. Выбор большой. Сэр Томас выбрал скаковую терминологию.

— Как последний «жучок»! — закончил он. — Но я не намерен этого терпеть! Ни на минуту! Я требую, чтобы ты вернул мне деньги здесь и сейчас. Если у тебя их нет при себе, пойдешь и принеси!

На лице его лордства отразилось сильнейшее ошеломление. Он был готов ко многому, но не к этому. Разумеется, он понимал, что его будут, как сказал бы он сам в школьные годы, «пилить» — это было неизбежно, и это он уже приготовился перетерпеть. Возможно, чувства его будут задеты, зато кошелек останется нетронутым. И вдруг такой кошмарный, совершенно непредвиденный поворот.

— Послушайте, дядюшка! — слабо запротестовал он. Сэр Томас величественным жестом заставил его замолчать.

Его лордство с тоской извлек из кармана свое убогое достояние. Сэр Томас взял деньги, фыркнул и двинулся к двери.

Сондерс опечаленной статуей все еще маячил возле гонга.

— Звоните! — приказал сэр Томас.

Сондерс повиновался со всем рвением охотничьего пса, спущенного со сворки.

— А теперь, — распорядился сэр Томас, — ступайте ко мне в гардеробную и положите эти банкноты в ящик туалетного столика.

Спокойный, ничего не выражающий, но все подмечающий взгляд дворецкого мгновенно определил причину инцидента. От него не ускользнули ни величаво распухший облик сэра Томаса, ни сходство лорда Драйвера с проколотым воздушным шариком.

— Что-то тут неладно, — обратился он к своей бессмертной душе, поднимаясь вверх по лестнице. — Сдается мне, они здорово поцапались!

Более изысканные обороты речи Сондерс приберегал для публичных выступлений. Беседуя со своей бессмертной душой, он обычно позволял

себе немного расслабиться.

Глава XXIV ОХОТНИК ЗА СОКРОВИЩАМИ

За обедом уныние окутывало лорда Дривера, словно плащ. Он был должен двадцать фунтов. Наличные фонды составляли семь шиллингов и четыре пенса. Он думал и думал. От раздумий на его розовых от природы щеках появилась интересная бледность. Сондерс то и дело возникал у него за плечом с магической бутылкой, безмолвно сострадая, — сэра Томаса он ненавидел, считая самозванцем, а к его лордству, сыну бывшего своего хозяина, испытывал прямо-таки отеческую привязанность. Спенни почти машинально снова и снова опустошал свой бокал, и вино, великий целитель, подарило ему идею. Получить двадцать фунтов от кого-нибудь из знакомых было нереально. А вот если разделить двадцать на четыре, то уговорить четырех щедрых вкладчиков внести по пять фунтов уже вполне осуществимо.

В нем снова пробудилась надежда.

После обеда лорд Дривер заперхал по замку, словно деятельное фамильное привидение. Первым встретился ему Чартерис.

— Хелло, Спенни, — сказал Чартерис. — Я тебя искал. Ходят слухи, будто ты влюбился. За обедом ты был похож на гриппозного. В чем дело? Бога ради, держи себя в руках, пока не отыграли спектакль. Не вздумай что-нибудь такое утворить на сцене. Ты хоть текст помнишь?

— Понимаешь, — с жаром отвечал его лордство, — тут такое дело. Возникли обстоятельства... Не одолжишь мне пятерку?

— На данный момент, — сказал Чартерис, — все мои богатства в этом мире равняются одиннадцати шиллингам плюс почтовая марка. Если марка может тебе пригодиться... Нет? Знаешь, многие великие состояния начинались с малого. Ну, как хочешь...

Две минуты спустя лорд Дривер продолжил свои поиски.

Путь берущего займы тернист, особенно если у него, как у Спенни, уже сложилась не лучшая репутация в плане возврата долгов.

Спенни в свое время успел одолжить небольшие суммы практически у всех своих знакомых мужского пола, а отдавал он их далеко не всегда. Была у него такая склонность — забывать, что он занял тут полкроны — уплатить за кеб, там десять шиллингов — расплатиться в ресторане. Не удерживались у него в памяти и более крупные числа. От этого у приятелей его лордства развилась некоторая настороженность, и в результате погоня за сокровищами с самого начала была обречена на

провал. Ему дарили дружеские улыбки, умильно извинялись и заверяли в самом искреннем расположении, но денег не давал никто — кроме Джимми Питта.

К Джимми его лордство обратился одним из первых, и Джимми, находясь в том настроении, когда он готов был одолжить что угодно и кому угодно, без слова выдал требуемые пять фунтов.

Но что такое пять фунтов? Покров уныния и интересная бледность по-прежнему украшали Спенни Дривера, когда он поднялся к себе в комнату переодеться в кричащий твидовый костюм, в котором он должен был появиться в первом акте, воплощая роль лорда Герберта.

Вообще говоря, воровство — предосудительная привычка, однако нельзя отрицать, что при определенных условиях это великолепное решение финансовых трудностей, и не будь наказание столь неприятно, очень может быть, что кражи вошли бы в моду и завоевали широкую популярность.

Его лордство не сразу обратился мыслями к такому выходу из своих затруднений. Он никогда в жизни не воровал, вот и теперь поначалу не догадался. В каждом из нас сидит этот консерватизм. Но мало-помалу в его сознании забрезжила мысль о том, что другого выхода из создавшегося положения попросту нет, разве что пасть назавтра в ноги Харгейту и умолять об отсрочке — немыслимая альтернатива! Придется добывать деньги преступным путем. Заканчивая переодеваться в сценический костюм, лорд Дривер твердо решил, что больше делать нечего.

План его был прост. Где деньги, известно — в ящике стола в гардеробной сэра Томаса. Он сам слышал, как сэр Томас давал указания Сондерсу положить их туда. Пойти и взять их оттуда — что может быть проще? Все складывается удачно. Сэр Томас будет внизу встречать гостей. Путь будет свободен. Все равно что найти деньги на дороге!

Кроме того, размышлял его лордство, опустошая бутылку шампанского «Мумм», которую запасливо прихватил после ужина со стола для укрепления нервов, — на самом деле это совсем не воровство. Черт побери, дядюшка сам дал ему деньги! Они теперь его! Неплохо было бы заодно — он налил себе еще стаканчик эликсира — еще и поговорить по душам с этим сэром Томасом! Да, черт побери все на свете!

Он свирепо поддернул рукава. Британский лев пробудился от сна.

Первое преступление, как правило, совершается до ужаса дилетантски. Изредка, правда, бывает, что новичок подделывает чеки с уверенностью опытного мастера или открывает чужие дверные замки с изяществом эксперта. Но это все отдельные случаи. Большинству

начинающих остро не хватает руководства. Спенни Драйвер — типичный пример новичка. Ему даже в голову не пришло, что, как только сэр Томас хватится пропажи, начнется расследование, и сам он вполне может оказаться под подозрением. Из шампанского порой рождается доблесть, но благоразумие — никогда.

Спектакль начался в половине девятого пьеской для двух актеров. Зрителей рассадили по местам и кое-как установили тишину — успешнее, чем обычно бывает в таких случаях, поскольку прошел слух, будто вечер завершится неофициальным балом. Замок Драйвер был построен исключительно удачно для подобных затей — в нем было достаточно места и масса укромных уголков для тех, кто не танцует, да к тому же еще просторная оранжерея, где составила половина брачных союзов в графстве.

Спенни задумал обеспечить себе алиби, потолкавшись несколько минут в толпе, затем совершить грабеж, пока на сцене будет идти вступительная пьеска — в это время его отсутствия никто не заметит. А вот если он исчезнет позже, кто-нибудь может задуматься, куда он подевался.

Он рыскал среди гостей, пока все не расселись по местам, а потом шмыгнул в холл. Вдруг на плечо ему легла чья-то рука. Нечистая совесть превращает нас в трусов. Спенни прикусил себе язык и подпрыгнул в воздух на три дюйма.

— Хелло, Чартерис! — воскликнул он, едва дыша.

Чартерис был в несколько взвинченном состоянии. Репетиции сделали из него пессимиста, и теперь, когда настал миг премьеры, нервы режиссера совершенно никуда не годились, тем более что вступительный диалог должен был начаться через две минуты, а человек, любезно согласившийся суфлировать, необъяснимым образом пропал.

— Спенни, — сказал Чартерис, — куда это ты собрался?

— Что? Что значит — собрался? Я просто хотел пойти наверх.

— Ничего подобного. Ты сейчас пойдешь и будешь суфлером. Этот дьявол Блейк куда-то скрылся. Я ему шею сверну! Идем-идем.

Спенни, слабо упираясь, последовал за ним. На середине пьески вернулся официальный суфлер. Он сказал, что вышел на террасу покурить, а у него испортились часы. Оставив его обсуждать этот вопрос с Чартерисом, Спенни тихонечко удрал.

Однако за это время воодушевляющее действие «Мумма» успело сойти на нет. Британскому льву срочно требовался новый стимул. За ним он и отправился к себе в комнату. Когда он снова вышел оттуда, то

чувствовал себя вполне готовым к предстоящему подвигу. Мелькнула у него мимолетная мысль — не будет ли уместно для начала спуститься к гостям и дернуть сэра Томаса за нос; но он отринул соблазн. Сперва дело, потом уж удовольствие.

Упругим, хотя и не совсем твердым шагом лорд Драйвер поднялся этажом выше и, одолев коридор, приблизился к комнате сэра Томаса. Включив свет, он подошел к туалетному столику. Ящик был заперт, но Спенни в своем нынешнем настроении, как сама любовь, смеялся над замками и засовами. Он схватился за ручку и рванул, откинувшись назад всем телом. Ящик выскочил с грохотом, подобным звуку пистолетного выстрела.

— Вот так! — сказал его лордство, сурово качая головой.

В ящике лежали те самые четыре банкноты. Их вид разом напомнил лорду Драйверу все перенесенные обиды. Он отучит сэра Томаса обращаться с ним, как с младенцем! Он ему покажет!

Свирепо сдвинув брови, он вынул из ящика деньги и тут вдруг услышал у себя за спиной удивленное восклицание.

Лорд Драйвер обернулся и увидел Молли. Она все еще была в том же платье, что и за обедом, глаза у нее стали круглыми от изумления. Минуту назад она шла к себе в комнату, чтобы переодеться для спектакля, и была уже в самом конце коридора, когда заметила издали, как его лордство с покрасневшим лицом и движениями ретивого скакуна выбежал из своей спальни в твидовом костюме дикой расцветки и прогарцевал к лестнице. После предобеденной встречи с сэром Томасом Молли все искала случая поговорить со Спенни наедине. Она заметила его подавленное настроение за обедом, и ее доброе сердечко страшно тревожила мысль, что он так расстроен по ее вине. Она видела, что дядя отчего-то рассердился на Спенни из-за ее слов о письме. Ей хотелось сказать ему, как она сожалеет.

Поэтому она пошла за ним. Его лордство все тою же походкой боевого коня взлетел по лестнице и скрылся из виду, пока Молли была еще только на середине пролета. Поднявшись наверх, она как раз успела увидеть, как он сворачивает в гардеробную сэра Томаса. Молли не могла понять, что ему там понадобилось. Она знала, что сэр Томас сейчас внизу, а значит, Спенни пришел сюда не для того, чтобы поговорить с дядюшкой.

Запыхавшись, но не сдаваясь, Молли последовала по его стопам и остановилась на пороге в тот самый миг, когда хлопнул пистолетный выстрел сломанного замка.

Молли растерянно смотрела на Спенни. Он держал в руке ящичек от туалетного столика, совершенно непонятно — зачем.

— Лорд Драйвер! — воскликнула она.

Мрачная решимость на лице его лордства сменилась кривоватой, но приветливой улыбкой.

— Хорошо! — провозгласил он, быть может, немного неразборчиво. — Хорошо! Я рад, что вы пришли. Мы с вами друзья. Вы сами сказали... перед обедом... на лестнице. Очень рад, что вы пришли. Не хотите ли присесть?

Он гостеприимно махнул ящичком, приглашая Молли устраиваться в гардеробной, как дома. От этого движения одна банкнота выпорхнула из ящичка и упала, трепеща, у ног Молли.

Она наклонилась и подняла бумажку. Разглядев купюру, Молли растерялась окончательно.

— Но... но...

Его лордство одарил ее неописуемо доброжелательной улыбкой.

— Присядьте, — уговаривал он. — Мы же друзья. С вами я не ссорился. Вы настоящий друг. Дядя Томас — другое дело.

— Лорд Драйвер, но что вы делаете? Я слышала шум...

— Открывал ящик, — дружески пояснил его лордство.

— Но... — Молли снова посмотрела на бумажку в своей руке. — Но это — пятифунтовая банкнота.

— Пятифунтовая банкнота, — согласился его лордство. — Совершенно точно. Их тут еще три.

Она все еще не понимала.

— Вы что же... воруете их?

Его лордство выпрямился во весь рост.

— Нет! — сказал он. — Нет, не ворую, что вы!

— А тогда...

— Такое дело. Перед обедом. Старикан меня обласкал. Не знал, как порадовать. Попросил у него двадцатку, и он дал. Все отлично. Потом — встретил вас на лестнице. Вы выпустили кота из мешка.

— Но почему? Неужели...

Его лордство с достоинством помахал ящичком.

— Вас не виню, — объявил он великодушно. — Не ваша вина: несчастный случай. Вы не знали. О письме.

— О письме? — повторила Молли. — Да, что там были за сложности с письмом? Я сразу поняла, что не надо было о нем говорить.

— Сложности, — подтвердил лорд Драйвер. — Старикан решил, что это любовная записка. Не стал его разочаровывать.

— Вы ему не сказали? Почему? Его лордство вздернул брови.

— Хотел попросить двадцатку, — объяснил он просто. Даже под страхом смерти Молли не смогла бы удержаться от смеха.

— Не смейтесь, — обиделся его лордство. — Тут не шутки. Все серьезно. Задета честь.

Он взял три оставшиеся банкноты и задвинул ящичек на место.

— Честь Драйверов! — прибавил он, пряча деньги в карман.

Молли пришла в ужас.

— Лорд Драйвер! — вскричала она. — Вы не можете! Вы не должны! Неужели вы на самом деле хотите забрать деньги? Это же воровство! Это не ваши деньги! Немедленно положите их обратно!

Его лордство торжественно погрозил ей пальцем.

— Вот тут-то вы ошибаетесь! Мои! Старикан дал их мне.

— Дал их вам? Тогда почему вы взломали ящик?

— Он их опять отнял, когда узнал про письмо.

— Значит, они вам не принадлежат!

— Не-ет, ошибка! Принадлежат. Моральное право.

Молли в волнении наморщила лоб. Люди такого типа, как лорд Драйвер, будят в женщинах материнский инстинкт. Как мужчина, его лордство был исчезающе малой величиной. Он просто не шел в счет. Но как капризный ребенок, которого необходимо оберегать от бед, он с полным правом мог претендовать на внимание Молли.

Она заговорила успокаивающим тоном:

— Ну как же, лорд Драйвер...

— Зовите меня Спенни, — попросил он. — Мы же друзья. Вы сами сказали... там, на лестнице. Все зовут меня Спенни, даже дядя Томас. Я дерну его за нос! — спохватился он, словно человек, внезапно вспомнивший о назначенной встрече.

— Хорошо, пусть будет Спенни, — сказала Молли. — Не надо этого делать, Спенни. Пожалуйста, не надо. Вы...

— Потрясно выглядишь в этом платье, — ни к селу ни городу заметил его лордство.

— Спасибо, милый Спенни. Только послушайте. — Молли как будто уговаривала упрямого ребенка. — Не нужно брать эти деньги. Положите их на место. Вот, смотрите, я кладу эту банкноту на место. Дайте мне остальные, я их тоже уберу в ящик. Потом мы ящик закроем, и никто ничего не узнает.

Она взяла у него из рук банкноты и положила их в ящик. Его лордство задумчиво наблюдал за ее действиями, словно осмысливая весомость ее аргументов.

— Нет, — сказал он вдруг. — Нет! Они мои! Моральное право. Старикан...

Молли мягко оттолкнула его.

— Да-да, я все понимаю, это просто безобразие, что вы не можете их взять. Но брать их нельзя. Как вы не понимаете, он же сразу вас заподозрит, как только увидит, что они пропали, и у вас будут большие неприятности.

— В этом что-то есть, — признал его лордство.

— Конечно, Спенни, милый. Как хорошо, что вы тоже это понимаете! Ну вот, они снова спокойненько лежат в ящике, а мы теперь можем спуститься вниз и...

Она замолчала. Дверь она закрыла еще раньше, но сейчас ее чуткий слух уловил в коридоре шаги.

— Скорее! — шепнула она, схватила Спенни за руку и потащила к выключателю. — Кто-то идет. Нельзя, чтобы нас здесь увидели. Сразу заметят сломанный ящик, и будет беда. Скорее!

Она толкнула его за занавеску, прикрывавшую вешалки с одеждой, и выключила свет.

За занавеской послышался приглушенный голос его лордства:

— Это дядя Томас. Я выхожу. Дернуть его за нос.

— Тише!

Она бесшумно скользнула за занавеску.

— Нет, послушайте! — завел было его лордство.

— Т-с-с!

Она сжала его локоть. Лорд Драйвер утих. Шаги замерли у самой двери. Ручка медленно повернулась. Дверь открылась и закрылась опять, почти беззвучно. Шаги раздались уже в комнате.

Глава XXV ОБЪЯСНЕНИЯ

Джимми, как и его лордство, был отловлен в начале вступительной пьески и не мог вырваться до самого ее окончания. Леди Джулия представила его пожилому и крайне прилипчивому баронету, который недавно провел десять дней в Нью-Йорке, и удрать от него удалось не без борьбы. Баронет, вернувшись в Англию, опубликовал книгу под названием «Современная Америка и ее обитатели». Его чрезвычайно интересовала точка зрения Джимми по поводу мнений, изложенных в этом объемистом труде. Вступительная пьеса его нисколько не занимала, и Джимми потратил массу драгоценного времени, пока не спасся от баронета, сказав, что ему нужно переодеваться. Взяв по лестнице, он на чем свет стоит клял великого специалиста по современной Америке и ее обитателям. Пока шла вступительная пьеса, сэру Томасу и в голову бы не пришло подняться к себе в гардеробную. Он, как и говорил сыщик-слуга сыщику Гейлеру, обхаживал разных шишек. Положить ожерелье на место — минутное дело. Если бы не приставучий баронет, все уже было бы позади. А теперь неизвестно, как пойдет дело. Кто угодно может зайти в коридор и увидеть Джимми. Только одно обнадеживало — едва ли бриллианты понадобятся владелице до окончания спектакля. К счастью, роль, на которую Чартерис уговорил леди Джулию, никоим образом не сочеталась с драгоценными украшениями.

Прежде чем спуститься к обеду, Джимми запер ожерелье в ящике стола. Там оно и до сих пор находилось. Как видно, Штырь сумел-таки побороть искушение и не стал воровать бриллианты вторично. Джимми взял кольцо и быстрым шагом направился в сторону гардеробной.

Он запасся карманным фонариком, который всегда брал с собой в путешествия. Войдя в гардеробную, Джимми закрыл за собой дверь, включил фонарик и осмотрелся.

Штырь подробно рассказал, где стоит шкатулка с драгоценностями. Джимми нашел ее без труда. На его непрофессиональный взгляд выглядела шкатулка довольно-таки неприступно, но Штырь, судя по всему, вскрыл ее без особого труда. Крышка была захлопнута, но когда Джимми попробовал ее поднять, она легко открылась, и стало видно, что замок сломан.

— Штырь делает успехи! — заметил Джимми. Ожерелье покачивалось у него в руке над шкатулкой, куда Джимми намеревался его уронить, когда у противоположной стены послышался шорох. Занавесь отдернулась, и из-

за нее вышла Молли.

— Джимми! — воскликнула она.

Вообще-то нервы у Джимми были в хорошем состоянии, но при таком явлении он вздрогнул всем телом и сказал:

— Силы небесные!

Занавеска снова заволновалась; ее тянула и дергала какая-то неведомая сила. Из потаенных глубин донесся жалобный голос:

— Черт поberi все на свете! Я застрял!

Еще разок всколыхнулась занавеска, и на свет выбрался его лордство — растрепанные желтые кудри торчком, лицо, что маков цвет.

— Головой зацепился за пиджак или еще что-то такое, — объяснил он, ни к кому в особенности не обращаясь. — Хелло, Питт!

Поначалу Молли, втиснутая за занавеску, удивленно прислушивалась к движениям человека, вошедшего в комнату. Недоумение ее росло. Происходило что-то непонятное. Свет в комнате так и не зажегся. Ей почудилось, что она слышит чье-то дыхание, потом блеснул луч фонарика. Кто это мог быть, и почему он не включил нормальное освещение?

Она напряженно вслушивалась. Какое-то время ничего не было слышно, кроме тихого дыхания. Затем раздался хорошо знакомый голос, Молли выбежала из укрытия и увидела, что Джимми стоит с карманным фонариком в руке над каким-то темным предметом в дальнем конце комнаты.

Прошла целая минута после первого удивленного возгласа Джимми. Оба молчали. Свет фонарика бил Молли в глаза. Она заслонила рукой. Ей казалось, что они стоят так уже долгие годы.

Джимми застыл в неподвижности. Молли почему-то стало страшно. В тени за ярким лучом он казался бесформенным, нечеловеческим.

— Больно глазам, — сказала она наконец.

— Прости, — сказал Джимми. — Я не подумал. Так лучше?

Он отвел фонарик, чтобы больше не светить ей в лицо. Что-то в его голосе, в неловкой поспешности, с какой он отвернул фонарик, разрядило обстановку. Молли почувствовала, что первое потрясение проходит и она снова в состоянии связно мыслить.

Легче ей стало ненадолго. Зачем Джимми пришел сюда в такое время? Почему у него фонарик? Что он здесь делал? Вопросы сыпались, как искры из-под кузнечного молота.

Темнота действовала ей на нервы. Молли пошарила по стене, нащупала выключатель, и комнату залил электрический свет.

Джимми отложил фонарик и остановился в нерешительности. Руку с

ожерельем он все это время держал за спиной, а теперь протянул вперед и молча встряхнул ожерельем перед Молли и его лордством. Хотя причины его присутствия в этой комнате с бриллиантовым ожерельем в руке были самые благородные, под изумленным взглядом Молли он чувствовал себя виноватым, как будто пришел сюда совсем с другими намерениями.

Его лордство, к этому времени слегка очухавшийся, заговорил первым.

— Послушайте, это, знаете ли, что за дела! — промолвил он не без волнения. — А?

Молли попятилась.

— Джимми! Ты... нет, не может быть!

— Похоже на то! — глубокомысленно изрек его лордство.

— Да нет, — сказал Джимми. — Я хотел положить его на место.

— Наместо?

— Питт, дружище, — торжественно произнес его лордство, — как-то это слабовато.

— Драйвер, дружище, — сказал Джимми. — Я понимаю. Но это правда.

Его лордство смягчился.

— Послушайте, Питт, старина, — сказал он, — тут не о чем беспокоиться. Мы здесь все друзья. Можете на нас положиться. Мы вас не выдадим.

— Замолчите! — вскрикнула Молли. — Джимми!

Она говорила с трудом, сдавленным голосом. Она ужасно страдала. Слова отца, сказанные тогда на террасе, снова обрушились на нее. Она словно слышала сейчас его голос, спокойный, уверенный. Он предостерегал ее, называл Джимми жуликом. В голове у нее как-то странно зашумело, комната вдруг начала расплываться перед глазами. Лорд Драйвер что-то говорил, но его голос звучал как будто в телефонной трубке... А потом оказалось, что Джимми обнимает ее, не давая упасть, и кричит лорду Драйверу, чтобы принес воды.

— Когда такое происходит с девушкой, — с невыносимо всезнающим видом сообщил его лордство, — ей нужно разрезать...

— А ну, быстро! — сказал Джимми. — Неделю, что ли, за водой ходить?

Его лордство прекратил прения и намочил губку, но пока он нес ее через всю комнату, роняя капли на пол, Молли пришла в себя и принялась слабо вырываться.

Джимми усадил ее на стул. Ожерелье он уронил на пол, и лорд Драйвер

едва не наступил на бриллианты.

— Эй! — заметил его лордство, поднимая кольцо. — Полегче с ювелирными изделиями!

Джимми склонился к Молли. Ни тот, ни другой не замечали лорда, словно его тут и не было. Спенни был из тех людей, о ком легко можно забыть. Джимми вдруг озарил. Впервые его посетила мысль, что мистер МакИкери мог намекнуть Молли на свои подозрения.

— Молли, милая, тут совсем не то, что ты подумала! Я все могу объяснить. Тебе лучше? Ты можешь слушать? Я все объясню.

— Питт, дружище, — возразил его лордство, — вы не поняли. Мы не собираемся вас выдавать. Мы...

Джимми не обратил на него внимания.

— Молли, слушай, — сказал он. Молли выпрямилась на стуле и сказала:

— Продолжай, Джимми.

— Я не собирался воровать ожерелье. Я хотел его вернуть. Штырь Маллинз — тот человек, который приехал в замок вместе со мной, — украл его сегодня перед обедом и принес мне.

Штырь Маллинз! Молли помнила это имя.

— Он думает, будто я грабитель, что-то вроде Раффлза. Я сам виноват. Все началось в Нью-Йорке, в ту ночь, когда мы встретились у тебя дома. Я как раз побывал на премьере пьесы под названием «Любовь медвежатника» — знаешь, одна из этих пьес про взломщиков.

— Отличная пьеса, — светским тоном вставил его лордство. — Ее показывали у нас в «Серкл». Я два раза ходил.

— Один мой друг, по фамилии Мифлин, играл в пьесе главную роль, и после спектакля мы в клубе заговорили о грабителях, он очень серьезно изучал искусство взлома, а я сказал, что ограбить дом может кто угодно. И как-то так получилось, что мы заключили пари, что я той же ночью заберусь в чей-нибудь дом. Бог знает, собирался я всерьез это выполнить или нет, но в ту самую ночь ко мне в квартиру залез грабитель, вот этот Маллинз. Я его поймал, мы разговорились, я щегольнул парой словечек на воровском жаргоне, которым научил меня тот актер, мой приятель, и Маллинз вообразил, будто я великий взломщик. И мне вдруг пришло в голову, какая будет отличная шутка, если я сейчас пойду с Маллинзом и залезу к кому-нибудь в дом, а потом посмеюсь над Мифлином. Я тогда не понимал, какой я был дурак. Ну вот, мы пошли и... вот так все это и получилось. А потом я встретил Штыря в Лондоне и привез его сюда.

Джимми с тревогой смотрел на Молли. Даже не будь у его лордства

такого ошарашенного выражения, Джимми прекрасно сознавал, насколько надуманной кажется вся история. Он чувствовал это все время, пока говорил. Что уж тут скажешь — история звучала настолько неправдоподобно, насколько это вообще возможно.

— Питт, дружище, — сказал его лордство, качая головой скорее со скорбью, нежели с осуждением. — Это, знаете ли, не прокатит, старичок. И зачем было придумывать столько ерунды? Или вы не поняли — мы же совсем не против. Говорю я вам, мы здесь все друзья. Я всегда считал, что Раффлз — отличный парниша. Просто молодчина! Я никогда не стал бы упрекать человека за то, что он увлекается кражами со взломом. По мне, так это замечательное...

Молли оборвала его разглагольствования об этике джентльменского грабежа, вся вспыхнув от негодования.

— О чем вы говорите? — закричала она. — Вы думаете, я не верю тому, что сказал Джимми, до последнего слова?

Его лордство так и подскочил.

— Ну-у, не знаю, мне показалось, что это слабовато. Я хочу сказать... — Он встретился взглядом с Молли. — Ну ладно! — закончил лорд Драйвер несколько неуклюже.

Молли повернулась к Джимми.

— Джимми, конечно, я тебе верю! Я верю каждому слову.

— Молли!

Его лордство смотрел и дивился. У него мелькнула мысль, что он упустил идеальную жену. Девушка, которая готова поверить любой белиберде... Эх, если бы не Кэти! Он даже загрустил на мгновение.

Джимми и Молли смотрели друг на друга и молчали. По их лицам его лордство понял, что о нем опять забыли. Он увидел, как она протянула к Джимми руки, и решил, что пора отвести глаза. Неловко все-таки! Он отвел глаза.

Еще миг — открылась и закрылась дверь, Молли ушла.

Лорд Драйвер взглянул на Джимми. Джимми, судя по всему, все еще не замечал его присутствия.

Его лордство кашлянул.

— Питт, дружище...

— Хелло! — встрепенулся Джимми. — Вы еще здесь? Кстати... — Он с любопытством посмотрел на лорда Драйвера. — Я как-то не подумал спросить вас раньше... Какого дьявола вы-то здесь делаете? Зачем вы сидели за занавеской? В прятки играли?

Его лордство был не из тех, кто при необходимости легко сочиняет

запутанные и обстоятельные истории. Он искал в своем воображении подходящие сюжеты, но быстро отказался от борьбы. В конце концов, чего стесняться? Он-то был уверен, что Джимми — один из коллег главного героя пьесы «Любовь медвежатника». Ему можно рассказать все. Он душа-человек, родственная натура, он поймет и посочувствует.

— Тут такие дела, — сказал лорд Драйвер.

Весьма разумно заметив в виде предисловия, что вел себя, как осел, он коротко изложил суть последних событий.

— Что! — сказал Джимми. — Вы учили Харгейта играть в пикет? Дорогой вы мой, он играл в пикет лучше всякого профессора, когда вы еще ходили в коротенькой рубашонке. Он в этом просто гений.

Его лордство сильно дернулся.

— Как это? Разве вы его знаете?

— Встречал в Нью-Йорке, в клубе «Ваганты». Один мой приятель, актер, — тот самый Мифлин, я о нем только что говорил, — привел его как своего гостя. Он за пикетом деньги лопатой загребал. А там, между прочим, были тоже неплохие игроки. Неудивительно, что он оказался таким способным учеником!

— Но тогда... тогда... черт побери все на свете, он же тогда, выходит, чертов проходимец!

— У вас талант на короткие и емкие формулировки, — сказал Джимми. — Вы с первого раза совершенно точно его определили.

— Ни пенни ему не заплачу, черт возьми!

— Ну конечно. Если станет возражать, адресуйте его ко мне.

У его лордства гора свалилась с плеч. Действие эликсира в основных его проявлениях уже истощилось, и теперь он понимал то, чего не замечал, находясь в приподнятом настроении, — какое подозрение неизбежно нависло бы над ним, как только пропажа банкнот будет обнаружена.

Он утер пот со лба.

— Вот ведь черт! Сразу легче стало! Проклятье, я готов землю рыть копытом, прямо как резвая двухлетка! Послушайте, Питт, вы чертовски хороший человек.

— Вы мне льстите, — сказал Джимми. — Но я стараюсь.

— Послушайте, Питт, а эта ерундовина, вот что вы нам сейчас рассказывали — насчет пари и прочее. Вы что, честно хотите сказать, что это все правда? То есть, я... Черт! У меня идея!

— В интересные времена мы живем!

— Вы говорили, этого вашего друга, актера, зовут Мифлин?

Джимми не успел ответить — лорд Драйвер вдруг оборвал вопрос.

— Черт побери! — пробормотал он. — Что там? Господи, кто-то идет!

Он юркнул за занавеску, точно кролик. Ткань едва успела перестать раскачиваться, как дверь открылась и вошел сэр Томас Блант.

Глава XXVI БЕСПОКОЙНЫЕ ВРЕМЕНА ДЛЯ СЭРА ТОМАСА

Для человека, чьи намерения были настолько невинны и даже благотворны по отношению к бриллиантам и их владельцу, Джимми находился в на редкость компрометирующем положении. Даже и при более удачных условиях нелегко было бы убедительно объяснить сэру Томасу свое присутствие в его гардеробной. Сейчас же все осложнялось тем, что его лордство, исчезая за занавеской, отшвырнул от себя ожерелье, точно пылающую головешку. Второй раз за последние десять минут ожерелье упало на ковер. Джимми наклонился его поднять и только что успел выпрямиться, когда сэр Томас его увидел.

Обладатель рыцарского звания стоял в дверях, и лицо его выражало живейшее изумление. Выпученные глаза уставились на бриллианты в руке Джимми. Джимми даже стало его жаль — так мучительно сэр Томас искал адекватные случаю слова. Сильные эмоции вредны для людей такого типа, с короткой и толстой шеей.

Джимми по доброте душевной попытался прийти к нему на помощь.

— Добрый вечер, — сказал он приветливо.

Сэр Томас начал заикаться. Слова мало-помалу пробивали себе дорогу наружу.

— Что... что... что...

— Так его, давайте, давайте, — сказал Джимми.

— ...что...

— Был у меня один знакомый в Южной Дакоте, страшно заикался, — сказал Джимми. — Он, когда разговаривал, грыз собачьи сухари. Они ему очень помогли — и питательные к тому же. А вот еще хороший способ — сперва сосчитайте до десяти, а потом быстро выпаливайте, что хотели сказать.

— Вы... вы мерзавец!

Джимми аккуратно положил ожерелье на туалетный столик, затем повернулся к сэру Томасу, заложив руки в карманы. Поверх головы рыцаря было видно, как колышутся складки занавеси, словно их волнует нежнейший ветерок. Очевидно, драматизм сложившейся ситуации не ускользнул от Гильдебранда Спенсера, двенадцатого графа Дривера.

Не ускользнул он и от Джимми. Ситуация была как раз в его вкусе. У него уже сложился план действий. Джимми понимал, что бесполезно

пытаться рассказать правду рыцарственному дядюшке. Бесхитростной доверчивости в характере сэра Томаса было не больше, чем в жилах его — нормандской крови. Лондонец по рождению, в этом он сильно напоминал уроженцев штата Миссури.

Положение, по всему, складывалось безвыходное, но Джимми считал, что выход у него все-таки имеется. А пока он просто наслаждался происходящим. Забавно, все это почти в точности повторяло главную сцену третьего акта пьесы «Любовь медвежатника», в которой Артур Мифлин с таким успехом исполнил роль обаятельного взломщика.

Теперь и Джимми предстояло исполнить роль обаятельного взломщика в собственной трактовке. Артур Мифлин на сцене закуривал сигарету и чередовал дымовые колечки с остроумными репликами. Сигарета, конечно, пришлась бы очень кстати, но Джимми был готов блеснуть и без реквизита.

— Так это... это вы, вот оно что? — пропыхтел сэр Томас.

— Кто вам сказал?

— Вор! Мелкий жулик!

— Ну что вы! — возразил Джимми. — Почему мелкий? Если в здешних краях я мало известен, это еще не причина меня обижать. Откуда вы знаете, может быть, в Америке у меня громкая репутация? Может быть, я сам Бостонский Билли, или Сакраменто Сэм, или еще кто-нибудь. Давайте все-таки обойдемся без оскорблений в нашей дискуссии.

— Я вас давно подозревал! С самого начала, как только услышал, что мой идиот-племянничек завел в Лондоне дружбу с каким-то случайным человеком. Так вот вы кто такой! Ворюга!

— Я лично не обращаю внимания на такие вещи, — перебил его Джимми, — но, если вам когда-нибудь в будущем случится беседовать с медвежатниками, вы уж, пожалуйста, не называйте их ворами. Они ужасно обидчивые. Понимаете ли, между этими двумя специальностями — огромная пропасть, приходится считаться с кастовыми предрассудками. Допустим, вы — театральный режиссер. Как бы вам понравилось, если бы вас обозвали капелдинером? Улавливаете разницу? Вы можете задеть их чувства. Скажем, обычный вор на моем месте, скорее всего, применил бы грубую силу. Но по этикету медвежатника, если я не ошибаюсь, применение грубой силы нежелательно, разве что в самых крайних случаях. Я очень надеюсь, что у нас до этого не дойдет. С другой стороны, честность вынуждает меня отметить, сэр Томас, что вы у меня на мушке.

В кармане пиджака у Джимми лежала курительная трубка. Он надавил черенком на ткань, так что карман оттопырился. Сэр Томас с тревогой

посмотрел на выпуклость и слегка побледнел. Джимми свирепо насупился. Насупленные брови Артура Мифлина в третьем акте вызвали бурное восхищение среди публики.

— Как видите, — сказал Джимми, — револьвер у меня в кармане. Я всегда стреляю через карман и плюю на счета от портного. Мой малыш заряжен, курок взведен. Он нацелен прямо на бриллиант в вашей булавке для галстука. Роковое место! Ни один человек еще не выжил после прямого попадания в булавку для галстука. Мой палец на спусковом крючке. Поэтому я рекомендовал бы вам не звонить в звонок, на который вы смотрите. Против этого есть и другие причины, я к ним перейду немного позже.

Рука сэра Томаса дрогнула.

— Если хотите, то звоните, конечно, — дружески продолжил Джимми. — Вы у себя дома. Но лучше все-таки не надо. На расстоянии полутора ярдов я стреляю без промаха. Вы просто не поверите, сколько раз я попадал с такого расстояния в стог сена. Я просто не могу промахнуться. Впрочем, я, пожалуй, не стану вас убивать. Будем гуманными по случаю нашей радостной встречи. Я всего лишь прострелю вам колено. Это больно, но не смертельно.

Он многозначительно вздернул черенок трубки. У сэра Томаса кровь отхлынула от лица. Рука его бессильно повисла.

— Отлично! — одобрил Джимми. — В конце концов, зачем вы спешите положить конец нашей приятной беседе? Я, например, совершенно не тороплюсь. Давайте поболтаем. Как продвигается театральный вечер? Имела ли успех вступительная пьеса? Вот погодите, пока увидите сам спектакль.

На генеральной репетиции по крайней мере три актера знали свои роли.

Сэр Томас бочком отошел от звонка, но это было временное отступление, навязанное ему требованиями момента. Он понимал, что нажимать на кнопку звонка было бы неблагоприятно, но, собравшись с мыслями, сообразил, что рано или поздно победа будет за ним. Лицо его снова приобрело обычный оттенок. Руки машинально двинулись к фалдам сюртука, ноги сами собой расставились. Джимми с улыбкой наблюдал признаки вернувшегося душевного равновесия. Он надеялся в скором времени снова поколебать это равновесие.

Сэр Томас взялся просветить Джимми касательно его перспектив:

— А как, позвольте спросить, вы собираетесь покинуть замок?

— Разве вы не дадите мне автомобиль? — сказал Джимми. — Но я

пока еще не собираюсь уезжать.

Сэр Томас отрывисто рассмеялся.

— Да-да, конечно! Еще бы! Тут я с вами согласен!

— Два великих ума, — сказал Джимми. — Не удивлюсь, если окажется, что мы с вами на многое смотрим одинаково. Вот вспомните, как вы быстро разделили мою точку зрения на нажимание звонков. Но почему вы подумали, будто я намерен покинуть замок?

— Трудно предположить, что вам захотелось бы остаться.

— Напротив! В первый раз за два года я нашел место, где мне по-настоящему хорошо. Обычно мне уже через неделю хочется двигаться дальше. А здесь я мог бы остаться навсегда!

— Боюсь, мистер Питт... Кстати, имя, конечно, вымышленное?

Джимми покачал головой.

— Увы, нет. Если бы я хотел взять вымышленное имя, то выбрал бы Тревельян, или Трессилиан, или еще что-нибудь этакое. По-моему, Питт — фамилия не слишком авантажная. Был у меня когда-то знакомый по имени Рональд Чейлисмор. Везет же некоторым!

Сэр Томас гнул свое:

— Боюсь, мистер Питт, вы плохо понимаете свое положение.

— Да что вы говорите? — заинтересовался Джимми.

— Я поймал вас в момент попытки украсть ожерелье моей жены...

— Видимо, нет смысла объяснять вам, что я не крал его, а возвращал на место?

Сэр Томас молча приподнял брови.

— Нет? Я так и думал. Простите, я вас перебил...

— Я поймал вас при попытке украсть ожерелье моей жены, — продолжал сэр Томас, — и если вам удалось отсрочить свой арест, угрожая мне револьвером...

Джимми взволновался.

— Силы небесные! — Он пошарил у себя в кармане. — Да, этого я и боялся. Должен перед вами извиниться, сэр Томас, — сказал Джимми со сдержанным достоинством, извлекая из кармана трубку, — недоразумение произошло исключительно по моей вине. Сам не понимаю, как я мог так ошибиться? Оказывается, это был не револьвер.

Щеки сэра Томаса приобрели густо-багровый оттенок. Онемев от злобы, он свирепо глядел на трубку.

— Вероятно, волнение момента... — начал Джимми.

Сэр Томас его перебил. Воспоминание о собственной — ненужной, как выяснилось — трусости уязвляло его до глубины души.

— Вы... вы... вы...

— Сосчитайте до десяти!

— Вы... Не понимаю, чего вы пытаетесь добиться своим фиглярством...

— Как вы можете говорить такие жестокие вещи! — укорил его Джимми. — Это не фиглярство! Тонкий, изысканный юмор! Игра ума! Общение душ, как это принято в лучшем обществе!

Сэр Томас одним прыжком подскочил к звонку. Держа палец на кнопке, он обернулся, чтобы произнести финальные слова.

— По-моему, вы полоумный! — вскричал он. — Но больше я терпеть не буду! И так слишком долго позволял вам валять дурака. Сейчас я...

— Одну минуточку, — прервал его Джимми. — Я говорил, что есть и другие причины, помимо револь... то есть, трубки, чтобы вам не звонить. Одна из них состоит в том, что на звонок никто не ответит — все слуги сейчас заняты в зрительном зале. Но это не главная причина. Не хотите услышать главную, прежде чем начнете действовать?

— Я разгадал вашу игру! Не воображайте, что сумеете меня перехитрить!

— И в мыслях не было.

— Вы тянете время, рассчитываете удрать...

— Да я совсем не хочу удирать. Разве вы забыли, что через десять минут мне играть важную роль в великой современной драме?

— Говорю вам, я никуда вас не выпущу! Вы выйдете из этой комнаты, — величественно произнес сэр Томас, — через мой труп!

— Стипль-чез в закрытых помещениях, — пробормотал Джимми. — Забудьте о скучных вечерах. Нет, но вы послушайте. Послушайте, прошу вас! Я не задержу вас дольше минуты, а потом, если у вас все еще будет охота, жмите на звонок, хоть вдавите его на шесть дюймов в стену, если угодно.

— Ну? — коротко спросил сэр Томас.

— Вы предпочитаете, чтобы я постепенно подошел к сути дела, тактично подготовил вас к восприятию ужасного известия, или...

Рыцарь вынул из кармана часы.

— Я даю вам ровно одну минуту, — сказал он.

— Боже, придется поспешить! Сколько секунд у меня осталось?

— Если вам действительно есть что сказать, говорите!

— Очень хорошо, — сказал Джимми. — Всего два слова: ожерелье — подделка. Бриллианты совсем не бриллианты. Это стразы!

Глава XXVII ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Если у Джимми и оставались какие-то сомнения в действенности его сообщения, они наверняка развеялись при одном взгляде на лицо собеседника. Как угасают роскошные краски заката, сменяясь нежнейшим зеленоватым тоном, так багрянец на щеках сэра Томаса плавно прошел всю гамму оттенков — сперва тускло-красный, затем розовый, и завершилось все ровной бледностью. Челюсть у него отвисла. Плечи, расправленные в праведном негодовании, ссутулились и обвисли. В костюме появились совершенно неожиданные складки. У него был вид человека, которого затащило в какой-то механизм.

Джимми это слегка удивило. Он надеялся остановить врага, привести его в разум, но не совсем же уничтожить! Было тут нечто непонятное. Когда Штырь вручил ему камни, Джимми наметанным глазом при первом же беглом взгляде заметил неладное. Простая проверка подтвердила его подозрения, и он с приятным чувством думал о том, что, если даже при нем найдут ожерелье, у него будет средство воздействовать на сэра Томаса. Леди Джулия — не та леди, которая спокойно стерпит известие о том, что ее обожаемые бриллианты — фальшивка. Джимми достаточно хорошо ее знал, чтобы быть уверенным — она немедленно потребует другое ожерелье, а сэр Томас не из тех щедрых широких натур, кто способен, не задумываясь, выбросить на ветер двадцать тысяч фунтов стерлингов.

Именно такие мысли и поддерживали в нем бодрость во время разговора, который в противном случае мог бы оказаться довольно тягостным. Он с самого начала понимал, что сэр Томас не поверит в чистоту его намерений, но был убежден, что рыцарь захочет любой ценой обеспечить его молчание по поводу поддельного ожерелья. Он ожидал бурного припадка гнева, яростного отрицания и десятка других возможных проявлений сильного чувства, но такого коллапса он никак не предвидел.

Из горла сэра Томаса вырывались странные булькающие звуки.

— Заметьте, имитация высшего качества, — сказал Джимми. — Этого у нее не отнимешь. Только когда ожерелье попало мне в руки, я что-то заподозрил. И то не сразу, а ведь оно было у меня прямо перед глазами.

Сэр Томас нервно сглотнул.

— Как вы догадались? — еле выговорил он.

Джимми снова удивился. Он ожидал, что тот будет все отрицать, шумно требовать доказательств, снова и снова твердить, что камни стоили

двадцать тысяч фунтов.

— Как я догадался? — повторил он. — Если вы о том, что вызвало у меня подозрения — право, не знаю. Дюжина разных вещей. Ни один ювелир вам не скажет точно, как он распознает фальшивые драгоценности. Просто чувствует. Прямо-таки нюхом чует. Я одно время работал у ювелира, там и научился разбираться в драгоценных камнях. Но если вы имеете в виду, могу ли доказать свои слова, так это легко. Никакого обмана. Все очень просто. Смотрите сюда. Предполагается, что это бриллианты. Так вот, бриллиант — самый твердый камень. Его ничем нельзя поцарапать. А вот у меня маленький рубинчик из булавки от школьного галстука. Я точно знаю, что он — подлинный. Значит, по всем правилам, он не должен оставлять следов на бриллиантах. Вы следите за моей мыслью? Но он оставляет следы. На двух камушках из этого ожерелья остались царапины. Другие я не проверял, но если хотите, можно продолжить эксперимент. Да только незачем. Я вам и так скажу, что это за камни. Я назвал их стразами, но это не совсем точно. Вещество, из которого они сделаны, называется белый циркон. Из него очень просто изготовить подделку. Материал обрабатывают при помощи паяльной лампы. Думаю, вам не требуется подробное описание производственного процесса? В общем, происходит то, что под действием паяльной лампы материал преобразуется, как недужный под действием укрепляющего средства. У него прибавляется вес, появляется здоровый цвет лица и прочие замечательные свойства. Две минуты в пламени паяльной лампы для него, что неделя на морском курорте. Вы довольны? Хотя, если подумать, то вряд ли. Лучше сказать — я вас убедил? Или вы жаждете других проверок посредством поляризованного света и рефрагирующих жидкостей? Сэр Томас, шатаясь, повалился в кресло.

— Так вот как вы узнали! — сказал он.

— Вот так я и... — начал Джимми, и тут у него мелькнуло внезапное подозрение.

Он внимательнее всмотрелся в побледневшее лицо сэра Томаса.

— А вы знали? — спросил он.

Странно, что он раньше не догадался! Это во многом объясняет необычную реакцию сэра Томаса. Джимми смутно предполагал, не слишком задумываясь о подробностях, что ожерелье, которое принес ему Штырь, кто-то еще раньше подменил и украл настоящие бриллианты. Это часто случается. Но теперь Джимми вспомнил слова Молли о том, как бдительно сэр Томас берег и охранял это ожерелье, как часто леди Джулия его носила. Вряд ли у вора была возможность подменить камни. Никто не

смог бы подобраться к ним на достаточно долгое время.

— Черт возьми, а ведь и правда, знали! — воскликнул Он. — Конечно, знали! Вот, значит, как все это вышло? Понятно теперь, почему вы так болезненно восприняли, что я тоже знаю.

— Мистер Питт!

— Да?

— Я должен вам что-то сказать.

— Слушаю.

Сэр Томас попытался собраться с силами. В его голосе снова зазвучала прежняя напыщенность.

— Мистер Питт, вы в трудном положении...

— Не беспокойтесь о моем трудном положении, — перебил его Джимми. — Думайте исключительно о вашем собственном трудном положении. Будем откровенны друг с другом. Вы влипли. Что собираетесь предпринять по этому поводу?

Сэр Томас снова восстал. Это была отчаянная попытка к сопротивлению человека, сознающего свою обреченность.

— Я вас не понимаю... — начал он.

— Не понимаете? — переспросил Джимми. — Я постараюсь объяснить. Поправьте меня, если я в чем-нибудь ошибусь. Я восстанавливаю события следующим образом. Женившись на леди Джулии, вы, так сказать, оказались перед необходимостью «держаться». Люди знали, что вы миллионер, и ожидали от вас каких-то выдающихся подарков для новобрачной. Вы же, будучи человеком разумным и экономным, начали задумываться, нельзя ли как-нибудь создать себе репутацию безмерно щедрого жениха, не слишком в то же время раскошеляясь. Я прав?

Сэр Томас не ответил.

— Я прав, — сказал Джимми. — И вот, вполне естественно, вам пришло в голову, что тут было бы весьма к месту умело выбранное ювелирное изделие. Нужно только собраться с Духом и рискнуть. Получив в подарок бриллианты, леди вряд ли станет требовать поляризованного света, рефрагирующей жидкости и прочих радостей. В девяноста девяти случаях из ста она поверит вам на слово. Очень хорошо. Вы понеслись к ювелиру и поговорили с ним конфиденциально. Я предполагаю, что вы поначалу предложили стразы. Но ювелир, будучи человеком хитроумным, обратил ваше внимание на то, что стразы при носке быстро теряют товарный вид. Пока новые, они хороши, но чуть их поносишь, поверхность теряет свой блеск, притупляется огранка, возникают царапины. Услышав

все это и приняв в соображение, что леди Джулия вряд ли станет хранить ожерелье под стеклом, вы отвергли стразы как чересчур ненадежные. Тогда добросердечный ювелир предложил вам циркон, отметив, как только что сделал и я, что после обработки паяльной лампой этот материал родная мама не узнает. Был бы ваш ювелир еще и антикваром, он бы непременно прибавил, что в восемнадцатом веке циркон вообще считали алмазом низшего сорта. Чего же лучше? «Пусть будет циркон, любезнейший!» — воскликнули вы, и все уладилось. Я прав? Заметим, что вы меня еще ни разу не прервали.

Неизвестно, ответил бы сэр Томас утвердительно или нет. Он уже открыл рот, как вдруг в дальнем конце комнаты всколыхнулась занавесь, и лорд Драйвер вылетел из-за нее подобно пушечному ядру, одетому в твидовый костюм.

При его появлении у сэра Томаса напрочь отнялся язык. Откинувшись на спинку кресла, он молча таращил глаза на новое действующее лицо. Даже Джимми растерялся, хоть он и знал о присутствии его лордства за занавеской. Целиком сосредоточившись на своем поединке с рыцарем, он совсем позабыл, что у них имеется зритель.

Его лордство нарушил молчание возгласом:

— Черт побери!

Судя по всему, как Джимми, так и сэр Томас нашли это замечание вполне здравым и уместным. Во всяком случае, они оставили его без комментариев.

— Вы старый мошенник! — присовокупил его лордство, адресуясь к сэру Томасу. — И этот человек еще называл меня «жучком»!

В выпученных глазах рыцаря промелькнула искра, но тут же угасла. Он ничего не ответил.

— Черт побери! — простонал его лордство, изнывая от жалости к себе. — Все эти годы я терпел от вас всякую чертовщину во всех видах и формах, а вы, оказывается... Боже ты мой, если бы я только знал!

Он обернулся к Джимми.

— Питт, старый дружище, — сказал он с чувством. — Я... черт побери! Я даже не знаю, что сказать. Если бы не вы... Вот мне всегда нравились американцы! Я всегда считал, что это зверски неудачно, что с ними тогда приключилась заварушка в этом... как его... ну, в каком-то там году. Если бы не такие деятели, как вы, — снова повернулся он к сэру Томасу, — не было бы той дурацкой истории с Декларацией независимости! Правда, Питт, старина?

Эта тема была слишком глубока, чтобы обсуждать ее вот так,

мимоходом. Джимми пожал плечами:

— Во всяком случае, полагаю, сэр Томас не поладил бы с Джорджем Вашингтоном.

— Конечно, нет! Ну что, — Спенни повернулся к двери, — пойду вниз, посмотрим, что скажет по этому поводу тетя Джулия.

Дрожь прошла по телу сэра Томаса, словно от электрического разряда. Он вскочил на ноги.

— Спенсер! — воскликнул он. — Я запрещаю тебе говорить об этом хоть слово твоей тете!

— О! — сказал его лордство. — Запрещаете, вот как? Сэр Томас затрепетал.

— Она меня до самой смерти будет попрекать.

— Еще бы. Непременно приду полюбоваться.

— Остановись!

— Да-а?

Сэр Томас утер лоб носовым платком. Он был не в силах вынести встречу лицом к лицу с леди Джулией, узнавшей правду. Одно время он даже просыпался по ночам от страха, что она как-нибудь случайно обнаружит его невинный маленький обман, но дни шли, и его страхи мало-помалу отступили: отличное качество подделки обманывало и леди Джулию, и всех, кто видел камни. Но все же угроза неизменно маячила на самом краю его сознания. Даже в относительно спокойном состоянии жена вызывала у него легкую панику. Воображение сэра Томаса отступало перед мыслью о том, из каких глубин аристократического презрения и гнева может она зачерпнуть на этот раз.

— Спенсер, — сказал сэр Томас, — я настаиваю, чтобы ты ничего не говорил тете!

— Что? Хотите, чтобы я держал язык за зубами? Вы хотите сделать меня своим сообщником в этом грязном, низком обмане? Мне это нравится!

— Сильно сказано, — прокомментировал Джимми. — Ноблесс облич и все такое. Кровь Драйверов закипает от одной мысли. Прислушайтесь! Слышите, как она бурлит?

Лорд Драйвер сделал еще шаг к двери.

— Стой! — снова вскричал сэр Томас. — Спенсер!

— Да?

— Спенсер, мальчик мой, я тут подумал... Может быть, я иногда не очень хорошо с тобой обращался...

— «Может быть»! «Иногда»! Черт возьми, я бы на этих лошадок и

пятерки не поставил! Хорошенькое дело, если учесть, что вы обращались со мной как с сопливым младенцем практически с тех пор, как мы с вами познакомились! Да вот хотя бы сегодня вечером, когда я попросил у вас несколько несчастных фунтов!

— Просто меня встревожило, что ты играешь в азартные игры...

— Азартные игры! А подсунуть тете Джулии фальшивые бриллианты, это, по-вашему, не азартная игра?

— Скорее уж, коммерческая, — тихонько вставил Джимми.

— Я много думал об этом, — сказал сэр Томас, — и если тебе в самом деле так уж нужно... Кажется, там было пятьдесят фунтов?

— Двадцать, — поправил его лордство. — Но они мне не нужны. Оставьте себе. Они вам понадобятся, когда начнете копить на новое ожерелье.

Пальцы лорда Дривера сомкнулись на дверной ручке.

— Спенсер, стой!

— Да?

— Нужно все обсудить. Не будем торопиться. Сэр Томас провел платком по лбу.

— Быть может, в прошлом, — заговорил он вновь, — наши отношения были не совсем... Это, безусловно, моя вина. Я только старался выполнять свой долг. Очень трудная задача — присматривать за молодым человеком твоего возраста...

От сознания перенесенной несправедливости его лордство стал красноречив.

— Черт побери все на свете! — завопил он. — На это я как раз и жалуюсь! Какого дьявола вам понадобилось за мной присматривать? Проклятье, да вы глаз с меня не спускали все эти годы, точно чертов полицейский! Вы срезали мое содержание на самой середине университетского курса, когда деньги были мне больше всего нужны. Вы заставляли меня выпрашивать у вас деньги всякий раз, как мне понадобится купить сигареты. Я, знаете ли, выглядел при этом круглым дураком! Знакомые жутко надо мной потешались. Мне здорово надоела эта проклятая история. Вы надо мной поиздевались всласть, теперь я хочу с вами по квитаться. Разве вы бы на моем месте не хотели, Питт, старина?

Джимми, которого так внезапно призвали высказать свое мнение, признал, что на месте его лордства тоже мог бы испытать минутное искушение сделать нечто в таком духе.

— Само собой, — сказал его лордство. — И всякий бы захотел.

— Но, Спенсер, дай же мне сказать...

— Вы отравили мне жизнь, — объявил его лордство, мрачно-байронически нахмутив брови. — Вот что вы сделали — отравили всю мою жизнь, черт побери! Я жил, как собака, занимал деньги у друзей, чтобы как-то выкрутиться. Я и у вас однажды занял пятерку, верно, Питт, старый дружище?

Если придирается к мелочам, то это случилось дважды, но Джимми не стал его поправлять, резонно заключив, что в памяти лорда не сохранилось воспоминаний о тех, первых пяти фунтах, которые Джимми ему одолжил в ресторане гостиницы «Савой».

— Не о чем говорить, — только и сказал он.

— Нет, я буду говорить об этом! — срываясь на крик, возразил его лордство. — Это лишний раз подтверждает мои слова! Будь у меня приличное содержание, этого бы не произошло! И потом, вы не хотите дать мне денег, чтобы поступить на дипломатическую службу. Почему вы мне в этом отказываете?

Сэр Томас взял себя в руки.

— Я сомневался, что ты обладаешь необходимыми для этого данными, мой дорогой мальчик...

Нельзя сказать, что у его лордства пошла изо рта пена, но было похоже, что это может случиться в любой момент. Волнение и всколыхнувшиеся в памяти прежние обиды, к тому же лессированные шампанским, которое лорд потребил за обедом и после, привели его в состояние духа, далекое от нормального. Его лордство совершенно утратил то непринужденное изящество, которым славится каста высшей аристократии. Он взмахнул руками и закричал:

— Знаю, знаю! Знаю, что сомневались! Вы думали, что я полный тупица! Говорю вам, мне это надоело! Еще вечно пытались женить меня на деньгах. Это унижительно, черт возьми! Не была бы мисс МакИккерн такой разумной, вы бы и ей отравили жизнь. К этому все шло. Надоело, говорю я вам! Я влюблен. Я люблю самую потрясную девушку в Англии. Вы ее видели, Питт, дружище. Правда, она потрясающая?

Джимми авторитетно подтвердил достоинства отсутствующей леди.

— Говорю вам, я на ней женюсь, если только она согласится!

Испуг, выражавшийся в каждой черточке рыцарского лица, заметно усилился при этих ужасных словах. Глубоко презирая лично носителя древнего титула, сэр Томас всегда испытывал сугубое почтение к имени Дриверов.

— Но, Спенсер! — буквально взвыл он. — Подумай о своем положении в обществе! Нельзя же...

— Можно, черт побери! Если только она согласится! К дьяволу мое положение в обществе! При чем тут положение в обществе? Если уж на то пошло, у Кэти отец — генерал. Ее брат учился вместе со мной в колледже! Будь у меня хоть пенни собственных денег, я бы сто лет назад попросил ее руки! И не надо беспокоиться о моем положении в обществе!

Сэр Томас слабо захрипел.

— Знаете что, послушайте, — твердо сказал его лордство. — Вот вам суть дела в двух кратких и веских словах. Хотите, чтобы я забыл про вашу маленькую шалость с поддельными бриллиантами — подтяните носочки и за работу. Для начала устройте мне должность при каком-нибудь консульстве. Это вам будет нетрудно. В Лондоне полно старикашек, которые были знакомы с моим папочкой, и они будут страшно рады сделать мне приятное. Я знаю, что во многом я настоящий осел, но на дипломатической службе это как раз и требуется. Там главное — уметь носить вечерний костюм с таким видом, как будто это для тебя дело привычное, да лихо танцевать. Это я как раз могу. И еще вы должны похорошему благословить нас с Кэти — если только она согласится. Пока мне больше ничего не приходит в голову. Ну как? Идет?

— Это черт знает что... — начал сэр Томас. Лорд Драйвер подергал ручку двери.

— Безусловно, это ограбление, — успокаивающе заговорил Джимми. — Не хочется вмешиваться в семейные дела, но если вы меня спросите, я бы посоветовал раскошелиться, пока не загремели выстрелы. Теперь на вас нацелено кое-что пострашнее моей трубки. А обо мне можете не волноваться. Мое молчание обеспечено вам совершенно бесплатно. Только подарите мне любящую улыбку, и уста мои замкнутся навеки.

Сэр Томас рывком обернулся к нему.

— Что касается вас... — заревел он.

— Оставьте Питта в покое, — сказал его лордство. — Он чертовски хороший малый, Питт. Побольше бы таких. И не воровал он эту дрянь. Если бы как следует слушали, пока он вам объяснял, может, и не сидели бы сейчас в луже. Он же сказал, что пришел вернуть эту ерунду на место. Я все об этом знаю. Ну, так какой будет ответ?

Казалось, сэр Томас готов был отказаться. Но когда он уже раскрыл рот, его лордство открыл дверь, и дядюшка снова рухнул в кресло.

— Сделаю! — выкрикнул он. — Все сделаю!

— Хорошо, — удовлетворенно произнес его лордство. — Значит, договорились. Идемте, Питт, старина? Нам нужно быть на сцене примерно

через полминуты.

Пока они шли по коридору, Питт заметил:

— Такие вот маленькие дискуссии могут служить отличным лекарством, если кого мучает мандраж перед выступлением. Готов поспорить, что вы сейчас в самой лучшей форме!

— Рою землю, как резвая двухлетка, — восторженно согласился его лордство. — Роль забыл напрочь, но это меня не волнует. Выйду на сцену, уж найду что сказать.

— Вот это правильно, — одобрил Джимми. — У Чартериса будет инфаркт, но это правильно. Все бы выходили с таким настроением, тогда любительские спектакли стоило бы смотреть. Смелее, Росций, [\[14\]](#) — ждут подмостки!

Глава XXVIII У СПЕННИ НАСТУПАЕТ МИГ ПРОСВЕТЛЕНИЯ

Мистер МакИккерн сидел и курил в бильярдной. Издали до него доносились звуки музыки. Более официальная часть вечера — театральная постановка — уже закончилась, окрестная знать и мелкопоместное дворянство исполнили свой долг, высидели представление от начала до конца, и теперь наслаждались жизнью в бальном зале. Все были довольны и счастливы. Спектакль имел успех не меньше любого другого любительского спектакля. Суфлер с самого начала полюбился публике. Особенный восторг вызывали дуэты суфлера и Спенни. Джимми, как и положено опытному профессионалу, уверенно и с блеском провел свою роль, хотя, подобно гончим из «Хижины дяди Тома», в одиночку ему приходилось трудновато. Но зрители были не в обиде. Зрители на любительских спектаклях вообще бывают необыкновенно гуманны и незлобивы. Теперь все было позади. Видели, как у Чартериса едва не начался припадок буйного помешательства, когда Спенни во втором акте подал не ту реплику, в результате чего действие неожиданно перескочило в акт третий. Партнеры его лордства смутно заподозрили неладное, но не могли понять, в чем дело, и еще минуты две продолжали сцену, к полному недоумению зрительного зала. Но все это понемногу забывалось. Чартерис отплясывал тустеп, и страдальческая гримаса понемногу сходила с его лица. Он даже начал улыбаться.

Что касается Спенни, его счастливая улыбка буквально ослепляла всех, кто ее видел.

С этой улыбкой Спенни и нарушил уединение мистера МакИккерна. Сколько бы удовольствия ни доставляли человеку танцы, наступает момент, когда необходимо помедитировать с сигаретой вдали от шумной толпы. У Спенни этот момент наступил после восьмого танца. Бильярдная комната показалась ему самым подходящим убежищем во всех отношениях. Едва ли кто-нибудь из танцующих устроился бы там посидеть в перерыве, и в то же время она была недалеко от бального зала, так что можно было слышать, когда начнется девятый танец.

Мистер МакИккерн радостно приветствовал вошедшего. В суматохе после представления он не успел поговорить ни с кем из тех, с кем поговорить ему больше всего хотелось. Его удивило, что в конце спектакля не прозвучало объявление о помолвке. Он надеялся, что Спенни сможет

ему разъяснить, когда следует ожидать официального сообщения.

Спенни запнулся на пороге, увидев, кто находится в комнате. Именно в эту минуту ему не особенно хотелось общаться с отцом Молли, да еще и наедине. Но он рассудил, что в конце концов не несет ответственности за чьи бы то ни было разочарования, снова включил улыбку на полную мощность и шагнул в бильярдную.

— Зашел покурить, — пояснил он, чтобы завязать беседу. — Пропускаю следующий танец.

— Входите, мой мальчик, входите, — сказал мистер МакИкерн. — Я как раз хотел с вами поговорить.

Спенни пожалел, что вошел. Он предполагал, что МакИкерн уже знает о разрыве помолвки, но, по-видимому, это было не так. Весьма досадно. У Спенни мелькнула мысль о бегстве, но он отринул ее. В качестве номинального хозяина бала он обязан был сегодня станцевать невероятное количество танцев. Возможность покурить могла больше и не представиться, а курить лучше всего было в бильярдной.

Он сел и закурил сигарету, подыскивая какую-нибудь безобидную тему для разговора.

— Понравился спектакль? — осведомился он.

— Неплохо, — сказал мистер МакИкерн. — Кстати...

Спенни беззвучно застонал. Он забыл, что с помощью этого слова человек целеустремленный может любой разговор повернуть туда, куда ему нужно.

— Кстати, — сказал мистер МакИкерн, — я думал, что сэр Томас... Разве ваш дядюшка не собирался объявить...

— Ну, да, он собирался, — сказал Спенни.

— Может быть, он хочет сделать это во время танцев?

— Э-э... да нет. Дело в том, что... Он, знаете ли, вообще не будет ничего объявлять. — Спенни внимательно рассматривал тлеющий кончик сигареты. — Тут такое дело... Помолвка вроде как разладилась.

Возглас мистера МакИкерна резанул его лордство по нервам. Фу, как неприятно, когда приходится вести такие вот разговоры!

— Разладилась? Спенни кивнул.

— Мисс МакИкерн все обдумала, знаете ли, — объяснил он, — и решила, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Главное сказано! Ему сразу стало легче. Для него трудность заключалась в самом факте разговора на такую деликатную тему. Что новость может оказаться ударом для мистера МакИкерна, лорду как-то не приходило в голову. Он был молодой человек скромности

необыкновенной, и хотя смутно сознавал, что его титул имеет определенную ценность в глазах некоторых людей, все же совершенно не мог себе представить, чтобы потеря такого зятя была способна кого-нибудь огорчить. Батюшка Кэти, пожилой генерал, считал его дураком и однажды во время приступа подагры так прямо и сказал об этом. Спенни считал такую точку зрения естественной для любого потенциального тестя.

А потому он продолжал курить в блаженном неведении, что рядом с ним бушует буря. Вдруг у него мелькнула мысль: пожалуй, он маловато проявляет эмоций для пылкого влюбленного, которого только что отвергли. Он наскоро попытался сообразить, не следует ли ему продемонстрировать мужественную скорбь, но решил, что это все равно у него не получится. Невозможно скорбеть в этот безумный, радостный день, лучший день во всем этом радостном году, день, когда он сокрушил силы зла, воплощенные в лице сэра Томаса! Лучше испробовать рассудительный подход — «давайте посмотреть на вещи разумно».

— Ничего хорошего и не вышло бы, знаете ли, — сказал он. — Мы не подходим друг другу. То есть, я ведь во многих отношениях просто глупый осел, если вы понимаете, что я хочу сказать. Такая девушка, как мисс МакИккерн, не будет со мной счастлива. Ей нужен, знаете, деловой, энергичный малый.

Лорду казалось, что начал он неплохо — скромно, но без пресмыкательства. Он продолжал, ударившись при этом в философию:

— Понимаете, старина... то есть, я хотел сказать, сэр... понимаете, тут такое дело. Для женщин все мы делимся на два класса. Есть такие решительные, деловые ребята, и есть... э-э... другие. Ну вот, я как раз из других. Мой идеал семейной жизни — быть... ну, не то, чтобы под каблуком у жены, но... вы меня понимаете... словом, играть вторую скрипку. Мне нужна такая жена... — Тут голос его сделался нежным и мечтательным, — которая будет меня, знаете ли баловать, гладить по головке и так далее. Ну нет во мне вот этого: «Я в доме хозяин!» Мой стиль — безмолвное обожание. Спать на коврике у ее двери, понимаете ли, если она захворает, а утром — чтобы она меня там нашла и приласкала за то, что я такой заботливый. Вот примерно в таком духе. Трудно это выразить как следует, но вы меня понимаете. Если хочешь быть счастлив в браке, научись осознавать пределы собственных возможностей, так? Ну, вот предположим, мисс МакИккерн вышла бы за меня замуж! Черт возьми, да она через неделю соскучилась бы до смерти. Честно! Она тут не виновата. Ей нужен малый под стать, такой же энергичный.

Его лордство закурил следующую сигарету. Он был весьма доволен

собой. Никогда еще идеи не маршировали у него в мозгу такими стройными рядами. Он готов был болтать хоть всю ночь напролет. С каждой минутой он чувствовал в себе все больше интеллекта. Когда-то он прочел в какой-то книжке о том, как у одной девушки (а может, у какого-то малого) наступил «миг просветления». Именно это происходило сейчас с ним. То ли из-за волнений сегодняшнего вечера, то ли потому, что он подстегнул свои мыслительные способности первоклассным сухим шампанским, этого он и сам не знал. Лорд Драйвер знал одно: сегодня он великолепно владеет темой разговора. Даже жаль, что у него так мало слушателей.

— Такая девушка, как мисс МакИккерн, никого не станет гладить по головке. Если ее кто об этом попросит, она просто рассмеется ему в лицо. Ей нужен такой... Не стой на пути! Авто шестицилиндрового класса. И, строго между нами, по-моему, она его уже нашла.

— Что!

Мистер МакИккерн привстал из кресла. Былые страхи вновь нахлынули на него.

— О чем это вы говорите?

— Факт, — кивнул его лордство. — Только имейте в виду, я ничего не знаю наверняка. Как та девушка в песне: «Я не знала, просто угадала». То есть, я просто вижу, что они в большой дружбе, называют друг друга на «ты» и так далее.

— Кто?!

— Питт, — ответил его лордство.

Он сидел, откинувшись на спинку, и выдувал дымовое колечко, поэтому не увидел, какое лицо сделалось у МакИккерна и как тот впился пальцами в подлокотники кресла. Лорд продолжал свою речь с неугасающим энтузиазмом.

— Джимми Питт! — воскликнул он. — Вот это малый! Энергия в нем так и кипит! С таким не заскучаешь. Знаете, — сказал он доверительно, — в этой идее насчет родства душ все-таки что-то есть. Поверьте моему слову, дорогой ста... сэр. Например, есть в Лондоне одна девушка, мы с ней так замечательно ладим! Ну просто обо всем на свете думаем одинаково. Например, «Веселая вдова» на нее совсем не произвела впечатления, и на меня тоже. А ведь миллионы людей от этой пьески с ума сходили. И устрицы мы не любим — ни я, ни она. А все потому, что мы с ней родственные души. На каждом шагу, куда ни посмотри — везде та же история. Прямо удивительное дело! Даже начинаешь верить в это самое... ре-ин... как его? Ну, вы знаете, о чем я. Еще стихотворение такое есть. Как

там? Когда ты была турум-тум-тум, а я был что-то там тудум... Жутко интеллектуальная штука. Я на днях читал. Так вот, я о том, что, по-моему, у Джимми Питта и мисс МакИкern тоже что-то в таком духе. А вы не замечали, как они подходят друг другу? Это же видно невооруженным глазом! Не может быть, чтобы вам не нравился Джимми Питт. Отличный малый! Жаль, что я не могу вам рассказать, какую он тут штуку сделал, но есть причины... Можете мне поверить, он отличный малый. Вы бы с ним познакомились поближе. Он вам понравится. А, черт, музыка пошла. Мой танец. Я побежал.

Он вскочил и бросил сигарету в пепельницу.

— Пока, — сказал лорд Драйвер с дружелюбным кивком. — Я бы еще посидел, да нельзя. Это у меня на сегодня была последняя передышка.

Он ушел, а мистер МакИкern остался на растерзание бурным и разнообразным эмоциям.

Глава XXIX ПОСЛЕДНИЙ РАУНД

Не успело пройти и нескольких минут, как размышления мистера МакИкерна снова были прерваны. На этот раз вошедший был ему незнаком — смуглый, чисто выбритый. Он был не в вечернем костюме, а значит, не мог быть одним из гостей. Мистер МакИкертн не сразу сообразил, кто это такой, но потом вспомнил. Он видел этого человека в гардеробной у сэра Томаса Бланта. Это был слуга сэра Томаса.

— Позвольте сказать вам два слова, сэр?

— В чем дело? — спросил МакИкертн, хмуро глядя на него.

Он еще не совсем опомнился после философских рассуждений лорда Дривера. Мозг его словно бы заволокло какое-то темное облако. Если верить его лордству, некие события происходили у него за спиной. Мысль о том, что Молли могла что-то сделать тайком от него, была слишком непривычной, требовалось время, чтобы ее переварить. Он тупо смотрел на слугу.

— В чем дело? — повторил мистер МакИкертн.

— Прошу меня извинить, но я подумал, что следует поговорить с вами раньше, чем давать отчет сэру Томасу.

— Отчет?

— Я служу в частном детективном агентстве.

— Что?!

— Да, сэр. Агентство Врага. Возможно, вы о нас слышали. В Холборне. Старинная фирма. Специализируемся на разводах. Вы наверняка видели наши объявления. Мы получили от сэра Томаса письмо с просьбой прислать сотрудника, и начальник направил меня. Я уже несколько лет работаю в этом агентстве. Как я понял, у сэра Томаса не было подозрений против какого-то определенного лица, мне просто поручили быть настороже и, так сказать, держать ухо востро. Мне здорово повезло, а не то бриллиантов ее светлости сейчас бы уже след простыл. Сегодня вечером я схватил виновного.

Он умолк и пристально посмотрел на бывшего начальника полиции. МакИкертн заметно взволновался. Неужели Джимми сделал попытку стащить драгоценности во время бала? Или Штырь?

— Послушайте, — начал он, — это был рыжий... Сыщик смотрел на него со странной улыбкой.

— Нет, он не был рыжий. Я вижу, сэр, вы заинтересовались. Я так и

думал, что вам будет интересно. Сейчас я вам все расскажу. Этого человека я заподозрил сразу же, как только он появился в замке. И должен сказать, мне сразу подумалось, что появился он очень подозрительно.

МакИкern вздрогнул. Ага, так значит, не у него одного возникли сомнения по поводу скоропалительного знакомства Джимми с лордом Драйвером!

— Продолжайте, — сказал он.

— Я заподозрил преступный умысел, и мне подумалось, что сегодня — самый подходящий день для покушения на кражу, поскольку из-за спектакля в доме, так сказать, все вверх дном. И я не ошибся. Я весь день старался не отходить от бриллиантов, и вскоре, как я и ожидал, явился этот тип. Не успел он войти в дверь, как я его сцапал.

— Молодец! Не растерялся!

— Мы боролись, но я оказался сильнее, к тому же кое-что знаю о таких вещах, так что я быстро надел на него наручники, отвел его вниз и запер в погребе. Вот как все было, сэр.

Мистер МакИкern испытал всепоглощающее облегчение. Если лорд Драйвер говорил правду и Джимми в самом деле исхитрился очаровать Молли, само небо посылает спасение! С таким выражением, словно хотел сказать: «Ныне отпускаеши!» — он нащупал в кармане портсигар и протянул его сыщику. У мистера МакИкерна это был знак высшего благоволения — угостить сигарой из собственного запаса, своего рода обряд посвящения в рыцари, и удостаивался такой награды далеко не каждый.

Как правило, и принимали ее с должным почтением, но на этот раз события развивались несколько неожиданным образом. Открывая портсигар, мистер МакИкern ощутил прикосновение к запястьям чего-то холодного и твердого, что-то резко щелкнуло, и подняв глаза, он в полном ошарашивании увидел, что сыщик отскочил назад и смотрит на него со злобной улыбкой поверх весьма грозного на вид револьвера.

Виновен человек или невиновен, но если ему надевают наручники, первая его реакция — попытаться их с себя снять. Это происходит машинально. Мистер МакИкern рванул стальную цепь, так что жилы вздулись на лбу. Его крупное тело сотрясало от ярости.

Сыщик с удовлетворением наблюдал за ним. Перед ним была вполне ясная картина: пойманный преступник бьется и корчится в оковах.

— Бесполезно, друг мой, — сказал сыщик.

При звуке его голоса МакИкern очнулся. В момент первого потрясения в нем проснулся первобытный человек, не знающий, что такое

самоконтроль. Он просто бессознательно пытался вырваться. Теперь же он снова стал самим собой.

Он гневно потряс скованными руками.

— Что это значит? — выкрикнул он. — Какого...

— Потише, — резко приказал сыщик. — Назад! — рявкнул он, поскольку МакИкерна сделал шаг вперед.

— Да знаешь ли ты, кто я? — загремел МакИкерна.

— Не знаю, — ответил сыщик. — Потому и надел на тебя браслеты. Ладно, не дури. Твоя игра проиграна. Не понял, что ли?

МакИкерна бессильно привалился к бильярдному столу. Он вдруг ослабел. Все было каким-то нереальным. Может быть, он сошел с ума?

— Вот так, — сказал сыщик. — Там и стой. Там ты не набезобразничаешь. Ловко вы это дело разыграли, ничего не скажешь. Встретил друга из Нью-Йорка, пригласил его в замок! Ловко! Нью-Йорк, это надо же. Он в Нью-Йорке бывал, как я в Тимбукту. Я сразу его раскусил.

В сознании МакИкерна забрезжила ужасная правда. Уверенность, что арестован если не Штырь, так Джимми, затмила ему разум. Только сейчас он начал догадываться, что речь могла идти и о мистере Гейлере.

— Что это значит? — закричал он. — Кого вы арестовали?

— А Бог его знает. Может, ты мне скажешь? Он ведь твой старинный приятель из Тимбукту. Гейлером себя называет.

— Гейлер!

— Он самый. И представь, что он мне тут заявил? Что он сам из той же профессии! Сыщик! Вот ведь наглость какая. Якобы ты его сюда вызвал!

Сыщик весело рассмеялся, вспоминая об этом.

— Так и есть, болван! Я его и вызвал!

— Ах, ты его и вызвал, вот оно что? А с чего это ты взялся вызывать детективов в чужие поместья?

Мистер МакИкерна хотел было ответить, но запнулся. Никогда еще он не понимал до конца глубокий смысл поговорки насчет из огня да в полымя. Чтобы оправдаться, он должен рассказать о своих подозрениях по поводу Джимми, а также о причинах этих подозрений. А сделать это — значит раскрыть свое прошлое. Сцилла и Харибда.

Капелька пота сбежала у него по виску.

— Ну, и что хорошего? — спросил сыщик. — Хитро, конечно, придумано, только вы не учли, что в доме может оказаться настоящий детектив. Тебя-то я стал подозревать, когда тот деятель начал мне про тебя

сказки рассказывать. Сложил, понимаешь, два и два. Напарники, говорю сам себе. Слышал я про тебя, как ты навязался в друзья к сэру Томасу и все такое. Ловко, ловко придумано. Сперва сам в дом пролез, а там и приятеля протащил. Он побрякушки сворует и тебе передаст. Тебя-то уж никто подозревать не подумает, и все дела. Ну, честно — так оно у вас было задумано?

— Все это ошибка... — начал МакИкерн, и тут повернулась дверная ручка.

Сыщик оглянулся через плечо. МакИкерн молча и угрюмо смотрел на дверь. Только этого одного и не хватало — чтобы кто-нибудь стал свидетелем его унижения.

В комнату неспешным шагом вошел Джимми.

— Драйвер сказал мне, что вы здесь, — начал он, обращаясь к МакИкерну. — Не могли бы вы уделить мне... Эй!

Сыщик спрятал револьвер в карман, как только услышал скрип дверной ручки. Незаметность была одним из главных принципов молодых людей из Детективного агентства Врагга. Но наручники не так легко скрыть. Джимми удивленно рассматривал запястья мистера МакИкерна.

— Это что, игра такая? — спросил он с интересом. Сыщик заговорил доверительным тоном:

— Тут такое дело, мистер Питт. Здесь, в замке, затевались кое-какие опасные игры. Сюда проникла целая шайка грабителей. Вот этот тип как раз из них.

— Что, мистер МакИкерн?!

— Так он себя называет.

Джимми стоило огромного труда удержаться и не спросить мистера МакИкерна, не пьянство ли толкнуло его на скользкую дорожку. Он только печально покачал головой, глядя на исходящего злобой арестанта. Затем взял на себя роль адвоката.

— Мне что-то не верится, — сказал он. — Почему вы на него подумали?

— Да я сегодня поймал его дружка, который называет себя Гейлером...

— Я его знаю, — сказал Джимми. — Он на самом деле детектив. Его пригласил сюда мистер МакИкерн.

У сыщика отвисла челюсть, словно от сильного удара.

— Что? — сказал он слабым голосом.

— Говорил же я... — начал МакИкерн, но сыщик слышал только Джимми. Им овладело тошнотворное предчувствие катастрофы. Он смутно

начинал догадываться, что свалял дурака.

— Да, — говорил меж тем Джимми. — Не знаю, право, с чего он это взял, но мистер МакИкern опасался, как бы кто-нибудь не украл бриллиантовое ожерелье леди Джулии Блант. Вот он и выписал из Лондона этого Гейлера. Возможно, поступок несколько бесцеремонный, но уголовно не наказуемый. Едва ли закон позволяет надевать за это наручники. А куда вы дели славного мистера Гейлера?

— Запер в угольном погребе, — уныло ответил детектив.

Мысль о предстоящем разговоре с неправильно понятым собратом по профессии его совсем не радовала.

— Что вы говорите! Заперли в угольном погребе? — отозвался Джимми. — Ну что ж, надеюсь, ему там хорошо. Он может вести слежку за тараканами. Но все-таки, наверное, лучше бы его выпустить. И, пожалуй, если вы извинитесь... А? Ну, как хотите, я просто предложил. Если кто-то должен поручиться, что мистер МакИкern не занимается грабежами, так я могу. Он джентльмен со средствами, мы с ним знали друг друга еще в Нью-Йорке. Мы старые знакомые.

— Я не думал...

— А вот это, — сказал Джимми с дружеским участием, — если позволите сказать, главная ошибка у вас, у сыщиков. Вы никогда не думаете.

— Мне и в голову не приходило...

Детектив тревожно посмотрел на мистера МакИкерна. По некоторым признакам можно было предположить, что, оказавшись на свободе, бывший полицейский целиком посвятит себя безудержному разгулу насилия, причем главным участником этого действия будет некий переодетый сыщик.

Служащий детективного агентства вынул из кармана ключ от наручников и нервно повертел его в руках. Мистер МакИкern придушенно зарычал. Сыщику этого хватило.

— Если не возражаете, мистер Питт...

Он услужливо сунул ключ в руки Джимми и сбежал. Джимми отомкнул наручники. Мистер МакИкern принялся растирать запястья.

— Хитроумное устройство, — сказал Джимми.

— Я вам весьма обязан, — проворчал мистер МакИкern, не поднимая глаз.

— Да не за что. Всегда рад помочь. Дьявольски ненадежная штука, косвенные улики, правда? Один мой знакомый на пари залез в чужой дом в Нью-Йорке, так хозяин того дома до сих пор считает его

профессиональным грабителем.

— Что такое? — резко спросил МакИкерн.

— Почему я говорю «один знакомый»? К чему эта таинственность? Вы совершенно правы. Это звучит более драматично, но в конце концов вам нужны только факты. Очень хорошо. Я в ту ночь залез к вам в дом на пари. Вот вам чистая правда.

МакИкерн неотрывно смотрел на него. Джимми продолжал:

— Теперь вы спросите, а что же делал со мной вместе Штырь Маллинз? А Штырь залез в мою квартиру часом раньше, и я взял его с собой в роли проводника, философа и друга.

— Штырь Маллинз сказал, что вы английский взломщик.

— Боюсь, я сам ввел его в заблуждение. Я в тот день смотрел в театре премьеру пьесы о взломщике под названием «Любовь медвежатника», и опробовал на Штыре некоторые сугубо технические сведения, которые узнал от своего приятеля, он играл в спектакле главную роль. Я сейчас, когда вошел, сказал, что мы говорили с лордом Дривером. Совсем незадолго до того, как мы познакомились, он встретил в Лондоне этого самого актера, моего приятеля, а зовут его Мифлин, Артур Мифлин. Он сейчас в Лондоне, репетирует спектакль, который привезли из Америки. Вы понимаете, что это значит? Это значит, что, если вы мне не верите, стоит только разыскать Мифлина — не помню, в каком театре пойдет эта пьеса, но это можно выяснить в одну секунду — и спросить его, он подтвердит мои слова. Вы довольны?

МакИкерн не ответил. Всего лишь час назад он готов был бы сражаться до последнего за свое убеждение в виновности Джимми, но события последних десяти минут сильно его потрясли. Он не мог так просто забыть, что именно Джимми вызволил его из крайне неловкого положения. Правда, теперь он понимал, что положение было не настолько ужасное, как ему показалось вначале. Невинность мистера Гейлера можно было установить уже на следующее утро, отправив по телеграфу запрос в Частное сыскное агентство Додсона, но все же неприятности могли быть большие. Если бы не Джимми, пришлось бы провести несколько часов в крайне постыдных обстоятельствах, если не хуже. Все произошедшее невольно склоняло его в пользу Джимми.

Но укоренившиеся предрассудки трудно вырвать сразу. Бывший полицейский смотрел с сомнением.

— Знаете что, мистер МакИкерн, — сказал Джимми. — Я вас прошу, послушайте меня спокойно минуту или две. В сущности, у нас с вами нет ровно никаких причин вцепляться друг другу в глотку. Гораздо лучше

быть друзьями. Пожмем друг другу руки и бросим цапаться. Я думаю, вы догадываетесь, зачем я вас искал?

МакИккерн не ответил.

— Вы знаете, что ваша дочь разорвала помолвку с лордом Драйвером?

— Значит, он был прав! — проговорил МакИккерн как бы про себя. — Это вы?

Джимми кивнул. МакИккерн побарабанил пальцами по столу, задумчиво глядя на него.

— А Молли? — сказал он наконец. — Она...

— Да, — сказал Джимми.

МакИккерн побарабанил еще.

— Не думайте, что мы хотели что-то проверить у вас за спиной, — сказал Джимми. — Она сказала, что ничего не будет, если вы не дадите согласия. Сказала, вы всегда были партнерами, и она хочет поступить с вами по-честному.

— Правда? — жадно спросил МакИккерн.

— Я думаю, вы тоже должны поступить с ней по-честному. Я, конечно, не Бог весть что, но она выбрала меня. Поступите с ней по-честному.

Он протянул руку, но МакИккерн не заметил этого. Бывший полицейский смотрел прямо перед собой с каким-то странным выражением, какого Джимми никогда не видел у него раньше — загнанным, испуганным. Эти глаза странно контрастировали с жесткими, агрессивными очертаниями губ и подбородка. Он так сжал кулаки, что костяшки пальцев побелели.

— Поздно! — крикнул он вдруг. — Я теперь уже хочу по-честному, да поздно. Я не стану мешать ее счастью. Но я ее потеряю! Господи, я ее потеряю!

Он схватился за край стола.

— Думаете, я никогда не говорил себе все то, что вы мне сказали в день, когда мы здесь встретились? Думаете, я не знал, кто я такой есть? Лучше всех знал! А она не знала. Я от нее скрывал. Потел от страха, как бы она случайно не открыла. Когда приехали сюда, думал, все, можно не бояться. А тут вы явились, и я увидел вас с ней рядом. Я думал, вы жулик. Вы были с Маллинзом тогда, в Нью-Йорке. Я ей сказал, что вы жулик.

— Вы ей сказали!

— Сказал, будто я точно это знаю. Я не мог сказать ей правду. Говорю, я навел справки в Нью-Йорке и все про вас выяснил.

Теперь Джимми понял. Загадка была решена. Так вот почему Молли

согласилась обручиться с Драйвером! На мгновение его захлестнул гнев, но он посмотрел на МакИкерна, и гнев утих. Он не мог злиться на этого человека. Все равно, что бить лежащего. Джимми вдруг увидел все происходящее глазами бывшего полицейского и почувствовал жалость.

— Понимаю, — медленно проговорил он. МакИкern молча стиснул край стола.

— Понимаю, — повторил Джимми. — Вы думаете, она потребует объяснений.

Он на минуту задумался.

— Скажите ей все, — быстро сказал он. — Для вас же так будет лучше, скажите ей все. Идите сейчас и скажите. Да очнитесь вы! — Он встряхнул МакИкерна за плечо. — Идите сейчас и скажите. Она вас простит. Не бойтесь. Идите, найдите ее и расскажите все.

МакИкern выпрямился.

— Пойду, — сказал он.

— По-другому нельзя, — сказал Джимми.

МакИкern открыл дверь и попятился. Джимми услышал в коридоре голоса. Он узнал голос лорда Драйвера. МакИкern отступил еще на шаг. Лорд Драйвер вошел в комнату под руку с Молли.

— Хелло, — сказал его лордство, оглядываясь по сторонам. — Привет, Питт! Ну что, мы все собрались, а?

— Лорду Драйверу захотелось покурить, — сказала Молли. Она улыбалась, но в глазах ее пряталась тревога. Она быстро взглянула на отца, на Джимми.

— Молли, милая, — хриловато проговорил МакИкern, — мне нужно с тобой поговорить.

Джимми взял его лордство за локоть.

— Пошли, Драйвер, покурим на террасе. Они вышли из комнаты.

— О чем там понадобилось говорить старикану? — спросил его лордство. — Что, вы с мисс МакИкern...

— Да, — сказал Джимми.

— Ого, черт возьми, дружище! Миллион поздравлений и все такое прочее, знаете ли!

— Спасибо, — сказал Джимми. — Сигаретку?

Через какое-то время его лордству пришлось вернуться к своим обязанностям в бальном зале, а Джимми остался сидеть на террасе, курить и думать. Было очень тихо. Среди плюща на стенах замка копошились воробьи, где-то вдали лаяла собака. В бальном зале снова заиграла музыка, она доносилась еле слышно.

В тишине звук открывшейся двери показался Джимми резким, как выстрел. Он поднял голову. Два силуэта нарисовались на фоне светлого прямоугольника, потом дверь снова закрылась. Две фигуры медленно двинулись вниз по ступенькам.

Джимми их узнал. Он встал. Он был в тени, и они не могли его видеть. Они шли вдоль террасы. Вот они уже совсем близко. Они не разговаривали, но в нескольких шагах от него они остановились. Чиркнула спичка, МакИккерн закурил сигару. В желтом свете огонька было ясно видно его лицо. Джимми взглянул, и на душе у него стало покойно.

Он тихонько отступил к цветущим кустам в дальнем конце террасы и, беззвучно спустившись на дорожку, тихонько вернулся в дом.

Глава XXX ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Американский лайнер «Сент-Луис» стоял в Императорском доке в Саутгемптоне, принимая на борт пассажиров. Непрерывный поток людей всякого звания поднимался по сходням.

Джимми Питт и Штырь Маллинз задумчиво смотрели на них, облокотившись о поручни палубы второго класса.

Джимми взглянул вверх, туда, где трепетал на мачте «Синий Питер» — флаг отплытия. Потом посмотрел на Штыря. Лицо трущобного юноши было бесстрастно. Он с отрешенным видом курил короткую деревянную трубку.

— Ну что же, Штырь, — сказал Джимми. — Шхуна твоя подхвачена приливом, так? Твой корабль стоит у причала. У тебя будут довольно любопытные спутники. Непременно обрати внимание на двоих симпатичных сенегалцев и на человека в тюрбане и необъятных шароварах. Интересно, они у него водоотталкивающие? Было бы очень удобно на случай, если свалишься за борт.

— А то, — отозвался Штырь, глубокомысленно глядя на обсуждаемый предмет одежды. — Этот субчик дело знает.

— Интересно, что там пишут эти люди на палубе. Они строчат без перерыва с тех пор, как мы сюда пришли. Наверное, это репортеры светской хроники. На следующей неделе мы прочтем в газетах: «Среди пассажиров второго класса был замечен мистер «Штырь» Маллинз, жизнерадостный, как всегда». Жаль, что ты все-таки решил уехать, Штырь. Может, передумаешь и останешься?

На мгновение Штырь запечалился, но его лицо тут же вновь приобрело деревянное выражение.

— Нечего мне тут делать, начальник, — сказал он. — Нью-Йорк — мой город. Вы теперь женились, не нужен я вам. Как поживает мисс Молли, начальник?

— Отлично, Штырь, большое спасибо. Сегодня вечером мы отплываем во Францию.

— Странное было все это дело, — продолжил Джимми, помолчав. — Чертовски странное! Но для меня, по крайней мере, все устроилось к лучшему. По-моему, только ты один, Штырь, ничего хорошего для себя не получил. Я женился. МакИкern так глубоко внедрился в светское общество, что его теперь разве что с динамитом оттуда выковырнешь.

Молли... Ну, Молли-то как раз не сказать чтобы сильно выиграла, но, надеюсь, она об этом не пожалеет. У всех у нас в жизни что-то изменилось, кроме тебя. Ты снова возвращаешься на ту же тропинку... которая начинается на Третьей Авеню, а заканчивается в Синг-Синге. Почему ты уезжаешь, Штырь?

Штырь устремил взор на тощего молодого эмигранта в синем трикотажном костюме, которому в этот момент исследовал глаз замученный наплывом пациентов корабельный врач, причем явно против воли исследуемого.

— Дела для меня нету на этом берегу, начальник, — сказал наконец Штырь. — Хочется чем-нибудь заняться.

— Улисс Маллинз! — воскликнул Джимми, с любопытством глядя на него. — Я знаю это чувство. От него есть только одно лекарство. Я как-то однажды говорил тебе, какое, но вряд ли ты захочешь его испытать. Ты ведь не слишком хорошего мнения о женщинах, верно? Ты у нас стойкий холостяк.

— Девчонки! — огульно воскликнул Штырь, на чем и оставил эту тему.

Джимми раскурил трубку и бросил спичку за борт. Солнце вышло из-за тучки, на воде заиграли искры.

— Шикарные были брульянты, начальник, — сказал Штырь задумчиво.

— Ты все еще тоскуешь о них, Штырь?

— Мы бы легко их взяли, если б только вы не заартачились. Жуть как легко.

— Ты тоскуешь о них, Штырь. Я тебе скажу одну вещь, это тебя утешит в твоих странствиях. Только имей в виду, это строго между нами. Бриллианты были фальшивые.

— Чего?

— Обыкновенные стразы. Я сразу заметил, как только ты мне их дал. Все ожерелье и ста долларов не стоило.

Свет понимания засиял в глазах Штыря. Он расцвел улыбкой, как человек, которому все наконец-то стало ясно.

— А, так вот почему вы не захотели с ними связываться! — воскликнул он.

За семьдесят

Перевод с английского Н. Трауберг

I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читателя^[15] этой книги ждет подарок. Кроме «Предисловия»,^[16] которое скоро кончится, здесь совершенно нет сносок.

Надеюсь, я человек смирный,^[17] но, прочитав несколько биографий и трудов по истории, очень устал от сносок.^[18] Давно пора^[19] укротить ученых и биографов. Ну, что это? Уснащают страницы неприятными звездочками,^[20] словно усыпают поле зерном.^[21]

Зачем они^[22] нужны? Я только что кончил книгу Карла Сэндберга «Авраам Линкольн», и этот Карл ухитрился обойтись без мерзких помех,^[23] хотя труд его занимает четыре объемистых тома. Если может он, почему не могут другие?^[24]

Да, американец Фрэнк Салливан^[25] возвысил голос.^[26] Особенно он суров к историку Гиббону, который делает вот что: когда мы надеемся узнать в подробностях пороки последних императоров, нас ждет латинская сноска, которую не может перевести обычный человек, не видевший латинской фразы с 1920 года,^[27]^[28]

Я Фрэнка понимаю, сам так чувствую. Читаешь, словно гуляешь по газону, и вдруг под ногой грабли,^[29] которые незамедлительно бьют тебя по носу. Каждый раз обещаю себе не смотреть на низ страницы, но не выдерживаю. Особенно меня раздражает словечко «см.». Один автор пишет на 7-й странице: «См.: "Ридерз Дайджест" 1950, IV», а на 181-й — «См.: "Ридерз Дайджест" 1940, X». Ну, что это!

Позвольте, что значит «см.»?^[30] По-вашему, я выписываю этот «Дайджест» и храню все номера? Разрешите сообщить, что, заведя его в приемной дантиста, я сворачиваюсь, как соленая улитка, зная, что меня поджидает какой-нибудь мерзкий субъект.

Примечания в конце книги получше, но ненамного. Они хоть не мешают читать, точнее — автор так думает, но нужна железная воля, чтобы не броситься по следу, словно такса за таксой.^[31]

Приходится отметить, где читаешь, разыскать примечание, вернуться, опять заглянуть в конец, пока совсем не запутаешься; а проку обычно мало. Недавно я читал Каррингтона, «Жизнь Редьярда Киплинга». Дойдя до места, где Киплинг с дядей, Фредом Макдональдом, едет в Америку и

хочет сохранить инкогнито, а дядя выдает его газетчикам, я увидел значок и обрадовался, надеясь узнать, что сказал Киплинг дяде, а после использовать нужную лексику в беседах с таксистами и полисменами. Что же я увидел? «Макдональд, Ф.Х.».

Если это не камень вместо хлеба, хотел бы я знать, где эти камни. Спасибо на том, что автор, против обычая, не тычет вам свою образованность. В «Жизни сэра Леонарда Хаттона» мы читаем:

«Я слышал в Лидсе, а не в Манчестере, как иногда полагают, памятные слова сэра Леонарда: "Сил моих нет от люмбаго"».

Последнее слово отмечено цифрой 5, отсылающей вас к низу страницы, где напечатано:

«В отличие от него Гиральдус Камбрэнзис (см. «Счастливые деньки в Боньор Риджис») вечно жаловался на корь и ветрянку, но не на люмбаго», см. также Цецилия Стата, Диона Хри-зостомы и Абу Мохаммеда Касым Бен Аль Харири».

Нет, это невыносимо!^[32]

Словом, у меня не будет ни сносок, ни посвящения. Теперь вообще нет посвящений, что показывает, как изменились обычаи с тех дней, когда я прицеливался к английской словесности. На грани веков мы из кожи вон лезли ради посвящений. Как говорится, самый смак или лакомый кусочек.

Чего только не бывало! Открывая книгу, вы не знали, что вас ждет — короткая констатация: «Дж. Смит», что-нибудь потеплее: «Моему другу Перси Брауну» или чистая загадка, оснащенная стишком:

Ф.Б.О.
Ветер,
Закат над болотом,
Дальний бой барабанов,
Где?
Почему?
Зачем?

Бывали и зловерные варианты, возможно рассчитанные на пение:

Дж. К. Мистеру Фрисби,
который
сказал, что я в жизни не выпущу книги,
и посоветовал мне заняться

изготовлением рыбного студня.
Что, мой любезный, съел?

Очень весело, кровь разгоняет, но можно понять, почему это исчезло. Рано или поздно авторам пришла мысль: «А какой в этом толк?» Так было, скажем, со мной; «Хорошо, а мне-то что с этого?» — подумал я и резонно ответил: «Ничего».

Вот в XVIII веке автор писал что-то вроде:

«Просвещеннейшему и знатнейшему
лорду Набблу Нобскому
книгу эту
смирно посвящает такой-то»

и прибавлял для верности:

«Милорд,
Ваш недостойный раб решается преподнести Вам свой
жалкий опус, надеясь на снисхождение, неотъемлемое от столь
богатых даров».

Делая все это, он искал пользы. Лорд Наббл был его покровителем, и если того не скрутила подагра, мог дать денег. А теперь? Представим, что я увековечу П.Б. Биффена. Чем он ответит? Ничем. Даже в кафе не поведет.

Итак, посвящения не будет, тем более — мушиных точек,^[33] испещряющих страницу.

В заключение поблагодарю П.Г. Вудхауза,^[34] любезно разрешившего привести цитату из его труда «Погромче и посмешней». Очень благородный поступок, на мой взгляд.

Вчера я получил занятное письмо от Дж. П. Уинклера. Вы его не знаете? Я тоже, хотя он пишет мне «дорогой». Видимо, человек шустрый и предприимчивый. Пишет он из Чикаго:

«Дорогой Вудхауз!

С недавних пор я печатаю в газетах и передаю по радио серию перлов «За семьдесят», то есть рассказы тех, кто перешел на восьмой десяток. Хотелось бы включить и Вас.

Ответьте, если не трудно, на несколько вопросов. Что изменилось в Вашей жизни? Что изменилось в Америке? Придерживаетесь Вы какого-нибудь режима? Действует ли на Вас критика? Писали ли Вы стихи? Читали ли Вы лекции? Что Вы думаете о кино и телевидении?

Насколько я понимаю, живете Вы в деревне. Почему? На Ваш взгляд, она лучше города? Опишите в общих чертах свою домашнюю жизнь и свой рабочий метод. Буду рад любым сведениям о Вашей работе в театре и любым суждениям о жизни с точки зрения человека, перевалившего за семьдесят.

За последние пятьдесят лет Вы много сделали. Поделитесь с нами, если можно».

Конечно, я был польщен, не каждого включают в серию. Однако «пятьдесят лет» меня немного задели. Я и задолго до них оставлял следы на песке времени, надо сказать — довольно большие. В двадцать два года я был живой притчей. Если вы не видели, как я еду на велосипеде по Стрэнду к редакции «Глоба», не всегда держась за руль и нередко извлекая носовой платок зубами; если вы не видели этого, вы ничего не видели. Память людская коротка, и все забыли, как я победил в матче «Глоб» — «Ивниг Ньюс» со счетом 22. Было это в 1904 году.

Вот что, Уинклер. Вы хотите, чтобы старый хрыч с трубкой что-то бормотал в углу, у камина, в надежде, что отсеете что-нибудь для радио и газет. Порхаю по миру от Китая до Перу, словно бабочка на лужайке, а время от времени сболтну что-нибудь такое, этакое.

Что же, будь по-вашему. Попробуем, что можно сделать.

Спасибо, мой друг, что вы не стремитесь к беспримесной автобиографии. Я для нее не гожусь. Меня иногда просили написать мемуары. «Живете вы долго, — говорили мне. — На вид вам лет сто с хвостиком. Сделайте из этого книжку и хорошо продайте».

Мысль неплохая, но как это сделать? Для автобиографии нужны

чудаковатый отец, несчастливое детство и жуткая школа. У меня ничего такого не было. Отец — нормален, как рисовый пудинг, детство — лучше некуда, а школа — шесть лет блаженства. Какие уж тут мемуары! Материал не тот. О чем-нибудь вроде книги «Вудхауз, человек-чудо», начинающейся с глав «Непонятое дитя», «Дни отрочества», «Буря и натиск юности» речи быть не может.

Кроме того, мемуары не окупятся, если в них нет занятных историй о знаменитостях, а я ни одной не помню. Упомянуть «имена» я могу, что там, но ведь этого мало. Нужен блистательный анекдот, а я храню в памяти только то, что в 1904 году рассказывал мне Грифон о матче с Джо Гансом. Ему, естественно, хотелось посмотреть заранее на противника, и вот что из этого вышло:

«Поехал я в Филадельфию, а менеджер и спроси, хочу ли я повидать Джо Ганса. Как не хотеть! Значит, едем, а там идем в такой большой зал, и менеджер опять спрашивает. В зале столы, у столов — люди, и кто-то меня спрашивает про Джо. Если, мол, хочешь его увидеть, он вон там. Ведет меня, значит, к столу, и говорит: «Джо, это Грифон. Он тебя хочет видеть». Джо отходит от стола, идет ко мне».

Я вцепился в ручки кресла, думая о том, как ловко, как мастерски подошел этот темный человек к кульминации рассказа.

— Да? — не выдержал я. — И что?

— Э?

— Что дальше было?

— Ну, дал мне руку. «Привет, Грифоша». — «Привет, Джо».

Вот и все. Он увидел Ганса, и Ганс его увидел. Мои мемуары были бы полны таких историй.

«Давно хотел я познакомиться с мистером (теперь — лордом) Эттли. И вот, наконец, приятель повел меня в палату общин. Сидим, пьем чай на террасе, входит Эттли.

— А, Клем! — говорит приятель. — Позвольте вам представить мистера Вудхауза.

— Здравсьте, — сказал премьер-министр.

— Здравсьте, — отозвался я».

Странно брать за это 16 шиллингов или сколько там положено.

Однако я понимаю, что должен дать что-то вашей публике, а то она, не дай Бог, продырявит сиденья. Могу сообщить, к примеру, что в четыре года играл с апельсином, но вряд ли это ей интересно. В шесть я прочитал «Илиаду» в переводе Попа, но этому просто не поверят. Лучше оставим детство и отрочество и начнем с августа 1900 г., когда восемнадцатилетний

юнец поступил в Гонконгский и Шанхайский банк, Неположенный на Ломбард-стрит. Как говорится в песне, я не хотел, я не хотел, но мне, увы, пришлось.

Семья наша в начале века была плоха тем, что денег ей не хватало. Волки не были у дверей, еду мы покупали, но вообще приходилось туго. Отец, прослужив много лет в Гонконге, ушел на пенсию, которую платили в рупиях. Очень подло, по-моему. С рупией нормальный человек не хочет иметь дела, поскольку она вечно скачет. Я только и слышал дома: «Ох, эта рупия!».

Тем самым, пока я учился в школе, будущее было темно. На вопрос «Что будет с Пламом?», каждый день отвечали по-разному. Мой брат Армии, получив стипендию, отправился в Оксфорд; надеялись на то, что получу ее и я. В последнем классе я вскакивал ни свет, ни заря, съедал два-три печенья и трудился, словно бобер, над Гомером или Фукидидом. Приближался конец, я был набит классикой, но тут рупия снова выкинула штуку, и отец решил, что двух студентов его кошелек не выдержит. Так я расстался с наукой и встретился с коммерцией.

Наверное, Вам кажется, Уинклер, что коммерция ликовала; но Вы ошибаетесь. Оттого ли, что я был тонкой, поэтической душой, которой претит бизнес, или же оттого, что я был олухом, служил я исключительно плохо. В почтовом отделе — еще ничего, я просто наклеивал марки, а вот позже, в каких-то депозитах, пошел слушок: «Нет, какой кретин! Ничего не выйдет».

Если бы я хоть раз понял, что делаю, я бы об этом забыл. Из депозитов меня перевели во «Внутренние счета» (не спрашивайте, не знаю!), потом во «Внешние», потом еще куда-то. Я виновато улыбался, упоая на то, что кротость вывезет, когда я совсем запутаюсь в своих загадочных обязанностях. Благодаря непонятливости, я стал местной легендой. Через много лет, когда в святая святых обсуждали особенно тупого клерка, седоволосый ветеран непременно качал головой и бормотал: «Нет, нет. Робинсон плох, не спорю, его надо было усыпить на родильном столе, но вы не знали Вудхауза. Да, теперь таких нету. Образец потерян».

Только две вещи, связанные с банковским делом, вместило мое сознание. Во-первых, завтракал я рогаликом и кофе, что после сытных школьных трапез было истинным потрясением. Во-вторых, если я опаздывал три раза в месяц, меня лишали рождественской прибавки. Сити 1901–1902 годов любовалось тем, как я бегу, фалды летят, а на самом пороге — спотыкаюсь под приветственные крики. Очень полезно для здоровья, и аппетит наживешь, как раз для рогалика с маслом.

Из-за несклонности к делам я тосковал на службе, хотя мне было легче, должно быть, чем начальникам отделов, через которые я проползал. Хотелось мне сидеть и писать. Родители жили в Шропшире — красивые виды, Бландингский замок за углом, — и меня тянуло в этот рай, где я писал бы рассказы, как писал их, правда, и в городе, по одному в день. (Летом 1901 я заразился свинкой и поехал домой на три недели. Опухая все больше, я создал 19 рассказов, которые, как ни жаль, редакции не приняли. Да, им было жаль, так они и написали.) Поделившись замыслом с родителями, я не встретил отклика. Молодые авторы несут крест — они-то знают, что прославятся, а семью убедить не могут. Если хочешь, пиши в свободное время, говорят домашние, прибавляя, что пером не проживешь. Я не виню отца и мать, ощущавших, что сын, получающий 80 фунтов, как-то лучше устроен, чем бездельник, тратящий деньги на марки.

Словом, два года я провел на Ломбард-стрит. Писал я по ночам в своей единственной комнате. Тяжелое было время, и принесло оно столько отказов, что я мог бы оклеить ими просторный зал. Спасибо и на том, что были среди них живописные. Скажем, «Тит-Битс» посылал изображение редакции в приятных зеленых тонах. Но красота отказов быстротечна. Они приедаются. Одного вполне хватает.

Многим новичкам мешает то, что писать они не умеют. Я не был исключением. Быть может, издатели той поры получали что-нибудь похуже, но навряд ли. Тогда я себя жалел, теперь жалею редакторов. Какая тоска прийти на службу промозглым февральским утром (в башмаке — гвоздь, брюки вымокли) и увидеть кипу ранних Вудхаузов, в довершение бед — написанных от руки.

Герберт Уэллс пишет, что в начале пути на него повлияла книга Барри «Когда ты одинок». Повлияла она и на меня. Говорилось в ней о писателях и журналистах, причем автор советовал писать то, что нравится издателям, а не тебе. Решив, что в этом — тайна успеха, я всячески избегал юмора, поскольку в редакциях, судя по журналам, любят чувствительность и слезливость. Однако меня отвергали. Худо-бедно шли подписи под рисунками в самой желтой прессе.

«На балу слуг.

Графиня (танцует с дворецким). Больше не могу,
Уилберфорс. Я совсем умаялась.

Дворецкий. О, нет, миледи! Мне намного труднее».

За это я получал 1 шиллинг, а надо бы, думаю, пенсов на шесть

больше.

Как ни странно, несмотря на отказы, я был уверен в себе. Я знал, что пишу прекрасно. Сомнения вкрались позже. Теперь я робею, смущаюсь и завидую авторам, которые cedят слова уголком губ. Словом, веду себя как мой фокстерьер, когда он приносит в столовую подпорченную кость.

«Как, годится? — спрашивает он, искательно на меня глядя. — Примете или скажете, что старый Билл промахнулся?»

Вообще-то все его кости одинаковы, и бояться ему нечего, но, кончив книгу, я чувствую то же самое. Это хорошо. Держит в форме. Переписываешь каждую фразу десять раз, если не двадцать. Должно быть, мои творения — не из тех, за которые знаток заплатит полфунта; но я над ними работаю. Когда, в свое время, Харон поведет меня через Стикс, а все будут говорить, какой я плохой писатель, надеюсь, хоть кто-то пискнет: «Он старался».

3

В 1901–1902 годах успех мой был так ничтожен, что стоило заняться, к примеру, собиранием билетов. Но если писатель не сдается, что-нибудь да происходит. Полтора года я писал как проклятый, позволяя себе раз в неделю сходить в ресторан «Трокадеро» (полкроны и шесть пенсов на чай), и вдруг кто-то стал издавать журнал для школьников с приложением «Капитан». Появился рынок сбыта для того, что я умел делать. Журнал платил 10 ш. 6 п. за очерк, «Капитан» — целых три фунта за рассказ. Поскольку я время от времени получал гинею-другую за подписи, я считал себя богатым, и настолько, что решил покинуть банк, тем более, что меня должны были вот-вот перевести на Восток.

Лондонское отделение Гонконгского и Шанхайского банка было детским садиком, где клерки обучались делу. Года через два их посылали в Бомбей, Бангкок, Батавию и прочие места. Это и называлось «перевести на Восток». Насколько я понял, там, на месте, вы немедленно становились начальником, а себя в этой роли представить не пытался. Я не мог бы править и курятником.

А как же Искусство? Я смутно помнил, что кто-то с успехом пишет о дальних землях, но это меня не привлекало. Моя стезя, думал я, — добрые старые английские повести, любезные журналам, о богатых девицах, которые, спасаясь от корыстных поклонников, бегут на Рождество в заснеженные усадьбы, и очерки для «Тит-Битс», и рассказы для

«Капитана». Справлюсь я с ними в Сингапуре или Сурабайе, учитывая, ко всему прочему, стоимость конвертов?

Нет, не справлюсь, думал я, и мечтал об уходе. Но тут вмешалось Провидение.

Сейчас я вам расскажу о новом гроссбухе.

4

Каждый писатель знает, как трудно надписать книгу. Кажется, Джордж Элиот горевала в час слабости:

«Дорогой дневник, мне конец! Не могу вынести поклонников моего творчества. Писать книги не трудно, [...] трудно их надписывать. «Умоляю! — взывает кто-нибудь. — Не только подпись, хоть два слова, что-нибудь умное». Если бы их посадили в тюрьму, а она еще и сгорела, я бы смеялась до упада...»

Жалуется и Ричард Пауэл, автор детективов. «Меня пот прошибает, — пишет он в последнем номере «Американ Райтер», — когда ко мне подходят с моей книгой в руках».

Я с ними согласен. Пишешь — и слова льются, словно сироп; увидишь, как крадется к тебе льстивая дама — и мозги мои заменяет цветная капуста. Быть может, кто-то способен создать с размаху что-нибудь умное, но я не из их числа. Предупредите хотя бы за месяц, и то ничего не гарантирую.

Иногда спасает ловкость рук. Если я не печатаю, я пользуюсь особой ручкой, которая не требует промокашки. Чернила, или иные субстанции, засыхают на лету. Можно быстро черкнуть «Вашвудхауз» и поскорей закрыть книгу, уповая на то, что у просительницы хватит совести не заглядывать под обложку при мне. Увы, это бывает редко. Девять раз из десяти дама открывает томик, как дворецкий устрицу, жалобно смотрит на меня, неловко молчит, потом стонет: «Я просила что-нибудь умное!». ^[35]

Только один раз я написал что-то умное на первой странице. Пришел новый гроссбук, его препоручили мне. Титульный лист был белый и глянцеви́тый. Я смотрел на него, и в моем мозгу, словно пух чертополоха, реяла мысль о том, чтобы описать посмешнее празднества в честь нового приобретения. Что ж, я приступил к делу.

Творение мое, как бы теперь сказали, вышло первый сорт. С тех пор минуло 55 лет, а оно живет в моей памяти. («Он вынул бриллиантовую булавку из галстука, улыбнулся и воткнул обратно».) Это — так, пустяки,

было там кое-что получше. В общем, чудо, а не творение. Откинувшись на спинку стула, я сиял, как Диккенс, только что окончивший «Пикквика».

Потом я одумался. Главный кассир был суровый мужчина, обо мне отзывался плохо, и что-то мне подсказывало, что при всем своем великолепии проза моя ему не понравится. Я засуетился в поисках выхода и решил в конце концов, что лучше всего вырезать страницу.

Через несколько дней я услышал крик, напоминающий вопль дикой кошки, когтящей добычу. Главный кассир обнаружил, что нет листа, и заорал от радости, ибо давно вел распрю с поставщиками канцелярских товаров. Подскочив в два прыжка к телефону, он спросил их, они ли прислали гроссбух. Видимо, ответили «Да», так как, перейдя в наступление, он сообщил, что первой страницы не хватает.

Главный поставщик тут же явился, клянясь и божась, что гроссбух был исправен.

— Кто-то ее вырезал, — сказал он.

— Какая чушь! — сказал бухгалтер. — Только идиот вырежет страницу.

— Есть у вас идиот?

— Вообще-то есть, — признался бухгалтер, поскольку был честным человеком. — Такой Вудхауз.

— Слабоумный, да?

— Не то слово!

— Что ж, вызовите его и расспросите.

Так и сделали. Меня прижали к стенке, и я сдался. Сразу после этого я обрел свободу и смог посвятить себя словесности.

II НАЧАЛО

1

Я с детства хотел быть писателем и приступил к делу лет в пять. (Чем я занимался раньше, не помню. Наверное, бил баклуши.)

Нельзя сказать, что я стремился донести какую-нибудь весть. Я и сейчас в этом не силен и, если не найду чего-нибудь на девятом десятке, человечество так и останется без вести. Покидая банк ради словесности, я просто хотел писать и был готов поставлять все, что могут напечатать. Оглядев окрестности, я остался доволен. Самое начало XX века (Гонконгский и Шанхайский банк резонно решил меня выгнать в 1902 году) в английской столице не слишком благоприятствовало гениям, ибо еще не пришло время больших гонораров, но прилежный писака вполне мог рассчитывать на скромную мзду. Утренних, вечерних и еженедельных газет было столько, что с тридцать пятой попытки кто-нибудь да печатал ваш очерк о «Ярмарке цветов» или пародию на Омара Хайяма.

Банк я покинул в сентябре, а к концу года заработал 65 фунтов 6 шиллингов 7 пенсов, что неплохо для новичка. Однако мне хотелось регулярной работы, и, к счастью, она нашлась.

В те дни выходила газета «Глоб», основанная 105 лет назад и печатавшаяся — да-да! — на розовой бумаге. (Была и зеленая газета, жизнь блистала и сверкала). Для меня этот «Глоб» стал надежным источником дохода, поскольку в нем печатались так называемые «оборотки», то есть исключительно нудные статьи в 1000 слов, переходившие с первой полосы на вторую. Вы брали, что нужно, из справочников и получали гинею.

Мало того, на первой полосе была и колонка «А кстати» Однажды я узнал, что ее ведет мой бывший учитель из Яалиджа, сэр У. Бидж Томас. Что ни говори, знакомство. Я предложил заменить его надень, он благородно согласился, а когда ему выпала работа получше, колонку стал вести я. Платили мне три гинеи в неделю, ровно столько, сколько нужно. Справлялся я с делом рано, а потом писал, куда придется.

Как видите, Уинклер, положение заметно улучшилось. Колонка «Кстати» — это вам не кот начхал. До Бидж Томаса ее вели известные авторы, к примеру Э. В. Льюкас. Пародию на Омара Хайяма, написанную

Вудхаузом из «Глоба» (Стренд, 367), встречали намного теплее, чем ту же пародию, созданную обитателем Уолпол-стрит, 21.

Иногда мои сочинения появлялись в «Панче», а раза два — в самом «Стренде», это для новичка соответствует ордену Подвязки. Денег было все больше. И вот пришел день, когда я понял, что могу осуществить мечту, поехать в Америку.

Почему в Америку? Сам удивляюсь. Наверное, с самых ранних лет она была для меня страной романтики. Нет, не ковбои пленяли меня и не краснокожие индейцы — первых я не знал, вторых боялся. Не было у меня и семейных связей. Отец почти всю жизнь служил в Гонконге, равно как и дядя Хью, а два других дяди годами сидели в Калькутте и Сингапуре. Казалось бы, меня должен был привлекать Восток. Так и слышишь, как я пою: «О, пошлите меня за Суэцкий канал!» Но нет; я бредил, приоткрыв рот, словно у меня аденоиды, глядел вдаль остекленевшим взглядом, а встречные шептали друг другу: «Он хочет в Америку».

Газета отпускала нас на пять недель. Восемь дней — туда, восемь — сюда, но девятнадцать дней можно провести в Нью-Йорке. Словом, я купил билет и отправился в путь.

Тяга к Америке, напоминающая чувства поэта, стремящегося «вдаль, вдаль, вдаль, к хижине родной», отчасти объяснялась тем, что я занимался боксом и пламенно почитал американских боксеров — Джеймса Дж. Корбета, Джеймса Дж. Джеффриза, Тома Шарки, Кида Маккоя и прочих. Особенно хотел я увидеть Корбета и пожать руку, сразившую Джона Л. Салливена. Мне дали рекомендательное письмо, но кумир мой был в Сан-Франциско. Познакомились мы через много лет, когда он был очаровательным пожилым джентльменом и одним из лучших бродвейских актеров.

Однако увидеть Кида Маккоя удалось. Я поехал туда, где он готовился к бою с Джеком О'Брайеном из Филадельфии, и в первый же день, к вечеру, попросил у него разрешения с ним сразиться, чтобы дома рассказывать друзьям о таком чуде.

Он охотно согласился и, пока мы готовились, внезапно фыркнул. По его словам, он вспомнил забавный случай, когда ему пришлось бороться с совершенно глухим субъектом. Заметил он это не сразу, а заметив, поступил очень находчиво: отошел на шаг и показал на колокол, давая понять, что тот звонит, хотя это не соответствовало истине.

«Спасибо! — сказал противник. — Спасибо большое».

После чего отвернулся, а Маккой нанес удар.

Чемпион заканчивал рассказ, заливаясь смехом, меня же буквально

пронзила мысль: «Умно ли это? Стоит ли сражаться с чемпионом в среднем весе и со странным чувством юмора? Быть может, ему кажется смешным оторвать тебе голову?».

Да, очень может быть, думал я, гадая, как бы смыться. План мне нравился, если бы не пресловутая гордость Вудхаузов. Я не очень хорошо знаю историю семьи, но мои предки, как все приличные люди, делали что-то такое при Азенкуре и Креси,^[36] а кому хочется быть вырождением? Словом, я находился на распутье.

В это мгновение послышался цокот копыт, и я увидел молодую всадницу. То была жена Маккоя (одна из шести, последнюю он убил и схлопотал пожизненное заключение). Естественно, всё отменилось, и матч Маккой-Вудхауз ушел в небытие.

Таких ослепительных красавиц я больше не встречал. А может, мне почудилось.

2

Сразу, сначала я узнал Нью-Йорк своей мечты. «И на вид такой же, — думал я, проходя таможню. — И запах... Да, это *он*». Этим я отличался от Джузеппе Бартольди, который, прилетев из Италии, утверждал, что находится в Сан-Франциско.

Дело в том, что прославленный певец, направлявшийся к сыну, ничего не знал о пересадке. Сын сказал ему свой адрес, Монтгомери-стрит, и больше он ни о чем не ведал. Когда его поставили к терминалу, он взял такси и потребовал, чтобы его отвезли на нужную улицу, да поскорей.

Монтгомери-стрит в Нью-Йорке есть, не в самом лучшем районе; и шофер, Хосе Наварро, отвез его туда. Синьор Бартольди очень удивился, так как ничто не напоминало знакомую фотографию. Он решил выйти из машины и разобраться на месте. Через час Хосе Наварро отправился в полицию.

Часам к семи туда привели и певца, и с тех пор лоб патрульного Дж. Алоизиуса Мерфи прорезают глубокие морщины. Итальянец настаивал на своем; он видел табличку «Монтгомери-стрит» собственными глазами. Ну и что с того, что злые люди куда-то дели дом его сына? Или ты Монтгомери, или не Монтгомери, третьего не дано.

Минут через сорок патрульного Мерфи отозвал в сторону Патрик Дэйли, учтивый и всеми любимый лейтенант. Лицо его было печально, дышал он с трудом.

— Слушай, Алоиз, — осведомился он, — а ты уверен, что мы в Нью-Йорке?

— Вроде бы да.

— Не сомневаешься?

— Если б ты спросил меня час назад... хоть минут сорок, я бы ответил: «Нет». А теперь — не знаю.

— Вот и я тоже. Скажи своими словами, почему нам кажется... или казалось... что это именно Нью-Йорк.

Мерфи задумался.

— Ну, — ответил он, — я живу в Бронксе, а это Нью-Йоркский район.

— Может, Бронкс есть и в Сан-Франциско.

— Ладно, вот — повязка. На ней написано «Нью-Йорк». Лейтенант покачал головой.

— Что нам повязки! Международная банда могла ее подменить.

— А зачем?

— Кто их знает! — вздохнул Дэйли. — Вечно им нейдет.

Спешу сообщить, что кончилось все хорошо. Кто-то позвонил этому сыну, и тот сказал папаше, что надо пересесть на другой самолет. Теперь они радуются жизни на Монтгомери-стрит. Во всяком случае, синьор Бартольди многословно пишет об этом итальянскому другу. Просто тяжесть с души.

Зато полицейские так и не оправились. Они вздрагивают при каждом шорохе и полагают, что за ними следит банда чернобородых гномов. А что, вполне возможно. Честно говоря, будь я Нью-Йорком, я бы этого в жизни не доказал. Лондон — другое дело. Взял бы человека за ухо, повел на Трафальгарскую площадь и ткнул в этих самых львов.

— Прошу, — сказал бы я. — Львы. Такие звери. Сами знаете, больше нигде их нет.

На что человек ответил бы:

— Si, sì. Grazie. — И ушел, совершенно спокойный.

Между 1904 и 1957 — пятьдесят три года, и я вижу, Уинклер, вы спрашиваете, что изменилось в Америке за полвека с небольшим. Ну, прежде всего, люди стали вежливей.

В 1904 году землю свободных, пристанище храбрых населяли неплохие, но грубоватые субъекты. Они толкались, они говорили: «Чего

толкаешься?», они цедили слова уголками губ. В общем, грубоваты.

Помню, как в первый приезд я видел толпу в подземке. Все сгрудилось в дверях. На платформе стояли два служителя, и первый заметил (уголком губ):

— Впихни-ка их, Джордж.

Джордж нырнул в толпу и стал действовать, как форвард. Ничего не скажешь, эффективно, но теперь ничего такого нет. Джордж и его коллега в лучшем случае скажут:

— Простите, господа!

И только потом как следует набычатся.

Быть может, сделали свое наставления Эмили Пост. Быть может, я оказал благотворное влияние. Как бы то ни было, куда ни глянь — сугубая любезность.

Одна подавальщица рассказывала:

— Только я подойду, он бросает есть и поднимает шляпу.

Один мой знакомый доехал в машине до перекрестка. Желтый цвет сменился зеленым, зеленый — желтым, тот — красным, потом снова зеленым, но он стоял как вкопанный.

— В чем дело, сынок? — осведомился полицейский. — Цвета не нравятся?

Ничего не скажешь, мило.

Или возьмем боксеров. Раньше их редко принимали за лордов; а что теперь? Зовутся они «Сирил», «Перси», «Кларенс», и ведут себя соответственно. Я помню время, когда Малыш (alias Убивец из Хобокена) отвечал на вопрос о матче с Бычком (alias Угроза Миру): «Чего-чего? Да я его замочу». Теперь он заметит: «Как вам сказать? Здесь есть и про, и contra. Трудно предсказать исход поединка, когда речь идет о борцах самого высокого класса. Предположим, однако — хотя я могу и ошибиться, — что я одержу победу на двадцать четвертом раунде. Мой менеджер, склонный, простите, к сленгу, говорит, что именно тогда гаду придет каюк».

Не так давно одному боксеру попался противник, который нанес сокрушительный удар в то место, где была бы третья пуговица от жилета. Бледный менеджер смотрел на это из-за веревок, а когда кончился раунд, спросил подопечного:

— Джо, ну как ты?

— Прекрасно, — отвечал тот. — А ты?

Так и слышишь радостные крики самой Эмили Пост.

Уголовники, и те изменились. Из Нью-Джерси сообщают, что

неизвестный субъект ударил ножом Джеймса Ф. Добсона, зашел спереди, и виновато поцокал языком.

— Прощу прощения, — сказал он, — обознался. Как просто, как по-мужски! Ошибся — извинись.

Или вот вам еще. В одном мотеле (Массачусетс) висит табличка с просьбой убирать перед отъездом. «Ну, конечно, как же иначе!» — воскликнул постоялец и унес с собой две настольные лампы, чернильницу, перо, красноедеревый столик, пепельницу, четыре простыни, две наволочки, две поролоновые подушки, два пледа, два покрывала, два бокала, занавеску для ванной. Словом, убрал, как мог, хотя пришлось оставить кровати, матрасы и телевизор.

Да, нынешний девиз Америки — «Манеры превыше всего». Правда, не все это знают. Например, «худощавый пожилой субъект в фетровой шляпе» привлек внимание полицейских тем, что дергал за турникет и проникал в метро. Однако суть в том, что даже в суде, перед судьей Дж. Р. Старли, он шляпы не снял. Служитель попытался исправить дело, но тщетно. Так субъект и сидел до конца, хотя мог бы знать, что это не принято. («Если вы не частный сыщик, — пишет мисс Пост, — непременно снимайте шляпу в закрытом помещении».)

Счастливи обличить невежу в печати. Это Майкл Рафферти, 67 лет, проживающий в Бруклине на Миртл Авеню, 812. Да, Майк, зло даром не проходит.

III

А ТЕПЕРЬ ГРАФЫ

1

Вернувшись в Лондон, я обнаружил, что не зря уезжал даже на такой краткий срок. Издатели изменились. Там, где раньше звучало: «Брысь!», я слышал: «Заходите, мой дорогой, расскажите нам про Америку». Теперь, когда, позавтракав в Беркли, вы ужинаете в Сторк Клубе, трудно поверить, что в 1904 году человек, пишущий по-английски и побывавший в Америке, ценился как древний странник. Скажем, через несколько недель в «Тит-Битс» мне платили гинеею за статью о нью-йоркской толпе, а «Сэндоу'з Мэгэзин» — целых 30 шиллингов за описание того счастливого дня, когда я побывал на тренировке Маккоя. В общем, ясно.

Теперь я был важной персоной. Когда приходилось объяснять британской публике что-нибудь американское, говорили: «А Вудхауз? Уж он-то знает». Доходы мои взвивались вверх, как вспугнутый фазан. Я заработал 505 фунтов 1 шилл. 7 пенсов в 1906 г. и 527 ф. 17 ш. 1 п. в 1907, а 17 ноября 1907 отхватил 203 ф. 4 ш. 9 п. Если бы в тот же день я не приобрел подержанный автомобиль (450 ф.) и не разбил его за неделю, я скоро стал бы одним из толстосумов, которых все так не любят. Происшествие с машиной вернуло меня на прежнее место и с большим, натужным трудом удалось мне опять собраться в Америку.

Было это весной 1909.

2

Я все еще вел в «Глобе» колонку «А кстати» и предполагал, что дней через девятнадцать, печально оглядываясь, подамся на соляные прииски. Однако на шестой день случилась странная штука. Я принес два рассказа и за одно утро продал их в «Космополитэн» (200 д.) и «Колльер» (300). В то время это соответствовало примерно 40 и 60 фунтам, и меня, получавшего гиней по десять, открытие буквально потрясло, словно я нашел австралийского дядю. Вот это я понимаю, сказал я.

Конечно, Нью-Йорк дороже Лондона, но и там можно было жить

долларов на 500, особенно если под рукой добрый старый «Колльер» и благородный «Космополитэн». Злосчастному «Глобу» я отказал в мгновение ока. Потом, пылая надеждой, снял номер в отеле «Герцог» (Гринвпч-Вилледж) и разместился там с подержанной машинкой, бумагой, карандашами, конвертами и словарем Бартлетта, без которого нет и не может быть литературного успеха.

Не знаю, настолько ли он помог другим; не знаю и того, что бы я без него делал. Случилось так, что я не очень умен, мне трудно что-нибудь придумать, но дайте мне Бартлетта — и, пожалуйста!

Понять не могу, как это ему удастся. Хорошенькое дело, 3 000 000 цитат (если не больше)! Как он начал, понять легко. Так и вижу — ходит, бродит, насвистывает, а мать кричит из окна:

— Джонни, ну что ты слоняешься? Неужели нечего делать?

— Делать? — удивляется Бартлет (р. 1820, Плимут, Масс.)

— Ну, поработай в саду.

— Еще чего!

— Покружи волчок.

— А зачем?

— Тогда составь словарь крылатых слов, цитат и выражений.

Лицо его осветилось. Он, можно сказать, ожил.

— Мать, — сказал он, — ты права. Всякие эти «Быть или не быть», да? Бегу! Начинаю! Где бумага? Карандашика нет?

Что ж, прекрасно. А что потом? Не поверю, что он знал все на память и мог сказать с ходу, что изрек Альд Мануций в 1472 г., а Нарсис Ашилль, граф де Сальванди — в 1797. Наверное, расспрашивал.

— Ничего хорошенького не слыхали? — припирал он к стене собеседника.

— Вот Шекспир...

— Шекспира у меня хватает.

— А как вам Плиний Младший?

— Это еще кто такой? Что ж, валяйте,

— Плиний заметил: «То, что влечет нас в море или на сушу, легко перепутать, если смотришь вблизи».

— Ну, знаете! Собеседник цепенеет.

— Если это сгодилось Плинию Младшему, то уж пучеглазому трутню из Плимута, 1820...

— Ну, ладно, зачем горячиться? А Старший у вас есть?

— Тот сказал: «Все можно смягчить маслом оливы».

— Как, как?

— Маслом оливы. Смягчить.

— А сардинку? — парирует Бартлет. — Ладно, чего там, запишу, хотя чушь какая-то.

Так он и творил. Сперва в словаре было 225 с, а в последнем издании — 1254, не говоря о 577 с. указателя. Конечно, общество получилось смешанное, как в Консервативном Клубе, который снизил планку, чтобы набрать побольше народу.

Раньше вы не могли попасть к Бартлету, если вы — не Ричард Бэтел, лорд Уэсбери (1800–1873) или кто-нибудь в этом духе, а теперь просто не знаешь, с кем встретишься. Гавриил Романович Державин (1743–1816) часто говорит Алексису Шарлю Анри де Токвилю (1805–1859), что он совсем извелся.

— Видит Бог, я не чванлив, — сетует он, — но когда рядом с тобой этот Вудхауз или автор книги «Сорви банк в Монте-Карло»... Нет, не могу!

Алексис Шарль Анри разделяет его чувства. «Куда катится мир?» — вздыхают они.

Но мы тебя любим, Бартлет, несмотря ни на что. Где бы я был без твоей безотказной опеки, помощи, любви? Ну, братцы, взяли:

Кто у нас Бартлет?
Мо-ло-дец!
Кто молодец?
Бартлет, Бартлет!
Он хороший парень,
Он хороший парень,
Он хороший па-а-а-рень.

Печально глядя на отель «Герцог», я с ужасом заметил, что за 47 лет нашего знакомства он превратился в шикарное место, где можно что ни вечер плясать маримбу. В 1909 году там ютились бедные писатели, не склонные к танцам. За неделю, включая еду, мы платили столько, сколько теперь даем на чай (ладно, ладно, два раза) и еще спасибо, что с нас не брали больше, а то я прогорел бы за первый же месяц.

Дело в том, что я обнаружил неприятное обстоятельство: диалог мне

давался, юмор — тоже (на мой взгляд), а вот объем — ни в какую. После многообещающего начала я становился в тупик. Если бы не цены, дай им Бог здоровья, я бы умер с голоду.

Где-то я писал (да, в «Задохнуться можно»), что английские отцы города, то есть сельского местечка, стремятся обеспечить кабачком каждого жителя. Так обстояло дело и в Нью-Йорке, если заменить кабачок журналом — по грошовому листку на читателя. Благодаря им, я получал необходимые калории.

Не так уж много, замечу. Листки отличались суровостью. Спасибо, если дадут 50 д. за рассказ. Но, все-таки, 50 — там, 50 — здесь, и тянешь, платишь в отеле, а то и закусишь в приличном заведении. Мало того, через год открылся журнал «Ярмарка тщеславия», и меня взяли туда театральным критиком.

Тут я краснею. Мне известно, какой ранг занимают эти критики. Никто их не любит, и правильно делает, ибо они ночные твари. Видел кто-нибудь днем театрального критика? Сомневаюсь. Они — как тать в ночи, а что в этом хорошего? Ни-че-го.

Словом, получая 50 там, 50 — сям, да еще гонорар в «Ярмарке», я жил неплохо.

Но доволен я не был. Я жаждал славы и обманул бы ваших читателей, Уинклер, если бы сказал, что не ропщу. Роптал как миленький. Сами знаете, спросишь себя, к чему все это, спросишь — а ответа нет.

И вдруг я понял, в чем дело. Озарение пришло, когда я ел сандвич с ветчиной (и корнишоном). Ел, и вдруг догадался: имя — не то!

Эти самые имена очень важны в искусстве. Ужас, как важны. Представьте себе актера по имени Энджел Роз. Он мается и страдает, пока не услышит от менеджера:

- Надо бы имя изменить. Сейчас в моде *сила*. Подумаем, а?
- Р-ричард Кольт не подойдет?
- Неплохо...
- Или Бр-р-юс Маузер?
- Еще лучше. Да. В самый раз. Однако через неделю звонит агент.
- Маузер-р-р у телефона, — отвечает актер.
- Э? Нет, не то. Мода изменилась. Нужна не сила, а *весомость*.
- То есть как?
- Ну, скажем, Линкольн. Вот, Линкольн Франклин! А?
- Нет, лучше Вашингтон.
- А еще можно...
- Сказано, Вашингтон!

Линкольн Вашингтон благоденствует с неделю, и снова слышит звонок:

— Пардон, — говорит агент, — мода, мода. Теперь пошла география. К примеру, Рамон Бильбао.

Так Энджел становится Рамоном, и все идет хорошо. Правда, через месяц-другой в моду входят имена попроще, скажем — Гарри Смит или Томас Уильяме, и наш актер становится Диком Брауном. Но тут опять вступает агент.

— Понимаете, — говорит он, — нужно что-нибудь *поэтичное*.

— Какое?

— По-э-тич-ное.

— Энджел Роз не подойдет?

— Блеск!

Однако я говорил о моем имени. Я подписывался П.Г. Вудхауз, хотя американский автор без трех наименований ходит практически голым. Царили Ричард Харфинг Дэвис, Чарлз Фрэнсис Кау, Норман Рейли Рейн, Мэри Роберт Райнхарт, Кларенс Боддинтон Келланд, Орисон Смит Морден (я не шучу). А тут какие-то буковки!

Чего же мне ждать? В приличном журнале я выглядел бы как субъект в свитере на приличном балу.

Часто бывает, что озарение не унимается. Об Америке я знал мало, а вот об Англии знал — и про усадьбы, и про графов, и про дворецких, и про младших сыновей. В детстве (Вустершир), в юности (Шропшир) я встречал их сотнями, и мне пришло в голову, что читатель с удовольствием о них почитает.

Сюжет был готов, и через два дня я вывел на чистом листе:

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Что-нибудь этакое

Да, я попал в яблочко. Мне просто не верилось, что все эти годы, словно дурак-индеец, я швырялся жемчужинами. Какое сочетание! Не хуже, чем Гарри Леон Уилсон, Дэвид Грэм Фил-липс, Артур Сомерс Рош или там Хью Макнэр Калер.

Если меня честно спросят, нравится ли мне имя «Пэлем Грэнвил Вудхауз», я отвечу: «Нет». Да и с чего бы? Назвали меня в честь крестного, а подарил он серебряную чашечку, которую я потерял в 1897 году. Родился я в пору, когда над детьми буквально издевались у купели. Моих братьев назвали Филипом Певерилом, Эрнестом Армином и Ланселотом Диком,

так что мне еще повезло, все же я не Гиацинт и не Принц Альберт.

Как бы то ни было, судьба моя изменилась. «Сатердей Ивнинг Пост» купил роман за 3500 долларов. Так началась Блэдингская сага, где действуют Кларенс, девятый граф Эмсвортский, его свинья Императрица, его сын Фредди и его дворецкий Бидж, о которых я столько писал.^[37]

Не слишком ли много, скажут ворчуны, равно как и угрюмцы? Они видят, что хроники мои плодятся, как зайцы, и им это противно. Только что один критик, чьим именем я не буду марать ленту для машинки, обвинил меня в том, что я все время пишу об английских пэрах. Особенно ему претит моя тяга к графам.

Да, подсчитав, я заметил, что за годы творчества я описал их немало; но не так уж легка их жизнь. Хорошо, одни — сыновья, но другие поначалу вынуждены пропускать за обедом вице-канцлеров герцогства Ланкастерского и т. п., и т. д. Всякий автор рад и горд написать о человеке, который карабкался с самого низа, пока не смог вешать графскую корону на вешалку под лестницей.

Графы вообще очень картинны. Баронетов вечно убивают, а вот графы славятся пристойностью. В романах они почти не грешат, если вы перетерпите легкую надменность и склонность к густым, да еще нахмуренным бровям. Что до реальной жизни, я не припомню ни единого графа, чье сердце не так чисто, как у жителей Ист-Энда. Я поверю среднему графу не меньше, чем певцу (бас). Мало того, иногда я усомнюсь в обладателе низкого голоса.

Ничего не скажешь, они хороши. Я подумаю дважды, прежде чем довериться тенору, чей голос напоминает посвист газа из трубы, да и баритон — не подарок, а вот если звук идет прямо из ступней, ясно, что сердце — на месте. Всякий, кто слышал, как священник поет на сельском концерте «Старик-река», знает, что душа его — в верных руках.

Мне кажется, басов стало меньше. Во всяком случае, они редко поют одни; обычно они подвывают тенору, который разливается соловьем. Раньше было не так. Когда я был мал, ни один концерт не обходился без арии: «О как глубок мой сон!» (Преп. Хьюберт Ваулз.)

Если же вы шли в мюзик-холл, вас ждали там корпулентные создания в мешковатых фраках и с бриллиантовой булавкой, которые строго и решительно глядели в зал, сунув руку в прорезь жилета.

Вы знали, что это — не фокусник (где аксессуары?) и не ассистентка в розовом трико. Знали вы и то, что он не предложит вам скетч. Да что там, загадок не было. Он — бас, а значит — поет песни такого рода:

Брита-ния, Брита-ся,
О, как же ты сильна!
Как ты бодра, добра, храбра,
Лю-би-мая страна!

И где же он? Что там, где священник, доходящий буквально до погребов при словах: «Глубо-о-окий со-о-он».

Обусловлено это, на мой взгляд, опасностями производства. Когда бас замечает вечер за вечером, что воротничок врежется в подбородок, и, не дай Господь, кровь течет из носа, он падает духом. «Наверное, — думает он, — есть менее опасные ремесла», и переходит к карточным фокусам или к имитациям, которые всем так знакомы. А чаще всего — вот, пожалуйста, — он в полной безопасности выводит жидким фальцетом пресловутые «Деревья».

Недавно меня глубоко тронула такая заметка:

«Монтгомери, Алабама. Орвил П. Грэй, двадцатисемилетний бас, отбывающий срок в тюрьме, смело сказал надзирателю, что не собирается портить свой квартет».

Скажет так тенор? А баритон? Да ни в жизни! Тут нужен человек, который спустится в подпол и легко вынырнет вверх:

Он что-то знает, он мало скажет
И катит волны вперед.

Попробуйте это исполнить, забыв о себе!

Но вернемся к графам (у многих из них, я думаю, именно бас). Как я уже говорил, люди они хорошие, не только в жизни, но и в книге. Без них английская словесность была бы намного беднее. Шекспир просто пропал бы. Каждый драматург знает, как трудно увести людей со сцены. У эвонского барда этих проблем не было. Графы буквально кишели, а он и горя не знал. Возьмем, к примеру, строки:

Граф Сайденхем и ты, наш верный друг,
Граф Брикстон, как и ты, любезный Далидж,
И ты, о Баттерси, и ты, о Кройдон,
Не говоря о славном Кенсингтоне
И храбром Челси, подгоните их,
Как гонят кошек, меткими камнями,
А то пора и в бой, рога трубят.

(Все выходят. Рога действительно трубят.)

— Видал? — говаривал Шекспир Бербеджу, и Бербедж соглашался, что заработок — легкий.

Одного я не понимаю, и никого не спрашиваю, чтобы не выдать невежества: почему один — граф...ский, а другой — просто Смит. Быть может (а может и не быть), что...ские выше прочих, вроде немецких «von». Представим, что на приеме графа Кройдонского знакомят с графом Стрэндом.

Хозяин говорит: «А, Перси! Разреши тебе представить...», и бежит к другим. Гости согласны в том, что он совсем свихнулся, но вдруг кто-то спрашивает:

— Как он сказал? Граф Стрэндский?

— Нет, просто Стрэнд.

— *Просто* Стрэнд?!

— Да.

— Не...ский?

— Ну, что вы!

Повисает молчание. Граф Мэрилебонский еле сдерживается. Где-где, но не здесь он думал встретить пролетария.

— Ах, — говорит он наконец, кисло ухмыляясь, — и не то бывает!

Бедный Стрэнд прижимает уши, надеясь только на херес. Остальные графы без...ский рыдают в голос, а там — и ретируются.

Замечание (не сноска!). Приятель, которому я показал рукопись, не согласен с мнением о басах. Бывают и сомнительные, скажем — Мефистофель. Доверите вы ему бумажник? А королю бесов в пантомиме?

Что-то в этом есть, спорить не буду. Король бесов не только строит козни, но и мажет лицо зеленым, что придает ему сходство с несвежей ящерицей. Многие умные люди считают, что из всех английских достопримечательностей хуже — только цилиндр. А голос у него низкий. Наверное, в юности он попал в дурную компанию.

IV

ПРОЩАЙ, ДВОРЕЦКИЙ!

Тот самый критик, который укорял меня в любви к графам, заметил и влечение к дворецким.

Как вам это, Уинклер? Отчасти верно? Может быть, может быть.

Да, я всегда боготворил дворецких. В детстве я от них не отходил. В юности я отягчал своим присутствием дома, где они были. Позже они были в моем доме. Словом, я чтил их, как мог. За полвека я ни словом, ни делом не унизил их в общественном мнении, а теперь, со всеми этими передрягами, они куда-то делись.

Помню, я читал о миллионере, которому не хватало голубей. Все у него было, а голубей — не было, во всяком случае — нужного сорта. В детстве они просто кишели, а теперь, при всем своем богатстве, он не мог раздобыть завалящего голубка. «О, где ты, мой голубь?!» — восклицал он. Так и я. Без голубей я обойдусь, но где мой дворецкий?

Возможно, сейчас вы напомните мне, что недавно в лондонском суде обвиняли молодого пэра, укусившего за ногу знакомую барышню, и показания давал дворецкий. Читал, читал, даже немного ожил, но ненадолго. Тут же я цинично подумал, что дворецкий был мнимый, как говорится — эрзац. Конечно, кое-где дворецкие есть, но роль их выполняют лакеи, постаревшие мальчики на побегушках и тому подобные твари. Человека, помнящего дворецких 1903 года, не проведут недоразвитые субъекты без двойного подбородка. И это дворецкий? Хо-хо, если разрешите так выразиться.

Один мой знакомый завел дворецкого, и я его с этим поздравил. Он мрачно выслушал меня, потом сказал:

— Да, Мергатройд не плох, знает свое дело. Если бы он только не катался на перилах!

Настоящий, отборный дворецкий исчез с Эдуардом VII.^[38] Как ни старались притвориться, что при Георге было все то же, это не удалось. Послевоенный мажордом — синтетическая подделка. Когда мы, семидесятилетние, говорим о дворецких, мы имеем в виду тех, кто маячил за входной дверью в Мэйфере, на грани веков.

То было время утренних визитов, именовавшихся так, ибо происходили они под вечер. Часам к пяти вы надевали фрак (и, конечно,

жилет с белым кантом), надраивали добрый старый цилиндр (рекомендуем пиво), натягивали левую перчатку (не правую! Она в руке) и шли по утренним визитам. Взойдя на крыльцо вельможного дома, выдергали звонок, дверь открывалась, и перед вами представало величественное создание пудов на шесть, с багровым лицом, тремя подбородками, длинной губой и таким взглядом, словно вами погнушалась и ворона. «М-да, — говорил взгляд, — не к этому мы привыкли».

Во всяком случае, именно это читал в нем я благодаря крайней юности, а также тому, что фрак моего брата и брюки кузена сидели не очень хорошо. По бедности я заимствовал одежду у родственников, и потому однажды удостоился редчайшего зрелища — смеющегося мажордома. (Гильдия позволяет им быструю, сардоническую улыбку. К этому я еще вернусь.)

Познакомился я с дворецкими рано и сразу оценил их. Когда я был совсем мал, родители жили в Гонконге, а я странствовал по теткам. Многие из них были замужем за священниками, которые наносили визиты лордам, прихватывая и меня. Я и тогда отличался социальной отсталостью, и никак не мог понять, какой прок от того, что я молча ерзаю в кресле, время от времени лягая ножку. Рано или поздно наступал миг, когда хозяйка, страдальчески улыбаясь, предлагала милому мальчику попить чаю в людской.

И не зря. Я это любил. До сих пор помню добрых лакеев и веселых горничных, с ними я терял застенчивость и расходился вовсю. Пиши они мемуары, они бы назвали меня душой общества.

Но ничто не вечно. Словно ворон из «Зазеркалья», появлялся дворецкий, и шутки замирали на наших устах. «Ваша тетушка, мастер Пэлем...» — начинал он, и, постыдно дрожа, я плелся в гостиную.

Уйдя в отставку, дворецкий, как правило, женился на кухарке и сдавал комнаты в Челси не очень богатым юношам. Так я снова встретился с ним, но прежней теплоты не было. Иногда я бесшабашно бросал: «Привет, Бриггз!» (или «Биггз»), но ледяное «Здравствуйте, сэр», свидетельствовало о том, что хозяин квартиры не желает тесных контактов с субъектом в мешковатых брюках. Только вернувшись в Лондон, и то не сразу, я сам стал нанимать их и много о них узнал.

К той поре я достиг лет, когда голова седеет, тело толстеет, и страхи юности покидают нас. Перелом произошел, когда однажды утром я понял, что мне — под пятьдесят, а он — мальчишка лет сорока. Нас тянет к молодым, с ними легче, и я наконец разогнулся. От осторожных бесед о погоде мы перешли, вы не поверите, к жалобам на трудности текста (это я)

и сетованиям на то, что один из гостей или членов семьи громко всасывает суп. Стоишь, страдаешь — а что делать? «Вот, сейчас... — говоришь себе, — вот!.. вот!.. вот!..» и так вечер за вечером. То-то я удивлялся в детстве, что дворецкие мрачны.

Однако, повторим, я слышал смех дворецкого. В 1903 году меня пригласили в слишком светский дом. Друг, которого я описывал под именем Юкриджа, тайно взял мой костюм, и пришлось позаимствовать одежды дяди Хью, который был намного выше и толще меня.

Выглядел я неважно, но этого и сравнить нельзя с той минутой, когда подали рыбу. Взглянув вниз, я увидел, что штаны поднимаются и опускаются, словно волны при Кануте,^[39] а я, как и он, не мог их унять. С горя я потянулся за гарниром, прибор дошел до галстука, а Бейтс, Йейтс или Фотерингей издал тот звук, какой издает надутый пакет, если по нему хлопнуть. Мало того, он выскочил из комнаты, зажимая рот. С гильдией, я думаю, он объяснился позже, сославшись на припадок. Неприятное происшествие омрачило первые годы века, но все-таки будет, что рассказать правнукам.

Угрюм дворецкий и потому, что хозяйева любят рассказывать. Мой мажордом заверил меня, что только им, мажордомам, известна особая пытка: стоять за стулом, как зверь в зоологическом саду, и слушать в тысячный раз какую-нибудь историю. Когда он, к тому же, попросил не говорить при нем ничего забавного, я понял один давний эпизод.

Как-то приятель повел меня к самому Гильберту.^[40] Посредине трапезы великий человек стал что-то рассказывать. Обычно слушатели ждут развязки, которую подчеркивает пауза. Сами знаете: тоска, тоска — и взрыв смеха. Так вот, сэр Уильям рассказывает, я сижу в чужом фраке и в чужих брюках. История — скучная, но я-то знаю, чего нужно ждать от *такого* человека. И, так только он переводит дыхание, громко смеюсь.

Смеялся я в те дни странно, такими рывками. Видимо, заразившись, гости учтиво закрывали. Но тут я увидел взгляд хозяина.

Никогда не забуду столь чистой ненависти. Если вам попадались фотографии Гильберта, вы знаете, что и в мирном виде он достаточно грозен. Сейчас он мирным не был. Глаза из-под пышных бровей впивались мне в душу. Я заметался и увидел дворецкого, чей взор буквально сиял, как у верного пса. Тогда я не понял, в чем дело, теперь — понимаю. Он услышал историю в тысячный раз, а я ее прикончил.

Что ж, Гильберт упокоился в Бозе, равно как и дворецкий, и почти все дворецкие тех славных дней. Река времени неуклонно уносит даже

эдвардианских мажордомов. Надеюсь, они — с мудрецами, в снежном лимбе.

Но не навсегда. Когда Кларенс, девятый граф Эмсвортский, окончит приятную и долгую жизнь, он, разместившись на облаке, услышит голос верного Биджа:

- Нектару, милорд? Амброзии?
- Э? А! Здравствуйте, Биддж. А вот скажите, что это у меня?
- Арфа, милорд. На ней играют.
- А? Что? Играют?
- По возможности, милорд.
- Вот как? Неужели все?
- Все, милорд.
- И Констанс? И Бакстер? И Галахад? Сэр Грегори?
- Да, милорд.
- Поразительно! Ну, что ж, научите меня.
- Сию минуту, милорд.

V

КРИТИКИ И ЖЕРТВЫ

1

Вольные мысли о графах и дворецких были достойным ответом критику, которого не удовлетворяет рассыпанный перед ним бисер, а потому, Уинклер, я думаю, что вам интересна моя реакция на критические замечания.

Зависит это, как мне кажется, от того, кто меня критикует, хороший критик или плохой. Плохой говорит: «Ну, сколько можно! Опять этот Дживс». Когда бюро вырезок посылает мне что-нибудь в этом духе, твердый взгляд моих серых глаз становится ледяным, и я наклоняюсь к корзине. Забудем о таких людях и обратимся к тем редким душам, которые способны отличать добро от зла. Светлым маяком сияет среди них дама, написавшая недавно в газету, что Шекспира перехвалили, «он слишком груб», и лично она предпочитает П.Г. Вудхауза.

Что ж, не мне судить, права ли она. Все зависит от вкуса. Шекспир непохож на меня, но это не значит, что я лучше. Под некоторыми отрывками я бы охотно подписался. Скажем, «все эти завтра...»;^[41] есть тут что-то. Не уверен я и в том, что мог бы создать Фальстафа. Да, он грубоват, но какая сила! Поистине, уровень Вудхауза.

Сравнивая нас с Шекспиром, надо учесть, насколько ему было труднее. Меня никто не дергает, его то и дело дергали. Когда я пишу, я пишу. Я могу встать, выпустить кошку, разобраться со старшим (младшим) пекинесом, снова впустить кошку, и т. п. Но никто не мешает, никто не дышит в затылок, никто ни о чем не спрашивает. А вот у Шекспира не было свободной минуты.

Мне кажется, больше всего ему мешал Бербедж. Даже теперь драматург страдает от режиссера, а уж тогда театр был не лучше лагеря. Вас ни на минуту не оставляли в покое. Пьеса шла один вечер, спасибо, если два. Шекспир, например, готовил «Ромео» к воскресенью, а во вторник, в шесть часов утра, Бербедж будил его мокрой губкой.

— Спит! — возмущался он, обращаясь к неведомому другу. — Нет, это подумать! Шесть часов, а он пребывает в объятьях тяжких сна! О, Господи! Кто будет работать?

Шекспир садился в постели и протира́л глаза.

— А, привет! — говорил он. — Это ты, Берби? Как делишки?

— Какие делишки! Ты понимаешь, что завтра им надо что-нибудь дать?

— Как там «Ромео»?

— Вчера сыграли. Сколько можно! Если ничего нет, закроем театр. Есть, а?

— Да вроде нету.

— Что же делать?

— Пусть медведи попляшут...

— На что им медведи? Им пьеса нужна. И не охай ты, ради Бога!

Шекспир вылезал из постели и ко второму завтраку, под присмотром Бербеджа, ухитрялся написать «Отелло». Бербедж проглядывал пьесу, рычал: «Пор-работать пр-р-ридется», но был доволен.

Тут не распишешься. Это особенно связано с Шекспиром, точнее — с одним его качеством, которое проглядели критики: все хорошо, а смысла нет. Когда он спешил, то есть всегда, он валял, что придется, уповая на милость публики.

— Что такое «аграф»? — спрашивал Бербедж.

— А, это... Ну, девушки носят. Камни всякие на булавке.

— Тогда почему у тебя два слова, «а граф»? Какой еще граф? Откуда он взялся?

— Да ладно, все равно не расслышат. Главное, быстро говорить.

Так и шло, пока не доходило до совсем допотопных чудищ, но Шекспир делал вид, что это модный жаргон. Ничего не скажешь, тяжело. Шекспир пошучивал в «Русалке», что трудно только первые сто лет, но страдал, и это сказывалось.

Словом, моя корреспондентка могла бы его и пожалеть. А вообще-то, дай вам Бог, душенька. Надеюсь, вы меня еще читаете. Если нет, тоже ничего, и на том спасибо.

У этого случая были неприятные последствия. Мне переслали письмо с подписью «Разгневанный», которое начиналось так:

«Сэр, я буквально потрясен, прочитав в Вашей газете заметку некоей «Шотландской девы», утверждающей, что Вудхауз выше Шекспира. Как специалист по великому барду, смею заметить, что до его уровня доходят

Кто же это такие? Ну, хорошо, Альфред Дрейк блестяще сыграл в «Кисмете» и неплохо — в «Оклахоме»; но Нельсон? Может быть, Гарольд Никольсон? Что до Рэйли, мы знаем его, но не как писателя. Видимо, Разгневанный припомнил хозяина гостиницы, о котором поэт пел:

Однако в жизни не слышал, что он еще и писатель. Что-то тут не так. Письмо тем временем продолжается:

Опять двадцать пять! Я помню, есть Джонни Рейнольде в песенке Клариссы Мейнси. Она его очень хвалит («Ты сла-а-адок как фруктовый сок»), и я охотно бы с ним встретился, но вообще, хотел бы побольше о нем узнать. Вроде есть Рейнольдс и в бейсбольной команде, но он — Элли, так что это другой.

«Не собираюсь делать предсказаний, но хотел бы я видеть, как будет выглядеть ваш Вудхауз рядом с великим бардом в 2356 году».

Другие ждут вопросов. Ты свободен.
Другие вопрошают. Но не ты,
Поскольку знаешь все...

Когда рассудительный человек решится на такое, что-нибудь это да значит.

Не хотел бы подчеркивать, но обращаю внимание Разгневанного на письмо в «Тайме» от Веррьера Элвина (Патангарт, Индия). Автор рассказывает, что в его хижину зашла корова и съела «Так держать, Дживс», отвергнув Голсуорси, Джейн Остен и Т. С. Элиота. А? Каково?

Или возьмем школы. Библиотекарь жалуется, что ученики крадут книги, как то: 7 Агат Кристи, 12 Уоллесов, 36 Вудхаузов. Цифры не лгут. Подумали бы, Разгневанный, прежде, чем писать!

Вероятно, разница между мной и Шекспиром — в восприятии. Нас по-разному читают. Возьмем обычную комическую ситуацию: человек внезапно заметил, что сзади что-то неприятное. Вот как описывает это Шекспир в «Зимней сказке» (III, 3):

...Прощай!
День все мрачнее. Я еще не видел
Такого затуманенного неба,
Не слышал воя загнанного ветра,
Который слышу ныне. Да, пора!
Я ухожу

(Выходит, преследуемый медведем.)
Я бы написал иначе. Скажем так:
«Взглянув на него, я спросил:
— Что-нибудь съели, Дживс?
— Нет, сэр.
— Тогда почему у вас бурчит в животе?
— Простите, сэр, эти звуки издаю не я, но одно животное.
— Животное? Какое же?
— Медведь, сэр. Если вы обернетесь, вы заметите, что он стоит прямо за вами и нехорошо смотрит.

Я обернулся. Честный слуга был совершенно прав. За мной стоял медведь и не маленький, а вполне солидный. Он сверкал глазами, скрипел зубами, и я сразу смекнул, что дело плохо.

— Подскажите мне, Дживс, — взмолился я, — что теперь делать.
— На мой взгляд, сэр, стоило бы уйти.

Что же, я кинулся прочь, преследуемый бессловесным другом. Вот как, мои дорогие, ваш дедушка перекрыл на шесть секунд рекорд Роджера Баннистера (1 миля)».

Кто знает, какой способ лучше?

Никто еще не определил, как должна относиться жертва к критику. Многие советуют чихать на плохие рецензии, но, по-моему, это малодушно, да и скучновато. Так думал, во всяком случае, антрепренер ревю, недавно прошедшего в Нью-Йорке. Писали о нем Бог знает что; он же немедленно натравил адвокатов на каждого критика «в возмещение нравственного ущерба». Особенно тяжело пришлось автору слов: «Единственное достоинство ревю — то, что шел дождь, и крыша не текла». Именно его обвинили в «безвкусных остротах, превосходящих самое богатое воображение».

Я бы не зашел так далеко, но считаю, что жертва плохой рецензии должна ответить тщательно обдуманном письмом, которое может быть а) умиротворяющим и б) воинственным.

Образец письма «а».

«Дорогой мистер Уортингтон...»

Не «Сэр!» Это резковато. И, конечно, не «Уортингтон», если он Давенпорт или Коннолли. Думайте, думайте! Я даю только образчик.

Итак,

«Дорогой мистер Уортингтон!

Меня глубоко тронула Ваша рецензия в «Книжном еженедельнике» на мой роман «Куда, если хоть куда-то». Вы говорите, что сюжет плох, диалог слаб, персонажи — истинные чучела, после чего советуете бросить литературу и заняться продажей кошачьего корма.

По странной случайности я именно ею и занимаюсь, а пишу потом, когда все распродал. Мне бы не хотелось оставлять писательства, тем более — теперь, когда после Ваших ценных указаний, я могу исправлять свои погрешности, пока не добьюсь Вашего одобрения. (Надо ли говорить «*именно Вашего*», если я давно и увлеченно слежу за Вашим блистательным творчеством?)»)

Не согласитесь ли пообедать со мной, чтобы лучше обсудить «ягогочисленные недостатки моего злосчастного опуса? Предлагаю «Кларидж». на той неделе.

Искренне Ваш,
Дж. Дж. Симмонс.

Р. S. Как хороша Ваша недавняя статья «Дезинтеграция реальности в свете синкретических принципов»! Я еле дождался второй части.

Р. Р. S. Если Вы согласны насчет обеда, попытаюсь прихватить Артура Миллера. Я знаю, как хочет он с Вами познакомиться».

Это хороший способ, надежный, но, признаюсь, я предпочитаю другой. Дело в том, что Вудхаузы упрямы и вспыльчивы. Один из них провел неделю в Брикстонской тюрьме (1911 г.), чтобы не платить штраф за каминную трубу, которая несколько засорилась.

Итак, образец б) (воинственный).

«Сэр!»

(Не «Уважаемый сэр!» Это — слабость. И не «Вы, мерзкая вошь», что сильно, но не совсем вежливо. Лично я писывал: «Эй, Вы, ублюдок!», но «Сэр» — лучше).

Итак,

«Сэр!

Значит, по-Вашему, мой роман «Буря над Кройдоном» плох для слабоумного ребенка трех лет? А кто Вы, простите, такой? Кто вас спрашивает? Если бы Вы на что-то годились, Вы бы не писали поганых статей в крайне сомнительных газетенках.

Замечу, что Ваше мнение значило бы для меня больше, если бы я случайно не слышал от едва выносящих Вас людей, что Вы до сих пор не расплатились с фирмой «Братья Мэгс» за пару брюк, сшитых в 1946 году, а хозяйка, у которой Вы снимаете жилье, выгонит Вас не сегодня завтра, если Вы не заплатите за пять недель. Хотел бы я это видеть! Было бы неплохо, если Вы приземлитесь на что-нибудь твердое и свихнете зад.

Искренне Ваш
Клайд Уизерби.

Р. S. Где это Вас носило 15 июля (вечером)?».

Да, недурно. Очищает, знаете ли, сердце от вредных соков. Только не

посылайте такое письмо издателю, поскольку они разрешают критикам отвечать (хотя бы в скобках), оставляя тем самым за ними последнее слово.

Критики всегда были добры ко мне. Голуби, а не люди. Мало того, от них нет-нет, да получишь полезные сведения. Скажем, Джон Уэйн написал недавно статейку о моей книге, в которой один из героев, нищий литератор, живет в очень плохой квартирке; и что же? По его словам, это устарело. Теперь нищие литераторы в плохих квартирках не живут. Где они обитают, я не понял, — наверное, на Парк-Лейн, но спасибо, Джон. Запомню на случай, вдруг придется говорить о неимущем писателе.

Конечно, черная овца есть в каждом стаде, и среди цветов я нахожу куски кирпича. К примеру, не так давно рецензент «Дэйли Уоркер» обозвал Дживса «скучным экспонатом» и «старомодным образчиком того, что развлекало буржуев». Тяжко читать это в газете, имеющей влияние буквально на всю нацию. Однако нас утешает лестная заметка в датской газете. Вот отрывок:

«Skont Wodehouse laeses af verden over, betyder det dog ikke, at alle hat det i sig, at de er i Stand til at goutere ham. Jeg ved, at der er dannede Mennesker, som ikke vil spille deres kostbare Tid paa hans Boger. Hvis man ikke er for Wodehouse, er man nodvendigvis imod ham, for der er kun Undskyldning for at laese ham, og det er at man kan klukle over ham».

Да, такие слова согревают сердце; но самый верный путь — написать отзыв самому. Критики плохи тем, что склонны отделяться фразами вроде «Читать можно» и даже «233 с, 8 ф., 5 ц.», а этого, как ни крути, все-таки мало. Метод «сделай сам», напротив, порождает такие пассажи:

«Эта книга — истинный шедевр. Какая сила! Сколько красок! А ум, а юмор, а мудрость, не говоря о редком даре слога и небывалой реальности персонажей! Ничего не скажешь, больше таких книг нет».

Заметим, что речь идет о жизнеописании Джоконды в девяти томах. Первый насчитывает 1267 стр., и на последней из них Мона Лиза еще не родилась. Но как-то чувствуешь, что она родится, а интерес тем самым усилится.

VI

О СЫРЫХ ЯЙЦАХ, КУКУШКАХ И ПОКРОВИТЕЛЯХ

1

А теперь, Уинклер, мы приблизились к перекрестку или, если хотите, к тупику. Что нам дальше делать?

Знаю-знаю, вы ждете не дождетесь, чтобы я продолжил рассказ о моем пути, а я колеблюсь, маюсь, мнусь, думая, не лучше ли для нас обоих изменить тему. Видите ли, Уинклер, я зачаровал Вас повестью о трудной борьбе, но как только в «Сатердей Ивнинг Пост» напечатали «Что-нибудь этакое», борьба эта прекратилась. Издателю, Джорджу Хоресу Лори-меру, роман понравился, и с той поры, кроме особых заказов, я двадцать пять лет печатался в этом журнале. Ничего не скажешь, приятно, но где накал, где драма?

Примерно тогда же я прочно связался с театром. Сразу после второго из успешных романов, именуемого «Неудобные деньги», я начал третий, «Джим с Пиккадилли» — и повстречал Гая Болтона и Джерома Керна. В 1906 году мы с Джерри работали у Сеймура Хикса, в Олдвич-тиэтр, а теперь все мы, трое, занялись мюзиклами. (Об этом рассказано в наших с Гаем записках: «Введите девиц!».) Мюзиклы ставил в Нью-Йорке Принсест-тиэтр, и они имели большой успех. Одно время на Бродвее у нас шли пять штук сразу.

Вот оно как, Уинклер. Весь жар, весь пыл исчез как не было. Что может быть скучнее, чем повесть об авторе, который может смело смотреть в лицо служащему банка?

Некоторые романисты не только перечисляют все названия, но и рассказывают сюжеты. Ну, что это, честное слово! Тому, кто хочет написать книгу о своих успехах, следует помнить, что ответил журналисту Глин Джонс прошлой весной, в Форт Эри (Онтарио). О, Форт Эри, весна, цветущие каштаны! Но суть не в том. Журналист спросил, как удалось Г. Дж. выиграть первенство Канады по сырым яйцам. Съел он 24 штуки за 14 минут.

Я и сам удивляюсь, почему это делают? Ну, как придет в голову

участвовать в таком конкурсе? Буквально то же самое — цирк. Почему человек решает нырять сквозь дырочку в аквариум? Наверное, готовится стать священником, ни о чем другом не помышляя, и вдруг, сидя над богословскими трудами, слышит голос.

«Неплохо-неплохо, — говорит голос, — но истинное твое призвание — нырять в дырочку. Не подавляй его. Припомни притчу о талантах». Герой наш отбрасывает книгу и нанимается в цирк. Что-то подобное случилось и с Джонсом.

Поскольку он сказал журналисту, что всем обязан матери, я представляю все так: юный Глин жил в уютной, веселой, любящей семье, но ему не хватало сырых яиц. Вареные — пожалуйста, омлет — к вашим услугам, а сырых нет. Тем самым, что-то его томило.

«Мне бы сырое яйцо... — думал он. — Это моя стезя».

Как-то он заметил, что мать (вот она где!) забыла запереть кладовую. С нижней полки ему улыбалась дюжина яиц. Заглатывая последние, он твердо знал, к чему призван.

«Держись, дорогой, — снова вступил голос. — Живи праведно, упражняйся, и придет время, когда ты одолеешь две дюжины».

С тех пор он шел вперед.

Но я хотел поведать другое. Прошу. Журналист спросил, как он все это сделал, а Глин честно ответил:

— Двадцать одну штуку я съел за двенадцать минут, остальные три — за две.

— Нет, — возразил журналист, — я хотел бы знать, как вы *начали*?

— С первого яйца. Назовем его яйцом А или 1. Значит, я его съел (если хотите — выпил), потом взял второе, потом третье, и так далее.

Замените «съел» («выпил») на «написал», и вот вам рассказ преуспевающего литератора. Больше говорить не о чем. Скажем, я написал «Что-нибудь этакое», потом «Неудобные деньги», потом — «Джима», потом еще что-то, и еще, и еще, и еще.

Все они стоят на полках, 75 штук, по одной в год, и я бы охотно перечислил их, но жаль читателя. В конце концов, я не пишу исторических бестселлеров, которые он так любит. Когда Ноэль Кауард рассказывал, как создавалась «Кавалькада», я затаил дыхание вместе со всеми читателями, но у меня нет ничего сенсационного. Пишу я тихо-мирно, беру количеством. Да, в Америке продали два миллиона «Несравненных Дживсов», но в мягкой обложке, о чем тут говорить. Вообще же я бы себя назвал средним писателем — не полным неудачником, но и не каким-нибудь властителем душ. Спросите первого встречного: «О Вудхаузе

слышали?» — и девять человек из десяти ответят: «Нет», а десятый, тугой на ухо, скажет: «Прямо и направо, первая дверь».

Ради ничтожного меньшинства, интересующегося статистикой, сообщу, что с 1962 года я изготовил десять школьных книг, одну детскую и сорок три взрослых (т. н. романы), а также 315 рассказов, 411 очерков и опус, названный «Вторжение». Кроме того, я написал 16 пьес и 22 музыкальные комедии. Все это давало мне возможность трудиться, а не бегать по пивным.

Один миллионер потратил долгую жизнь на непрестанную борьбу за деньги. Умирая, он жалобно спросил: «А не скажет ли кто-нибудь, кому это нужно?» Нередко, оглядываясь назад, я ощущаю то же самое. Может, чем писать романы, лучше было бы поиграть в гольф? Возьмем, к примеру, «Вторжение», одну из тех дешевых и непрочных книг, которые буквально кишели в 1909 году.

В ней 25 000 слов, написал я их за 5 дней, а прочитали (если поставить их цепочкой) столько людей, сколько поместится на трех-четырех кварталах. Стоило ли трудиться?

Да, стоило. Когда я пишу, я получаю большое удовольствие, быть может — несколько одностороннее. Доктор Джонсон как-то сказал, что только дурак пишет не ради денег. Я же сомневаюсь, что кто-нибудь писал ради денег. Писатель пишет потому, что это ему нравится. Конечно, потом он хочет что-нибудь получить, но это — совсем другое дело.

Даже тот, кто составляет расписание поездов, больше думает о забаве, чем об оплате. Глаза его лукаво поблескивают, когда, написав:

отб. 4.51 приб. 6.22,

он ставит крохотную звездочку, зная, что читатель ее не заметит, равно как и сноски:

* только по пятницам,

и, схватив поклажу, в том числе — клюшки, резво побежит на станцию в субботу. Нет, не о деньгах мыслит в эти минуты автор.

Ну, хорошо, а как же те, кто пишет про кукушку? По-вашему, и они корыстны? Ах, Джонсон, Джонсон...

Много лет не пишу я писем в газеты, но их читаю, а потому — не могу поддерживать заговор молчания, связанный с кукушкой или, если хотите, *Cuculus canorus*. Речь идет о пернатом друге, который ставил в тупик Уордсворта. «Кто ты, — бывало, спрашивал он, — живая птица или голос?» и, судя по всему, так и остался в неведении.

Когда я был молод, к кукушкам относились серьезно. Тысячи людей ловили их слово. Каждый стремился услышать его первым, а уж тем паче — написать об этом в газету. Зимовала кукушка в Африке, это ей по карману, и в Англию возвращалась к середине апреля; а потому числа с 9-го заинтересованные лица делали стойку, то есть прикладывали руку к правому уху и клали в левый кармашек вечное перо.

В сущности, все корифеи жанра — Разгневанный британец, Друг народа, Поборник истины — начинали с кукушки. Услышат «ку-ку» и строчат в «Дейли Телеграф». С чего же еще начинать молодому автору?

— Дорогой мой, — сказал мне Разгневанный британец, соблаговоливший прочитать мои отвергнутые материалы, — не падайте духом. Мы все через это прошли. Ошибка ваша в том, что вы пишете о всякой политике или там социальных условиях. Не ставьте карету впереди лошади. Начните, как все, с кукушки. И будьте осторожны! Один человек сообщил, что слышал *камышовку*. Сами понимаете, что вышло.

Я внял его совету, и вскоре издатели это оценили.

То ли дело теперь! Смотрим письмо в новом номере «Обсервер»:

«Глубокоуважаемый сэръ. Рели принять гипотезу, что мозг — лишь орудие, но не источник мысли, понятия «дух» и «душа» становятся излишними».

Ну, что это! Где кукушка? Я бы легко и просто ввел ее, скажем, так:

«...орудие, но не источник мысли, то и шут с ним, его дело. А вот нам с вами интереснее, что сегодня, 1 января, я отчетливо слышал «ку-ку!» в самом центре города. Помню, я спросил констебля, отводившего меня в участок, можно ли считать это рекордом».

Так написал бы Друг народа или Поборник истины, но это не предел. Смотрите, как грубо, как резко меняет он тему, словно подскакивает к стойке за пять минут до отхода поезда. Многоопытный Британец или Налогоплательщик даже начнет иначе:

«Чу. Внимание мое приковала...»

Прежде чем я вошел в игру, мне казалось, что такие выражения свойственны мечтателям, которых занимают не газеты а скажем, династия Мин. Но когда я вступил в славный клан журналистов, я понял свою ошибку. Так пишут не мечтатели, а истинные мастера.

Начнем с первой ступеньки:
«Гл. сэр! Вчера я слышал кукушку...»
Через годик-другой доходим до:
«Гл. сэр! Кукушка снова с нами. Звонкий звук оглашает окрестность.
Не далее как вчера...»
Наконец, в должное время, вступает упомянутый оборот речи.
Все это происходит исподволь, без формальностей, церемоний или инициации. Автор повинуетя чувству, словно хороший адвокат.
Однажды я грубо ошибся, и Многодетная мать поставила меня на место.
— Либби, — сказал он (ибо я подписывался «Разочарованный Либерал»). — Либби, я должен вас поправить. Вчера, в «Тайме», вы написали, что ваше внимание что-то привлекло.
Я был молод и своеволен, а потому ответил:
— По-моему, все верно.
— О, нет! — сказал Мать. — Не «привлекло», а «приковало». Смотрите, что пишет Теннисон:

«Завтрашний день, ах, завтрашний день
Он лучше рая,
Ибо вниманье мое приковал
Животворящий газетный подвал,
Автор которого мне рассказал,
Что
Завтра я буду, ах, завтра я буду
Царицей мая».

Больше я таких ошибок не делал.

Вернемся к доктору Джонсону. Зря я на него рассердился, он был не в себе, тут и не то скажешь. Его довел лорд Честер-филд. Надеюсь, вы помните, что было: он хотел, чтобы лорд стал его покровителем, а тот отшвырнул несчастного мыслителя, словно шелковое покрывало.

Когда я писал для грошовых изданий, гадая, когда доведется в следующий раз выпить кофе, я нередко тосковал по системе,

распространенной в XVIII столетии (если помните, об этом сказано в Предисловии). Какая жизнь! Ни тебе слез, ни крови, ни пота. Пробеги список пэров и выбери покровителя.

Тут нужен слабоумный, но все они были хороши, а без наших жутких налогов могли спокойно швыряться кошельками. Иногда подходящего лорда указывал добрый друг.

— Чем тебе плох Сангазур? — говорил он. — Я знаком с нянькой, которая его уронила. Польсти ему, сколько надо, и положишься на Бога. Да, не забывай вставлять «Ваша светлость».

Я не совсем уверен, как это все шло. Видимо, вы ждали, когда намеченная жертва напишет стихи, а потом болтались у нее в передней, пока вас не примут. Лорд лежал на диване, листая тогдашний журнал. Когда он произносил: «Да?» или «Кого это черти носят?», вы объясняли, что пришли на него взглянуть.

— Нет-нет, ваша светлость! — говорили вы. — Не затрудняйте себя, читайте! *Только* взглянуть.

И прибавляли, что особенно привлекает вас благородный лоб, за которым слагалась «Ода весне». Эффект не заставлял себя ждать.

— Ой, правда? — восклицал юный пэр, смущенно выводя вензеля левой (или правой) ногой. — Вам понравилось?

— Понравилось! — восклицали и вы. — Да я вознесся на седьмое небо. Скажем, строка: «Весенний день, о ты, весенний день!» Как это вам удастся, ваша светлость?

— Да так, знаете, как-то...

— Гений! Гений! Простите, ваша светлость, вы регулярно трудитесь или ожидаете вдохновения?

— Да как когда... А вот вы, часом, не пишете? Такой умный молодой человек... Пишете, а?

— Бывает, ваша светлость. Конечно, до вас мне далеко, Но — бывает, пописываю.

— И как, выгодно?

— Ну что вы, ваша светлость! Теперь без патрона не прожить, а где их взять, патронов? Но что там!.. Как это у вас, ваша светлость? «Весенний день, о ты, весенний день, Когда кукушке куковать не лень». Поразительно!

— Неплохо, э? Мне и самому нравится. А кстати, почему бы вам не взять меня в патроны?

— О, ваша светлость! Какое благородство!

— Значит, заметано. Скажите дворецкому, чтобы дал вам полный

Недавно я заметил, что патроны возвращаются. Дело было так: в одной статье я, по ходу рассуждений, поместил свой номер телефона. «Каждый человек, живший в Нью-Йорке, — писал я, — должен рано или поздно решить, будет ли его номер в телефонной книге. Или номер есть, или его нет. Третьего не дано». Сам я, должно быть, дал свой номер, чтобы было что почитать долгим зимним вечером. Смотрите, как красиво:

«Вудхауз, П.Г. Парк-ав. 1000 Б-8-50-29».

Куда благозвучней, чем «Вудак, Норма Л., там-то и там-то, М-8-43-76», которая идет прямо передо мной, или «Вудчик, Дж. Д., там-то и там-то, М-6-49-33» (сразу после). Вообще-то ничего, бывает хуже, но все-таки далеко им до «Вудхауз, П.Г. Парк-ав.» и так далее.

Когда мной овладевает печаль, я открываю нужную страницу, и сердце возносится горе. «Вудхауз. П.Г., — шепчу я, — Парк-ав. 1000... В-8... 50-29...». Да, красиво.

Конечно, тут есть опасность — вас окатят презрением гордецы, имея в виду, что такому ничтожеству незачем скрывать свой номер, кто ему позвонит!

Однако я стоял на своем, внедряя в умы свой адрес и номер (Вудхауз П.Г., Парк-ав. 1000, Б-8-50-29, если забыли). Шут с ними, с гордецами. Чем я выше, в конце концов, Аак-лус, Вальбурги Э. или Циттфельда, Сэм?

Так вот, мне стали звонить, человека по два — по три в день. Трудно поверить, но один субъект из Пасадены (Калифорния) сообщил, что пишу я мерзко, читать он меня не станет ни за какие деньги, но очерки еще ничего, а потому он хочет прислать мне изображение голый красотки на берегу Луары. Я согласился — кто тут откажется? — и она висит над моим письменным столом. Веду же я к тому, что не только поклонники могут выказать добрую волю.

Мы, творцы, живем творчеством, но иногда что-нибудь нужно. Если патроны и впрямь возвращаются, надо их поддержать.

В данный момент мне не помешали бы:

Мячи для гольфа.

Табак.

«Роллс-ройс».

Собачий корм для 1) фокстерьера, 2) пекинеса, 3) еще одного

пекинеса.

Кошачий корм (она любит горошек).

Бриллиантовое ожерелье (для жены).

Можно и ящик шампанского, и теплые вещи. Акции стального треста?

Что ж, это неплохо.

VII РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЮМОРИСТАХ

1

Что ж, любезный Уинклер, время шло, и, следуя методу Джонса (книга, книга, книга, не говоря о рассказах и мюзиклах, вылетающих из меня, словно летучие мыши из амбара), следуя этому методу, я достиг сравнительного благосостояния. Двадцать один роман печатали в «Сатердей Ивнинг Ревью», из номера в номер, и за второй я получил 5 тысяч, за третий — 7500, за четвертый — 10000, а за пятый — целых 20.

Что до последней дюжины, я получал по 40000 за штуку. Неплохо, даже очень неплохо, но я всегда понимал, что не принадлежу к великим. Как Дживс, я знаю свое место, а оно — в дальнем конце стола, среди самой мелкой челяди.

Поставляю я «легкое чтиво», а тех, кто это делает, иногда именуют юмористами, но непременно презируют. Высокоумный люд кривит губы. Если я вам скажу, что в последнем номере «Нью-Йорка» меня называли болбочущим эльфом, вы поймете, каких высот достигла злосчастная тенденция.

Это даром не проходит. Если человека называют «б. э.», он падает духом. Он не ест овсянку, он бродит, выпятив губы подкидывая камешки, он держит руки в карманах. Еще немного, и он переключится на серьезные книги о социальных условиях, а мир потеряет юмориста. При таком положении дел они исчезнут скоро. Веселый, голосистый хор и так сменился одиноким писком. Из чащи еще доносится звонкий голос Бродяги,^[42] но как только лорд Бивербрук или другой газетный магистр назовет его болбочущим эльфом, он сдастся, и что же тогда будет?

Особенно заметно это в Америке. Если вы встретите существо, которое крадется боком, словно кошка в чужом дворе, где в нее могут метнуть камень, не думайте, что это — преступник, которого ловят в тридцати штатах. Нет, это — юморист.

Недавно я издал антологию современного американского юмора, и очень горжусь, несчастных надо поддерживать. Издай антологию, и эти изгои расцветут, как политый сад. С удивлением обнаружив, что кто-то видит в них Божьих тварей, они решают, что мир не так уж плох, сыплют

стрихнин обратно в баночку и выходят из дома через дверь, а не через окно седьмого этажа. Мое обращение к ним («Не дадите ли рассказик?») было первым приятным событием за последние двадцать лет. Фрэнк Салливан, к примеру, ходил по Саратогге, распевая, как жаворонок.

Приведу три суждения о том, почему «легкое чтение» пошло на убыль — мое, покойного Расселла Мэлони и Уолкотта Гиббса. Начну с моего.

Мне кажется, юмористов пришибает отношение тех, с кем они общаются в начале жизни. Поступив в школу, они оказываются в одной из двух групп. Если они просто шутят, их считают идиотами. Если они склонны к сатире, их считают вредными. И тех, и других не любят, и при возможности бьют. Во всяком случае, так было при мне. Сам я как-то уберегся, может быть — потому что весил 12 стоунов^[43] с лишним и неплохо боксировал, остальные же эльфы перестали шутить примерно в 1899 году.

Рассел Мэлони полагает, что юмористами обычно были карлики. Действительно, в Средние века знать и богачи считали очень смешными тех, кто мал ростом или хотя бы сгорблен. Каждый, в ком было не больше пятидесяти дюймов,^[44] вступал без долгих слов на стезю юмора. Ему давали колпак и шест с бубенчиками, а там и велели смешить публику. Кормили неплохо, работа — легкая, и карлики старались, как могли.

Теперь, продолжает Мэлони, смешат «маленькие люди» в другом, нематериальном смысле — те, кто боится перейти дорогу или обналичить чек и может долго стоять, глядя в пространство. Юмористов мало потому, что приличная сигарета любого из 12 сортов начисто снимает эти странности, превращая вас в бодряка, здоровяка и супермена.

Уолкот Гиббс считает, что повинна современная привычка бить юмориста чем попало, если он пошутит. Чтобы стать юмористом, надо видеть мир несколько скошенным, а теперь, когда он совсем перекосялся, все требуют, чтобы его видели правильным и прямым. Юморист смеется над официальными установлениями, а те этого не любят. За последние лет десять, считает тот же Гиббс, юморист все больше сжимается, словно чувствуя, что, подними он свою дурацкую голову, толпа кинется на него, крича, что он играет на скрипке, когда горит Рим. После пробы-другой он резонно затихает.

По-моему, Гиббс не ошибся. Юмористов вытеснила из жизни та раздражительность, которая царит на всех уровнях. Куда ни взгляни, вас предупреждают, чтобы сидели тихо, а то хуже будет.

Вот, один журналист пишет: «За последний год я наслушался больше окриков, чем за всю предыдущую жизнь. Я то и дело получаю разнос за статьи о собаках, о диете, о язве, о королях и кошках. Недавно я написал, что певицы уж очень визжат, и ответ был такой, словно я оскорбил всех женщин сразу».

Другой журналист, из Австралии, брал интервью перед матчем у тяжеловетеса Роланда Ла Старсы, и был поражен его умом.

«Роланд, — пишет он, — человек умный. Мозг у него есть. А может, мне так кажется, потому что я много общался с теннисистами, которые почти не отличаются от кенгуру».

Я не общался с кенгуру и не могу сказать, как обстоят у них дела с серым веществом, но в одном я уверен: все Общества защиты животных, особенно — Международная лига, следящая за тем, чтобы не обижали сумчатых, едва не съели автора заметки. Да, они признавали, что средний кенгуру — не Эйнштейн, но указывали на то, что даже вомбат не станет скакать перед сеткой, выкрикивая разные глупости.

Так-то, друг мой Уолкот, а если вы спросите, что делать, я ничего не отвечу. Как говорят французы, «impasse»^[45] (а-а-а-нг-пас). Теперь буду ждать гневных писем от Фора, Пинэ, Шевалье, Мендес-Франса, О-ла-ла и Разгневанной Парижанки.

Говорят, можно шутить над дикобразами, но я в этом сомневаюсь. Попробуйте — и посмотрите, как быстро обнаружится в ящике такое письмо:

«Сэр!

Прочитав ваши бестактные и бестолковые замечания о дикобразах...»

Недавно один мой собрат пошутил над устрицами, и ему досталось. Письмо от Устрицелюба, полное горьких упреков, заняло полколонки на следующий же день. Должно быть, то же самое случилось и с тем, кто прошелся насчет блошиных бегов, заметив, что хозяин мешает актерам

своей густой бородой. И не говорите мне, что никто не защищает этих хозяев или дрессированных блох!

Во всяком случае, бородатых пловцов заботливо оберегают от обиды. Недавно в Лос-Анджелесе хозяин бассейна сказал служащему с бородкой: «Сбрейте эту пакость, а то мы всех распугаем». Калифорнийский Департамент труда немедленно заявил, что слова эти «нанесли тяжелую травму члену свободного общества, который имеет право выглядеть так, как считает нужным...». После чего присовокупил, что вандейковская бородка по сути своей не может никого распугать.

Какая чушь! Еще как может. Мало того, она заставляет усомниться в том, что человек — венец природы. Если Ван Дейк считал, что этот кустик его украшает, у него было что-то со зрением.

Я лично этих лиг не боюсь, чихать я на них хотел, простите за выражение. Мы, юмористы, знаем, на что идем.

Роберт Бенгли писал в одном из своих эссе: «Нам, американцам, нужно бы поменьше мостов и побольше смеха». О, как он прав!

Когда я впервые приехал в Нью-Йорк, все шутили и резвились. И в утренних и в вечерних газетах были команды юмористов, ежедневно поставлявших прозаические и стихотворные шедевры. Журналы предлагали смешные рассказы, издатели — смешные романы. То был золотой век, и ему пора вернуться. Для этого нужна хоть какая-то смелость молодых авторов и старая добрая широта редакторов.

Если же молодой автор считает смех недостойным, дайте ему Талмуд, который, надо заметить, создавали в такое же мрачное время.

Сказал пророк Илия: «И у этих есть доля в грядущем мире». Подошел раби Брока к ним и спросил: «В чем служение ваше?» — «Мы, балагурия, шутками поднимаем дух скорбящих».^[46] Да, кто-кто, а эти люди унаследуют Царство.

VIII

ЧЕЛОВЕК ЗАТРАВЛЕННЫЙ

1

Пока золотой век не вернулся (если он вернется вообще), я смиряюсь с долей изгоя. Да что там, в конце концов! В ней есть и свои радости.

Подойдут ко мне на улице и скажут:

— Эй, Вудхауз, хотите быть знаменитым? А я и отвечу:

— Нет, дорогой Стоук, Смит или Бивен (если подойдет сам Эньюрин [47]). Не хочу. Сдашься в минуту слабости, и все, конец. Лезть к знаменитостям — наш национальный спорт.

Так было не всегда. Когда-то знаменитых людей почитали. И вдруг — что такое? Словно туча moskitov, налетели молодые люди с блокнотами и вечными перьями, чтобы следить за каждым шагом, каждым твоим словом. Теперь знаменитость можно опознать по затравленному взгляду и нервным прыжкам.

Справился с этим только Ивлин Во. Быть может, вы еще помните, что примерно год назад из «Дейли Экспресс» позвонили ему в Глостер и спросили, нельзя ли к нему приехать их сотруднице, Нэнси Спейн, чтобы взять интервью для серии «Трезвый взгляд на тех, кого мы любим». Мистер Во, имевший дело с «Д.Э.», ответил: «Нельзя». Однако мисс Спейн приехала вместе с лордом Ноэль-Бакстоном, а Великий Во, Во Освободитель, твердой рукой довел их до ворот и вернулся к прерванному обеду.

Случай этот так умилил меня, что я взял арфу и спел такую песню:

Мой добрый отец
Сказал мне: «Юнец,
Ты можешь стать юристом,
Шофером, актером, танцором, вахтером
И даже плохим дантистом,
Но я умоляю,
Прошу, заклинаю,
Не становись романистом,
Не становись, остановись,

Лучше стань аферистом.
Ибо писателя посетят
Не холод, не голод, не мор, не град,
А парочка журналистов,
Ноэль-Бакстон и Нэнси Спейн.
Бакстон и Нэнси Спейн, мой друг,
Которые хуже и зноя и выюг,
Мышей, клещей, насекомых.
Однако писатель их должен принять,
Слушать, кормить, поить, отвечать,
Иначе ему придется бежать
Из милого сердцу дома.
Ах, я не слушал советов отца,
Писал романы в поте лица,
Имел немалый успех.
Однако настал неприятный час,
Несчастный, нет, злосчастный час,
И появились в доме у нас,
Как, собственно, и у всех,
Кто нарушает волю отца,
Два посторонних и мерзких лица
Бакстон и эта Нэнси.
Бакстон и эта Нэнси, мой друг,
Которые хуже загробных мук,
Голода, холода, мыши,
Поскольку ты должен их утешать,
Кормить их, поить их, что там — читать
То, что они напишут.
О, не надейтесь обмануть
Злою судьбой предначертанный путь,
С верной дороги недолго свернуть,
На пагубную тропу!
Помните опыт печальный мой,
То, как я утратил покой,
Обретя вместо жизни простой,
Тихой, смиренной, не показной
Бессовестную толпу
Всяких лордов и Нэнси Спейн.
Лордов и Нэнси Спейн, мой друг,

Начал «Нью-Йоркер» со своими «Профилями». Он решил, что, если выследит знаменитость, разговорит ее, а потом напишет статью, изображая ее слабоумной, все, кроме знаменитости, посмеются от всего сердца. Года два назад обработали Хемингуэя, заслав к нему дамочку, которая записала *каждое* слово. Вышло очень смешно. Если записывать все несколько часов кряду, непременно изловишь какую-нибудь глупость.

Заметьте, знаменитость трудится даром, хотя есть хорошие предвестия. Вероятно, читатель не знает Джона Харрингтона, и я объясню, что он возглавляет спортивный отдел на чикагском радио. Вчера он получил такой удар, что до сих пор ходит кругами, бормоча: «Кровопийцы» или что-нибудь похуже.

Дело в том, что он хотел взять интервью у членов бейсбольного клуба, а они обрадовались, но сказали, что берут авансом по 50 долларов на рыло. Нет долларов, нет интервью. Он удивился и пал духом, как герой русского романа.

Слава бейсбольному клубу, скажу я. Сколько нас терзали, сколько мучили в прямом смысле — ни за грош, предполагая, что с нас хватит двух-трех хвалебных фразочек.

Вот что писали в «Дейли Экспресс» о Сесиле Битоне:

«Он похож на доброго и ловкого волшебника в сером костюме и элегантных черных ботинках».

Поистине, жалкая плата! А беседа, между прочим, была очень важная, ибо, рассказывая о посещении какого-то французского ресторана, СБ. поделился сенсационными фактами:

«Стояло лето, сияло солнце. Нам подали очень вкусное блюдо, консистенцией близкое к крему. Названия я не запомнил, но знаю доподлинно, что там были трюфели».

Представляете? Тираж подскочил. Лорд Бивербрук, хочешь — не хочешь, купил на Ямайке еще два дома. Журналистка, вполне заслуженно, получила неслыханный гонорар и право называть мисс Спейн просто Нэнси. А что получил Битон? Ничего, кроме преходящей радости увидеть себя волшебником в черных ботинках. Справедливо это? Нет. Ботинки или не ботинки, но за жилье с вас возьмут, как миленькие. Молодцы эти

бейсболисты.

Однако они — не первые. Видимо, есть что-то такое в бейсболе. Вчера я читал довольно давнюю беседу Уильяма (Билла) Терри, возглавлявшего нью-йоркских «Гигантов», и журналиста, который пристал к нему с этим «Профилем» (в упомянутом журнале статья этой серии занимает 83 страницы).

— Где вы родились, мистер Терри? — спросил для начала журналист.

— Парень, — ответил Билл, — за такие сведения платят. И немало.

На этом и кончился пир любви. Пришлось заполнить 83 страницы весомыми, умными мыслями Эдмунда Уилсона.

Так что, слава Биллу. Однако, соглашаясь с таким подходом, я вижу и опасности. Пока нет четкой таксы, можно ожидать весьма прискорбных препирательств.

Предположим, вы — мистер Боррот, обыгравший в кегли весь город в тихий летний день, когда манит сень и мешает тесный ворот. Вскоре у ваших дверей зазвонит звонок, а там — появится джентльмен в роговых очках.

— Доброе утро, мистер Боррот, — скажет он. — Я из «Тайме». Читатели хотели бы узнать...

— Сколько?

— Фунтов десять?

— Двадцать.

— Ну, пятнадцать.

— Смотря что вы напишете. Человек под тридцать, в очках, уже лысеющий?..

— Ну, что вы! Скорее, в духе веселого, ловкого чародея.

— Это хорошо.

— И прибавим, что успех вас не испортил.

— Прекрасно. Могу сбавить шиллингов десять.

— А не 12 и 6 пенсов?

— Нет. Я не мелочен.

— Ладно. Теперь скажите, мистер Боррот, что вы чувствовали, когда...

— Радовался.

— Могу я написать, что вас вдохновляла мысль о жене и детях?

— Если дадите 15. А лучше — 20.

Видите, что получается? Стыдно смотреть. Лучше перепоручить все агенту. Своему я твердо сказал: «10 гиней», а если хотят узнать, что за блюдо мне подали в замке, накинём еще.

Я не назвал журналиста из «Тайме», но полагаю, что его имя содержится в стихах, которые записал на старом конверте, размышляя, как мне свойственно, над перечнем издателей, редакторов, корректоров, корреспондентов и т. п. Сяду, закину ноги на каминную доску и смакую любимый список, дарующий вдохновение.

Признаюсь, я печален потому,
 Что не вхожу в великолепный список
 Сотрудников прославленной газеты.
 Как счастливы они, как хороши,
 Как многочисленны, разносторонни,
 Легки в общении, красноречивы.
 А сколько их?
 Наверно, сотен девять,
 Любого пола, возраста и вида.
 Какое счастье быть накоротке
 С такими, как Эстелла Дембек или
 Вирджиния Л. Беннет, Эдвард Серф,
 Рой Алекзендер, Ричард Олмэн-младший
 И многие другие.
 Но не мне
 Мечтать об этой благородной доле,
 Когда я не умею, как они,
 Писать серьезно и велеречиво.
 Нет, я пытался, но мои потуги
 Оканчивались всякой чепухой
 Сомнительного вкуса, шутовством,
 И прочим, что препятствовало мне
 Трудиться вместе с Доротеей Грин,
 Бернштамом, Контом, Коппсом, Хиллис Миллс,
 Р. Хьюлетом, Данитой Рейке-Берк,
 И Старым Дядюшкой из Оклахомы,
 А также с Джонатаном Леонардом,
 Ф. Трапнеллом, Саритой Нортон-Кинг,
 Инь-Синем, Дидри Райян, Китти Пертелл
 И Дядюшкой из Оклахомы. Жалко,

Но что поделаешь?

IX

МОСТЫ, МЕТЕОРИТЫ И УЛИТКИ

1

Хотя я не тяну на требования Люса^[48] и прозябаю в чине болбочущего эльфа, на которого презрительно шипят интеллектуалы, я никогда не жалел, что стал писателем. Ремесло это знает взлеты и провалы; то вы — на гребне волны, то — где-то там, куда волна падает, но плюсов вообще больше, чем минусов. Лично я преуспел здесь больше, чем мне удалось бы в любом деле, скажем, если бы занялся поддержанными мостами, собиранием улиток или ловлей метеоритов.

Мосты привлекают многих надеждой на скорую наживу. За поддержанный мост можно получить 125 000 фунтов, а такие деньги на дороге не валяются. Но далеко не каждому нужен мост, сами понимаете, многим вообще не до них. Сегодня мосты идут на «ура», завтра их даром не возьмут. Вот, недавно решили продать один нью-йоркский мост, но, сколько ни молили аукционисты порастрасти моль из бумажников, никто не дал и цента.

А мост был хороший. Четыре сквозных фермы, между ними — три просторных проезда, он же сам выдерживает 100 000 машин и 500 000 пешеходов в день. «Подарите его своей девушке, — надрывались аукционисты, — и она заплачет от радости». И что же? Ничего.

Мосты вообще ненадежны. Кто их знает, чего от них можно ждать. Вспомним, к примеру, что было вчера, когда заново открывали подъемный мост над рекой Пассаик (штат Нью-Джерси).

Если вы случайно не знаете, я расскажу вам, как действуют эти подъемные мосты. Судно гудит, мы нажимаем кнопку, мост поднимается, мы снова нажимаем, и так далее, сколько выдержишь. Неплохое занятие для сумрачного, но теплого дня. Однако в 1946, пропустив танкер, упомянутый мост застыл в воздухе и простоял так 10 лет. Наконец одна ассоциация, непримиримая к таким явлениям, собрала, сколько нужно, и настал великий час.

Кого только не было! И мэр, и оркестр, и речи, и гимн, и школьники, некоторые даже умытые. Кто-то вручил мэру ножницы, чтобы он перерезал ленточку, и вот, в тот самый момент, когда он сказал:

«Торжественно заявляю, что отныне все будет в полном порядке» — послышался гудок. Мост поднялся. Если опустится, я вам сообщу.

Да, темное дело — подержанные мосты. Один субъект прослышал, что в Тьерра Фуэго с мостами плохо. Тащить в такую даль образцы — это вам не кот начхал, но субъект с этим справился. Рука у него болела, но сердце радовалось при мысли о грядущем успехе. Туземцы были милы, он спокойно провел ночь, а наутро послал свою карточку главному начальству.

— Говорят, вам нужны мосты, — заметил он, когда его приняли.

— Верно, — отвечало начальство — Протезы, для зубов.

2

Давно я не думал об улитках, но вот появился газетный очерк, сообщающий о том, что в некоторых районах Уэллса все буквально помешались на улиточных бегах. Как писатель, я пренебрегал этими тварями, полагая, что с ними никогда ничего не случается. Сведущий человек заверил меня, что они бесполы или, если хотите, двуполы. Другими словами, о них не напишешь любовной истории. Ни тебе знакомств, ни разлук, ни счастливой свадьбы — ну, что это, честное слово! Во всей английской литературе отыщешь скупые строки Шекспира, сравнивающие с улиткой нерасторопного школьника.

Однако весть о бегах подала мне надежду. Насколько я понял, дело обстоит так: каждый участник вносит небольшую сумму, а банк срывает тот, чья улитка первой дойдет до судьи. На ракушки нанесены цвета, у каждой улитки — свой. Приманкой служат «влажные листья вьюнка». Толпа подбадривает бегунов криками: «Давай, Стив!», «Не подкачай, Томми!» Да, это — материал. Представьте сами: судьба героя зависит от успеха улитки, он тренирует ее день и ночь, злодей проникает к ней, чтобы посыпать солью, героиня заменяет соль сахарным песком. Красота, а не сюжет, надо будет попытаться.

Однако в начале главы я имел в виду не бега, а собирание тех улиток, которых мы едим во Франции под чесночным соусом. (Если едим. Лично я не стал бы ни за что на свете.) Насколько мне известно, съедобные улитки процветают (уместно ли это слово?) главным образом в Австрии и, как ни прискорбно, собирателям платят шестьдесят шиллингов за шестьдесят фунтов. Попросту говоря, австрийский мальчишка получает шиллинг за фунт (пхунд?).

Не знаю, сколько улиток в фунте, видимо, это зависит от их веса. Есть улитки дородные, тяжелые (в Австрии их именуют «гирьки»), а есть и тщедушные, чей рост приостановило раннее курение. Однако в любом случае шестьдесят фунтов быстро не наберешь. На мой взгляд, труд изнурительный, но в австрийских семьях, судя по всему, думают иначе.

— Ганс! — говорит австрийский отец (варианты: Фриц, Вильгельм). — Пришла пора подумать о том, чем ты займешься в этом мире. Лично я изготовлял вальсы Штрауса, но поддельный вальс, равно как и подлинный, вытеснен в наши дни мерзким рок-н-роллом. Кем же ты хочешь стать? Военным? Юристом? Священником? Мошенником? Кондитером?

— Знаешь, папа, — отвечает австрийский сын, — меня привлекает собирание улиток (*австр.* — «шниркель-шнекке»).

— Улиток? Прекрасно, прекрасно! — говорит австрийский отец, глядя сына по головке и советуя ему не забывать родителей в дни грядущего успеха.

И зря, по-моему. Французский ресторан получит за шниркель-шнекке примерно 840 фунтов 11 шиллингов, а несчастный мальчик — около 71 фунта 6 шил., теряя на этом 769 ф. 5 ш. (пересчитайте сами).

Лучше бы он нанялся в ресторан, женился на хозяйской дочке и вошел в долю.

Невыгодны и метеориты.

Да, я знаю, что вы скажете. Вы напомните мне прошлогодний случай, но я его и сам не забыл. Он мне только на руку.

Есть в штате Теннесси местечко под названием Уодинг Ривер. Там живет Джейн Элизабет Бакстер, снимающая комнату у Берди Таттл. Однажды Дж. Э. Б. лежала на диване и вдруг заметила, что метеорит, пробив крышу, ударил ее прямо в живот. Сперва ей это не понравилось, но потом она смекнула, что метеориты стоят денег, и отнесла небесное тело в музей, где его оценили в 2750 долларов.

Каково же было ее удивление, когда миссис Таттл заявила, что метеорит принадлежит домовладелице. Миссис Бакстер возразила, что ей принадлежит живот, и началась тяжба. Рад сообщить, что ее решили миром — миссис Б. уплатила миссис Т. 50 долларов. Музей дал ей 2750. И что же дальше? Полный тупик.

Вот почему, если бы у меня был сын и этот сын сказал: «Папа, не заниматься ли мне метеоритами?» — я бы покачал головой.

— Не дури, — сказал бы я, — гиблое дело. Естественно, он напомним о домах из Теннесси.

— Нет, ты подумай, — скажет он. — Миссис Бакстер получила от музея 2750, отдала миссис Таттл 50, остается 2700. Это с одного метеорита! Если считать по метеориту в день...

— Так-так...

— ...по метеориту в день, за год набегит 985 500, а в урожайные годы — 988 200. Неплохо!

— А ты подумал, мой друг, — ехидно спрошу я, — что метеориты запросто не падают? Когда их дождешься! Сколько народу спит и видит, чтобы в них угодил хоть один, максимум — два, за год?

— И верно, — спохватится сын, после чего станет преуспевающим специалистом по оценке убытков общей аварии (морское право).

Что до миссис Б., она лежит в кольчуге и смотрит на потолок. Дай вам Бог удачи, Джейн Элизабет! Мне кажется, вы обольщены пустой надеждой, и все-таки — дай вам Бог.

Желаю удачи и миссис Т., которая сидит в подвале, прислушиваясь, нет ли какого грохота.

Х **ВЫГОДНО ЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ?**

1

Конечно, для писателя, который становится болбочашим эльфом, есть и другие пути спасения. Одни — приятные, другие — нет. Хороший пример неприятных — случай с полисменом по имени Лерой Кидвелл (Седалия, штат Миссисипи).

Сотрудник телецентра, находящегося в Седалии, собирал деньги на борьбу с полиомиелитом, и один телезритель твердо обещал ему 5 долларов, если он покажет на голубом экране, как в Кидвелла запускают заварным пирожным. (Осведомитель сдержан, но как-то чувствуешь, что телезритель недолюбливал полисмена).

Сказано — сделано. Сотрудник телецентра буквально поднял Кидвелла с постели и передал ему предложение. Тот запросил лично себе не 5, а 50 долларов.

Узнав об этом, телезрители не поскупились. Когда набралось 65 долларов, Кидвелл согласился. Он пришел в студию, получил пирожным по лбу, утерся, ушел и снова лег.

Казалось бы, полисмен сделал первый шаг к славе. Да, часть денег ушла на полиомиелит, но в другой раз он мог бы взять все себе. Он мог бы сказать: «Выгодное дельце» — и впрямь — 65 д. за две минуты на экране. Однако только слабоумный на этом остановится. Человек вдумчивый быстро смекнет, что такой промысел — не надежней метеоритов. Могут пройти месяцы, пока группа граждан снова захочет заплатить за упомянутое зрелище. Не удивлюсь, если через год-другой он будет горестно бормотать: «Мавр сделал свое дело».

Если мы стремимся обеспечить себе старость, надо найти регулярную работу, за которую платят раз в неделю. Так понемногу и скопишь, что нужно. Естественно, на память тут же приходит воровство. Расходы — ничтожны, налогов — никаких.

Теперь воровство в моде, особенно — здесь, за Атлантикой. В Нью-Йорке любят грабить банк. Буквально все, кого ни встретишь, или идет его грабить, или возвращается. Банки притягивают воров, как мятя — кошек. Недавно один молодой человек спросил управляющего и, войдя в его

кабинет, осведомился, нельзя ли взять в долг небольшую сумму.

— Сумму? — спросил управляющий — В долг? Ну, конечно! А чем вы занимаетесь?

— Банки граблю, — отвечал посетитель, извлекая обрез. Управляющий выдал ему 1204 доллара.

Конечно, и здесь не все гладко. На прошлой неделе несколько энтузиастов решили ограбить банк, что требовало раздумий и расходов. Наконец, они подъехали к зданию — но увидели на табличке:

ПЯТНИЦА: Закрыто.

Все — псу под хвост. «Да, незадача...» — говорили они друг другу, не заботясь о том, слышат ли их прохожие.

2

Несомненно, воры, как и все мы, знают тяготы жизни и не считают, что вышеупомянутая жизнь — какой-то розовый сад. Однако иногда я жалею, что, покинув службу, не обзавелся маской и толикой тринитротолуола. Очень уж хорошо живется преступному миру, а когда представишь, насколько свободны их мозги, трудно победить зависть.

Кроме романа «Тысяча благодарностей, Дживс», который родился сам, как гейзер, я всегда ощущаю, что каждое из 40 000 слов никуда не годится. Соответственно, я начинаю снова. Мало того — я исписываю 400 страниц безумными заметками, пока хоть что-нибудь не слепится. Марлз Рейнор с 89-стрит, 21, пожмет плечами — зачем так мучаться, когда можно пойти в бар, познакомиться с Джеймсом Джойсом и положиться на судьбу?

Нет-нет, это другой Джойс! Он — матрос из Филадельфии, потерявший на службе ногу. Когда они с Рейнором познакомились, у него (Дж., не Р.) была 21 тысяча долларов.

Как мы уже говорили, произошло это в баре. После вводных фраз Джойс гордо сказал Рейнору, сколько у него денег. Рейнор счел, что этого мало, и поинтересовался, не нужно ли еще. Джойс признал, что это не помешало бы, но непонятно, что делать. Можно потерять еще одну ногу, но что-то в этом есть неприятное.

Рейнор заверил, что Джойсу очень повезло. Дело в том, что у него (Р., а не Дж.) есть приятель, некий Спиллер, который изобрел волшебную шкатулку, изготавливающую десятидолларовые купюры. Ну, как? Подойдет?

Джойс ответил, что очень подойдет. О такой самой шкатулке он мечтал в дальних морях. Они отправились к Спиллеру, сунули в щель 10

д., что-то зашуршало и вылезли уже две купюры. Задав несколько вопросов, Джойс выдал на расходы 6200 д. и навсегда простился с новыми друзьями.

Я думаю, они далеко пойдут. Собственно, полиция сообщает, что найти их не удалось.

Цыганка Бетти Уэлш (21 год) придерживается более тонких методов. Завидев на улице Элис Барбер, ассистентку зубного врача, она окинула ее взглядом, спросила, нельзя ли пощупать у нее пульс, пощупала и сказала: «Так я и думала, желудок. Идите домой, зажгите девятнадцать свечей, а потом принесите мне яйцо, обернутое бумажкой в 30 долларов».

Мисс Барбер решила, что это разумно. В конце концов, любой врач прописал бы то же самое. Сделав все, что надо, она узнала, что лечение не закончено.

— Тяжелый случай, — сказала мисс Уэлш, — запущенный. Идите домой, прочитайте алфавит от конца к началу, а потом принесите мне склянку с водой, три картофелины и 40 долларов.

Однако и это не помогло. Целительница растерялась, но тут же поняла, в чем дело.

— Зайдите в ювелирный магазин на угол 50-й стрит и 1-й авеню. Возьмите там в кредит драгоценностей на 500 долларов и подождите меня.

К сожалению, мисс Барбер поделилась ее советом с женихом, а тот обратился в полицию. Когда мисс Уэлш пришла к магазину, ее поджидал лейтенант Уолтер О'Коннор и еще Двое полицейских.

В беседе с лейтенантом мисс Барбер сказала:

— У меня что-то с животом, надо же вылечить!

При всем восхищении такими мастерами, еще больше я преклоняюсь перед Робертом Уотсоном из Хобокена (45 лет). Осуществив мечты всех людей, достойных этого имени, он победил налоговую инспекцию.

По-видимому, преступная жизнь плоха тем, что полиция слишком настырна. Лезет и лезет! Перед самым моим отъездом они зашли и ко мне. Нет, я ничего не сделал. Я был чист, как свежесвыпавший снег. Посетители (один — потолще, другой — потоньше) хотели всучить мне какую-то штуку, оберегающую от воров. Стоила она 8 долларов, и это еще мало, поскольку преступность ужасно растет. «Ну, день ото дня», — сказал толстый, а тонкий прибавил: «Чаще» — и предположил, что причина — в

этих комиксах. Разжигают воображение.

Что до преступников, они обычно стучатся у черного хода и говорят, что пришли от бакалейщика. Когда вы открываете, они вас бьют по голове. Следовательно, нельзя пускать их, и тут вступает штука. Она — круглая, с глазком. Вы присобачиваете ее к двери и, заслышав стук, смотрите, а там говорите:

— Ах, от бакалейщика? Где же товар? Почему вы в масках? Что это за ружье, наконец?

Естественно, они убегают, громко вопя.

Сразу ясно, что получится. Такие кражи прекратятся, и тот, кто хочет несправедливо подработать, будет вынужден приставать к людям на улице. Застенчивому человеку это очень трудно. Я бы сгорел от стыда. Ну, что это — подойти к незнакомому и сказать: «Я, видите ли, налетчик»? Как-то резко. Представляю такую сцену:

— Э... а... простите... не могли бы вы дать мне спичечку? Забыл, понимаете, а закурить надо. Доктор говорит, что много курю, но... Ах, вы тоже? Так-так-так... Доктор, знаете ли... Доктор Ливингстон, если не ошибаюсь?^[49] Хе-хе-хе. Быстро теперь темнеет. Не успеешь оглянуться — Рождество. Доброй вам ночи, мой друг, спасибо большое. Да, кстати! Не дадите ли мне свой кошелек?

Немного мягче, но все-таки — не то. А если он вообще глухой?

Вы говорите:

— Я, видите ли, налетчик.

Он отвечает:

— Э?

Вы:

— На-лет-чик.

Он:

— Э-э?

Вы:

— Ну, налетчик! Нарцисс, анемон, ландыш...

Он:

— Простите, не знаю. Я не здешний. Что делать дальше?

Но хуже всего в преступной жизни рутина, привычка. Вот, например, читаем в газете:

«Лазарь Коплович держит кондитерскую в Бруклине, на 60-й авеню. За последний месяц его ограбили четыре раза. Один и тот же человек приходит в одно и то же время и угрожает ему ножом. 3 февраля он взял 10 д., 10-го еще 10, 17-го и 24-го — ту же сумму. Полиция поставила в

кондитерской сыщика, но несколько дней никто не являлся. Сыщика отозвали, а 3 марта вор снова забрал 10 долларов».

Несчастный этот вор. Раб привычки.

XI

БРОНЕНОСЦЫ, УРАГАНЫ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

1

Уинклер, старый добрый Уинклер, простите меня! Перечитывая последние главы, я с неудовольствием заметил, что виляю туда и сюда. Вы задали мне вопросы, а я, чем ответить, отвлекаюсь на всяких улиток, мосты, метеориты, налетчиков, кукушек, о которых знать не хотят Ваши читатели и слушатели. Такие уж мы, эльфы. Болбочем. Вроде бы говорил, что окину взором человечество от Китая до Перу, но есть пределы. С этой поры буду идти прямо. Поскольку Вас занимает моя домашняя жизнь, с нее и начну.

Как Вы справедливо заметили, я живу на лоне природы. Семь лет подряд у меня был так называемый пентхауз на 14-м этаже одного дома (угол 84-й стрит и Парк-авеню, Нью-Йорк, Б 8-50-29), но теперь я переехал в деревушку под названием Ремзенбург, расположенную на Лонг-Айленде, совсем недалеко от места, где я жил после свадьбы сорок три года назад. Домик у нас хороший, с двумя террасами и садом вроде парка (12 акров). Не заедете ли?

Семья наша состоит из меня, жены, двух пекинесов, кошки и фокстерьера. Живем мы дружно, как моряки на берегу. Пекинесов мы привезли, а Билл (фокстерьер) и Пуна (кошка) нашли у нас желанный приют.

Происхождение их темно. Пуна зашла поесть, это понятно, на Л.-А. много бродячих кошек, которые рыщут по влажным лесам, помахивая хвостами. А вот Билл — собачка загадочная. Чистопородный фокстерьер, явно привыкший к высшему обществу. Почему же он там не остался? Быть может, ему надоели дрессура и забота, и он решил жить сам по себе.

Как бы то ни было, однажды он появился у нас в саду и сел, давая понять, что дальше идти не намерен. Отощал он страшно и так запаршивел, что мы с трудом разглядели, где же он сам. Ветеринар возился с ним день и ночь, нагоняя гемоглобина, поскольку кровь полностью перешла в паршу. Приятно вспомнить, что теперь ему приходится следить за калориями.

Лиса, увидев его, просто умрет со смеху.

Из людей мы общаемся с Франсис, которая приезжает в собственной зеленой машине, чтобы помогать нам по хозяйству, с Болтонами, с несколькими соседями и местными детьми.

Один ребенок заглянул к нам, когда я поливал газон.

— Эй! — сказал он.

— Эй, — вежливо отвечал я.

— Чего делаешь?

— Газон поливаю.

— У-гу. Папаша у тебя есть?

— Нету.

— А мамаша?

— Тоже нет.

— А сестра?

— Нет.

— А брат?

— И его нет.

— А конфеты?

Какой диалог! Блестящий. Вот они, юные американцы. Заходят в наш сад и окрестные собаки, рассчитывая на плошку молока и два-три печенья. Не говорю о птицах, белках, черепахах и кроликах. В хороший ясный день сад наш похож на зоологический. Кстати, о кроликах — я слышал, что нью-йоркские ветеринары колют им энзим «папаин», чтобы уши у них не торчали, а свисали, как у коккера. Изобрел это некий Льюис Томас, и Кроличье общество счастливо. Как их, однако, легко обрадовать! Посудите сами — хорошо, укололи, а что толку? Перед вами вислоухий кролик. Если вы таких любите, что ж, ваше дело, но людей больных или нервных придется предупреждать.

Есть у нас и броненосцы, точнее — мы знаем, где их найти, если понадобятся.

Не так давно сотрудник «Нью-Йорк Гералд», отвечающий на телефонные звонки, снял трубку и услышал, что говорит Синди Э. Шварц, разводящий пчел в Риверхеде, за семь миль от Ремзенбурга.

— А, пчел! — сказал сотрудник. — Ну, как они?

— Спасибо, ничего, — отвечал Шварц. — Но я хотел спросить, не нужны ли вам броненосцы.

И поведал захватывающую историю. Почему-то, глядя на своих пчел, он как-то задумался над тем, почему он разводит их, а не броненосцев.

О броненосцах он знал одно: никто не считает, что они написали

пьесы Шекспира. Тем не менее он пошел и купил счастливую пару.

Что говорить, любовь побеждает все. Любовь броненосцев, как правило, приносит не меньше восьми деток. Словом, настал день, когда эти создания кишели повсюду. Шварц приуныл. Расходы на собачий корм, рыбий жир и сметану подорвали семейный бюджет, но этого мало. Броненосцы спят весь день и, словно театральные критики, начинают вечером активную жизнь. К тому же они шумят, бесчинствуют и, судя по всему, предпочитают удовольствия долгу.

Обитель Шварцев превратилась в ночной клуб самого дурного пошиба. Броненосцы, вымазанные сметаной, кишели по всему дому, а иногда и дрались. Нетрудно представить, как одни голосят дуэтом, а другие — квартетом. Так и тянет сказать: «Это ад какой-то».

Шварц не сплоховал. Другой уехал бы в Австралию, а он остался и возвысился духом. Ему давно хотелось получить докторскую степень. Что ж, вот и тема. Труд о *Dasypus novemcinctus* увековечит его имя. Разделив отпрысков на две группы (родители были слишком бестолковы), он, как пишет «Гералд Трибьюн», «заставлял одну группу крутить ступальное колесо, оставив другую предаваться размышлениям и досугу. Через несколько недель он заметил, что трудящиеся броненосцы бодрее и счастливей праздных».

Степень он получил, доказав дополнительно, что из зла можно извлечь добро. Вероятно, он рад, но меня его доводы не убеждают. Откуда известно, что работники счастливей? Быть может, они преодолевают себя. Нельзя судить по внешнему виду. Бойкий, веселый броненосец нередко скрывает тяжкую скорбь и плачет в подушку. Нет, мне мало этих доказательств.

Однако интересует меня не столько душевная жизнь броненосцев, сколько участь Шварца. Хорошо, он доктор чего-то, вроде бы — конец счастливый, но броненосцы-то у него. Наверное, они размножаются. Тут призадуматься.

Словом, если мне ко всем моим собакам, кошкам, белкам, черепахам и кроликам понадобится и броненосец, д-р Шварц охотно его отдаст. Надо будет к нему заглянуть и разобраться на месте, конечно — днем, когда еще не захлопали пробки от рыбьего жира.

гольф, и океан, а если хочешь сидеть дома, можно бить moskitov у пруда, конечно, с разрешения владельца, то есть моего. Жаль только, что сезон коротковат. С начала сентября остаются только мухи, а тот, кто глядел в глаза moskitу, питает к ним недостаточный интерес. Спорт, как-никак, связан с опасностью.

Думали Вы, Уинклер, о том, как жалка, как изнежена муха по сравнению с moskitом? Поголовье можно вывести за три недели, но при 70 по Фаренгейту, никак не меньше. Чуть похолодает, и муха отворачивается лицом к стене. То ли дело moskitы! На борьбу с их яйцами тратят 2 миллиона долларов в год. Чем их только не шпарят, чем не опрыскивают, а уж нефть или что-то в этом духе льют тоннами. И что же? Сдаются они? Трясутся хотя бы? О, нет! Налетают тучей, выпятив грудь и весело посвистывая. У некоторых, заметьте, по жалу с обоих концов.

Наука установила, что жалят только самки. Самцы сидят дома и решают кроссворд. Так и видишь, как благодушный, незлобивый moskit слабо препирается с женой, отправляющейся на дело.

— Да ладно! Не летай, а? Куда ты собралась, на ночь глядя?

— В темноте работать легче.

— В город летишь?

— Да. В Нью-Йорк.

— В Ньюарк?

(Происходит это на джерсийских болотах, где moskitы просто кишат).

— Нет, в Нью-Йорк.

— Недалеко?

— Ха!

— Что «ха»? Ну, что «ха»? Сама знаешь, moskit может пролететь не больше 200 ярдов.

— Сяду в поезд и на паром.

— Недорого?

— Тебе бы все деньги! — сердито отзывается самка, точит жало о порог, улетает и обычно гибнет. Жаль, конечно. Тоже чья-то мать. Но тут сентиментальность постыдна.

Я, старый охотник, люблю рассказ о генерале, который в плену у северных корейцев скрашивал однообразие жизни, хлопая moskitов. Рекорд — 522 м/день — он поставил в 1953 году, но если считать добычу за год, лидирует 1952-й, когда он убил 25 477 штук. Секрет успеха, по его словам, несложен: дождись, пока добыча приникнет к стене. Moskit, простая душа, не знает, что стена оштукатурена, и падает жертвой человека, который, бесшумно подкравшись, наносит удар «Историей

ВКП(б)».

Говорят, 1958 год будет урожайным. Надеюсь, ибо нет зрелища прекрасней охоты на москитов. Собаки лают, куртки алеют — и так далее.

До встречи на болотах!

3

По сравнению с Лондоном, Парижем или Лас Вегасом, Ремзенбург — тихое место. Можно противопоставить его и Бэд Эксу, штат Мичиган.

Только там, насколько мне известно, человека сбила с ног перелетная корова. Точнее, сбила она миссис Дженет Уиттэкер. Та шла, мечтала, и вдруг — на тебе! По-видимому, корову поднял в воздух какой-то автомобиль, а миссис У. она ударила в спину. Отважная женщина перенесла это стойко.

Вскрикнув: «Коровами швыряются!», она быстро пришла в себя. Если вы живете в Бэд Эксе, вас ничто не удивляет.

Ремзенбург спокойней упомянутых мест, но скучным его не назовешь. Два урагана, налетевших в прошлом году на Лонг-Айленд, Род-Айленд и Нантакет, доказали то, что я давно подозревал, а именно — честность и прямоту тамошних обитателей. Спросите калифорнийца о Сан-Францисском землетрясении, и он вам скажет, что ничего подобного не было. «Наверное, — прибавит он, — вы имеете в виду пожар». А вот мы, восточные люди, просты и открыты. Если у нас ураган, мы так и говорим. Остановите на улице лонг-айлендца, род-айлендца, нантакетянина и спросите: «Правда, у вас был вчера ураган?» Он ответит: «Ну!» или «Да» или «Еще бы», но никак не «Вы имеете в виду дождь на прошлой неделе?» Учитесь, калифорнийцы.

В Нантакете, между прочим, второй ураган застал театрального критика, который был к нему строг. По-видимому, ураган как-то расщепился надвое, и критик сетовал в статье на то, что ему не хватает цельности, хотя, надо признать, силы он не лишен.

Наши ураганы зовутся Кэрол и Эдна. Долли, их сестра, направилась к морю, а они обе дали, что могли, с интервалом в 11 дней. Правда, к Эдне мы были готовы. Ванны наполнили водой, свечи зажгли. Все деревья, кроме самых крепких, выкорчевала Кэрол, так что Эдне ничего не осталось. Вообще же она была легче. После Кэрол электричество включили через три дня, а после Эдны мы назавтра стряпали, как миленькие.

Конечно, Вам не терпится узнать, как перенес я то, что так потрясло

короля Лира. Когда стихия, разгулявшись всласть, немного поутихла, я пошел к бассейну для птиц, чтобы окунуться. Какой урок, а? Пекитесь о пернатых друзьях, остальное приложится. Воды накопилось много, я хорошо поплескался. Потом я съел кусок пирога, выпил виски с содовой, и начал свой рабочий день. Дорогу перегородило солидное дерево, в машине я бы не проехал, так что прошел пешком две мили и купил хлеба, молока, ветчины. Перед обедом — опять в бассейн. Заснул в половине девятого.

Никак не пойму, почему на ураганы так действует мыс Гаттерас. Все тихо-мирно, и вдруг, завидев этот мыс, ураган как с цепи срывается. Видимо, истерия; но с чего бы?

Когда деревья в вашем саду рушатся с громким треском, лучше всего поискать светлую сторону. К примеру, Эдна помирила двух моих соседей, убрав то самое дерево, из-за которого началась ссора. Один сосед требовал, чтобы другой удалил ствол с его участка, а тот отказывался. Сами представляете — злые взгляды, резкие слова; и что же? Эдна пресекла схватку, одним махом перебросив ствол на дорогу.

Кэрол вывела из строя 200 000 телефонов. Красота! А то болтают, болтают... Приятно подумать о том, что целых три дня Вера (16 л.) не могла позвонить Клэрис (15 л. 6 м.) и спросить, правда ли, что Джейн сказала, что Элис сказала, что Луиза сказала про Дженнифер. Отцы подрастающих девиц наслаждались непривычным покоем, удивляясь, почему люди не любят ураганов.

Заговорив о телефонах, я припомнил историю, которую кое-кто из вас еще не знает. Был я недавно в Нью-Йорке, и там зашел разговор об актерской выдержке. Как известно, крупные актеры сохраняют спокойствие, когда новички теряют голову. Вот и теперь немолодая актриса играла вместе с молодой, как вдруг помощник режиссера, что-то перепутав, зазвонил, изображая телефон.

Молодая актриса окаменела, пожилая — не дрогнула. Спокойно подняв трубку, она сказала «Алло!», послушала (молодая повторяла про себя: «Ну и выдержка!»), повернулась и произнесла:

— Это вас.

Несомненно, Вы скажете, Уинклер, что это не имеет отношения к ураганам, а мы толковали о них. Мне остается прибавить, что Флосси, самая младшая сестра Эдны и Кэрол, направляется к мысу Гаттерас. Приятно читать в газетах, что она невелика, но на мой вкус, я думаю, все же великовата. Я предпочитаю нежные, лепечущие, миролюбивые ураганы.

XII

КУРС НА ЗДОРОВЬЕ!

1

Вот Вам моя домашняя жизнь, но Вас и Вашу паству больше интересует мое физическое состояние. К примеру, вы хотите знать, соблюдаю ли я режим.

Еще бы! Если мы, семидесятилетние, не будем его соблюдать, нам недолго, как поется в «Старик-река», катить волны вперед. Мой врач особенно следит за моим весом. Чем ты меньше вешишь, тем легче сердцу, а я не хотел бы его обижать (сердце, не врача).

Вес мой все время меняется, в зависимости от стоящих в ванной весов. Позавчера я был потрясен, увидев, что вешу почти восемнадцать стоунов. Завтракать я не стал, пообедал сухой галетой и веточкой сельдерея, а наутро потянул на 11 стоунов. Казалось бы, хорошо, но сегодня — 19 без малого, так что я совсем запутался. Сведущий приятель советует починить весы. Что-то в этом есть.

Однако я был потрясен и решил уподобиться одному из героев Мильтона, который, как следует из малоизвестного отрывка,

...чтоб сбавить вес, решительно отверг
картофель, масло, пиво, пироги,
и пончики, и роли-поли пудинг,
и кофе, и какао, и конфеты,
ну, словом, все, что утучняет плоть.

Однако друг его подавал дурной пример, поскольку жевал пирог за пирогом, тряся щеками жирными и не стесняясь двойного подбородка. Поглощал в невиданном количестве котлеты, попутно восклицая: «Эй, подайте и роли-поли пудинг, и варенье, да не забудьте сахара и масла, сметану, пармезана, соусов!»

Подражаю я первому, понимаю — второго. Действительно, этот режим — тяжелое дело. Если бы я родился снова, я хотел бы стать заколотым баронетом из детектива. Они как-то ухитряются есть, что хотят,

не прибавляя ни унции.

— Вскрытие обнаружило, — сообщает патологоанатом, — что желудок сэра Реджинальда содержал, не считая стрихнина, следующие субстанции:

икру,
бульон с профитролями,
сульфиды (Sulphides) с кремом из креветок,
жареную утку,
спаржу «Эньюрин Бивен»,
паштет из гусиной печени в белом вине,
снежки «жемчужные» или «альпийские»,
телячьи котлетки с рисом,
плум-пудинг,
сыр,
еще один сыр, экзотические фрукты,
не говоря, естественно, о хересе, бренди, ликере и сухом шампанском.

Тогда как в первой главе этот Реджинальд описан как немолодой джентльмен, унаследовавший сухощавость Уите-рингтонов-Дэланси. Не захочешь, а позавидуешь.

2

Я всегда любил детективы или, как теперь говорится, триллеры, но у меня старые взгляды. По-моему, любовной линии там быть не должно. Как ни печально, теперь ее вводят. Сыщик не только ищет, но и предается игре чувств.

Понять не могу, кто первый решил, что под ногами должна вертеться барышня. Барышень я высоко ценю, но на своем месте — скажем, на скачках или в ресторане. Если я не увижу девиц в ночном клубе, я же первый и огорчусь, но в притоне Ласкара Джо они неуместны.

Кроме всего прочего, они теряют свое царственное достоинство, если сунуть их в шкаф, надев им на голову мешок. Как ни крути, с героиней детектива это рано или поздно случится.

Дело в том, что, несмотря на серые глаза и волосы цвета спелой ржи, героини эти умом не блещут. Я не преувеличу, сравнив их интеллект с интеллектом таракана, причем не среднего, а такого, которого уронили в

младенчестве. Девушка из детектива прекрасно знает, что за ней гонится прославленная банда. Мало того, если глубокой ночью явится посланник с запиской «Приходите немедленно», она тут же хватается шляпу и пускается в путь. Одноглазому рябому китайцу со зловещей усмешкой она верит, как родному, даже когда он сажает ее в машину со стальными шторками на окнах и везет в халупу на болотах. Когда же герой, рискуя жизнью и удобствами, приходит ей на помощь, она не хочет иметь с ним дела, ибо безносый мулат сказал ей, что это он убил ее брата Джима.

Хватит! Мы, читатели, требуем, чтобы девушек убрали. Конечно, издатели так хотят, чтобы в романе была героиня, что готовы связать ей руки и, хищно сверкая глазами, поместить ее на суперобложку, но мы стоим на своем. Лучше суперобложка с субъектом в маске, вонзающим нож в миллионера, чем такие дуры, как Мирта, Гледис или, скажем, Элейн.

Шерлок Холмс тем и хорош, что относится к ним, как надо. Да, иногда он позволяет им зайти на Бейкер-стрит и рассказать о странных поступках отчима или дяди, мало того — он разрешил им выйти за Уотсона, но когда сюжет развернется, он ставит их на место. Нам бы так!

Конечно, легче всего с ними справится злодей, и, отдадим ему должное, он не дремлет. У него есть и пыл, и мастерство слова — буквально все, что нужно; но по той или иной причине он терпит поражение. Даже когда девица надежно прикручена цепями, а в подвал течет вода, мы в глубине души надеемся на счастливую развязку. Опыт учит, что злодей что-нибудь да упустит; слишком часто это с ним бывало, и он утратил наше доверие. Поистине, надломленная трость. [\[50\]](#)

Можно сказать, что злодей в детективе слишком сложно мыслит. Должно быть, наивные родители уверили его в том, что он мальчик умный, и тем сделали непригодным к будущему ремеслу.

Если обычному человеку надо убить знакомую, он берет револьвер, патроны и оборачивается за пять минут, в свободное время. Какие там хитрости, какие козни! Задумано — сделано.

Злодей простоты не понимает. Долго и нудно заманивает он жертву туда, где кинжал или револьвер быстро сделали бы свое дело, а потом, несчастный глупец, сам все губит. Ему не приходит в голову просто застрелить девицу.

Мало того, если мы ему это посоветуем, он решит, что мы шутим. Сам он решает привязать ее к стулу, соорудить треножник, приспособить на нем револьвер, прикрепить тесемку к курку, протянуть эту тесемку по стене, зацепить за крюк, присобачить к ней шнур, подвесить на нем кирпич и зажечь под ним свечку. Мысль его движется так: свечка подпалит шнур,

кирпич упадет, натянув тесемку, спустит курок, и вот вам, пожалуйста. Потом кто-нибудь приходит и задувает свечу, разрушив тем самым всю систему.

Однако не стоит сердиться на несчастных — что могут, то и делают. Чего вы хотите? Работа сложная, а подготовки не хватает. Злодею надо бы забыть все и начать с самой основы. Школы, школы у него нет. Поверьте, он ее получит, как только мы уберем девиц.

Программа будет нацелена на максимальную простоту. Начинаем с детского садика, будущий злодей бьет мух. Потом, неспешно поднимаясь по лестнице живой природы, он совершенствуется. Когда он получает аттестат, Миртл и Гледис, завидев его издали, мгновенно лезут на дерево. Он уже опасен.

Самое трудное — обуздать его хитроумие. Сам по себе, чтобы пришибить муху, он подпилит бы балки, на которых держится пол, протянул шнурок в коридор и послал мухе анонимку, побуждающую ее немедленно явиться, чтобы узнать хорошую новость. По его замыслу, она споткнется в спешке, упадет на пол, провалится и сломает шею.

Лучших способов он не знает. Следовательно, учитель, не щадя сил, должен объяснить ему, что гораздо эффективней скрученная газета, скрепленная чем-нибудь клейким.

Больно думать, что хитроумие злодея проявляется только с девицами. С представителями своего пола он прост и прям. Дайте ему баронета, и он его тут же заколет. А вот чтобы убить девицу, он подвешивает змей на люстры или заводит граммофон и подкладывает бомбы, которые откликаются только на верхнее «до».

Я знавал злодея, который посадил героиню на бочонок с порохом и стал ждать, пока в него ударит молния. Ну, что это, честное слово!

Надо бы запомнить, что золотоволосых девиц лучше и проще всего стукнуть по золотоволосой макушке. Совать тарантула в сумочку или подмешивать в помаду малоизвестный яд — просто бессмысленно, одна морока. Пусть они усвоят эту нехитрую истину, и посмотрим, что будет.

Никто не может решить, какие детективы хуже, американские или английские. На мой взгляд, английский преступник сохраняет остатки разума, американский же — нет. Скажем, он любит одеться гориллой или кем-нибудь в этом духе. Вообще, с ними нелегко. Их никак не дотащить до электрического стула.

— Нет, зачем вы оделись гориллой? — спрашивает адвокат.

— Да так, знаете.

— Особых причин нет?

— Вроде нет...

— Просто пришло в голову?

— Вот именно. Вернее сказать, я предчувствовал, — и злодей ударяет по левой стороне груди.

Адвокат многозначительно смотрит на присяжных, которые и выносят, не выходя с места, приговор: «Невменяем». Злодея отправляют в желтый дом, а через месяц его освобождают, поскольку он уже здоров. Тогда он одевается сибирским волком и идет на следующее дело.

Мы вечно читаем в газете, что тот или иной деятель, обитающий в Вашингтоне, «хочет отдохнуть за хорошим детективом», скорее всего — американским. Не понимаю! Американский детектив требует огромного напряжения сил, если следить за всеми разветвлениями. Английский тоже всякий бывает. Вот, например:

«Через Слейберн, — сказал он, — проходит шоссе, соединяющее Лонг Престон с Клитроу, точнее — дорогу А65 с дорогой А59. Можно доехать по нему и до железнодорожного узла в Холлифорде, от которого отходит керкхолмская ветка. Если вдуматься, путь — кружной: от Керкхолма едем машиной до Верхнего Гиммердейла, от Гиммердейла — до Слейд-берна, а уж оттуда, минуя Хоксхед и Кросдейл, в Керкхолм, по железной дороге.

— Ну, это просто, — заметил Борн».

Сломаешь тут мозги? Сломаешь. Лично я уважаю Борна, для которого это просто, и как-нибудь попрошу, чтобы он помог мне с Джойсом. И все-таки безумия здесь меньше, это вам не американский триллер.

Однако вернемся к здоровью.

Кроме диеты нам, семидесятилетним, нужны упражнения и мне повезло. В Ремзенбурге есть свежий воздух, свежие яйца, вид на бухту, но цивилизация наша не достигла той стадии, когда письма разносят на дом. Поэтому я хожу пешком на почту с Пуной и Биллом, который быстро сходит с дистанции. (Говорят, они вообще такие. Насуетившись смолоду, они склонны, махнув на все лапой, нежиться на солнце. А вот Пуна покрепче, мы проходим две мили туда, две мили обратно с цыганской песней на устах.)

Кроме того, с 1919 года я делаю утром гимнастику, хотя не скрываю, что теперь мне нелегко коснуться ножных пальцев, а также ловлю по ночам Пуну. Мы выпускаем ее примерно в 10, а она, услышав зов свободы, не спешит вернуться. Если ее не поймать и не загнать в дом, она явится на заре и будет мяукать под моим окном, убивая сон получше Макбета. Ловлю ее я.

Когда вам за семьдесят, это трудно. В свое время, скажем — от 1904

до 1910, я бы шутя изловил самую прыткую кошку, но теперь суставы не те, да и сам я послабее. Дух рад служить, плоть не слушается. Обычно кончается тем, что я сердито кричу: «Ладно уж, гуляй!». Пуна спокойно улыбается, а ровно в пять часов утра вопит под окном. Если оно открыто, она вскакивает ко мне на постель и кусает меня за ноги. Как ни крути, победа за ней.

Правда, теперь полегче, ее укусила кошка, тоже за ногу, и она ходит на трех лапах. Еще одна драка, и все будет в порядке. Даже я угонюсь за созданием, ковыляющим на задних ногах.

Вообще же упражнения приносят мне пользу. Я не только бегаю, но и падаю. Из-за этой Кэрл деревья привязали проволокой, а любой врач скажет, что после погони хорошо упасть раза два. И для кошки развлечение.

Больше мне сказать нечего. Ах, да, я курю весь день и отчасти ночь. Как всем известно, курение укрепляет душу. Толстой считал, что это не так, но сейчас я займусь Толстым и поставлю его на место.

3

Должно быть, умные люди заметили, что силы тьмы, ненавидящие нас, мирно курящих сигарету, набирают силу. Каждое утро я читаю в газете длинную статью какого-нибудь медика, возглавляющего движение. По его словам, табак сужает сосуды и понижает температуру конечностей. Если вы ответите, что вам приятны и узкие артерии, и холодные ноги, особенно — летом, они опять суют в нос кошку.

Под кошкой я понимаю не Пуна, а то злосчастное создание, которое отдало Богу душу от двух капель никотина.

— Внимание! — сказали медики. — Сейчас я капну две капли ей на язык, и посмотрим, что будет.

Ну и что? — спрошу я. Как заметил Чарлз Стюарт Калверли, «то — кошки, а то — мы». Неужели надо отказаться от скромных радостей из-за того, что какой-то незнакомой кошке они повредили?

Сравним это с регби. Если на вас навалятся два тяжелых форварда, должны ли мы отменять богоданную забаву, поскольку все та же кошка на вашем месте превратилась бы в камбалу? Этим занудам не вдолбишь, что кошка в регби не играет. Так и хочется на все плюнуть и прекратить спор.

Мне, а может — и Вам, Уинклер, больно думать о том, на что эти люди тратят жизнь. Если вы скажете им, что, как тот вор, они стали рабами

привычки, они уставятся на вас рыбьим взглядом и пробормочут: «Это невозможно». Нет, дорогие мои, возможно, и еще как. Для начала повторяйте утром, после завтрака: «Я не буду капать кошке никотин». Потом прибавьте дневную дозу и, мало-помалу, вы излечитесь. Самое трудное — первая кошка. Удержитесь хотя бы раз, а дальше пойдет легко.

Но разве их убедишь? Курильщиков мучают все упорней. Враг рыщет, как пресловутые мидяне, не давая нам жить.

Сперва Иаков II, потом Толстой, потом — врачи, а теперь — все поголовно. Глория Свэнсон, звезда немого кино, не только бросила курить, но обратила, если ей верить, дельца из Сан-Франциско, портного из Миннесоты, ученую даму, телесценариста и зубного врача.

«Нас ждут лучшие, высшие радости», — говорит она, забывая их описать. Ее адепты дарят ей цветы, из чего я заключаю, что она принадлежит к школе, полагающей, что никотин пришибает обоняние. А на что оно мне? Когда я жил в Нью-Йорке, я часто мечтал от него избавиться.

Однако я не сержусь на прелестную Глорию. Мы, Вудхаузы, милостивы к слабым. Пока речь идет о ней, я ограничусь ласковым смешком. Обличить же я намерен покойного графа Толстого.

По той, по иной ли причине я не читал его в подлинни-Быть может, виновен перевод. Если судить по письмам, очеркам и статьям, граф считает, что вместо курения можно вертеть пальцами. Так и видишь банкет в ту великую минуту, когда провозглашают тост за Королеву.

— За здоровье Ее Величества!

— Благослови, Господи.... И так далее.

А потом:

— Джентльмены, вы можете вертеть пальцами.

Нет, не то. Чего-то не хватает. Вряд ли поможет другая замена, игра на дудке. Но чего ждать от человека, который отрастил седую бороду, но полагает, что, куря, мы усыпляем совесть. Иллюстрирует он это примером. Один молодой человек, еще в царское время, никак не мог убить начальника.

«Тогда, — будто бы сказал он, — я пошел в гостиницу и выкурил сигарету».

«Одурманив себя табаком, — поясняет граф, — он вернулся в спальню к начальнику и совершил злодеяние».

Одурманив! Одной сигаретой! Ну и табак у них был при старом режиме!

У нас он тоже неплох, так что — за дело. Курите, друзья. Бог с ним, с

Толстым. Забудьте о Глории, что там — о кошке. Представьте, что будет, если табачные фирмы закроются за отсутствием спроса. Мы не увидим на фотографии писателя с трубкой. Откуда же нам тогда знать, верны ли они славным мужским традициям английской словесности?

ХІІІ

АХ, НЬЮ-ЙОРК, НЬЮ-ЙОРК!

1

Теперь, любезный Уоткинс, вернемся к Вашей анкете. Что Вы хотели узнать? А, вот! Что мне больше нравится, природа или город?

Природа, конечно. Здесь я лучше работаю и лучше живу. Весь Ремзенбург повторяет: «Вудхауз нашел свою нору».

Заметьте, любил я и город. Мне там нравилось.

Но и у Нью-Йорка свои изъяны, скажем — телефон.

С тех пор, как моя фамилия есть в телефонной книге, я пользуюсь безвредной известностью и обеспечен чтением для зимних вечеров. Плохо одно — если кто-нибудь, примостившись в кресле, увидит: «Вудхауз П.Г. 1000 Парк-ав. Б-8-50-29», ему приходят в голову всякие мысли. Другими словами, мне звонят (особенно — под Рождество) все теле-фоновладельцы Манхэттена. Редкое утро проходит без того, что я не слышу голос в трубке:

— Мистер Вудхауз?

— Да.

— Это вы?

— Я, я.

— Так, так, так, так, так, та-ак... Как поживаете, Пи Джи? Ах, замечательно? Очень рад. Кашля нет, насморка нет? А ревматических болей? Превосходно! С вами говорит преподобный Сирил Твомбли. Мы не знакомы, но я ваш пылкий поклонник. Просто не мог удержаться, позвонил, чтобы сказать, как мне нравятся ваши книги. Каждая строчка, буквально *каждая*. Молодец, Пи Джи. Помните Дживса? Ха-ха-ха-ха!

Вроде бы приятно. Конечно, творец выше хулы и хвалы, но хорошо узнать, что кто-то тебя читает. Мало того — при всей моей духовности меня радует мысль о том, что такой пылкий поклонник не поскупится на книги, выходящие в следующем месяце, а то купит и штук пять для подарков. (Пять? А может, десять? Нет, не будем зарываться.) С одного экземпляра мне перепадет чуть больше 52 центов, с пяти — 2 д. 62 ц. На эту сумму можно купить горы табака.

Но чу! Он еще говорит.

— ...просто не мог удержаться. Сколько народу вас читает! Наверное,

и доходы немалые.

— Ну, как сказать...

— Не скромничайте, дорогуша, вы их заслужили. Может, миллиончик набежал, хе-хе? Да, кстати. Нашему храму как раз нужны добровольные даяния...

Теоретически этого можно избежать, если тебя нет в книге. Справочное бюро частных телефонов не дает.

— Простите, не даем, — говорит оно, умиротворяя страдающее разбитое сердце.

Но один человек, чьей фамилии нет в книге, сообщил мне, что он сам дает свой номер кому попало, те дают другим, и так далее. Лично его телефон, как выяснилось, знают 23 ненужные девицы, 56 — исключительно противных, бывший партнер, плохой массажист, три обойщика, предлагающих заняться его диваном, и неопознанный алкоголик, звонящий в интервале от трех до четырех часов ночи.

2

Другой источник печалей — нью-йоркский таксист.

Не судите о нем по лондонскому. Во-первых, судя по карточке на ветровом стекле, фамилия его Ростопчин или, скажем, Пшебышевский. Во-вторых, он игрив и оживлен, как нимфа. Да, бывает, проворчит что-нибудь, но вообще — просто клоун. Острит и шутит, а ты слушай, ведь перегородки здесь нет.

Некоторые винят в этом газетчиков, упорно распространяющих миф о шофере-весельчаке. Если так, они сделали дурное дело. У нас, пассажиров, одно утешение — на сцене или на арене тебе еще дали бы зонтиком по голове.

Мне удалось оборвать поток шуток только один раз.

— Англичанин, э? — начал клоун. — Вот, как сейчас помню...

— Что говорить! — вздохнул я. — Нас, англичан, интересуют только лисья охота и рыбная ловля.

Он охнул, нависло молчание. К концу поездки мое лучшее «я» очнулось и дало ему лишних 50 центов, но его мрачный взор не просветлел. Отъезжал он, опустив голову, словно ранили его самые нежные чувства.

Ободришь, Ростопчин! Не грусти, Пшебышевский! Явится другой англичанин, ты скажешь ему:

— Англичанин, э! Как сейчас помню...

И не замолкнешь до тех минут, когда зашуршат деньги.

3

Однако хуже всего — Ростопчина, Пшебышевского, преподобного Сирила Твомбли — хуже всего, повторю, нью-йоркские голуби. Почти сразу мы замечаем, что их слишком много. Да, много и пуэрториканцев, но голуби как-то заметней. Так и тянет их перестрелять.

Если этого не сделать, будет плохо. По всей Америке есть рестораны «Говард Джонсон», принадлежащие мистеру Говарду Джонсону. Один из них распложен на Бродвее, 245. Вчера посетители заметили, что некий голубь занялся витриной, где стояли открытые коробки с орехами разных сортов. Вкус у него был тонкий, прихотливый. Проглотив фисташку, он переходил к pekanу, потом — к кешью, и так далее. Длилось это минут двадцать и продлилось бы значительно дольше, если бы мистер Мельцер, возглавлявший отдел орехов и сладостей, не подкрался к птице сзади и не накрыл ее полотенцем. Потом он вынес ее, выпустил, и она улетела, мечтая выпить соды в ближайшей аптеке.

— Целых три часа я чистил витрину, — сказал мистер Мельцер. — За шесть лет беспорочной службы мне впервые попался пернатый клиент. Надо ли говорить, что он не заплатил по счету?

Насколько я понимаю, это — лишь начало. Если как можно скорей не поставить птичек на место (лучше всего перестрелять), посетители ресторанов обнаружат, что все места заняты.

Поймите меня правильно, я голубей люблю. Дома, в Ремзембурге, мы дружим. Они летают по саду, присаживаясь пусть не на древний вяз, но все-таки на клен, который я недавно купил у одного детского учреждения. Голубь опасен в городе, не в деревне. У входа в Центральный парк их собирается не меньше тысячи, и все они, кривя клюв, издеваются над прохожими. Мало того, их надо еще кормить!

Я хотел уклониться, но это невозможно, нервы не выдержат. Тем ли, иным ли способом голуби тебя допекут. Они воркуют на окне в пять часов утра, застят свет, тычутся вам в лицо, клюют вам ноги... Нет, не могу. Я человек мирный.

Пока мы не уехали из города, положение было такое: в поте лица я зарабатывал хлеб и скармливал его не жене, не пекинесам, не гостям, а прожорливым птицам, которые когтем не шевельнули, чтобы обеспечить

себе пропитание.

Что там, они неблагодарны. Дайте голубю хлеба, и он даже не кивнет, вид у него какой-то недовольный.

— Хлеб! — говорит он собратьям, неприятно ухмыляясь. — Нет, вы подумайте! Орехов им жалко. Вообще, этот Вудхауз... Знаете, как его прозвали? Скупердяй, да, да. Это ему даром не пройдет.

— Подадим иск? — спрашивает другой голубь.

— Пока не стоит, — говорит первый, — подождем, посмотрим...

Если бы я не укрылся в Ремзембурге, они бы перестали ждать.

Недавно я читал в газете, что жители Вашингтона надеются отогнать голубей от Казначейства, проведя в места их сборов провода и пустив ток. Их (голубей) стукнет два-три раза и они уберутся. Представляю, как посмеялась бы вышеупомянутая шайка. Ах, любезный Парсон, ничего не выйдет. Вы — мечтатель, утопист. Что-что, но это я знаю, против голубей средства нет.

Вот так-то.

XIV

ВСЕ УЖЕ НЕ ТО

Что там еще, Уинклер? Телевидение? Кино? Каждодневные изменения? Давайте, начнем с них, чтобы поскорей разделаться.

Когда вам 75, все — не совсем так, как было на четвертом десятке. Например, таксисты стали только добрей ко мне, пешеходу. Раньше, чуть не переехав меня, они кричали: «Смотри, куда идешь!» Теперь мягко замечают: «Поосторожней, дедуля». Бежит время, Уинклер. Вот они, серебряные нити среди золотых волос.

Что еще изменилось? Налоги. Вроде бы теперь потруднее. Помню, напишешь рассказ и сходишь в ресторан, а сейчас хватает только на сэндвич с ветчиной. Должно быть, налоги нужны, но не до такой же степени.

Книги тоже не те. Я все меньше и меньше понимаю современные романы. Всю эту искренность, как ее там, всю эту бесстрашную лексику. Часто думаешь, что для словесности настал черный день, когда в общественных туалетах покрасили стены краской, на которой ничего не напишешь. Сотни молодых литераторов (*lite gateurs*) волей-неволей обратились к бумаге, и теперь все это выходит в твердой обложке, по 12 д. 6 даймов.

Даже чистые духом авторы уже не те. Скажем, у них странные представления о возрасте. «Человек под пятьдесят, но еще способный пройти из угла в угол», — пишут они, или: «Сквайру было сорок шесть лет, но он легко носил их бремя». Лично я в 75 достиг того, что, завидев героя под семьдесят, говорю: «А, будет любовная линия...».

В реальной жизни субъекты лет шестидесяти восьми меня скорее раздражают. Шумные какие-то, орут друг на друга. Давно пора их унять.

Еще одна перемена — нет во мне тяги к визитам. Раньше я любил ходить в гости, теперь предпочитаю сидеть дома с хорошим детективом. Никак не пойму, зачем меня зовут. Я не особенно пригож и не вношу веселья. Если меня загонят в угол, ожидая блистательных остроумий, я что-то ляпну о погоде и в конце концов остаюсь один, ненужный и забытый. Не захочешь, припомнишь людей, которые думают, что от них дурно пахнет, тогда как на самом деле они просто неприятны.

Пытаясь вникнуть в причины моей нелюбви к визитам, я предположил, что дело в бумажных колпаках. Рано или поздно его на меня

наденут, причем хозяйка спит, а я погружаюсь в скорбь. «Человек, рожденный женщиной, — думаю я, — прах ты, и в прах возвратишься...». Согласитесь, тут не до смеха. Нельзя в очках и в колпаке считать себя венцом творенья. Если бы мне разрешили сидеть без шляпы, я бы всех очаровал.

А вообще-то — не знаю. Очень может быть, что я остался бы тем угрюмым субъектом, о котором потом говорят: «Что это за пугало?» Нет во мне прыти, нет бойкости, а именно они нужны в гостях. Возьмем для примера такого мастера, как Генри Биддл.

Генри Биддл, нефтяник из Техаса, повздорил с одной практически незнакомой дамой, и она потребовала по суду 400 000 долларов. Насколько я понял, произошло недоразумение. Он хотел, чтобы оркестр играл одно, дама хотела, чтобы он играл другое. Во всяком случае, они повздорили, и Генри решил, что самая пора призвать людей на помощь. Должно быть, Вы, Уинклер, разрядили бы атмосферу меткой эпиграммой или добрым анекдотом, я — замечанием о погоде, а вот Генри знал, что этого мало. Он ударил даму бутылкой, вошел во вкус и ударил снова. Тогда кто-то ударил его, он же перелез через стойку, набрал побольше бутылок и начал ими швыряться. Общество заметно оживилось.

Если Вы осуждаете нашего героя за единообразие действий, Вы не правы. Он только начал. Дирекция отеля попросила оркестр подключиться. Музыканты схватили ножи, Генри — огнетушитель. Опрыскав врагов кислотой, он закрутил на веревке вентилятор. За этим занятием и застала его полиция.

Легко понять, как привлекает это хозяек приема. «Только бы не забыть мистера Биддла, — говорят они, составляя список приглашенных. — С ним не соскучишься». И посылают ему записочку: «Не забудьте огнетушитель!».

Конечно, он признает сам, что тактика его не нова. Общительный магнат припомнил свое детство. Он так и увидел, как Огастес бьет Гвендолен игрушечной тачкой по розовому банту, чтобы она отдала плюшевого верблюда, тогда как Фрэнк колотит Элис, лягнувшую его в вельветовый зад. Честь и слава тому, кто сумел остаться ребенком.

XV

КАК Я СТАЛ ПОЭТОМ

1

Мы идем вперед, Уинклер, мы прогрессируем. Один за другим я снимаю Ваши вопросы и сейчас помышляю о том, какой снять следующим или, если хотите, на какой присесть, словно бабочка на цветок. Отвечу-ка, почему и как я стал читать лекции или писать стихи.

Нет, лекций я не читал. Если ты писатель и англичанин, от тебя этого ждут. Мне неоднократно предлагали турне по Америке, но я был тверд. Недостатки свои я знаю. Даром речи я наделен в минимальнейшей степени. Книга, которую я вчера купил, окончательно подтвердила, что мне не стать златоустом.

Называется она «Искусство убедительной речи», и с первой же страницы я понял, что искусство это не для меня. «Сильный ли у вас голос? — спрашивает автор. — Звонок ли он, чист ли, мелодичен? Ясно ли вы произносите? Приятно ли смеетесь?» Ответ один: «Нет». Голос у меня слабый, хриплый, речь монотонная, произношение — плохое, смех — неприятный, что же до мелодичности, ею и не пахнет.

Книга заверяет, что это поправимо, только надо все выполнять, а именно — лечь на спину, положить на грудь увесистый том и, начиная с шепота, произносить все громче: «На дворе трава, на траве дрова». Потом надо встать, подойти к зеркалу, расправить мускулы, подняться на цыпочки, откинуть голову, и двигая ею из стороны в сторону, выговаривать пять, а то и десять минут слово «ли-ли-яу», после чего сложить губы в виде нуля (О).

Нет, это не для меня. Слишком накладно. В конце концов, когда-то надо и жить, хотя бы работать. Читатели ждут новой книги, а я шесть месяцев трачу время на упомянутые упражнения, складывая губы в кружочек. Тут я и решил оставить мечту о стезе златоуста.

Конечно, бывают минуты слабости. Дар убедительной речи — это вам не фунт изюма. Скажем, Томасу Ломонако он очень помог.

Этот Томас — шофер такси. Недавно он вел машину по Джамайка-авеню (Бруклин), и на углу 75-й стрит его кликнул Элмар Хиниц.

— Гони 50 монет, — сказал вскоре Элмар.

Мало того, к 80-й стрит от достал перочинный ножик и, наклонившись вперед, тыкнул Томаса в спину.

— Это налет, — пояснил он.

— Ну-у? — удивился Томас.

— Да. Гони деньги, а то хуже будет.

— Поня-ятно, — откликнулся шофер, благодушно глядя на ножик. — Что ж, времена тяжелые, лишний доллар не помешает. Но вполне объяснимое желание ни к чему не приведет, поскольку у меня нет сейчас ни цента. Будет вам легче, если я предложу сигарету? Хорошие. Без обмана.

Хиниц сигарету взял, и беседа длилась до 118-й стрит, а там Томас заметил:

— Наш участок не видали? Хиниц ответил: «Нет».

— Очень красивый. Как говорится, псевдоготика. Заедем, а?

Речь была так убедительна, что Элмар согласился.

— А что, неплохая мысль! — сказал он, и теперь — под стражей.

Репортерам мистер Ломонако сообщил, что это — второй раз. Первый был в Уильямсбурге, пассажир угрожал пистолетом. Однако заговорить удалось и его. Несомненно, Т.Л. месяцами лежал на спине, шепча заветную фразу о дворе и дровах.

А вот исследователи Южной Америки — совсем другое дело. Однажды они повстречались на узкой тропке в Андах. Как все их коллеги, были они сильны и молчаливы, а потому битый час просто смотрели друг на друга. Потом один решил, извернувшись, обскочить собрата, но, как на беду, такая же мысль посетила и того. Словом, они рухнули в пропасть. Этого бы не случилось, изучи они искусство речи.

Поэтом — *серьезным* поэтом — я стал поздно. Когда я семь лет подряд вел колонку в «Глобе», мне приходилось писать стишки каждое утро, между половиной одиннадцатого и полуднем. Но разве это поэзия? Ею я занялся не так давно.

Замечу, что на телевидении задают какие-то дикие вопросы. Воскресным вечером можно увидеть фильм из серии «Мудрые старцы». В тот день старцем был Джон Холл Уилок, написавший стихи о пантере, обитающей в клетке его груди (до чего же неприятно!).

— Скажите, мистер Уилок, — спросил ведущий, — могли бы вы не

писать стихов?

По-видимому, он полагал, что Уилок избрал более легкий путь. Был бы он (У.) посильнее, сделай над собой усилие, и все, никаких пантер в клетках.

— Навряд ли, — отвечал поэт, а ведущий нахмурился. Однако, на мой взгляд, хмуриться тут не с чего. Тех, кто пишет стихи, надо не судить, а жалеть. Дело в том, что они зачарованы мнимой простотой лимерика. Первые две строчки даются так легко, что ты попадаешь в ловушку. (Сравним тигренка, лакавшего молоко, а потом отведавшего крови первого крестьянина.) Трудности остальных строчек быстро отваживают от лимериков, остается писать обычные стихи. Шекспир, Бэкон, Марло и граф Оксфордский, набросав на счете из «Русалки»

Красавица из Италии,
Ужасно тонкая в талии,

резко останавливались в поисках следующей рифмы.

— Далии? — подсказывал Бэкон (с него станется).

— Такого слова нет, — сердито отвечал Марло, страдавший с похмелья.

— Есть. Это георгин. Ну, хорошо, «та ли я»?

— Избито.

— «Не могла ли я»? — небрежно бросал Шекспир.

— Чушь какая! — фыркал Марло.

— Какого черта? — восклицал граф (пэры и не то скажут). — Напишем лучше пьесу.

И они писали «Два веронца». Было это и с Теннисоном.

Король по имени Арти,
Родившийся, кажется, в марте...

Так появились «Королевские идиллии».

Мой случай весьма занятен. Как мы знаем, я писал только легкие

простые стишки, но как-то, читая воскресную газету, внезапно задрожал, словно меня ударили мокрой рыбой. Среди читательских писем я увидел одно, которое начиналось так:

«Глубокоуважаемый Х!
Недавно мы поспорили с мисс Свишер...»

Если читатель повторит эти слова несколько раз, его они зачаруют, как зачаровали меня. Я ощутил, что только стихи достойны их продолжить, и кинулся к письменному столу. Вот что вышло:

Стоял весенний день, не слишком жаркий,
Но все же теплый, веселящий душу,
Как свойственно весенним дням. И я,
Послушавшись друзей, пошел гулять.
А на прогулке повстречал мисс Свишер
И с ней поспорил... Да, я понимаю,
Нехорошо слабейших обижать,
Но что поделаешь, когда тебе
Навязывают спор? Итак, я сдался,
А сокрушив те доводы, которым
Заведомо не нужно доверять,
Пришел домой и сокрушился духом,
Метался, каялся, бранил себя,
А после написал письмо в газету:
«Недавно мы поспорили с мисс Свишер».

Этим могло бы и кончиться, я бросил бы поэзию, но через несколько дней утренняя газета сообщила, что, согласно исследованиям Мичиганского университета, куры очень болезненно воспринимают какую бы то ни было грубость.

Как не написать поэму? Я и написал.

Отис Квокенбуш

Надеюсь, вам известен Квокенбуш
Хотя бы тем, что он разводит кур

В американском штате Мичиган.
Сперва он процветал, они неслись,
И яйца были так великолепны,
Что Квокенбуш нередко повторял:
«Я скоро стану денежным мешком,
Миллионером, нет — миллиардером».

Но чу! Однажды, посетив курятник,
Он не нашел ни одного яйца
Ни в гнездах, ни в соломе, ни на крыше.
И очень удивился. Поскребя
В затылке, он сказал: «Вот незадача!
Что ж я, не стану денежным мешком,
Миллионером, нет — миллиардером?
А ведь не стану, если так пойдет».

Однако тут к нему зашел приятель
Из Мичиганского университета,
Ученый куровед Уильям Гиббс,
И объяснил по-дружески, задаром,
Что куры исключительно ранимы.
«Я слыхивал, — сказал он, — что порой
Вы, Квокенбуш, бывали грубоваты
Ну, хорошо, немножечко резки,

А главное, — довольно неопрятны,
Тогда как эти нежные созданья
Нуждаются в добре и красоте.
Прошу вас, заклиная, изменитесь!
Следите за собой, почаще мойтесь
И улыбайтесь; что ж до резких слов,
Забудьте их хотя бы ненадолго,
Когда вы посещаете курятник».

«О, как вы правы! — отвечал несчастный.

Как точно раскусили и меня
И птиц, доверенных мне Провиденьем!
Клянусь, я буду вежлив, словно рыцарь,
Опрятен и наряден, словно денди,
А куры оскорбленные мои
Начнут нестись, душою отдыхая
И Провидение благодаря».

Теперь, собравшись посетить курятник,
Он надевает фрак, берет цилиндр,
Пылинку стряхивает, а придя
На место, говорит, как джентльмен,
А может быть, — как герцог или граф.
Естественно, утешенные куры
Несутся снова, Отис богатеет...
Какой урок неряхам и невежам!

После этого обратного пути нет. Что мне «Эксцельсиор», что «Мальчик на горящей палубе»? Пустяки.

4

Куры — не свиньи, тут и спорить нечего, но от одних легко перейти к другим, а потому я, пусть частично, приведу отчет сельскохозяйственного колледжа «Эдем», расположенного в Небраске. Если свинью поить виски 8 раз в день, она «обретает оптимизм». Мало того, по словам мистера Джека Б. Фосдайка, она 1) «входит во вкус» и 2) «пребывает в приподнятом настроении».

Качать головой или не стоит? Видимо, это зависит от того, что понимаем мы под словом «приподнятое». Конечно, свиньям не пристала байроническая мрачность, но лучше ли развязность? А похмелье, о нем вы подумали? Хорошо, эдемская свинья поет и пляшет весь понедельник; но во вторник она будет сидеть, охватив голову руками, и огрызаться, если к ней подойдешь.

По-моему, колледж должен отвечать за свои слова.

XVI

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

1

Спросили Вы и о том, как я отношусь к телевидению. Что ж, Уинклер, ящик у меня есть, но я его редко включаю. Мне удалось найти на радио одну станцию, которая передает музыку, большей частью — оперную, и я предпочитаю проводить вечер за книгой, слушая ее. Вы назовете меня старомодным, тихим домоседом, но если в пятницу покажут матч, поверьте, я буду жадно смотреть, как боксеры тузят друг друга. В остальном телевидение не касается моей жизни.

Конечно, я достаточно о нем знаю, чтобы толковать специальные термины, к примеру:

«Посмеемся вместе» — юмористическая, но не смешная программа.

«Житейские истории» — программа, повторяющая один и тот же сюжет.

«Сатирическое ревю» — программа не смешная, но злобная.

«Старые шутки» — очень старые шутки, которые преподносит молодой кретин.

«...литературно-юмористическая» — то же самое, но молодой кретин — в очках.

«Мастер вокала» — певец.

«Прославленный мастер вокала» — певец.

«Мастер» (вар. «Артист») — плохой певец.

«Долговременный контракт» — контракт.

«Контракт на семь лет» — контракт на семь недель.

«...10 000 в неделю» — 500 д. в неделю.

Все остальное для меня тайна, и навряд ли я попытаюсь ее открыть (исключение — бокс по пятницам).

Друзья говорят мне, что я много теряю. Например, вчера очень милая барышня демонстрировала новый матрас. Представили ее как «Мисс Мягкую Америку» 1957 года. Теперь каждая девушка просто обязана быть какой-то «Мисс». Приятель моего приятеля знаком с девушкой, которая кладет апельсиновые косточки в сок из банки, чтобы создать ощущение, что его только что выдавили. Она их кладет, и надеется стать Мисс

Поддельный Сок.

Иногда мне кажется, что я легче вынес бы телевизор, если бы они меньше смеялись. Помню, прочитаешь газеты, включишь ящик — и ты словно вышел из тени на палящие лучи.

Собственно, тень достаточно мрачна. Никогда не видел таких безрадостных людей, как нынешние журналисты. Поистине, видят только темную сторону! Если кто-то не сулит краха цивилизации в следующую среду, 3.30 по местному времени, значит, он перенес его на будущий вторник, 2.45. Но включите ящик, и вы попадаете в край детской радости.

По меньшей мере, там притворяются детьми, судя по умственному уровню — шестилетними. Они все время смеются. Зрители смеялись всегда, только им палец покажи, и зараза перекинулась на исполнителей.

Скажем, не далее как вчера Джон Кросби (не путать с Бингом! Тот поет, а этот пишет о телевидении. Ну и работка, однако! Сперва его надо смотреть). Да, так о чем я? А, Джон Кросби! Его огорчила беседа У-Ну с сенатором Маргарет Чейз Смит. Этот У-Ну просто корчился от смеха. Получилось примерно так:

«Если — ха-ха-ха! — на кого-то нападают враги — хо-хо-хо! — ООН выносит резолюцию — ха-ха! осуждающую их — ой, не могу! — а если нападают друзья — о-хо-хо-хо! — им все сходит — ой, сейчас лопну! — Это несправедливо — ха-ха-ха-ха...»

Смеялись и те, кто сидел в студии. Что же удивляться, если Джон Кросби визжит и воет, а если тронуть его за плечо, подскакивает к потолку? Совсем извелся, истинный неврастеник.

Мало того, «смех в студии» бывает поддельным. Они хранят запись, иногда — очень старую, так что нам преподносят мумифицированный хохот. Печальная мысль, правда? «Тот голос слышали в былые дни и повелители, и скоморохи», — говаривал Ките, выключая юмористическую программу.

И этого мало, кто-то изобрел машину, производящую искусственный смех. Специальный служитель нажимает, когда надо, кнопку. Очень удобно для актеров.

Настоящий «смех в студии», видимо, подчиняется каким-то правилам, скорее всего — неписаным, поскольку профессиональные зрители вряд ли умеют читать. Правила эти меняют без предупреждения, что приводит к занятым кви про кво. Скажем, раньше полагалось смеяться при упоминании Бруклина, было в этом районе что-то комическое. Теперь его место занял Техас.

Почему? Неизвестно. Спустили указание — и вот, можете сидеть тихо,

что бы вы ни услышали, но если не засмеетесь тому, что техасец спутал шампиньоны с шампанским, вас немедленно уволят. Тайная полиция бдительна.

Однако все не так плохо. Счастлив сообщить, что недавно кто-то выстрелил в телевизор. А на прошлой неделе... Но разрешите мне по всей форме ввести в зал славы Ричарда Уилтона.

В тот день, который станет национальным праздником, Р.У. 29 лет, проживающий на Бейкер-авеню, 103, вошел в студию Си-Би-Си, пока они отдыхали. Держал он огромный нож.

— Нет, какая пакость! — сказал он. — И передачи. И комментатор. И все вообще. Сейчас я убью оператора.

После чего, ткнув ножом в человека у камеры, он дал режиссеру графином по голове. Должно быть, вы поджали губы или подняли брови. «В чем дело? — спросили вы. — А где же нож?» «Сломался», — отвечу я. Нож был дешевый (59 центов), а дешевые вещи намного хуже дорогих. Если хотите убить оператора, потратьте хотя бы доллар.

Когда герой подбирался к самому главному начальнику, явилась полиция. По-видимому, нельзя бить режиссеров графином. Странный закон, их вообще слишком много.

Ошибся Ричард в том, что пришел на репетицию, упустив тем самым студийную аудиторию. Надо бы подождать, пока соберется эта шайка. Все на телевидении плохо, но уж эти хуже всего. Сидели бы тихо — Бог с ними. Нет, гогочут, словно гиены! Не далее как вчера девица сказала какому-то типу:

— Ах, вы эгоист! А он переспросил:

— Как кто-кто? Глист?

И аудитория закатилась хохотом, а по всей Америке сильные мужчины, скрипя зубами, бормотали:

— Где ты, Уилтон?

Ничего, они дождутся. Через три месяца он выйдет. Удачи тебе, Ричард! Только не скупись. Спросят 2 доллара — плати.

У вас могло сложиться впечатление, что я не люблю телевидение. Ну, нет. Конечно, это редкостная мерзопакость (кроме бокса по пятницам), но я бы ее вынес, если (я говорю: «если»!) мне не приходилось бы выступать самому.

О, как часто это бывает! Выпустишь новую книгу — и пожалуйста. Звонят из издательства и коротко сообщают, что передача — в понедельник, в 8.30 (программа «Только для слабоумных»), во вторник, 9.15 («Оставь мозги на вешалке»), а также в четверг, 7.35 («Жизнь среди кретинов»).

Казалось бы, Америка любит Вудхауза больше, чем Эйзенхауэра; но это не так. Издательство старается, чтобы лучше продать книгу, не понимая, что вид автора — верный способ ее прикончить.

Писатели, как правило, некрасивы. Чтобы в этом убедиться, пойдите на литературный банкет. Там будут высокие творцы, маленькие, толстые, тонкие; но всех без исключения брезгливо отверг бы самый неприхотливый стервятник. Редко, очень редко встретишь самое отдаленное сходство с человекообразными.

Радио — дело другое. Голос у меня приятный, мелодичный, а то и глубокий. Не захочешь, а потратишь на книгу 3 доллара 50 центов. Но не дай Господь меня увидеть.

Я слабоумен с детства, а потому пишу книги, которые, по мнению читателей, мог бы написать веселый, хотя и несколько отсталый юнец. «Посмотрим, — говорят они, — посмотрим на молодое поколение!» И что же? На экране появляется старик. Лысина припудрена мукой для оладьев, чтобы не слишком блестела. Ноги-руки дергаются, словно у гальванизированной лягушки. Надо ли удивляться, если через месяц-другой я узнаю, что книга не очень хорошо расходуется? Американские покупатели все, как один, решают не тратить деньги зря, и я их понимаю. Я бы пенсом не рискнул ради субъекта, который так выглядит на телеэкране.

Просто не понимаю, зачем на писателей смотреть. Каждый день, в каждой газетной колонке помещают фотографию автора. Заметьте, Уолтер Уинчел, прекрасный журналист, этого не допускал, хотя именно он приятен с виду (как и я в молодости).

То-то и плохо, что меня поздно поймали. Какой-то поэт сказал: «О, Господи, замедли мирозданье / и удержи мои молодые лета!» Нет, не совсем молодые, а года с 1906-го. Я был вполне ничего, стройный такой, с волосами. Вот и показывали бы миллионам зрителей, тем более, что я бы только радовался. Теперь — дело другое, я уже не тот; и потому мгновенно отвечаю субъекту из издательства:

— Простите, ради всего святого! Уезжаю в Калифорнию.

Дай ей Бог, Калифорнии. Журналисты, и те знают, что оттуда человека не вытянешь. Заодно и престиж растет. «Этот Вудхауз просто живет в Голливуде», — говорят одни. «Да, — отвечают им другие, —

спрос на него немалый». — «Странно, что фамилии нет в титрах» — не унимаются первые — «Пишет под разными псевдонимами, — объясняют вторые. — Можно представить, сколько у него денег!..»

XVII

ДЕВИЦА В КУПАЛЬНОМ КОСТЮМЕ

Всякий, кто любит писателей (а, кроме пекинесов, они — самые привязчивые и приятные из домашних животных), заметил, я думаю, как их, бедняжек, мало. Когда-то Лондон кишел ими. Мы встречали их кучками в любом издательстве, куда бы случайно ни зашли. Их присутствие украшало и первый, и второй антракт любой премьеры, что же до таких мест, как Челси или Блумсбери, приходилось смотреть под ноги, чтобы на них не наступить.

А что теперь?

Проверьте сами. Уильям Шекспир... Когда его в последний раз видели? Перси Б. Шелли... Что с Перси? Диккенс, Теккерей, Тrollop, Мартин Таппер... Где они? Их нет.

Иногда мне рассказывают страшные истории.

— Знаете этого романиста с висячими ушами? Ну, крапчатый такой, весь пиджак в пятнах. Так вот, он исчез.

— Исчез?

— Бесследно. Попрощались у входа в клуб, а захожу туда — его нету.

— И со мной то же самое, — говорит другой. — Были у меня прекрасные драматурги. Как в воду канули!

Мы, конечно, решили, что они попали под машину. Писатель мечтателен и, как его ни дрессируй, встает посреди улицы, чтобы отработать диалог. Но недавно правда вышла наружу.

Они — в Голливуде, пишут сценарии для звуковых фильмов.

Как и следовало ожидать, с появлением звукового кино Голливуд кардинально изменился. Теперь картину запросто не сделаешь. Все знают, как их делали раньше — беспечно, по-приятельски, словно стайка школьников. У Айка есть пленка, у Спайка — камера (дядя подарил на Рождество), у Майка — два-три приятеля, которые любят наряжаться и сниматься, так что можно, сложив свои карманные деньги, основать кинокорпорацию. О сценариях никто и не думал. Их создавали по ходу дела.

Прошли эти добрые времена. Теперь нельзя облачиться в тогу, крутануть ручку и назвать то, что получится, «Великий Рим». Нужна сложнейшая организация. Нужны продюсер, режиссер, второй режиссер, помреж, ассистент, оператор, директор группы и множество помощников.

Нужны высококлассные специалисты. А главное, нужны писатели.

Получился неслыханный кавардак. Чтобы исправить дело, надо смело выйти вперед и выложить всю правду.

Прошу вас, не преуменьшайте опасности. Не отмахивайтесь от нее, беззаботно замечая: «Чем больше, тем лучше» или «Один куда-то денется, а тут — другой». Англия, очнись! Если не действовать решительно, писатели исчезнут совсем. Кто будет писать в газетах о современной девушке и упадке домашнего уюта? Представьте, что вы понадеялись на Инга, а его нигде нет. Вы призадумались, а?

Нам скажут, что это нелепо — только динамит мог бы изгнать настоятеля из «Ивнинг Стандарт». Не зарекайтесь. Дело дошло до того, что ничему нельзя верить. Знаете ли вы, например, что весь год, когда меня не было в Лондоне, я был не в Дартмуре, как полагали, а в Голливуде? Если бы я не подкупил дочь тюремщика, и она не сунула в пирог напильник, я бы там и сидел. Что скажете?

Голливуд ужасно влияет на нравственность. Он дышит обманом и лукавством. Ни один предмет, ни одно явление не равны самому себе. Дерево — крашеный столб, подпертый какими-то бочечками. Дворец Гарун аль Рашида, который мы видим на экране, был в жизни картонным макетом (4 фута на 3). Поэтичная лагуна — дурно пахнущий бассейн, по которому, вздымая волны, ходит ассистент в трусах.

Представьте, как действует это на чувства творца. С детства наученный любить правду, он попадает туда, где наживаются на подлоге. Поневоле задумаешься, правильно ли тебя воспитывали. Через месяц-другой уже нельзя положиться на то, что он не будет мошенничать в гольфе или при подсчетах налога.

Страдает и его достоинство. Сценаристов держат в закутках. На каждой студии располагаются ряды жалких хижин, в каждой из которых сидит писатель. Сквозь решетку белеют испуганные лица, и порой, жалобно скуля, злосчастные авторы просят, чтобы их вывели на прогулку. Как, по-вашему, легко это видеть? Сердце буквально истекает кровью. Только очень жестоких людей не тронет такое зрелище.

Как-никак, писатель — человек. Ему положены жизнь, свобода и стремление к счастью. Можно ли держать его на привязи?

Нет, я не хочу сказать, что их очень мучают. На лучших студиях к ним даже добры. Часто видишь, как Уорнер или Ласки кормят их салатом через решетку. Относится это и к самым гуманным режиссерам.

Что там, сценаристы нередко дружат с режиссерами. Кинг Видор рассказывал мне трогательную историю. Как-то утром он шел в ателье,

сосредоточившись на будущей съемке, и ощутил, что его дергают за полу пиджака. Посмотрев вниз, он увидел своего ручного сценариста, Уильма Эдгара Дела-мера, глядевшего на него так странно, словно он хотел его предостеречь.

Поначалу мистер Видор принял это за шутку, но что-то подсказало ему, что где-то таится опасность. Он вспомнил детские книги, в которых верный пес оттаскивал хозяина от пропасти. Повернувшись на 180, он пошел в кафе, где выпил обезжиренного молока. И правильно сделал, поскольку в ателье ожидала заморская звезда с тяжелым характером. Можете не сомневаться, что Эдгар получил хороший ужин.

Однако это — частный случай. Не все режиссеры подобны Кингу Видору. Большой частью они изводят узника поправками, от чего тот теряет и достоинство, и аппетит. Губит сценаристов то, что с ними никто не считается. Режьте по живому, кромсайте, давайте понять, что диалог сырой, и вскоре вы добьетесь того, что розы на его ланитах безвозвратно поблекнут.

Говорят, в Голливуде есть сценаристы, которые годами получают жалованье, хотя ни одна их строчка применения не нашла. Есть и такие, кого никто не видел, словно узников Бастилии. Они сидят в своем закутке и растят бороду. Время от времени с ними возобновляют контракт, а потом опять забывают.

Если все так, как я описал, напрашивается вопрос — почему писатели туда едут? Ответ уложится в одно слово: «Насилие».

Честности ради скажу, что киномагнаты очень редко прибегают к физическим методам. Иногда особенно упорному автору дают мешком по голове в темной аллее, чтобы отправить в пустыню, пока он не очнулся, но, как правило, действуют мягче, деликатней.

Два-три магната — скажем, Ласки и Цукор — завидев добычу, следуют за ней в кафе или ресторан, а там садятся за соседний столик.

Минуту-другую царит тишина, нарушаемая хрустом салата. Потом Ласки, чуть повысив голос, задумчиво произносит.

— Как ее фамилия?

— Чья? — осведомляется Цукор.

— Да этой высокой блондинки.

— Какой именно?

— Ну, она была в пляжном клубе.

— Э?

— На ней еще такой розовый купальник.

— А, эта, с веснушкой на спине!

- С веснушкой? С родинкой, насколько я понял.
- Нет. С веснушкой. В самом низу позвоночника.
- Да ладно. Как ее зовут?
- Забыл. Спрошу, когда увижу. Мы с ней хорошо знакомы.

Тут они недолго молчат. Слышится учащенное дыхание. Автор стоит у столика, жадно поблескивая глазами.

— Простите, — говорит он, — я вмешался в частную беседу, но вы сказали, что знакомы с высокой блондинкой именно того типа, который я люблю. Как ни странно, такую девушку я годами искал по всей стране. Где ее можно найти?

— В большом саду, — отвечает Ласки. — В Голливуде.

— Далековато, а? — сочувствует автору Цукор.

— Если бы вы были писателем, — вступает в беседу Ласки, — мы бы завтра взяли вас с собой.

— Поразительно! — говорит жертва. — Я писатель, Дж. Монтегю Бримуорти. «Мастер сюжета» («Нью-Йорк Тайме»), «Могучий, беспримесный реализм» («Геральд Трибьюн»), «Ни одной скучной страницы» («Уимен'з Уир»).

— Что ж, — говорит Ласки, вынимая контракт, — подпишитесь вот здесь.

— Тут-тут, где мой палец — поясняет Цукор. Ловушка захлопнулась.

Если этот метод не сработает, выбирают другой, покруче. Потребность в сценаристах вернула к жизни добрый старый обычай — людей крадут. Соперничество между студиями так остро, что никто не защищен.

Я слышал об очень занятном случае. Один человек отправился на Запад, чтобы поискать там нефть. Он был из тех, кто буквально помешан на этом ископаемом. Меньше всего на свете думал он стать писателем. Кроме писем и поздравительных телеграмм, он ничего не писал.

Случилось так, что его внешность наводила на мысль о сценаристе. У него были высокий лоб, похожий на купол, пронзительный взор и та циничная усмешка, которая обычно означает, что ждать эпитафии недолго.

Однако писателем он не был, и очень удивился, когда на пустынной улице Лос-Анджелеса, где он размышлял о нефти, какие-то люди в масках схватили его, усыпили и увезли в закрытой машине. Очнулся он в конурке. Перед ним лежал отточенный карандаш, а строгий субъект советовал ему не лениться и подпустить секса, но в меру, из-за цензоров.

У этой истории есть странное продолжение. Герой ее философски смирился с неизбежностью, забыл о нефти и написал несколько фраз. Оказалось, что это легче легкого. Вскоре он строчил не хуже самых старых и высоколбых коллег. Так начал свою карьеру Ноэл Кауард.

XVIII

ТЕАТР

1

Теперь расскажу о театре и о моем вкладе в это искусство.

Один приятель сказал мне, что написал пьесу, но горюет, ибо звезда, о которой он мечтал два года, заключила контракт на телевидении, а другая звезда, о которой он мечтал до этого, внезапно уехала в Голливуд. И это — после того как он трудился, словно бобер, приспособливаясь ко вкусам режиссера, его жены, главного спонсора, его сына и четырнадцатилетнего мальчика по имени Гарольд, которому спонсор безоговорочно верил!

Кроме того, ему давно надоели пробные турне с неизбежно сопутствующими им словами: «Подождите до вторника. Вечером в понедельник провинция сидит дома», «Сами знаете, вторник... Подождите до среды* и, наконец, «В среду их сюда не загонишь. Четверг, вот наш день». А режиссер зудит у локтя, жуя незажженную сигару: «Д-да, подработать нужно. Недоделки, недоделки...».

Лично я никогда не жалел о своих романах с театром. Они утомительны, много волнуешься, лысеешь (меня принимают в полумгле за Юла Бриннера), зато встречаешь очень интересных людей. Мне попало за кулисами столько незабываемых типов, что можно заполнить «Ридерз дайджест» на годы вперед. Многих я описал в книге «Введите девушек!».

Первую пьесу я создал вместе с Генри Каллимором, когда мне было семь лет. Не знаю, почему это пришло нам в голову, но — пришло, и Генри сказал, что требуется интрига. «Какая?» — спросил я. Он ответить не мог, но читал или слышал, что без нее не обойдешься. Мы несколько растерялись, однако не сдались, уповая на то, что все сойдется (так делал и Чехов).

Он (Генри, не Чехов) был старшим, поскольку и впрямь был старше года на три, а кроме того, владел вечным пером. Я его морально поддерживал, используя тот же метод, который позже оправдал себя в моем союзе с Гаем Болтоном: Гай писал, а я на него поглядывал, спрашивая: «Ну, как?» — и, услышав «Порядок!», шел читать Агату Кристи.

С Болтоном система работала на славу. Наверное, точно так же

сотрудничали Бомонд и Флетчер. А вот Генри меня подвел. Не захочешь, скажешь: трость ветром колеблемая! Написав

«Действие первое

Входит Генри.

Г. Что на завтрак? Овсянка и бекон? Очень хорошо!».

Он остановился, израсходовав снаряды.

Как он думал развивать интригу, я так и не узнал. Овсянка отравлена? («Да, инспектор, это мышьяк, насколько я понимаю»). А может быть, из кладовки выпадет мертвое тело? Это осталось неизвестным. Какая жалость!

С тех пор я приложил руку к 16 пьесам и 22 мюзиклам — один, с соавтором или как незаменимый Чарли. Этот Чарли есть в каждой труппе. Никто не знает, откуда он взялся, но деньги ему платят. Тут очень важна приветливая улыбка.

Что до пьес в прямом смысле слова, они нередко проваливались. Собственно, я не отдавал им сердца. Мюзиклы, вот моя стезя. Мне легче написать «Оклахому», чем «Гамлета» (вообще-то я не написал ни того, ни другого, но мысль ясна).

На сцену я попал в 1904 году, создав тексты песенок для «Сержанта Бру», который шел в театре Принца Уэльского. Позже, в 1906, я подрядился за 2 фунта в неделю писать эти тексты для театра «Олдуич». Где-то я упоминал, что мне довелось сотрудничать с молодым американским композитором по имени Джером Керн. Когда, через много лет, я буквально столкнулся в Нью-Йорке с ним и с Болтоном, мы объединились и творили для театра «Принсес». Работал я и с Виктором Гербертом, Джорджем Гершвином, Рудольфом Фрими, Зигмундом Ромбергом, Винсентом Юменсом, Имре Кальманом, Иваном Кариллом, Францем Легаром и сотней других. Год за годом предвечерние сумерки заставляли меня в поисках рифмы к слову «июнь». (Один даровитый юнец счел, что уместно «плюнь», и был изгнан из гильдии.)

Поэтому не удивляйтесь, если я, улучив минутку, размышляю о нынешних нью-йоркских мюзиклах. Что станет с ними? Продержатся ли они? Если да, то как долго? Придет ли день, когда мы тщетно будем искать их? Остановится ли их стоимость? И теперь нелегко собрать 250 000; что же завтра, когда понадобится миллион?

Пытались ли Вы добыть 250 000? Это — не пятерку занять до пятницы! Как-то Говард Дитц написал слова для хора, которым начинается

одно бродвейское ревю. Вот они:

Почему глаза сияют?
Почему сердца пылают?
Почему душа играет?
Гордон деньги раз-до-был!

Подпевая, поневоле уронишь слезу. Через что прошел бедный Макс Гордон? А ведь он, крупный режиссер, должен делать это снова и снова.

Лично я не понимаю, как пойти на это во второй раз. Несколько лет назад решили возобновить постановку, к которой я был причастен в 1920 году, и пригласили меня на представление для спонсоров. Я пришел и еле унес ноги. Шляпа, еще хорошая, потеряла всякую форму, ботинки потрескались, щеки обросли щетиной, нос распух. Чувствовал я себя так, будто вылез из мусорного бака (газеты написали: «Вудхауз просто вылез из мусорного бака!»).

Представление для спонсоров включает в себя жалких попрошаек (режиссер, пианист, специально нанятые певцы, а также друзья, которые смеются и хлопают) и толстых субъектов с каменными лицами, которых удалось загнать в специально снятый зал. Это — спонсоры или, точнее, потенциальные спонсоры, поскольку золото у них есть, но его надо вытянуть.

Обеспечив гостей икрой, напитками и сигарами, режиссер начинает читать пьесу, останавливаясь время от времени, чтобы предоставить место певцам. Толстые субъекты молчат, только двигают челюстями. Иногда журчит виски с содой. Когда икра дойдет до ватерлинии, субъекты удаляются, не проронив ни слова.

Повторяется это много раз. Чтобы поставить «Оклахому», дали 89 таких представлений. Должно быть, примерно на шестьдесят третьем кто-то пошевелился в кресле и извлек чековую книжку. Вероятно, его тронула песня, напомнив о далеком детстве, а может, совесть прошептала, что за икру надо платить. В общем, чек он выписал.

Но на сколько? На 10 000? На 20? Да хоть на 50! Это истинные крохи для такой постановки. В начале турне «Оклахоме» не хватало двадцати тысяч, и ей бы не видать Нью-Йорка, если бы на помощь не пришел С.Н. Берман.

Хорошо, вы набрали 250 000. Что же дальше? Поначалу, для затравки, вам придется выручать не больше 33 000 в неделю. Вчера я видел

бухгалтерский отчет одного из самых преуспевающих театров, ставящих мюзиклы. 36 444 д. 9 ц. за неделю. Вроде бы неплохо, но вычтем расходы, и остается 3 597 д. 83 ц. Я не математик, но мне показалось, что года полтора придется собирать 36–37 000 в неделю, пока спонсоры почешутся. Эти здравомыслящие люди склонны выкурить даром сигару или закусить икрой.

Вот почему, увидев меня в позе роденовского «Мыслителя», можете не сомневаться, что я задаю себе вопрос: «Куда ты идешь, бродвейский мюзикл?» или, если хотите: мюзикл, куда ты идешь?» Годы бегут, цены растут... Поневоле задумаешься.

2

Самая главная сложность — с рабочими сцены. Положение просто ужасное. Вкратце оно сводится к тому, что рабочим надо платить, а театральное начальство жалеет денег. Профсоюз, напротив, денег требует. «Гони монету», — говорит он. Ему нравятся чужие деньги. Возникает напряженность, а там — начинаются перебранки. Я слышал, как начальство называло профсоюз кровопийцей, тогда как профсоюз только рад съязвить насчет сквалыг, которые донесут до шестого этажа охапку самых скользких угрей, ни одного не выронят.

Пьесы теперь по большей части идут в одной декорации, и режиссер ощущает, что если ее поставили, с рабочими можно попрощаться. Он не понимает, зачем платить им каждую неделю. Ему нужен служитель с веничком, чтобы обметать пыль и отгонять моль.

Профсоюз мыслит иначе. Есть декорации, нету, изволь нанимать рабочих на случай, если они появятся. Ясно? Попытка бороться с профсоюзом приводит к забастовке, сперва — этих самых рабочих, потом электриков, потом — актеров, кассиров, швейцаров и кота. Вот почему Виктор Бордж, играющий два часа на рояле, вынужден оплачивать восемь рабочих сцены. Недавно комедию с одной декорацией и тремя актерами обслуживали целых пятнадцать человек. Публики иногда мало, рабочих всегда хватает. Поднимается занавес, а они тут как тут.

Рискуя заслужить упрек в дотошности, объясню, что они делают, когда им нечего делать. Само собой разумеется, все чинно, все отлажено. Сперва прямым голосованием выбирают главного, известного в дальнейшем как Ленивец. Его долг — свисать со стропила головой вниз. Потом идут Старший и Младший Лодыри, которые лежат на кушетках

(римский стиль) в венцах из роз. За ними следует мелочь по кличке Полевые лилии (12 шт.). Поскольку я не знаю точно их функций, пришлось заглянуть в один театр, где меня принял Младший Лодырь, некий Уилберфорс, несколько раздосадованный тем, что я мешаю ему решать кроссворд.

— Если нетрудно, мистер Уилберфорс, — начал я после взаимных приветствий, — объясните мне кое-что.

— Что именно?

— Ну, насчет рабочих сцены...

— Мы не любим этого наименования. Что-то в нем есть низменное. Работа, знаете ли, пот, грязь... Справедливей называть нас праздным классом или, если хотите, элитой. Конечно, в крайних случаях мы трудимся. Не далее чем вчера режиссеру показалось, что лучше передвинуть кресло. Нас пригласили на совещание, и задолго до начала спектакля дело было сделано. Под руководством Ленивца мы, Лодыри, то есть я и мой младший брат, Сирил Маспрет, взяли кресло за ручки и перенесли. Да, это нелегко. Мы не щадим себя, когда раздается зов.

— Должно быть, он раздается редко? Обычно вы отдыхаете?

— О, да!

— Не начинайте с междометий, — назидательно сказал я, и Уилберфорс покраснел, хотя я старался его не обидеть.

Тут кто-то произнес:

— О, Господи! Жена!

На сцене репетировали одну из тех викторианских комедий, которые должны вызывать ностальгию по добрым старым временам. Уилберфорс вздрогнул.

— Какой шум! — сказал он. — Конечно, актерам жить надо, но зачем столько суеты? Как тут припомнишь австралийскую птицу, три буквы, первая «э»? Неподалеку ставят пьесы про гангстеров, и Ленивца все время будят выстрелы. Он выказал неудовольствие, теперь актеры тихо говорят: «Пиф-паф!» М-да... первая буква «э..».

Догадавшись, что «Ра» (египетский бог, две буквы) не подойдет, я воскликнул в озаренье:

— Эму!

— Простите?

— Ну, австралийская птица.

— Не начинайте со слов-паразитов.

Теперь покраснел я и еще не отошел, когда к нам приблизился важный субъект в широких брюках и узкой жилетке. Он оказался Младшим

Лодырем.

— Вы тоже любите кроссворды? — осведомился я. Он засмеялся и покачал головой.

— Нет, я скорее мечтатель... и читатель. Как вам этот Кафка?

— А вам?

— Я первый спросил, — улыбнулся он, и мы попрощались.

Так что я до сих пор не знаю, чем заполняют время Лилии. Играют в прятки? Очень удобно за кулисами. Скачут? Читают, как Младший Лодырь?

Один режиссер увидел на 45-й стрит, как строят театр «Эвон».

— Черт! — сказал он, тронутый до глубин души. — Тут меньше рабочих, чем у нас в пьесе с одной декорацией.

Так-то, дорогой читатель.

3

Должно быть, многими трудностями нью-йоркский театр обязан кассирам. Они всячески стараются, чтобы публика купила поменьше билетов. Одна дама, живущая в Фарминг-дейл, Нью Джерси, недавно написала такое письмо:

«Пожалуйста, пришлите четыре билета по 4 доллара на любой субботний спектакль. 16 дол. прилагаю».

И получила ответ:

«На субботние спектакли нет билетов по 2 доллара».

Тогда она написала:

«Прошу Вас, перечитайте мое письмо и разглядите чек».

Театр ответил:

«На субботние спектакли нет билетов по 2 доллара».

Страсти накалялись. Дама написала снова:

«Не понимаю, что тут сложного. Я и не намекала на билеты по 2 доллара. Я просила четыре билета по 4 доллара и приложила соответствующий чек. Четыре на четыре — шестнадцать. Прошу выслать билеты!»

Смутился ли кассир, покраснел ли, стал ли рыть землю ногой? Еще чего! Он ответил:

«На субботние спектакли нет билетов по 2 доллара».

XIX

РОЖДЕСТВО И РАЗВОДЫ

1

Оглядываясь на то, что я написал, Уоткинс, я вижу, что не осветил всех новшеств здешней жизни. Если помните, я говорил о том, насколько вежливей стали местные жители, но забыл остановиться на росте разводов и распухании Рождества. Обе темы заслуживают обстоятельного исследования.

С тех пор, как я, мордатый юнец двадцати лет с небольшим, впервые бродил по Нью-Йорку, Рождество очень изменилось. Тогда это был праздник; теперь впечатление такое, что у него слоновая болезнь. Не хотел бы никого задевать, но иногда мне кажется, что большие магазины просто хотят нажиться. Кто-то (имен не называю) полагает, что Рождество — не время уюта и милости, а случай вытянуть из людей последние сбережения. Все эти Санта Клаусы явно для того и созданы.

Они нападают на город, словно мухи. Зайдите в любой универмаг, и вы увидите Санта Клауса, окруженного детьми. Они буквально лезут на него, я же думаю: «Скромный герой!», поскольку в универмаге очень жарко. К концу дня эти стойкие люди чувствуют себя как отроки в огненной печи, а отчасти — как царь Ирод, о методах которого я сам слышал одобрительные отзывы.

Однажды, зайдя в кафе, я спросил одного, не решил ли он наскоро освежиться. В конце концов, ни у кого не хватит сил...

Он взглянул на меня и ответил:

— Санта-Клаус не знает слабости. Если он дрогнет, наутро коллеги, построившись в каре, сорвут с него бороду и накладное брюхо. Мы — гордый народ. К тому же можно утешаться мыслью о тех, кто ходит по офисам. В универмаге вам могут прилепить к усам недожеванную резинку или, скажем, молочный шоколад, и, отлепляя их, ты станешь как-то глубже. Ты обретишь жизненный опыт. Наконец, ты смирился с тем, что завтра тебя ждет то же самое. Но сетуешь ли ты?

— Нет, не сетуешь?

— Вот именно. Ты напоминаешь себе о том, что эти страдания меркнут перед долей Санта-Клауса, который всю неделю ходит по

рекламным агентствам. Сами знаете, каковы рекламщики в эти дни. От малейшего шороха они трясутся, как мусс. Представьте же их чувства, когда сзади подходит Санта Клаус, хлопает по спине и кричит: «С Рождеством, дорогуша!» Мой знакомый, Хват Оберхольцер, бывал на краю гибели. Долго ли он продержится?

— Надеюсь, — сдержанно заметил я.

— Ах, что там! — вздохнул Санта Клаус. — Могилкой больше, могилкой меньше...

Кроме того, он открыл мне поразительный факт. Много лет я гадал, зачем к Рождеству привозят с Тибета хвосты яков. Кому они нужны? Если бы мне сказали: «Мистер Вудхауз, разрешите отблагодарить вас за счастливые часы, которые подарили ваши книги. Возьмите этот хвост» — я бы смущенно захихикал, поблагодарил и тут же потерял подарок. Казалось бы, каждый поступит так же.

Теперь я все знаю. Из хвостов делают бороды. До сих пор я смотрел на них с почтением, сейчас они мне противны. Нежной натуре яка эта потеря тяжела.

Нет, не могу. Перейдем лучше к разводам.

2

Американский спорт — не в лучшем виде. Кубок Дэвиса уплыл в Австралию, а в Париже, на состязаниях по бриджу, французы бросают шляпы в воздух, тогда как американцы толкуют в уголке, что это в конце концов игра.

Однако карты и мяч — еще не все. Зато по разводам мы держим первое место. Патриоты с гордостью говорят, что на тысячу браков у нас тринадцать разводов, а у швейцарцев — только три.

— Пока у нас есть техасские миллионеры и голливудские звезды, — говорят друг другу люди, — все в порядке, беспокоиться незачем.

Однако сейчас основания для беспокойства есть. Мы узнаем из нью-йоркской «Дейли Миррор», что в нашей общественной жизни произошли изменения, которые мало кто заметил. Разводов на 40 % меньше, чем в 1946 году. Да, да. Прямо, твердо, бесстрашно, без всякой подготовки. Буквально — подкрались сзади и бумц по голове.

Газета умалчивает о том, что делается в Швейцарии, но можно предположить, что упорные жители каньонов добрались до пяти, а то и до шести процентов. Оставьте миф, гласящий, что они способны только на

сгущенное молоко. Дел у них мало, времени на развод хватает. Очень может быть, в эти минуты свободный швейцарец показывает судье шишку, возникшую потому, что подруга жизни стукнула его часами. А наши штаты, тем временем, любят себя. Не захочешь, а вспомнишь рассказ о черепахе и зайце.

Вот факты, но трудно определить, кто виноват. Звезды? Конечно, нет. Голливуд — на высоте. Что ни день, читаешь, что Лотта Коралли и Джордж Вомбат, держась за руки, ждут не дождутся, когда он разведется с Белиндой Сапфири, а она — с Марком Кенгуру, причем коту ясно, что Лотта и Джордж надолго не задержатся. Минет время, и она сообщит суду, что недели две все шло прекрасно, а потом он стал читать за столом газету, не слушая, как она рассказывает свой сон, чем наносил ей психическую травму. Нет, с Голливудом все в порядке. Нефтяные магнаты тоже в форме. А Томми делает, что может.

Может быть, виновны судьи, от них многое зависит. Конечно, есть и мастера, и мы ни в чем не упрекнем того, кто развел Кармеллу Поррега с ее мужем Сальваторе, бросившим в нее пончик. Но что сказать о судье, отказавшем Энди Хант Тэккерсли в 12-м расторжении брака? Неужели он не понимает, что именно такие отказы лишают боевого духа? Что ж удивляться успехам прилежных швейцарцев!

Некоторые считают, что американские мужья предпочли более мягкий способ. На их взгляд, чем разводиться, дешевле расчленив жену секачом и бросить, что осталось, в болото. Сомневаюсь.

Конечно, я слышал о жителе Чикаго, который, в минуту слабости, сунул жену ДжозсЛину в мясорубку, а потом разложил по банкам с надписью «Язык», но вообще-то американскую жену не очень убьешь. Смотрите, что вышло в Калифорнии.

Дня три-четыре молодые супруги буквально плавали в счастье, а потом, как нередко бывает, муж забеспокоился. Он подумал о разводе, но вспомнил, что в их штате жене отходит половина имущества. Только он решил подновить свою половину и потерпеть еще, как его осенила мысль: «А на что же нам гремучие змеи?».

Раздобыл он змею, положил в карман старых брюк и повесил их на стул в спальне. Когда жена спросила, где бумажник он ответил: «В старых брюках». Она пошла в спальню и вскоре до него донесся голос:

- В каких, в каких брюках?
- Да в старых!
- Точнее.
- В серых.

- Которые ты бросил на стул?
- Да-да.
- В каком кармане?
- В заднем.
- Ничего подобного. Там какая-то змея.

XX

МОИ МЕТОДЫ, КАКИЕ ЕСТЬ

1

Наконец, я замечаю, что Вы хотите узнать мои методы. Может быть, Вы ошиблись? Вам не кажется, что зрителям и читателям они совершенно ни к чему?

Понимаете, никак не заставлю себя поверить, что кому-то есть до них дело. Но если Вам хочется, так и быть, поускай...

Легче всего сказать, как все писатели, что каждое утро, ровно в девять, я сажусь за письменный стол, но что-то меня удерживает. Публика у нас дошла, она знает, что ни один человек на свете не садится в девять за стол. Но вот к десяти я — у стола, и дальнейшее зависит от того, положу ли я на него ноги. Если положу, то тут же впаду в кому или, если хотите, предамся мечтаниям. Душа моя обратится к прошлому. Мне захочется узнать, как поживают друзья детства Макконел, СБ. Уолтере, Пэдди Байлз и Робинзон. Нередко в такие минуты меня осеняли мысли, но ни одну из них не удалось вставить в роман.

Если я удержусь, я придвину кресло поближе к машинке, поправлю пекинеса у себя на коленях, пошвищу фокстерьеру, пошучу с кошкой и примусь за работу.

Все наши звери ею интересуются, кворум присутствует почти всегда. Правда, иногда подумаешь, не лучше ли одиночество, или хотя бы помечтаешь о том, чтобы кошка не прыгала на спину без предупреждения, но могло быть и хуже, я мог бы *диктовать*.

Никак не пойму тех, кто способен творить при скучающей секретарше. Но многие это делают. Многие спокойно бросают: «Готовы, мисс Спиви? Так. Кавычки. Нет, запятая, сэр Джаспер, тире, сказала Эванджелина, тире, я не вышла бы за вас, будь вы единственным мужчиной на свете, кавычки закрыть. Кавычки, с большой буквы, что ж, я не последний, тире, отвечал он, цинично покручивая ус, тире так что не о чем и говорить, точка закрыть кавычки. Конец главы.

Не легче мне было бы и с машинкой, которая все записывает. Как-то я одну купил и начал очередного «Дживса», но дело не пошло.

Вы помните, Уинклер, или не помните, что один из романов о нем

начинался так:

— Дживс, — сказал я, — можно говорить прямо?

— Несомненно, сэр.

— Мои слова могут вас обидеть.

— О, что вы, сэр!

— Так вот...

Дойдя до этого места, я решил послушать, как звучит диалог. Чтобы определить, как он звучал, есть только одно слово: «ужасно». До сих пор я не знал, что голос у меня — как у очень важного директора школы, обращающегося к ученикам с кафедры в школьной часовой. Машинка мне это открыла.

Я был потрясен. Я-то думал написать смешную книгу, занятную или, если хотите, веселую, но человек с таким голосом по сути своей не способен на веселье. Если пойти у него на поводу (у голоса, не у человека), поневоле создашь одну из тех мрачных повестей, которые возвращают в библиотеку, едва бросив взгляд на первую главу. Машинку я продал и чувствовал себя, как Старый Мореход, освободившийся от альбатроса.

2

Пишу я, когда пишу, и от руки, и на машинке (не слуховой, конечно, а пишущей). Сперва я набрасываю карандашом на промокашке абзац или часть диалога, потом печатаю первый вариант. Получается хорошо, если я не кладу ноги на стол — тогда я предаюсь мечтаниям, о которых говорил выше.

Слава Богу, я не завишу от обстановки. Говорят, многие писатели могут творить только тогда, когда у них на столе стоит ваза с цветами, а без стола вообще не напишут ни строчки. Я писал и в океанском плаванье, когда пишущая машинка то и дело падала мне на колени, и в гостиничном номере, и в лесу, и в немецком лагере, и в парижском Дворце правосудия, когда Французская республика заподозрила, что я ей опасен (на самом деле я ее люблю и пальцем не трону, но она этого не знала).

Писать (или переписывать) мне очень приятно. Трудно *выдумывать*; вот отчего у меня круги под глазами. Такие сюжеты, как у меня, поневоле наводят на мысль, что у автора не в порядке оба полушария, равно как и та субстанция, которую именуют corpus callosum. Непременно наступает момент, когда я тихо шепчу: «Угас, угас его могучий ум». Если бы сэр Родерик Глоссоп увидел заметки к моему последнему роману «Что-то не

так» (а их — 400 страниц), он бросился бы к телефону, чтобы вызвать санитаров. Вот образчики:

«Отец — актер? Что ж, неплохо»

(В романе никакого отца нет).

«Брат хитроумен, как букмекер Бинго Литтла»

(Нет и брата)

«Злодей рассказывает героям о сыне»

(Злодея тоже нет)

«Сын — парикмахер? Учит кататься на коньках?»

(Ничего общего с сюжетом)

«Кто-нибудь (кто?) скажет ее отцу, что она — кухарка?»

(Наверное, что-то это значило, но пал туман, и я ничего не понимаю)

«Художник не писал картины и не знает, кто ее написал».

(Какой художник? Вроде, нет и его).

Наконец, заметка, которая повергла бы сэра Родерика Глоссопа в полный ступор:

«Из желатина и тушеных слив можно сделать прекрасное средство для волос».

Как ни странно, именно тогда, когда я чувствую себя полным идиотом, что-то щелкает и все становится на место. Приходится переписать каждую строчку не меньше десяти раз, но если сюжет мне ясен, я знаю, что это — работа механическая.

Сюжет для меня — суть дела. Некоторые говорят, что отпускают героев на волю. Это не для меня, я бы героям не доверился. Бог их знает, что им взбредет в голову. Нет уж, пусть слушаются сюжета. Мне кажется, что план книги — одно, само писание — совсем другое. Если бы мне довелось заниматься железнодорожным движением, я бы ощущал, что прежде всего надо положить рельсы и разобраться со станциями. Иначе пассажиры запоют, как в бессмертной песенке Мэри Ллойд:

Куда же я попал?

Совсем не тот вокзал!

Мне надо в Ливерпуль,

А это — Халл.

Каждый, кто читает мою книгу, может не сомневаться, что я, по мере сил, все отладил. Это не так уж много, но в Ливерпуль он попадет.

Что ж, мой дорогой, вроде бы все ясно. Надеюсь, Вы заметили, что на семьдесят шестом году (76 мне будет 15 октября, можно прислать подарок) я еще совсем неплох. Я хорошо ем, хорошо сплю, не боюсь работы. Если Вы хотели спросить «Эй, Вудхауз, как вы там?», ответ будет: «Прекрасно». Да, зимой иногда стреляет в ногу, а летом мне труднее угнаться за соседским псом, если он рылся в нашем мусорном баке, но в общем — полный порядок, как теперь говорят.

Однако письма, подчеркивающие, что мне «за семьдесят» как-то задевают. Поневоле ощутишь, что ты, против ожиданий, — не ясноглазый юноша. Да, это удар. Видимо, его испытал директор моей школы, скончавшийся недавно в 96 лет, когда спросил новичка:

— Уопшот? Уопшот... Знакомая фамилия. Ваш отец у нас не учился?

— Учился, сэр, — отвечал школьник. — И дедушка тоже.

Вильгельм Телль на новый лад

Перевод с английского Е. Даниловой

*Бидди О. Салливан
в подарок на Рождество*

Так тяжек был австрийский гнет
Швейцарскому народу.
Тирана Темь сразил — и вот
Все празднуют свободу.
О Теме толстые тома
Твердили мы уныло.
Но тут история сама —
Точь-в-точь, что с Теллем было.

ГЛАВА I

Давным-давно, в незапамятные времена, когда в Швейцарии не было еще гостиниц, еще не снимали англичане Монблан на фото для альбома — показывать после чая, друзьям на зависть, вся страна принадлежала австрийскому императору, и он распоряжался там, как хотел.

Первым делом император отправил своего друга Германа Геслера наместником. Нехороший человек был этот Геслер, и вскоре выяснилось, что швейцарцам он не по нутру. Особенно им не нравились налоги. Швейцарцы, люди простодушные и экономные, хотели вообще без них обойтись. Они говорили: «Нам и так есть куда деньги тратить». Наместник, со своей стороны, хотел все обложить налогом. Если у кого было стадо овец, приходилось платить деньги Геслеру; а продав овец и купив коров, приходилось платить еще больше. Вдобавок, Геслер обложил налогом хлеб, и печенье, и варенье, и булочки, и лимонад, словом, все, что ему в голову пришло. Тут уж население Швейцарии решило жаловаться. Вручить жалобу выбрали Вальтера Фюрста — за свирепый вид и рыжие волосы, Вернера Штауффахера — за седые волосы и задумчивый вид (это он размышлял, как правильно пишется его фамилия), и Арнольда Мельхталя — за русые волосы и знание законов. В один прекрасный апрельский день они явились к наместнику и были приглашены в аудиенц-зал.

— Итак, — спросил Геслер, — чему обязан?

Друзья выпихнули вперед Вальтера Фюрста, надеясь, что его свирепый вид испугает наместника. Вальтер Фюрст кашлянул.

— Так? — подбодрил Геслер.

— Э-э... гм! — сказал Вальтер Фюрст.

— Уже хорошо, — шепнул Вернер, — поддай ему жару!

— Э-э... гм! — снова сказал Вальтер Фюрст. — Дело в том, ваше наместничество...

— Мелочь, конечно, — ввернул Геслер, — но обычно ко мне обращаются «ваше превосходительство». Да?

— Дело в том, ваше превосходительство, что народу Швейцарии...

— ...который я представляю, — шепнул Арнольд Мельхталь.

— ...который я представляю, кажется, что нужно кое-что изменить.

— Что именно? — осведомился Геслер.

— Налоги, ваше превосходное наместничество.

— Изменить налоги? Что, народу Швейцарии налогов не хватает?

Вмешался Арнольд Мельхталь.

— Народ думает, что и этих много, — сказал он. — На овец налог, на коров налог, на хлеб налог, на чай налог, на...

— Знаю-знаю, — перебил Геслер, — все налоги мне известны. Ближе к делу. Что тут неясного?

— А то, ваше превосходительство, что их слишком много.

— Слишком много!

— Да. И мы не станем с этим мириться! — воскликнул Арнольд Мельхталь.

Геслер подался вперед на троне.

— Повторите, пожалуйста, — сказал он.

— Мы не станем с этим мириться!

Геслер со зловещей улыбкой откинулся назад.

— А-а, — сказал он, — вон оно что! Не станете, вот как! Попросите пожаловать сюда господина верховного палача, — бросил он стоящему рядом стражнику.

Господин верховный палач вошел в приемную — любезный седовласый старичок в корректном черном балахоне, ненавязчиво вышитом черепами.

— Вызывали, ваше превосходительство?

— Всенепременно, — отозвался Геслер. — Наш гость... — (он указал на Мельхталя) — говорит, налоги ему не нравятся. Он не станет с ними мириться.

Палач укоризненно прищелкнул языком.

— Определитесь, что можно для него сделать.

— Само собой, ваше превосходительство. Роберт, — позвал он, — масло кипит?

— Сию минуту вскипело, — раздался голос из-за двери.

— Так неси, да смотри, не пролей.

(Те же и Роберт, в доспехах и черной маске, с большим котлом, из которого поднимаются клубы пара.)

— С вашего позволения, сударь, — вежливо обратился палач к Арнольду Мельхталю.

Арнольд посмотрел на котел.

— Да он горячий!

— Разогретый, — признал палач.

— Варить в кипящем масле незаконно.

— Можете подать на меня в суд, — сказал палач. — Прошу вас, сударь. Мы теряем время. Позвольте указательный палец на левой руке.

Благодарю. Весьма обязан.

Он ухватил Арнольда за левую руку и окунул кончик пальца в масло.

— Ой! — подпрыгнул и воскликнул Арнольд.

— Не показывай ему, что тебе больно, — прошептал Вернер Штауффахер. — Притворись, будто не замечаешь.

Геслер снова подался вперед.

— Не желаете пересмотреть свой взгляд на налоги? — спросил он. — Вам теперь ясна моя позиция?

Арнольд признал, что, если на то пошло, какие-то убедительные моменты в ней есть.

— Вот и славно, — сказал наместник. — А как насчет налога на овец? Не станете возражать?

— Нет.

— А налог на коров?

— Самое то.

— На хлеб, на булочки, на лимонад?

— Лучше не придумай.

— Великолепно. Выходит, вы всем довольны?

— Еще бы!

— А остальной народ, как вам кажется?

— Тоже!

— И вы согласны? — спросил он Вальтера и Вернера.

— Да-да, ваше превосходительство! — вскричали те.

— Значит, все в порядке, — сказал Геслер. — Так я и думал: здравого смысла вам не занимать. Внесите небольшую сумму — шляпу вам протянет служащий слева от меня — за потраченное на вас время, а вы — (Арнольду Мельхталю) — добавьте скромную компенсацию за имперское масло, и мы останемся довольны друг другом. Уже? Вот и славно. До свидания, не споткнитесь на пороге.

Когда он закончил речь, троих представителей народа Швейцарии вывели из аудиенц-зала.

ГЛАВА II

Их встретила на улице толпа сограждан, которые по очереди подслушивали у замочной скважины парадного входа. Поскольку аудиенц-зал был с другой стороны дворца, через две двери, лестничный пролет и длинный коридор слышно было не очень хорошо, так что сограждане окружили вышедшую троицу и забросали вопросами.

— Он отменил налог на варенье? — спросил Ульрих, кузнец.

— Что с налогом на печенье? — воскликнул Клаус Флюе, городской трубочист, большой любитель печенья-ассорти.

— Да ну их, чай и печенье! — вскричал его сосед, Майер Сарнен. — Я желаю знать, будем ли мы платить за овечьи стада.

— Что вообще сказал наместник? — спросил Иост Вайлер, человек практичный и прямолинейный.

Трое представителей нерешительно переглянулись.

— Н-ну, — решился наконец Вернер Штауффахер, — коли на то пошло, говорить он почти не говорил. Больше дела, меньше слов, сами понимаете.

— Я бы характеризовал его превосходительство наместника, — объяснил Вальтер Фюрст, — как трудного оппонента. Ему пальца в рот не клади.

Услышав про пальцы, Арнольд Мельхталь испустил стон.

— Короче, — продолжал Вальтер, — в ходе нашей краткой но интересной беседы он нас убедил. Ничего не выйдет, придется платить налоги, как раньше.

Воцарилась мертвая тишина. Несколько минут все обменивались разочарованными взглядами.

Молчание нарушил Арнольд Сева. Его не выбрали представителем, поэтому он затаил обиду и воображал, что все обошлось бы, будь он на их месте.

— В сущности, — съязвил он, — вы трое не справились с поручением. Не называя имен, рискну предположить, что кое-кто в нашем городе зарекомендовал бы себя лучше. В таких тонких материях нужен, если можно так выразиться, такт. Такт — вот что нужно. Конечно, если хочется выскочить у наместника под носом...

— Мы не выскакивали, — сказал Вальтер Фюрст.

— ...с криком «отмените все налоги»...

— Мы не кричали, — сказал Вальтер Фюрст.

— Я не могу говорить, когда меня постоянно перебивают, — упрекнул Арнольд Сева. — Так вот, я продолжаю: необходимо прибегнуть к такту. Такт — вот что нужно. Избрали бы представителем швейцарского народа меня — заметьте, я не говорю «должны были», просто *если бы* избрали — я принял бы такую линию поведения. Твердым шагом, но без развязности, войдя в приемную тирана, я бы сгладил неловкость, отпустив невинное замечание о погоде. Как только беседа завязалась, остальное, считайте, сделано. Я бы выразил надежду, что его превосходительство хорошо пообедал. Когда разговор заходит о еде, нет ничего проще, как заметить, насколько излишни налоги на пищевые продукты, и все было бы благополучно слажено, подожди вы немного. Я не намекаю, кого следовало выбрать, просто поясняю, как бы я действовал, будучи представителем швейцарского народа.

Арнольд Сева с оскорбленным видом подкрутил усы. Друзья немедленно предложили дать ему шанс, ободренные сограждане отвечали согласным гулом. В итоге колокольчик У входа во дворец снова зазвонил, Арнольд Сева вошел, и Дверь за ним захлопнулась.

Через пять минут он вышел, посасывая левый указательный палец.

— Нет, — произнес он, — не вышло. Тиран меня убедил.

— Я знал, что так и будет, — сказал Арнольд Мельхталь.

— Могли бы предупредить, — отрезал Арнольд Сева, приплясывая от боли.

— Горячее оно?

— Кипящее.

— А!

— Значит, он не отстанет со своими налогами? — раздались в толпе огорченные голоса.

— Нет.

— Тогда нечего делать, — провозгласил Вальтер Фюрст, вдохнув поглубже, — придется бунтовать!

— Бунтовать? — закричали все.

— Бунтовать, — твердо отвечал Вальтер.

— Вперед! — восклицали все.

— Долой тирана! — кричал Вальтер Фюрст.

— Долой налоги! — ревели в толпе.

Воцарилось невиданное воодушевление. Последнее слово осталось за Вернером Штауффахером.

— Нам нужен предводитель.

— Я не собираюсь навязываться, — начал Арнольд Сева, — но должен сказать, когда речь идет о руководстве...

— У меня есть кое-кто на примете, — сказал Вернер Штауффахер. — Вильгельм Телль.

— Ура Вильгельму Теллю! — грянула толпа и, по знаку Вернера Штауффахера, запела старинный швейцарский хорал:

«Каравай, каравай,
Кого любишь, выбирай!»

Напевшись до хрипоты, они отправились по домам немного поспать перед дневными трудами.

ГЛАВА III

В живописном шале, высоко в горах, покрытых снегом и эдельвейсами (это цветы, растут они в Альпах, рвать не разрешается), жил Вильгельм Телль с женой Гедвигой и двумя сыновьями, Вальтером и Вильгельмом. Он был такой замечательный человек, что я ему отведу целую главу. Любое дело горело у него в руках. Во всей Швейцарии никто лучше него не стрелял из лука. Он дрался, как лев, ходил по горам, как серна, прыгал, как белка, и носил осанистую бороду. Пробраться через вечные льды или проскакать по утесам вслед за дичью? — Телль не подведет. Нагрубить наместнику? — Телль тут как тут. Однажды *охотился он в Шехенском ущелье, там редко след увидишь человека; он шел пустынной горного тропой, где встречным разминуться нелегко. Над головой его скала нависла, под ним ревел сердито бурный Шехен.* Внезапно они встретились с наместником лицом к лицу. Как только Геслер увидел Телля при луке, *он смутился и побледнел, колени задрожали, словом, он присел на камушек, ощущая дурноту.*

— Ба! — сказал Телль. — Кого мы видим! Я вас знаю. Хороши вы, нечего сказать, со своими налогами на хлеб да на овец. Когда-нибудь вы плохо кончите, старый негодяй!

Фу!

Он бросил строгий взгляд и пошел прочь, пусть-де Геслер призадумается над его словами. С тех пор Геслер затаил злобу и все искал случая ему отплатить.

— Попомни мои слова, — сказала Гедвига, когда за ужином муж рассказал ей о встрече. — *Позора он вовек не позабудет.*

— *Я встречи не ищу. И он не ищет.*

— Вот и ладушки, — согласилась Гедвига.

А то еще был случай: конная стража наместника гналась за другом Телля, Баумгартеном, и тому ничего не оставалось, как пересечь озеро в ужасный шторм. Когда перевозчик справедливо заметил: *«Мне ринуться туда, в крошечный ад? Нет, я еще рассудка не лишился»*, — и отказался отчалить, даже за двойную цену, когда рейтары с ужасными воплями почти настигли свою жертву, Телль прыгнул в лодку и, со всей силы орудуя веслами, перевез друга по бурным волнам. Отчего наместник Геслер еще больше рассердился на него.

Особенно отличала Телля необыкновенно меткая стрельба. Никто во

всей стране ему в подметки не годился. Он появлялся на каждом состязании лучников и всегда уносил первый приз. Даже соперники не отрицали его мастерства. «Зато, — говорили они, — Телль стреляет не для души», намекая, что он только и думает, как бы собрать побольше призов. Телль посмеивался: «Понятно, не для души, а для тела: мне надо кормить семью». Он никогда не возвращался с охоты без добычи. Иногда он приносил серну, и тогда семья ела в первый день жаркое, еще четыре дня — заливное, а на шестой день — биточки, с гренками по краю блюда. Иногда он добывал одну птицу, и тогда Гедвига жаловалась: «Попомни мои слова, ее на всех не хватит». Хотя всегда хватало, и уж никогда не случалось так, чтобы даже птицы не было.

Собственно, семья Телля жила счастливо и благополучно, несмотря на наместника Геслера и его налоги.

Телль был настоящий патриот. Он верил, что настанет день, и Швейцария восстанет против тирании наместника, поэтому он муштровал сыновей, чтобы те всегда были готовы. Они маршировали, крича во все горло и колотя по консервным банкам с таким пылом, что Гедвига, которая не выносила шума и ждала от детей помощи по хозяйству, частенько ворчала. «Попомни мои слова, — говорила она, — растущий дух милитаризма в молодом незрелом поколении ни к чему хорошему не приведет». Она считала, коли мальчишки играют в солдатики, а не помогают матери протереть стулья и вымыть пол, их ждет ужасный конец. Телль отвечал: *«Тот, кто хочет в жизни пробиться, должен быть вооружен и для защиты, и для нападения. Так держать, молодцы!»* Они так и держали. Вот к какому человеку швейцарский народ решил обратиться за помощью.

ГЛАВА IV

Обсудив положение в таверне «Глечик и глетчер», горожане решили выбрать троих делегатов, чтобы те пошли и объяснили Теллю, чего от него хотят.

— Не хотел бы показаться нахальным, — сказал Арнольд Сева, — но, мне кажется, одним из троих должен быть я.

— Думается, — возразил Вернер Штауффахер, — нам ни к чему замены и перемены. Почему не выбрать тех, что втроем ходили к Геслеру?

— Не хотел бы подходить критически, — ответил Арнольд Сева, — но вынужден напомнить уважаемому оратору (прошу меня простить), что он и его не менее уважаемые друзья не добились успеха.

— Как и вы! — огрызнулся Арнольд Мельхталь. Палец еще болел, тут кто угодно огрызнется.

— Все потому, — сказал Арнольд Сева, — что вы и ваши друзья, забыв о такте, взбудоражили наместника, и он не захотел прислушаться к другим. В делах такого рода самое главное — такт. Хотя как знаете. Не обращайтесь на меня внимания!

Горожане и не обращали. Они выбрали Вернера Штауффахера, Арнольда Мельхталя и Вальтера Фюрста, и троица, осушив стаканы, потянулась в горы, к дому Телля.

Остальные договорились подождать их возвращения в «Глечике и глетчере». Все очень волновались, чем дело кончится. Восстание без Телля немыслимо, ну, а вдруг Телль откажется стать предводителем? Ведь чем плохи восстания — подавляя их, предводителя казнят, чтобы другим было неповадно. Не всем нравится, когда их казнят, даже в назидание друзьям. С другой стороны, Телль был храбрый малый, патриот, и, может, только того и ждал, чтобы сбросить иго тирана. Прошел час, и на склоне холма показалась тройка делегатов. Телля с ними не было, и у горожан возникли нехорошие подозрения. Человек, которого прочат в вожди революции, первым делом идет к соратникам устраивать заговор.

— Ну что? — заговорили все наперебой, когда троица дошла.

Вернер Штауффахер покачал головой.

— А-а, — сказал Арнольд Сева, — я все понял. Он отказался. Вы не проявили такта, и он отказался.

— Нет, проявили, — возразил Штауффахер, — но убедить его нам не удалось. Дело было так: мы подошли к дому и постучались в дверь. Телль

открыл. «Доброе утро», — сказал я.

«Доброе утро, — сказал он. — Присаживайтесь». Я сел.

— «Поговорим, — сказал я. — *На сердце тяжело*». По-моему, выразительный оборот.

Собравшиеся одобрительно забормотали.

— «*Да что слова*, — сказал Телль. — *От них не станет легче*».

— Неплохо, — шепнул Иост Вайлер. — Красиво он излагает, Телль.

— «*Но к подвигам пускай ведут слова*», — сказал я.

— Изящно, — одобрил Иост Вайлер, — очень элегантно. И что?

— А Телль на это и ляпни: «*Терпеть, молчать — весь подвиг ныне в этом*».

— «*Но должно ль то сносить*, — сказал я, — *что нестерпимо?*»

— «Да, — сказал Телль, — *кто любит мир, того оставят в мире*. Как только наместник поймет, что мы от его притеснений не бунтуем, он устанет нас притеснять».

— А вы что ему ответили? — спросил кузнец Ульрих.

— Что плохо он знает наместника, если на это надеется, «*мы многого добьемся сообща*, — сказал я. — *Сплотившись, даже слабые могучи*».

— «*Тот, кто силен*, — сказал Телль, — *всего сильнее один*».

— «*Что ж, родине на вас надежды нет*, — сказал я, — *когда придет нужда в самозащите?*»

— «Нет, почему же, — сказал он. — Я с вами. Только я не гожусь в заговорщики или в советчики и все такое. В делах я себя проявляю лучше. Так что не зовите меня на собрания, не просите выступать и прочее; а вот если понадобится что-то *сделать*, тут я и подключусь, ладно? Черкните мне, как понадобится — можно открытку, — и Вильгельм Телль не станет прятаться за чужими спинами. Нет, господа». С этими словами он нас выпроводил.

— Ну что ж, — подытожил Иост Вайлер, — небезнадежно. Нам остается только устроить заговор. Давайте приступим.

— Давайте! — закричали все.

Кузнец Ульрих постучал по столу, требуя тишины.

— Господа, — сказал он, — наш друг Клаус Флюе прочтет доклад на тему «*Наместники: их слабые места, и как с ними бороться*». Прошу тишины, господа. А ты, Клаус, старина, говори погромче и не тяни.

И горожане без дальнейших проволок начали серьезно заговариваться.

ГЛАВА V

Несколько дней спустя Гедвига пилила Телля за любовь к авантюрам. Он чинил топор на пороге дома. Гедвига, как обычно, стирала. Вальтер и Вильям неподалеку играли детским самострелом.

— Отец, — сказал Вальтер.

— Да, сынок?

— У меня тетива крякнулась («крякнулась» — так швейцарские мальчишки говорят вместо «порвалась»).

— Чини, сынок, — сказал Телль. — Стрелку неоткуда ждать помощи.

— По-моему, — заявила Гедвига, выскочив за дверь, — мальчику в его возрасте вообще незачем стрелять. Мне это не нравится.

— Не начать сызмала — не стать мастером. Помню, когда я был мальчишкой...

— По-моему, — перебила Гедвига, — когда ребенок хочет только стрелять, это не дело. Ему бы дома посидеть, матери помочь. А тебе не вредно подать пример.

— Ну, знаешь ли, — сказал Телль, — я не домосед от природы. В пастухи меня калачом не заманишь. Я бы не знал, куда повернуться. Нет, у каждого свое дело, вот охота — по моей части. Охотиться я как раз умею.

— Гадкое и вредное занятие, — отпарировала Гедвига. — Не нравится мне слушать, как ты заблудился в пустынных ледниках или прыгал по всяким утесам. Когда-нибудь, попомни мои слова, оступишься и упадешь в пропасть, или под лавиной окажешься, или пойдешь по льду, а он возьмет да треснет. На все лады можно убиться.

— Кто соображает да смотрит в оба глаза, — самодовольно произнес Телль, — не убьется. *Природным горцам горы не страшны*, а я дитя гор.

— Дитя, уж точно! — отбрила Гедвига. — Что пользы с тобой спорить!

— Никакой, — согласился Телль, — мне пора в город. У меня назначена встреча с твоим папенькой и еще кое с кем.

(Забыл сказать: Гедвига была дочерью Вальтера Фюрста.)

— Та-ак, чего вы с папой затеваете? — поинтересовалась Гедвига. — Какую-то заварушку, я знаю. Поняла еще, когда папа привел сюда Вернера Штауффахера и того, другого, а ты не позволил мне слушать. Что там еще? Опасные выдумки, не иначе.

— Ну как тебе пришло в голову? — рассмеялся Телль. — Опасные

выдумки! Что опасного станем мы с тестем выдумывать?

— Знаю! — сказала Гедвига. — Меня не обманешь! Зреет заговор против наместника, и ты туда же.

— Как не помочь родной стране!

— И тебя, конечно, поставят куда поопасней. Я их знаю. Не ходи. Пошли Вальтера с запиской, мол, сожалею, только сейчас вспомнил, обещал быть в другом месте, не могу принять ваше любезное приглашение.

— Нет, надо идти.

— Еще одно, — настаивала Гедвига. — Геслер сейчас в городе.

— Сегодня уезжает.

— Вот и подожди, пока уедет. Не стоит с ним встречаться. Он затаил на тебя злобу.

— Да что мне до его злобы! Я в своем праве, кого мне бояться?

— Кто в своем праве, — заметила Гедвига, — тот ему больше всех и ненавистен. Ты же знаешь, он тебя никогда не простит за разговор тогда, в ущелье. Не ходи сегодня в город. Найди себе занятие. Ступай на охоту, раз так.

— Нет, я дал слово, — ответил Телль, — и должен идти. Поторапливайся, Вальтер.

— А несчастного ребенка чего за собой тянешь? Иди сюда, Вальтер, сию минуту!

— Я хочу с отцом, — захныкал Вальтер, потому что специально копил карманные деньги для города, с тех пор как отец обещал его взять с собой.

— Да отпусти ты мальчика, — сказал Телль. — Вильгельм при тебе останется. Правда, Вилли?

— Да, отец, — согласился Вильгельм.

— Ну, попомни мои слова, — заявила Гедвига, — как бы чего плохого не случилось.

— Вот еще, — сказал Телль. — Что может случиться?

И, не задерживаясь, они с Вальтером направились к городу.

ГЛАВА VI

Тем временем в городе много чего происходило, о чем Телль не имел понятия. Поскольку тогда в Швейцарии не было газет, ему случалось отстать от жизни. Обычно он полагался на знакомых, которые, посиживая в кухне, рассказывали, что произошло за последнее время. Конечно, когда случалось что-нибудь из ряда вон выходящее, им некогда было тащиться в гору, к его домику. Им хотелось быть в городе, поближе к событиям.

А случилось вот что. Когда наместнику выдавалась минутка отдыха от наместничества, Геслер (который, как вы помните, был нехороший человек) выдумывал все новые способы досадить швейцарцам. Он был из тех, кто

«дразнит вас наверняка,
Нарочно раздражает».^[51]

Больше всего он любил запрещать. Только обнаружит, что именно людям нравится, и тут же посылает герольда сказать: «Прекратите». Нет вернее способа им досадить, решил он для себя. А тут стал в тупик: все, до чего он смог додуматься уже запретил. Запретил петь, танцевать, играть на всех музыкальных инструментах, под предлогом, что шум мешает людям работать. Запретил есть почти все, кроме хлеба и мясных обрезков, ведь люди объедаются, а потом только и способны сидеть и жаловаться на здоровье. Запретил всякие игры, чтобы люди не тратили зря время.

И вот, дожил. Хотел еще хоть что-нибудь запретить, а придумать ничего не мог.

Внезапно его осенило.

Он приказал слугам срезать длинную жердь. Они срезали очень длинную жердь. Потом он повелел: «Принесите из прихожей мою шляпу. Не самую лучшую, что я ношу в воскресенье и по праздникам; и не ту, в которой хожу каждый день; и не охотничью — эти мне все нужны. Подайте мне самую старую шляпу». Ему подали самую старую. Он сказал: «Наденьте шляпу на шест». Шляпу надели на самую верхушку шеста. Тогда он приказал: «Идите и поставьте шест посреди луга у входа в городские ворота». Слуги пошли и поставили шест точно посреди луга, напротив входа в ворота.

Затем он разослал глашатаев на север, юг, запад и восток, позвать людей, поскольку им объявят нечто важное и особенное. Люди приходили десятками, и полусотнями, и сотнями — мужчины, женщины, дети; все стояли и ждали перед дворцом, пока не выйдет наместник и не объявит важное и особенное.

Ровно в одиннадцать часов Геслер доел превосходный завтрак и вышел на крыльцо с речью.

— Дамы и господа! — начал он. (Голос из толпы: «Громче!»)

— Дамы и господа! — снова начал он, уже громче. — Попадись мне любитель кричать «Громче!», я бы его затравил дикими слонами. (Аплодисменты.) Я созвал вас сегодня, чтобы пояснить, почему на лугу против городских ворот выставлен шест, а на верхушке его — моя шляпа. Причина такова: вы все, как я знаю, меня любите и уважаете, — он сделал паузу, ожидая громких приветствий, но все молчали, и он продолжал: — Я знаю, как бы вам хотелось приходить каждый день во дворец и склоняться передо мной. (Голос: «Нет, нет!») Попадись мне любитель кричать «Нет, нет!», я бы нацепил ему на пятки розовых скорпионов, а если он же кричал «Громче!», еще и тарантулов. (Громкие аплодисменты.) Как я уже говорил, пока меня не перебили, я знаю, как бы вам хотелось приходить во дворец и склоняться передо мной. Однако вас много, дворец тесный, и я вынужден отказать вам в удовольствии. Чтобы вас не разочаровать, я установил свою шляпу на лугу, и вы можете склоняться перед ней. Даже должны. (Голос: «Ну, она будет красивее тебя!») Попадись мне любитель таких сравнений, я бы привязал его к дереву и затравил дрессированными мухами. (Оглушительные аплодисменты.) В общем, короче: если кто пройдет через луг, не поклонившись шляпе, его арестуют стражники, и я посажу бешеных дроздов клевать ему нос. Вот так-то! Солдаты, рассейте толпу.

Геслер успел скрыться за дверями, когда яйца и капустные кочаны засвистели в воздухе. Стражники принялись распахивать толпу по переулкам, пока площадь перед дворцом не расчистилась. Все это произошло за день до того, как Телль с Вальтером отправились в город.

ГЛАВА VII

Установив шляпу на шесте посреди луга, Геслер отправил двоих солдат, Фризгарда (я думаю, следует писать Фризгард, а произносить Фрис-гарт, но на всякий случай спроси у сведущих людей) и Лёйтхольда, стоять на страже и следить, чтобы никто не прошел, не преклонив колени перед шестом и не обнажив голову.

Но люди, гордые тем, что они «die terten Kolatschen», как говорилось у них (по-нашему, это «тертые калачи»), нашли выход из положения. Они быстро сообразили: раз надо кланяться шесту, проходя по лугу, то можно не ходить по лугу, а значит, и не кланяться. Так что все шли далеко в обход, и двоим стражникам пришлось скучать в одиночестве.

— И чего мы здесь валандаемся, — начал Фризгард, — время тратим? (Фризгард, человек малообразованный, говорил не очень грамотно.) Никто ведь из местных шляпе кланяться не хочет. Ясное дело. Помнится, тут на лугу было что на твоей ярмарке — все толкаются и пихаются, только бы пройти — а теперь! Пустыня, одно слово. Чистая тебе пустыня. Одни мы тут околачиваемся за здорово живешь. Вот так вот.

— И ты подумай, ловкачи какие, — продолжал он. — Нынче утром, не дальше, я себе смекаю: «Фризгард, — говорю, — ты только дождись двенадцати, когда они потащатся из ратуши, и тут уж мимо лужайки им не пройти. Там увидим, — так себе говорю. — Как сейчас, с подковыркой будто. Поживем, — говорю, — увидим». Жду-пожду, и вот в полдень выходят они, целой толпой, и пошли по лужайке. «Ну, — думаю, — щас самое веселье начнется». И что, по-твоему? Только они к жерди-то подошли, выскочил вперед священник, псаломщик в колокольчик зазвонил, и все бухнулись на колени. Так то ж они молиться, а не из-за шляпы. Вот чего удумали. Ловкачи, одно слово!»

Фризгард со злости пнул шест железным башмаком.

— Я уверен, — сказал Лёйтхольд, — целиком и полностью уверен, они смеются над нами. Послушай только!

Из-за пригорка послышался голос.

— Где ты взял такую шляпу?

— Видишь! — проворчал Лёйтхольд. — И так все время. Перед этим было: «Кто же шляпник у тебя?» Мы здесь просто посмешище. Ни дать ни взять два жулика у позорного столба. *Ведь это срам для доброго вояки — быть на посту перед пустою шляпой. Отвешивать поклоны перед шляпой!*

Поверь, дурацкий это, брат, приказ!

— Ну вот еще, — отозвался Фризгард, — *перед пустой шляпой! Ты ж кланяешься голове пустой?* Ха-ха! Заправский из меня шутник, верно?

— Сюда идут, — сказал Лёйтхольд. — В кои веки! Да что там, один сброд, по большому счету. Кого поприличнее здесь не дождешься.

На краю лужайки копилась толпа. Поминутно прибывали еще люди, по виду — из низов, пока не собралась добрая сотня. Они стояли, указывая пальцами на шест и переговариваясь, но никто не пытался ступить на луг.

Наконец кто-то выкрикнул: «Эй!»

Стражники не шелохнулись.

Кто-то еще гаркнул: «У-у-у!»

— Проходите, проходите! — откликнулись стражники.

В толпе загалдели: «Где ты взял такую шляпу?» Стоит швейцарцам придумать дразнилку, и они от нее не скоро откажутся.

— Где-ты-взял-такую-ШЛЯПУ? — вопили они. Фризгард и Лёйтхольд стояли, как статуи в доспехах, не обращая внимания на выкрики черни. Черни это не понравилось. Стали переходить на личности.

— Ты, в ржавой жестянке! — горланил кто-то, имея в виду Фризгарда, хотя его доспехи, пусть не новые, не заслуживали такого обращения. — Кто шляпник у тебя?

— Да ты разуй глаза, — орал ему друг, поскольку Фризгард хранил молчание, — не видишь будто, ведь это чучело!

Шутника наградили взрывом смеха. Фризгард, хоть и сам любил шуточки, покраснел.

— Зарделся как маков цвет! — раздался выкрик. Фризгард побагровел.

Тут события стали принимать интересный оборот.

— Ладно, — отрезал грубый голос из толпы, — разговорами делу не поможешь. Подавай яички, хозяйюшка!

Немедленно над лужайкой пролетело яйцо и разбилось о плечо Лёйтхольда. Толпа взвыла от восторга. Вот забава так забава — решили они, и тут же от яиц, капусты, дохлых кошек и тому подобных снарядов потемнело в воздухе. Стражники кричали и бушевали, но не смели покинуть пост. Внезапно, в самый разгар шквала, все стихло, как по волшебству. Стоило кому-нибудь обернуться, как он начинал прыгать от радости и размахивать шапкой, и так все сборище.

Раздалось оглушительное приветствие.

— Ура! — кричали в толпе. — Вон идет старина Тель! Теперь-то повеселимся!

ГЛАВА VIII

Телль шагал с луком на плече, в компании Вальтера. Он ничего не знал о распоряжении наместника и очень удивился, увидев большую толпу на лугу. Он, как всегда вежливо, поклонился, в толпе трижды прокричали «ура», и он снова поклонился.

— Ого! — внезапно заметил Вальтер. — *Отец, гляди-ка, шляпа на шесте.*

— *Что нам до шляпы?* — сказал Телль и пошел по лугу с величайшим достоинством, а Вальтер пошел рядом, стараясь держаться, как отец.

— Эй, там! — закричали солдаты. — *Стоите! Почтения не отдали вы шляпе.*

Телль ничего не ответил, только глянул презрительно. Вальтер глянул еще презрительнее.

— Ну-ка, ты! — рявкнул Фризгард, преграждая ему путь. — *Во имя императора, ни с места!*

— Приятель, — сказал Телль, — отстань. Я спешу. Ничего я тебе не дам.

— У меня приказ, — сказал Фризгард, — стоять здесь, и чтобы никаких хождений, которые шляпе не кланяются. Наместника приказ, самого. Так-то.

— Приятель, — сказал Телль, — не мешай мне. Я пройду, и весь сказ.

Поощрительные выкрики из толпы, только и ждавшей, когда начнется заварушка.

— Давай, Телль! — вопили они. — Не мели с ним языком. Наподдай ему!

Фризгард распалялся все больше.

— У меня приказ, — повторил он, — которые не кланяются — арестовать, и без лишних слов, молодой человек, я вас арестую. Так что? Будем кланяться или пройдемте?

Телль оттолкнул его и пошел, гордо подняв голову. Вальтер пошел рядом, тоже подняв голову.

БАЦ!

Толпа ахнула, увидев, как Фризгард поднял пику и с размаха ударил Телля по макушке. Эхо раскатилось по лугу, вверх по холмам и вниз, в долины.

— Ох! — выдавил Телль.

«Ну, — подумала толпа, — сейчас будет на что посмотреть».

Сначала Телль решил, будто на голову ему упала самая высокая гора в округе. Потом подумал: землетрясение. Наконец до него дошло, что какой-то солдатишка ударил его пикой. Тогда он разозлился по-настоящему.

— Слушай, ты! — начал он.

— Смотри, ты! — указал на шляпу Фризгард.

— Ты мне сделал больно, — сказал Телль. — Пощупай, какая шишка. Хорошо хоть, голова у меня твердая, а то бы не знаю, чем кончилось. — Он двинул кулаком Фризгарду в лоб, но поскольку тот был в железном шлеме, вряд ли почувствовал удар.

Зато прочувствовала толпа и ринулась на помощь Теллю. Все ждали, когда Телль начнет драку, потому что сами не хотели быть зачинщиками. Нужен был предводитель.

Убедившись, что Телль ударил Фризгарда, они засучили рукава, ухватили свои палки и дубинки и помчались по лугу.

Стражники ничего не заметили. Фризгард бранился с Теллем, а Лейтхольд смеялся над Фризгардом. Так что народ, вооруженный палками и дубинками, захватил их врасплох! Но Геслер набирал себе на службу храбрых солдат; скоро они вовсю давали сдачи, и народ в большинстве пожалел, что не сидит дома. Ясно, на солдатах были доспехи, и удары они ощущали слабо; а поселяне были без доспехов, и удары по ним приходились чувствительней. Например, Конрад Гунн напал на Фризгарда, а тот случайно уронил пикку — и надо же, как раз Конраду на ногу. Тот похромал назад, находя, что в драке без крепких башмаков мало толку.

Перевес временно оставался за стражниками.

ГЛАВА IX

Вокруг шеста еще долго бушевала драка; Фризгард и Лейтхольд, размахивая кулаками и древками пик, носились туда-сюда, аж земля тряслась под железными башмаками. Фризгард сбил с ног подпaska Сеппи (кстати, предка Буффало Билла^[52]), а от удара Лейтхольда Клаус Флюе просто покатылся кувырком.

— Что вам необходимо, — заговорил Арнольд Сева, который увидел драку в окно и примчался советовать направо и налево, как всегда, — что вам нужно, это военная хитрость. Вот что нужно — расчет, маневр. Заметьте, не грубая сила. Какой смысл на скакивать с кулаками на стражника в доспехах? Он даст сдачи. Надо применить хитрость. Следите за мной.

Так он распространялся, стоя на обочине. Потом схватил дубинку и стал красться к Фризгарду, который только что отходил пикой охотника Верни — еще эхо не утихло в горах — и отвлекся на Иоста Вайлера. Арнольд Сева прошмыгнул сзади и поднял было дубинку, но Лейтхольд его заметил и спас товарища, со всей силы вогнав пику Арнольду бок. Позже тот вспоминал, что чуть дух не испустил. Он так и покатылся. Несколько минут по нему все топтались, но он все же поднялся и похромал домой, сразу лег в постель и не вставал два дня.

А Телль стоял в сторонке и наблюдал, сложа руки. Он был не против драться с Фризгардом один на один. А с целой толпой, решил он, нечестно будет: все против одного, даже такого грубияна.

Он посчитал, что пора положить конец бесчинствам, вытащил из колчана стрелу, приладил к тетиве и нацелил на шляпу. Фризгард в ужасе вскрикнул и кинулся наперерез. Тут кто-то сильно ударил его лопатой, так что шлем наехал на глаза — не успел Фризгард поднять забрало, как дело было сделано. Стрела, пробив и шляпу, и шест, вышла с другой стороны. Первое, что он увидел, открыв наконец глаза: Телль стоит рядом и подкручивает усы, а кругом пляшет и буйствует толпа, бросая шапки в воздух.

— Безделица, — скромничал Телль. В толпе снова и снова кричали «ура».

Фризгард и Лейтхольд лежали на земле возле шеста, все в синяках и шишках, и думали, что, в общем и целом, лучше пока не подыматься. Как знать, до чего дойдет толпа, если снова кинется в драку. Так что они

лежали себе и не вмешивались в общее веселье. Что им было нужно, как сказал бы Арнольд Сева, будь он здесь, это отдохнуть немного. Шлем Лёйтхольда так исколотили палками, что он съехал вниз и совсем потерял форму, да и у Фризгарда был не лучше. Оба чувствовали себя, как будто их на мостовой переехала ломовая лошадь с телегой.

— Телль! — кричали в толпе. — Ура Теллю! Молодец Телль!

— Орел наш Телль! — горланил кузнец Ульрих. — Никто во всей Швейцарии бы так не выстрелил.

— Никто, — шумели вокруг, — ни один!

— Речь, — выкрикнул кто-то в толпе.

— Речь! Пусть Телль скажет речь! — подхватили все.

— Нет-нет, — возражал зарумянившийся Телль.

— Давай-давай! — гремела толпа.

— Да я не смогу, — отвечал Телль, — не знаю, что и сказать.

— Что угодно говори. Речь! Речь!

Кузнец Ульрих и рыбак Руоди подняли Телля на плечи, и, откашлявшись, он начал:

— Господа... Приветствия из толпы.

— Господа, — снова начал Телль. — Это самый счастливый день в моей жизни.

Снова приветствия.

— Не знаю, что вы хотите от меня услышать. Я раньше не говорил речей. Простите, я так расчувствовался. Это лучшие минуты в моей жизни. Сегодня великий день для Швейцарии. Мы впервые ударили в набат революции. Не будем останавливаться.

Выкрики «Слушайте, слушайте» из толпы, где многие, не разобравшись в словах Телля, бросились колотить Лёйтхольда и Фризгарда, пока зычный голос кузнеца Ульриха не призвал их к порядку.

— Господа, — продолжал Телль, — открылись шлюзы революции. С нынешнего дня они станут шествовать по стране, сжигая дотла трясины угнетения, которую воздвиг среди нас тиран-наместник. Я хочу только добавить, что это самый счастливый день в моей жизни, и...

Его прервал испуганный голос:

— Берегись, народ, наместник едет!

Геслер, в сопровождении вооруженной охраны, мчался к ним по лугу на всем скаку.

ГЛАВА X

Гнедой конь Геслера подскакал ближе, и толпа рассеялась во всех направлениях, ведь никогда не угадаешь, что может вытворить наместник, обнаружив заговор. Они твердо решили бунтовать и сбросить иго тирана, но потише и подальше от него, так удобнее.

Они отбежали на край луга и стали там группками, выжидая. Даже кузнец Ульрих и рыбак Руоди не остались, хотя догадывались, что речь не закончена. Они просто поставили оратора на землю и пошли, как будто ничего не делали и дальше ничего не будут делать — только в другом месте.

Телль остался один под шестом посреди луга. Он не желал убегать, как другие, хотя положение ничего хорошего не сулило. Геслер был человек суровый, скорый на расправу, а на земле лежали два солдата в помятых и зазубренных доспехах да и его собственная шляпа на шесте пробита стрелой и потеряла прежний вид, никакие заплатки не помогут. Телль ждал неприятностей.

Геслер подъехал и осадил коня.

— Ну-ну-ну! — выпалил он. — Что здесь? что здесь? Что здесь?

(Стоит человеку повторить сказанное трижды — сразу ясно, что он не в лучшем настроении.)

Фризгард и Лёйтхольд поднялись, отдали честь и побрели к всаднику. Подойдя, они стали по стойке смирно. Слезы текли у них по щекам.

— Нечего-нечего-нечего, — заявил Геслер. — Докладывайте.

Он потрепал Фризгарда по голове. Фризгард разревелся. Геслер подозвал одного из придворных.

— Есть у вас носовой платок? — спросил он.

— Есть, ваше превосходительство.

— Ну так вытрите ему слезы. Придворный выполнил приказ.

— А теперь, — сказал Геслер, когда слезы были вытерты и перестали литься, — что здесь происходит? По пути я слышал «Помогите!». Кто звал на помощь?

— С вашего высокопревосходительственного позволения, — сказал Фризгард, — я имею жалобу.

— Следует говорить: «У меня есть жалобы», — сказал Геслер. — Продолжай.

— Как я есть верный вашего превосходительства слуга, несу службу в

армии вашего превосходительства, и как меня поставили состоять при шесте и охранять шляпу, то я стоял и охранял — весь день напролет, ваше превосходительство. Тут проходит этот тип, я ему: «Кланяйся шляпе», — напоминаю. «Ха! — он мне в ответ. — Ха! Вот еще!» — и идет себе, даже не кивнет. Ну, я и постучал ему пикой по голове, чтобы помнил, не забывал, а он ка-ак даст сдачи. Тут набежала толпа с палками и давай мутузить меня и Лёйтхольда, ваше превосходительство. И пока мы отбивались, этот самый берет да стрелой из лука прямо в шляпу, уж не знаю, как ее такую теперь надеть. Добру перевод, ваше превосходительство, и все тут. Подлый народец меня и Лёйтхольда свалил с ног, а этого — Телля, все кричали — поднял на плечи, а тот и рад, давай речи говорить, тут вы и подошли, ваше превосходительство. Все по правде, как на духу.

Геслер побледнел от ярости и смотрел волком на Телля, которого схватили два стражника.

— А, — сказал он, — Телль, вот как? Приветствую. Мы, кажется, встречались раньше? А, Телль?

— Встречались, ваше превосходительство. В Шехенском ущелье, — не колеблясь, ответил Телль.

— Хорошая у тебя память, Телль. У меня не хуже. Помнится, при случае ты сделал мне пару замечаний — так, мимоходом? А, Телль?

— Возможно, ваше превосходительство.

— Не самых вежливых.

— Сожалею, если я вас обидел.

— Рад это слышать, Телль. Как бы тебе не пришлось пожалеть еще больше. Третируешь моих солдат, значит?

— Я их не трогал.

— Не трогал, вот как? Ага! Зато выказал неподчинение властям, не кланяясь шляпе. Я повелел ее установить, чтобы испытать преданность народа. Боюсь, что преданным тебя не назовешь, Телль.

— *Я не из презренья — по безрассудству ваш приказ нарушил. Я прошел, не подумав.*

— Всегда сначала подумай, Телль. Не думать опасно. И шляпу, надо полагать, ты тоже прострелил по безрассудству?

— Немного вошел в азарт, ваше превосходительство.

— Вон оно что! Вошел в азарт, говоришь? Надо быть осмотрительней, Телль. Когда-нибудь тебе несдобровать. Хотя выстрел замечательный. Ты ведь меткий стрелок, Телль, говорят?

— Отец стреляет лучше всех в Швейцарии, — вмешался детский

голос. — Он может сбить яблоко с дерева со ста шагов. Я сам видел. Правда, отец?

Вальтер было убежал, когда началась драка, но вернулся, увидев отца в руках стражников. Геслер окинул его холодным взглядом.

— Это еще кто? — спросил он.

ГЛАВА XI

— Это мой сын Вальтер, ваше превосходительство, — ответил Телль.

— Сын? Вот оно что. Чрезвычайно интересно. А еще дети у тебя есть?

— Еще один мальчик.

— *Которого ты сына больше любишь!*

— *Они мне оба дороги равно*, ваше превосходительство.

— Даже так! Чем не счастливое семейство? Послушай-ка меня, Телль. Ты любишь азарт, и я тебе его обеспечу. Мальчик говорит, ты за сто шагов сбиваешь яблоко с яблони. Признаю, тут есть чем гордиться. Фризгард!

— Ваше превосходительство?

— Подай мне яблоко.

Фризгард поднял одно из тех, что бросали в него и Лёйтхольда — они валялись кругом.

— Оно, как бы сказать, побито немножко, ваше превосходительство, — пояснил он, — от удара по шлему.

— Благодарю. Я его не есть собираюсь, — сказал Гесслер. — Ну что ж, Телль, вот яблоко — хорошее яблоко, не перезревшее. Хочется мне проверить твоё искусство. Возьми лук — он с тобой, я вижу — изготóвься к выстрелу. Яблоко я положу твоему сыну на голову. Его отведут за сто шагов, и если не собьёшь яблоко первым же выстрелом, заплатишь жизнью.

Со злорадным торжеством он уставился на Телля.

— Да не может быть, ваше превосходительство! — воскликнул Телль. — Чудовищно! Вы, должно быть, изволите шутить. Как можно просить отца сбить яблоко с сыновней головы! Одумайтесь, ваше превосходительство!

— Ты должен сбить яблоко с головы мальчишки, — повторил Гесслер сурово. — Я не шучу. Такова моя воля.

— Лучше умереть, — сказал Телль.

— Не станешь стрелять, казнь обоим. Что же, Телль, откуда вдруг такая осмотрительность? Мне говорили, ты любишь риск, а стоило предложить рискованное дело, ты сразу на попятный. Я понимаю, кто бы другой отказался. Но ты! Сбить яблоко за сто шагов для тебя раз плюнуть. И какая разница, где яблоко — на ветке или на голове? Оно и в Африке яблоко. Давай, Телль.

Люди, слышав спор, потянулись с края лужайки и обступили их.

Общий стон ужаса встретил слова наместника.

— Стань на колени, мальчик, — прошептал Рудольф Гаррас Вальтеру, — стань на колени, моли его превосходительство пощадить тебя.

— Ни за что! — отказался он наотрез.

— Так, — сказал Геслер, — раздайтесь — расчистите место! Поторапливайтесь! Нечего копать. Вот слушай, Телль, удели мне минутку. Я подхожу и вижу, как ты посреди луга открыто пренебрегаешь моей властью и насмехаешься над моими приказами. Подхожу и вижу, как ты ведешь бунтовские речи для черни. Я бы мог тебя казнить без суда. А я казню? Нет. Никто не скажет, будто Герман Геслер, наместник императора, какой-нибудь зверь. Я рассуждаю: «Дадим ему последний шанс». *Твою судьбу искусству рук твоих же я вверяю. Нельзя роптать на приговор суровый тому, кто сам своей судьбы хозяин.* Вдобавок, я не требую ничего сверх сил. Всего-то-навсего один выстрел, для тебя это ерунда. Ты похвалялся метким глазом. Докажи на деле. Эй, там, расступитесь!

Вальтер Фюрст бросился на колени перед наместником.

— Ваша светлость, — вскричал он, — никто не отрицает вашу власть. Да будет она милосердной. О, это превосходно, как скажет английский поэт через три столетия, иметь гиганта силу, но тиранство — ей пользоваться как гигант.^[53] Возьмите половину моего добра, но пощадите зятя!

Вмешался Вальтер Телль и попросил деда подняться, не ползать на коленях перед тираном.

— Ну, где мне стать? — спросил он. — Я не робею. Ведьмой отец бьет птицу на лету.

— Вон ту липу видите, — приказал Геслер стражникам, — привяжите мальчишку там.

— Не надо меня привязывать! — крикнул Вальтер. — Я не боюсь. Сам стану тихо, чуть дыша. Попробуйте только привязать, как дам пинка!

— Давай хоть глаза тебе завяжу, — предложил Рудольф Гаррас.

— Вы что думаете, я боюсь смотреть, как отец стреляет? — сказал Вальтер. — И глазом не моргну. Отец, покажи этому извергу, какой ты стрелок. Он-то думает, ты промахнешься. Ну скажи — старый осел!

— Прекрасно, молодой человек, — пробормотал Геслер, — мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним. — И он снова приказал толпе раздвинуться и дать путь стреле Телля.

ГЛАВА XII

Толпа подалась назад, открыв путь Вальтеру с яблоком. Пока он шел, стояла мертвая тишина. Затем люди начали перешептываться.

— Что происходит прямо у нас на глазах? — говорил Арнольд Мельхталь Вернеру Штауффахеру. — Чего ради мы давали клятву, если такое допускаем? Давайте восстанем и сразим тирана.

Более благоразумный Вернер Штауффахер задумчиво почесал подбородок.

— Н-ну, — промямлил он, — как сказать, трудность в том, что мы не вооружены, в отличие от стражников. Я бы и рад сразить тирана, только мне скажется, скорее он сразит нас. Понимаете, о чем я?

— Зачем мы медлили! — ныл Арнольд. — Стоило восстать пораньше, такого бы не случилось. Кто советовал выждать?

— Н-ну, — сказал Штауффахер (который сам советовал выждать), — теперь уж и не вспомню, но, конечно, легко выяснить из протоколов последнего собрания. По-моему, предложение прошло большинством в два голоса. Смотрите! Геслер проявляет нетерпение.

Геслер сидел на коне, как на иголках, и снова стал понукать Телля.

— Скорей! — кричал он. — Начинай!

— Сейчас, — ответил Телль, прилаживая стрелу на тетиве. Геслер опять начал насмехаться.

— Сам видишь, — говорил он, — как опасно носить оружие. Уж не знаю, замечал ты или нет, но стрела, бывает, рикошетом попадает в стрелка. Оружием вообще положено владеть только правителю страны — мне, например. Незнатные, заурядные люди вроде тебя — извини за прямоту — только набираются спеси, когда при оружии, и оскорбляют вышестоящих. Впрочем, не мое дело. Я только высказываю свое мнение. Лично я поощряю стрельбу в Цель; потому и предложил такую замечательную мишень. Понял, Телль?

Телль не отвечал. Он поднял лук и прицелился. В толпе зашевелились, особенно справа от него, потому что нетвердой рукой, дрожащей первый раз в жизни, Телль навел стрелу не на сына, а напрямик в гущу людей.

— Эй! Там! Не туда! Левее! — в панике кричал народ, пока Геслер покатывался от хохота и подзуживал Телля стрелять наугад.

— Яблоко не собьешь, — посмеивался он, — так хоть свалишь кого из дорогих соотечественников.

Телль опустил лук, по толпе пронесся вздох облегчения.

— В глазах мутится, — сказал он. — Ничего не вижу. Он повернулся к наместнику.

— Не могу стрелять, — заявил он, — прикажите страже убить меня.

— Нет, — сказал Геслер, — нет, Телль. Мне не того надо. Пожелай я тебя убить, не стал бы ждать от тебя приглашения. Я не собираюсь тебя казнить. Не сейчас. Мне хочется видеть, как ты стреляешь. Ну же, Телль, говорят, что ты все можешь и ничего не боишься. Недавно, слышал я, ты перевез одного человека, Баумгартена — так его зовут, кажется — по штормовому озеру в открытой лодке. Помнишь, наверное? Я очень хотел его поймать, Телль. А теперь никакой особенной храбрости не требуется. Просто сбить яблоко с головы у мальчишки. Ребенок справится.

Пока он разглагольствовал, Телль стоял в молчании, руки его дрожали, а глаза впивались то в наместника, то в небо. Вдруг он выхватил из колчана вторую стрелу и заткнул ее за пояс. Геслер молча наблюдал за ним.

— *Стреляй, отец!* — крикнул Вальтер с другого конца лука. — *Яне боюсь.*

Телль спокойно поднял лук и тщательно прицелился. Все подались вперед, напрасно передние ряды убеждали задние, что толкаться бесполезно. Геслер нагнулся в седле и всматривался в Вальтера. Когда Телль натянул тетиву, воцарилась гробовая тишина.

— Вzz! — щелкнула тетива, и в воздух взвилась стрела. Еще секунду длилось молчание, и раздалось торжествующее «ура!».

Пронзенное в самую середину яблоко упало с головы Вальтера.

ГЛАВА XIII

Волнение нарастало. Тревога прошла, и в толпе снова и снова кричали «ура», трясли друг другу руки и бросали в воздух шапки. Все были в восторге, ведь Телля и Вальтера все любили. Радовало их и то, что наместник обманулся в своих ожиданиях. Он так долго настаивал на своем, что пора бы и ему уйти, не солоно хлебавши. С самого образования Швейцарии не было такого веселья на городском лугу.

Вальтер поднял яблоко, пронзенное стрелой, и хвастался им перед своими друзьями.

— Я же говорил, — повторял он. — Я знал, что отец меня не заденет. Он лучший стрелок во всей Швейцарии.

— Вот выстрел так выстрел! — воскликнул кузнец Ульрих. — Он отзовется в веках. Пока стоят горы, историю о Телле-стрелке будут передавать из уст в уста.

Рудольф Гаррас взял яблоко у Вальтера и показал Геслеру, который так и остоленел в седле.

— Смотрите, — сказал он, — стрела вошла точно посередине. Такой выстрел бывает раз в жизни.

— Для Вальтера он и мог оказаться «раз в жизни», — укорил Геслера священник Рёссельман, сурово взирая на него.

Наместник не ответил. Он насупился, глядя на Телля, который стоял неподвижно, уронив лук, все еще глядя туда, куда улетела стрела. Никто не стремился заговорить с ним первым.

— Что ж, — произнес Рудольф Гаррас, нарушив неловкое молчание. — Думаю, все кончилось? Нам пора, а?

Он все еще держал яблоко, ну, и надкусил. Увидев, как ускользает кусочек, Вальтер испустил крик. Перед лицом опасности он был безмятежен, но когда Рудольф посягнул на яблоко, по всем правилам его собственное, он не смог сдержаться. Рудольф извинился и вернул яблоко, Вальтер с удовольствием принялся за него.

— Пойдем, я отведу тебя к маме, дружок, — сказал Рёссельман.

Вальтер не отозвался и продолжал жевать яблоко. Телль внезапно пришел в себя, поискал Вальтера и повел его по дороге домой, оставаясь глухим ко всеобщему восторгу. Геслер нагнулся к нему.

— Телль, — сказал он, — на два слова.

Телль вернулся.

— Ваше превосходительство.

— Пока ты здесь, объясни мне одну вещь.

— Хотя тысячу, ваше превосходительство.

— Одной довольно. Когда ты собирался стрелять в яблоко, ты одну стрелу вложил на тетиву, а вторую заткнул за пояс.

— Вторую! — Телль притворился удивленным, но наместник не дался в обман.

— Да, вторую стрелу. Зачем? Что ты задумал с ней делать, Телль?

Телль опустил взгляд и принялся вертеть в руках лук.

— Ваша милость, — произнес он наконец, — таков обычай у стрелков. Все лучники затыкают вторую стрелу за пояс.

— Нет, Телль, — возразил Геслер, — *нет, я не верю твоему ответу. Здесь умысел, как видно, был другой. Ты мне признайся, Телль, чистосердечно. Что б ни было, я не казню тебя, так что говори.* Зачем ты достал другую стрелу?

Телль оставил лук в покое, и бесстрашно встретился с наместником глазами.

— Раз вы обещаете оставить меня в живых, ваше превосходительство, — ответил он, гордо выпрямившись, — скажу.

Толпа сбилась потеснее, боясь упустить хоть слово.

— *Когда бы я попал в родного сына,* — отчеканил Телль, — *стрелой этой я пронзил бы вас.* Если бы в первый раз я промахнулся, знайте, ваша милость, что вторая стрела попала бы в цель.

В толпе одобрительно зашушукались, а Телль засунул стрелу обратно в колчан и уставился горящими глазами на Геслера. Наместник побледнел от гнева.

— Схватить его! — рявкнул он.

— Одумайтесь, ваша милость, — прошептал Рудольф Гаррас, — вы обещали сохранить ему жизнь. Телль, беги! — выкрикнул он.

Телль не шелохнулся.

— Схватить его и связать, — гремел Геслер, — Станет сопротивляться, задайте ему трепку.

— Не стану сопротивляться, — презрительно отозвался Телль. — Мне следовало помнить, что значит довериться слову тирана. Пусть я умру, так хоть мои сограждане будут знать цену вашим обещаниям.

— Никоим образом, — ответил Геслер. — *Я рыцарского слова не нарушу. Я жизнь тебе дарю, как обещал.* Ты опасный человек, Телль, а от таких я вправе защищаться. Ты сам выболтал свои преступные намерения. Я прослежу, чтобы ты их не привел в исполнение. Жизнь тебе я обещал, и

жизнь дарю. О свободе же речь не шла. В моем замке в Кюснахте^[54] есть темницы, куда от века не заглядывали ни солнце, ни луна. Прикуют тебя там за руки, за ноги — и твои стрелы не будут мне страшны. Безрассудно, Телль, угрожать властям предержащим. Стража, связать его и отвести на мой корабль. Я последую за вами, и сам доставлю его в Кюснахт.

Стражники связали Теллю руки. Он не сопротивлялся. Под стоны окружающих его отвели к берегу озера, где стоял на якоре корабль Геслера.

— Ушла последняя надежда, — переговаривались люди. — Где нам теперь искать предводителя?

ГЛАВА XIV

Замок Кюснахт стоял с противоположной стороны озера — каменная громада на могучем утесе, встающем из волн, которые вечно бурлили и пенились у его подножия. Его окружали отвесные скалы самых причудливых форм, и множество судов погибло здесь во время бури, а шторма бывали на озере часто.

Геслер со своими людьми и Телль, связанный и безоружный, отплыли после полудня. Флюэлен, [\[55\]](#) где швартовался корабль наместника, был в двух милях от Кюснахта.

Когда все взошли на борт, Телля посадили на самое дно трюма. Там было темным-темно, то и дело по нему пробегали крысы. Отдали швартовы, надулись паруса, и корабль заскользил по озеру с попутным ветром.

Многие швейцарцы пошли за Теллем и его тюремщиками к гавани и стояли, уныло всматриваясь, как тает в дымке корабль. Они было зашептались, что надо его спасти, хоть попытаться, но никто не посмел начать, и шепотки так и окончились ничем. Мало кто носил оружие, а стражники были в доспехах, и у каждого — длинная пика или острый меч. Как сказал бы Арнольд Сева, случись он здесь, что людям требовалось — так это осмотрительность. Бесполезно нападать на тех, кто прекрасно может защититься.

Поэтому люди смотрели и стонали, но ничего не делали.

Какое-то время корабль мчался по зеркально гладкой воде. Телль лежал внизу, слушал, как матросы бегают по палубе у него над головой, и прощался с надеждой когда-нибудь снова увидеть дом и друзей.

Но вскоре он заметил, что качка и крен стали сильнее, чем поначалу, значит, сообразил он, разыгрался сильный шторм. На озере быстро налетали бури, его всегда опасно было пересекать на лодке. Часто в начале поездки на воде не было даже ряби, а под конец вставали валы, способные потопить громадный корабль.

Телль радовался шторму. Жизнь была ему не мила, если жить — значило сидеть взаперти в темной тюрьме замка Кюснахт. Уж лучше утонуть. Он лежал внизу корабля и надеялся, что вот-вот волна швырнет их на скалу и пустит на дно. Качка была — хуже некуда.

Геслер стоял на палубе рядом с рулевым и беспокойно вглядывался в скалы по краям узкого залива, немного восточнее замка Кюснахт. Лишь в

заливе, единственном на целые мили берега, можно было безопасно пристать. По обе стороны тянулось побережье, утыканное скалами, которые разбили бы корабль в щепки, коснись он их только. Геслер велел направить корабль в залив, но рулевой ответил, что не может отыскать туда вход, такой густой туман брызг закрывал его. Малейшая ошибка означала кораблекрушение.

— Ваша милость, — сказал рулевой, — у меня ни силы, ни умения не хватит, чтобы направлять руль. Я не знаю, где лучше повернуть.

— Что нам делать? — воскликнул стоявший рядом Рудольф Гаррас.

Рулевой колебался. Потом заговорил, осторожно поглядывая на наместника.

— Телль мог бы провести нас в залив, — сказал он, — если ваша милость допустит его к рулю.

Геслер вздрогнул.

— Телль, — пробормотал он, — Телль! Корабль приближался к скалам.

— Приведите его, — распорядился Геслер.

Двое стражников отправились в трюм и развязали Телля, приказали встать и идти с ними. Телль последовал за ними на палубу и предстал перед наместником.

— Телль, — сказал Геслер. Телль безмолвно глядел на него.

— Стань к рулю, — сказал Геслер, — и проведи корабль через скалы в залив, иначе смерть тебе.

Без единого слова Телль стал на место рулевого, всматриваясь в клубящийся туман. Он повернул нос корабля направо налево и снова направо, в самый центр брызг. Они прошли между скалами, и корабль не наскочил на них. Дрожа и кренясь, он продвигался вперед, пока внезапно облако брызг не оказалось позади, а впереди были спокойные воды залива.

Геслер подозвал рулевого.

— Прими руль, — велел он. Он указал на Телля.

— Связать его, — приказал он стражникам.

Солдаты подходили медленно, им не хотелось связывать человека, который их только что спас от верной гибели. Однако приказ есть приказ, так что они надвигались на Телля с веревками, чтобы его связать.

Телль отступил на шаг. Корабль скользил мимо высокой скалы. На такие скалы Телль взбирался не раз, охотясь на серн. Охотник действовал быстро. Подхватив свой лук и колчан с палубы, он вскочил на борт и одним мощным прыжком оказался на скале. Еще мгновение, и он был недостижим.

Геслер заорал на лучников.

— Стреляйте! Стреляйте! — кричал он.

Те торопливо приладили стрелы к тетивам. Они опоздали. Телль был готов раньше них. Тонкое пение стрелы разнеслось по воздуху, и в то же мгновение наместник Геслер упал мертвым на палубе, пронзенный в самое сердце.

Вторая стрела Телля попала в цель, как и первая.

ГЛАВА XV

Не так много осталось рассказать про Вильгельма Телля. Смерть Геслера послужила швейцарцам сигналом к восстанию, и вскоре вся страна вооружилась против австрийцев. Только из-за страха перед наместником не бунтовали прежде, а так мятеж зрел давно. Люди дали клятву изгнать врагов из страны. По всей Швейцарии шли приготовления к революции, и рыцари с крестьянами объединились.

При известии, что наместник убит, во всех городах Швейцарии состоялись митинги, и было решено начать революцию безотлагательно. Все крепости, что Геслер построил за годы своего владычества, были снесены в одну ночь. Последним пал замок, заложенный совсем недавно, и люди, строившие его по принуждению, ликовали, растаскивая камни, скрепить которые им стоило такого труда. Даже дети помогали. Для них наступил праздник — разбивай, что хочешь, никто не запрещает.

— Вот увидите, — сказал Телль, наблюдая за ними, — через много лет, уже поседевшие, наши дети будут помнить эту ночь, будто она была вчера.

Прибежали еще люди, принесли шест с луга. Шляпа Геслера все еще торчала наверху, пригвожденная к дереву стрелой Телля.

— *Вот шляпа,* — воскликнул Руоди, — *чить ее нас принуждали!*

— Что нам с ней делать? — раздались голоса.

— Порвать ее! Сжечь! — кричали другие. — Символ тирании — в огонь!

Телль остановил их.

— Давайте сохраним ее, — сказал он. — Геслер хотел, чтобы она послужила порабощению страны; мы установим ее в честь завоеванной свободы. Мы с честью выполнили клятву, что принесли: прогнать тиранов из нашей страны. Пусть шест стоит на месте, где завершилась революция.

— А завершилась ли? — спросил Арнольд Мельхталь. — Тонкий вопрос. Когда австрийский император узнает, что мы убили его друга Геслера и сожгли все его новехонькие крепости, разве он не придет сюда отомстить?

— Придет, — согласился Телль. — И пусть приходит. Пусть приводит свои полчища. Мы изгнали врагов из самой страны. Мы сумеем встретить и погнать прочь врагов из-за рубежа. Швейцарию не так легко завоевать. Немного есть горных перевалов, по которым пройдут армии. Мы грудью

станем на их защиту. Одно преимущество всегда с нами: мы едины. Всем вместе нам нечего бояться.

— Ура! — кричали все.

— Кто это сюда идет, — спросил Телль, — такой взбудораженный? Наверное, новости.

Это был священник Рёссельман, новости он принес и правда захватывающие.

— *Дожили, вот время,* — сказал Рёссельман, входя.

— *Но что случилось!* — закричали все.

— Внимайте в изумлении.

— *Что за напасть?*

— Наш император...

— Да?..

— *Убит наш император.*

— Как? Убит?

— Убит!

— *Да как же так? Откуда эти вести?*

— *Нам эту весть принес правдолюбивый Иоганнес Мюллер.*

— Как все случилось?

— Когда император ехал из замка в Баден, бароны Эшенбах и Тегерфельден, говорят, из зависти к его власти, напали с копьями. Стража была на другой стороне реки — император как раз переправился — и не могла прийти ему на помощь. Он умер на месте.

Из-за смерти императора революция в Швейцарии могла продолжаться без помех. Наследник был слишком занят, спасаясь от тех же убийц, ему было не до швейцарцев, а когда у него высвободилось время, они оказались ему не по зубам. Так Швейцария стала независимой.

Что до Вильгельма Телля, он вернулся домой и жил долго и счастливо с женой и сыновьями, которые с годами стали мастерски владеть луком, почти как отец.

ЭПИЛОГ

Кто говорит, что там и тут
Ошиблись мы в развязке;
Кто говорит: напрасный труд,
Бессмысленные сказки.
Не разрешить нам этот спор
Коротким эпилогом.
Одно мы знаем — до сих пор
Всё нет конца налогам.

Рассказы

Опережая график. *Перевод И.Метлицкой*

Смешанная тройка. *Перевод Е. Доброхотовой-Майковой*

Разлученные сердца. *Перевод С.Никонова*

Длинная лунка. *Перевод С.Никонова*

Ахиллесова пята. *Перевод А. Притыкиной, Д. Притыкина*

Мужской характер. *Перевод А. Притыкиной, Д. Притыкина*

Как начинался Гоуф. *Перевод А. Притыкиной, Д. Притыкина*

Честер срывает маску. *Перевод А. Притыкиной, Д. Притыкина*

ОПЕРЕЖАЯ ГРАФИК

Именно Уилсону, камердинеру, с которым он, бывало, дружески беседовал почти до рассвета, Ролло Финч впервые поведал о своей гениальной идее. Уилсон отличался немногословностью, а людям, обладавшим этой особенностью, редко удавалось избежать доверительных признаний Ролло.

— Уилсон, — однажды утром обратился он из глубин кровати к тому, кто принес воду для бритья, — а вы любите когда-нибудь?

— Да, сэр, — невозмутимо отвечал слуга.

Трудно было представить ответ неожиданнее. Как большинство лакеев и абсолютно все шоферы, Уилсон производил впечатление человека, стоящего над нежными чувствами.

— И что же из этого вышло? — осведомился Ролло.

— Ничего, сэр, — ответил Уилсон без малейших признаков огорчения и начал править бритву.

— Ага! — сказал Ролло. — Держу пари, я знаю, в чем дело. Вы пошли не тем путем.

— Не тем, сэр?

— Почти все на этом ошибаются. Уж я-то знаю. Я все обдумал. Я очень много думаю последнее время. Всякие ухаживания — чрезвычайно сложная штука. Просто ужас. Никакой системы. Никакой системы, Уилсон.

— Системы, сэр?

— А вот теперь у меня есть система. Я вам о ней расскажу. Вам это здорово пригодится в следующий раз, когда влюбитесь. Вы еще живы, а пока человек жив, всегда есть надежда. Моя система совсем простая, нужно просто постепенно ей следовать, шаг за шагом. Действовать по графику. Ясно?

— Не совсем, сэр.

— Ну, хорошо, расскажу поподробнее. Прежде всего, надо найти девушку.

— Несомненно, сэр.

— Так, вы ее нашли. А что же дальше? Просто смотрите на нее. Ясно?

— Не совсем, сэр.

— Смотрите на нее, старина. Это — начало, так сказать, фундамент. Но близко к ней не подходите. В этом-то и смысл. Я все продумал. Заметьте, я не говорю, что идея — полностью моя. Кое-что взято из

христианской науки^[56] — заочное воздействие, скажем. Но, в основном, моя. До мельчайшей подробности.

— Подробности?

— Мельчайшие. Излагаю вкратце. Находим девушку. Так. Конечно, нужно с ней встретиться, чтобы завязать знакомство. Затем будет труднее. Первая неделя — взгляды. Только смотрите на нее. Вторая неделя — письма. Пишите ей каждый день. Третья неделя — цветы, их тоже каждый день. На четвертой неделе — подарки пошкарнее, драгоценности там, безделушки. Ясно? Пятая неделя — обеды и ужины. На шестой предлагаете руку и сердце, хотя можно и на пятой, если подвернется случай. Это уже на ваше усмотрение. Ясно?

Уилсон в глубокой задумчивости правил бритву своего господина.

— Немного замысловато, сэр? — сказал он. Ролло стукнул кулаком по покрывалу.

— Так я! Девять из десяти сказали бы то же самое. Им бы все поскорее. Уилсон, старина, здесь нельзя торопиться.

Какоето время Уилсон молча раздумывал, очевидно, мысленно вернувшись к бурному прошлому.

— В Маркет Бамстеде, сэр...

— Каком еще Маркет Бамстеде?

— В селенье, сэр, где я жил до приезда в Лондон.

— Ну и что?

— В Маркет Бамстед, сэр, сначала принято проводить юную леди из церкви, купить ей небольшой подарок, например — ленты, а на следующий день пойти с ней в сад и там поцеловать ее, сэр.

Рассказывая о приемах ухаживания, распространенных среди обитателей Маркет Бамстеда, Уилсон оживился, что совершенно не подобает добросовестному слуге. Чувствовалось, что судит он не по слухам, а по личному опыту. Прежде чем вернуться к задумчивой созерцательности, глаза его непрофессионально заблестели.

Ролло покачал головой.

— Это может сработать в деревне, — сказал он, — но в Лондоне не пройдет.

*

Ролло Финч (к сожалению, в наше время нет закона, запрещающего родителям нарекать так своего отпрыска), был наделен от природы

веселым нравом, но не избытком разума. Нравился он всем. Одних он пленял сам по себе, другие проникались к нему симпатией, узнав о том, что он унаследует миллионы своего дядюшки. В наследниках миллионеров есть необъяснимое очарование, способное смягчить самого отъявленного мизантропа.

Мать Ролло, в девичестве — мисс Галлоуэй, была родом из Питсбурга, штат Пенсильвания, США, и Эндрю Галлоуэй, всемирно известный Король Подтяжек, изобретатель и владелец «Надежных и Проверенных», приходился ей братом. Его изобретение проникло во все уголки и расщелины земного шара. В любом, отмеченном цивилизацией месте, мужчины носили надежные и проверенные подтяжки.

Отношения между Ролло и этим благодетелем человечества всегда были самыми дружескими. Все знали, что, если дядюшка не женится и не снабдит мир, кроме подтяжек, маленькими Галлоуэями, все его деньги перейдут племяннику.

Итак, Ролло шел по жизни всеми любимым и счастливым, радостный и веселый. Таким уж он был.

И все же, как у всех нас, бывали минуты, когда ему хотелось, чтобы дядя был чуточку постарше или послабее. Сейчас, золотой осенью жизни, властелин подтяжек обладал отменным здоровьем. Более того, как мы уже упоминали, он родился и жил в Питсбурге. Меж тем, известно, что голубей тянет к родному дому, а питтсбургских миллионеров — к хористкам. Что-то (возможно, дым), действует на них, как заклятие.

До сих пор Природе не удавалось взять верх над Эндрю Галлоуэем, и причиной был несчастливый роман, приключившийся с ним в молодости. Никто ничего точно так и не узнал, но поговаривали, что невеста воспользовалась прерогативой женщин,^[57] то есть передумала. Случилось это, как ни печально, перед самой свадьбой, и, в довершение всего, она сбежала в Джерси-Сити с кучером жениха. Что бы ни произошло на самом деле, результат был налицо. Мистер Галлоуэй исключил прекрасный пол из своей жизни и с мрачной решимостью посвятил себя «Надежным и Проверенным», обретая в них утешение. Сердце может дать слабину под воздействием обстоятельств, сердце — но не подтяжки. Сколько ни тянет нас тоска, сколько ни гнетет, страсть, подобно брюкам, не вырвется из хватки самообладания.

Мистер Галлоуэй пребывал в этом расположении духа вот уже одиннадцать лет, и Ролло имел все основания полагать, что он останется в нем навсегда. Женитьба дяди на хористке пугала племянника, но время шло, беда не приходила, и его надежда крепла. Он принадлежал к тем

молодым людям, которым суждено стать или наследниками, или никем. Наш век — время специалистов, и Ролло давно выбрал свой путь. Еще ребенком, едва способным связно выражать свои мысли, он понял, что его истинное призвание — наследник, и достиг совершенства. Требовался только шанс. Было бы обидно, если бы судьба этот шанс не предоставила.

В принципе, хористки не вызывали у него никаких возражений. Более того, он сам хотел сделать предложение одной из них. Именно это обстоятельство и послужило отправной точкой его раздумий, которые, в конечном итоге, привели к изобретению графика.

*

Первые признаки того, что план начал действовать, Уилсон заметил, когда в понедельник вечером его господин велел купить средних размеров букет из лучших красных роз и доставить его вместе с запиской, адресованной мисс Маргарет Паркер, к театру Герцога Корнуолльского (служебный вход).

Уилсон выслушал все это серьезно и почтительно и собрался было выйти, но Ролло еще не закончил.

— Цветы, Уилсон, — многозначительно произнес он.

— Я вас понял, сэр. Немедленно ими займусь.

— Понимаете, к чему я клоню? Третья неделя, Уилсон.

— В самом деле, сэр?

На какое-то время Ролло погрузился в то, что он назвал бы раздумьем.

— Очаровательная девушка, Уилсон.

— В самом деле, сэр?

— Видели представление?

— Еще нет, сэр.

— Обязательно посмотрите! — воскликнул Ролло. — Послушайтесь моего совета и сходите на него поскорее. Я уже две недели сижу на одном и том же месте, в первом ряду партера.

— Вот как, сэр?

— Взгляды, Уилсон! Старый добрый график.

— Есть результаты, сэр?

— Пока все идет как надо. В субботу вечером она посмотрела на меня пять раз. Восхитительная девушка, Уилсон. Милая, спокойная, не то, что другие. Первый раз я встретил ее в ресторанчике, у Одди. Такие девушки сейчас — большая редкость. Вам она тоже понравится.

— У меня нет ни малейших сомнений в вашем вкусе, сэр.

— Вы сами ее увидите сегодня вечером. Если этот тип у служебного входа попытается помешать вам, суньте ему полкроны, или еще что-нибудь, и скажите, что вам нужно увидеть ее лично. Вы внимательны, Уилсон?

— Надеюсь, сэр.

— Понимаете, я хочу, чтобы вы внимательно посмотрели, как она примет цветы. Пусть она прочитает записку в вашем присутствии. Мне пришлось потрудиться, Уилсон. Это очень хорошая записка. В ней все ясно написано. И непременно проследите за *выражением лица*.

— Прослежу, сэр. Извините, сэр.

— Что еще?

— Чуть не забыл вам доложить. Незадолго до вашего прихода звонил мистер Галлоуэй.

— Как! Он в Англии?

Мистер Галлоуэй имел обыкновение время от времени посещать Великобританию, чтобы посоветоваться с управляющим лондонским филиалом. Ролло уже привык, что ему об этих визитах не сообщают.

— Он прибыл два дня назад на борту «Балтики», сэр. Оставил вам сообщение, что проведет в Лондоне неделю и будет рад, если вы завтра пообедаете с ним в его клубе.

Ролло кивнул. В подобных случаях он беспрекословно поступал в распоряжение дяди, чьи приглашения приравнивались к королевским приказам. В сущности, хорошо, что тот приехал сейчас. Если бы он появился через неделю или две, это сильно сместило бы график.

Клуб, к которому принадлежал Король Подтяжек, находился в роскошном, но унылом здании на Пэлл-Мэлл. Там царили мягкие ковры, неяркий свет и приглушенные звуки. Серьезные пожилые джентльмены бесшумно двигались туда и сюда или молча размышляли, погружившись в глубокие кресла. Иногда посетитель чувствовал себя как в соборе, иногда — как в турецкой бане, а время от времени появлялось ощущение, что ты в приемной чрезвычайно преуспевающего дантиста. Все это было величественно, но наводило тоску.

Ролло провели в курительную, где его ждал дядя. Дяди этого было много. Горе, гложащее его сердце, не уменьшило размеров жилета, который появлялся раньше, чем его владелец, как Бирнамский лес^[58] перед армией Макдуффа. Упитанная рука сжала руку племянника.

— А, мой мальчик! — весело пробасил мистер Галлоуэй. — Рад, что ты пришел.

Мы не станем утверждать, что Ролло посмотрел на дядюшку с интересом — он ни на кого не смог бы посмотреть с интересом, но лицо его приняло озадаченное выражение. То ли сердечность рукопожатия, то ли необычайная жизнерадостность голоса показывали, что с Королем Подтяжек произошла странная перемена. Последние несколько лет Ролло казалось, что сто с лишним килограммов мистера Галлоуэя выкованы из железа. Вид его словно говорил о том, что музыка жизни для него давным-давно умолкла. Неужели он поставил другую пластинку? Вроде бы да...

От длительных размышлений у Ролло начиналась мигрень. Поэтому он решил больше не думать.

— У вас прежний шеф-повар? — осведомился он. — Толковый тип! Люблю здесь обедать.

— Здесь?! — мистер Галлоуэй окинул дремлющих обитателей презрительным взглядом. — В этом забытом Богом мавзолее? Я уже сообщил, что выхожу из клуба. Если мне захочется чего-нибудь в этом роде, поеду в Париж, навещу тамошний морг. Банда старых проходимцев! Я заказал столик у Романо. Бери пальто и пойдем.

В кебе Ролло понял, что головной боли не избежать. Каковы бы ни были последствия, все это требовалось обдумать. Дядя весело болтал. Один раз он даже издал громкий возглас, полузабытый студенческий клич, словно вытащенный из туманных глубин прошлого. Племянник удивлялся. Так свернули они на Стрэнд^[59] и остановились у дверей ресторана.

Мистер Галлоуэй знал толк в еде. Он уже давно понял, что человеку, производящему подтяжки, необходимо поддерживать силы. Поэтому трапеза далеко не сразу превратилась в пир духа.^[60] Только когда они покончили с едой и закурили сигары, дядя заговорил о том, что не имело отношения к гастрономии.

И вот тут-то, когда он обратился к высоким материям, беседа не просто поднялась на новый уровень, а буквально взлетела в заоблачные сферы.

— Ролло, — сказал он, выпуская колечко дыма, — ты веришь в родство душ?

Ролло, который в это время потягивал бренди с ликером, в удивлении отставил бокал. Голова его слегка кружилась от сухого шампанского, и он решил, что ослышался.

Мистер Галлоуэй повысил голос:

— Мой мальчик, — произнес он, — сегодня, впервые за много лет, я словно помолодел. А вообще-то не так уж я и стар! Люди, старше меня в

два раза, женятся.

Строго говоря, это не совсем соответствовало истине, если, конечно, речь не шла о Мафусаиле,^[61] но, возможно, мистер Галлоуэй выразился фигурально.

— В три раза старше, — заявил он, откинувшись назад, не заметив за дымом встревоженный взгляд племянника. — В четыре раза! В пять раз! В шесть...

Тут он несколько смешался, однако взял себя в руки. Ударяет в голову, это шампанское! С ним надо бы поосторожнее...

Он кашлянул. Ролло помолчал.

— Вы, — пролепетал он наконец. — Нет, не может быть... Вы собираетесь жениться?

Мистер Галлоуэй все еще смотрел в потолок.

— Болтают всякую чушь, — свирепо прорычал он. — Видите ли, человек принизит себя, женившись на актрисе! Вчера я познакомился с актрисой на ужине. Более очаровательной и рассудительной девушки я вообще не видел. Это вам не безмозглые глупышки, которые не отличат омара по-ньюбургски^[62] от жаркого из дикой утки и предпочитают *сладкое* шампанское. Нет, сэр! Это вам не жеманные притворщицы, прикидывающиеся, что они раз в день съедают ложечку бульона. Нет, сэр! Прекрасный, здоровый аппетит. Ест с удовольствием и разбирается в еде. Честное слово, мой мальчик, до этой встречи я не подозревал, что женщина может разумно рассуждать о баварском креме.^[63]

Он прервал восторженную речь, чтобы зажечь потухшую сигару.

— Да, есть она умеет! — возобновил дядя свой рассказ, и голос его дрогнул под напором эмоций. — Она сама мне сказала, что может та-ак приготовить курицу... На край света пойдешь, чтобы попробовать. — Дядя помолчал, поддавшись чувствам. — И гренки по-валлийски,^[64] — с благоговением добавил он. — Да, гренки! И только потому, — гневно вскричал он, — что она честно зарабатывает себе на жизнь, выступая в комической опере, лицемерные идиоты скажут, что я сваял дурака! Ну и пусть, — объявил он и, выпрямившись, сердито посмотрел на Ролло. — Ну — и — пусть! Я еще покажу им, что Эндрю Галлоуэй, не из тех, кто... не из тех... — он запнулся. — Ну, в общем, я им покажу, — завершил он свою тираду.

Ролло уставился на него, открыв от изумления рот. Его ликер обратился в полынь.^[65] Столько лет он этого страшился! Поистине, гони природу в дверь, она влезет в окно.^[66] Питтсбургский миллионер останется

питтсбургским миллионером. Целых одиннадцать лет дядя с видимым успехом противостоял зову чувства, но, в конечном счете, природа победила. Его слова могли означать одно — Эндрю Галлоуэй собрался жениться на хористке.

Тут дядя постучал по столу и заказал кюммель. ^[67]

— Мар-ргар-рет Пар-ркер-р, — мечтательно пророкотал он, прокатив слова на языке, словно глоток портвейна.

— Маргарет Паркер! — воскликнул Ролло, едва не свалившись со стула.

Дядя смерил его суровым взглядом.

— Да. Видимо, тебе знакомо это имя. Возможно, ты предубежден. А? Угадал? Предупреждаю тебя, поосторожнее! Что ты знаешь о мисс Паркер?

— Э...Э...Э, нет-нет. Просто имя знакомое. Я, я... как-то встречал ее в гостях. Или, может, не ее. Да, наверняка, не ее.

Он схватил свой бокал и отхлебнул из него. Взгляд дяди несколько смягчился.

— Надеюсь, ты еще не раз ее встретишь. Надеюсь, она станет тебе второй матерью.

После этих фраз Ролло срочно потребовалось и бренди.

Когда оно прибыло, он одним махом осушил стакан, а затем посмотрел на дядю. Великий человек все еще пребывал в задумчивости.

— Когда же это произойдет? — спросил Ролло, — То есть, э-э... свадьба?

— Думаю, не раньше осени. Да, никак не раньше. До того времени я занят. Я еще ничего не предпринял.

— Ничего? Неужели, вы... не сделали ей предложение?

— Пока еще не успел. Всему свое время, мой мальчик, всему свое время.

Ролло с облегчением вздохнул. Сквозь сгустившиеся было тучи, блеснул луч надежды.

— Вряд ли, — задумчиво произнес мистер Галлоуэй, — у меня будет время до конца недели. Дел не впрокорот. Давай-ка посмотрим. Завтра? Нет. Собрание акционеров. Четверг? Пятница? Нет. Придется подождать до субботы. После дневного представления — в самый раз.

Как часто в наших краях можно стать свидетелем сцены, которую, при всем ее драматизме, никто не удосужился запечатлеть на холсте! Каждый из нас, должно быть, видел, как счастливый владелец сезонного билета неторопливо направляется к станции, возможно, напевая себе под нос какой-нибудь мотивчик. Он ощущает себя в полной безопасности. Рок не властен над ним, — на этот раз у него вполне достаточно времени, чтобы успеть на поезд 8.50, тот самый поезд, за которым он так часто бежал, не уступая в скорости антилопе. И вот, когда он шествует вальяжно и неспешно, взгляд его падает на церковные часы. В ту же секунду, издав вопль отчаяния, он срывается с места, пытаясь побить свой собственный рекорд. Все это время его часы отставали на пятнадцать минут.

В столь же печальном положении оказался и Ролло. Он-то считал, что у него уйма времени, а теперь оказалось, что придется действовать в спешке.

Почти всю ночь после обеда с дядей он не мог заснуть, тщетно пытаясь найти выход. Только под утро он смирился. Как ни прискорбно, обстоятельства сложились так, что придется нарушить график, бросившись в безрассудную атаку. Есть минуты, когда владельцу сезонного билета любви приходится бежать со всех ног.

На следующий день, не жалея ни сил, ни средств, он приступил к осуществлению плана. Ему удалось уложить тщательно распланированную программу двух недель в один день. Он купил три букета, браслет, золотого божка удачи с рубиновыми глазами и отослал их с посыльным в театр. К подаркам прилагалось приглашение на ужин.

Чувствуя, что он сделал все, что мог, Ролло вернулся к себе и стал ждать назначенного часа.

В тот вечер он оделся гораздо тщательнее, чем обычно. Мудрые стратеги ничего не делают просто так. Особенно придирчиво он выбрал галстук. Как правило, этим занимался Уилсон, но, бывало, и он ошибался. В таком серьезном деле нельзя безоговорочно доверять чужому вкусу. Ролло не винил слугу. И не такие люди ошибались при выборе вечернего галстука. Но сегодня нельзя было рисковать.

— Где у нас галстуки, Уилсон? — спросил он.

— В стенном шкафу, сэр, справа от двери. Первые двенадцать маленьких полок, считая сверху, сэр. Довольно неплохой выбор галстуков. Вторые экземпляры, сэр, хранятся в третьем комодке вашей гардеробной.

— Мне вполне хватит и одного. Я же не собираюсь одарить ими целый полк. Ага! Ставлю на этот. Ни слова, Уилсон, никаких дискуссий. Я буду именно в этом галстуке. Который сейчас час?

— Без восьми одиннадцать, сэр.
— Мне пора идти. Вернусь поздно. Сегодня вы мне больше не понадобится. Не ждите меня.
— Очень хорошо, сэр.
Бледный, но решительный, Ролло вышел из дома и остановил такси.

*

Вестибюль отеля «Карлтон» — чрезвычайно приятное место. Блеск, сияние, звучащая в отдалении музыка, прекрасные женщины, элегантные мужчины... Однако в больших дозах великолепие приедается, и, по мере того, как летят минуты, а ее все нет и нет, в атмосферу закрадывается неприятный холодок. Несмотря ни на что, надеешься на чудо, когда официанты и швейцары уже не скрывают подозрительных взглядов, приходится признать горькую правду. Она не придет. Остается выйти на холодную, бесчувственную улицу и отправиться домой. Вам доводилось испытать это, дорогой читатель, да и мне тоже.

Подобная участь выпала и на долю Ролло. Он ждал целых сорок пять минут, тревожно и внимательно вглядываясь в лица входящих, словно потерявшийся пес, ищущий своего хозяина. Без пятнадцати двенадцать последняя надежда, до этого еще теплившаяся в его душе, угасла. Девушка может опоздать на пятнадцать минут. Она может задержаться на полчаса. Но сорок пять, по мнению Ролло, — это уж слишком. Когда без десяти двенадцать швейцар остановил такси у входа в отель, в него (такси, а не отель) сел молодой человек, чья вера в женщину умерла.

До дороге домой Ролло одолевали горькие раздумья. Страдал он не столько из-за того, что она не пришла (можно не прийти по многим причинам), сколько из-за холодного спокойствия, с которым она пренебрегла его приглашением. Когда вы посылаете три букета, браслет и золотого божка с рубиновыми глазами, то меньше всего ждете, что она отнесется к вам, как к пустому месту. Даже торговый автомат ведет себя лучше. Он может вместо спичек выдать вам шпильки, но, по крайней мере, хоть как-то откликнется.

Мрачные мысли не покидали Ролло до самого дома. Он достал ключ и открыл дверь своей квартиры.

Смех, доносящийся из гостиной, прервал его размышления, и он вздрогнул от неожиданности. Хотя смех звучал приятно и мелодично, возмущенный Ролло одним рывком распахнул дверь. Что женщина делает

в его гостиной в такой час?! У него что, отель?

Приход незваного гостя нередко вызывает замешательство. После неожиданного появления Ролло воцарилось гробовое молчание. Прервал его звук упавшего на ковер стула, который опрокинул Уилсон, торопливо вскочивший на ноги.

Ролло застыл в дверях, всем своим видом олицетворяя сдержанное негодование. Судя по тому, что он успел увидеть, за столом сидела девушка, но Уилсон мешал разглядеть ее.

— Не ожидал вас так скоро, сэр, — сказал он, впервые за все время знакомства утрачивая невозмутимость.

— Да уж, думаю, что не ждали, — произнес Ролло, — Господи, а я вам так доверял!

— Лучше будет, если ты все объяснишь, Джим, — раздался из-за стола спокойный голос.

Уилсон шагнул в сторону.

— Моя жена, сэр, — произнес он вежливо, но гордо.

— Ваша жена!

— Мы поженились сегодня утром, сэр.

Гостья весело кивнула Ролло. Она была маленькой и хрупкой, с дерзко вздернутым носиком и густыми каштановыми волосами.

— Я ужасно рада вас видеть, — сказала она, раскалывая грецкий орех.

Ролло застыл в изумлении. Она взглянула на него еще раз.

— Мы ведь встречались, правда? Да, точно. Как-то в гостях. И вы прислали мне цветы, — лучезарно улыбнулась она. — Это было так мило!

Гостья расколола еще один орех. По-видимому, она полагала, что официальное знакомство состоялось, и дальше можно обойтись без формальностей. Весь ее вид выражал умиротворение.

Ситуация выходила из-под контроля. Ролло изумленно таращился на пришлицу. Затем он вспомнил о своей обиде.

— Вы бы могли и сообщить мне, что не придете на ужин.

— Какой ужин?

— Я послал в театр приглашение.

— Я там сегодня не была. Мне дали выходной, чтобы выйти замуж. Простите, что так получилось. Надеюсь, вы ждали не слишком долго.

Ее улыбка была такой дружелюбной, что от негодования Ролло не осталось и следа.

— Совсем чуть-чуть, — солгал он.

— Разрешите объяснить, сэр, — сказал Уилсон.

— Ну, конечно! Тогда мне не придется ломать голову над этой

историей. Приступайте, и не бойтесь мне наскучить.

— Мы с миссис Уилсон — старые друзья, сэр. Родом из одного селенья.

Лицо Ролло прояснилось.

— Боже мой! Маркет-как-его-там! Ну конечно! Так она...

— Именно, сэр. Если помните, вы как-то спрашивали, любил ли я когда-либо, и я ответил утвердительно.

— И это была...

— Мы с миссис Уилсон были помолвлены и собирались пожениться. Произошло недоразумение, полностью по моей...

— Джим! По моей!

— Я вел себя как дурак.

— Нет-нет! Ты же сам знаешь... Тут вмешался Ролло:

— Что дальше?

— Когда вы послали меня с цветами, сэр, мы обо всем поговорили, и вот, пожалуйста...

Невеста отвлеклась от орехов и посмотрела на Ролло:

— Вы ведь не сердитесь? — улыбнулась она.

— Сержусь? — повторил он за ней. Конечно, было бы вполне естественно, если бы он, ну, скажем, не то чтобы сердился... И вдруг его осенило: у этой ситуации есть свои преимущества.

— Сержусь? — воскликнул он. — Да что вы! Я ужасно рад, что пришел как раз к свадебному завтраку. Именно то, что сейчас нужно. Раз уж мы все здесь, давайте повеселимся. Уилсон, старина, изобразите, как жених смешивает бренди с содовой. Миссис Уилсон, если вы завтра заглянете в театр, то обнаружите два-три небольших свадебных подарка. Букеты (правда, боюсь, они слегка увянут), браслет и золотого божка с рубиновыми глазками. Надеюсь, он принесет вам счастье. Да, кстати, Уилсон!

— Сэр?

— Если это слишком деликатный вопрос, можете не отвечать, но мне интересно. Полагаю, вы не следовали графику Скорее, ваш местный способ, да? Ну, как положено в этом э-э...

— Маркет Бамстеде, сэр, — сказал Уилсон. — Вот именно Ролло глубокомысленно кивнул.

— Думается мне, — произнес он, — там кое в чем разбираются.

— Весьма солидное селенье, сэр, — согласился Уилсон.

СМЕШАННАЯ ТРОЙКА

Наступили каникулы, и комитет гольф-клуба постановил, что за плату в двадцать гиней отцы семейств могут не только сами торчать на поле, но и приводить любое количество отпрысков. Соответственно, все лунки облепила хохочущая детвора. Измученный взрослый, который в течение десяти минут вынужден был разбирать, за сто или за сто двадцать ударов добрался маленький Клод до девятого грина, рухнул в кресло рядом со старейшим членом клуба.

— Как успехи? — поинтересовался мудрец.

— Никак. — мрачно отвечал его собеседник. — На шестой чуть не зашиб мячом одного ангелочка, да тот увернулся. Все, устал. Дети должны катать обручи на проезжей части. Гольф — для взрослых. Как прикажете играть, когда каждую лунку загораживает целый выводок мелюзги?

Старейшина помотал головой. Он не готов был подписаться под этим высказыванием.

— Без сомнения, — сказал старейшина, — дети на поле для гольфа раздражают игрока, склонного проходить все лунки за один вечер, однако лично мне приятно видеть, как люди — а к этой категории безусловно относятся и юные гольфисты, даже если сейчас вы со мной не согласны — с малых лет приобщаются к благороднейшей из игр. Гольфом, как корью, нужно заразиться в детстве, ибо в зрелом возрасте болезнь протекает с тяжелыми осложнениями. Позвольте рассказать о Мортимере Стерджисе — его история как нельзя лучше иллюстрирует мои слова.

Мортимер Стерджис, когда я с ним познакомился, был беспечный тридцативосьмилетний джентльмен с приятным актером и независимыми доходами, которые время от времени подкреплял осторожной игрой на бирже. Хотя к гольфу он в то время еще не приобщился, нельзя сказать, что жизнь его протекала совсем уж впустую. Он прилично играл теннис, никогда не отказывался спеть на благотворительном концерте и охотно помогал бедным. В общем, славный малый, скорее приятный, чем притягательный, без серьезных пороков или героических добродетелей. На досуге он коллекционировал фарфоровые вазы и был обручен с Бетти Уэстон, прелестной девицей двадцати пяти лет, которую я знаю с детства.

Мне нравился Мортимер — он всем нравился. Тем не менее я удивлялся, что Бетти с ним обручилась. Как я уже говорил, в нем не было притягательности — того внутреннего магнетизма, который, как мне

казалось, должен в первую очередь привлекать Бетти. Она была девушка пылкая, восторженная, и мне в роли ее кумира виделся рыцарь или корсар. Однако, разумеется, спрос на рыцарей и корсаров нынче превышает предложение; теперешние девушки вынуждены умерить свои запросы. Должен сказать, что Мортимер Стерджис вполне устраивал Бетти — по крайней мере, так представлялось.

Тут появился Эдди Дентон, и начались неприятности.

В тот вечер мы с Бетти пили чай у знакомых, после чего я пошел ее проводить. По дороге мы заметили Мортимера: завидев нас, тот припустил навстречу, размахивая листом бумаги. Он был явно чем-то взволнован, чего за этим уравновешенным человеком, как правило, не водилось. Широкое добродушное лицо сияло.

— Отличная новость! — закричал Мортимер. — Старина Эдди возвращается!

— Ой, милый, как я за тебя рада! — сказала Бетти. — Эдди Дентон — лучший друг Мортимера, — объяснила она мне. — Морти столько о нем рассказывал, что я сама жду его не дождусь.

— Вот увидишь! — вскричал Мортимер. — Старый добрый Эдди! Он просто чудо! Лучший человек на земле! Мы сидели за одной нартой в школе и в университете. Второго такого нет! Вчера вернулся в Англию из Центральной Африки. Путешественник, — пояснил он, обращаясь ко мне. — Всю жизнь по таким местам, где белому человек — смерть.

— Путешественник! — выдохнула Бетти как будто про себя.

Боюсь, на меня слова Мортимера не произвели столь же сильного впечатления. Уверен, трудности кочевой жизни порядком преувеличены — по большей части самими землепроходцами. В большой стране, как, например, Африка трудно куда-нибудь не попасть — иди себе да иди. Нет, мне подавай человека, который может нырнуть под землю на площади Пиккадилли и отыскать нужную платформу метро, руководствуясь лишь множеством невразумительных указателей. Впрочем, все мы устроены по-разному, и, судя по румянцу, вспыхнувшему на щечках Бетти, она путешественниками восхищалась.

— Я сразу послал телеграмму, — продолжал Мортимер, — и пригласил его сюда. Два года не виделись. Мне не терпится, милая, познакомить тебя с Эдди! Он — в твоём вкусе. Я знаю, как ты романтична, как обожаешь приключения и все такое. Вот услышишь, как Эдди последним патроном уложил дикого буйвола бонго, когда все понго — туземные носильщики — попрятались в донго, то есть в кусты.

— Какая прелесть! — прошептала Бетти, и глаза ее зажглись.

(Полагаю, впечатлительных девушек такое и впрямь увлекает. По мне, бонго еще скучней понго, а донго — и вовсе тоска смертная.) — Когда ты его ждешь?

— Телеграмма придет сегодня. Надеюсь, завтра во второй половине дня мы увидим моего старого доброго приятеля. Вот удивится Эдди, когда узнает, что я обручен! Сам он — неисправимый холостяк. Однажды сказал мне, что самое мудрое, на его взгляд, высказывание в мире — пословица на суахили: «Всяк, вводящий женщину в свой крааль, заваривает вонго, которое не расхлебает по гроб жизни». Вонго — местное кушанье из вареных злаков, вроде нашей каши. Обязательно попроси Эдди, пусть скажет на суахили — еще красивей звучит.

Глаза девушки блеснули, лицо приняло то странное напряженное выражение, которое знакомо всем женатым мужчинам. Оно тут же исчезло, однако дало мне пищу для раздумий по пути домой и в безмолвии ночных страж. Я симпатизировал Мортимеру Стерджису и видел его будущее, как если бы гадал на рынке по ладони. Есть пословицы не менее мудрые, чем та, которую Мортимер перевел с суахили; одну из мудрейших передают от поколения к поколению жители восточного Лондона и шепотом повторяют в вигвамах торговцев рыбой: «Никогда не знакомь свою зазнобу с приятелем». В этих семи словах заключена мудрость веков. Чего было ждать после того, как Мортимер разжег воображение Бетти рассказом о романтической жизни товарища, а вдобавок разрекламировал его как закоренелого женоненавистника? С тем же успехом он мог сразу попросить назад кольцо. Сердце мое обливалось кровью.

Мне случилось заглянуть к Мортимеру на второй день после того, как приехал его друг. Судя по всему, мои худшие опасения уже начали сбываться.

Дентон был из породы жилистых, закаленных людей с горящим взором и продубленной от солнца и ветра кожей. Он выглядел, кем был — человеком действия. Про волевой подбородок можно даже не упоминать — что за путешественник без волевого подбородка? Мортимер рядом с ним казался жалким продуктом нашей тепличной цивилизации. Я забыл сказать, что Мортимер носит очки. Они вообще редко красят мужчину, особенно когда рядом загорелый кареглазый покоритель неведомых земель рассказывает симпатичной девушке о своих приключениях.

Именно этим Дентон и занимался. Мой приход, по-видимому, прервал его на середине рассказа. После крепкого молчаливого рукопожатия он продолжил:

— Туземцы вели себя вполне мирно, я и решил у них заночевать.

Я мысленно взял на заметку никогда не вести себя вполне мирно с путешественниками, не то они непременно заночуют.

— Утром они отвели меня к реке. На этом отрезке она расширяется, образуя конго, или заводь, где, как мне объяснили, по большей части, и обитают крокодилы, питаясь местными буйволами — короткорогими жонго, которых смывает течением при переходе через брод и увлекает к лонго, то есть водопадам. Впрочем, лишь на второй день мне удалось заметить над водой уродливые ноздри аллигатора. Я выжидал в засаде и на третий день увидел, как он вытащил тяжелое тело из воды и выполз на песчаную отмель посреди реки, чтобы подремать на солнцепеке. Это было настоящее чудище — целых тридцать футов — вы ведь не бывали в Центральной Африке, мисс Уэстон? Нет? Вам обязательно надо там побывать — целых пятьдесят футов от носа до хвоста. Там он и лежал, сверкая на солнце влажной кожей. Никогда не забуду этого зрелища!

Дентон смолк, чтобы закурить сигарету. Бетти затаила дыхание. Мортимер, поблескивая очками, улыбался, как хозяин собаки, которая развлекает гостей забавными фокусами.

— И что вы сделали, мистер Дентон? — с придыханием спросила Бетти.

— Да, и что же ты сделал, старина? — подхватил Мортимер.

Дентон задул спичку и бросил ее в пепельницу.

— Что? Ах, да, — беспечно отвечал он. — Доплыл до заводи и застрелил его.

— Доплыли и застрелили!

— Да. Жаль было упускать такой случай. Разумеется, можно было выстрелить с берега, но я опасался, что не попаду в уязвимое место. Поэтому я доплыл до отмели, вложил дуло ему в пасть и выстрелил. Мне редко доводилось видеть крокодила таким ошарашенным.

— Но это же смертельно опасно!

— Ах, опасность, — рассмеялся Эдди Дентон. — Привыкаешь немного рисковать. Кстати об опасности. Был один неудобный момент, когда раненый гонго зажал меня в узком тонго. Как на грех, при мне был только сломанный перочинный нож, у которого сохранились лишь штопор, да такая штуковина, чтобы выковыривать камешки из конских копыт. И вот...

Дальше я слушать не мог. Есть вещи, которые вынести невозможно. Я придумал какой-то предлог и ушел. По лицу девушки я видел, что она готова вручить сердце романтическому приезжему, и вопрос лишь в том, когда это произойдет — через день или через два.

На самом деле не прошло и суток, как Бетти прибежала ко мне. Понимаете, она выросла у меня на глазах и всегда делилась со мною своими бедами.

— Мне нужен ваш совет, — начала Бетти. — Я так несчастна!

Она расплакалась. Я видел, что бедняжка взвинчена, и попытался успокоить ее рассказом о том, как однажды прошел длинную лунку в четыре удара. Друзья говорили, что это лучшее снотворное, и не ошиблись: на том месте повествования, где я с пятнадцати футов попал точно в лунку, Бетти перестала всхлипывать. Она вытерла глаза, зевнула раз ли два и смело взглянула мне в лицо.

— Я люблю Эдди Дентона!

— Этого я боялся. Когда появились первые симптомы?

— Для меня это было как гром с ясного неба. Вчера вечером мы гуляли в саду, он рассказывая, как его укусил ядовитый зонго, и внезапно у меня перед глазами поплыло. Очнулась я у Эдди в объятиях. Он прижимался щекой к моей щеке и булькал.

— Булькал?

— Так я сперва подумала. Впрочем, Эдди меня успокоил. Просто он говорил на одном из малоизвестных диалектов Восточной Уганды, на который всегда переходит в минуты сильного волнения. Вскоре он настолько оправился, что смог перевести свои слова на английский, и так я узнала, что Эдди меня любит. Он поцеловал меня. Я поцеловала его. Мы поцеловались.

— И где все это время был Мортимер?

— В доме, составлял каталог своей коллекции ваз.

Признаюсь, в этот миг мне захотелось бросить Мортимера на произвол судьбы. Человек, который сидит дома и составляет каталог ваз, покуда его невеста гуляет при луне с путешественниками, достоин своей участи. Тем не менее я поборол минутную слабость.

— Вы ему сказали?

— Разумеется, нет.

— Вы считаете, ему будет неинтересно?

— Как я могу ему сказать? У него разобьется сердце. Я нежно люблю Мортимера. Эдди — тоже. Мы оба скорее умрем, чем причиним ему боль. Эдди — воплощение чести. Он, как и я, считает, что Мортимер не должен ни о чем знать.

— Так вы не собираетесь разорвать помолвку?

— Я не могу. Эдди со мной согласен. Если ничего не удастся

изменить, он готов сказать мне «прости», уехать далеко-далеко в пустыню, и там искать забвения в тишине, нарушаемой лишь воем бродячих йонго.

— Вы сказали «если ничего не удастся изменить». Что вы имели в виду?

— Я думала, может, вы что-нибудь посоветуете. Что если бы Мортимер решил сам разорвать помолвку?

— Ерунда! Он в вас души не чает.

— Боюсь, что так. На днях я уронила одну из его лучших ваз, а он только улыбнулся и сказал: «Пустяки».

— Я приведу вам лучшее доказательство. Сегодня утром Мортимер пришел ко мне и попросил тайно дать ему несколько уроков гольфа.

— Но он же терпеть не может гольф!

— Именно так. Но хочет научиться ради вас.

— А почему тайно?

— Чтобы сделать вам сюрприз к дню рождения. Вот как он вас любит!

— Я его недостойна! — прошептала Бетти. У меня родилась мысль.

— А что если мы его в этом убедим?

— Не понимаю.

— Например, можно было бы уверить его, что вы — беспробудная... Бетти покачала головой.

— Он знает.

— Что!

— Я сказала ему, что ужасно долго сплю по утрам.

— Я хотел сказать, «беспробудная пьяница».

— Ни за что на свете не буду притворяться пьяницей.

— Морфинистка? — предложил я.

— Терпеть не могу лекарств!

— Знаю! — воскликнул я. — Клептоманка!

— Это еще кто?

— Клептоманы — это те, кто ворует.

— Ужасно!

— Ничего подобного. Вполне милая слабость для светской женщины. Вы сами не знаете, как это получается.

— Но как же я узнаю, если не знаю?

— Простите?

— Как я могу сказать Мортимеру про то, чего сама за собой не знаю?

— А вы и не говорите. Скажу я. Завтра сообщу, что вы заходили ко мне, украли мои часы и... — Я обвел взглядом комнату, — серебряную спичечницу.

— Я бы предпочла вон ту бонбоньерку.

— Вы не получите ни спичечницы, ни бонбоньерки. Я просто скажу, что вы их украли. И что дальше?

— Мортимер ударит вас айроном.

— Ничего подобного. Я старик. Меня защищают мои седины. Он потребует, чтобы я повторил эти слова при вас, а вы их опровергли.

— А потом?

— Вы сознаетесь в краже и освободите его от данного слова.

Она некоторое время сидела молча. Я видел, что мои слова произвели на нее глубокое впечатление.

— Думаю, идея замечательная. Спасибо огромное. — Бетти встала и пошла к двери. — Я знала, вы придумаете что-нибудь замечательное. — Она замялась и добавила с надеждой: — Может быть, для большего правдоподобия мне все-таки захватить бонбоньерку?

— Это только все испортит, — твердо отвечал я, убирая бонбоньерку и запирая ее в стол.

Некоторое время Бетти молчала, разглядывая ковер. За него я не опасался — он был прибит гвоздями.

— Что ж, до свидания, — сказала Бетти.

— Оревуар, — отвечал я. — Мы встречаемся с Мортимером завтра в половине седьмого. Ждите нас у себя часам так к восьми.

Мортимер явился минута в минуту. Когда я подошел к десятой лунке, он уже меня ждал. Мы обменялись короткими приветствиями, я вручил ему драйвер, объяснил, как надо держать клюшку, как замахиваться, и велел приступить к делу.

— С виду игра простая, — сказал Мортимер, принимая стойку. — Вы уверены, что это честно: класть мяч на такую высокую горку песка?

— Вполне честно.

— Я хочу сказать, не надо мне поблажек, как новичку.

— Первый удар всегда делают с ти, — заверил я.

— Ну ладно, раз вы так говорите. Но мне кажется, это неспортивно. Куда бить?

— Прямо.

— А это не опасно? Что если я разобью окно вон в том доме?

Он указал на прелестный домик в пятистах ярдах по фервею.

— Если так, — отвечал я, — владелец выбежит в пижаме и предложит вам на выбор сигару или орешков.

Мортимер, кажется, успокоился и устремил взгляд на мяч. Потом

вновь обернулся ко мне.

— Я не должен чего-то сказать перед началом? — спросил он. — «Разойдись!» или что-то в таком роде?

— Можете сказать: «Эй, впереди!», если так вам будет легче. Но в этом нет надобности.

— Если уж я учусь этой дурацкой игре, — твердо сказал Мортимер, — я буду играть по всем правилам. Эй, впереди!

Я с любопытством наблюдал за ним. Всякий раз, вкладывая клюшку в руки новичка, я чувствую себя скульптором перед шматом бесформенной глины. Меня охватывает восторг творца. Вот, говорю я себе, полуосмысленное существо, в чью бездушную оболочку я вдохнул жизнь. За мгновение до того он был сгустком материи. С этого мига он будет гольфистом.

Покуда я предавался размышлениям, Мортимер ударил. Клюшка со свистом рассекла воздух и скользнула по мячу, отбросив его примерно на шесть дюймов в сторону.

— Проклятие! — вскричал Мортимер, выпрямляясь.

Я одобрительно кивнул. Удар был не такой, чтобы занести его в анналы гольфа, но суть дела Мортимер уловил.

— Что произошло? Я вкратце объяснил:

— Вы плохо подошли к мячу, плохо держали клюшку, во время удара повернули голову и качнули корпусом, забыли о работе кистей и сделали слишком резкий замах, неправильно опустили клюшку и потеряли равновесие, а при завершении удара не повернулись на левой пятке и согнули правое колено.

Секунду Мортимер молчал.

— В этом времяпрепровождении есть что-то такое, — проговорил он, — незаметное стороннему наблюдателю.

Я замечал — да и другие, наверное, тоже, — что в развитии каждого человека есть определенный миг, когда можно сказать: он пересек черту, некий Рубикон, отделяющий гольфиста от негольфиста. Этот миг наступает после первого хорошего драйва. За те девяносто минут, что я знакомил Мортимера с азами игры, он выполнил все известные науке айвы, но хороший — только перед самым уходом. За секунду до того он с отвращением разглядывал волдыри на ладонях.

— Бессмысленно! Я никогда не научусь этой кошмарной игре! Да и не хочу! Занятие для чокнутых! Какой в нем смысл? Лупить палкой по паршивому мячику! Если захочу размяться, возьму трость и буду греметь ею по перилам — и то больше проку! Ладно, пошли. Незачем убивать здесь

все утро.

— Еще разок ударьте, и пойдем.

— Ладно. Как хотите. Все равно без толку.

Он положил мяч на ти, нехотя принял стойку и небрежно ударил. Чпок! Мяч стрелой пролетел сотню ярдов, описал изящную дугу еще ярдов на семьдесят, ударился о дерн, покатился и замер недалеко от грина.

— Отлично! — вскричал я. Мортимер был ошеломлен.

— Как это получилось? — спросил он. Я объяснил в самых простых словах.

— Вы хорошо подошли к мячу, хорошо держали клюшку, во время удара не повернули голову и не качнули корпусом, смотрели на мяч, помнили про кисти, замахивались не слишком резко, правильно опустили клюшку, сохранили равновесие, а при завершении удара повернулись на левой пятке и не согнули правое колено.

— Ясно, — сказал Мортимер. — Да, я чувствовал, что бить надо именно так.

— Теперь идемте домой.

— Погодите минутку. Хочу закрепить, пока еще свежо в памяти. Значит, я стоял вот так... или вот так?... нет, скорее вот так. — Он обернулся ко мне, сияя улыбкой. — Как же все-таки здорово, что я решил заняться гольфом! И что за ерунду пишут юмористы — будто все постоянно мажут по мячу и с досады ломают клюшки! Нужна лишь чуточка аккуратности. А какая мировая игра! Лучше и быть не может! Как вы думаете, Бетти уже встала? Надо ей показать этот мой драйв. Идеальный замах, в который вложена каждая унция веса, безупречно слаженная работа всех мышц. Я не хотел ей ничего говорить, пока не научусь, но теперь-то я точно научился. Идемте, вытащим ее из дома.

Лучшего времени было не сыскать. Я положил ему руку на плечо и произнес скорбно:

— Мортимер, старина, у меня для вас дурные новости.

— Не торопясь... назад... держать голову... Что-что? Новости?

— Насчет Бетти.

— Бетти? Что с ней? Корпус держим ровно... глаза на...

— Приготовьтесь к потрясению. Вчера вечером Бетти зашла ко мне. После ее ухода я обнаружил, что она украла мою серебряную спичечницу.

— Украла вашу спичечницу?

— Да.

— В таком случае, вина на вас обоих, — отвечал Мортимер. — Скажите мне, если сейчас я качнусь.

— Вы не поняли! Вы осознаете, что Бетти, девушка, на которой вы собрались жениться, клептоманка?

— Клептоманка!

— Другого объяснения быть не может. Подумайте, что это значит, старина! Как вы будете себя чувствовать всякий раз, когда жена соберется за покупками? Представьте: вы сидите один дома, смотрите на часы и говорите себя: «Сейчас она тянет с прилавка шелковые чулки!» «А вот теперь прячет перчатки в зонтик!» «Скоро положит себе в карман жемчужное кольцо!»

— Она все это будет делать?

— Конечно! Она просто не сможет прибрать себя к рукам. Вернее, не сможет не прибрать к рукам все, что видит. Что скажете, мой мальчик?

— Это сближает нас еще больше, — ответил он. Должен признаться, я был тронут. Замысел провалился, но стало ясно, что у Мортимера Стерджиса — золотое сердце. Он отрешенно смотрел на фервей.

— Кстати, — мечтательно проговорил Мортимер. — Интересно, бывает ли она на распродажах — ну, знаете, на таких аукционах, где можно заранее осмотреть лоты? Там часто выставляют вполне приличные вазы.

И он погрузился в глубокую задумчивость.

С того дня Мортимер Стерджис стал живым доказательством моих слов о том, как опасно заразиться гольфом на склоне лет. Долгие наблюдения за человеческим родом убедили меня что Природа нас всех создала гольфистами. В каждом человеке от рождения заложено семя гольфа, которое подспудно растет и растет, пока — в сорок, в пятьдесят, в шестьдесят — не вырывается наружу и не захлестывает несчастного с головой. Мудрецы — те, кто играет с детства — выводят яд из организма капля за каплей, без всякого вреда для здоровья. Тех же, кто, как Мортимер Стерджис, тридцать восемь лет отказывал себе в гольфе, волна неудержимо сбивает с ног. Они теряют всякое чувство меры. Их можно сравнить с мошкой, присевшей на плотину в тот самый миг, когда ее прорвало.

Мортимер Стерджис без всякой борьбы окунулся в оргию гольфа, какой мне еще не случалось видеть. Через два дня после первого урока он уже собрал такую коллекцию клюшек, что впору было открывать собственный магазин, и продолжал покупать по две-три штуки в день. По воскресеньям, когда клюшки не продаются, он ходил, как в воду опущенный. Разумеется, он играл свои всегдашние четыре круга, но без

всякого удовольствия. Угодив в раф, он терзался мыслью, что сейчас его выручила бы та самая клюшка оригинальной конструкции со специальной деревянной вставкой, которую удастся купить лишь в понедельник утром. Это отравляло ему всю радость.

Помню, как-то Мортимер позвонил мне в три часа ночи и сообщил, что придумал, как закатывать мяч в лунку. Он сказал, что намерен впредь использовать крокетный молоток, и странно, что никто раньше до этого не додумался. Пришлось объяснить, что крокетные молотки запрещены правилами. Горькие стенания, которые я услышал в ответ, стояли у меня в ушах еще несколько дней.

Его библиотека по гольфу росла теми же темпами, что и коллекция клюшек. Он покупал все основополагающие труды, подписывался на все по гольфу, а когда случайно прочел, что мистер Хатчингс, бывший чемпион в любительском разряде, начал заниматься гольфом после сорока лет, а его противник в финале, мистер С. Х. Фрай, до тридцати пяти вообще не держал в руках клюшки, заказал оттиснуть эти слова золотом на коже и вставить в рамку, которую повесил рядом с зеркалом для бритья.

А что же Бетти? Бедняжка с тоской смотрела в беспросветное будущее и видела себя в разлуке с любимым человеком, соломенной вдовой при муже-гольфисте, к которому (даже после того, как он выиграл медаль в еженедельном турнире с гандикапом, пройдя поле за сто три удара при гандикапе двадцать четыре) никогда не будет питать ничего, кроме уважения. Это были ужасные дни для Бетти. Мы трое — я, она и Эдди Дентон — частенько обсуждали странную одержимость Мортимера. Дентон говорил, что, хотя Мортимер и не покрылся розовыми пятнами, по всем остальным симптомам его болезнь напоминает ужасную монго-монго — бич внутренних районов Западной Африки. Бедняга Дентон! Он уже заказал билет до Африки и часами листал атлас, высматривая подходящую пустыню.

Любая лихорадка в человеческих делах рано или поздно достигает кризиса. Мы можем выйти из него исцеленными или погрузиться в еще большие глубины душевного недуга, однако миновать его невозможно. Мне выпала честь присутствовать при кризисе в отношениях Мортимера Стерджиса и Бетти Уэстон.

Однажды днем я заглянул в клуб — обычно в этот час там не бывает посетителей. И кого же я увидел в помещении, выходящем окнами на девятый грин? — распростертого на полу Мортимера Стерджиса! Должен признаться, у меня сердце упало. Ну все, решил я, рассудок его помутился

от бесконечного разгула. Я знал, что несколько недель он, день за днем, практически не выпускал их рук ниблика. Такого никакое здоровье не выдержит.

Заслышав мои шаги, он поднял голову.

— Привет. Мяча не видели?

— Мяча? — Я попятился и взялся за ручку двери, потом заговорил успокаивающим тоном. — Вы ошиблись, мой дорогой. Ошибка вполне естественная, любой может ее допустить. Однако это, между прочим, клуб. Поле — снаружи. Давайте выйдем вместе, потихонечку, и поищем мячи на поле. А если вы подождете здесь минутку, я позову доктора Смитсона. Он как раз сегодня утром говорил мне, что с удовольствием сходил бы по мячи, чтобы размять ноги. Вы не против, если он к нам присоединится?

— Это был «серебряный королевский» с моими инициалами, — продолжал Мортимер, не слушая меня. — Я выбрался на девятый грин одиннадцать ударов, но на приближающем двенадцатом немного не рассчитал силу. Мяч влетел в окно.

Только сейчас я заметил, что окно, выходящее на поле, разбито. У меня отлегло от сердца. Я встал на четвереньки и присоединился к поискам. Мяч сыскался в рояле.

— Каковы местные правила? — спросил Мортимер. — Должен я играть оттуда, где лежит мяч, или вернуться к началу и записать себе штрафной удар? А если играть отсюда, то, полагаю, нибликом?

Вот тут и вошла Бетти. С первого взгляда на ее бледное, решительное лицо я понял, что сцены не миновать. Мне следовало уйти, но она стояла между мной и дверью.

— Здравствуй, милая. — Мортимер приветственно взмахнул нибликом. — Смотри, бью из рояля. Не рассчитал предыдущий удар и, вот, оказался в бункере.

— Мортимер, — выговорила девушка, — я хочу задать тебе один вопрос.

— Да, милая? Жаль, ты не видела мой драйв на восьмой лунке! Вот это был класс!

Бетти смотрела на него, не отрываясь.

— Мы обручены, — спросила она, — или нет?

— Обручены? В смысле, собираемся пожениться? Конечно. Я попытался для разнообразия изменить стойку, и...

— Сегодня утром ты обещал покатать меня на машине, но так и не зашел. Где ты был?

— Играл в гольф.

— Гольф! Слышать про него не могу! Мортимера скрутила судорога.

— Не говори такого, тебя могут услышать! — сказал он. — Начиная замах, я почему-то был уверен, что все будет хорошо. Я...

— Даю тебе последний шанс. Ты покатаешь меня сегодня вечером?

— Не могу.

— Почему? Чем ты занят?

— Играю в гольф!

— Мне надоело, что меня как будто и нет! — вскричала Бетти и топнула ногой. Я понимал бедняжку. Мало того, что она обручена с нелюбимым, он еще и совсем не уделяет ей внимания. Она из чувства долга перебарывает любовь к Эдди Дентону и хранит верность Мортимеру, а тот принимает ее жертву с небрежной рассеянностью, которая взбесила бы любую девушку. — Мы словно и не помолвлены. Ты куда меня не водишь.

— Я приглашал тебя смотреть Открытый чемпионат.

— Почему ты никогда не водишь меня на танцы?

— Я не умею танцевать.

— Так научился бы!

— Я не уверен, что это полезно для игры. Никогда не слышал, чтобы первоклассные профессионалы танцевали. Джеймс Брейд не танцует.

— Все, я приняла решение. Мортимер, выбирай: или я, или гольф.

— Но, милая, вчера я прошел круг за сто один удар. Человек не может бросить игру, когда он на пике формы.

— Отлично. Мне нечего больше сказать. Я разрываю помолвку.

— Не бросай меня, Бетти, — взмолился Мортимер так жалобно, что у меня защемило сердце. — Я буду страдать. А когда я несчастен, у меня мяч не идет в лунку.

Бетти выпрямилась. Лицо ее стало суровым.

— Вот твоё кольцо! — сказала она и выбежала из комнаты.

Несколько мгновений Мортимер стоял неподвижно, глядя на кольцо у себя в ладони. Я подошел и похлопал его по плечу.

— Мужайтесь, мой мальчик, — сказал я.

— Продул! — вскричал он.

— Крепитесь!

Он заговорил, обращаясь словно к самому себе:

— Я воображал — ах, как часто я воображал! — наш уютный домик! Ее и мой. Она шьет в кресле, я отрабатываю удары на ковре... — Голос у него сорвался. — В уголке маленький Гарри Вардон Стерджис играет с

маленьким Дж. Г. Тейлором Стерджисом. А вокруг — за чтением, за милыми детскими забавами — маленькие Джордж Дункан Стерджис, Эйб Митчелл Стерджис, Гарольд Хилтон Стерджис, Эдвард Рей Стерджис, Горейс Хатчинсон Стерджис и крошка Джеймс Брейд Стерджис.

— Эй! Полегче! — вскричал я.

— Что такое?

— Не слишком ли много детей вы собрались завести? Мортимер мрачно мотнул головой.

— Разве? — тупо переспросил он. — Не знаю. А каков пар?

Наступила тишина.

— И все же, — тихо проговорил Мортимер некоторое время спустя. Он помолчал. Глаза его вспыхнули странным светом. Это снова был прежний, счастливый Мортимер Стерджис, которого я так хорошо знал. — И все же, — продолжал он — кто знает? Может быть, оно и к лучшему. Вдруг бы они все подались в теннисисты! — Он снова поднял ниблик. Лицо его сияло. — Играю тринадцатый! Думаю, надо выбить через дверь и в обход дома до грина, вы согласитесь?

Мало что остается добавить. Эдди и Бети много лет женаты и счастливы. Гандикап Мортимера снизился до восемнадцати, и он с каждым днем играет все лучше. На свадьбу он не попал, поскольку она совпала с призовым турниром, но если вы разыщете список подарков — а их было много, и дорогих — то найдете примерно в середине столбца:

СТЕРДЖИС ДЖ. МОРТИМЕР

две дюжины «серебряных королевских» мячей для гольфа и один патентованный алюминиевый паттинг-клик Стерджиса с автоматической регулировкой и системой самокоррекции.

РАЗЛУЧЕННЫЕ СЕРДЦА

В курительной гольф-клуба весело потрескивал огонь, и старейшина время от времени поглядывал в окно на сгущающиеся сумерки. Снег мягко ложился на поле. С того места, где сидел старейшина, открывался прекрасный вид на девятый грин. Вот в полумраке декабрьского вечера из-за холма появился мяч, прокатился по траве и остановился в метре от лунки. Старейшина одобритительно кивнул. Хороший удар.

Молодой человек в твидовом костюме спустился с холма, легко и уверенно загнал мяч в лунку, перекинул через плечо сумку с клюшками и направился к клубу. Через несколько мгновений он вошел в курительную и, увидев огонь, издал восторженный клич.

— Замерз, как собака! — сообщил молодой человек.

Он позвонил официанту и заказал чего-нибудь горячительного. Старейшина любезно согласился составить ему компанию.

— Люблю играть зимой, — сказал молодой человек. — Все поле твоё. Мир полон лодырей, которые вылезают только при хорошей погоде. И как у них хватает наглости называть себя гольфистами!

— Не все так преданы игре, как вы, мой мальчик. — Мудрый наставник с удовольствием нырнул носом в свою кружку. — Будь так, мир стал бы намного лучше, и было бы меньше всяких беспорядков.

— Гольф я люблю, — согласился молодой человек.

— Пожалуй, только один гольфист на моей памяти был более предан игре. Я о Мортимере Стерджисе.

— Это тот, что пристрастился к гольфу, когда ему было тридцать восемь? Девушка, с которой он был помолвлен, ушла к другому, потому что у Стерджиса не хватало времени совмещать гольф с ухаживаниями. Помню, вы как-то рассказывали.

— У этой истории есть продолжение, если не возражаете, — предложил старейшина.

— Окажите честь, — ответил молодой человек. — Начинайте!

— Некоторые, — повел свой рассказ старейшина, — считали, что Мортимер Стерджис помешался на гольфе, и осуждали его. Я с ними не согласен. Во времена короля Артура никто не возводил хулу на юного рыцаря, если тот, забыв про общественные и деловые обязательства, отправлялся на поиски Святого Грааля. В Средние века человек мог

посвятить жизнь крестовым походам, и толпа его боготворила. Стоит ли клеймить человека нашего времени за ревностное увлечение современным эквивалентом — Поиском Совершенства в Гольфе? Мортимер Стерджис не достиг совершенства, но все же снизил свой гандикап до девяти, и я снимаю перед ним шляпу.

Эта история началась, когда Стерджис уже не был новичком в гольфе и его гандикап приближался к двенадцати. Вы, конечно же, знаете, что именно в это время гольф начинает по-настоящему захватывать. Пристрастие Мортимера к игре выросло безмерно — никакого сравнения с тем, что было раньше. Он и до этого играл, но теперь на самом деле засучил рукава и окунулся в гольф с головой. Тогда же он начал вновь подумывать о женитьбе. Статистика свидетельствует, что практически все великие гольфисты были люди женатые — так, может, священные узы брака способны улучшить игру? Мысль, что он столько теряет, не давала Мортимеру покоя. Более того, в нем проснулся отцовский инстинкт. Как он справедливо заметил, неизвестно, благотворно ли скажется брак на игре, однако прослеживается четкая связь между женитьбой Томми Морриса-старшего и существованием Томми Морриса-младшего,^[68] который четыре раза подряд выиграл открытый чемпионат Британии. Короче говоря, к сорока двум годам Мортимер Стерджис созрел для того, чтобы предложить какой-нибудь милой девушке сделаться приемной матерью одиннадцати драйверам, двадцати восьми паттерам и еще пятидесяти пяти клюшкам, которые он собрал за карьеру гольфиста, — общим числом девяносто четыре. Разумеется, с единственным условием: будущая миссис Стерджис тоже должна играть в гольф. До сих пор помню ужас в его глазах, когда некая девушка, восхитительная в других отношениях, сказала, что никогда не слышала о Гарри Вардоне;^[69] может, он имеет в виду шляпку а-ля Долли Вардон?^[70] Со временем она стала великолепной женой и матерью, но Мортимер Стерджис с ней больше не разговаривал.

С наступлением января Мортимер обычно уезжал на юг Франции — к солнцу и зеленой сухой траве. В этом году он поступил точно так же: с чемоданом и девяносто четырьмя клюшками отправился в Сен-Брюле и остановился, как всегда, в отеле «Сюперб», где его знали и к привычке отрабатывать удары в спальне относились с доброжелательной снисходительностью. В первый же вечер, предварительно разбив статуэтку молящегося младенца Самуила, Мортимер оделся и вышел к обеду. И тут его очам предстала Она.

Вы знаете, что Мортимер Стерджис был ранее помолвлен, но Бетти

Уэстон никогда не пробуждала в нем таких чувств, как эта девушка. Как он сам потом сказал мне, один лишь взгляд на то, как она опустошает тарелку супа, поднял в нем шальную бурю страстей. Такое чувство бывает, когда ваш мяч, угодив в заросли бурьяна, неожиданно выскакивает оттуда прямо на середину фервея, отрикошетив от камня. Гольф поздно вошел в жизнь Мортимера Стерджиса, а любовь — еще позже. И точно так же, как позднее пристрастие к игре оказалось искренним, любовь, сразившая его в середине жизни, стала настоящей. Мортимер доел обед, не замечая вкуса еды, что в иных отелях только к лучшему. Он тщательно обследовал местность в поисках кого-либо, кто мог бы его представить. Наконец такой человек нашелся, и знакомство состоялось.

Она была миниатюрной и на первый взгляд довольно хрупкой девушкой с большими голубыми глазами, облаком золотых волос и милым лицом. Левая рука висела на перевязи. Девушка взглянула на Мортимера так, словно наконец нашла что-то, и это что-то кое-чего стоит. Склонен думать, это была любовь с первого взгляда, причем взаимная.

— Хорошая сегодня погода, — сказал Мортимер. Он был мастер завязывать беседы.

— Да, — согласилась девушка.

— Люблю хорошую погоду.

— Я тоже.

— Когда погода хорошая — в этом что-то есть!

— Да.

— Ну... в общем... хорошая погода — гораздо лучше, чем нехорошая, — изрек Мортимер.

Он с тревогой посмотрел на девушку — не слишком ли глубокая тема для разговора, но, похоже, она прекрасно следила за ходом его мысли.

— Совершенно верно, — ответила она. — Погода такая... такая прекрасная.

— Именно, как раз это я и хотел сказать, — подтвердил Мортимер. — Такая прекрасная. Вы это очень точно подметили.

Он был очарован. Редко встретишь красоту в сочетании с живым умом.

— У вас что-то с рукой, — продолжил он, указав на повязку.

— Да, немного растянула на чемпионате.

— На чемпионате? — заинтересовался Мортимер. — Может, это невежливо, — пробормотал он извиняющимся тоном, — но я не расслышал. Как, говорите, вас зовут?

— Моя фамилия Сомерсет.

Во время разговора Мортимер все сильнее и сильнее подавался вперед, а теперь совсем потерял равновесие и едва не выпал из кресла. Вот это да! Ведь еще до того, как они встретились и заговорили, он сказал себе, что именно ее любил жизнь. А она, оказывается, Мэри Сомерсет! Комната поплыла перед глазами Мортимера.

Вам, разумеется, знакомо это имя. Еще в первых раундах женского Открытого чемпионата по гольфу имя Мэри Сомерсет вряд ли кому-то что-то говорило. Она не выбыла из соревнования после двух раундов; правда, ее соперники были такими же неизвестными игроками. Затем, в третьем раунде, Мэри играла против чемпионки и победила — и с этого момента ее имя было у всех на устах. Мэри стала фавориткой и не обманула ожиданий публики: она, словно на крыльях, взлетела к финалу и с легкостью одержала победу. И вот она здесь, разговаривает с ним накоротке и, как ни трудно поверить, находит его обаятельным.

— Черт возьми! — благоговейно проговорил Мортимер.

Их дружба быстро переросла в нечто большее — обычное дело для юга Франции. В этом благословенном климате нужно лишь найти девушку, остальное довершит Природа. На следующее утро Мортимер пригласил мисс Сомерсет прогуляться по полю для гольфа, чтобы та взглянула, как он играет. Он немного робел, ведь его мастерство не того уровня, чтобы восхитить чемпионку. С другой стороны, нельзя упускать возможность выслушать полезный совет. Так и вышло — на четвертой лунке Мортимер исполнил такой драйв, что даже сам удивился, однако мяч остановился в прескверной выемке.

Он повернулся к девушке.

— И что же мне теперь делать?

Мисс Сомерсет смотрела на мяч. Казалось, она обдумывает именно этот вопрос.

— Нужно ударить как следует, — сказала она.

Мортимер так и знал, она предлагает полный удар железкой. Беспокоило одно: если мяч лежал не на песчаной горке, то, его умения хватало только на короткий замах, иначе удар неизменно срезался. Однако перед такой замечательной девушкой никак нельзя осрамиться. Мортимер сделал полный замах и положился на удачу. Смелость была вознаграждена — мяч полетел так чисто и точно на флаг, будто удар направлял сам Джон Генри Тейлор.^[71] Минуту спустя Мортимер закончил лунку на один меньше пара.

Если он не сделал предложение немедленно, то лишь из страха, что она испугается и откажет — ведь они так мало знакомы. Теперь, когда она продемонстрировала неоспоримый профессионализм в гольфе, сомнений не оставалось — живи Мортимер хоть вечность, другой девушки для него не будет. Рука об руку с ней, для него нет ничего невозможного. Он снизит свой гандикап до шести — до трех — до нуля — достигнет совершенства — достигнет еще большего! Боже праведный, да так и любительский чемпионат не за горами. Мортимер Стерджис торжественно взмахнул паттером и про себя поклялся, что во что бы то ни стало завоюет это сокровище.

Когда мужчину бушуют такие чувства, долго он не удержится. Неделью горела душа Мортимера Стерджиса; потом он понял, что больше ждать не может. В один прекрасный вечер, когда в отеле были танцы, он отвел девушку на лунную террасу.

— Мисс Сомерсет... — начал он, заикаясь, словно неплотно закрытая бутылка шипучки. — Мисс Сомерсет — можно называть вас Мэри?

Девушка подняла глаза; они мягко блеснули в слабом свете.

— Мэри? — переспросила она. — Ну, если вы так хотите, конечно...

— Если! — воскликнул Мортимер. — Да знаете ли вы, что это моя самая заветная мечта? Знаете ли вы, что я желаю этого больше, чем сыграть первую лунку на Мирфилде в два удара? О, Мэри, как я ждал этого мига! Я люблю вас! Я люблю вас! Как только я увидел вас, сразу понял, что вы — единственная девушка в этом безбрежном мире, чье сердце я хотел бы завоевать! Мэри, станьте моей! Пойдемте рука об руку по этому полю для гольфа, которое зовется жизнью и кончится, лишь когда смерть разлучит нас!

— Мортимер, — прошептала она, опустив глаза.

Он протянул к ней руки, затем внезапно отдернул. Его лицо вдруг страдальчески напряглось, вокруг губ появились складки.

— Подождите! — дрожащим голосом сказал Мортимер. — Мэри, я люблю вас больше всех на свете, и поэтому не прошу слепо доверить мне свою жизнь. Я должен признаться, я не... я не всегда был... — Он запнулся. — Я не всегда был достойным человеком, — тихо закончил он.

Она негодуяюще вскинула голову:

— Как вы можете такое говорить? Вы самый лучший, самый добрый, самый смелый из всех, кого я когда-либо знала. Только такой человек мог, рискуя жизнью, спасти меня, когда я тонула в море.

— Тонули? — ошеломленно переспросил Мортимер. — Вы? О чем вы

говорите?

— Уже забыли? На прошлой неделе, когда я упала в море, а вы прыгнули за мной, прямо в одежде...

— Ах, да, — ответил Мортимер. — Теперь вспомнил. В тот день я сыграл седьмую лунку в длинной игре за пять ударов. Я хорошо начал с ти, прямо вдоль фервея, для второго удара взял баффи, и... ну ладно, это не важно. Очень мило и благородно с вашей стороны так высоко ценить обычное проявление вежливости, и все же повторю: в сравнении с вашей белоснежной чистотой я очень плохой человек. Чтобы просить руки у девушки, нужно быть незапятнанным. Однажды во время парной игры мой мяч угодил в высокую траву. Рядом со мной никого не было — мы не пользовались услугами кэдди, а все остальные были на фервее. Бог свидетель... — Его голос задрожал. — Бог свидетель, я боролся с искушением. Но не устоял. Я выкатил мяч на ровный пригорочек, а уж оттуда выбить его и дойти до грина в семь ударов — раз плюнуть. Мэри, бывали моменты, когда, играя в одиночестве, я трижды подряд без удара засчитывал себе попадания с десяти футов — просто чтобы потом сказать: я сыграл поле меньше чем за сотню. Ну вот! Вы отпрянули от меня. Вам противно!

— Мне не противно. И я не отпрянула. Просто задрожала, потому что довольно холодно.

— Значит, ты любишь меня, несмотря на мое прошлое?

— Мортимер!

Она упала в его объятия.

— Дорогая моя, — сказал наконец Мортимер. — Какая счастливая жизнь у нас впереди. Если, конечно, ты не решишь, что совершила ошибку.

— Ошибку! — возмущенно воскликнула она.

— Ну, ты же видишь, мой гандикап двенадцать, а учитывая все, так, пожалуй, и больше. Бывает, после первого удара приходится выбивать мяч аж с соседнего фервея, а иногда, кажется, не смог бы попасть в угольную яму с транспарантом «Добро пожаловать!». А ты — чемпионка Открытого первенства среди женщин. Но если даже это тебя не останавливает... О, Мэри, ты не представляешь, как я мечтал, что настанет день, и я женюсь на гольфистке высочайшего класса! Я грезил наяву — вот иду к алтарю под руку с милой девушкой, у которой отрицательный гандикап... Ты опять дрожишь. Ты простудишься.

— Немного прохладно, — ответила девушка. Голос ее был тихим.

— Зайдем внутрь, любимая. Я посажу тебя в мягкое кресло, посидишь с чашечкой кофе, а я пойду поброжу немного, подумаю о том, как все

замечательно складывается.

Они поженились через несколько недель, очень тихо, в небольшой церквушке в Сен-Брюле. Шафером Мортимера был секретарь местного гольф-клуба, а единственной подружкой невесты — горничная из отеля. Свадьба Мортимера разочаровала — он надеялся на пышную церемонию в церкви Св. Георгия на Ганновер-сквер, чтобы венчал викарий Тутинга (само совершенство в коротких приближающих ударах), и орган играл «Глас, над Сент-Эндрю прозвучавший».^[72] Он даже мечтал на офицерский манер вывести невесту из церкви под аркой из скрещенных клюшек. Однако она не желала такой помпы и настояла на том, чтобы все прошло скромно, а медовый месяц предложила провести в Италии. Мортимер хотел поехать в Шотландию, на родину Джеймса Брейда,^[73] но любезно уступил, поскольку нежно любил свою избранницу. Однако Италия мало интересовала его. Величайшие памятники римской истории оставили его равнодушным. Увидев храм Веспасиана, он лишь подумал, что пришлось бы чертовски трудно, попади мяч за такое препятствие. Колизей слегка заинтересовал Мортимера — любопытно, воспользовался бы Эйб Митчелл^[74] «медяшкой», чтобы провести над ним мяч. Во Флоренции новобрачная любовалась Тосканскими холмами, ему же они представлялись довольно скверным рафом, из которого будет чертовски сложно сыграть.

И вот наконец настало время, когда они возвратились назад, в уютный домик Мортимера неподалеку от поля для гольфа.

В первый же вечер Мортимер ушел с головой в полировку своих девяносто четырех клюшек, а потому не обратил внимания, что жена чем-то озабочена. Не будь он так занят, наверняка заметил бы, что она явно взволнована, вздрагивает от внезапных звуков, а когда Мортимер решил испытать свой новый мэши-ниблик и разбил окно в гостиной, даже вскрикнула. Короче, странное поведение. Если бы Эдгару Аллану По вздумалось добавить персонаж в «Падение дома Эшеров», она пришлась бы как нельзя к месту. Казалось, молодая женщина мучительно ожидает неминуемой развязки Мортимер же весело насвистывал себе под нос, шлифуя наждачной бумагой головку двадцать первого паттера, и ничего не замечал. Он думал о завтрашней игре.

— Рука уже зажила, дорогая, правда?

— Да. Да, зажила.

— Чудесно! — воскликнул Мортимер. — Позавтракаем пораньше,

скажем, в полвосьмого, и сыграем пару раундов до обеда; потом еще пару после. Для первого раза достаточно, не следует перетруждать себя вот так сразу. — Он с энтузиазмом взмахнул паттером. — Как нам лучше играть? Может, для начала дашь мне фору?

Она не ответила, только стиснула ручку кресла так, что пальцы побелели.

На следующее утро, когда они подошли к полю, ее тревога стала еще более очевидной — она смотрела мрачно и вздрогнула, когда в траве внезапно застрекотал кузнечик. Однако Мортимер, поглощенный приятными мыслями о предстоящей игре, ничего не замечал.

Он зачерпнул горсть песка, чтобы сделать для жены удобную горку, и вынул мяч из ее сумки. Мортимер подарил ей на свадьбу новенькую сумку для гольфа, шесть дюжин мячей и полный набор самых дорогих клюшек; все шотландского производства.

— Теперь надо мяч — на та...

— Почему — найти? Он еще не потерялся, — ответила она.

Мортимер весело рассмеялся.

— Молодчина, черт возьми! Сама придумала или где прочитала?

Он положил мяч на насыпанный песчаный бугорок и выпрямился:

— Ну-ка, покажи, как играют чемпионы! И тут она разрыдалась.

— Дорогая!

Мортимер подбежал и обнял жену. Она сделала слабую попытку отстраниться.

— Ангел мой, в чем дело?

Она отрывисто всхлипывала, не в силах вымолвить слово.

— Мортимер, я обманула тебя! — сказала она наконец.

— Обманула?

— Я никогда в жизни не играла в гольф! Я даже не умею держать клюшку!

Сердце Мортимера остановилось. Что за околесицу она несет? Не пристало жене заговариваться сразу после медового месяца.

— Любимая, да ты не в себе!

— В себе! В том-то вся проблема. Я — это я, но я не та, за кого ты меня принимаешь.

Мортимер недоуменно смотрел на нее. Тут без карандаша и бумаги не разберешься, мелькнула у него мысль.

— Я не Мэри.

— Но ты же сама сказала, что Мэри.

— Я не говорила. Ты спросил, можно ли называть меня Мэри, и я

сказала, можно. Я так любила тебя, что решила не спорить из-за маленькой причуды. Я уже собиралась сказать, что это не мое имя, но ты прервал меня.

— Не Мэри! — Мортимер наконец осознал страшную правду. — Ты не Мэри Сомерсет?

— Мэри — моя кузина. Меня зовут Мэйбл.

— Но ты сказала, что растянула руку на чемпионате.

— Так и есть. Не удержала крокетный молоток.

— Крокетный? Ты сказала — крокетный?

— Да, Мортимер! Крокетный молоток.

На ее щеках проступил легкий румянец стыда, а в глазах отразилась боль, но она смотрела на него, не отводя взгляда.

— Я чемпионка Открытого первенства по крокету среди женщин, — прошептала она.

Мортимер Стерджис вскрикнул, как раненый зверь.

— Крокет! — Он, задыхаясь, смотрел на нее невидящими глазами. Есть предрассудки, от которых не дано избавиться даже человеку самых широких взглядов. — Крокет!

Воцарилось долгое молчание. Легкий бриз напевал что-то в кронах сосен, кузнечики стрекотали у ног.

Она снова заговорила тихим, бесцветным голосом:

— Я одна виновата. Надо было признаться раньше, пока еще было время разойтись. Тогда, на террасе, залитой лунным светом. Но я потеряла голову, а когда сообразила, за кого ты меня принимаешь, то была уже в твоих объятиях. Тогда я уже поняла, насколько важно для тебя мое предполагаемое искусство в гольфе, но было поздно. Я слишком сильно полюбила тебя и не могла даже думать о разлуке! Я сошла с ума; ведь ясно, что такой обман не может длиться вечно! Рано или поздно ты бы все узнал. Но у меня была отчаянная надежда, что к тому времени мы так сблизимся, что ты сможешь меня простить. Я ошиблась. Есть вещи, которые ни один мужчина простить не может. — И повторила упавшим голосом: — Не может.

Она повернулась и пошла прочь. Мортимер очнулся от транса:

— Стой! Не уходи!

— Я должна.

— Давай поговорим.

Она печально покачала головой и медленно удалилась по зеленой, залитой солнцем лужайке. Вскоре ее фигура исчезла за деревьями. Мортимер смотрел вслед; в голове кружился вихрь беспорядочных мыслей.

Мортимер сел на траву рядом с ти и закрыл лицо ладонями. Какое-то время он не мог думать ни о чем, кроме жесткого удара судьбы. Конец радужным иллюзиям; им не идти вместе по жизни, она не будет с любовью поправлять его стойку или замах, не поможет мудрым советом. Крокет! Он женился на девушке, которая лупит по цветным шарам, чтобы загнать их в воротца. Мортимера Стерджиса передернуло. Сильные мужи тоже страдают.

Однако мало-помалу дурное настроение прошло. Мортимер не знал, сколько оно длилось, но вдруг осознал, что пока он сидит, солнце продолжает светить, а птицы — петь. Тень словно отступила. Сердце загорелось надеждой и оптимизмом.

Он любил ее. Он продолжает ее любить. Она стала его частью, и, что бы она ни сделала, этого не изменить. Да, обманула. Но почему? Потому что любила так сильно, что не могла расстаться. Это хоть что-то да значит, черт возьми!

И потом, бедная девочка, ведь она не виновата. Разве все дело не в воспитании? Может, ее учили играть в крокет с самого детства, когда она еще не отличала добра от зла. Затем, вместо того чтобы в корне пресечь заразу, пустили дело на самотек, и болезнь переросла в хроническую. Разве можно за это винить? Она заслуживает жалости, а не порицания.

Мортимер встал. Его сердце было преисполнено всепрощения. Теперь будущее виделось не ужасным и беспросветным, но ясным и чистым. Еще не поздно. Она молода, намного моложе, чем был он сам, когда начал заниматься гольфом. При хорошем учителе и ежедневных тренировках из нее еще может получиться игрок. Мортимер ворвался в дом, выкрикивая ее имя.

Ответа не последовало. Он вихрем промчался по комнатам. Дом был пуст. Все на месте — мебель, канарейка в клетке, кухарка на кухне, картины на стенах. Но она ушла. Все на месте, кроме жены.

Наконец Мортимер заметил письмо, прислоненное к призовому кубку за состязания с гандикапом. С упавшим сердцем он разорвал конверт.

Это было трагическое письмо, полное безнадежности. Все муки и страдания разбитого женского сердца она попыталась излить на бумагу пером, которое царапало лист через два слова на третье. Суть послания была в том, что она понимает, как дурно поступила; хотя он, может, и простит ее, но она себя простить не может; она уходит от него и пойдет по жизни одна.

Мортимер опустился в кресло и уставился перед собой безжизненным взглядом. Что ж, игра отменяется.

Я сам человек неженатый, и не знаю, что чувствует тот, у кого жена упорхнула в неизвестность. Могу предположить, однако, что это сродни ощущению, когда изо всех сил размахнешься «медяшкой» — и промажешь по мячу. Думаю, покинутого мужа должны обуревать возмущение, досада, чувство оставленности. Можете представить, как потряс этот случай Мортимера Стерджиса. Меня тогда не было поблизости, но те, кто общался с ним, рассказывали, что играть он стал из рук вон плохо.

Мортимер никогда не обещал стать первоклассным гольфистом, но все же освоил парочку ударов на очень приличном уровне. Например, он совсем неплохо управлялся с легким айроном и очень уверенно работал с паттером. Теперь, после несчастья, он скатился к первоначальному уровню. Больно было смотреть, как Мортимер — исхудавший, с измученным, равнодушным взглядом из-за очков, стоит у ти и не может попасть по мячу несколько раз кряду. Казалось, он научился бить в правильном направлении, однако теперь его мячи снова стали отклоняться вправо, да так, что к списку естественных преград поля впору было добавлять ящик с песком на стартовых площадках. Те мячи, что не отклонялись вправо, уходили влево. Я слышал, как-то раз у шестой лунки он попал мячом в кэдди, который стоял сзади. Про глубокую песчаную ловушку перед седьмым грином и говорить нечего — он в ней столько возился, что члены комитета уже подумывали, не пора ли взять с него небольшую еженедельную арендную плату.

Человек состоятельный, он жил в то время на сущие гроши. Довольно много уходило на мячи для гольфа, но львиную долю дохода он тратил на поиски жены. Мортимер давал объявления во все газеты. Он нанял частных сыщиков. Он даже, переборов отвращение, побывал на всех крокетных матчах страны. Среди игроков ее не было. Думаю, это в какой-то мере его утешило: значит, где бы она ни была и что бы ни делала, она не пала еще ниже.

Прошло лето, миновала осень. Настала зима. Дни стали мрачными и холодными, выпал необычно ранний и обильный снег, и про гольф пришлось забыть. Мортимер проводил все время дома, мрачно глядя в окно на укрывшее землю белое покрывало.

Наступил канун Рождества.

Молодой человек беспокойно заерзал в кресле. Его лицо вытянулось и помрачнело.

— Душераздирающая история, — сказал он.

— Еще бы, — согласился старейшина.

— Послушайте, — твердо произнес молодой человек, — скажите честно, как мужчина мужчине. Мортимер нашел ее мертвой и занесенной снегом, а на ее лице застыла еле заметная, такая знакомая ему милая улыбка? Если так, то я пойду домой.

— Ничего подобного, — возразил старейшина.

— Правда? Вы не огорошите меня такой концовкой?

— Нет-нет!

Молодой человек облегченно вздохнул.

— Вы сами начали про белое покрывало, вот я и заподозрил неладное.

Мудрый Наставник продолжил:

— Был Рождественский сочельник. Весь день валил снег, и к вечеру землю устлал глубокий белый покров. Мортимер Стерджис, скромно поужинав (потеряв жену, и к тому же не имея возможности играть в гольф, он лишился аппетита), сидел в гостиной и уныло полировал свой джиггер. Вскоре, устав от этого привычного занятия, он отложил клюшку в сторону и подошел к двери посмотреть, не ожидается ли оттепель. Увы, нет. Морозило; снег громко скрипел под ногами; черное небо блестело холодными звездами. Надо скорее собираться и ехать на юг Франции, подумал Мортимер, и уже хотел закрыть дверь, как вдруг ему послышался слабый и далекий голос:

— Мортимер! Неужели показалось?

— Мортимер!

Он затрепетал с головы до пят. Это не ошибка. Он слышал голос; такой знакомый голос жены доносился откуда-то от садовой калитки. По голосу всегда непросто определить расстояние, но Мортмер оценил его как два удара: короткий мэши-нибликом и совсем легкий патт.

В следующий миг он уже со всех ног бежал по заснеженной тропинке. Вдруг его сердце замерло. Что это там, темное, на земле у калитки? Мортимер приблизился и протянул руки. Это было тело человека. Дрожащими пальцами он зажег спичку, но она тут же потухла, зажег вторую — тоже потухла. Третья разгорелась ярким огнем. Склонившись, Мортимер увидел жену. Она лежала, холодная и окоченевшая, и на ее лице застыла еле заметная, такая знакомая ему милая улыбка.

Молодой человек решительно встал и взял свою сумку для гольфа.

— На мой взгляд, это подлый прием, — сказал он. — Вы же обещали...

Мудрый Наставник жестом указал ему на кресло:

— Не бойтесь! Она просто упала в обморок.

— Вы сказали, что она была холодной.

— А вы бы не были, лежа на снегу?

— И окоченевшей.

— Миссис Стерджис окоченела из-за отвратительной работы железнодорожного транспорта. Были праздники, и ей пришлось идти пешком от самой станции — целых восемь миль. Присядьте, и дайте мне дорассказать.

С нежным благоговением Мортимер поднял ее и понес дому. На полдороге он поскользнулся на обледеневшей тропинке и упал, ободрав голень и выронив на снег свою

драгоценную ношу.

От падения она пришла в себя.

— Мортимер, дорогой!

С губ Мортимера уже готово было что-то сорваться, но он вовремя сдержался.

— Ты жива? — спросил он.

— Да, — ответила она.

— Слава Богу! — сказал Мортимер, выбирая снег из-под воротника.

Они вошли в дом и прошли в гостиную, где долго молча смотрели друг на друга.

— Гадкая погода! — сказал Мортимер.

— Да, точно!

Молчание было нарушено. Они бросились друг другу в объятия. Вскоре супруги уже сидели на диване, держась за руки, словно ужасная разлука была не более чем сном.

Мортимер первым напомнил про неприятный случай.

— Знаешь, по-моему, тебе не следовало исчезать таким образом, — сказал он.

— Я думала, ты меня ненавидишь.

— Ненавижу тебя! Я люблю тебя больше жизни! Да я бы скорее дал разбить в щепки свой самый любимый драйвер, чем лишился тебя!

Она затрепетала.

— Дорогой!

Мортимер погладил ее руку.

— Я вернулся домой, чтобы сказать, что все равно люблю тебя. Я хотел предложить, чтобы ты брала уроки гольфа у хорошего специалиста. А ты ушла!

— Я не стоила тебя, Мортимер!

— Ангел мой! — Он поцеловал ее, и торжественно произнес: — Эта история преподнесла мне хороший урок. Я знал, и знаю теперь, что ты — единственная нужна мне. Только ты! Неважно, играешь ты в гольф или нет. Пусть... — Он заколебался на миг, но мужественно продолжил: — Пусть даже ты играешь в крокет. Только будь со мной!

Она, тая от восторга, поцеловала его. Затем поднялась:

— Мортимер, посмотри.

— На что?

— На меня. Просто посмотри!

Рядом на кресле лежал недополированный джиггер. Она взяла его, вынула новенький мяч из чаши на камине, положила на ковер и, издав предупредительный возглас, направила мяч напрямик в стекло буфета.

— Боже милостивый! — воскликнул восхищенный Мортимер.

Она обернулась, сияя очаровательной улыбкой.

— Когда я ушла, Морти, у меня была единственная цель в жизни — стать достойной тебя. Я читала твои объявления. Как мне хотелось ответить! Но я была не готова. Весь этот долгий, мучительный срок я жила в деревне Охтермухт, в Шотландии, и училась гольфу у Таммса Маквереска.

— Неужели у того самого Таммса Маквереска, который занял четвертое место в чемпионате 1911 года? Он еще сделал лучший удар, играя в 1912 году в паре с Джо Маккилтом против Энди Макпледа и Сэнди Макберета?

— Да, Мортимер, у того самого. Как было трудно поначалу! Как я тосковала по крокетному молотку, как долго я не могла бросить привычку придерживать мяч ногой или бить носком клюшки. Если взгляд падал на столб с указателем, клюшка сама направляла к нему мяч. Но я преодолела собственную слабость. Я тренировалась без устали. Теперь мистер Маквереск говорит, что мой гандикап никак не более двадцати четырех на любом поле. — Она виновато улыбнулась. — Конечно, для тебя это не Бог весть что. У тебя был двенадцать, когда я ушла, а теперь, наверное, все девять или лучше.

Мортимер качнул головой.

— Увы, нет, — печально ответил он. — Вся игра пошла насмарку в силу ряда причин, и теперь у меня тоже двадцать четыре.

— Ряд причин! — воскликнула она. — Уж я-то знаю, что это за причины! Нет мне прощения. Из-за меня ты разучился играть!

Глаза Мортимера засветились. Он нежно обнял жену.

— Не упрекай себя, — ласково сказал он. — Отныне мы начинаем

игру на равных. Два сердца стучат в унисон; две клюшки бьют, как одна!
Лучше и быть не может. Черт возьми! Как у Теннисона.

И он негромко продекламировал:

...Невеста,
Жена, судьба. С тобой, в руке рука,
Пройдем сие гольф-поле до конца,
Через дикие ловушки из песка,
Что не извели досель ни ты, ни я.
Вставай, у нас ведь гандикап один.
Дай руку мне. Доверься мне. Иди. [\[75\]](#)

Она взяла его за руку.

— А теперь, Морти, дорогой, — сказала она, — я хотела бы рассказать, как сыграла длинную двенадцатую в Охтермухте на один ниже пара.

ДЛИННАЯ ЛУНКА

Молодой человек в курительной гольф-клуба со страдальческим видом набивал трубку.

— Вот уж кто сидит у меня в самых печенках, — взорвался вдруг он, прервав тишину, стоявшую уже несколько минут, — всякие крючкотворы-законники. Да их и близко к полю подпускать нельзя!

Старейшина задумчиво оторвался от чашки чая и пирога с тмином и приподнял седые брови.

— Юриспруденция, — изрек он, — уважаемая профессия. Зачем же лишать ее представителей удовольствия от благороднейшей из игр?

— Юристы здесь ни при чем, — ответил молодой человек, немного смягчившись под благотворным действием табака. — Я говорю о типах, готовых променять свою лучшую клюшку на свод правил. Есть такие зануды. Только выиграешь лунку, а они тут как тут — откапывают Правило восемьсот пятьдесят три, раздел два, параграф четыре и засчитывают тебе поражение за плохо остриженные ногти! Вот, я сегодня, — в голосе молодого человека зазвенели жалобные нотки, — играл самый обыкновенный дружеский матч с Хемингуэем, знаете такого? И на кону-то стоял всего-навсего мяч для гольфа. Так на седьмой лунке этот умник заявил что лунка его, поскольку, я, видите ли, уронил ниблик в bunker. Ну не кровопийца? Мудрец покачал головой.

— Правила есть правила, мой мальчик, их следует соблюдать. Странно, что вы заговорили об этом, поскольку как раз перед вашим приходом мне вспомнился один довольно занятный матч, судьба которого не могла решиться без тщательного изучения правил. Правда, так случилось, что приз все равно никому не достался. Впрочем, лучше рассказать все с самого начала.

— Э-э... знаете, у меня сегодня и без того... — молодой человек заерзал на стуле.

— Я бы назвал эту историю, — невозмутимо продолжил мудрец, — «Длинная лунка», потому что речь пойдет, на мой взгляд, о розыгрыше самой длинной лунки в истории гольфа. Начало, возможно, напомнит вам один из моих рассказов о Питере Уилларде и Джеймсе Тодде, однако вы увидите, что потом все будет по-другому. Ральф Бингем...

— Я обещал зайти к одному человеку...

— ...но начнем, — ответил мудрец, — вижу, вам не терпится узнать

подробности.

Ральф Бингем и Артур Джукс всю жизнь недолюбливали друг друга, хотя их соперничество было слишком острым, чтобы признать это. Однако с появлением Аманды Трайвет тлеющие угли неприязни вспыхнули ярким пламенем настоящей вражды. Впрочем, так бывает всегда. Не помню, у какого поэта, в произведении, название которого выветрилось из памяти, есть чудесные строки, которые я позабыл. Так вот, они прекрасно передают самую суть этой старой как мир истории. Смысл их в том, что стоит где-нибудь появиться прекрасной женщине, жди беды. После того как Аманда поселилась в наших местах, находиться в одной комнате с Артуром и Ральфом было все равно, что присутствовать на встрече Монтекки и Капулетти.

Видите ли, Ральф и Артур не знали себе равных на поле для гольфа. В последнее время их жизнь превратилась в безмолвную жестокую борьбу. То Ральф выигрывал турнир в мае с преимуществом в один удар, то Артур вырывался вперед в июне, чтобы на июльских состязаниях вновь уступить какую-нибудь малость. Люди более благородной закалки, несомненно, испытывали бы в этих обстоятельствах взаимное уважение и даже любовь. Тем не менее, как ни прискорбно это признавать, несмотря на выдающееся по местным меркам мастерство в гольфе, Ральф Бингем и Артур Джукс были довольно жалкими личностями, хотя и не лишенными внешнего обаяния. Поэтому, едва приехала Аманда Трайвет, они только поправили галстуки и подкрутили усы, полагая, что благосклонность Аманды не заставит себя ждать.

Однако молодых людей ждало разочарование. Девушка была исключительно приветлива, но глаза отнюдь не горели любовью. Недолго думая, оба независимо пришли к разгадке этой тайны. Было совершенно очевидно, что они сводят на нет достоинства друг друга. Если бы не Ральф, думал Артур, давно можно было бы рассылать свадебные приглашения. В свою очередь, Ральф считал, что если бы ему удалось навестить мисс Трайвет как-нибудь вечером, да чтобы под ногами не путался Артур, он с присущим ему природным обаянием сразу же добился бы своего. В самом деле, конкурентов у них не было. Вудхэвен в то время не был богат подходящими холостяками. Женятся у нас здесь рано, и все возможные претенденты уже нашли пары. Казалось, если Аманда желает выйти замуж, ей остается лишь обратить взор на Ральфа Бингема или Артура Джукса. Жестокий выбор.

Я тогда и представить не мог, что сыграю в той истории не последнюю роль. И все же в решающую минуту Ральф пришел именно ко

мне. Однажды вечером, вернувшись домой, я обнаружил, что мой слуга проводил его в гостиную и оставил на каминном коврике.

Я предложил ему стул и сигару, и Ральф с похвальной сноровкой перешел к делу.

— Ли, — сказал он, раскурив сигару, — слишком тесен для нас с Артуром Джуксом.

— Так, значит, вы все обсудили и решили покинуть наши края? — обрадовался я. — Вы совершенно правы, Ли явно перенаселен. Вам с Джуксом нужен простор. Когда уезжаете?

— Я не уезжаю.

— Но вы вроде сказали...

— Я имел в виду, что одному из нас пришло время уехать.

— Ах, только одному? — тоже неплохо, но, признаюсь, я был разочарован, и, наверное, мне не удалось это скрыть. Артур удивленно посмотрел на меня.

— Надеюсь, вы не расстроитесь, если не увидите больше Джукса?

— Конечно, нет. А он и впрямь уезжает?

— Уезжает. Он, может, так и не думает, но это точно, — на лице Ральфа отразилась угрюмая решительность.

Я ничего не понял, и так прямо и сказал. Ральф осторожно окинул взглядом комнату, словно желая удостовериться, что его не подслушивают.

— Думаю, вы заметили, — сказал он, — как этот тип гадко увивается вокруг мисс Трайвет, надоедая ей до смерти?

— Я иногда видел их вместе.

— Я люблю Аманду Трайвет! — заявил Ральф.

— Бедная девушка, — вырвалось у меня.

— Простите?

— Бедная девушка! Ведь Артур Джукс увивается вокруг нее.

— Вот и я так думаю, — сказал Ральф Бингем. — Поэтому мы сыграем матч.

— Какой матч?

— Матч, который мы сыграем. Я прошу вас быть судьей. Будете сопровождать Джукса и следить, чтобы не мошенничал. Вы же его знаете! А в таком состязании, когда решается вопрос жизни и смерти...

— На что же вы играете?

— На весь мир!

— Как вы сказали?

— Весь мир. Такова ставка. Проигравший покинет Ли навсегда, а победитель останется и женится на Аманде Трайвет. Мы все обговорили.

Меня сопровождает Руперт Бейли, он будет вторым судьей.

— И вы хотите, чтобы я обошел все поле с Джуксом?

— Не обошел. Прошел.

— Разве есть разница?

— Мы не станем играть весь круг из восемнадцати лунок. Все решится на единственной.

— Вот как, правило внезапной смерти?

— Не слишком внезапной. Лунка получится длинноватой. Мы стартуем от клуба, а лунка будет в городе, у входа в отель «Мажестик» на Роял-сквер. Миль шестнадцать, думаю, выйдет.

Я был возмущен. В то время клуб захлестнула эпидемия потешных матчей, и я решительно не одобрял их. Начало положил Джордж Уиллис. Он сыграл раунд с местным профессионалом, причем Джордж проходил только первые девять лунок, а его соперник — все восемнадцать. Затем состоялся матч между Гербертом Видженом и Монтегю Брауном, в течение которого Браун, имевший гандикап двадцать четыре, имел право трижды проорать под руку сопернику: «Мазила!» Были и другие позорные профанации священной игры, о которых и сейчас вспоминать противно. По мне, играть потешные матчи в гольф — все равно, что издеваться над великолепной классической мелодией. Однако то, что я услышал от Бингема, показалось мне самым возмутительным, особенно, если принять во внимание романтический интерес и размеры ставки. Наверное, мои чувства отразились на лице, потому что Бингем начал оправдываться.

— Другого пути нет, — сказал он. — Вы же знаете, в гольфе мы с Джуксом совершенно на равных — ближе не бывает. Конечно, ему просто чертовски везет. Он же чемпион мира по удаче. Зато от меня фортуна всегда отворачивается. Поэтому исход обычного матча для нас — просто лотерея. Испытание же, которое предлагаем мы, не оставляет места случайности. После шестнадцати миль я... то есть, сильнейший наверняка выйдет вперед. Вот почему я говорю, что Артуру Джуксу вскоре придется убраться из Ли. Полагаю, вы согласитесь быть судьей?

Я задумался. Матч обещал сделаться историческим, а что может быть заманчивее перспективы навсегда оставить свое имя в памяти благодарных потомков.

— Хорошо, — ответил я.

— Замечательно! Полагаю, не нужно напоминать, что за Джуксом нужен глаз да глаз. Обязательно возьмите книжку с правилами — вдруг что-нибудь забудете. Начнем на рассвете, иначе к концу игры на той стороне маршрута будет слишкомлюдно, а мы хотели бы избежать

ненужной огласки. Представляете, что будет, если мой мяч вдруг попадет в полисмена? Боюсь, это вызовет комментарии.

— Пожалуй, и я даже знаю какие.

— Возьмем велосипеды, чтобы не устать в пути. Рад, что вы согласились отправиться с нами. Встречаемся завтра на рассвете у клуба, и не забудьте прихватить правила.

Поутру я прибыл к месту встречи и отметил, что атмосфера сильно напоминает старые времена, когда споры разрешались на дуэли при помощи шпаг и пистолетов. Лишь Руперт Бейли, мой старый друг, не унывал. Я по утрам вообще редко бываю бодр и весел, а соперники свирепо смотрели друг на друга с молчаливым презрением. Оказывается, такие ядовитые взгляды бывают не только в кино. «Тьфу на тебя!» — читалось в их глазах.

Они разыграли право первого удара. Бить выпало Джуксу, и он мастерски послал мяч далеко вперед. Следом Ральф Бингем поставил мяч на ти и обратился к Руперту Бэйли.

— Идите вперед по семнадцатому фервею, — сказал он, — и проследите, куда упадет мяч.

— По семнадцатому?! — удивился Руперт.

— Я буду бить туда, — ответил Ральф, указывая за деревья.

— Но ваш второй или третий удар угодит в озеро!

— Я подумал об этом. На берегу у шестнадцатого грина приготовлена плоскодонка. С помощью мэши-ниблика я загоню мяч внутрь, переплыву на другой берег, выбью его и продолжу. Если доплыву до Вудфилда, то сэкономлю пару-другую ударов.

Я так и ахнул. Какая дьявольская изворотливость! Неплохое стартовое преимущество. Артур послал мяч прямо к шоссе, которое проходило по пустырю за первым грином; он намеревался пройти обычным путем вдоль дороги и дойти до моста. Ральф же тем временем срежет угол. У Артура нет шансов воспользоваться оружием противника — между его мячом и семнадцатым фервеем болото. Если даже он чудом пройдет его, то где взять лодку?

Артур яростно запротестовал. Неприятный молодой человек, почти такой же неприятный — хоть и трудно в это поверить, — как Ральф Бингем. Однако в ту минуту я, признаться, сочувствовал ему.

— Это еще что? — воскликнул он. — Не слишком ли вольно ты трактуешь правила?

— О каком правиле речь? — холодно поинтересовался Ральф.

— Эта твоя плоскодонка — препятствие, верно? Ты же не можешь

путешествовать по воде на препятствии.

— Почему нет?

Простой вопрос поставил Артура в тупик.

— Почему? То есть, как почему? Потому что нельзя! Вот почему.

— В правилах ничего не сказано, — заявил Ральф Бингем, — о том, что препятствие запрещено перемещать. Если можно его передвинуть, не сместив при этом положения мяча, двигай на здоровье. И вообще, что ты мелешь про препятствия? Кто может запретить мне кататься на лодке? Спроси любого доктора, он решительно одобрит утреннюю греблю. Я просто хочу переплыть через протоку, а если в лодке оказался мяч, то при чем здесь я? Главное — не смещать его и играть с того места, где он лежит. Или я не прав, что мяч играют с того места, где он лежит?

Мы признали, что прав.

— Вот и прекрасно, — сказал Ральф Бингем. — Не будем терять времени. Ждем вас в Вудфилде.

Мяч красиво пролетел над деревьями и скрылся где-то неподалеку от семнадцатой лунки. Мы с Артуром спустились с холма для второго удара.

Так уж устроена душа человека — даже будь вы совершенно равнодушны к исходу состязания, все равно болеете за кого-то. В начале этой затеи я был совершенно беспристрастен. Какая мне разница, кто выиграет? Жаль, что оба не могут проиграть. Но события развивались так, что мои симпатии целиком перешли на сторону Джукса. Не скажу, что Артур мне нравился. Мне претили его манеры, лицо, цвет галстука. И все же было что-то в упрямстве, с которым он шел к цели, несмотря на трудности. Немногие сохранили бы хладнокровие, столкнувшись на старте с такой хитростью, но Артур не опустил рук. Несмотря на все недостатки, он оказался настоящим гольфистом. В угрюмом молчании, за двадцать семь ударов, он выбил мяч через раф к шоссе и оттуда начал нелегкое путешествие.

Стояло прекрасное утро. Я ехал на велосипеде, отечески приглядывая за Артуром. Пожалуй, первый раз в жизни мне удалось по-настоящему оценить изысканные строки Кольриджа:

И плоская обыденность явлений

В рассветном озаренье представала... [\[76\]](#)

И впрямь, все казалось таким таинственно прекрасным в прозрачном воздухе, даже пестрые мосты Артура Джукса, которые я раньше терпеть

не мог. Когда Артур наклонялся, чтобы выполнить очередной удар, солнце поблескивало на задней части его брюк, и была в этом какая-то радость и даже поэзия. В кустарнике вдоль дороги весело щебетали птицы и от этой благодати я тоже затянул было песню, но Артур раздраженно попросил меня умолкнуть. Он заявил, что вообще-то с удовольствием слушает, как другие подражают голосам домашних животных, но сейчас не время — я, мол, мешаю сосредоточиться. До Бэйсайда мы добрались молча, и вскоре подошли к отрезку дороги, ведущей к железнодорожной станции и спуску на Вудфидд.

Артур продвигался неплохо — удары были хоть и не очень длинные, зато прямые, а это куда важнее. После того как мы миновали Литтл-Хэдли, в нем разыгралось честолюбие, и он решил ударить «медяшкой». Результат оказался катастрофическим: пятьдесят третий удар срезался, и мяч угодил в раф справа от дороги. Артуру пришлось потратить десять ударов ниббликом, чтобы выбраться оттуда. Это происшествие научило его осторожности.

С тех пор он бил только паттером и без каких-либо затруднений прошел до самого Бэйсайда. Лишь раз мяч застрял на железнодорожном переезде на вершине холма.

У спуска, что ведет к главной улице Вудфидда, Артур остановился.

— Пожалуй, здесь снова можно попробовать «медяшкой», — сказал он. — Мяч лежит прекрасно.

— Благоразумно ли это? Артур посмотрел вниз.

— Я подумал, что мог бы как следует попасть мячом в этого типа Бингема. Вон он стоит, прямо посреди фервея.

Я проследил за взглядом Артура. Так и есть, стоит, опершись о велосипед, курит сигарету. Даже на таком расстоянии видна его отвратительно самодовольная физиономия. И Руперт Бейли тут же, изнуренный, уселся на земле, прислонившись к двери вудфиддского гаража. Руперт всегда любил чистоту и опрятность, а прогулка по пересеченной местности явно не пошла ему на пользу. Казалось, что он соскребает с лица грязь. Позже выяснилось, что неподалеку от Бэйсайда Руперт свалился в канаву.

— Нет, — сказал, поразмыслив, Артур. — Осторожность прежде всего. Продолжу паттером.

Вскоре мы спустились с холма и встретились с соперником. Я не ошибся, говоря о самодовольной физиономии Ральфа Бингема. Он прямо-таки ухмылялся во весь рот.

— Играю триста девяносто шестой, — сообщил он, едва мы

подошли. — А как у вас?

— У нас кругленький счет в семьсот одиннадцать, — сказал я, заглянув в карточку.

Ральф открыто торжествовал. Руперт Бейли молчал — был слишком занят очисткой собственной персоны от илистых отложений.

— Может, сдашься? — предложил Ральф.

— Ха! — ответил Артур.

— А пора бы.

— Хм! — ответил Артур.

— Тебе не выиграть.

— Пфу! — ответил Артур.

Конечно, Артур мог быть более красноречив, но он переживал трудные времена.

Руперт Бейли робко подошел ко мне.

— Я уйду домой, — сообщил он.

— Еще чего, — ответил я. — У тебя официальные полномочия. Ты на посту. Да и что может быть прелестней утренней прогулки?

— Черт бы побрал эту прелестную утреннюю прогулку! — раздраженно ответил Бейли. — Я хочу назад, к цивилизации. На мне уже можно делать раскопки!

— У тебя слишком мрачный взгляд на вещи. Подумаешь, немного запылится.

— Да я был похоронен заживо! Ладно, это еще ничего. Но терпеть Ральфа Бингема выше моих сил.

— А что Ральф? Плохая компания?

— Компания! Я с третьей попытки выбираюсь из канавы, а что делает этот тип? Зовет полюбоваться на его чертов удар «железкой»! Ни капли сочувствия! Только о себе и думает. Упроси своего сдаться. Ему не выиграть.

— Не принимается. Мало ли что произойдет до Роял-Сквер.

Никогда еще пророчество не исполнялось так быстро. Внезапно дверь вудфиддского гаража распахнулась, и выехал небольшой автомобиль. За рулем сидел чумазый молодой человек в свитере. Он отогнал машину на дорогу, вылез и вернулся в гараж. Там он начал кричать на кого-то — слов мы не разобрали, а автомобиль тем временем урчал и пыхтел у тротуара.

Я был увлечен разговором с Рупертом Бейли, поэтому не придавал значения тому, что мир потихоньку просыпается. И тут раздался хриплый победный вопль Артура Джукса. Обернулся — а его мяч лежит прямехонько в кабине. Сам Артур стоит, размахивая ниббликом, и

приплясывает посреди фервея:

— Что вы теперь скажете о движущихся препятствиях? Тут вышел молодой человек в свитере с гаечным ключом.

Артур подскочил к нему:

— Пять фунтов, если довезете меня до Роял-Сквер, — сказал он.

Не знаю, каковы были планы молодого человека на то утро, но я поразился услужливости и быстроте, с которой прошел их пересмотр. Думаю, вы тоже замечали, что здоровый крестьянский дух нашей любимой родины откликается на предложение пяти фунтов как на зов боевой трубы.

— Садитесь, — сказал молодой человек.

— Прекрасно! — воскликнул Джукс.

— Каков умник, — проговорил Ральф Бингем.

— Да, я такой, — ответил Артур.

— Тогда, может, расскажешь, как собираешься выбить мяч из машины, когда приедешь на место?

— Разумеется, — ответил Артур. — Сбоку на автомобиле, ты можешь заметить чрезвычайно удобную ручку. Если ее повернуть, откроется дверь. Один удар — и мяч снаружи.

— Понятно, — проговорил Ральф, — а я и не подумал.

Что-то странное слышалось в голосе, когда он произносил эти слова. Какая-то подозрительная кротость, словно в рукаве припрятан козырь. Артур нетерпеливо позвал меня, и мы поехали. Он был в превосходном расположении духа. Водитель заверил, что эта машина — его собственная, что у соперника нет шансов нанять другой автомобиль, а у того, что остался в гараже, серьезная проблема с маслом, и быстрее чем за день его не починить.

Он перечислял наши преимущества, а я качал головой и думал о Ральфе.

— Не нравится мне это, — сказал я, наконец.

— Не нравится — что?

— Поведение Ральфа.

— Оно никому не нравится. Все только и делают, что жалуются.

— Да нет, когда вы рассказывали, как выбьете мяч из машины.

— А что?

— Как-то он чересчур... ха!

— Что значит чересчур ха?

— Я понял!

— Что?

— Вы в ловушке. То-то он промолчал, когда вы сказали, что откроете

дверь и выбьете мяч. Если вы это сделаете, вы проиграли.

— Ерунда! Почему?

— Потому, что это против правил — изменять преграду, — ответил я. — Если, например, вы попали в бункер, то не можете разглаживать песок. Если попали под деревце, ваш кэдди не должен придерживать на нем ветки. Если тронете дверь, вы дисквалифицированы.

Челюсть Артура отвисла.

— Черт! Тогда как же мне его выбить?

— Это, — сурово ответил я, — должно решиться между вами и Создателем.

И тут Артур сказал такое, что я потерял к нему остатки уважения. В его глазах появился хитрый, зловещий огонек.

— Послушайте, — предложил он, — они догонят нас не раньше чем через час. Предположим, в это время дверь случайно откроется, как раньше, и снова закроется? Ведь об этом не обязательно упоминать, верно? Вы будете добрым малым и придержите язык, правда? И подтвердите, что я выбил мяч с помощью...

До чего гадко.

— Я гольфист, — ответил я, — и чту правила.

— Да, но...

— Правила эти ввел... — Я почтительно приподнял шляпу —... Королевский гольф-клуб. Я всегда соблюдал их, и в данном случае не поступлюсь жизненными принципами.

Артур Джукс приумолк. Лишь раз он нарушил молчание, когда мы переезжали мост на Вест-Стрит. Он спросил, неужели я ему не друг. На этот вопрос мне совсем не трудно было дать чистосердечный и отрицательный ответ. Вскоре машина подъехала к отелю «Мажестик» на Роял-Сквер.

Несмотря на ранний час, в центре города уже царил некоторое оживление. Человек в костюме для гольфа, отчаянно орудующий ниббликом в салоне автомобиля, не может не привлечь толпу зевак. Ее возглавляли трое мальчишек-рассылных, четыре машинистки и джентльмен в вечернем костюме, у которого (а может, у его знакомых) явно имелся обширный винный погреб. К тому времени, как Артур бил девятьсот пятидесятый, подтянулись шесть разносчиков газет, одиннадцать уборщиц и, наверное, дюжина бездельников неопределенного рода занятий. Все с живым интересом обсуждали, какая именно психиатрическая лечебница имела честь приютить Артура, пока тот не исхитрился обмануть бдительность стражей.

Оказалось, Артур подготовился к подобным неожиданностям. Он отложил клюшку, вынул из кармана огромный плакат и прикрепил его к автомобилю. Надпись гласила:

МАККЛУРГ И МАКДОНАЛЬД
«ВСЕ ДЛЯ ГОЛЬФА»
ЖДЕМ ВАС ПО АДРЕСУ
ВЕСТ-СТРИТ, 18

Знание человеческой психологии не подвело. Сделав вывод, что Артур что-то рекламирует, толпа категорически отказалась на него смотреть и мгновенно растаяла. Артур продолжил упражнения в одиночестве.

После тысяча сто пятого удара — прекрасного, мощного удара ниббликом, — когда Артур прервался на заслуженный отдых, с Бридл-Стрит прикатился изрядно побитый мяч. За ним по порядку следовали Ральф Бингем, едва не падая от усталости, но с решительным видом, и Руперт Бейли на велосипеде. Грязь на Руперте засохла, и он имел чрезвычайно экзотический вид.

— Сколько у вас? — поинтересовался я.

— Тысяча сто, — ответил Руперт. — Мы нарвались на случайную собаку.

— Случайную собаку?

— Да, прямо перед мостом. Все шло хорошо, и вдруг какой-то бродячий пес схватил мяч на девятьсот девяносто восьмом и утащил его назад, к самому Вудфилду. Пришлось играть заново. А как у вас?

— Только что сыграли тысяча сто пятый. Прекрасная игра, идем на равных. — Я посмотрел на мяч Ральфа у тротуара. — По-моему, вы дальше от лунки. Ваш удар, Бингем.

И тут Руперт Бейли предложил позавтракать. Ну и неженка! Одно название, а не гольфист.

— Завтрак? — воскликнул я.

— Завтрак, — твердо ответил Руперт. — Если вы не знаете что это, я обучу вас за полминуты. Для этой игры нужны кофейник, нож, вилка и полцентнера яичницы. Попробуйте, вам понравится.

К моему изумлению, Ральф Бингем поддержал предложение. Я-то думал, что за миг до победы его уже ничто не остановит. Но он с радостью согласился отложить игру.

— Завтрак, — сказал он, — замечательная идея. Начинайте я сейчас присоединюсь, только куплю газету.

Мы вошли в отель, а через несколько минут подошел Ральф. Признаюсь, когда я сел за стол, идея перекусить уже не казалось мне такой плохой. Я нагулял аппетит, и некоторое время официант без передышки носил мне яичницу. Вскоре мы насытились, и я предложил двинуться. Не терпелось завершить матч и отправиться домой.

Мы вышли из отеля. Артур шествовал впереди. Когда я вышел, то увидел, что он стоит как громом пораженный, озираясь по сторонам.

— В чем дело? — спросил я.

— Исчез!

— Кто?

— Автомобиль!

— Ах, автомобиль? — проговорил Ральф Бингем. — Не волнуйся, все в порядке. Я разве не сказал? Я только что купил его, а водителя нанял личным шофером. Давно мечтал приобрести. Человек должен иметь автомобиль.

— Где он? — беспомощно, как в бреду, пробормотал Артур.

— Точно не скажу, — ответил Ральф. — Я приказал водителю ехать в Глазго. А в чем дело? Ты хотел ему что-то сказать?

— Но внутри мой мяч!

— Вон оно что, — протянул Ральф. — Да, не повезло. Ты хочешь сказать, что до сих пор не смог его выбить? Неприятное положение. Боюсь, ты проиграл матч.

— Проиграл?

— Определенно. Об этом четко написано в правилах. На каждый удар отпущено пять минут. Игрок, не сумевший произвести удар в течение указанного срока, считается проигравшим лунку. Сожалею, но это как раз твой случай!

Артур опустился на тротуар и закрыл лицо руками. Сломленный человек. Должен признаться, я опять пожалел его. Мужественно идти до конца — и в итоге потерпеть такое поражение!

— Играю тысяча сто первый, — объявил Ральф Бингем гнусным самодовольным голосом и весело рассмеялся. Рядом остановился мальчишка-рассыльный, серьезно наблюдая за происходящим. Ральф Бингем потрепал его по голове.

— Ну, сынок, — промолвил он, — а какой бы клюшкой воспользовался ты?

Артур Джук подскочил:

— Требую признать мою победу! — воскликнул он. Ральф холодно взглянул на него:

— Простите?

— Требую признать мою победу! — повторил Артур. — Правила гласят, что игрок, испрашивающий совета у кого-либо, кроме кэдди, считается проигравшим лунку.

— Чушь! — сказал побледневший Ральф.

— Я обращаюсь к судьям.

— Мы поддерживаем заявление, — сказал я после короткой консультации с Рупертом Бейли. — Правило достаточно ясное.

— Но ты уже проиграл! Ты не ударил в течение пяти минут.

— Тогда была не моя очередь. Ты стоял дальше от лунки.

— Хорошо, теперь твоя. Играй! Посмотрим на твой удар.

— Какой смысл? — хладнокровно ответил Артур. — Ты уже дисквалифицирован.

— Требую признать ничью!

— Не согласен.

— Обращаюсь к судьям.

— Хорошо, пусть решат судьи.

Мы обсудили вопрос с Рупертом Бейли. По моему мнению, заключение Артура было правильным. Но Руперт, хотя и хороший друг, от природы порядочный олух. Он считал иначе. Мы не пришли к согласию и вернулись к нашим подопечным ни с чем.

— Это смешно, — сказал Ральф Бингем. — Надо было взять трех судей.

И тут из отеля выходит — кто бы вы думали? — Аманда Трайвет! Прямо-таки театральное совпадение.

— Мне кажется, — говорю, — лучше всего доверить решение мисс Трайвет. Лучшего судьи не сыскать.

— Не возражаю, — согласился Артур Джукс.

— Подходит, — поддакнул Ральф Бингем.

— Вот так встреча, что это вы тут делаете с клюшками? — удивленно воскликнула девушка.

— Эти джентльмены, — объяснил я, — играют матч, и возник спорный вопрос, по которому судьи не могут прийти к согласию. Нам нужно стороннее, непредвзятое мнение. Мы просим вас решить. Факты таковы...

Аманда Трайвет внимательно выслушала и покачала головой.

— Боюсь, я не так хорошо знаю правила, чтобы принимать такие решения, — ответила она.

— Остается запросить Королевский клуб, — сказал Руперт Бейли.

— Я знаю, кто поможет, — подумав, сообщила Аманда.

— Кто же?

— Мой жених. Он как раз вернулся из отпуска. Потому-то я и здесь — встречаю его. Он заядлый гольфист. Буквально позавчера взял медаль на состязаниях в Малой Грязевичной Пустоши.

Повисло напряженное молчание. Я деликатно отвел взгляд от Ральфа и Артура. Тишину нарушил громкий треск — это Ральф Бингем сломал мэши-ниблик об колено. Следом издал сдавленный икающий звук Артур.

— Так что, позвать его? — переспросила Аманда.

— Не стоит беспокоиться, — ответил Ральф Бингем.

— Это не так важно, — поддакнул Артур Джукс.

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА

Взгляд молодого человека, что потягивал имбирный лимонад в курительной гольф-клуба, выражал крайнюю степень разочарования.

— Чтоб я еще раз когда-нибудь!.. — буркнул он в сердцах.

— Неужели вы снова хотите бросить гольф? — поинтересовался старейшина, оторвавшись от газеты.

— Нет. Не гольф. А вот спорить на деньги в гольф-клубе я больше не стану. — Юноша поморщился. — Как я сейчас погорел! Судите сами, разве плохо поставить семь к одному на Мактавиша против Робинсона?

— Отнюдь, — ответил старейшина. — Семь к одному, конечно, не шутка, однако и такое пари едва ли отражает все превосходство Мактавиша. Пойдите, неужели ваша ставка проиграла?

— Робинсон победил практически без борьбы, а ведь отставал на три лунки.

— Подумать только! Как же так вышло?

— Перед десятой лункой Робинсон с Мактавишем решили прерваться и перекусить в баре, — дрожащим от негодования голосом пояснил молодой человек, — а потом Мактавиш обнаружил дырку в кармане брюк. Оказалось, в эту дырку выпал шестипенсовик, и он так распереживался, что после перерыва ни лунки не выиграл. Ключка валилась из рук, прицел совершенно сбился.

Старейшина укоризненно покачал головой.

— Если это послужит вам уроком, мой мальчик, и вы перестанете заключать пари на исход матчей, я за вас только порадуюсь. В гольфе нет места предопределенности. Весьма кстати вспоминается один занятный эпизод из биографии Винсента Джуппа. Полагаю, я о нем еще не рассказывал?

— Что за Джупп? Тот самый американский мультимиллионер?

— Да-да. А известно ли вам, что однажды он едва не выиграл чемпионат США среди любителей?

— Первый раз слышу, что он вообще играл в гольф.

— Всего один сезон. Потом бросил и с тех пор ни разу не брал в руки клюшку. Закажите-ка мне лаймового сока, а я тем временем начну.

Случилось это, — не заставил себя ждать старейшина, — задолго до вашего рождения. В тот год я закончил Кембридж и был весьма доволен

судьбой, поскольку тут же устроился личным секретарем к Винсенту Джуппу. Было ему тогда лет тридцать, и он как раз закладывал основание своей грандиозной империи. Джупп предложил мне место, и я отправился с ним в Чикаго.

Полагаю, Джупп — самая примечательная личность, что довелось повстречать, а ведь я немало повидал на своем веку. Природа щедро наделила его всем необходимым для успеха в коммерции. И стальной взгляд, и квадратный подбородок, без которых наивно даже мечтать о биржевых спекуляциях, — все было при нем. Кроме того, Джупп отличался непоколебимой уверенностью в себе и умел переместить сигару из одного уголка рта в другой, не шевельнув ухом, что, как известно, всегда выделяло истинных королей денежного рынка. Никогда не видел, чтобы кто-нибудь был настолько похож на финансовых воротил из голливудских фильмов; желваки так и ходили на скулах Джуппа, когда он говорил по телефону.

Как и все преуспевающие бизнесмены, Джупп любил порядок. На его столе лежал блокнот, в который он записывал все свои планы, а в мои обязанности входило каждое утро аккуратно переносить содержимое блокнота в ежедневник. Разумеется, по большей части записи касались деловых встреч или же предполагаемых финансовых операций, но однажды я с интересом прочитал следующее:

«Третье мая, сделать предложение Амелии».

Как я уже сказал, запись заинтересовала меня, однако нисколько не удивила. Винсент Джупп во многих отношениях был совершенно непробиваем, однако сторонником обета безбрачия его никто не назвал бы. Он был из тех, кто женится рано и помногу. Три раза ему случалось оставлять корабль семейной жизни и выбираться на берег с помощью спасательного жилета, именуемого процедурой развода. Где-то на просторах Соединенных Штатов жили, получая ежемесячные выплаты, три бывших миссис Джупп, а теперь, по всей видимости, эксцентричный миллионер подумывал завести четвертую.

Повторюсь, его решение меня нисколько не удивило, и все же нельзя было не восхититься той тщательностью, с которой он все продумал. Джупп всегда добивался поставленной Цели, а потому не допускал и мысли о каких-либо препонах на своем пути. Под первым июня в блокноте значилось:

Свадьба с Амелией.

В марте следующего года он уже собирался назвать первенца Томасом Реджинальдом. Следом в блокноте шли указания о покупке детской

одежды, затем Джупп намеревался отправить мальчика в школу. Винсента Джуппа в разное время награждали многими нелестными эпитетами, однако ни у кого не повернулся бы язык сказать, что Джупп не думал о будущем.

Утром четвертого мая Джупп вошел в офис в несколько задумчивом, как мне показалось, настроении. Некоторое время он просто сидел, глядя перед собой, хмурил брови затем принял какое-то решение и забарабанил пальцами по столу.

— Эй, там! — выкрикнул он. Именно так он обычно звал меня.

— Мистер Джупп? — откликнулся я.

— Что такое гольф?

В то время мне как раз удалось снизить свой гандикап до девяти, и я с воодушевлением воспринял возможность поговорить о благороднейшем спорте. Увы, едва я начал хвалебную речь, Джупп остановил меня:

— Это игра, верно?

— Полагаю, — ответил я, — можно сказать и так. Впрочем, должен заметить, что это довольно поверхностное описание священной...

— Как в нее играют?

— По-разному. Я, например, в начале сезона нередко терял направление, однако в последнее время моя игра значительно улучшилась. С каждым днем бью все увереннее. Может быть, мне не удавалось прямо держать голову или я слишком сильно сжимал клюшку правой рукой...

— Воспоминания оставьте для внуков. Порадуете их долгими зимними вечерами, — как всегда резко оборвал меня Джупп. — Я хочу знать, какие действия выполняет игрок в гольф. Расскажите мне в двух словах, в чем суть.

— Нужно бить палкой по мячу, пока он не свалится в ямку.

— Проще простого! — обрадовался Джупп. — Итак, пишите...

Я достал блокнот.

— Пятое мая, научиться играть в гольф. Что такое чемпионат среди любителей?

— Ежегодное соревнование, на котором выявляют лучшего игрока среди любителей. Также проводят чемпионат среди профессионалов и открытый чемпионат.

— Так в гольфе еще и профессионалы есть? Чем занимаются?

— Они учат гольфу.

— Кто у них лучший?

— Сэнди Маккилт в прошлом году выиграл открытый чемпионат Британии, а потом и открытый чемпионат США.

— Телеграфируйте. Пусть немедленно выезжает.
— Но Маккилт живет в Инверлохти в Шотландии!
— Что с того? Пусть приедет. Напишите: на любых условиях. Когда ближайший любительский чемпионат?
— Полагаю, в этом году двенадцатого сентября.
— Хорошо. Пишите: двенадцатое сентября, выиграть чемпионат среди любителей.

Я в изумлении уставился на Джуппа, однако тот не обратил на меня ни малейшего внимания.

— Записали? — продолжил он. — Тринадцатое сентя... Да, чуть не забыл, добавьте: двенадцатое сентября, скупить весь урожай пшеницы. Тринадцатое сентября, жениться на Амелии.

— Жениться на Аме-ли-и, — эхом отозвался я, водя карандашом по бумаге.

— Где играют в этот, как его... гольф?
— В гольф-клубах. Я записан в «Долину Уиссахики».
— Хороший клуб?
— Очень.
— Сегодня же оформите мне членство.

Через некоторое время прибыл Сэнди Маккилт и тут же оказался в офисе Джуппа.

— Мистер Маккилт? — приветствовал Джупп чемпиона.
— Грхм, — утвердительно ответил тот.
— Я пригласил вас, мистер Маккилт, так как слышал, что вы лучший гольфист из ныне здравствующих.

— Что ж, — добродушно отозвался шотландец. — Правда ваша.

— Мне нужно, чтобы вы научили меня играть. Признаюсь, я уже несколько выбился из графика, так как вы задержались в пути, поэтому приступим немедленно. Назовите несколько самых важных вещей, касающихся сути игры. Мой секретарь запишет все, что вы скажете, а я выучу наизусть. Не будем терять ни минуты. Итак, о чем нужно обязательно помнить когда играешь в гольф?

— Не вертеть головой.
— Проще простого.
— Ну, уж и проще. На словах легко, а поди сумей.
— Ерунда! — фыркнул Винсент Джупп. — Если я захочу держать голову ровно, то и буду. Что дальше?
— Не сводить глаз с мяча.

— С этим я разберусь. Еще что-нибудь?

— Не делать резких движений.

— Ладно. И, наконец?

Мистер Маккилт вкратце описал основные правила, я стенографировал. Когда мы закончили, Винсент Джупп пробежал глазами по списку.

— Отлично. Гораздо проще, чем я думал. Мистер Маккилт, увидимся завтра ровно в одиннадцать в «Долине Уиссахики». Эй, там!

— Сэр? — отозвался я.

— Пойдите и купите мне набор клюшек, красную куртку, кепку, спортивные туфли и мяч.

— Один мяч?

— Естественно. Куда больше?

— Иногда, — пояснил я, — начинающим игрокам не удастся ударить прямо. В таком случае мяч может потеряться в рафе, то есть в стороне от фервея.

— Чушь! — отмахнулся Винсент Джупп. — Если я захочу бить по прямой, то и буду бить по прямой. До свидания, мистер Маккилт. Прошу прощения, мне нужно заняться парой ткацких фабрик.

В сущности, гольф — простая игра. Напрасно вы так скептически, если не сказать горько, улыбаетесь — я вовсе не шучу. Начинающие гольфисты сами себе все усложняют — в этом их главная ошибка. Понаблюдайте за человеком, который никогда не держал в руках клюшку. Допустим, ваш приятель вышел на поле посмотреть на игру и подышать свежим воздухом. Да он, не раздумывая, зонтиком положит мяч в лунку с восьми метров, в то время как сами вы будете безуспешно готовиться к такому удару целую минуту. Предложите ему драйвер, и он небрежным взмахом клюшки отправит мяч в соседнее графство. Однако стоит ему всерьез увлечься игрой, сразу начнет подолгу прицеливаться, сомневаться и будет мазать, прямо как мы с вами. Тот, кому удастся сохранить во время игры снисходительную самоуверенность случайного наблюдателя, станет непревзойденным мастером. К счастью, подобное отношение к гольфу выше человеческих сил.

Впрочем, сверхчеловек Винсент Джупп был способен и не на такое. Склонен верить, что Винсент Джупп — единственный гольфист, сумевший подойти к игре с позиций чистого разума. Я где-то читал о человеке, который не умел плавать, а по дороге к бассейну полистал учебник по плаванию, усвоил его содержание, прыгнул в воду и выиграл

ответственный заплыв. Именно в таком духе Винсент Джупп начал играть в гольф. Он выучил наизусть рекомендации мистера Маккилта, затем вышел на поле и применил их на практике. Джупп подходил к ти, четко представляя, что должен делать, и все шло как по писаному. Его не смущало, как обычных новичков, что, если прижимать к себе руки, получится слайс, а если слишком напрягать правую кисть — пул. Прижимать руки к корпусу — ошибка, вот он и не прижимал. Кисть правой руки не должна слишком напрягаться при хвате, и Джупп держал клюшку как полагается. С той нечеловеческой целеустремленностью, что всегда отличала его в коммерческих предприятиях, Джупп делал на поле для гольфа ровно то, что хотел, не больше и не меньше. Винсент Джупп сумел возвести гольф в ранг точных наук.

История гольфа пестрит примерами быстрого прогресса в первом сезоне. Полковник Куилл, говорится в книге Вардона, сыграл первый раунд в пятьдесят шесть лет, а с помощью хитроумного устройства, собранного им из рыболовной лески и спиленной кроватной ножки, научился так ровно держать голову, что к концу первого сезона получил нулевой гандикап. Однако мне представляется, что только Винсенту Джуппу удалось достичь совершенства в первый же день.

Говорят, основное отличие профессионального гольфиста от любителя состоит в том, что профессионал все время играет на флажок, тогда как любитель лишь хочет ударить примерно в сторону флажка. Винсент Джупп всегда целился на флажок. Он стремился попасть в лунку одним ударом, не важно откуда, лишь бы до лунки было не больше двухсот пятидесяти метров. Лишь раз я услышал, как он разочарованно вздыхает. Это случилось в первый же день занятий, когда его мяч на седьмом поле преодолел двести семьдесят метров и упал в пятнадцати сантиметрах от лунки.

— Великолепный удар! — восторженно воскликнул я.

— Слишком взял вправо, — поморщился Джупп. Триумф следовал за триумфом. Джупп выиграл клубный турнир в мае, июне, июле, августе и сентябре. В конце мая он начал жаловаться, что поле в «Долине Уиссахики» не представляет спортивного интереса. Зеленый Комитет дни и ночи напролет проводил в заседаниях, пытаясь как-нибудь подправить гандикап Джуппа, чтобы у других игроков были против него хоть какие-то шансы. Ведущие обозреватели ежедневно восхищались его игрой в газетах. Все единодушно признавали, что предстоящий чемпионат среди любителей превратился в пустую формальность. Мнение это тем более укрепилось, когда Джупп вышел в финал, не проиграв и лунки. Казалось

бы, вот надежнейший вариант для пари, однако послушайте, что было дальше.

В тот год чемпионат США среди любителей проводили в Детройте. Я сопровождал Джуппа во время игры, ведь, несмотря на участие в изматывающих соревнованиях, он ни на минуту не забывал о делах. В соответствии с расписанием, Джупп в то время как раз занимался корнером на пшеницу, я же исполнял полномочия кэдди и секретаря. Каждый день я носил за Джуппом по полю блокнот и ключики, а надо сказать, его матчи все время прерывались из-за непрекращающегося потока телеграмм. Джупп читал телеграммы между ударами и диктовал мне ответы, причем ни разу не оторвался от игры более чем на пять минут, как и положено по правилам. Думаю, именно это окончательно обезоруживало всех его оппонентов. Нервному человеку не так-то просто держать себя в руках, когда игра задерживается на грине, потому что соперник диктует своему кэдди письмо вроде: «Ваша телеграмма от 11-го текущего месяца получена и принята к сведению. Настоящим сообщая...». Такие вещи сбивают с толку.

Я отдыхал в отеле после напряженного рабочего дня, как вдруг мне передали, что меня хочет видеть некая дама. На визитной карточке значилось: мисс Амелия Меридью. Амелия! Имя было смутно знакомо. И тут я вспомнил: так звали девушку, на которой вознамерился жениться Винсент Джупп. Она должна была стать четвертой в славном ряду миссис Джупп. Я немедленно отправился на встречу и вскоре беседовал с высокой стройной девушкой, которая явно была чем-то расстроена.

— Мисс Меридью? — начал я.

— Да, — робко ответила она. — Вы, должно быть, меня не знаете.

— Если не ошибаюсь, — предположил я, — вы та самая девушка, с которой мистер Джупп...

— О, да! Да! — воскликнула она. — Ах, что же мне делать?

— Будьте любезны, посвятите меня в подробности, —отреагировал я, по привычке открывая блокнот.

Она немного замешкалась, словно раздумывая, можно ли говорить откровенно.

— Вы будете кэдди мистера Джуппа в завтрашнем финале? — наконец спросила она.

— Да.

— В таком случае... Вы не возражаете... Вас не затруднит оказать мне небольшую любезность? Не могли бы вы кричать что-нибудь под руку

мистеру Джуппу, если он станет выигрывать?

— Не вполне понимаю, — недоумевал я.

— Что ж. Придется рассказать вам все. Надеюсь, я могу на вас положиться, и все, что я скажу, останется между нами?

— Вне всяких сомнений.

— Я условно помолвлена с мистером Джуппом.

— Условно? Она вздохнула.

— Сейчас объясню. Мистер Джупп попросил моей руки, а я совсем-совсем не хочу быть его женой. Но как же я могла отказать, когда он так и впился в меня своими ужасными глазами? Я знала, скажи я «нет», и он в два счета уговорит меня. Тогда я подумала, что, наверное, он не умеет играть в гольф, и сказала, что выйду за него, если он выиграет в этом году чемпионат США среди любителей. А Джупп-то, оказывается, самый настоящий гольфист, да еще какой! Так не честно!

— Мистер Джупп не играл в гольф, пока вы не выдвинули условие о чемпионате, — ответил я. — Начал только на следующий день.

— Невозможно! Когда же он научился так играть?

— В этом весь Винсент Джупп. Он не признает слова «невозможно».

— Вот это да! — Девушка содрогнулась. — Но я не могу выйти за него замуж. Я люблю другого. О, пожалуйста, помогите мне! Покричите ему под руку, когда он будет бить.

Я лишь покачал головой.

— Криком Винсента Джуппа из равновесия не вывести.

— Но хотя бы попробуйте!

— Не могу. Мой долг — помогать мистеру Джуппу.

— Умоляю.

— Увы, нет. Долг превыше всего. Кроме того, я сделал ставку на его победу в турнире.

Несчастливая девушка горько вздохнула и побрела прочь.

В тот же день, поужинав, я отправился в номер и принялся работать над своими записями. Неожиданно зазвонил телефон. Джуппа в гостинице не было, он совершал вечерний моцион. Я снял трубку, в которой тут же зазвучал женский голос:

— Кто говорит? Мистер Джупп?

— Секретарь мистера Джуппа у аппарата. Мистер Джупп вышел.

— Ничего, не важно. Передайте, пожалуйста, что звонила миссис Луэлла Мейнпрайс Джупп. Я хотела пожелать ему удачи. Скажите, что обязательно приеду завтра посмотреть финал.

Я вернулся к работе, но вскоре телефон зазвонил снова.

— Винсент, дорогой?

— Секретарь мистера Джуппа у аппарата.

— Ах, передайте, пожалуйста, что звонила миссис Джейн Джокс Джупп. Я хотела пожелать ему удачи. Скажите, что непременно приеду на игру.

Я снова принялся за записи, но не успел толком углубиться в работу, как телефон зазвонил в третий раз.

— Мистер Джупп?

— Секретарь мистера Джуппа у аппарата.

— Говорит миссис Агнес Парсонс Джупп. Звоню, чтобы пожелать ему удачи. Завтра буду на игре.

Я перенес рабочее место поближе к телефонному аппарату, чтобы спокойно отвечать на звонки. Я, конечно, слышал, что Винсент Джупп был женат всего три раза, но решил не слишком полагаться на эти сведения. Наконец, с прогулки вернулся Джупп.

— Кто-нибудь звонил? — спросил он.

— Ничего срочного. Звонили несколько ваших жен, желали вам удачи. Просили передать, что придут завтра на игру.

В этот миг мне почудилось, что нестигаемый Винсент Джупп потерял самообладание.

— Луэлла? — спросил он.

— Позвонила первой.

— А Джейн?

— Звонила и Джейн.

— И Агнес?

— И Агнес, — подтвердил я.

— Гм, — покачал головой Винсент Джупп. Казалось, впервые за все время нашего знакомства, ему стало не по себе.

И вот, величественный восход солнца возвестил о наступлении дня финала. То есть, мне кажется, что именно так все и было, потому что в девять, когда я спустился завтракать, погода стояла отменная. Матч начинался в одиннадцать, первые восемнадцать лунок предполагалось сыграть до перерыва на обед. За двадцать минут до начала игры Винсент Джупп диктовал мне указания относительно сделки с торговцами пшеницей, потом мы перешли к статье о предстоящем поединке под названием «Как я выиграл финал». Впрочем, ровно в одиннадцать мы были на поле.

Соперник Джуппа — симпатичный молодой человек — заметно нервничал. Его улыбка при традиционном пожатии рук выглядела обреченной.

— Что ж, — сказал он, — пусть победит сильнейший.

— Да, я уже принял меры, — бросил Джупп в ответ. Вокруг стартовой площадки собралось много зрителей, и когда Джупп занес клюшку над мячом, откуда-то из толпы донеслось мелодичное восклицание: «Мимо!» В чистом утреннем воздухе девичий голос прозвенел как сигнал охотничьего рожка.

Я оказался прав. Винсент Джупп и бровью не повел, не говоря о том, чтобы сорвать удар. Его клюшка как в учебнике попала по мячу и отправила его на добрых двести метров прямо по центру фервея. Покидая стартовую площадку, я заметил, как двое сотрудников Зеленого Комитета под руки выводят с поля Амелию Меридью. «Жаль бедняжку», — подумал я; на девушке не было лица. И все же судьба смиростивилась над ней, удалив с места событий, пусть и в сопровождении стражей порядка, смотреть на происходящее было бы выше ее сил. Винсент Джупп походил на акулу, описывающую круги вокруг добычи. Он как заведенный неумолимо выигрывал лунку за лункой. К обеду Джупп выиграл десять лунок из восемнадцати, остальные закончились вничью.

На обратном пути к полю после обеденного перерыва нас поджидала встреча с бывшими женами мистера Джуппа. Первой нас заприметила Луэлла Мейнпрайс Джупп — миниатюрная блондинка с кошачьей повадкой. На руках она держала собачку. В свое время я читал в газетах, что основанием для развода послужила постоянная и изощренная психологическая травля со стороны мужа. Факт травли подтвердили свидетели со стороны истицы. В частности, в ходе слушания выяснилось: мистер Джупп говорил, что жене не идет розовый цвет, а также не менее двух раз предлагал ее собачке съесть куриную ножку вместо грудки. Впрочем, время, лучший лекарь, по всей видимости, смягчило горечь Луэллы Мейнпрайс Джупп. Казалось, она была рада встрече.

— А кто это тут у нас сейчас победит больших злых дяденек в самом-пресамом главном чемпионате? — засюсюкала она, приметив бывшего супруга.

— Да, — отвечал Винсент Джупп, — я намереваюсь выиграть. Очень мило с твоей стороны, Луэлла, приехать на игру. Знакома ли ты с миссис Агнес Парсонс Джупп? — учтиво спросил он, жестом представляя подошедшую женщину, которая просто-таки светила добротой и материнской заботой. — Как поживаешь, Агнес? — осведомился Джупп.

— Признаюсь, еще сегодня утром, — ответила миссис Агнес Парсонс Джупп, — я чувствовала себя неважно. Очень неприятное было ощущение в левом локте и, кажется, высокая температура. Впрочем, теперь мне немного лучше. А как твоё здоровье, Винсент?

Мне вспомнились газетные репортажи об их бракоразводном процессе. Агнес подала на развод по причине намеренной и бесчеловечной жестокости мужа: несмотря на все уговоры, он бессердечно отказывался принимать тонизирующий бальзам доктора Беннета три раза в день. Однако теперь Агнес говорила ласково и даже заботливо. Да, муж был с й жесток — присяжные не могли сдержать слез, когда она давала показания в суде, — и все же, по всей видимости, в глубине души Агнес еще тлели угольки бывшего чувства.

— Спасибо, Агнес, все хорошо, — ответил Винсент Джупп.

— Ты надел теплую фуфайку?

Гримаса искажила уверенное лицо миллионера.

— Теплую фуфайку я не надел, — посуровел он.

— Ах, Винсент, ты себя совсем не бережешь!

Он открыл было рот, но сказать ничего не успел, потому что позади раздался сдавленный взглас. За спиной Джуппа стояла дама приятной наружности, одетая в куртку свободного покроя. Лицо ее приняло выражение комического ужаса.

— Что такое, Джейн? — осведомился Джупп.

Стало понятно, что это и была миссис Джейн Джокс Джупп, потребовавшая развода из-за систематических издевательств со стороны супруга. Формальным поводом послужило то, что муж, не щадя ее чувств, постоянно надевал под смокинг белую жилетку. Некоторое время она смотрела на мистера Джуппа с деланным недоумением, а затем зашлась полуистерическим хохотом.

— Ну и ноги! — воскликнула она. — Нет, вы только посмотрите на эти ноги!

Винсент Джупп густо покраснел. У всех есть свои слабости; к недостаткам моего работодателя относилась неистребимая уверенность в том, что ему очень идут бриджи. Мне было не с руки убеждать его в обратном, однако факт оставался фактом — выглядел он забавно. Природа, одарив его монументальной головой и выдающимся подбородком, словно забыла завершить начатое. Ноги Винсента Джуппа, пожалуй, были немного худосочны.

— Бедный ты, несчастный! — не останавливалась миссис Джейн Джокс Джупп. — Какой шутник заставил тебя появиться на людях в

коротких штанишках?

— Я не против такой одежды, — возразила миссис Агнес Парсонс Джупп. — Но нельзя же выходить из дома без теплой фуфайки при таком сильном восточном ветре.

— Крошке Тинки-Тингу не нужна фуфайка, мамочка и так его любит, — запричитала миссис Луэлла Мейнпрайс Джупп, обращаясь к собачке.

Я стоял рядом с Винсентом Джуппом и заметил, что у него на лбу выступили капельки пота, а обычно стальной взгляд казался едва ли не затравленным. Я понимал, что Джуппу приходилось несладко, и сочувствовал ему всей душой. Сам Наполеон пал бы духом, окажись он в окружении трех женщин, одна из которых все время сюсюкает, вторая вслух беспокоится о его здоровье, а третья отпускает оскорбительные замечания на счет его нижних конечностей. Винсент Джупп на глазах терял самообладание.

— Начнем, пожалуй, чего тянуть-то? — напомнил о себе соперник Джуппа. Лицо его выражало неестественную решимость загнанного в угол человека. При счете десять вниз после утреннего раунда, ему только и оставалось, что собрать в кулак всю волю и достойно принять неизбежное.

Винсент Джупп рассеянно кивнул и тут же подошел ко мне.

— Уведите куда-нибудь всех этих женщин, — приказал он сдавленным шепотом. — Я не могу так играть, они действуют мне на нервы.

— Вам? На нервы? — воскликнул я, не веря свои ушам.

— Да, черт возьми, на нервы! Разве можно сосредоточиться, когда все вокруг только и говорят о теплых фуфайках и... и коротких штанишках? Уберите их от меня!

Он подошел к мячу, но держался при этом так неуверенно, что я сразу понял: жди беды. И верно, его клюшка поднялась, дрогнула, пошла вниз и едва чиркнула по мячу. Мяч прокатился пару метров и попал в выбоину.

— Это хорошо или плохо? — тут же напомнила о себе миссис Луэлла Мейнпрайс Джупп.

Огонек отчаянной надежды загорелся в глазах соперника Джуппа. Он расправил плечи и вышел на ти. Его мяч взмыл ввысь и упал недалеко от грина.

— По крайней мере, Винсент, — высказалась миссис Агнес Парсонс Джупп, — я надеюсь, ты не забыл надеть шерстяные носки.

Я слышал судорожный всхлип Джуппа, когда он подбирал клюшку

для продолжения игры. Пытаясь выправить положение, Джупп великолепно выполнил второй удар, однако мяч налетел на камень и отскочил в высокую траву рядом с грином. Разница в счете сократилась.

Мы перешли на вторую лунку.

Вот этот молодой человек, — сказала миссис Джейн Джокс Джупп, показывая на другого финалиста, который не замедлил покрыться пунцовыми пятнами, — имеет все основания носить бриджи. Посмотри, как ему идет. А ты? Если бы ты увидел себя в зеркале, сразу бы понял...

— Винсент, я знаю, у тебя жар, — закудаhtала миссис Агнес Парсонс Джупп. — Ты весь горишь. И взгляд какой-то нездоровый, даже дикий.

— Посмотрите на наши глазки-пуговицы, у моего малыша взгляд совсем не дикий, потому что мамочка его любит, — добавила миссис Луэлла Мейнпрайс Джупп.

С побледневших губ Винсента Джуппа сорвался глухой стон.

Полагаю, нет нужды подробно описывать весь матч. Есть вещи, говорить о которых больно. Винсент Джупп представлял жалкое зрелище. Он отдал девять лунок подряд, растеряв все преимущество, а противник, ободренный успехом, играл великолепно. Десятую лунку Джупп сумел свести вничью. Затем нечеловеческим усилием воли Джупп собрался и сыграл вничью одиннадцатую двенадцатую и тринадцатую. Казалось, былая уверенность возвращается к нему, но на четырнадцатой лунке наступила развязка.

Винсент Джупп сделал потрясающий драйв, перекрыв удар своего оппонента на добрых пятьдесят метров. Тот, в свою очередь, хорошим вторым ударом подобрался к самому грину. И вот, когда Винсент Джупп склонился над мячом и приготовился бить, раздался голос Луэллы Мейнпрайс Джупп.

— Винсент!

— Ну, что?

— Винсент, тебя хотят обмануть... твой соперник — он нехороший... он жульничает. Ты сейчас отвернулся, а он ка-ак даст по мячу. Сильно-пресильно. Я все-все видела.

— Надеюсь, Винсент, — подхватила миссис Агнес Парсонс Джупп, — после игры ты отправишься на восстановительные процедуры.

— «Флешо»! — торжествующе выкрикнула миссис Джейн Джокс Джупп. — Весь день не могла вспомнить! В газетах печатали прекрасные отзывы. Принимать до завтрака и перед сном. Производители гарантируют, что не успеешь оглянуться, как на самых костлявых ногах появятся настоящие мышцы. Не забудь сегодня же заказать склянку «Флешо».

Большая стоит пять шиллингов, а поменьше — полкроны. Г.К. Честертон ^[77] пишет, что постоянно принимает «Флешо».

Вопль отчаяния слетел с трясущихся губ Винсента Джуппа. Рука, которую он протянул за клюшкой, дрожала как осиновый лист.

Десять минут спустя, он, понурясь, шел по направлению к раздевалкам. Все было кончено.

Вот видите, завершил свой рассказ старейшина, ставками на гольф легких денег не заработаешь. Нельзя положиться даже на самого распрекрасного игрока. Все что угодно может в любую минуту случиться и с выдающимся мастером. Недавно, например, Джордж Дункан потратил одиннадцать ударов на лунку, которую посредственные игроки обычно проходят за пять. Нет уж, бросьте вы это дело или ступайте напрямиком на Трогмортон-стрит ^[78] и попытайтесь отобрать деньги у Ротшильдов — я первый назову вас расчетливым и осторожным финансистом. А делать ставки на гольф — чистое безрассудство.

МУЖСКОЙ ХАРАКТЕР

С наступлением сумерек в теплоте летнего дня уже чувствовалось легкое дыхание осени. В рощице у девятой лунки то тут, то там проблескивали новые краски, словно шла репетиция ежегодного карнавала, ради которого даже самые замшелые деревья сбрасывают будничную зелень и облачаются в роскошные наряды из золота и пурпура. Старейшина, удобно расположившись на террасе гольф-клуба, глядел, как ветер играет первыми опавшими листьями, задумчиво потягивал сельтерскую и с благожелательной серьезностью внимал молодому гольфисту.

— Она замечательная, — сокрушался юноша, — совершенно замечательная, но вот незадача: стоит нам выйти на поле для гольфа, не могу удержаться от мысли, что женщина должна сидеть дома.

Старейшина покачал убеленной сединами головой.

— Полноте, — отвечал он. — Очаровательной женщине все к лицу, даже если она не умеет толком попасть по мячу.

— Да пусть промахивается сколько угодно, это еще куда ни шло, — махнул рукой собеседник. — Боюсь, она вообще не слишком серьезно относится к гольфу.

— Быть может, это напускное. В свое время играла у нас в клубе одна чудесная девушка, так вот она, помнится, заливалась смехом, смазав короткий патт, а потом я случайно узнал, что дома бедняжка горько рыдает и до дыр прокусывает диванные подушки. Выходит, легкомысленность была лишь маской. Поддерживайте любовь невесты к игре, друг мой, и будете вознаграждены. Позвольте, я расскажу вам историю...

В этот миг на террасе показалась удивительно красивая женщина с младенцем на руках.

— Ути-мой-сюси-пусинька-лапусенька! — ворковала она. В остальном вошедшая отнюдь не производила впечатления умственно отсталой.

— Ну, разве он не прелесть? — обратилась красавица к старейшине.

Тот окинул младенца оценивающим взглядом. Непредвзятому наблюдателю ребенок явственно напоминал очищенное вареное яйцо.

— Вне всяких сомнений, — последовал ответ.

— Все больше похож на отца, правда? На мгновение старейшина замялся.

— Ну, конечно, — спохватился он. — А ваш муж сегодня играет?

— Нет, провожает Уилли в Шотландию.

— Как? Уилберфорс уезжает в Шотландию?

— Да. Рамсден высокого мнения о тамошних школах. Я было заикнулась, что Шотландия очень далеко, а муж говорит, мол, ему это известно, но так будет лучше для Уилли. Впрочем, сам-то он держится молодцом. Что ж, нам, пожалуй, пора. Воздух слишком холодный, того и гляди, крошка Рамми простудит свой милый маленький носик. Попрощайся с джентльменом, Рамми.

Старейшина задумчиво посмотрел ей вслед.

— И впрямь похолодало, — сказал он, — а я, в отличие от нашего спеленатого знакомого, уже не молод. Идемте, покажу кое-что.

Старейшина зашел в курительную и остановился у стены, что сверху до низу была увешана довольно смелыми карикатурами на членов клуба.

— Есть у нас тут один малый, в газете художником работает. Талант. Удивительно точно уловил черты каждого. Разве что мой портрет ему явно не удался.

Старейшина неприязненно покосился на стену и раздраженно продолжил:

— Не понимаю, почему его сюда повесили, ведь никакого сходства... Зато все остальные вышли на загляденье, хотя многие и делают вид, что рисунки на них ни капли не похожи. А вот что я хотел показать. Полюбуйтесь — Рамсден Уотерс, муж дамы, с которой мы беседовали минуту назад.

Человеку на портрете едва перевалило за тридцать: неопределенного цвета волосы свешивались на покатый лоб; водянистые глаза уныло смотрели на мир; рот полуоткрыт в слабом подобии улыбки, обнажавшей пару кроличьих зубов.

— Боже, вот так физиономия! — воскликнул молодой человек.

— Да уж, — ответил старейшина. — Теперь вы понимаете причину моего секундного замешательства при словах миссис Уотерс, что малыш — точная копия отца. Я, право, не знал, как быть. С одной стороны, спорить с дамой невежливо. С другой — разве гуманно говорить такое о невинном младенце? Да уж, Рамсден Уотерс. Присаживайтесь поудобнее, я расскажу о нем. Этот случай как нельзя лучше подтверждает мою старую мысль: женщин нужно приобщать к гольфу. Конечно, в их присутствии на поле есть свои недостатки. Никогда не забуду, как на одиннадцатой лунке мне удался прекрасный низкий драйв, а мяч ударился о ящик с песком на женской ти, отскочил назад и зашиб кэдди. Так я потерял удар, да и вообще

игра после этого не заладилась. И все же преимуществ гораздо больше. Гольф делает женщин человечнее, смиряет гордыню, одним словом, может поубавить в них спеси, такой, знаете, заносчивости, которая здорово усложняет жизнь нашему брату. Может статься, вы и сами это замечали?

— Пожалуй, — кивнул молодой человек, — сейчас я и вправду вижу, что Женестьева, как увлеклась гольфом, стала больше меня уважать. Бывает, пошлю мяч метров за двести тридцать, так ее глаза прямо светятся восхищением — сама-то шестью ударами до пятидесятиметровой метки добирается.

— Вот-вот, — сказал старейшина.

— С малых лет, — начал он свой рассказ, — Рамсен Уотерс отличался застенчивостью. Казалось, мальчик все время чего-то боится. Возможно, в младенчестве няня напугала его страшной сказкой. Если так, ей позавидовал бы и сам Эдгар Алан По, ведь даже достигнув совершеннолетия, Рамсен Уотерс едва ли превосходил твердостью характера, например, бланманже. Он и в мужском-то обществе заметно робел, а у женщин его манера держаться и вовсе вызывала отторжение и насмешки. Рамсен был из тех, кто, едва завидев девушку, то и дело извиняется и путается в собственных ногах. При встрече с прекрасным полом он считал своим долгом покраснеть до корней волос и завязаться в узел, издавая при этом загадочные гортанные звуки, похожие на язык папуасов. Если с его дрожащих губ и слетала членораздельная фраза, она непременно касалась погоды, а Рамсен тут же просил прощения за банальность. Слабый пол не знает пощады к таким людям, и вскоре все женское население округа единодушно поставило на Рамсене крест. Наконец, отказавшись от бесплодных попыток завести хоть какие-нибудь знакомства, молодой человек практически стал отшельником.

Полагаю, портрет, что я показал вам, сыграл в судьбе бедняги не последнюю роль. Стоило Рамсену собраться с духом для выхода в свет, он глядел на рисунок и думал: «На что надеяться с такой-то физиономией?» Художники-карикатуристы в погоне за эффектом то и дело наносят людям душевные раны. Я-то еще ничего, могу и посмеяться над своим изображением. Сперва оно даже весьма позабавило меня, хотя я отказываюсь понимать, почему комитет до сих пор... Впрочем, эта картинка ничуть на меня не похожа. Вот Рамсен на карикатуре вышел ну просто один в один — и приукрашивать не пришлось. Да что внешность, тут вся душа его как на ладони. Ведь сущий олух нарисован на портрете-то, а Рамсен Уотерс самым настоящим олухом и был.

Итак, Рамсен сделался отшельником. Жил один в домике у

пятнадцатой лунки, никуда не ходил, ни с кем не встречался. Единственной отрадой в его жизни был гольф. Покойный отец дал ему прекрасное образование — лет, наверное, с семнадцати Рамсден мог пройти в пар поле любой сложности. Этот великолепный талант непременно снискал бы ему Уважение в обществе, но стеснительный Рамсден не решался ни с кем играть. Тренировался в одиночестве, как правило ранним утром и поздним вечером, когда клубное поле пустует. Представляете, взрослый человек в двадцать девять лет боится, что кто-нибудь увидит, как он играет в гольф?

Одним прекрасным утром, когда все дышало восхитительным ароматом лета, солнце сияло золотом, птицы пели в кронах деревьев, а воздух был так чист и прозрачен, что первая лунка казалась втрое короче, Рамсден Уотерс, как всегда один-одинешенек, готовился выполнить первый удар. Секунду-другую целился, затем плавно поднял клюшку и уверенно повел ее вниз. Вдруг откуда-то сзади раздался голос:

— Ба-бах!

Рука дрогнула в самый последний момент, и мяч предательски упал в гущу деревьев справа от фервея. Рамсден обернулся и увидел маленького толстого мальчишку в матросском костюмчике. Они помолчали.

— Дело дрянь, — сурово сказал мальчишка.

Рамсден судорожно сглотнул и в тот же миг заметил, что мальчишка пришел не один. С чарующей грацией к ним неспешно приближалась девушка такой сказочной красоты, что сердце Рамсдена учащенно забилось. Так он впервые увидел Юнис Брай, а надо сказать, при встрече с ней многим мужчинам становилось не по себе. Знаете, так бывает, когда спускаешься в скоростном лифте: летишь мимо десятого этажа, а сердце и прочие внутренние органы еще будто висят в районе двадцать второго. Рамсден оторопел. Мир поплыл у него перед глазами.

Вот вы помолвлены с очаровательной девушкой, а увидели Юнис и сразу приосанились, желая выглядеть вдвое краше, чем вас создала природа, расплылись в улыбке, едва не принялись подкручивать ус — забыли, видно, что не носите усов-то. Представляете, что стало с одиноким тихоней Рамсденом Уотерсом при виде такой красоты? Он стоял как громом пораженный,

— Боюсь, мой братишка испортил вам удар, — сказала Юнис без тени сожаления. Так говорила бы богиня, доведись ей повстречать свинопаса.

Рамсден беззвучно застонал. Как всегда в присутствии девушки, его голосовые связки сплелись в узел, что обескуражило бы любого моряка, да и самого Гудини заставило бы попотеть. Даже гортанные звуки не давались.

— Он любит смотреть, как играют в гольф, — продолжила

Она взяла мальчишку за руку и повела прочь, однако тут к Рамсдену неожиданно вернулся дар речи.

— Может, ваш брат хочет пройти со мной раунд? — прохрипел он.

Впоследствии он не мог объяснить, как ему хватило духу выдать из себя такое предложение. Вероятно, даже самым робким из нас в минуты душевных потрясений случается испытать прилив отчаянной храбрости.

— Очень мило с вашей стороны, — равнодушно ответила девушка, — но боюсь...

— Я хочу! — заверещал мальчишка. — Хочу! Несмотря на всю привязанность к брату, Юнис Брай, вероятно, подумала, что было бы совсем не плохо сбыть его с рук таким прекрасным утром, когда сама природа словно приглашает присесть в тени на террасе и почитать книжку.

— Вы очень любезны, — сдалась Юнис. — Его не сводили в цирк на прошлой неделе, и он очень расстроился. Пусть хоть на гольф посмотрит.

Она отправилась к террасе, а Рамсден на ватных ногах поплелся в заросли на поиски мяча. Следом шел мальчишка.

Мне так и не удалось выведать у Рамсдена, как он поиграл в то утро. Стоит лишь заговорить об этом, он морщится и пытается сменить тему. Однако Рамсдену, надо полагать, достало сообразительности расспросить Уилберфорса о семье девушки: так, под конец раунда выяснилось, что Юнис с братом гостят у тетки; дом их стоит неподалеку от поля; Юнис ни с кем не помолвлена; тетка коллекционирует сушеные водоросли и уже набрала несколько альбомов. Порой кажется, что тетки только и делают, что живут в свое удовольствие.

По окончании раунда Рамсден, спотыкаясь от смущения, поднялся на террасу и вернул Уилберфорса сестре в целостности и сохранности. Юнис как раз добралась до главы, где герой решает оставить все ради любви. Не отрывая глаз от книги, она поблагодарила Рамсдена небрежным кивком головы. Так у Рамсдена Уотерса закончился первый приступ любовной лихорадки.

Что может быть печальнее стремления мотылька к звезде? Увы, жизнь устроена так, что даже самые здравомыслящие мотыльки, едва приметив звезду, преисполняются несбыточных мечтаний. Не сомневаюсь, со временем Рамсдену наверняка встретилась бы милая домашняя девушка, пусть слегка косоглазая, но с прекрасным характером — вот и вышла бы идеальная пара. Да и сам Рамсден едва ли грезил о большем. Однако, увидев Юнис Брай, бедняга совершенно потерял голову. Он, должно быть, понимал, что годен лишь на то, чтобы время от времени избавлять ее от

общества юного Уилберфорса. Ведь стоило Юнис появиться в округе, все мало-мальски подходящие холостяки сразу вскидывали головы, громко всхрипывали и мчались к ней бешеным галопом. Все как на подбор проворные, ладно скроенные молодые люди, сложенные, как греческие боги, а в профиль похожие на кинозвезд. Производители рекламы на коленях умоляли бы любого из них сфотографироваться в эффектной позе рядом с семиместным автомобилем «Магнифико». Этот типаж идеально смотрится на обложках журналов. Вот, целому полчищу таких соперников осмелился противопоставить свою малопривлекательную физиономию Рамсден Уотерс. Как вспомню, плакать хочется.

С самого начала Рамсдену приходило в голову, что он взялся за безнадежное дело. Дома у Юнис в час, когда принимают гостей, он был всего лишь статистом в толпе поклонников. В то время как соперники кружились вокруг девушки, Рамсден покорно выслушивал разглагольствования ее тетки где-нибудь в дальнем углу. Думаю, нечасто молодым людям выпадает столь великолепная возможность побольше узнать о водорослях. Будь Рамсден Уотерс морской рыбой, и то не сумел бы основательней погрузиться в мир подводной растительности. Впрочем, это не принесло счастья. Душа его металась и сохла. Рамсден похудел, ему перестали даваться приближающие удары. Бывало, взглянешь, и сердце кровью обливается.

Отчасти утешало лишь то, что Юнис никого из своих воздыхателей не выделяла, хоть некоторым и удавалось протиснуться сквозь толпу в первый ряд, страстно заглядывать ей в глаза, ловить каждое слово и оказывать прочие знаки внимания.

Так все и продолжалось, пока в один прекрасный день Юнис не решила заняться гольфом. Дело было так: Китти Мендерс играла маленький серебряный кубок в ежемесячном клубном турнире с гандикапом (гандикап Китти равнялся тридцати шести) и при любом удобном случае заводила разговор об этом трофее. Юнис была готова на все, только бы ни в чем не Китти. Я вовсе не защищаю Юнис, ведь женщины есть женщины, — не уверен, что хоть одна взялась за клюшку с тем искренним и глубоким чувством, которое испытываем мы, мужчины, выходя на каждый раунд, словно на поиски священного Грааля. Встречал я девушек, которые пришли в гольф исключительно ради того, чтобы носить розовый свитер, а одна так и вовсе записалась в клуб, прочитав в женском журнале, что у гольфисток стройная фигура. Ну, что тут скажешь?

Сперва Юнис брала уроки у профессионального тренера, затем рассудила, что не стоит понапрасну тратить деньги, и с тех пор ее

обучением занимались многочисленные поклонники. Мало-помалу к девушке пришли первые успехи и непоколебимая уверенность в собственном мастерстве, впрочем, не подкреплявшаяся результатами. К Рамсдену Уотерсу она за уроками не обращалась. Во-первых, ей и в голову не приходило, что такое ничтожество может хоть что-то понимать в гольфе, во-вторых, Рамсден все время возился с Уилберфорсом.

Так вышло, что именно Рамсдена жребий определил Юнис в партнеры на первых же соревнованиях — ежегодном турнире среди смешанных пар. В тот вечер, когда обнародовали результаты жеребьевки, Рамсден сделал предложение руки и сердца.

Влюбленные мыслят весьма своеобразно. Нам с вами никогда не понять, почему Рамсдена так воодушевило, что их с Юнис имена вместе вытащили из шляпы, но он посчитал это знаком свыше. Ему представлялось, что между ними возникла некая духовная связь. Словом, жеребьевка окрылила беднягу. В тот же вечер он отправился к Юнис, и после крайне увлекательного разговора с тетушкой, умудрился остаться наедине с возлюбленной, откашлялся одиннадцать раз, словно ему не хватало воздуха, и, наконец, робко намекнул на свадебные колокола.

Юнис совсем не рассердилась, видимо от удивления.

— Я, конечно же, крайне польщена, мистер... — Она замялась, вспоминая имя, — мистер...

— Уотерс, — смущенно подсказал Рамсден.

— Да, конечно, мистер Уотерс. Так вот, мне очень лестно...

— Ну, что вы, что вы...

— Очень...

— Как можно, — жалобно пролепетал Рамсден.

— Перестаньте же перебивать меня! — раздраженно воскликнула Юнис. Какой девушке понравится раз за разом повторять одно и то же? — Очень польщена, однако вынуждена отказать вам.

— Конечно, как вам угодно, — закивал Рамсден.

— Что вы можете предложить мне? — продолжала Юнис. — Я говорю не о деньгах, а о более возвышенных материях. Что в вас такого есть, мистер Уолтер...

— Уотерс.

— Да, Уотерс. Что в вас есть такого, ради чего девушка может пожертвовать свободой?

— Я много знаю о сушеных водорослях, — с надеждой произнес Рамсден.

Юнис лишь покачала головой.

— Нет, — повторила она, — вынуждена отказать вам. Вы оказали мне величайшую честь, какую мужчина только может оказать женщине, мистер Уотерсон...

— Уотерс, — повторил Рамсден. — Давайте запишу.

— Не стоит беспокоиться. Боюсь, нам не суждено больше встретиться.

— Но мы же завтра вместе играем на турнире.

— Ах, да, точно, — вспомнила Юнис. — Смотрите же, не подведите. Я хочу завоевать кубок больше всего на свете.

— О, если бы я мог завоевать то, что хочу больше всего на свете, — воскликнул Рамсден. — То есть, — добавил он для пущей ясности, — вас. — Язык его тут же завязался бантиком, и больше Рамсден не произнес ни слова. Он медленно направился к двери, взялся за ручку, бросил прощальный взгляд через плечо и понуро шагнул прямо в шкаф, где хранилась тетушкина коллекция водорослей.

Вторая попытка оказалась более удачной: он очутился у выхода, а затем и на улице. Дул прохладный ветерок, тускло мерцали звезды. Доводилось ли этим безмолвным звездам наблюдать столь душераздирающую сцену? Опускалась ли ночная прохлада на чело, несущее печать более несчастной любви? О, да!.. То есть, конечно, наоборот, — о, нет!

Желающих поучаствовать в турнире смешанных пар набралось немного. На моей памяти так было всегда. Мужчины в большинстве своем — идеалисты и предпочитают не лишаться иллюзий относительно своих избранниц. И впрямь, самому закаленному герою нелегко бывает сохранить восторженно-рыцарское отношение к слабому полу, когда раз за разом приходится выбираться из рафа после ошибок партнерши. Да и сами женщины то и дело глупо хихикают, смазав простой удар, что вовсе не добавляет им шарма. Встречаются, конечно, редкие исключения, но сейчас речь не о них, а о самых обыкновенных обладательницах гандикапа тридцать три, что играют в туфлях на высоком каблуке. Стало быть, на следующее утро у десятой лунки, где всегда начинаются подобные матчи, собралось всего восемь пар. Шесть из них серьезного внимания не заслуживали — средней руки гольфисты да девушки, изредка выходящие на поле для гольфа подышать свежим воздухом. Оглядев собравшихся, Рамсден понял: опасаться стоит только Марселы Бингли, которой достался в партнеры Джордж Перкинс, молодой гольфист с гандикапом шестнадцать. Джордж играл весьма заурядно, а вот Марселя как-то даже участвовала в женском чемпионате Британии, и умения обращаться с клюшкой ей было не занимать.

Первым же ударом Марсела уверенно отправила мяч точно на середину фервея, и Рамсден решил серьезно поговорить с Юнис. В этот миг предстоящая игра занимала все его мысли. Может, имена победителей в турнире смешанных пар и не вписывают в историю золотыми буквами, но Рамсден был истинным гольфистом. Истинный же гольфист одинаково стремится к победе и в товарищеском матче и в чемпионате.

— Сейчас важно играть наверняка, — сказал Рамсден. — Не рискуйте понапрасну. Надежность — прежде всего. Мисс Бингли — крепкий орешек, а вот Джордж Перкинс рано или поздно начнет ошибаться. Если играть аккуратно, никуда они не денутся. Остальные нам не соперники.

Возможно, эта речь покажется вам странной. Хотите сказать, в ней что-то не так? Вы правы. Вот и Юнис Брай тоже удивилась. Начнем с того, что Рамсден произнес целых тридцать четыре слова подряд, причем некоторые из двух слогов, а то и длинней. К тому же Рамсден говорил твердо, Даже властно, нимало не смущаясь, и без свойственного ему заикания. Его слова озадачили Юнис и даже слегка задели. Вообще-то Рамсден не сказал ничего такого, что могло бы хоть как-то оскорбить приличия, однако Юнис сочла, что партнер перешел границы дозволенного. Она знала Рамсдена Уотерса мямлей, который все время запинаясь и краснеет, и вот, этот самый Рамсден Уотерс не просто обращается к ней как к ровне, но и смеет командовать. Девушка холодно посмотрела на наглеца, но Рамсден как раз отвернулся к юному Уилберфорсу.

— А вы, молодой человек, зарубите себе на носу: здесь идут соревнования, а потому, попридержите, пожалуйста, язык. Есть у вас скверная привычка говорить под руку бьющему.

— Если вы полагаете, что мой брат может кому-нибудь помешать... — ледяным тоном начала Юнис.

— Ничего не имею против вашего брата, пока он не шумит.

Юнис так и ахнула. Она еще не настолько прониклась гольфом, чтобы понять, как сильно благороднейшая из игр может преобразить человека. Ей захотелось сказать Рамсдену что-нибудь обидное, но он отправился выполнять драйв.

Удар вышел на славу — мощный и выверенный. Даже Юнис оценила.

— Отлично, партнер, — вырвалось у нее.

Рамсден, казалось, не слышал, он глядел в сторону фервея, держа клюшку над левым плечом — один в один иллюстрация из монументального труда Сэнди Макбина «Учимся играть в гольф по фотографиям». Юнис прикусила губу от досады. Поведение Рамсдена

смutilo ее. Девушка чувствовала себя так, будто погладила по шерстке любимого барашка, а тот возьми да и цапни ее за палец.

— Я только что похвалила ваш удар, — холодно сказала она.

— Я слышал, — ответил Рамсден, — но лучше бы вы помолчали. Разговоры мешают сосредоточиться. — Затем повернулся к Уилберфорсу: — Вас, молодой человек, это тоже касается.

— Уилберфорс вел себя как мышка! — запротестовала Юнис.

— Вот именно, — парировал Рамсден. — Мыши отвратительно скребутся, а Уилберфорс чем-то шуршал, когда я бил.

— Он просто играл с песком из ящика.

— Если это повторится, буду вынужден принять меры.

Они молча отправились к месту второго удара. Мяч лежал очень удобно, так что любому мало-мальски приличному гольфисту не составило бы труда попасть на грин. Впрочем, Юнис ударила плохо и угодила прямоком в раф.

Рамсден вооружился ниббликом и скрылся в зарослях. Вскоре, словно под действием неведомой силы, чаща извергла примерно фунт земли, камней и травы, а вместе с тем и мяч, который, словно комета, оторвавшись от своего хвоста, взвился в небо и упал точно на грин. Однако удар был потерян. Мисс Бингли ловко отправила мяч в цель и выиграла первую лунку.

Юнис собралась, а поскольку и Рамсден поймал свою игру, следующие десять лунок прошли в упорной борьбе. Благодаря вдохновенной игре экс-участницы чемпионата Британии команда Бингли—Перкинс удерживала преимущество вплоть до коварной лунки с оврагом. Здесь-то Джордж Перкинс, как и ожидалось, ошибся и послал мяч в аккурат на камни. Так Рамсден и Юнис выровняли положение. Затем четыре лунки подряд завершились вничью, и соперники достигли клубного здания при равном счете. Тут им пришлось прерваться, потому что у мисс Бингли отклеилась кожаная прокладка на клюшке, и она отлучилась в мастерскую. Джордж Перкинс и юный Уилберфорс, всегда готовые подкрепиться, исчезли в направлении бара. Рамсден и Юнис остались одни.

Раздражение Юнис прошло. Она была очень довольна собственной игрой на последних лунках, и ей не терпелось поговорить о своих успехах. Кроме того, Юнис вдруг почувствовала к Рамсдену не то чтобы уважение, а, наверное, некоторую благосклонность пополам со снисходительностью. Быть может, думала она, Рамсден не бог весть что в гостинной или на ганцах, но дайте ему клюшку для гольфа, и вам будет на что посмотреть,

даже если бить придется из бункера. Юнис хотела даже завести дружескую беседу с партнером, но он вдруг заговорил сам:

— Думаю, драйвер вам сегодня лучше не трогать. Играйте-ка айроном. Сейчас важно, чтобы мяч летел прямо.

У Юнис перехватило дыхание. Будь она не так хороша собой, можно было бы даже сказать, что девушка фыркнула. Небо потемнело в ее глазах, а от дружелюбия не осталось и следа. Лицо побледнело и тут же побагровело от ярости. Вот вы помолвлены с Женеьевой, и я полагаю, ваши отношения полны любви, доверия и взаимопонимания. Однако хватит ли вам духу сказать невесте, что она не умеет играть деревянными клюшками? Не уверен. А Рамсен Уотерс так и сказал, и от столь чудовищного оскорбления впечатлительная девушка едва не лишилась чувств. Ее нежная душа кипела от негодования.

С тех пор как Юнис удался первый в жизни драйв, она считала удар деревянной клюшкой своим коронным. Брат и деревянная клюшка были ей дороже всего на свете. И вот какой-то мужлан смеет утверждать... Юнис поперхнулась.

— Ми-стер Уотерс!

Она не собиралась останавливаться, но к месту событий совсем некстати вернулись Джордж Перкинс и Уилберфорс, оба сытые и довольные.

— Я выпил три лимонада, — сообщил мальчик. — Куда теперь?

— Мы начинаем, — обратился Рамсен к Юнис. — Ваш удар.

Не говоря ни слова, Юнис взялась за драйвер. Дрожа от негодования, девушка судорожно взмахнула клюшкой и срезала мяч прямым к фэрвею девятой лунки.

— Совсем не туда, — прокомментировал Рамсен. — Вам лучше играть другой клюшкой. Вы постоянно теряете направление.

Их глаза встретились. Во взгляде Юнис сверкала ярость уязвленной женщины. Взор Рамсена был тверд и холоден. Внезапно, всматриваясь в бледное, сосредоточенное лицо партнера, Юнис почувствовала, будто в ней что-то сломалось. Ее охватило непривычное осознание собственной слабости и покорности. Точно такие ощущения, вероятно, испытывала загнанная в угол пещерная женщина, когда вооруженный дубиной кавалер принимал стойку и, как следует прицелившись, начинал замах.

Всю жизнь мужчины непрестанно осыпали Юнис комплиментами. С тех пор, как она сделала первую прическу, мужчины пресмыкались перед ней; отсюда ее отношение к сильному полу — равнодушие пополам с презрением. А как, скажите на милость, относиться к существам, которые

ползают у твоих ног и как мухи мрут на ковре гостиной от первого же холодного взгляда? О, как она мечтала о настоящем мужчине в первобытном смысле этого слова, но такие встречались только в книгах, что Юнис брала в деревенской библиотеке. Юнис зачитывалась романами некой писательницы, которая неизменно выводила в каждом из своих поучительных и будоражащих воображение произведений непомерно суровых и невероятно угрюмых героев, которые объезжали диких лошадей и ни во что не ставили женщин. Вот о таком мужчине грезил Юнис, а попадались сплошь желторотые юнцы, теряющие волю от одного ее слова.

Рамсдена Уотерса Юнис презирала больше всех. Другие заискивали перед ней, а Рамсден извивался как уж на сковородке. Юнис пускала его в дом только потому, что Рамсден подружился с маленьким Уилберфорсом. И вот, пожалуйста, Рамсден Уотерс дает ей указания, да еще и взглядом сверлит. Словом, ведет себя как Клод Дэламер в романе «Стальное сердце», глава тридцать два. Ах, Клод Дэламер, как он таскал леди Матильду за волосы по бильярдной, когда она подарила розу итальянскому графу!

Юнис испугалась, но вместе с тем и разозлилась.

— Мистер Уинклторп говорил, что я отлично играю деревянными клюшками, — с вызовом сказала она.

— Такое уж у него чувство юмора, — ответил Рамсден и спустился с холма туда, где лежал мяч.

Юнис отправилась напрямик на грин. Хоть Рамсден и был ей противен, девушка нисколько не сомневалась, что сыграет он точно.

Джордж Перкинс, давно растерявший всякую уверенность в своих силах, которую могла придать ему мисс Бингли, тоже испортил удар, предоставив партнерше выбирать из песчаной ловушки. Таким образом, и эта лунка закончилась вничью.

Матч продолжался. Великолепный удар Рамсдена решил судьбу следующей короткой лунки, но вскоре мисс Бингли удалось отыгаться. К последней лунке соперники подошли при равном счете.

Игра началась с десятой лунки, а потому победитель должен был определиться на девятой — самой коварной на всем поле. Как вы, наверное, помните, там нужен дальний первый удар, чтобы преодолеть ручей и озеро, где погибло немало мячей и надежд. Затем приходится играть вверх по крутому склону вплоть до самого грина, рельеф которого вызывает в памяти сцены шторма из современных мелодрам. Непростой грин, его так и ведет то вверх, то вниз — худшей концовки для напряженного матча не придумаешь. Однако наибольшую сложность

представляет все-таки первый удар, драйв потому что вода и деревья здорово сбивают с толку.

Джордж Перкинс, подходя к мячу, заметно нервничал, животный страх сковал все его существо. Хотел было помолиться, но в голове вертелся только церковный гимн об избавлении от гибели в морской бездне. Впрочем, Джордж опасался, что именно такая судьба уготована его мячу. Прошептав пару тактов гимна, Джордж поднял клюшку. Раздался приятный звук удара, и мяч, словно птица, пролетел над водой, преодолел холм и упал посреди фервея на расстоянии простого удара от грина.

— Отлично, партнер, — впервые за всю игру подала голос мисс Бингли.

Джордж жеманно заулыбался и скромно потупил взор. Схожие чувства испытывает заядлый игрок в рулетку, в отчаянии поставивший на кон все, когда к собственному удивлению и восторгу обнаруживает, что шарик угораздило остановиться в нужной ячейке.

На последних восьми лунках самолюбие Юнис сильно пострадало. Она испортила два драйва, три приближающих удара, а на пятой лунке смазала короткий патт. Юнис подошла к ти с чувством вины, терзающим всякого незадачливого гольфиста, и ненавистью к самой себе, что смиряет самые гордые натуры. У нее тряслись поджилки, казалось, все вокруг кричало, что уж теперь-то она точно опозорится на весь мир.

Подняв клюшку над головой, Юнис с ужасом осознала, что совершает восемнадцать ошибок из двадцати трех возможных при исполнении драйва. Голова раскачивается как цветок на ветру, левая ступня повернута совсем не в ту сторону, клюшка ходуном ходит в руках, а запястья размякли, словно вареная спаржа. Опуская клюшку, Юнис думала, что, наверное, недооценила число ошибок, а когда мяч нехотя покатился по холму и прыгнул в мутную воду озера, как робкий ныряльщик холодным утром, поняла, что, должно быть, установила рекорд. Учебники говорят о двадцати трех различных ошибках при ударе драйвером, Юнис сделала все двадцать три разом.

Рамсден Уотерс молча достал новый мяч. Он никогда не отчаивался во время игры, но теперь им определенно предстояло как минимум три удара, в то время как соперникам, чтобы попасть на грин, а то и прямо в лунку — только два. И все же оставалась надежда на выдающийся драйв, а потом еще какое-нибудь чудо, которое позволило бы спасти игру. Всем существом Рамсден жаждал ударить как можно лучше и дальше, всю душу вложил в удар.

Стоит ли говорить, какую ошибку он допустил? Конечно, слишком

резко начал мах...

Драйвер со свистом рассек воздух, но мяч лишь слегка покачнулся и остался на месте. Рамден Уотерс, всегда отличавшийся аккуратностью, не попал по мячу.

Все замерло. Рамсен нечеловеческим усилием воли заставил себя сдержаться. Отборные ругательства комом подступили к горлу, замысловатые проклятия едва не срывались с губ, но Рамсен что было мочи стиснул зубы и не проронил ни слова.

Гробовую тишину нарушил мальчишеский голос Уилберфорса.

Надо полагать, безобидный на вид имбирный лимонад скрывает в своих янтарных глубинах нечто такое, что проглядели поборники нравственности и умеренности. Именно этим напитком, как вы помните, основательно заправился Уилберфорс Брай. По всей видимости, мальчик, в котором плескалось не меньше трех кружек самого лучшего лимонада, несколько забылся.

— Не по-пал! Не попа-ал! — звонко рассмеялся Уилберфорс.

Он стоял на коленках у ящика с песком и, посчитав, что ничего интересного больше не предвидится, отвернулся и продолжил играть. Зря. Мало кто на месте Рамсдена Уотерса нашел бы в себе силы устоять перед таким искушением, уж очень заманчиво выглядела задняя часть брюк маленького нахала. Рамсен счел себя вправе воспользоваться представившейся возможностью. Мгновением позже туфля для гольфа (из тех, что носят все ведущие профессионалы) поднялась в воздух, набрала ход и нанесла сокрушительный удар.

— Как вы смеете бить ребенка?! — закричала Юнис. Побледневший Рамсен смерил ее суровым взглядом.

— Сударыня, — сказал он, — в сложившихся обстоятельствах я ударил бы и архангела Гавриила.

— Ваш матч, — обратился Рамсен к мисс Бингли, которая, не обращая внимания на драму, развернувшуюся у нее под самым носом, достала ниблик и тренировала короткий удар.

Рамсен холодно откланялся, с удовлетворением покосился на выбирающегося из зарослей крапивы Уилберфорса и зашагал прочь. Вскоре он пересек мост через ручей и поднялся по холму.

Юнис как зачарованная смотрела ему вслед. Порыв гнева быстро прошел, и девушка уже жалела, что не стукнула несносного мальчишку сама.

Как он был прекрасен, думала Юнис, глядя, как Рамсен приближается к клубу. Вылитый Каррузерс Мордаик из сорок первой

главы «Блеска серых глаз», где он отверг Эрминтроду Ванстоун. Всей душой Юнис хотела, чтобы Рамсден вернулся. Именно о таком спутнике она мечтала всю жизнь. О, как замечательно он научил бы ее играть в гольф! Ее просто тошнило от того, как прежние наставники, неизменно предваряя замечания слащавой похвалой, робко подсказывали, что, дескать, некоторые при выполнении драйва предпочитают держать голову неподвижно, и Юнис, хоть она и так отлично все делает, тоже могла бы попробовать. Они предлагали смотреть во время удара на мяч так, будто этим девушка оказала бы мячу неслыханную честь. Нет, ей нужен был большой, сильный и даже грубый мужчина, чтобы заставил ее не вертеть, черт возьми, головой; беспощадный викинг, что без лишних церемоний как следует двинул бы ей в глаз, который она посмела отвести от мяча. Вот таким и был Рамсден Уотерс. Может, внешне он и не похож на викинга, но ведь главное в человеке — душа, а после случившегося на турнире Юнис убедилась, что в характере Рамсдена Уотерса сочетались все самые лучшие черты императора Нерона, дикого кота и боцмана с грузового парохода.

Весь вечер Рамсден в самом мрачном настроении просидел в своей комнате. Удовлетворение от содеянного прошло, и он жестоко корил себя за то, что по собственной глупости, навсегда потерял любимую девушку. Да разве простит она такую выходку? Можно ли закрыть глаза на поступок, от которого покраснели бы и матросы на судне для перевозки скота? Рамсден глухо застонал и решил развеять скорбь чтением.

Увы, избранные мысли величайших писателей не трогали его в этот час. Взялся было за книгу Вардона «О свинге», но словаплыли перед глазами. Полистал «Короткий удар» Тейлора — прозрачный стиль мастера казался сбивчивым и непонятным. Ни Брейд «О ловушках», ни Дункан «О клюшках» не принесли облегчения. Отчаявшись, Рамсден хотел все бросить и лечь спать, несмотря на довольно ранний час, как вдруг зазвонил телефон.

— Алло.

— Добрый вечер, мистер Уотерс. Это Юнис Брай. — Трубка задрожала в руках Рамсдена. — Я тут вспомнила. Мы, кажется, о чем-то говорили вчера? Вы, случайно, не просили меня выйти за вас замуж? Точно помню, что-то такое было.

Рамсден три раза сглотнул.

— Просил, — еле слышно произнес он.

— Мы ведь тогда ничего не решили, да?

— А?

— Я говорю, вопрос остался открытым.

— Э?

— Так вот, надеюсь, вас не слишком затруднит, — мягко проговорила Юнис, — зайти ко мне и продолжить этот разговор.

Пол закачался под ногами Рамсдена.

— Нам никто не мешает, — добавила Юнис. — Крошка Уилберфорс лег спать, у него болит голова.

Рамсдену понадобилось какое-то время, чтобы отлепить язык от гортани.

— Буду сию минуту! — хрипло выпалил он на бегу.

КАК НАЧИНАЛСЯ ГОУФ

Пролог

Мы передали визитную карточку и очутились в мраморной приемной. Не прошло и нескольких часов, как где-то зазвонил колокольчик, и нашему взору предстал самый настоящий мажордом. Он раздвинул роскошные портьеры и ввел нас в присутствие главного редактора. Войдя в редакторские покои, мы тут же пали ниц и, не смея подняться, приблизились к столу на четвереньках.

— Ну-с, — наконец заговорил редактор, отложив осыпанное бриллиантами перо.

— Мы только хотели узнать, — робко отвечали мы, — нельзя ли предложить вашему вниманию рассказ на историческую тему.

— Публика не желает читать рассказы на историческую тему, — поморщился он.

— Но публика еще не видела нашего рассказа, — возражали мы.

Редактор вставил сигарету в мундштук, пожалованный правящим монархом, и потянулся к золотой спичечнице, что преподнес ему в свое время знакомый миллионер, президент «Объединенной лиги водопроводчиков».

— Наш журнал печатает только первосортные рассказы с лихо закрученным сюжетом и захватывающей любовной интригой.

— Вот поэтому мы и пришли.

— Однако сейчас мне нужен рассказ о гольфе.

— Какое совпадение, наш рассказ именно о гольфе.

— Что ж, коли так, — произнес редактор, на мгновение выказывая интерес к незванным гостям, — я, пожалуй, взгляну.

Он наградил нас пощечиной и дозволил удалиться.

РАССКАЗ

Мерольхасар, царь страны Оум, стоял, опершись на невысокий парапет террасы, и с грустью глядел вдаль сквозь восхитительные просторы дворцовых садов. День выдался чудесный. Ласковый ветерок

приносил со стороны сада нежнейший аромат цветов, впрочем, пахни из сада удобрениями, Мерольхасар не заметил бы разницы: правитель страны Оум страдал от неразделенной любви. Всякий на его месте расстроился бы.

В те далекие времена любовные дела царственных особ велись исключительно по переписке. Стоило какому-нибудь монарху прослышать о красоте принцессы из соседних пределов, он немедленно отправлял к ней послов с подарками и молил о встрече. Принцесса назначала день, и обычно после официального знакомства все шло как по маслу. Вот и принцесса Удаленных Островов благосклонно приняла дары царственного Мерольхасара, присовокупив, что именно-о-таких-мечтала-всю-жизнь и как-он-только-догадался. О времени встречи обещала сообщить дополнительно. Однако, по всей видимости, произошло досадное недоразумение, поскольку с того самого дня от нее не было ни слуху, ни духу. Столица Оума погрузилась в уныние. В клубе придворных, где собирались все аристократы страны, предлагали пять местных пацаца против одного отнюдь не в пользу Мерольхасара, но принимать пари никто не торопился. В то же время в заведениях попроще, где ставки всегда более демократичны, давали сто против восьми. «Воистину, — пишет летописец на куске кирпича и паре булыжников, дошедших до наших дней, — казалось, нашему возлюбленному монарху, сыну Солнца и племяннику Луны, вручили горький плод цитрона». Эта изысканная древняя пословица практически непереводаима, но смысл ее ясен и так.

Царь печально разглядывал сад, как вдруг его внимание привлек невысокий бородатый человек с кустистыми бровями и сморщенным лицом. Незнакомец стоял на дорожке близ розовых кустов. Сначала Мерольхасар молча наблюдал за ним, а потом подозвал Великого визиря, который беседовал с придворными на другом конце террасы. Бородач, очевидно, не подозревая, что за ним следит царственное око, положил на дорожку круглый камень и зачем-то принялся размахивать над ним мотыгой. Именно необычное поведение незнакомца вызвало интерес царя. На первый взгляд человек с мотыгой выглядел глупо, однако Мерольхасару в его действиях почудился какой-то глубокий, даже священный смысл.

— Кто это? — спросил он.

— Садовник, о, повелитель, — ответил визирь.

— Кажется, я раньше его не видел. Откуда он взялся? Добросердечный визирь смутился.

— Я, право, не знаю, как и сказать, о, владыка — ответил он, — это,

видишь ли, шотландец. Непобедимый флотоводец Оума недавно направил свои корабли в суровые северные моря и, бросив якорь в гавани Сент Эндрю, что на местном наречии зовется С'нэндрю, захватил этого человека в плен.

— А что он такое делает? — спросил царь, увидев, как бородач медленно поднял мотыгу над правым плечом и слегка согнул левую ногу.

— Это какой-то варварский религиозный обряд, о, повелитель. По словам адмирала, побережье той страны так и кишело людьми, которые вели себя столь же необычно. У всех туземцев в руках были палки, которыми они наносили удары по небольшим округлым предметам. А время от времени...

— Мя-я-я-аа-ач! — раздался хриплый голос из сада.

— ...время от времени издавали печальный пронзительный вопль, подобный тому, что мы слышим сейчас. Обращение к высшим силам, надо полагать.

Визирь умолк. Мотыга опустилась, и камень, описав изящную дугу, упал в нескольких шагах от Мерольхасара.

— Эй, — выкрикнул визирь. Чужестранец поднял на него глаза.

— Так нельзя, — строго сказал визирь, — ты чуть не зашиб благословеннейшего из смертных, нашего царя.

— Грхм, — неопределенно буркнул бородач и принялся за свой непостижимый обряд над другим камнем.

Изможденное тревогами лицо Мерольхасара заметно оживилось, он с нарастающим интересом взирал на происходящее.

— Какого бога можно умилостивить таким ритуалом? — спросил царь.

— По словам адмирала, это божество зовется Гоуф.

— Гоуф... Гоуф? — Мерольхасар мысленно перебирал в уме всех богов Оума. Их было шестьдесят семь, но никакой Гоуф среди них не значился. — Что за странная религия, — пробормотал царь, — очень странная. Клянусь Белом, до чего удивительная! Сдается мне, такая религия нам в Оуме не помешает. Уж очень она смахивает на то, что придворный лекарь прописал. Есть в ней какая-то притягательная сила. Мы желаем поговорить с этим человеком и все разузнать о священном обряде его суровой страны.

Царь в сопровождении визиря углубился в сад. На челе сановника лежала печать сомнения. Он лихорадочно размышлял о том, как отнесется сильная церковная партия к желанию Мерольхасара взять на вооружение еще одну религию. Конечно, жрецы будут недовольны, а в те времена даже

монарху было опасно вызывать неодобрение церкви. Всем был хорош Мерольхасар, но вот к жрецам мог бы проявлять чуточку больше внимания. Всего несколько лун назад верховный жрец Чета жаловался визирю на качество мяса, что царь присылает для жертвоприношений. «Он может ничего не смыслить в мирских делах, — говорил его преподобие, — но уж коли владыка не видит разницы между свежими жертвами отечественного производства и замороженными импортными, самое время вывести его из заблуждения». Если вдобавок царь станет поклоняться Гоуфу, дело и вовсе примет скверный оборот.

Мерольхасар пристально разглядывал бородатого иноземца. Второй камень попал прямым на террасу. Царь так и ахнул. Глаза заблестели, дыхание участилось.

— Кажется, это несложно, — вырвалось у него.

— Ха, — отозвался бородач.

— Думаю, у меня получится, — с жаром выпалил царь, — клянусь восемью зелеными богами великой горы, получится! Священным огнем, что день и ночь горит пред жертвенником Бела, клянусь — получится! Чет меня возьми! А ну, дай сюда тяпку.

— Грхм, — хмыкнул в ответ бородач.

В этом непонятном возгласе царю послышалась насмешка, и кровь его закипела от возмущения. Он крепко схватил мотыгу и поднял ее, твердо стоя на широко расставленных ногах. Именно в такой позе изобразил его в свое время придворный скульптор — статуя «Наш царь-атлет» по праву считалась одной из главных достопримечательностей столицы. Впрочем, на чужестранца это не произвело никакого впечатления. Он немзыкально рассмеялся.

— Вот дур-ря башка, — сказал шотландец. — Ишь, рас-кор-рячился.

Царственное самолюбие было задето. Вообще-то всем полагалось восхищаться этой позой.

— Так я убиваю львов, — пояснил Мерольхасар и процитировал знаменитый трактат Нимрода, один из лучших спортивных учебников того времени, — «замахиваясь копьем на льва, распределяйте вес тела так, чтобы на обе ноги приходилась равная нагрузка».

— Так ить, нету здесь львоф-то. Вишь, как. Откелева им здесь взяться-то? Эт гоуф.

В этот миг на царя снизошло необычайное смирение. Одним из первых он пережил то чувство, которое и в наши дни не дает покоя многим достойным мужам. Словно неразумное дитя, Мерольхасар готов был с жадностью ловить каждое слово умудренного наставника. Кто из нас,

делая первые шаги на поле для гольфа, не испытывал потрясения от того, что непонятно, куда деть собственные ноги, а на руках растут сплошь большие пальцы?

— О, благороднейший и наидобрейший, — робко попросил Мерольхасар, — научи меня.

— Хват с перехлестом, пр-риоткрой стойку, не дергайся, не вер-рти головой, не своди глассмяча.

— Чего-чего не сводить? — в изумлении переспросил царь.

— Осмелюсь предположить, о, мой повелитель, — сообразил визирь, — этот человек покорнейше просит устремить высочайший взор на мяч.

— Ах, вон оно что, — уразумел Мерольхасар. Так начался первый урок гольфа в стране Оум.

Тем временем придворные на террасе обсуждали последние новости. Строго говоря, о неразделенной любви Мерольхасара знать никому не полагалось, но ведь известно, как распространяются слухи. Великий визирь по секрету сообщит Главному казначею, Главный казначей на ушко шепнет Верховному опекуну любимой собачки его величества, тот, в свою очередь, передаст новость Почетному блюстителю монаршего гардероба при условии, что все останется между ними. Так, не успеешь оглянуться, — о государственной тайне уже повсюду судачат на кухнях, а газетчики вытесывают на булыжниках свежий номер «Дворцовых сплетен».

— Короче, — слово взял Почетный блюститель монаршего гардероба, — надо его развеселить.

Раздались возгласы одобрения. По тем временам, когда нет-нет, да и казнят кого-нибудь, ни в коем случае нельзя было позволять монарху томиться от скуки.

— Но как? — развел руками Главный казначей.

— Придумал, — заявил Верховный опекун любимой собачки его величества, — подошлем к нему менестрелей.

— Но-но, а что сразу нас-то? — запротестовал Старший менестрель.

— Не говори глупости, — возразил Главный казначей, — это ради вашего же, как, впрочем, и нашего, блага. Он давеча спрашивал, почему в последнее время совсем не слышно музыки. Велел мне выяснить, за что, по вашему мнению, получаете деньги. Если менестрели только и могут, что дыхнуть да объедаться в царской столовой, то он, дескать, с вами быстро разберется.

— Ну, раз так, — Старший менестрель нервно поежился. Собравшись

с духом, менестрели на цыпочках вышли в сад и расположились в нескольких шагах позади Мерольхасара в ту самую минуту, когда царь после двадцати пяти бесплодных попыток намеревался попасть по камню в двадцать шестой раз.

Искусство стихосложения в те далекие времена не достигло еще степени совершенства, что отличает поэтов-песенников в наши дни. Мастерство менестрелей было куда скромнее, и они явили его миру в тот самый миг, когда Мерольхасар старательно поднял клюшку и приготовился ее опустить. В саду раздался нестройный хор голосов:

Так воспоем же все хвалу
Мы величайшему царю.
Подобен льву, подобен льву, наш царь подобен льву!

Песнь прославляла совершенство правителя на спортивном и военном поприщах и насчитывала шестнадцать куплетов, которым, впрочем, не суждено было прозвучать. Мерольхасар подскочил, как ужаленный, тряхнул головой и снова не попал по камню. Царь в гневе повернулся к менестрелям, которые самоотверженно горланили:

О, слава пусть гремит в веках!
Он дюжины сильней.
Наш царь в бою и на пирах
Согражданам милей...

— Убирайтесь, — взревел царь.
— О, владыка!.. — пролепетал Старший менестрель.
— Проваливайте, куда ворон костей не носил! (И снова летописец прибег к игре слов, которую невозможно передать на современный язык, а потому остается довольствоваться буквальным переводом.) Клянусь прахом предков, что за безобразие! Клянусь бородой священного козла, просто возмутительно! Разрази вас Бел за ваши гнусные завывания, разве можно устраивать такой гвалт, когда я пытаюсь сосредоточиться на свинге?! У меня как раз все должно было получиться, и тут вы...

Менестрелей как ветром сдуло. Бородач отечески похлопал разгневанного царя по плечу.

— Сынок, — сказал он, — гоуфист ты покамест невесть какой, но бр-

ранишься уже хошь куды.

Ярость оставила Мерольхасара. Он смущенно заулыбался первой похвале из уст бородатого наставника. Царь, словно примерный ученик, терпеливо склонился над камнем в двадцать седьмой раз.

В эту ночь весть о том, что Мерольхасар помешался на новой религии, облетела весь город. Староверы неодобрительно качали головами.

В наши дни люди, со всех сторон окруженные самыми разнообразными достижениями цивилизации, ничему не удивляются и принимают как должное все, что столетия назад внушало бы глубочайшее изумление и даже страх. Нас не удивит телефоном, автомобилем и беспроводным телеграфом. Никто и бровью не поведет при виде человека, страдающего от первых приступов гольф-лихорадки. Однако при дворе Оума все обстояло иначе. Во дворце только и говорили об одержимости царя.

Мерольхасар с утра до ночи пропадал в Линксе. Так называли храм нового бога, устроенный на открытом воздухе. Бородатый шотландец поселился поблизости в роскошном особняке и целыми днями вытачивал из святого дерева удивительные приспособления для новой религии. В знак признания его заслуг царь подарил ему много кэдди, или рабов, назначил хорошее жалованье и присвоил титул Противника его величества во всех финальных обрядах. В устной речи титул сокращали до Профи или Про.

Оум был консервативной страной, и поначалу немногие желали поклоняться новому богу. Лишь визирь, который всегда верно следовал за царем, сразу же пристрастился к Гоуфу. Остальные придворные держались в стороне. Зато визирь с таким жаром предавался новому культу, что вскоре был назначен Чрезвычайным и полномочным обладателем гандикапа двадцать четыре в безветренную погоду или, в просторечье, Чайником.

Надо сказать, что появление новых титулов вызвало множество кривотолков. Придворные бросали друг на друга косые взгляды, повсюду слышался недобрый шепот. Нарушился порядок вещей, и это никому не нравилось. Люди привыкают к стабильному социальному положению. Вот, к примеру, Второй помощник чистильщика королевских охотничьих сапог твердо знает свое место в дворцовой иерархии — аккурат между Псарем королевских угрь-терьеров и Запасным тенором капеллы менестрелей. Представьте себе горечь его разочарования, когда ему вдруг приходится потесниться из-за Наследного носильщика царской клюшки.

Однако прежде всего стоило опасаться недовольства церкви. Жрецы

всех шестидесяти семи богов Оума приняли новую религию в штыки. Верховный жрец Чета, председательствовавший на внеочередном заседании церковного профсоюза, произнес блестящую речь. Убеленный сединами оратор твердо заявил, что, хотя и никогда не считал себя сторонником принципа закрытого клуба, в жизни всякого мыслящего человека есть предел терпению, и, по его мнению, этот предел настал. Одобрительные возгласы, сопровождавшие эти слова, говорили о том, как точно он выразил общее настроение.

*

Внимательнее всех выступление жреца слушал сводный брат царя, Аскобарух, мрачный, разочаровавшийся в жизни тип с хищным взглядом и коварной ухмылкой. Аскобарух с детства терзался честолюбивыми помыслами, но до сих пор казалось, что он так и отправится в могилу, не утолив желания власти. Он жаждал стать царем Оума, и вот, наконец, судьба улыбнулась ему. Искушенный в дворцовых интригах Аскобарух понимал: жрецы — серьезная сила, стоящая за всеми успешными дворцовыми переворотами. Самым важным для замысла Аскобаруха был его преподобие верховный жрец Чета.

Именно к нему в конце заседания обратился Аскобарух. Жрецы единодушно вынесли Мерольхасару вотум недоверия и разошлись, а председатель направился в ризницу подкрепиться молоком и медом.

— Знатная речь! — вкрадчиво начал Аскобарух и неприятно улыбнулся. Что-что, а польстить человеческому самолюбию он умел.

Верховный жрец довольно погладил бороду.

— Ну, что ты, право, — смущенно ответил он.

— Будет скромничать, речь потрясающая! Ума не приложу, как тебе удастся подобрать нужные слова. Вот бы мне научиться. А то недавно выступал на торжественной встрече выпускников Оумского университета, так у меня прямо язык отнялся. А ты просто выходишь, и слова сами летят с уст, будто пчелы из улья. В голове не укладывается, хоть убей!

— Все дело в сноровке.

— Божественный дар, не меньше. Верховный жрец допил молоко с медом.

— Возможно, ты и прав, — сказал он, недоумевая, почему раньше не замечал, что Аскобарух такой приятный собеседник.

— У тебя, конечно, была очень благодатная тема. Воодушевляющая и

все такое. Даже я нашел бы, что сказать по этому поводу, хотя, конечно, не столь красноречиво. Что же это делается? Поклоняться какому-то неведомому богу! Говорю тебе, у меня аж кровь закипела в жилах, когда услышал. Все знают, как я уважаю и чту Мерольхасара, но это уж слишком! И откуда он только выкопал этого своего бога?! Я мирный человек и не люблю ввязываться в политику, но если бы ты сказал мне, как патриот патриоту: «Аскобарух, пора, мол, принять меры», — я ответил бы, как на духу: «Дражайший жрец, я целиком и полностью согласен». Можешь даже сказать, что ради спасения Оума необходимо убить Мерольхасара и начать все с чистого листа.

Верховный жрец задумчиво поглаживал бороду.

— Признаюсь, я не думал заходить так далеко.

— Мое дело предложить, — ответил Аскобарух, — можешь и отказаться. Мне-то что? Ты вправе действовать, как считаешь нужным. Но ты же умный человек, — пожалуй, даже самый умный во всей стране, — и наверняка понимаешь, что это прекрасный выход. Да, Мерольхасар — царь неплохой, никто не спорит. И полководец приличный, и охотник отменный. Однако давай посмотрим правде в глаза — неужели жизнь состоит лишь из сражений и охоты? Так ли все просто? Не лучше ли найти добропорядочного человека, который никогда не изменял Чету, и передать ему бразды правления? Не это ли нужно для процветания Оума? А ведь таких людей не сосчитать. Взять, к примеру, меня. Я, конечно, недостойн такой чести, но одно знаю твердо — если стану царем то уж о поклонении Чету позабочусь. Можешь поставить на это все свои пацаца. Вот.

Верховный жрец призадумался.

— О скверноликий, но благонравный Аскобарух, хороши лова твои. Однако возможно ли это?

— Возможно ли? — Аскобарух зловеще рассмеялся. — Возможно? Разбуди меня ночью, останови на скоростном тракте, я не замедлю с ответом! Вот, что я тебе скажу... заметь, я не настаиваю, просто советую, — возьми длинный острый кинжал для заклания жертв, отправляйся к Линксу, и как только Мерольхасар поднимет свою богомерзкую палку над головой...

— Воистину, мудрость твоя не знает границ, — воскликнул верховный жрец, — верно, сам Чет говорит твоими устами!

— Ну, что, по рукам? — спросил Аскобарух.

— По рукам! — ответил жрец.

— Вот и славно, — продолжал Аскобарух. — Пожалуй, мне лучше

держаться в стороне от всяких неприятностей. Отправляюсь-ка я в путешествие, пока ты здесь, так сказать, готовишь почву. В это время года очень хорошо на Средних Озерах. Надеюсь, к моему возвращению все формальности будут улажены?

— Чет меня возьми, можешь не сомневаться! — зловеще ответил верховный жрец, поглаживая рукоять кинжала.

Верный своему слову верховный жрец направился к Линксу с первыми лучами солнца. Мерольхасар как раз закончил вторую лунку и был в отличном настроении.

— Приветствую тебя, о достопочтеннейший! — бодро воскликнул царь, — приди ты минутой раньше, узрел бы, как ловко мы послали мяч прямо на грин. Ловчее не бывает. Не Удар, а конфетка, такого прекрасного чипа мэши-нибликом не видывали за пределами благословенной земли С'нэндрю, да снизойдет на нее мир, — добавил Мерольхасар, почтительно обнажив голову. — О радость, я сыграл лунку ниже пара, хоть мой драйв и угодил вон в те кусты из-за небольшого слайса.

Верховный жрец не понял ни слова, но с радостью отметил, что царь доволен и ни о чем не подозревает. Заговорщик крепко сжал под одеждой рукоять кинжала и последовал за правителем к следующему алтарю. Мерольхасар наклонился и положил небольшой округлый предмет на горку песка. Несмотря на строгость взглядов, верховный жрец не смог отказать себе в удовольствии ознакомиться с диковинным обрядом.

— Зачем ты это делаешь, о, царь? — любопытствовал он.

— Я устанавливаю мяч повыше, иначе вместо того, чтобы устремиться к солнцу, подобно птице, он жуком поползет по земле. Ты же видишь, какая густая трава впереди — чего доброго, придется второй удар нибликом играть.

Верховный жрец попытался разобраться.

— Это, чтобы умиловить бога? Призвать удачу?

— Можно сказать и так. Жрец покачал головой.

— Быть может, я старомоден, — сказал он, — но думается мне, чтобы умиловить бога, лучше принести в жертву кэдди-другого.

— Признаюсь, — мечтательно ответил царь, — мне и самому часто кажется, что всем станет гораздо легче, если время от времени отправлять пару-тройку кэдди на заклятие. Вот только Профи почему-то об этом и слышать не хочет. — Мерольхасар мощно ударил по мячу, и тот стремительно понесся вдоль фервея. — Клянусь Эйбом, сыном Митчела, — воскликнул царь, заслонив ладонью глаза от солнца, — что за

славный драйв! О, истинно говорит книга пророка Вардуна: «В левой руке сокрыта сила всякого удара, правая же лишь задает направление. Посему не нажимай слишком сильно десницей своей». Вот отчего у меня вчера мяч сваливался влево.

Жрец насупился.

— В священной книге Чета, о, царь Оума, сказано: не поклоняйся чужим богам.

— О досточтимый, — ответил царь, пропустив замечание мимо ушей, — возьми палку и попробуй сам. Ты, правда, уже в летах, но есть люди столь совершенные, что могут дать внукам по удару феры на каждой лунке. Учиться никогда не поздно.

Верховный жрец в страхе отпрянул. Царь нахмурился.

— Таково наше царское повеление, — холодно произнес он.

Пришлось повиноваться. Быть может, жрец и решился бы нанести удар кинжалом, но тут приблизились несколько кэдди и со свойственным им презрительным равнодушием уставились на него. Делать нечего — жрец взял палку и встал, как велели.

— А теперь медленно поднимай, — объяснил Мерольхасар, — и это... не своди глассмяча.

*

Месяц спустя Аскобарух вернулся из странствий. Ни весточки не получил он от верховного жреца. Тот так и не дал ему знать об успехе переворота, впрочем, на то могли быть свои причины. Аскобарух невозмутимо велел вознице править к царскому дворцу. Он был рад вернуться, ведь даже отпуск не приносит удовольствия, когда дома ждет важное дело.

Колесница тронулась, и вскоре показались окраины города. Внезапно Аскобарух похолодел, от благодушия не осталось и следа.

— Это еще что такое? — резко окликнул он возницу. Там, где прежде был пустырь, парами расхаживали люди в необычных одеяниях и со странными посохами. Одни беспокойно копошились в кустах, другие бодро шагали по направлению к небольшим красным флажкам. Аскобаруха охватило зловещее предчувствие. Казалось, вопрос удивил возницу.

— Тама, — ответил он, — теперича гор-родской линкс.

— Что?

— Линкс.

— Объясни мне, почему ты так странно говоришь?

— Как это стр-ранно?

— Ну, вот так. Ты говоришь... странно.

— Вот те на! Его величество царь Мерольхасар — да уменьшится его гандикап! — издал указ, что все его подданные теперь должны так говорить. Ведь так говор-рит сам Профи, — да пр-ребудет с ним мир! Грхм!

У Аскобаруха закружилась голова, он вяло откинулся на сидение, а колесница, тем временем, выехала на дорогу, идущую вдоль дворцового Линкса. Поле было частично огорожено стеной, из-за которой вдруг раздался взрыв хохота.

— А ну, придержи лошадей, — велел Аскобарух. Он узнал этот смех. Мерольхасар.

Аскобарух подкрался к стене и осторожно выглянул. Кровь застыла в его жилах. Он стал бледен как смерть.

Царь и Великий визирь играли в паре против Профи и верховного жреца. Визирь только что подложил жрецу самую настоящую свинью — его мяч встал точно между мячом жреца и лункой.

Аскобарух поплелся к колеснице.

— Поехали назад, — упавшим голосом сказал он. — Я кое-что забыл.

*

Так в Оум пришел гольф, а вместе с ним — небывалое благоденствие. Все были счастливы. Исчезла безработица. Снизилась преступность. Летописи неоднократно называют это время Золотым Веком. И все же оставался один человек, не вполне обласканный судьбой. На поле для гольфа все было прекрасно, но дни сменялись одинокими безотрадными ночами, когда Мерольхасар лежал без сна, страдая оттого, что его никто не любит.

Конечно, по-своему его любили подданные. На дворцовой площади появилась еще одна статуя — «Мерольхасар выбивает мяч из случайной воды». Менестрели сочинили новый цикл песен, восхваляющих его мастерство владения ниббликом. Гандикап Мерольхасара снизился до двенадцати. Но разве в этом счастье? Гольфисту нужна любящая жена, которой долгими вечерами можно рассказывать о своей игре. А жены-то у Мерольхасара как раз и не было. От принцессы Удаленных Островов так и не пришло ни слова, а поскольку Мерольхасар не мог отказаться от идеала,

он оставался одинок.

Однажды летним утром, спозаранку, Мерольхасара, едва задремавшего после бессонной ночи, разбудил взволнованный голос Главного казначея.

— Ну, что еще там? — недовольно спросил царь.

— Грхм, о, мой повелитель! Чудесная новость! Принцесса Удаленных Островов ожидает тебя на террасе, то есть, э-э... как это... на террасе... — Казначей был уже не молод, и новый язык давался ему с трудом.

Царь так и подскочил.

— Наконец-то! Посланец от принцессы!

— Нет, повелитель, ее высочество собственной персоной, — отвечал казначей. — И уверяю тебя, принцесса чудо как хороша.

— Так она красива?

— О, повелитель, принцесса — настоящая прелестница в самом лучшем и глубоком смысле этого слова.

Мерольхасар заметался в поисках одежды.

— Попроси ее немного подождать, — крикнул он казначею. — Пойди, развлеки ее! Расскажи что-нибудь смешное! Пусть только не уходит! Передай, что я сейчас спущусь. Где же, во имя Зороастра, наши ажурные кальсоны?!

Принцесса Удаленных Островов стояла на террасе в лучах рассветного солнца и любовалась садом. Легкий ветерок играл ее золотистыми локонами. Вдруг раздался какой-то шум, принцесса обернулась и увидела богоподобного юношу. Тот скакал по террасе на левой ноге, натягивая носок на правую. При виде юноши сердце принцессы запело, подобно птицам в дворцовом саду.

— Надеюсь, я не слишком задержался? — извиняющимся тоном спросил Мерольхасар. Он тоже ощущал необычайное волнение. Казначей прав — воистину, эта дева услаждает взор. Ее красота — словно оазис в пустыне или костер в морозную ночь. Что пред ней все алмазы, смарагды, жемчуга, сапфиры и аметисты?

— Нет-нет, — отозвалась принцесса. — Я совсем не скучала. Дивно хороши сады твои, о, царь!

— Сады хороши, — горячо сказал Мерольхасар, — но разве могут они сравниться с небесной красотой твоих очей! Я грезил о тебе день и ночь, но, признаюсь, все мечты меркнут пред тобой. Мое жалкое воображение не рисовало и тысячной доли того, что я вижу теперь. Ты затмила солнце, и

луна стыдливо прячет свой лик. Все цветы склоняются перед тобой, а лесные лани восхищаются твоим изяществом. Принцесса, я у твоих ног.

Мерольхасар со свойственной лишь царственным особам грацией поцеловал принцессе руку и тут же вздрогнул от удивления.

— Чет меня возьми! — воскликнул он. — О прекраснейшая, что за странный недуг поразил тебя? Словно кожей буйвола покрыта ладонь твоя. Не заколдовал ли тебя злой чародей?

Принцесса вспыхнула от смущения:

— Позволь объяснить, о достойнейший, почему груба рука моя, и отчего я не отвечала все это время. Так была занята, что, воистину, ни минутки выкроить не могла. Видишь ли, эти мозоли из-за новой религии, которую недавно приняла я и все мои подданные. Ах, если бы я могла и тебя обратить в истинную веру! Это просто чудо, о господин! Около двух лун назад пираты доставили ко двору пленника из дикой северной страны. Он научил нас...

Внезапная догадка осенила Мерольхасара.

— Клянусь Томом, сыном Морриса! — вскричал он. — Неужели это не сон? Каков твой гандикап?

Принцесса в изумлении глядела на царя.

— О диво! Неужели и ты поклоняешься великому Гоуфу?!

— Я-то?! — воскликнул царь. — А то как же! — У него перехватило дыхание. — Вот, послушай-ка.

Откуда-то из дворца доносилось пение. Это менестрели разучивали новый хвалебный пеан на слова Великого визиря и музыку Верховного жреца. Они готовились к торжественному пиру в честь почитателей Гоуфа. Слова отчетливо звучали в утреннем воздухе.

Мы вечно не устанем
Петь, как наш царь велик.
На свинг его кто глянет,
Тот чувств лишится вмиг.

Удачи в каждом патте!
Будь драйв благословен!
И двух ударов хватит
Для лунок с паром семь.

Голоса смолкли. В саду стало тихо.

— А я вчера длинную пятнадцатую чуть в четыре удара не прошел, — наконец, сказал царь.

— А я на прошлой неделе выиграла открытый чемпионат Удаленных Островов среди женщин, — в тон ему ответила принцесса.

Долго смотрели они друг на друга, а затем, взявшись за руки, неспешно побрели во дворец.

ЭПИЛОГ

— Ну, как? — сгорая от нетерпения, спросили мы.

— Ничего, — отвечал редактор.

— Ай, молодец, — шепнули мы про себя.

Редактор нажал кнопку звонка, и в зале появился мажордом.

— Дайте этому человеку кошель с золотом, — приказал редактор, — и пусть убирается.

ЧЕСТЕР СРЫВАЕТ МАСКУ

Было тепло и душно. Бабочки лениво порхали в лучах солнца, в тени деревьев изнемогали от жары птицы.

Вот и старейшина не устоял перед погодой. Облюбовав кресло на террасе гольф-клуба, он давно уже отложил свою трубку, прикрыл глаза и клевал носом. Время от времени на террасе раздавался приглушенный храп.

Внезапно тишину летнего дня разорвал резкий звук, словно кто-то сломал ветку дерева. Старейшина встрепнулся и, щурясь от солнца, приподнялся в кресле. Как только глаза привыкли к яркому свету, он увидел, что на девятой лунке закончилась парная игра, и ее участники прощаются друг с другом. Два гольфиста устремились к бару, третий, всем своим видом выражая глубочайшую скорбь, зашагал в сторону деревни, а четвертый поднялся на террасу.

— Все на сегодня? — осведомился старейшина. Вошедший вытер пот со лба, опустил в соседнее кресло и вытянул ноги.

— Да. Мы начали с десятой. Устал, ужас. С такой погодой шутки плохи.

— Как ваши успехи?

— Мы с Джимми Фотергиллом обыграли викария и Руперта Блейка. Все решилось на последней лунке.

— Мне послышался какой-то треск? — поинтересовался старейшина.

— Это викарий сломал клюшку от досады. Бедолаге весь день чертовски не везло, а он к тому же не может выпустить пар, как все нормальные люди — тут любой сломается.

— Так я и думал, — ответил старейшина, — это было написано у него на спине — шел, как на казнь.

Собеседник ничего не ответил. Он ровно и глубоко дышал.

— Говорят, — задумчиво произнес старейшина, — что священникам, учитывая деликатность их положения, необходимо рассчитывать гандикап по более либеральной шкале, нежели мирянам. Я изучаю гольф еще со времен перьевого мяча, и твердо уверен, что не ругаться во время игры — все равно, что давать фору сопернику. Иной раз крепкое словцо настолько необходимо, что намеренное воздержание плохо сказывается на узлах нервной системы, отвечающих за плоскость свинга.

Молодой человек окончательно обмяк в кресле, рот его слегка

приоткрылся.

— Весьма кстати, — продолжил старейшина, — мне вспомнилась история о моем друге Честере Мередите. Полагаю, вы не знакомы. Он уехал до того, как вы переселились в наши края. Вот уж кто чуть не сломал себе жизнь, пытаясь обмануть природу и не давать естественный выход чувствам во время игры. Хотите, расскажу?

Ответом послужил громкий храп из соседнего кресла.

— Прекрасно, — обрадовался старейшина, — тогда начнем.

— Приятный был юноша, Честер Мередит. Мы дружили с тех пор, как еще мальчиком он с семьей переехал сюда жить. Честер был мне как сын, и все важнейшие события его жизни происходили буквально на моих глазах. Именно я учил его технике драйва. Именно ко мне он пришел за советом и сочувствием, когда ему перестали даваться короткие приближающие удары. Так уж вышло, что я оказался рядом, когда он влюбился.

Я сидел на этой самой террасе и курил вечернюю сигару, наблюдая за последними матчами. Подошел Честер и присел рядом со мной. Было заметно, что мальчик чем-то расстроен. Это удивило меня, ведь в тот день он выиграл.

— Что случилось? — спросил я.

— Да так, ничего, — ответил Честер, — просто мне кажется, что кое-кого нельзя пускать ни в один приличный гольф-клуб.

— Например?

— «Инвалидную команду», — с горечью пояснил Честер. — Черт возьми! Сегодня нам приходилось ждать их на каждой лунке. Не желали посторониться. Ну что сказать о тех кто не знает элементарных правил приличия? Неужели сложно понять, что если мы играем вдвоем, то четверка обязана нас пропустить? Мы часами дожидались своей очереди, пока они ковырялись в дерне, будто безмозглые куры. Наконец, на одиннадцатой лунке они одновременно потеряли все свои мячи, и мы их обогнали. Да чтоб им пусто было!

Его горячность не слишком меня удивила. «Инвалидная команда» состояла из четырех отошедших от дел коммерсантов, которые на склоне лет взялись за благороднейшую из игр, потому что врачи рекомендовали им больше двигаться и дышать свежим воздухом. Я полагаю, каждый гольф-клуб вынужден нести такого рода крест. наших игроков не так просто вывести из себя, однако члены «Инвалидной команды» вели себя на редкость раздражающе. Они очень усердно занимались гольфом, и в то же время были непостижимо медлительны.

— Все они уважаемые люди, — сказал я, — думаю, что с хорошей репутацией. Однако готов признать, что терпеть их на поле для гольфа не просто.

— Прямые потомки Гадаринских свиней,^[79] — твердо ответил Честер. — Едва они выходят на поле, так и жду, что возьмут и бросятся с крутизны первой лунки в озеро на второй. Да эти...

— Тсс! — оборвал я его.

Краем глаза я заметил, что к нам приближается девушка, и подумал, что в раздражении Честер, пожалуй, может сказать что-нибудь неподобающее. Он был из тех гольфистов, чья манера выражаться в минуты душевного волнения отличается особой образностью.

— Что? — не понял Честер.

Я кивнул головой, и он оглянулся. В этот миг на его лице появилось выражение, которое до того мне довелось наблюдать лишь однажды, когда он выиграл президентский кубок, попав в лунку с тридцати метров поближе. Все его существо светилось восторгом и изумлением. Рот открылся, брови поднялись, ноздри раздулись.

— Бог мой, — еле слышно пробормотал он.

Девушка прошла. Неудивительно, что Честер так уставился на нее. Стройная, очаровательная, с темно-каштановыми волосами, голубыми глазами и носиком, вздернутым примерно под тем же углом, что головка легкого айрона — одним словом, красавица. Она исчезла за поворотом, и Честер едва не свернул шею, провожая ее взглядом. Наконец, он глубоко и шумно вздохнул.

— Кто это? — прошептал он.

Вопрос не застал меня врасплох. Так или иначе, я, как правило, узнаю все, что происходит вокруг.

— Мисс Блейкни. Фелиция Блейкни. Приехала к Уотерфилдам на месяц. Школьная подруга Джейн, насколько мне известно. Двадцать три года; собака по кличке Джозеф; хорошо танцует; не любит укроп. Отец — видный социолог. Мать — Уилмот Ройс, знаменитая писательница, чей последний роман — «На задворках души» — вызвал массу протестов у пуритан и даже судебное разбирательство. Брат — Кристин Блейкни, известный обозреватель и эссеист, в настоящий момент путешествует по Индии, изучает обстановку, собирает материал для серии лекций. Приехала только вчера, поэтому больше я пока ничего не знаю.

Когда я заговорил, Честер все еще стоял с полуоткрытым ртом. К концу моей речи, его нижняя челюсть отвисла еще больше. Восторг сменился выражением безнадежности и отчаяния.

— Боже, — наконец выговорил он, — если у нее такая семья, на что может надеяться деревенщина вроде меня?

— Понравилась?

— Глаз не оторвать!

Я похлопал его по плечу.

— Не вешайте нос, мой мальчик. Не забывайте, любовь доброго человека, которому даже профессионал едва ли рискнет дать хоть один удар форы на восемнадцати лунках, тоже чего-нибудь да стоит.

— Все так. Но эта девушка, небось, напичкана всякой ученостью. Я буду казаться ей каким-нибудь невежественным лесным чудищем.

— Давайте я познакомлю вас, и будь, что будет. На первый взгляд она довольно мила.

— И вы считаетесь хорошим рассказчиком? — откликнулся Честер. — Тоже мне — «довольно мила»! Да она единственная и неповторимая. Прекраснейшая из женщин. Самая чудесная, восхитительная, потрясающая, неземная... — Он осекся, будто ход его рассуждений был прерван неожиданной мыслью. — Как, говорите, зовут ее брата? Криспин?

— Да, Криспин. А что?

Честер разразился проклятиями.

— Вот так всегда! Разве не отвратительно?

— Но почему?

— Я учился с ним в школе.

— Хороший повод подружиться с Фелицией.

— Хороший? Повод, говорите? Да за несколько лет знакомства с Криспином Блейкни я вздул этого слизняка примерно семьсот сорок шесть раз. Что за гнусный тип! Его без вопросов приняли бы в «Инвалидную команду». Ну что тут скажешь? Я знаком с ее братом, а мы друг друга терпеть не можем.

— Да, но ведь ей можно об этом не говорить.

— То есть?.. — Он в изумлении уставился на меня. — То есть советуете притвориться, будто мы отлично ладили?

— А что? Он ведь в Индии и не сможет возразить.

— Вот это да! — Честер погрузился в размышления. Было видно, что эта мысль нравится ему все больше. С Честером всегда так — ему нужно время, чтобы пораскинуть мозгами. «Черт возьми, а ведь недурно придумано. Это же отличный старт получается. Как будто сыграть первые две лунки ниже пара. Что может быть лучше удачного старта? Да, я ей так и скажу».

— Ну, конечно.

— Воспоминания о старых добрых временах, о нашей дружбе, и все такое.

— Именно.

— Ох, и нелегко это будет, уж поверьте, — задумчиво произнес он. — Если бы не любовь, ни одного хорошего слова об этом индюке из меня бы клещами не вытянули. Все. Решено. Вы уж познакомьте нас поскорей, а? Я прямо сгораю от нетерпения.

Почтенный возраст имеет свои преимущества. Например, можно запросто навязать свое общество незнакомой девушке, не опасаясь, что она станет подбирать юбки и поджимать губы. Мне было несложно завязать знакомство с мисс Блейкни, а уж потом я первым делом представил ей Честера.

— Честер, познакомьтесь с мисс Блейкни, — сказал я, подзывая его, в то время как он с наигранной беззаботностью расхаживал поодаль, путаясь в собственных ногах. — Мисс Блейкни, это мой юный друг Честер Мередит. Он учился с вашим братом Криспином. Вы, кажется, дружили, да?

— Еще как, — помедлив, выдавил из себя Честер.

— Правда? — ответила девушка. — А он сейчас в Индии, — добавила она после минутной паузы.

— Да, — сказал Честер. Они снова замолчали.

— Отличный малый, — хрипло проговорил Честер.

— Некоторым, — отозвалась девушка, — Криспин очень нравится.

— Всегда был моим лучшим другом, — закивал Честер.

— Вот как?

Этот разговор произвел на меня не самое благоприятное впечатление. Мисс Блейкни выглядела холодно и недружелюбно, и я боялся, что причина тому — отталкивающее поведение Честера. Застенчивость, особенно осложненная любовью с первого взгляда, проявляется в людях самым неожиданным образом. Честер, к примеру, вдруг сделался крайне чопорным и надменным. Смущение не оставило и следа от его чудесной мальчишеской улыбки, которая всем так нравилась. Сейчас он не просто не улыбался — он выглядел, словно в жизни ни разу не улыбнулся и даже не собирается. Губы вытянулись в жесткую тонкую ниточку. В осанке читалось пренебрежение, граничащее с презрением. Он смотрел на девушку сверху вниз, словно на пыль под своей колесницей.

Я решил оставить их наедине. «Быть может, Честеру мешает мое присутствие», — подумал я, откланялся и удалился.

Через несколько дней мы вновь увиделись с Честером. Как-то после ужина он зашел ко мне и молча рухнул в кресло.

— Итак? — начал я.

— Что? — вздрогнул Честер.

— Виделись ли вы с мисс Блейкни?

— О, да.

— И что вы думаете, узнав ее поближе?

— А? — рассеянно откликнулся Честер.

— Вы все еще любите ее?

Честер встрепнулся.

— Люблю ли я ее? — воскликнул он с чувством, — Конечно, люблю. Да и как не любить? Я что, чурбан бесчувственный? Знаете, — продолжил он с видом юного рыцаря, грезящего о священном Граале, — знаете, она единственная женщина, которая не делает лишних движений при замахе. И еще. Можете не верить, но она бьет быстрее Джорджа Дункана. Вы же знаете, как женщины суетятся на поле, возятся с мячом, что твой котенок с клубком ниток. Она не такая. Подходит, уверенно замахивается, и р-раз. Она лучше всех.

— То есть, вы играли в гольф?

— Почти каждый день.

— И как?

— Раз на раз не приходится. Ошибаюсь многовато. Я встревожился.

— Надеюсь, мой мальчик, — озабоченно спросил я, — вы держите себя в руках во время игры с мисс Блейкни? Не комментируете свои ошибки в присущей вам манере?

— Кто, я? — в ужасе переспросил Честер. — Это я-то? Неужели вы допускаете мысль, что я хоть словом могу оскорбить ее? Что вы, любой епископ мог играть с нами и не услышать ничего нового.

Я вздохнул с облегчением.

— Как ваши успехи? — поинтересовался я. — Уж простите старого друга за откровенность, но во время знакомства вы держались как чучело простуженной лягушки. А что теперь, полегче?

— О, да. За словом в карман не лезу. Болтаю без умолку о ее брате. Только и делаю, что нахваливаю этого типа. Выходит все лучше. Сила воли, наверное. Ну, и, конечно же, разглагольствую о романах ее матери.

— А вы их читали?

— Все до единого, будь они прокляты. Это ли не лучшее доказательство моей любви?! Черт возьми, какую чушь пишет эта женщина! Кстати, надо заказать в магазине ее последнее творение —

«Тухлая жизнь» называется. Продолжение «Серой плесени», я полагаю.

— Бедный мальчик, — сказал я и пожал ему руку, — какая преданность!

— Я еще не на то готов ради нее. — Он помолчал, раскуривая трубку. — Кстати, завтра хочу сделать предложение.

— Как, уже?

— Не могу больше ждать. Никаких сил больше нет сдерживаться. Как думаете, где лучше? Ведь такие вещи не делаются за чашкой чая или по пути в магазин. Я подумываю предложить ей дружеский раунд — вот на поле и попытаю счастья.

— Лучше и не придумаешь. Поле для гольфа — храм Природы.

— Ладно. Потом расскажу.

— Удачи, мой мальчик, — ответил я.

А что же Фелиция? Увы, она отнюдь не пылала ответной страстью. Честер ей решительно не нравился. Фелиция Блейкни выросла среди интеллектуалов, а потому с детства мечтала выйти замуж за самого обычного человека, который, например, понятия не имел бы, что такое Артбашикефф — московская окраина или модный русский напиток. Честер же, которого, по его собственным словам, хлебом не корми — только дай почитать очередной роман ее матери, вызывал отвращение. А приязнь Честера к братцу Криспину окончательно настроила девушку против него.

Фелиция была послушным ребенком и любила родителей, хоть это и стоило ей немалых усилий, однако на брате решительно поставила крест. Криспин ужасен, думала она, а его друзья и того хуже. Напыщенные молодые люди в пенсне, свысока рассуждающие о жизни и искусстве, — что может быть отвратительнее? Беззастенчивое признание Честера, что он принадлежит к их кругу, сразу лишило его всякой надежды на успех.

Вас, должно быть, удивляет, что несомненное мастерство Честера на поле для гольфа не произвело на девушку никакого впечатления. К несчастью, поведение Честера во время игры сводило на нет все его достоинства. Фелиция с детства почитала гольф чуть ли не священной игрой, а Честер, к ее ужасу, проявлял на поле чудовищную легкомысленность. Дело в том, что, стараясь удержаться от крепких словечек, Честер хихикал, как девчонка, давая, таким образом, хоть какой-то выход чувствам. Эти смешки всякий раз возмущали Фелицию до глубины души.

Вот и в этот день Честер сделал все, чтобы уронить себя в глазах возлюбленной. Игра началась довольно удачно. При первом же

великолепном ударе Честера сердце девушки дрогнуло. Однако на четвертой лунке мяч застрял в углублении, оставленном высоким женским каблуком. Не будь рядом Фелиции, Честер непременно разразился бы гневной и весьма красноречивой тирадой на этот счет, но сейчас был начеку.

Честер жеманно хихикнул и потянулся за нибликом. «Аи-йя-йя», — сказал он, и девушка снова содрогнулась.

Доиграв лунку, он принялся развлекать Фелицию беседой о литературных успехах ее матери, а после первого же удара на следующем поле сделал предложение.

Учитывая обстоятельства, Честер едва ли сумел бы объяснить более неудачно. Не подозревая, что обрекает себя на провал, он снова завел разговор о Криспине. Казалось, что именно ради Криспина Честер хочет жениться на Фелиции. Он подчеркнул, как приятно будет Криспину видеть закадычного приятеля членом семьи. Он в красках расписал их будущий дом, в который то и дело наведывается Криспин. Неудивительно, что когда Честер, наконец, закончил свою речь, насмерть перепуганная девушка сразу же отвергла его.

Именно в такие моменты сказывается хорошее воспитание.

В подобных обстоятельствах те, кто не имел счастья пройти хорошую закалку гольфом, легко сбиваются с истинного пути. С горя начинают пить, впадать в ничтожество или, того хуже, говорить белым стихом. Судьба хранила Честера. Уже на следующий день лишь угрюмая решимость, написанная на его лице, свидетельствовала о пережитой неудаче. Несмотря на все страдания, он безусловно оставался и властелином своей судьбы, и капитаном своей души.^[80]

— Мне очень жаль, мой мальчик, — сочувственно сказал я, услышав о его несчастье.

— Видно, ничего не поделаешь, — мужественно ответил он.

— Она, случайно, не передумает?

— Нет.

— Может, попытаться еще раз?

— Нет. Проигрывать нужно с достоинством.

Я похлопал его по плечу и сказал единственное, что пришло на ум: «В конце концов, всегда остается гольф». Он кивнул.

— Да уж, мне не мешало бы как следует потренироваться. Самое время. Пожалуй, теперь можно серьезно взяться за гольф и посвятить ему всю жизнь. Как знать, — прошептал он с неожиданным блеском в глазах, — не за горами чемпионат среди любителей...

— И открытый чемпионат, — воскликнул я, с радостью поддаваясь его настроению.

— Американский чемпионат среди любителей, — загорелся Честер.

— И открытый чемпионат Соединенных Штатов, — вторил я.

— Никто еще не выигрывал все четыре.

— Никто.

— Давно пора, — подытожил Честер.

Примерно две недели спустя мне случилось заглянуть к Честеру. Дело было утром, и он как раз собирался на тренировку. Честер, как и обещал, дни напролет посвящал гольфу. В эти две недели он так рьяно принялся за совершенствование своего мастерства, что в клубе только о нем и говорили. Он и без того был одним из лучших игроков, но теперь достиг небывалых высот. Те, кто раньше играл с ним на равных, вынуждены были просить два-три удара форы. Единственному местному профессионалу еле удалось свести матч с Честером к ничьей. Тем временем пришла пора президентского кубка, и Честер играючи завоевал его второй раз.

Честер прямо в гостиной работал над техникой удара. Было заметно, что он весь во власти сильных переживаний. Все сразу же объяснилось.

— Она уезжает завтра, — сообщил Честер, ловко перебросив мяч через воображаемую преграду прямо на диван.

Я не знал, радоваться мне или огорчаться. Честеру, конечно, поначалу будет не хватать Фелиции, однако, может статься, в ее отсутствие он сумеет побороть страсть.

— А-а, — сказал я неопределенно.

Честер бил по мячу с подчеркнутым хладнокровием, но подрагивающие кончики ушей выдавали крайнее волнение. Неудивительно, что следующий мяч срезался в ящик для угля.

— Обещала мне последний раунд перед отъездом, — вздохнул юноша.

И снова я не знал, что думать. Звучит, конечно, очень романтично, почти как в «Прощальной прогулке» Браунинга, но я не был уверен, что мысль удачная. Впрочем, меня это не касалось, так что я просто пожелал ему хорошей игры, и мы расстались.

Из деликатности я не стал навязывать свою компанию, поэтому подробности узнал лишь некоторое время спустя. По всей видимости, на первых лунках душевные муки расстроили Честеру игру. Он сорвал первый же драйв и с трудом уложился в пять ударов благодаря точной игре побликом из рафа. На второй лунке с озером его мяч угодил в воду, и все снова закончилось пятью ударами. Лишь на третьей лунке Честер взял себя

в руки.

Хорошие игроки отличаются тем, что умеют собраться после неудачного старта. Чего-чего, а этого умения Честеру было не занимать. Любой другой, получив плюс три на первых двух лунках, махнул бы рукой на весь матч. Для Честера это означало лишь одно — нужно пару раз сыграть в минус, и чем быстрее, тем лучше. Он никогда не жаловался на длину драйва, а на третьей лунке и вовсе превзошел сам себя. Как вы знаете, на этой лунке все время приходится бить в гору, а Честер первым же ударом преодолел метров этак двести пятьдесят. Еще один такой же сильный точный удар, и вот Честер уже на границе грина. Длинный пат — и лунка сыграна в минус два. Даже лучше, чем он рассчитывал.

Думаю, такой подвиг смягчил бы сердце Фелиции, если бы страдания не лишили Честера всякой способности улыбаться. Вместо того, чтобы вести себя, как все приличные люди, которым удастся сыграть на два ниже пара, Честер так и ходил с кислой миной. Глядя, как он ставит для нее мяч, весь такой чопорный, правильный, вежливый, но явно чуждый всему человеческому, девушка почувствовала, что восхищение угасает. Вот, где-то так вел бы себя братец Криспин, случись ему сыграть лунку в минус два.

Честер закончил четвертую и пятую лунки в пар, а шестую — в минус один. Когда же ему удалось пройти следующую двухсотметровую лунку двумя вдохновенными ударами, и общий счет Честера оказался на единицу ниже пара, Фелиция не смогла удержаться от еще одного мечтательного вздоха. Однако чары быстро развеялись, и когда Честер сыграл восьмую и девятую лунки в четыре удара, она не высказала ничего, кроме формальных поздравлений.

— Минус один на девяти лунках, — произнесла девушка, — великолепно.

— Минус один, — сухо откликнулся Честер.

— Тридцать четыре удара. А каков рекорд поля?

Честер вздрогнул. Он был так поглощен горем, что и думать забыл о рекордах. Ему вспомнилось вдруг, что местный профессионал (он же рекордсмен) прошел первые девять лунок всего на удар лучше. Другой рекорд равнялся ста шестидесяти одному и принадлежал Питеру Уилларду.

— Шестидесят восемь, — ответил Честер.

— Какая досада, что вы так неудачно начали!

— М-да, — кивнул Честер.

Он говорил рассеянно — как показалось, вяло и без всякого энтузиазма, а все потому, что у него как раз забрезжила мысль о рекорде. Однажды Честеру уже удалось пройти первые девять лунок в тридцать

четыре удара, но тогда он не ощущал той непоколебимой уверенности в собственных силах, что сопутствует гольфисту на пике формы. В тот раз ему просто везло, и он знал это. Да, мяч залетал в лунку, но как-то неуверенно. Сегодня Честер не испытывал и тени сомнения. Играя с грин, он чувствовал, что направляет мяч точно в лунку. Рекорд, говорите? А что такого? Взять и бросить к ее ногам на прощание! Она уедет, навсегда исчезнет из его жизни, выйдет за кого-нибудь замуж, однако до последнего вздоха будет помнить этот великолепный раунд. Вот выиграет он открытый и любительский чемпионаты во второй — третий — нет, лучше четвертый раз, и она подумает: «А ведь я была с ним, когда он побил рекорд своего клуба». Всего-то и надо разок-другой сыграть ниже пара на последних девяти лунках. Вардон свидетель, почему бы и нет?

Если вы знакомы с нашим полем, то, несомненно, полагаете, что Честер Мередит поставил перед собой нечеловеческую задачу, ведь нужно было сыграть последние девять лунок за тридцать три удара. Даже местный профессионал, занявший в свое время шестое место в открытом чемпионате, ни разу не вышел из тридцати пяти, а он, надо сказать, играл превосходно, да и гандикап имел отрицательный. Однако Честер был настолько уверен в себе, что, готовясь к драйву на десятой лунке, даже не думал о неудаче. Каждая клеточка его тела дышала успехом, кисти сделались тверже закаленной стали, а в глазах появилась та самая орлиная зоркость, что позволяет рассчитать приближающийся удар с точностью до сантиметра. Честер мощно взмахнул клюшкой, и мяч пролетел настолько близко к указателю, что казалось, заденет его.

— Оо-ой, — воскликнула девушка.

Честер не проронил ни звука. Он был весь в игре. Мяч скрылся за холмом, но Честер, при его-то знании поля, мог без труда определить место приземления. Оттуда можно сыграть айроном, а дальше хватит одного удара, чтобы закончить лунку ниже пара. Несколько минут спустя третий удар Честера достиг цели.

— Оо-о, — вновь выдохнула Фелиция.

Честер молча направился к одиннадцатому полю.

— Нет-нет, не стоит, — сказала Фелиция, когда он хотел было установить для нее мяч. — Я, пожалуй, больше не буду играть. Лучше просто посмотрю.

— Вот бы вам на меня всю жизнь смотреть! — сказал Честер, естественно не вслух. Вместо этого он произнес: «Как вам будет угодно» — с такой холодностью, что Фелиция поежилась.

Одиннадцатая — одна из самых коварных лунок на всем поле, впрочем, вы наверняка убедились в этом на собственном опыте. Выглядит она до неприличия просто, но небольшая рощица справа от фервея, хоть и кажется безобидной, расположена так, что при малейшей ошибке мяч оказывается среди деревьев. Здесь-то Честеру и не хватило той точности, с которой он прошел последние лунки. Пролетев сотню метров по прямой, его мяч слегка отклонился и, ударившись о ветку, упал в самые заросли. Один удар пришлось потратить, чтобы выбраться на фервей, еще один, чтобы попасть на грин. Следующий удар Честера едва не достиг цели, но мяч, докатившись до края лунки, заглянул внутрь и остановился, словно передумал падать. В этот миг самые отборные ругательства были готовы сорваться с его уст, но он сдержался. Честер посмотрел на мяч, затем на лунку.

— Ай-яй, — произнес он.

Фелиция тяжело вздохнула. Удар побликом из кустов произвел на нее неизгладимое впечатление. Ах, если бы, — думала она, — этот потрясающий гольфист был хоть капельку человечнее! О, если бы она могла все время находиться рядом с ним, наблюдать, как именно ему удаются такие блестящие удары, быть может, со временем и она чему-нибудь научилась бы. Фелиция была честна с собой и признавала, что ее драйву явно недостает длины. Если бы Честер был ее мужем и мог в любую минуту помочь советом, чего бы она только не достигла! Одно его слово — и неверная стойка была бы исправлена. Доведись ей ошибиться при ударе, он тут же объяснил бы ей, в чем причина. Ведь Фелиция понимала: смени она гнев на милость, и Честер всегда будет с ней.

Однако могла ли она заплатить такую цену? После блестящей игры на третьей лунке Честер разве что не зевал от скуки. Вот только что мяч так предательски повел себя, а этот тип и глазом не моргнул. «Ай-яй»! И это все, что он может сказать по этому поводу? Нет, — печально размышляла Фелиция, — ничего не поделаешь. Выйти замуж за Честера Мередита все равно что связать судьбу с Сомсом Форсайтом,^[81] Уилоби Паттерном^[82] и всеми приятелями Криспина одновременно. Девушка молча вздохнула.

Стоя на стартовой площадке двенадцатого поля, Честер размышлял, как полководец перед сражением. Оставалось сыграть еще семь лунок, причем на два ниже пара. Двенадцатое поле не внушало оптимизма. На этой длинной лунке со сложным фервеем даже Рэй и Тейлор потратили по пять ударов, когда играли выставочный матч. Так что здесь не было места героизму.

Ведущая резко в гору тринадцатая, где до последнего не видно лунки,

а грин окружен ловушками, вряд ли позволяет рассчитывать менее чем на четыре удара. Четырнадцатая, где при малейшей ошибке скатываешься в овраг? Конечно, однажды он прошел ее в три удара, но по чистой случайности. Нет, на этих трех лунках придется довольствоваться паром и надеяться на пятнадцатую.

Пятнадцатая лунка с прямым фервеем и несколькими ловушками около грина не представляет сложности для настоящего гольфиста, поймавшего свою игру. Сегодня Честера не пугали никакие ловушки. После второго удара мяч почти презрительно просвистел над пропастью, и остановился в полуметре от лунки. К шестнадцатой Честер подошел с твердым намерением сыграть оставшиеся три лунки хотя бы в минус два.

Человеку, плохо знакомому с особенностями нашего поля, это, без сомнения, покажется несбыточной мечтой. Однако Зеленый Комитет проявил, быть может, излишне сентиментальную склонность к счастливому концу. Последние лунки в нас устроены сравнительно просто. На шестнадцатом поле широкий фервей и пологий спуск к лунке. Семнадцатую и вовсе можно пройти одним ударом, если бить по прямой. А восемнадцатая, хотя и вводит в заблуждение тем, что приходится играть вверх по холму, и искушает воспользоваться мэши вместо легкого айрона для второго удара, в действительности не так уж сложна. Даже Питеру Уилларду на этих трех лунках время от времени удавалось записать в свою карточку пять, шесть и семь, не считая ударов с грина. Полагаю, именно благодаря такому легкому завершению сложного поля бар нашего клуба славится атмосферой всеобщего ликования. Здесь каждый день полно людей, которые, позабыв о мучениях на первых пятнадцати лунках, так и светятся от удовольствия, рассказывая о подвигах на последних трех. Всех особенно воодушевляет семнадцатая, в которую изредка залетает даже срезанный второй удар.

Честер Мередит был не из тех, кто срезает второй удар на какой бы то ни было лунке, поэтому ему не пришлось испытать подобное удовольствие. Он положил второй удар точно на грин и закончил лунку третьим. На следующей лунке он послал мяч на грин первым же ударом. Таким образом, семнадцатую лунку он прошел в два удара, и жизнь, несмотря на разбитое сердце, стала казаться вполне сносной. Теперь все было в его руках. Чтобы побить рекорд, Честеру оставалось лишь играть в свою силу и сделать на последней лунке не больше четырех ударов.

Именно в этот судьбоносный миг на пути Честера встала «Инвалидная команда».

Вы, безусловно, удивлены, что встреча с «Инвалидной командой» не

произошла гораздо раньше. Дело в том, что с необычным для этих несчастных почтением к этикету, они впервые в жизни стартовали с десятой лунки, как и полагается четверкам. Они начали свое черное дело со второй половины поля почти одновременно с первым ударом Честера и поэтому до сих пор держались впереди. Когда Честер подошел к стартовой площадке восемнадцатой лунки, они как раз вместе со своими кэдди покидали ее шумной толпой. Выглядело это, словно какое-нибудь великое переселение народов в Средних веках. Куда ни посмотри, везде глазу представляли человеческие, так сказать, фигуры. Одна копошилась в высокой траве метрах в пятидесяти от ти, другие бесчинствовали слева и справа. Все поле так и кишело ими.

Честер присел на скамью и тяжело вздохнул. Он знал, что это за люди. Эгоистичные, бессердечные, они никогда не прислушивались к голосу совести и никого не пропускали. Оставалось только ждать.

«Инвалидная команда» медленно продвигалась вперед. Вот мяч прокатился десяток метров, затем двадцать, а там и все тридцать — с каждым ударом в игре намечался явный прогресс. Еще немного, — думал Честер, — и можно будет бить. Он поднялся и взмахнул клюшкой.

Однако это было еще не все. Субъект, копавшийся в рафе слева от ти, также мало-помалу продвигался вперед, но вдруг обнаружил свой мяч в удобной позиции на траве, расправил плечи и ударил что было мочи. Мяч с характерным звуком ударился о дерево, отскочил прямым к ти, и все нужно было начинать снова. К тому времени как Честер смог выполнить удар, долгое ожидание и необходимость воздерживаться от комментариев, достойных происходящего, окончательно вывели его из себя. Драйв явно не удался, и мяч, подпрыгивая по полю, прошел жалкую сотню метров.

— Б-б-боже правый! — вырвалось у Честера.

В следующую секунду он горько рассмеялся. Хоть и слишком поздно, свершилось чудо. Одно из ненавистных созданий впереди махало ему клюшкой. Остальные человекообразные отошли к краю фэрвея. Надо же, теперь, когда все пропало, эти мерзавцы уступают дорогу. Ощущение чудовищной несправедливости волной поднялось в Честере. Зачем они пропустили его сейчас? Мяч лежит в добрых трехстах метрах от грина, а чтобы побить рекорд, нужно играть в пар. Не замечая ничего вокруг, он потянулся за клюшкой и только тут всеми фибрами души почувствовал, как жестоко обошлась с ним судьба. В отчаянии он поднял клюшку.

Гольф непредсказуем. Честер был раздражен и сорвал удар с ти. Раздражение не прошло, однако сейчас ему удался лучший в жизни удар. Мяч поднялся в воздух, словно под действием мощной взрывной волны.

Ничуть не отклоняясь от курса и не поднимаясь высоко над землей, он перелетел через холм, над ловушкой, избежал препятствия, ударился о землю, покатился и замер метрах в пятнадцати от лунки. Такое бывает раз в жизни, и даже «Инвалидная команда» разразилась визгливыми криками восхищения. Несмотря на всю свою испорченность, эти люди не были напрочь лишены чувства прекрасного.

Честер глубоко вздохнул. Самое сложное позади. С малых лет он считался непревзойденным мастером коротких приближающих ударов, а именно такой удар ему предстояло выполнить. Теперь он мог закончить игру в два удара с закрытыми глазами. Честер подошел к мячу. Лучшей позиции нельзя было и пожелать. В считанных сантиметрах было углубление в земле, но мяч в него не попал, а лежал на удобном возвышении, словно напрашиваясь на удар мэши-нибликом. Честер принял стойку, внимательно посмотрел на флаг и склонился над мячом. Фелиция, затаив дыхание, наблюдала за ним. Девушка сопереживала ему всей душой. Она думала только о том, что на ее глазах рождается новый рекорд поля, и не могла бы больше болеть за Честера, даже поставив на него крупную сумму.

Тем временем «Инвалидная команда» вернулась к жизни. Перестав обсуждать удар Честера, они вновь принялись за игру. Надо сказать, даже в четверках, где пятьдесят метров считается хорошим ударом, кто-то должен быть первым. К игре приготовился достойный член «Инвалидной команды», получивший от своих собратьев гордое звание Почетного Землекопа.

Несколько слов об этой груше в человеческом обличье. Он был, если столь низкие формы жизни вообще поддаются классификации, звездой «Инвалидной команды». В юности он подавал надежды в метании молота, но за пятьдесят семь лет обильные трапезы исказили его фигуру до неузнаваемости, так что когда-то мощная грудь стала уступать в ширине более приземленным частям тела. Его товарищи — Человек-с-Тяпкой, Дядюшка Вечность и Главный Советчик — довольствовались уже тем, что могут потихоньку перекачивать мяч с места на место, в то время как сам Землекоп, не щадя сил, всякий раз словно пытался нанести мячу тяжкие увечья, и частенько едва не разбивал его вдребезги. Он верил только в грубую силу, а потому все его достижения сводились, главным образом, к развороченной вокруг мяча земле. Однако в душе Землекоп верил, что когда-нибудь два или три чуда случатся одновременно, и ему удастся

хороший удар. За годы разочарований океан надежд иссяк и превратился в тоненький ручеек, так что теперь, берясь за клюшку, Землекоп лишь смутно желал отправить мяч на несколько метров вверх по холму.

Ему и в голову не пришло, что пока Честер не закончит лунку, он вообще не должен играть; а если и пришло, то он отмахнулся от этой мысли, ведь до Честера было метров двести, а это, по меркам «Инвалидной команды», целых три дальних удара. Почетный Землекоп без тени сомнения взмахнул клюшкой над головой так, как в дни своей юности, бывало, размахивал молотом, и со звериным рыком, который всегда сопровождал его выступления, нанес удар.

Гольфисты, в самом широком смысле слова включая и «Инвалидную команду», зачастую склонны к подражанию. Увидев, как мажет мазила, мы и сами так и норовим промазать, и наоборот, при виде безукоризненного удара мы в состоянии превзойти себя. Землекоп понятия не имел, каким образом Честер совершил столь превосходный удар, однако бессознательно отслеживал каждое его движение. Так или иначе, в этот раз Землекопу, как и Честеру, тоже удался лучший удар в жизни. Открыв глаза и выпутавшись из клубка конечностей, в который он превращался после каждого маха клюшкой, Землекоп увидел, как мяч несется вверх по холму, словно заяц по калифорнийской прерии.

Поначалу Землекоп испытывал лишь сказочное изумление. Он с детским восторгом глядел на мяч, будто столкнувшись с необыкновенным чудом природы. Затем, как разбуженный лунатик, с ужасом пришел в себя. Мяч летел прямо в человека, готовившегося к удару.

Честер во время игры не замечал ничего вокруг, а потому едва ли слышал звук удара, а если и слышал, то не обратил на него внимания. Он на глаз оценил расстояние до лунки, и приметив уклон грина, немного поменял стойку. Затем плавным движением подвел головку клюшки к мячу и медленно поднял ее. Клюшка как раз пошла вниз, и тут мир вдруг преисполнился криков «Мя-ач», и что-то больно ударило Честера пониже спины.

Величайшие жизненные трагедии на мгновение ошеломяют нас. Секунду-другую, которые показались вечностью, Честер едва ли соображал, что происходит. То есть, он, конечно, понимал, что началось землетрясение, ударила молния, столкнулись два поезда, на голову рухнул небоскреб, а тут еще кто-то в упор выстрелил в него из пушки, но все это объясняло лишь малую толику его ощущений. Он несколько раз моргнул и дико выпучил глаза. А выпучив, заметил размахивающую руками «Инвалидную команду» на нижнем склоне холма, и понял все. Тут же он

увидел, что его мяч не прокатился и двух метров.

Честер Мередит взглянул на мяч, потом на флаг, перевел взгляд на «Инвалидную команду», поднял глаза к небу. Губы его дрожали, лицо побагровело. На лбу выступили капельки пота. И тут в нем словно плотину прорвало.

— !!!!!!!!!!!!!!! — кричал Честер.

Краем глаза он заметил, как стоявшая рядом девушка безмолвно всплеснула руками, но сейчас было не до нее. Ругательства, копившиеся в его груди столько долгих дней, словно наперегонки, мощным потоком рвались на свободу. Они наскакивали друг на друга, соединялись в причудливые цепочки и образовывали отряды; они смешивались, находя выход в диковинных сочетаниях гласных звуков; было слышно, как второй слог какого-нибудь разящего глагола сливался вдруг с первым слогом не менее едкого эпитета.

—! —!!—!!!—!!!!—!!!! — не унимался Честер.

Фелиция стояла как зачарованная и не могла наглядеться на него.

— ***!!! ***!!! ***!!! ***!!! — ревел Честер.

Волна чувств захлестнула Фелицию. О, как несправедлива была она к этому сладкоречивому юноше. Не случись этого, через пять минут они, разделенные океаном непонимания, расстались бы навеки — она, исполненная холодного презрения, он, так и не показав своего истинного и прекрасного лица. Девушка похолодела от одной мысли об этом.

— Ах, мистер Мередит! — выдохнула она.

С пугающей резкостью к Честеру вернулось чувство реальности. Его будто окатили ледяной водой. Он так и вспыхнул от смущения. К величайшему ужасу и стыду, он понял вдруг, как чудовищно нарушил все законы приличия и хорошего тона. В эту минуту Честер походил на иллюстрацию из учебника по этикету, под которой написано «Что не так на этой картинке?».

— Я... я умоляю простить меня, — залепетал он, — о, ради всего святого, примите мои извинения. Я не должен был так говорить.

— Нет, должен! Еще как должен! — с жаром отвечала девушка, — Вы еще не то должны были сказать. Этот ужасный человек не дал вам побить рекорд! Ах, почему я всего лишь слабая женщина и не умею красиво выражаться!

Неожиданно для самой себя, она оказалась вдруг рядом с Честером и взяла его за руку.

— Ах, как я была несправедлива к вам! — чуть не плакала она. — Я думала, вы холодный, чопорный формалист. Мне были отвратительны

ваши кривляния, когда вам не удавался удар. Теперь я вижу все! Вы сдерживались ради меня. Сможете ли вы простить мне это?

Честер, как я уже говорил, не отличался проницательностью, но все же не надо быть семи пядей во лбу, чтобы правильно истолковать взгляд, которым одарила его Фелиция, и нежное пожатие руки.

— Боже, — дико вскричал он. — Не может быть!.. То есть, я?.. То есть, вы?.. Неужели теперь?.. В смысле, могу ли я надеяться?

Ее взгляд придал ему силы. Он вдруг исполнился решимости.

— Послушайте, кроме шуток, выходите за меня, а?

— О, да-да!

— Любимая! — воскликнул Честер.

Он сказал бы и больше, но помешала «Инвалидная команда», в полном составе прибежавшая к месту событий с извинениями. Честер посмотрел на них и подумал, что никогда еще не встречал таких симпатичных, обаятельных и во всех отношениях милых людей. Сейчас он готов был обнять их, и даже решил как-нибудь встретиться с ними и хорошенько все обсудить. Он принялся уверять Землекопа, что тот напрасно сокрушается.

— Ничего страшного, — говорил Честер, — вам не за что извиняться. Я и сам виноват. Лучше позвольте представить вам мою невесту, мисс Блейкни.

«Инвалидная команда», все еще тяжело дыша, рассыпалась в любезностях.

— И все-таки, друг мой, — продолжил Землекоп, — это было... непростительно. Испортить ваш удар. Я и помыслить не мог, что мяч улетит так далеко. Счастье еще, что вы не играли важный матч.

— В том-то и дело, — простонала Фелиция, — он шел на рекорд поля, а теперь не сможет побить его.

Члены «Инвалидной команды» все как один пришли в ужас от такой трагедии и побледнели, однако опьяненный любовью Честер лишь рассмеялся.

— Что значит, не смогу? — задорно воскликнул он. — У меня еще целый удар в запасе.

И беззаботно подойдя к мячу, легким движением клюшки отправил его в лунку.

— Честер, милый! — позвала Фелиция.

Смеркалось. Вокруг не было ни души. Влюбленные неспешно прогуливались по парку.

— Что, любимая?

Фелиция помолчала. Она боялась обидеть Честера, и это причиняло ей нестерпимую боль.

— Тебе не кажется, — начала она, — то есть, я подумала... В общем, о Криспине.

— Да-а, старина Криспин!

Фелиция горько вздохнула, но этот вопрос необходимо было прояснить. Как бы там ни было, она должна сказать все, что думает:

— Милый, когда мы поженимся, ты не будешь возражать, если Криспин станет гостить у нас не так часто.

— Боже, — Честер даже вздрогнул от неожиданности, — неужели он тебе не нравится?

— Не очень, — созналась Фелиция, — Мне кажется, я недостаточно умна для него. Я его с детства терпеть не могла. Но, конечно, вы с ним такие друзья, и...

Честер с облегчением расхохотался.

— Друзья?! Да я этого умника на дух не переношу! До чего мерзкий тип! Да таких зануд еще поискать! Я притворялся его приятелем, потому что думал, это поможет мне стать ближе к тебе. Этот Криспин — угроза для общества. Да я в школе его лупил каждый день. Если твой братец Криспин попробует переступить порог нашего домика, я на него собак спущу.

— О, милый! — прошептала Фелиция. — Мы будем очень-очень счастливы. — Она взяла Честера под руку. — Расскажи мне, любимый, — промурлыкала девушка, — как ты лупил Криспина в школе.

И они побрели навстречу закату.

Примечания

Вильгельм Телль на новый лад

Согласно «Швейцарским хроникам» Эгидия Чуди [«Chronicon Helveticum» (1734–1736)], Телль жил в кантоне Ури в XIII — начале XIV века. Он выступал против австрийского владычества; отказавшись поклониться шляпе императора, установленной на шесте как символ его власти, был вынужден сбить стрелой яблоко с головы собственного сына; за угрозу расправиться с наместником (ландфохтом) Геслером был арестован, спас жизнь наместника по дороге в тюрьму, бежал и в конце концов убил его из засады. Эти события способствовали восстанию швейцарцев против австрийцев. Э.Чуди их датировал ноябрем 1307 г. Швейцарцы считают Вильгельма Телля национальным героем. В центре города Альтдорф стоит бронзовая статуя (1895), на том месте, где, согласно традиции, он стрелял в яблоко на голове сына. Однако никаких доказательств существования Телля нет; Геслер — не историческое лицо, а такой же персонаж народного предания, как и Телль.

notes

Примечания

...из серии «переплюнуть Раффлза» — джентльмен-взломщик, персонаж книг Э.У. Хорнунга.

Чарльз Пейс — известный грабитель.

«Джентльмен-сыщик» — персонаж книг Мориса Леблана.

4

...изготовить «супчик» — нитроглицерин (амер. жарг.).

Земля Тома Тиддлера — распространенная в Англии и Америке детская игра, похожая на игру «в ножички».

...Отраден честный лай большого пса — Байрон Дж. Г. Дон Жуан.
Перевод Т. Гнедич.

клубы «Ватъе» и «Кокосовая пальма» — известные клубы эпохи Регентства. Членом обоих клубов был, например, Дж. Г. Байрон.

Ахмад аль-Райсули — предводитель берберов в Марокко, воевал против испанцев, не гнушался и разбоем. В 1913 г. ушел в горы, двенадцать лет спустя его изловил другой марокканский лидер, Абд аль-Керим. *Кайд Мак-Лин* — британский подданный, которого Райсули захватил в плен ради выкупа.

между массой Боунсом и массой Джонсингом — традиционные персонажи комического негритянского оркестра на американском Юге в конце XIX в.

фельдмаршалом Блюхером — Блюхер Гебхард Леберехт (1742–1819) — прусский генерал-фельмаршал, в 1815 г. главнокомандующий прусско-саксонской армией, успешно действовал при Ватерлоо. После победы над Наполеоном приехал посетить столицу союзников и, увидев Лондон, произнес слова, которые цитирует Вудхауз.

Красавца Браммелла — знаменитый денди, считается основоположником дендизма.

того персонажа из книги Киплинга. — Речь идет о романе «Свет погас».

..*Даль, вот что виду прелесть придает*» — Томас Кемпбелл.
«Радости надежды», I, 7.

Росций — знаменитый древнеримский актер.

Или «читателей». Будем оптимистичны.

Можно и «Введения». См. в Ромео и Джульетте 11,1 — «...роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет». [Пер. Б.Пастернака.]

Многие зовут меня Ясным Солнышком.

См.: «Король Лир» 1,2.

Исчисляя время по Гринвичу, а в Америке — по их стандарту.

Имею в виду сноски.

См. соответствующие гимны.

Сноски.

Все они же.

Нет, скажите!

Из Саратоги, штат Нью-Йорк.

Приятный баритон, не очень крепкий в верхнем регистре.

Я ее не видел дольше.

Нет, вы представьте: Гиббон пишет, что мы просто не поверим, до чего дошла Феодора, а в сноске уточняет, что она *in tres partes divisa* и склонна к *argumentum ad hominem*. [«Разделена на три части» (слова из *De Bello Gallico* Кая Юлия Цезаря) и «довод, обращенный к личным свойствам человека» (логический и юридический термин) (*прим. пер.*).]

Все те же сноски.

Нет, какой кретин!

Именно такса? Почему?

Шекспир употребил бы слово «неподъемно» или «несносно».

Все те же сноски.

Умнейший человек.

Простите, ради всего святого, одну сноску я дам. С недавних пор я пишу: / *Вам нравится моя мура?* / *Ура, ура, ура, ура!* / Иногда — проходит, иногда — нет.

....*Азенкур и Креси* — битвы Столетней войны, в которых англичане нанесли поражение французам (Креси — 1346, Азенкур — 1415).

...о которых я столько писал — сагу о свинье П.Г. В. писал 60 лет (1915–1975) и умер над незаконченным романом «Закат в Блэдинге».

дворецкий исчез с Эдуардом VII — король Эдуард VII, сын Виктории, правил в 1901–1910 гг. Его сын Георг V — в 1910–1935.

словно волны при Кануте — речь идет о предании, согласно которому король Канут (XI в.) приказал высечь непокорные волны.

...повел меня к самому Гильберту — сэр Уильям Швенк Гильберт (1800–1900) — знаменитый либреттист, писавший тексты для мюзиклов Салливена (1800–1900).

«все эти завтра...» — «Макбет», V.

...звонкий голос *Бродяги* — псевдоним журналиста Джона Камерона Эндрю Бингема Мортонa (1893–1979).

12 стоунов — 1 стоун = 6,35 кг.

не больше пятидесяти дюймов — 1 дюйм = 25,4 мм.

Тупик (*франц.*).

...шутками поднимаем дух скорбящих — «Таанит» 22а.

... подойдет сам Эньюрин — Эньюрин Бивен (1897–1960) — английский политический деятель, член кабинета министров при лейбористском правительстве 1945–1950 гг.

...тяну на требования Люса — Люс, Хенри Р. (1898–1967) — американский издатель.

Доктор Ливингстон, если не ошибаюсь — первые слова Генри Моргана Стэнли (1841–1904), отыскавшего в Африке Дэвида Ливингстона (1813–1873).

Поистине, надломленная трость — Мф. 12:30; Ис. 42:3.

«Он дразнит вас наверняка, / Нарочно раздражает» — Кэрролл
Льюис. Алиса в стране чудес. Гл. 6. Пер. Д.Орловской (стихи), пер. прозы
— Н.Демуровой.

Буффало Билл — (буквально — «Бизоний Билл»): настоящее имя — Уильям Фредерик Коди (1846–1917), охотник на бизонов, разведчик армии США в боях с индейцами, с 1883 г. — организатор циркового шоу «Дикий Запад», со стрельбой, ковбоями, индейцами и проч. Ездил с ним и по Европе.

...*Ей пользоваться, как гигант.* — Шекспир У. Мера за меру. Действие 2, сцена 2. Пер. М.Зенкевича.

Кюснахт — город в кантоне Цуг, на северном берегу Фирвальдштетского (или Люцернского) озера.

Флюэлен — городок в устье Ройса, на южном берегу Фирвальдштетского озера. Арестованного Телля везут через все озеро, с юга на север.

Христианская наука — религиозное течение, основанное в 1866 году Мэри Бейкер Эдди. В своей книге «Science and Health with Key to the Scriptures» (1875) она писала, что можно избавиться от всех болезней и избавить от них близких, обратившись к Богу. Её идеи были чрезвычайно популярны в конце XIX — начале XX века. Термин «заочное воздействие» также используется в этой книге.

Прерогатива женщин — подразумевается, что женщина может передумать перед вступлением в брак, а мужчина лишен этого права. Многие авторы, в том числе и Вудхауз, не раз обращались к этому выражению. Например, юмористическое стихотворение Юджина Коппина именно так и называется.

Прерогатива женщин

Известно, что женщины чище мужчин
По множеству нам неизвестных причин
Таинственных, необъяснимых,
Мистически непостижимых
Да, чище душой, как и телом,
Но я разгадал, в чем тут дело:
Они очищают, стирают, меняют
Не только белье, но и мнения,
Ответственнейшие решения
Без всякой причины,
Тогда как мужчины
Обязаны слово держать
И не от-сту-пать.

Бирнамский лес — отсылка к трагедии «Макбет» (1606). По предсказанию ведьм, Макбет не мог погибнуть «пока нейдет с своих высот Бирнамский лес на Донзиан» (перевод А. Кронеберга). Макдуфф приказал своим воинам срезать ветки с деревьев и идти под их прикрытием, чтобы скрыть истинное количество людей. Когда стоявший на часах воин Макбета посмотрел на лес, ему показалось, что тот движется.

Стрэнд — одна из главных улиц в центральной части Лондона, на которой расположены театры, фешенебельные магазины, рестораны и отели.

Пир духа — слова из стихотворения Александра Поупа (1688–1744), обращенного к его покровителю Сэнт Джону, лорду Болингброку (1678–1751).

Мафусаил — библейский персонаж, прославившийся своим долголетием. Согласно Библии, он прожил 969 лет (Быт. V, 27).

Омар по-ньюбургски — омар под белым соусом из густых сливок, масла, яичного желтка и мадеры или хереса.

Баварский крем — десертное блюдо, напоминающее желе. Готовят его на основе сливок с добавлением яиц, ванили, желатина, ягод, спиртных напитков. Крем этот, называемый на юге Германии «сливочным холодцом», — один из немногих немецких десертов, вошедших в международную кухню.

Гренки по-валлийски — горячие гренки с расплавленным сыром.

превратился в полынь — Амос, 5.

Гони природу в дверь, она влезет в окно. — Отсылка к латинскому выражению: «Naturam expellas furca, tamen usque recurret» (Гораций). Буквально — не «в дверь», а «вилами» соответственно, она просто «вернется».

Кюммель — прозрачный бесцветный ликер, крепостью 40 градусов обладает ароматом тмина (иногда — аниса и кориандра). Впервые был произведён в Голландии.

Том Моррис-мл. (1851–1875) — легенда мирового гольфа, выдающийся игрок, выигравший Открытый чемпионат в семнадцать с половиной лет. Том Моррис-ст., его отец, тоже прославленный гольфист.

Гарри Вардон (1870–1939) — знаменитый английский гольфист. За свою карьеру он вышел победителем более чем в 60 турнирах, и в 1913 году написал подробное руководство по гольфу.

Долли Вардон — (правильно — Долли Варден) кокетливая красавица в романе Ч. Диккенса «Барнаби Радж». Ее имя получили приталенное платье из муслина с крупным рисунком и шляпа с загнутыми полями, украшенная цветами.

Джон Генри Тейлор (1871–1963) — выдающийся игрок в гольф, многократный чемпион, основатель PGA — британской Профессиональной Ассоциации игроков в гольф.

«Глас, над эдемом прозвучавший» — англиканский свадебный гимн. Вудхауз не упустил случая переиначить слова, чтобы упомянуть «Сент-Эндрюс голфкос» — старейшее поле для гольфа в Шотландии, а следовательно, в мире. Оно носит имя апостола Андрея — покровителя Шотландии и гольфа как старинной шотландской игры.

Джеймс Брейд (1870–1950) — выдающийся шотландский гольфист.

Эйб (Эбрахам) Митчел — один из сильнейших профессиональных гольфистов первой половины XX века в Англии.

...*Дай руку мне. Доверься мне. Иди.* — Строки из поэмы Альфреда Теннисона «Принцесса»; Вудхауз «переиграл» стих, введя в него тему гольфа. В оригинале эти строки звучат так:

...Невеста,
Жена, судьба. С тобой, в руке рука,
Пройдем сей мир до самого конца,
Чрез дикие чащобы темноты
Что не извели досель ни я, ни ты.
Вставай: у нас с тобою путь один,
Дай руку мне. Доверься мне. Иди.

В рассветном озаренье представала — Шиллер Ф. Смерть Валленштейна. Пер. Н.А. Славтинского; англичане знают эти строки в переводе Сэмюэла Тейлора Кольриджа.

Г.К. Честертон (1874–1936) — известный английский писатель, автор серии рассказов об отце Брауне. Был очень высоким и толстым.

Трогмортон-стрит — улица в лондонском Сити, на которой расположена Лондонская фондовая биржа.

Гадаринские свиньи — Лк. 8:26–39.

...капитан моей души. — строка из стихотворения Уильяма Эрнста Хенли *Invictus* (пер. В.Рогова).

Сомс Форсайт — персонаж романа Д.Голсуорси «Сага о Форсайтах».

Сэр Уилоби Паттерн — персонаж романа Дж. Мередита «Эгоист».